

FILOZOFICKÁ FAKULTA
UNIVERZITA MATEJA BELA V BANSKEJ BYSTRICI

Slavica Beliana

*výzvy a perspektívy súčasnej slavistiky v oblasti výskumu
jazyka, prekladu, literatúry a kultúry*

***Zborník príspevkov
medzinárodnej vedeckej konferencie***

2026

 ELIANUM

FILOZOFICKÁ FAKULTA
UNIVERZITA MATEJA BELA V BANSKEJ BYSTRICI

Slavica Beliana

*задачи и перспективы современной славистики в области исследования
языка, перевода, литературы и культуры*

*Сборник докладов
международной научной конференции*

А Б В Г Д Е Ж З
И Й К Л М Н О П
Р С Т У Ф Х Ц Ч
Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

2026

 BELIANUM

Recenzovaný zborník konferenčných príspevkov prezentovaných dňa 4. februára 2026 na akademickej pôde Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici (Slovensko) v rámci 2. ročníka **Medzinárodnej vedeckej konferencie Slavica Beliana**, organizovanou Katedrou slovanských jazykov FF UMB. Základnú tému konferencie predstavovali výzvy a perspektívy súčasnej slavistiky v oblasti výskumu jazyka, prekladu, literatúry a kultúry.

Za obsahovú a výrazovú stránku príspevkov, cudzojazyčných textov, abstraktov a zoznamu literatúry zodpovedajú autori príspevkov.

Рецензируемый сборник докладов, представленных 4 февраля 2026 г. на академической площадке философского факультета Университета им. Матея Бела в г. Банска Бистрица (Словакия) в рамках 2-ой **Международной научной конференции Slavica Beliana**, организованной кафедрой славянских языков ФФ УМБ. Основная тема конференции: *вызовы и перспективы современной славистики в области исследования языка, перевода, литературы и культуры.*

Ответственность за содержание и формулировки статей, текстов на иностранных языках, аннотаций и списка литературы несут авторы статей.

Zostavovatelia (Составители)

Mgr. Igor Cintula, PhD.
doc. Viktoriia Kniazkova, CSc.
Mgr. Simona Nagyová

Recenzenti (Рецензенты)

prof. PhDr. Ľubomír Guzi, PhD.
prof. PhDr. Andrea Grominová, PhD.
doc. PhDr. Lukáš Gajarský, PhD.

Grafická úprava (Графическое оформление)

Mgr. Igor Cintula, PhD.

Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici

Vydanie prvé, 2026, 451 strán

ISBN 978-80-557-2330-3

<https://doi.org/10.24040/2026.9788055723303>

Táto publikácia je šírená pod licenciou Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY (uviedenie autora).

Slavica Beliana

Obsah / Содержание

literárna veda / литературоведение

Борис Ланин: Дистопический город в литературе: Оруэлл и Сорокин.....	8
Mateusz Jaworski: Дистопия как попытка преодоления имперского дискурса в новейшей русской прозе.....	18
Оксана Валентинівна Темна: Вплив війни на особливості розвитку документальної літератури в Україні (2022-2025 роки)	27
Алена Олеговна Малафеева: Гендерная метафизика Зинаиды Гippiус: единство философской мысли и художественного слова.....	37
Patrik Lekeš: K otázke ženských hrdiniek v tvorbe F. M. Dostojevského (psychologické sondy)	46
Ekaterina Borisova: Лев Славин и «человеческое измерение войны»: концепт <i>Homo empathicus</i> в советской военной прозе	60
Виктор Алексеевич Суханов: Надежда Серебряного века: культурная миссия Н. Я. Мандельштам в Ташкенте	69
Херонимо Перейра: Механизмы идентичности постсоветского рока: образы и фольклор в хоррор-панке группы Король и Шут	79
Anton Repoň: Sergej A. Jesenin: vývin básnickej individuality v svetle dvojitého jubilea.....	89
Viktoriia Kniazkova: Личная и коллективная травма в прозе пятой волны российской эмиграции.....	103
Мартин Лизонь: Поиск смысла или роковое заблуждение историка. Роман Дмитрия Быкова «Оправдание».....	116
Igor Cintula: Literárne dielo ako axiologické pole	128
Andrea Spišiaková: Ruský kultúrny kód a jazyk dystopického románu Trol Michala Hvoreckého.....	137

kulturológia / культурология

Natália Sadivová: Henri Troyat ako sprostredkovateľ ruskej kultúrnej pamäti vo francúzskej literatúre.....	147
Marianna Figedyová: Adaptácia ruskej drámy na scéne Slovenského národného divadla (Maxim Gorkij – Vassa)	156
Terézia Seresová: Ruská emigrácia na Slovensku	164

didaktika / дидактика

Josef Dohnal, Tat'jana Zaňko: Od předpokladů k realitě: jak čeští studující rusistiky vnímají 1. semestr studia.....	174
Lenka Odehnalová: Proměny výuky ruského jazyka v prostředí Univerzity obrany v letech 2019 – 2025.....	182
Dominik Vančo: Cyrilo-metodská tradícia v literatúre pre deti a mládež (didaktický aspekt)....	195
Дилдора Тохировна Акмалова: Методические условия формирования управленческой компетентности будущих учителей русского языка через освоение технологий управления дискурсом.....	206
Мирзакбарова Севда Вахиддиновна: Научно-методические основы формирования интегрированных компетенций у студентов нефилологического профиля в условиях современного образовательного процесса по русскому языку как иностранному	214
Азамат Серикович Нурсеитов: Инновационный потенциал и эффективность геймификации как интерактивной технологии обучения студентов вузов РКИ.....	226
Svitlana Shekhavtsova: Osobitosti výučby slovanských jazykov na základe lexikálnej medzijazykovej homonymie	235

lingvistika / лингвистика

Mirosław Jankowiak: Nowe badania w zakresie dialektów wschodniosłowiańskich w Unii Europejskiej	244
Ян Галло: Критический дискурс-анализ текста: современное состояние и перспективы исследования	257
Viktória Liashuk: Национальный и литературный языки в динамике идиомов: словацко-славянская специфика.....	273
Ольга Евгеньевна Ермачкова, Анна Юрьевна Ширяева: Новая фразеология в русскоязычных рилсах.....	283
Артём Олегович Клименко, Ольга Евгеньевна Ермачкова: Концепт «победа» в современном спортивном медиадискурсе (на материале русского, украинского и словацкого языков)	292
Андрей Михайлович Шахворостов: Особенности метафорических словосочетаний в научно-технической отрасли (на материале русскоязычного IT-дискурса)	305
Анджей Нарлох: Underground linguistic landscape: славянские надписи в периферийных пространствах Польши как вызов для современной славистики.....	319
Fedor B. Lyudogovskiy: Cirkevná slovančina v prvej štvrtine 21. storočia: problémy opisu a fungovania.....	331
Ольга Дьолог: “Паляниця” як інструмент ідентифікації та спротиву в українських воєнних мемах.....	338
Олег Владимирович Тищенко, Ольга Вячеславовна Тер-Аванесова: Стилистические и этнокультурные особенности повторов в словацком, русском и украинском песенном фольклоре.....	350

Саодат Иномджоновна Казакбаева: Сравнительная-сопоставительная характеристика речевого акта «прощания» в деловом общении	360
Гигла Джинджолия: Языковая рефлексия по поводу актуальности и неактуальности слов (корпусные данные)	366
Клара Кормутова: Эвфемизация и языковая нейтрализация конфликта в современном русском дипломатическом дискурсе.....	380
Вера Людоговская: Медиапроект «Последнее слово» как корпус политической речи: возможности для исследования и преподавания	392
Наталія Кальниченко: Пропозиція міжкультурного англо-українського навчального словника епонімів	400
<i>translatológia / транслатологія</i>	412
Viktória Štvrtáková: Príprava budúcich tlmočníkov pre medicínsky diskurz na slovenských univerzitách: aktuálny stav a perspektívy.....	413
Nikoleta Mertová: Konceptuálna metafora v koncepcii vzdelávania budúcich translatológov (na príklade prekladu slovenských a ruských metaforických termínov z oblasti anatómie a medicíny)	421
Zuzana Kunecová: Špecifiká prekladu ekonomického textu neprofesionálnym prekladateľom	432
Олександр Кальниченко: Відновлення забутих основ: Олександр Фінкель та українські витoki перекладознавства.....	442

Slavica Beliana

2026

literárna veda

литературоведение

А Б В Г Д Е Ж З
И Й К Л М Н О П
Р С Т У Ф Х Ц Ч
Ш Щ Ъ Ы Ь

ДИСТОПИЧЕСКИЙ ГОРОД В ЛИТЕРАТУРЕ: ОРУЭЛЛ И СОРОКИН¹

Борис Ланин

Институт восточнославянских филологий, Университет имени Адама Мицкевича
Познань, Польша

Аннотация: В статье рассматривается образ дистопического города как центральная пространственная и идеологическая конструкция в литературе дистопии с особым вниманием к русской и европейской традициям. Опираясь на произведения Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Евгения Замятина, Джорджа Оруэлла и Владимира Сорокина, автор утверждает, что город постепенно вытесняет фигуру диктатора, становясь основным агентом власти. Используя концепции дисциплинарной и биополитической власти Мишеля Фуко, а также различие между гладким и заштрихованным пространством, предложенное Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари, в статье анализируется функционирование городского пространства как механизма контроля, нормализации и подавления памяти и различия. Особое внимание уделяется утопическим городам, которые обнаруживают дистопические черты *avant la lettre*, где насилие маскируется рациональностью, гармонией и знанием. Анализ показывает, что в современных дистопиях, в частности в романе В. Сорокина «День опричника», городское пространство становится полностью заштрихованным, устраняя не только свободу, но и саму возможность сопротивления. Дистопический город предстает как тотальная пространственная машина, в которой власть, ритуал, язык и тело образуют единое целое, превращая город в прозрачную тюрьму без видимых стен.

Ключевые слова: дистопический город, утопия и дистопия, городское пространство, власть и контроль, гладкое и заштрихованное пространство.

THE DYSTOPIAN CITY IN LITERATURE: ORWELL AND SOROKIN

Abstract: This article examines the figure of the dystopian city as a central spatial and ideological construct in literary dystopias, with a particular focus on Russian and European traditions. Drawing on the works of Thomas More, Tommaso Campanella, Yevgeny Zamyatin, George Orwell, and Vladimir Sorokin, the study argues that the city gradually replaces the figure of the dictator as the primary agent of power. Using Michel Foucault's concepts of disciplinary and biopolitical power, as well as Gilles Deleuze and Félix Guattari's distinction between smooth and striated space, the article analyzes how urban space functions as a mechanism of control, normalization, and the suppression of memory and difference.

¹ This research was funded in whole or in part by Narodowe Centrum Nauki Reg. nr 2022/47/B/HS2/01244. For the purpose of Open Access, the author has applied a CC-BY public copyright license to any Author Accepted Manuscript (AAM) version arising from this submission

Special attention is paid to utopian cities that reveal dystopian tendencies *avant la lettre*, where violence is masked by rationality, harmony, and knowledge. The analysis demonstrates that in contemporary dystopias, particularly in Sorokin's *Day of the Oprichnik*, urban space becomes fully striated, eliminating not only freedom but even the conceptual possibility of resistance. The dystopian city is shown to be a total spatial machine in which power, ritual, language, and the body are fully integrated, transforming the city into a transparent prison without visible walls.

Keywords: dystopian city, utopia and dystopia, urban space, power and control, smooth and striated space.

В современных дистопиях исчезает образ Старшего Брата, Диктатора. Вместо него утверждается Город: заштрихованное пространство, отрицающее память и вообще право на воспоминание. Город не разговаривает, не вступает в диалог, понимаемый как общение равных. Он общается в императивном модусе, в городе либо доносят, либо отдают приказы.

Утопические города Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, прочитанные сквозь призму фукодианского анализа власти и пространства, перестают выглядеть как проекты освобождения. Напротив, они обнаруживают в себе все основные черты того, что в XX веке получит название антиутопии или дистопии. Их опасность заключается не в жестокости или репрессиях, а в отсутствии видимого насилия. Это общества, в которых принуждение замаскировано под разум, знание и общее благо.

Главная иллюзия утопии состоит в том, что она обещает гармонию через устранение конфликта. Однако, как показывает анализ пространственной организации этих городов, конфликт устраняется не путём диалога или свободы, а путём устранения различия как такового. В утопии невозможно быть иным, потому что само пространство организовано так, чтобы любое отличие становилось аномалией.

В «Утопии» Мора эта логика проявляется в предельной пространственной однородности. Одинаковые города, дома, улицы и распорядки дня формируют общество, где норма не нуждается в артикуляции: она встроена в саму геометрию повседневности. Здесь не требуется постоянный надзор, поскольку каждый уже научен наблюдать за собой. Это не общество свободы, а общество успешно интериоризированной дисциплины. Тюрьма становится ненужной, потому что весь город функционирует как дисциплинарное учреждение.

«Город Солнца» Кампанеллы развивает эту тенденцию. Если у Мора власть действует через рациональную организацию пространства, то у Кампанеллы она

приобретает форму сакрализованного знания. Пространство города становится не просто средой жизни, а тотальным дискурсом, из которого невозможно выйти. Стены, покрытые изображениями наук и космоса, не оставляют места для незнания, сомнения или альтернативной интерпретации мира. Знание в Городе Солнца не освобождает, а подчиняет. Оно не открыто для критики, поскольку освящено космическим порядком. В результате субъект лишается не только приватности, но и внутреннего пространства мысли. Здесь уже невозможно даже мысленное сопротивление.

Особенно показателен биополитический характер этого проекта. Это та форма власти, которую Мишель Фуко позже опишет как биовласть — власть, управляющую не смертью, а жизнью. Кампанелла, стремясь к совершенству человеческого рода, фактически лишает человека права на телесную автономию. Чем более прозрачно общество, тем меньше в нём пространства для свободы. Чем рациональнее порядок, тем труднее его оспорить.

Фуко настаивал, что там, где власть тотальна, сопротивление не исчезает, но становится невидимым. В утопических городах Мора и Кампанеллы сопротивление практически немислимо, поскольку нет внешнего пространства, нет альтернативного дискурса, нет «другого места». Утопия устраняет не только преступление, но и инаковость как таковую.

Общество, лишённое конфликта, лишено и свободы. Гармония в нем достигается ценой молчания. Счастье — ценой отказа от выбора. Идеальный город оказывается прозрачной тюрьмой, в которой стены не видны, потому что они совпадают с нормой, знанием и разумом.

Таким образом, утопии Мора и Кампанеллы можно рассматривать как антиутопии *avant la lettre* — тексты, которые непреднамеренно демонстрируют, к чему приводит стремление к абсолютному порядку. Общество, претендующее на идеальность, неизбежно стремится устранить всё, что делает человека человеком: случайность, ошибку, различие и свободу быть иным.

Дистопический город может быть проанализирован с помощью терминов, введенных Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари в их работе «Тысяча плато» (2010).

Понятия «штрихованное пространство» (*striated space*) и «гладкое пространство» (*smooth space*) обосновываются в книге, чья основная идея заключается в концепции «ризомы» — нелинейной многослойной структуры, которая противопоставляется традиционным иерархическим моделям мышления. Эти концепты используются для описания различных типов организации пространства и взаимодействия внутри него.

Гладкое пространство (Smooth space) символизирует свободу, творчество, возможности для нового и неизвестного. Это пространство утопических мечтаний и воплощений, где субъекты могут действовать без жестких правил и ограничений. В романе Евгения Замятина «Мы» гладкое пространство отгорожено Зеленой Стеной. Там обретают свое короткое счастье Д-503 и его возлюбленная I-330.

Штрихованное пространство (Striated space) можно увидеть в городах, архитектурных комплексах, границах государств или в строго организованных системах. Штрихованное пространство ассоциируется с властью, порядком, ограничением и разделением. Это пространство контроля и дисциплины, регулирующее действия людей через правила и ограничения. Это пространство дистопии.

Делёз и Гваттари подчеркивают, что гладкое и штрихованное пространство не существуют в чистом виде, но всегда находятся в сложном взаимодействии. В контексте антиутопий это напряжение проявляется, когда либо штрихованное пространство усиливается и контроль становится тотальным (например, как в «1984» Джорджа Оруэлла), либо гладкое пространство угрожает исчезнуть: личное пространство свободы и автономии съезживается, уменьшаясь.

Многие утопии разворачиваются в деревне, на природе, однако дистопия – жанр городской. Это связано с идущим еще от Николая Гоголя и Федора Достоевского ощущения одиночества и отчужденности, охватывающим человека в новых промышленных городах. Протагонист в дистопии всегда одинок. Урбанистические пейзажи в дистопиях противопоставлены гимну природы, открывающейся для покинувшего дистопийные декорации героя.

Дистопийный город – это ещё и царство звуков и запахов. Оглушающие марши в *Мы* Замятина и закруживший смертника Цинцинната Ц. и начальника тюрьмы вальс в *Приглашении на казнь* Владимира Набокова позже превратятся в башни-глушилки на *Обитаемом острове* Аркадия и Бориса Стругацких и праздничный концерт, который цензурирует герой Владимира Сорокина чекист Комяга, так насыщенно проживший свой день опричника. Запах духов, которыми однажды воспользовалась возлюбленная Д-503 и бьющий в нос омерзительный джин «Победа», единственный доступный для Уинстона Смита алкоголь, – вот обонятельные полюса дистопийного города, его парфюмерная атмосфера.

Роман Владимира Сорокина *День опричника* изображает Россию будущего, стилизованную под архаичное царство с опричниной, но насыщенную высокими

технологиями. Город в этом тексте — не просто место действия, а тотальная пространственная машина власти, в которой дисциплина, насилие и надзор пронизывают повседневность.

В отличие от классических утопий и антиутопий XX века, у Сорокина нет чётко очерченного «государственного проекта», рационально объясняющего порядок. Дистопия здесь основана на синтезе архаики и модерна, что делает её особенно фукодианской: власть не оправдывает себя разумом, она ритуализирована, телесна и повседневна.

Город в *Дне опричника* — это пространство, где насилие демонстративно; контроль персонализирован; норма поддерживается не законом, а страхом и привычкой. Город Сорокина — это радикально заштрихованное пространство. Оно сегментировано, иерархизировано, насыщено знаками власти, постоянно наблюдаемо. Город разделён на зоны: 1) Кремль и резиденции власти, 2) территории опричников, 3) пространства «простых» горожан, зоны насилия (казни, расправы), закрытые элитные пространства (бани, пиры). Переход между этими зонами возможен только по праву силы или статуса. Пространство перестаёт быть общим — оно принадлежит власти и распределяется ею.

Фуко подчёркивал, что дисциплинарная власть стремится сделать субъекта видимым. У Сорокина это доведено до предела: казни публичны, унижение демонстративно, тела жертв выставлены напоказ. Это театр власти, ближе к суверенной модели наказания, но встроенный в повседневность.

Может показаться, что гладкое пространство в романе отсутствует. Однако оно существует, только в извращённой форме. Для опричников пространство кажется гладким. Ведь они свободно перемещаются, могут нарушать любые границы, не подчиняются закону. Но эта гладкость — привилегия, а не свобода. Она существует только внутри абсолютной лояльности власти. Это не пространство бегства, а пространство тотального насилия.

Коллективные омовения и оргии, пиры — это псевдогладкие пространства, где временно исчезает иерархия, растворяется индивидуальность, отключается рефлексия. Здесь тело не освобождается, а ещё глубже встраивается в дисциплинарную систему.

Сорокин радикально смешивает две модели власти, описанные Фуко. Суверенная власть проявляется через публичные казни, телесные наказания, личную волю государя, демонстративное насилие. Дисциплинарная власть реализуется через регламентацию повседневности, нормализацию поведения, идеологическое

производство лояльности, внутреннее принятие страха как нормы. Суверенная жестокость встроена в дисциплинарную рутину. Казнь — не исключение, а рабочий процесс.

Надзор у Сорокина персонализирован (каждый опричник всегда конкретен, имеет свою кличку), агрессивен, телесно ощутим. Этот надзор не прячется, потому что не нуждается в легитимации. Он не дисциплинирует — он подавляет.

Ключевой момент у Сорокина — нормализация ужаса. То, что должно шокировать, становится обыденным. Насилие включено в распорядок дня, страх превращается в социальный клей, мораль исчезает как категория.

Фуко писал, что самая эффективная власть — та, которая становится незаметной. У Сорокина — следующий шаг: власть настолько очевидна, что перестаёт осознаваться как нечто исключительное.

Дистопический город в *Дне опричника* — это не город будущего, не аллегория прошлого, а радикальная форма настоящего, доведённого до логического конца.

Заштрихованное пространство полностью подавляет гладкое. Любая попытка свободы либо немедленно уничтожается, либо превращается в форму лояльности. В фукодианском смысле это общество, где власть больше не нуждается в оправдании; наказание становится ритуалом; надзор совпадает с наслаждением.

В романе Владимира Сорокина *День опричника* гладкое пространство отсутствует не случайно и не как художественный недочёт. Его отсутствие — ключевой признак радикальной дистопии. Если в утопиях и ранних антиутопиях гладкое пространство ещё сохраняется как остаток свободы, природа или внутренний побег, то у Сорокина уничтожена сама структурная возможность гладкости.

Гладкое пространство предполагает возможность движения без санкции, неучтённость, неопределённость, незакреплённость за функцией, потенциальную линию бегства.

Сорокин показывает не просто антиутопию, а конец утопического мышления как такового. Если у Мора и Кампанеллы дисциплина маскировалась под разум и гармонию, то у Сорокина маски сброшены. Город — это открытая рана, в которой власть и насилие больше не нуждаются в прикрытии.

Пространство полностью заштриховано властью, Пространство у Сорокина не рационально дисциплинарное (как у Фуко), а ритуально-тоталитарное. Каждое место имеет функцию, принадлежит иерархии, связано с насилием или лояльностью, несёт символ власти. Даже «пиры», «бани», «развлечения» — это не зоны расслабления,

а пространства воспроизводства подчинения. Они не размывают власть, а усиливают её.

Это не линия бегства, а привилегированный коридор власти. Опричник свободен быть абсолютно лояльным.

У Делёза и Фуко тело часто остаётся последним убежищем гладкости. В нем скрыто желание, боль, удовольствие, болезнь, смерть. У Сорокина тело публично, инструментализировано, подвергнуто ритуалу, лишено интимности. Даже удовольствия (наркотики, оргии) — это форма контроля. Тело не ускользает от власти, а ещё глубже в неё погружается. Следовательно, гладкое телесное пространство уничтожено.

У Сорокина язык архаизирован и ритуализирован. В нем клише вытесняют рефлексию, ирония невозможна. Гладкое пространство возможно и в мышлении — через сомнение, иронию, расхождение слов и вещей. Однако в *Дне опричника* мышление не выходит за пределы власти, потому что сам язык принадлежит ей. Это принципиально антиутопический момент: уничтожено не только пространство бегства, но и пространство мысли. В 1984 есть внутренняя речь Уинстона, любовь как форма бегства, память, мечта, есть надежда. Это формы гладкого пространства — минимальные, но существующие. В *Дне опричника* нет внутреннего монолога сопротивления, любовь отсутствует, память фрагментарна, мечта не артикулируется. Новояз у Оруэлла ограничивает мышление, но ещё не полностью победил. Уинстон способен мыслить вне новояза, даже если это опасно. Итак, даже у Оруэлла есть язык сопротивления — у Сорокина язык принадлежит власти целиком.

Если у Мора гладкость подчинена, у Кампанеллы сакрализована, у Оруэлла вытесняема, у Хаксли симулируется, то у Сорокина она уничтожена как возможность.

Город Сорокина — это пространство без выхода, без края, не общество контроля и не общество дисциплины, а общество тотального присутствия власти, где свобода больше не мыслится даже как утрата.

Сравнение 1984 Джорджа Оруэлла и *Дня опричника* Владимира Сорокина показывает принципиальный сдвиг в самой логике антиутопии. Оруэлл описывает общество тотального контроля, но сохраняет пространство утраты, боли и сопротивления.

В «1984» свобода уничтожена, но она помнится, она желанна, она мыслится как утраченная. Уинстон Смит страдает именно потому, что знает: могло быть иначе. Память о другом мире — источник боли и сопротивления. У Оруэлла есть утрата

свободы — у Сорокина о свободе никто и не помнит. У Сорокина нет памяти иного, нет языка для «иначе», нет ностальгии по свободе. Герои не чувствуют утраты — они не знают, что что-то утрачено. Это и есть радикальный сдвиг: власть не отнимает свободу, а предотвращает её появление как понятия.

У Оруэлла тело сопротивляется — у Сорокина тело соучаствует. У Оруэлла тело Уинстона ломают, боль — форма подавления, тело — последнее убежище истины. У Сорокина тело наслаждается, тело включено в ритуал удовольствие — форма подчинения. Это принципиально биополитический сдвиг: власть не подавляет тело, а производит через него лояльность. Удовольствие становится эффективнее боли.

У Оруэлла есть трагедия — у Сорокина фарс. Оруэлл — трагичен. Мы видим падение субъекта, слом личности, катастрофа. У Сорокина насилие банально, зло обыденно, а трагедия растворена в повторе. Фарс страшнее трагедии, потому что он не оставляет места катарсису.

Хотя все характеристики личностного поведения могут быть отнесены и к городу как таковому, необходимо представить себе его в целом. Трудности возникают потому, что город — понятие изначально географическое, и только потом — социальное и антропологическое. Возникнув в качестве защитной крепости, город в индустриальную эпоху начинает неостановимо расширяться, вырываясь из крепостных стен и включая в себя окружающие деревни, откуда появляются новые горожане, так сказать, горожане в первом поколении. Границы города постоянно изменяются, однако представление о его границах остается осмысленным. Город — это территория, которая в данный момент времени находится в границах, осознаваемых горожанами. В дистопии границы территорий носят флюидный характер. Они живут своей жизнью, порой неожиданно возникая буквально на пустом месте, иногда передвигаясь вовнутрь страны — в свое пространство, а порой хищнически захватывая иные земли и территории.

Вообще, границы в дистопии — зона, вокруг которой катализируется романский сюжет. Городские границы зачастую оказываются зримым свидетельством несвободы героя-протагониста. Именно с границами оказываются связаны различные инициации и другие ритуалы.

Превращение дистопического города в State of Exception часто начинается с запрета на пересечение границ (территориальные ограничения) и с введения комендантского часа (экспроприация времени). «Под знаком незаконорожденных»

и «Бледное пламя» Владимира Набокова – как раз и превращают наступление на права и свободы человека в трагическую цепь сюжетных событий.

Зародившись в романе Е. Замятина, найдя свое продолжение в «Приглашении на казнь» В. Набокова, полузабытом «Тресте Д.Е.» Ильи Эренбурга, «Чевенгуре» и «Котловане» Андрея Платонова, получив невероятное ускорение и выйдя на новую орбиту после «1984» Дж. Оруэлла, русский дистопический город обрел своих подлинных строителей, отстраивавших не только центр, но и городскую периферию. Это были братья А. и Б. Стругацкие, а затем подхватившие эстафету Виктор Пелевин и Владимир Сорокин.

Хоть дистопия и не «обязана» по своему жанровому заданию заглядывать в будущее – ей более присущ взгляд на современную жизнь сквозь мрачные серо-черные очки – в лучших образцах она пронзает время и, проделав временную петлю, разворачивает перед читателем неизбежность перемен.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что дистопический город в литературе выступает не просто фоном или местом действия, но ключевым онтологическим и политическим субъектом антиутопического нарратива. Эволюция жанра демонстрирует смещение акцента от персонифицированной фигуры диктатора к пространству как автономному носителю власти. Город в дистопии функционирует как тотальная машина нормализации, в которой архитектура, ритуал, язык, телесные практики и повседневные режимы образуют единую систему подчинения.

Анализ утопий Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы показывает, что истоки дистопического мышления заложены уже в классических проектах идеального города, где насилие маскируется рациональностью, знанием и идеей общего блага. Использование фукодианской оптики позволяет выявить биополитический характер этих пространств, в которых контроль осуществляется не через репрессию, а через интериоризацию нормы. Концепты гладкого и заштрихованного пространства Делёза и Гваттари позволяют описать динамику свободы и её вытеснения в антиутопиях XX – XXI веков.

Радикальная дистопия, представленная в романе В. Сорокина *День опричника*, демонстрирует предельную форму заштрихованного пространства, где уничтожена не только свобода, но и сама возможность её воображения. Таким образом, дистопический город предстает как финальная стадия утопического проекта, доведённого до логического и антропологического предела.

Список литературы

- ДЕЛЕЗ, Ж., ГВАТТАРИ, Ф. 2025. *Капитализм и шизофрения. Т. 2: Тысяча плато.*
Перевод Яна СВЕРСКОГО. Москва: Рипол классик. 763 с. ISBN 978-5-386-15310-6
- ФУКО, М. 2004 (1984). *Использование удовольствий. История сексуальности. Т.2.*
Перевод Виктора КАПЛУНА. Санкт-Петербург: Академический проект, 432 с. ISBN 5-7331-0304-1
- ФУКО, М. 1999 (1975). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы.* Перевод
Владимира НАУМОВА под редакцией Ирины БОРИСОВОЙ. Москва: Ad Marginem,
479 с. ISBN 5-93321-010-2

Борис Ланин / Boris Lanin

Профессор, доктор филологических наук

Professor, Doctor of Philology

Университет имени Адама Мицкевича в Познани

Улица Венявского, 1, 61-712 Познань, Польша

1 Wieniawskiego Street, 61-712 Poznań, Poland

Email: borial2003@gmail.com / borlan@amu.edu.pl

ORCID 0000-0001-5542-7616

ДИСТОПИЯ КАК ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ИМПЕРСКОГО ДИСКУРСА В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ²

Mateusz Jaworski

Университет им. Адама Мицкевича в Познани
Познань, Польша

Аннотация: В статье предлагается контекстуальный анализ новейших романов Виктора Пелевина в перспективе постколониальной теории, при котором дистопия рассматривается как литературная стратегия критического осмысления и преодоления имперского дискурса в современной русской прозе. Опираясь на теоретические концепции Эдварда В. Саида, Эвы М. Томпсон и Александра Эткинда, исследование показывает, каким образом трансгуманистическая дистопическая пенталогия Пелевина переосмысливает культурное наследие русского литературного канона и выявляет его роль в формировании насильственной национальной идентичности. В статье утверждается, что дистопическая вселенная Пелевина функционирует не только как проекция мрачного будущего, но и как метатекстуальная лаборатория, в которых писатель критически перерабатывает российскую культурную память. Центральное место в анализе занимает металитературная рефлексия Пелевина о насильственном характере канонических текстов, в частности через образ алгоритма, обученного на русской классической литературе, а также через прямое обращение к роману *Преступление и наказание* как фрактальному воплощению национального духа. Романы изображают технологически развитое, но глубоко неравное будущее, в котором имперские модели господства сохраняются в новых, трансгуманистических условиях. Соединяя дистопическую поэтику, постмодернистскую иронию и постколониальную критику, Пелевин ставит под сомнение детерминистские трактовки культурной традиции и предлагает возможность индивидуальной творческой субъектности за пределами бремени имперского наследия. В заключение делается вывод, что дистопия Пелевина, несмотря на ее мрачную диагностику российской культурной истории, в конечном счете указывает на сдержанный оптимизм, подчеркивая потенциал переосмысления идентичности и будущего вне ограничений, навязанных каноническим насилием.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, дистопия, постколониальная теория, русский литературный канон, имперский дискурс.

DYSTOPIA AS AN ATTEMPT TO OVERCOME IMPERIAL DISCOURSE IN CONTEMPORARY RUSSIAN PROSE

Abstract: This article offers a contextual analysis of Viktor Pelevin's most recent novels through the lens of postcolonial theory, focusing on dystopia as a literary strategy for interrogating and overcoming imperial discourse in contemporary Russian prose. Drawing

² This research was funded in whole or in part by Narodowe Centrum Nauki Reg. nr 2022/47/B/HS2/01244.

on theoretical frameworks developed by Edward W. Said, Ewa M. Thompson, and Alexander Etkind, the study examines how Pelevin's transhumanist dystopian pentalogy reworks the cultural legacy of the Russian literary canon and exposes its role in shaping a violent national identity. The paper argues that Pelevin's dystopian universes function not merely as dystopian projections but as metatextual laboratories in which the writer critically processes Russian cultural memory. Central to this analysis is Pelevin's metaliterary reflection on the coercive power of canonical texts, particularly through the figure of an algorithm trained on Russian classical literature and the explicit engagement with *Crime and Punishment* as a fractal representation of the national spirit. The novels depict a technologically advanced yet deeply unequal future in which imperial patterns of domination persist under new, transhumanist conditions. By combining dystopian poetics, postmodern irony, and postcolonial critique, Pelevin challenges deterministic readings of cultural tradition and suggests the possibility of individual creative agency beyond the burden of imperial heritage. The article concludes that Pelevin's dystopia, while grounded in a bleak diagnosis of Russian cultural history, ultimately gestures toward a cautious form of optimism, emphasizing the potential to reimagine identity and future outside the constraints imposed by canonical violence.

Key words: Viktor Pelevin, dystopia, postcolonial theory, Russian literary canon, imperial discourse.

Мир литературы, по аналогии с окружающей нас социальной и политической реальностью, мы привыкли делить на категории и проводить границы между текстами и их авторами. Это разделение принимает различные формы – от классического деления на литературные роды и жанры, через вертикальную классификацию на высокую и низкую (массовую) литературу, вплоть до наиболее распространенного сегодня каталогизирования произведений по национальным корпусам. По меньшей мере на протяжении последних двухсот лет мы научились эффективно отделять «свое», родное, от Иного, то есть проводить границы, в рамках которых литературные тексты не только создаются по-разному, но и по-разному читаются. Филология — или, в более широком смысле, гуманитарные науки – разделилась на племена и народы, которые все более герметично окапываются в собственном идиолекте (Tokarczuk, 2017, с. 261-289). Именно такой подход привел к тому, что для значительной части общественного мнения стало самоочевидным мышление в жестких категориях национальной культуры/национальной литературы, в рамках которых все тексты, входящие в канон, разделяют не только лавры успеха и статус, но и коллективную ответственность за реальность нации, которую они, несомненно, со-создают.

Приведенное выше введение к моим размышлениям, по-видимому, позволяет объяснить необычайную популярность целых школ интерпретации национальных

литератур, в том числе – и прежде всего в последние годы – постколониального метода. Ретроспективное прочтение прошлого с позиции настоящего, «новое» прочтение литературного канона и переосмысление самого понятия национальной идентичности — лишь некоторые элементы этого способа восприятия культуры, начало которому положила уже ставшая культовой книга Эдварда У. Саида *Orientalism* (1978). Этот американский исследователь палестинского происхождения – в том числе в силу собственного жизненного опыта – чрезвычайно четко фиксировал смещение агентности (*agency*) и права на собственный голос с периферии (субалтерна) в сторону центра (метрополии) (Said, 1979, с. 20–21). В данном случае история и культура Востока (Ориента) в англосаксонском дискурсе, по его мнению, не были отражены, но лишь реконструированы или сконструированы заново: «In any instance of at least written language, there is no such thing as a delivered presence, but a re-presence, or a representation» (Said, 1979, с. 21). Публикация Саида вызвала целую лавину переосмыслений и новых прочтений, в рамках которых исследователи – с большей или меньшей степенью убедительности – демаскировали изощренные идеологические приемы империи³.

Мода на подобные прочтения классических текстов литературы не обошла стороной и русский канон. Без сомнения, наибольшие заслуги в этом направлении следует приписать Эве М. Томпсон и Александру Эткинду, которые исследовали империализм русской культуры соответственно с внешней перспективы (Томпсон) и «изнутри» (Эткинд). В последние годы – в особенности в связи с решением Кремля об аннексии Крыма в марте 2014 года и нападением на территорию независимой Украины в феврале 2022 года – анализ русской литературы в контексте империализма и постимпериализма (или колониализма и постколониализма) стал одной из центральных задач славистов, занимающихся данным сегментом мировой культуры.

Следует, однако, отметить, что уже в 2000 году Ева М. Томпсон в своей монографии *Imperial Culture: Russian Literature and Colonialism* указала ключевой отличительный признак имперских практик России как в историческом, так и в культурном измерении – непрерывное ведение военных действий, сопровождаемое параллельным процессом их оправдания. Именно это, по ее мнению, привело к тому,

³ Развёрнутую картину данной проблемной области предлагает Ания Лумба в своей монографии *Postcolonialism/Colonialism*. См. A. LOOMBA. 2015. *Colonialism/Postcolonialism*. London and New York: Routledge.

что российский империализм оказался неспособным «уйти от пушек и солдат» и выработать новые идеи (Thompson, 2000, с. 19). Польско-американская исследовательница выдвигает в книге также тезис о неотъемлемости и повсеместном присутствии военной тематики в классическом русском каноне XIX века (Thompson, 2000, с. 45). Примечательно, что, по Томпсон, данное явление сопряжено с конструированием имманентно оборонительного характера русской литературы, а также «ее уникальной глубины и способности выслушивать обиды и несправедливости, связанные с судьбой, климатом и враждебным Иным» (Thompson, 2000, с. 44). Несмотря на то что мне трудно согласиться с рядом тезисов, продвигаемых волной новых постимперских прочтений (таких как исключение русской культуры со страниц мировой истории, подчиненность литературы идеологической машине империи, проецирование военных действий и написание готовых сценариев для политиков), российский колониализм, вне всякого сомнения, остается проблемой, которую как восточноевропейская славистика, так и сама русская культура вынуждены подвергнуть серьезной рефлексии и переработке.

В последние годы наиболее интересным – наряду с литературой постпамяти (Михаил Шишкин, Сергей Лебедев, Евгений Водолазкин) – примером подобной работы скорби является трансгуманистический дистопический проект Виктора Пелевина. В последних пяти романах автор *Чаяева и Пустоты* последовательно исследует мрачные аспекты истории русской культуры и национальной идентичности, прибегая к инструментарию, предлагаемому одним из наиболее востребованных жанров современной художественной прозы. Дистопия у Пелевина – это не просто противоположность утопии, своего рода антимир по отношению к идеализированному образу реальности, сформированному русским каноном. Напротив, дистопия становится отрицанием самой идеи утопизма (McManus, Suvin, 2023, с. 289), а мрачный, поляризованный и корыстный мир Пелевина предстает тем, что сам русский прозаик называет «гипсовым искусством» в одном из своих более ранних романов:

– (...) Неважно – Бога, патриарха, царя, пророка. Одним словом, фигуру отца. Ему переломало все кости, и он мертв. Его надо скорее зарыть – но... Как это у Блока: «толстопузые мещане злобно чтут дорогую память трупа – там и тут». И вот, чтобы продлить себя и свое мещанство в будущее, толстопузые злобно заявляют, что Бог на самом деле жив, просто надо наложить на него гипс, и через несколько лет – пять, десять, двадцать – он оклемается. Они лепят гипсовый саркофаг вокруг

воображаемого трупа, выставляют вооруженную охрану и пытаются таким образом остановить время... Гипсовое искусство – это искусство, которое своим виртуальным молотом пытается разбить этот саркофаг. Или, наоборот, старается сделать его еще крепче (Пелевин, 2018, с. 40-41).

Реальность пенталогии Пелевина представляет собой *реализованную* дистопию, в которой человечество осуществило свою извечную мечту о бессмертии. Избранные индивиды достигли также второй из ключевых целей современной цивилизации⁴ – счастья, понимаемого как возможность непрерывного удовлетворения любых потребностей, в том числе духовных и глубоко религиозных. Романы Пелевина демонстрируют, что технологическое развитие *способно* привести человека к новой, нетелесной форме существования, в которой прежние тяготы бытия (такие, как голод или болезни) утрачивают свою актуальность. Синергия науки, вычислительных мощностей нейронных сетей и бизнеса *может* поставить человека в ситуацию, при которой он оказывается способен преодолеть собственные видовые ограничения.

Трансгуманистическая вселенная романов Пелевина, однако, не является миром всеобщего счастья, а населяющие ее персонажи не выглядят хотя бы в минимальной степени более удовлетворенными жизнью, чем современный человек. Биологическая трансгрессия оказывается здесь лишь мечтой, доступной крайне узкому кругу «счастливчиков». Хрустальный дворец всемогущей наднациональной корпорации Transhumanism Inc. (функционального аналога империй, известных нам из истории) открывает свои двери исключительно для богатейших, причем «арендная плата» за существование в нем многократно превышает возможности даже тех, кого читатель, вероятно, счел бы состоятельными. Тем самым русский писатель конструирует свой мир в соответствии с социальными и экономическими принципами, хорошо известными по предшествующей истории человечества, вводя изменения лишь в сфере биологических возможностей человека и его когнитивного потенциала. В этом контексте особенно продуктивным представляется анализ идеи национальной идентичности, а также потенциально возможных геополитических конфигураций.

Наряду с социоэкономическим инструментарием Пелевин в своем дистопическом будущем сохраняет и разделение мира на сферы влияния держав XX–

⁴ В сходном ключе об этом пишет и Юваль Ной Харари в своей книге *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Ср. Ю.Н. ХАРАРИ. 2018. *Homo Deus. Краткая история будущего*, пер. А. Андреевой, Москва: Издательство «Синдбад».

XXI веков, а также религиозные круги. Внимательный читатель без труда обнаружит в его романах функциональные эквиваленты современного Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая, Японии, конгломерата мусульманских государств, а также России. Несомненно, неслучайно в каждом из этих новых политических образований доминирует наиболее стереотипная черта, призванная описывать характер населяющей его социальной группы. Так, в USS (*United Safe Spaces*) ведущей оказывается логика прибыли; в Японии – гангстерская мораль якудза, соединенная с духовностью древних мастеров меча⁵. Россия же, в свою очередь, следует давно проложенному ею пути насилия, в частности удерживая мир в состоянии постоянного шантажа посредством оружия массового поражения – «кобальтового гейзера», чей радиационный потенциал, как утверждается режимом, способен уничтожить жизнь на Земле. В будущем российские власти выстраивают свою глобальную позицию на суррогате ископаемого топлива, вынуждая остальные государства платить за ветер, якобы произведенный на бескрайних просторах Сибири. Доброе Государство, номинально управляемое сердобол-большевиками, тем самым остается петрократией или петрогосударством (по терминологии Эткинды, предложенной им в книге *Russia Against Modernity*⁶).

С точки зрения моих предыдущих рассуждений ключевым аспектом анализа трансгуманистической вселенной является, однако, роль, которую культура выполняет в посредничестве между метрополией и перифериями, между властью и подчиненными ей гражданами. Одним из наиболее адекватных описаний данного механизма становится диалог главного героя третьей части пенталогии Пелевина – *Путешествия в Элевсин* (2023) – Маркуса с литературоведкой, призванной помочь ему осмыслить потенциальную угрозу, исходящую от алгоритма, обученного на корпусе текстов русской классической литературы. Указанной сцене предшествует инструктаж Маркуса с его непосредственным начальником из службы безопасности корпорации Transhumanism Inc., который подчеркивает, что алгоритм по имени Порфирий Петрович⁷ представляет собой колоссальную угрозу стабильности мира-симуляции, производимого корпорацией:

⁵ Очерченная здесь геополитическая ситуация в фиктивном мире романов Пелевина подробно описана в KGBT+. См.: В. ПЕЛЕВИН. 2022. KGBT+. Москва: Издательство «Эксмо».109–114.

⁶ См. А. ЕTKIND. 2023. *Russia Against Modernity*. Cambridge: Polity Press. 24-39.

⁷ Этот «следственно-литературный аглогитм» впервые появился в романе *iPhuck 10*. См. В. ПЕЛЕВИН. 2018. *iPhuck 10*. Москва: Издательство «Э». 9-10. К тому же данный герой-повествователь делит свое имя и отчество с одним из знаменитых персонажей *Преступления и наказания* (1866) Федора

- На каком языке он творит?
- На русском. Это нас и пугает.
- Почему?

– Вы слышали, наверное, про агрессивные имперские метастазы, излучаемые русской классикой. Логос в штатском, так сказать. Именно эти тексты имели в первоначальной тренировке Порфирия приоритет, потому что он был спроектирован именно как русскоязычный алгоритм. Мы считаем его имманентно опасным (Пелевин, 2023, с. 43).

Собеседница Маркуса отправляет его в путешествие к самым темным глубинам человеческой мысли (в соответствии с поэтикой постмодернизма Пелевин прибегает к приему буквализации метафоры: диалог персонажей разворачивается на дне морской бездны), чтобы обсудить с ним специфику русской национальной идентичности. По словам рыбы (такую форму симуляции героиня избрала в качестве способа искупления вины за неудачные, политически некорректные высказывания в своей деятельности литературного критика), любое произведение, признанное национальным шедевром, содержит в себе полноту его духа:

Литература есть отражение национального духа, а дух целостен и неделим. Он полностью выражает себя в каждом великом творении национальной культуры. В «Преступлении и Наказании» есть все, что нам нужно. (...) В каждом шедевре национального канона он виден целиком. Можно взять любой сигнатурный текст и сделать выводы на его основе. Они, как показывает опыт, будут весьма точны. Я называю это фрактальным рассечением (Пелевин, 2023, с. 67).

Пелевин из канона русской художественной словесности выбирает роман *Преступление и наказание*. Это произведение выстроено вокруг механизма объективации чувства вины, релятивизации совершенного (или лишь замышляемого) зла, а также безусловного насилия как орудия реализации идеи. Диагноз,

Достоевского. Об интертекстуальных связях текстов Пелевина писали многие критики. См. напр. О. ОСЬМУХИНА, А. МАРЬЮШКИНА. 2021. Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т». ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. 1(63). 195–201; Т. CENYS. 2019. Intertextual analysis of Viktor Pelevin's collection of novels Pineapple water for the Fair Lady. In: LITERATŪRA. 61(2). 97–109; Ю. ВЫСОЧИНА. 2016. Интертекст как языковая игра постмодернизма (на примере произведений Т. Толстой, Б. Акунина, В. Пелевина). В: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. 2. 161–165.

сформулированный фиктивным литературным критиком, во многом созвучен постимперским (деколонизирующим) интерпретациям, предложенным уже упоминавшейся Томпсон, а также размышлениям Михаила Эпштейна, который в своей последней книге выдвинул концепцию *русского антимира*⁸: «Русская душа провозглашает, что сначала отведет всех к недостижимым вершинам счастья и лишь затем отмоет кровушку и все отмоет» (Пелевин, 2023, с. 67).

Подобная оценка русского культурного наследия, сформулированная одним из его продолжателей (цепь интертекстуальных связей не оставляет в этом отношении никаких сомнений)⁹, может быть истолкована по-разному. Помимо буквального измерения такого жеста внимательный читатель должен заметить, что Пелевин все же позволяет Порфирию (на)писать собственный *opus magnum*, который, вопреки духу репрезентируемой им культуры, ведет не к апокалипсису, а скорее к новому началу. Финал романа указывает на необходимость преодоления танатоидального характера русской литературы. Латинское двустилие, венчающее текст, в этом контексте звучит обнадеживающе:

«Origine ex pura ad optimum futurum,

Ad optimum futurum iam nunc egressus sum...» (Пелевин, 2023, с. 184)¹⁰.

Дистопии Пелевина сотканы из множества стилей, регистров и языков. Одним из таких способов сообщения идей становится металитературная критика насильственной природы русского литературного канона. Мрачная реальность несбывшихся надежд на счастье человечества (вероятно, здесь можно было бы предложить и подобное определение дистопии как жанра) в рамках рассматриваемого аспекта трансгуманистической пенталогии не лишена, однако, определенной доли оптимизма. Автор романа *S.N.U.F.F.* словно напоминает современному читателю о том, что индивидуальный творец обладает собственной субъектностью, способен не подчиняться мощному потоку традиции и не следовать цели, предписанной ею. Бремя прошлого, таким образом, не обязано детерминировать настоящего и будущего.

Настоящий текст представляет собой попытку контекстуального анализа новейших романов Виктора Пелевина в соотнесении с постколониальной теорией. Ось

⁸ См. ЭПШТЕЙН, М. 2023. *Русский антимир. Политика на грани апокалипсиса*. USA: Franc-Tireur.

⁹ Стоит также отметить, что некоторые критики усматривают в творчестве Пелевина классический (не иронический, не постмодернистский) характер. См. напр. ЕВГРАФОВА, Л. 2011. Философствующий герой ранней прозы Виктора Пелевина. В: ВЕСТНИК СПбГУ. 9(4). 28.

¹⁰ Данный фрагмент можно перевести следующим образом: «Из чистого истока – к наилучшему будущему./ к этому будущему я вышел уже сейчас».

предлагаемой интерпретации образуют металитературные размышления прозаика о воздействии классических текстов на формирование насильственного характера русской национальной идентичности. Дистопический мир последних произведений Пелевина оказывается своеобразной лабораторией, в которой писатель перерабатывает собственное культурное наследие, преодолевая стереотипные способы восприятия художественных текстов, созданных на русском языке.

Список литературы

- CENYS, T. 2019. *Intertextual analysis of Viktor Pelevin's collection of novels Pineapple water for the Fair Lady*. In: LITERATŪRA. 61(2), 97–109.
- ETKIND, A. 2023. *Russia Against Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- LOOMBA, A. 2015. *Colonialism/Postcolonialism*. London and New York: Routledge.
- MCMANUS P., SUVIN D. 2023. *Antiutopianism: An Introduction*. In: UTOPIAN STUDIES. 34, 289–291.
- SAID, E.W. 1979. *Orientalism*. New York: Vintage Books 1979.
- THOMPSON, E.M. 2000. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*, Westport: Greenwood Press.
- ТОКАРЦУК, О. 2017. *Czuły narrator*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- ВЫСОЧИНА, Ю. 2016. *Интертекст как языковая игра постмодернизма (на примере произведений Т. Толстой, Б. Акунина, В. Пелевина)*. В: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. 2, 161 – 165.
- ЕВГРАФОВА, Л. 2011. *Философствующий герой ранней прозы Виктора Пелевина*. В: ВЕСТНИК СПбГУ. 9(4), 28 – 35.
- ОСЬМУХИНА, О., МАРЬЮШКИНА, А. 2021. *Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т»*. ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. 1(63), 195 – 201.
- ПЕЛЕВИН, В. 2018. *iPhuck 10*. Москва: Издательство «Э».
- ПЕЛЕВИН, В. 2022. *KGBT+*. Москва: Издательство «Эксмо».
- ПЕЛЕВИН, В. 2023. *Путешествие в Элевсин*. Москва: Издательство «Эксмо».
- ХАРАРИ, Ю.Н. 2018. *Ното Deus. Краткая история будущего*, пер. А. Андреевой, Москва: Издательство «Синдбад».
- ЭПШТЕЙН, М. 2023. *Русский антимир. Политика на грани апокалипсиса*. USA: Franc-Tireur.

Mateusz Jaworski

адъюнкт, кандидат гуманитарных наук (associate professor, Ph. D.)
Instytut Filologii, Wschodniosłowiańskich UAM
al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Poland
Institute of Philology
Department of East Slavic Studies, Adam Mickiewicz University
al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Poland
E-mail: mateusz.jaworski@amu.edu.pl
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-5546>

ВПЛИВ ВІЙНИ НА ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ ДОКУМЕНТАЛЬНОЇ ЛІТЕРАТУРИ В УКРАЇНІ (2022-2025 РОКИ)

Темна Оксана Валентинівна

кандидат філологічних наук, доцент
Гімназія імені Й. Б. Магіна, Врбове, Словаччина

Анотація: Стаття присвячена аналізу трансформацій української документальної літератури в умовах повномасштабної війни (2022–2025 роки). Розглядаються зміни наративних стратегій, суб'єктної структури документалістики, зумовлені переходом від естетики інтерпретації до стратегії безумовного свідчення. У центрі уваги — формування нових типів героя (учасник бойових дій, медик, військовополонений, жінка-військова, дитина-свідок), а також лінгвістичні та стилістичні інновації, зокрема сенсорна документалістика, поліфонія, військовий сленг і «рваний синтаксис». У межах постколоніальних студій документальна література інтерпретується як простір деколонізації пам'яті та формування нової національної суб'єктності. Документалістика воєнного часу осмислюється як форма колективної роботи з травмою та як механізм посттравматичного зростання, що виконує функції культурного опору та архівації живого досвіду війни.

Ключові слова: українська література, документальна література, війна, національна ідентичність, постколоніальні студії, травма, деколонізація пам'яті.

THE IMPACT OF WAR ON THE DEVELOPMENTAL CHARACTERISTICS OF DOCUMENTARY LITERATURE IN UKRAINE (2022–2025)

Abstract: The article is devoted to the analysis of transformations in Ukrainian documentary literature under the conditions of the full-scale war (2022–2025). It examines shifts in narrative strategies and the subjective structure of documentary prose, driven by the transition from the aesthetics of interpretation to the strategy of unconditional witness. The focus is on the emergence of new types of protagonists (combatants, medical personnel, prisoners of war, female military personnel, and child witnesses), as well as linguistic and stylistic innovations, including sensory documentation, polyphony, military slang, and "fragmented syntax". Within the framework of postcolonial studies, documentary literature is interpreted as a space for the decolonization of memory and the formation of a new national subjectivity. Wartime documentary writing is conceptualized as a form of collective trauma work and a mechanism for post-traumatic growth, fulfilling the functions of cultural resistance and the archiving of the lived experience of war.

Keywords: Ukrainian literature; documentary literature; war; national identity; postcolonial studies; trauma; decolonization of memory.

Актуальність та методологічні засади дослідження. Актуальність роботи зумовлена потребою наукового осмислення трансформацій українського літературного дискурсу в умовах повномасштабної агресії 2022–2025 років. У ситуації екзистенційної кризи документалістика стає інструментом фіксації трагічних подій і подолання колективної травми, що зумовлює появу оригінальних наративних стратегій, нових типів персонажів та раніше не представленої проблематики.

Наукова новизна полягає у системному аналізі динаміки розвитку української документальної літератури крізь призму постколоніальних студій. Текст розглядається як простір деконструкції імперських міфів та формування нової національної суб'єктності. У статті запропоновано авторську типологію персонажів, схарактеризовано стилістичні особливості письма та жанрові зрушення в контексті передачі суб'єктивного досвіду.

Об'єктом дослідження є корпус текстів української документалістики 2000–2025 років. Предметом виступають її лінгвістичні, наративні та соціокультурні трансформації в умовах воєнного досвіду, зокрема: репрезентація травми, сенсорні та поліфонічні моделі письма, гендерні аспекти та практики літературної комеморації.

Метою статті є виявлення ключових тенденцій розвитку документальної літератури в період повномасштабної війни та аналіз механізмів адаптації письма до екстремальних історичних умов.

Методологічну основу становлять принципи постколоніальної теорії, підходи літературознавства, культурної антропології та *memory studies*. Використано методи наративного, типологічного, дискурсивного та культурно-історичного аналізу. Теоретичну базу утворюють праці Е. Саїда, Е. Томпсон, М. Павлишина, Т. Гундорової, Г. Грабовича, О. Забужко, а також концепція «сенсорної історії» М. Сміта.

Специфіка розвитку документальної літератури до повномасштабного вторгнення. Аналізуючи динаміку розвитку української документальної літератури, слід констатувати, що до початку російської експансії та окупації Криму в 2014 році національну самосвідомість, зокрема у східних регіонах країни, не можна було назвати остаточно сформованою. Значною мірою це було зумовлено інерцією радянського ідеологічного дискурсу та засиллям російської культури і ЗМІ.

Сегмент нон-фікшн обмежувався переважно академічною, філософською та есеїстичною нішами. В умовах домінування імпортованого російського книжкового

продукту український сприймався як елітарний. У жанровій структурі української документалістики 2000–2014 років домінували літературознавчі та філософські есе, історичні монографії, мемуари дисидентів та інтерв'ю. Проблемно-тематичні вектори: осмислення радянської травми (Porovuch, 2005), пошук національної ідентичності через культурний код та деконструкція імперських міфів (Agieieva, 2011; Zabužko, 2007). Значущим стало також повернення імен «Розстріляного відродження» (Panchenko, 2007). Досвід опору тоталітарній системі фіксувався в мемуаристиці (Sverstiuk, 1999). Характерним для даного періоду став постмодерністський аналіз дійсності, представлений в есеїстиці Ю. Андруховича (Andruxhovych, 2006) та інтелектуальних діалогах. Центральний образ цього періоду — «інтелектуал-одинак» (у розумінні Е. Саїда, а згодом і Т. Гундорової) — філософ і «охоронець пам'яті», який прагне концептуалізувати український досвід у широкому європейському контексті.

Період з 2014 по 2022 рік характеризується радикальною перебудовою, що було зумовлено екзистенційними викликами — анексією Криму та початком збройного конфлікту на Донбасі. У цей період відбувається перехід від «елітарної» документалістики до масової, поява та активний розвиток спеціалізованих видавництв («Наш Формат», «Темпора», «Комора», «Yakaboo Publishing» та «Vivat»). «Вибух» популярності документальної літератури після 2014 року був зумовлений гострою суспільною потребою у верифікації та артикуляції колективної травми. Недовіра до офіційних джерел через цензурування матеріалу призвела до запиту на «правду без фільтрів», де найвищою цінністю стала автентичність особистого свідчення. Документальна література в цей період виконує терапевтичну та екзистенційну функції: читач прагне пережити травматичний досвід (окупацію, полон, втрату дому) через оптику «звичайної людини». Це література співпричетності, де довіра до постаті свідка базується на його безпосередній включеності в події. Таким чином, документалістика цього періоду стає не просто фіксацією фактів, а інструментом колективного проживання болю та способом осмислення нової української реальності очима безпосереднього учасника.

Щодо жанрової системи, необхідно зазначити, що вона зазнала якісних змін. Жанр літературного репортажу перейшов на рівень глибокої соціальної антропології у роботах Л. Белея (Belej, 2014). Паралельно сформувався унікальний корпус комбатантської прози (термін, введений і концептуалізований М. Рябченко), де автори-свідки, такі як А. Чех (Chekh, 2023) та В. Маркус (Marcus, 2018), запропонували нову естетику натуралізму та фрагментарності, дистанційовану від класичної мемуаристики.

Цей процес супроводжувався активною деконструкцією імперських історичних міфів у межах науково-популярних проєктів, наприклад, «Локальної історії» (мультимедійна платформа, заснована в 2013 році, що досліджує минуле через усну історію та особисті свідчення), праць В. В'ятровича (V'jatrovyč, 2022), що забезпечило перехід від пасивного переживання кризи до активного формування нової суб'єктності через призму особистого та професійного свідчення. Проблемно-тематичне поле центрується навколо осмислення травматичного досвіду полону та окупації (Aseev, 2021), фіксації феномену внутрішньої міграції та деколонізації історичної пам'яті.

Поетика та лінгвостилістичні особливості української документалістики періоду повномасштабної війни. Сплеск популярності документалістики в перші місяці повномасштабного вторгнення 2022 року був продиктований неприйняттям естетизму художньої літератури у стані гострого екзистенційного стресу. У цьому контексті доречною є паралель із експресіоністичною поетикою картини Е. Мунка «Крик»: у моменти граничного емоційного напруження класичні канони краси та гармонії втрачають актуальність, виявляючись нездатними артикулювати шоковий досвід. Складні метафоричні конструкції, тропеїчна надмірність та евфемізми, властиві художньому фікшну, почали сприйматися аудиторією як «естетична фальш», що маскує реальність. Відторгнення фікціональних стратегій було зумовлене їхньою штучною природою, яка вступала у суперечність із потребою в автентичному співпереживанні та прямій верифікації подій. Спроба фіксувати окремі моменти динамічної дійсності призводить до фрагментарності, стилістики «рваного тексту», що використовує короткі, «рубані» речення.

Низка текстів використовує прийом поліфонії, який у сучасному контексті доцільно розглядати через призму методології усної історії (oral history). Цей міждисциплінарний підхід, що фокусується на фіксації суб'єктивних спогадів очевидців як рівноцінних історичних джерел, стає фундаментом для нової української документалістики. За такого підходу авторська позиція навмисно редукується до функцій «медіатора» або «архіватора», а текст становить собою нашарування безлічі індивідуальних монологів.

Українська воєнна документалістика запозичує в усної історії принцип рівності голосів. У сучасних збірниках репортажів та інтерв'ю (наприклад, антологія «77 днів лютого» (77 днів лютого, 2022)) голос кадрового військового звучить нарівні з голосом волонтера, переселенця чи дитини. Ця стратегія реалізується не лише в друкованих виданнях, а й у масштабних цифрових архівах, як-от музей «Голоси Мирних» чи проєкт

«Голоси» платформи «Локальна історія», що збирають тисячі свідчень для майбутньої верифікації подій. Це створює ефект «децентралізованої правди», де фокус зміщується з офіційної хронології на «людський вимір» війни — її сенсорику, емоційну напругу та приватні сенси.

Застосовуючи методику «роману голосів», українська документалістика легітимізує приватний біль, перетворюючи його з індивідуальної проблеми на частину загальнонаціонального наративу. Таким чином, поліфонічна форма слугує інструментом демократизації пам'яті: вона дозволяє зафіксувати війну як мозаїку, що складається з мільйонів людських долі, об'єднаних спільним екзистенційним викликом.

На рівні лексики спостерігається активне використання армійського сленгу, специфічних мілітарних неологізмів та нецензурованої обценної лексики. У контексті документального свідчення вживання таких вербальних засобів перестає бути суто стилістичним прийомом і трансформується в інструмент автентифікації наративу. Відмова від лексичної фільтрації дозволяє авторам максимально наблизити текстовий простір до жорсткої денотативної реальності фронту, де табуйовані мовні пласти виступають маркером «справжності» та формою передачі психоемоційної напруги. Простота синтаксичних конструкцій, відсутність складних зв'язків і розлогих описів підкреслює функціональність мови: в умовах катастрофи слово повертається до своєї первинної ролі — фіксації факту. Ця тенденція знаходить відображення у дослідженнях Т. Гундорової (Hundorova, 2005) та Л. Масенко (Masenko, 2020). Мова творів відображає «непафосний» характер досвіду війни. Автори-бійці та волонтери свідомо уникають абстрактних героїчних категорій, замінюючи їх підкреслено технічним або побутовим словником. Стосовно специфіки лексики варто відзначити і те, що відбувається семантичне переосмислення звичних понять: слова «пташка» (безпілотний літальний апарат), «зеленка» (лісисто-місцевість або густі чагарники, що використовуються для маскування чи ведення бойових дій), «нуль» (передова лінія фронту, позиції безпосереднього зіткнення з противником), «трюхсотий» (поранений військовослужбовець) втрачають статус жаргону і стають базовими одиницями загальнонаціонального коду. Виникає феномен «мови моменту», де лексема виконує функцію оперативного сигналу. Лінгвістичне новаторство виявляється також у формуванні пласта воєнної неонімії, де нові лексеми «бавовна» (вибухи на окупованих територіях або в тилу ворога, що виникли внаслідок гри слів та особливостей російської пропаганди), «мордор» (країна-агресор як уособлення

абсолютного зла за аналогією з творами Дж. Р. Р. Толкіна), «тракторні війська» (іронічне найменування цивільного населення, зокрема аграріїв, які за допомогою сільськогосподарської техніки захоплювали трофейну ворожу бронетехніку) виконують не лише інформативну, а й захисну, іронічну функцію.

Використання чорного гумору та сарказму в документальній оповіді виступає вербальним механізмом психологічної компенсації, що дозволяє суб'єкту втримувати контроль над травматичною реальністю. Таким чином, мова української документалістики еволюціонує від «мови опису» до «мови-дії», де кожне слово є елементом стратегії опору та архівації живої пам'яті.

У текстах особливе місце посідає опис воєнного побуту: він перестає бути другорядним тлом і набуває самодостатнього характеру. Детальна фіксація процесів приготування їжі, дотримання гігієни та облаштування бліндажів виступає формою опору дегуманізаційному впливу війни. В умовах тотальної руйнації елементарні побутові практики стають актами утвердження людської гідності, збереження логіки та порядку «нормального» життя. У книжці Олександра Терена «Історія впертої людини» (Терен, 2023) побут описується як система мікроперемог над хаосом: автор фіксує, як навіть в умовах важкого поранення та реабілітації збереження звичних ритуалів стає запорукою психологічного виживання. Аналогічну роль відіграє фіксація побуту в «Щоденнику окупації» Володимира Вакуленка (Vakulenko, 2023), де опис процесу варіння супу або заготівлі дров в ізольованому Ізюмському районі набуває особливого значення.

Документальна література демонструє складний синтез різних художніх стилів, спрямованих на подолання невимовності травми. У текстах часто присутній радикальний натуралізм. В авторському проєкті А. Дмитрук «Очі Маріуполя. Українські супергерої. Азовсталь» (Dmytruk, 2023) фізичний біль і руйнування описуються з денотативною точністю, позбавленою естетизації. Натуралізм у цьому контексті виконує функцію деконструкції імперського міфу про «красиву смерть» і «героїчну війну», повертаючи оповіді її фізіологічну основу. Екзистенційний експресіонізм найвиразніше проявляється у текстах, створених безпосередньо в зоні бойових дій. У дописах та щоденникових записах у Facebook та Instagram поета Максима Кривцова (період 2022–2024 років) реальність постає у вигляді фрагментарних, яскравих спалахів-образів. У цих документальних нотатках проявляється «естетика удару», де синтаксис руйнується під тиском зовнішньої травми, а слово поета трансформується в інструмент прямої фіксації фронтового побуту.

Трансформація суб'єктності та типологія персонажів у документалістиці воєнного часу. Найважливішою рисою документальної літератури воєнного часу стала зміна суб'єктності героя, де центральне місце посів цивільний фахівець, який опинився в екстремальних умовах. Особливого значення набуває тип героя-медика, що постає в ролі «нового деміурга», який творить порядок із хаосу та смерті, що знаходить відображення у книжці Б. Журавля «Букурія. Нотатки військового медика» (Zhuravel, 2025).

Науковий інтерес становить і образ воєначальника, остаточно дистанційований від радянського канону. На прикладі праці Л. Долгоновської «Залізний генерал. Уроки людяності» (Dolhonovska, 2024) цей тип розкривається через підкреслену емпатію, що формує образ «народного лідера», чия легітимність ґрунтується не на жорсткій ієрархії, а на професійному та етичному авторитеті.

Специфічне місце в системі образів сучасної документалістики посідає полеглий герой, представлений у текстах через механізми літературної комеморації. Цей тип персонажа — батько, син, побратим або родич — відтворюється в наративі посмертно, на основі біографічних свідчень і ретроспективного аналізу близьких людей. Він трансформується зі знеособленої статистичної одиниці військових звітів на живий образ із персональною історією, виступає етичним орієнтиром. Біографії героїв формують основу колективного національного пантеону в межах платформи «Меморіал» (2022–2025).

Гендерна трансформація української документалістики знаменує собою остаточний демонтаж патріархального канону. Суб'єктність жінки-воїна маніфестується через перехід від ролі «помічниці» до статусу активного бійця. Ключовою подією стала антологія «Воєнний стан» (Воєнний стан, 2023), що об'єднала голоси, а тому числі, і багатьох письменниць. Актуалізується тема «воєнного сестринства» та викликів усередині закритого чоловічого середовища.

Ще один тип героя документальної прози — військовополонений, який трансформується з пасивної жертви на активного суб'єкта історії. Зокрема, у книжці В. Суботіної «Полон» (Subotina, 2024) представлена постать жінки, для якої внутрішня свобода виявляється сильнішою за фізичне пригнічення. У текстах можна виділити кілька іпостасей цього образу: непокірний в'язень (виступає проти системи та пропаганди попри знущання та тиск); пристосованець (тип «людини в системі», що обирає тактику гнучкої поведінки, імітацію лояльності або іронію задля збереження життя); зламаний (особистість, чий ресурс опору був зруйнований позамежним

наси́льством або психологічним тиском). Література про полон пропонує безстороннє дослідження людської психіки в межевому стані, де спектр реакцій є відображенням складності воєнного досвіду.

У текстах з'являється і низка нових типів дитячих персонажів. До них належать: дитина-свідок, яка фіксує катастрофу через неопосередковане сприйняття (прикладом може бути книга «Війна очима дітей», яка спочатку була видана в Україні, а потім і за кордоном (Through the Eyes of Children, 2023)); жертва депортації — підліток, який відновлює ідентичність після досвіду примусової русифікації; дитина як об'єкт захисту, що стає центральною ціннісною координатою дорослого. Фундаментальним текстом тут є «Щоденник окупації» Володимира Вакуленка (Vakulenko, 2023) де турбота про сина з розладом аутистичного спектра стає актом громадянського опору.

Антагоністи представлені кількома типами. До них належать «ждуни» та «совки» — персонажі з деформованою ідентичністю та імперською ностальгією («The Ukraine» А. Чапая (Chapai, 2018); збірка Б. Логвиненка «Деокупація. Історії опору українців» (Logvynenko, 2023). Дегуманізований образ «орка» як безликого агресора превалює в ранніх фронтових репортажах («Reporters», 2022–2024). Особлива увага приділяється типу дезертира, що відображає тему психологічного надлому та екзистенційного страху. Окрему категорію становлять військовополонені противника, чия суб'єктність розкривається через крах пропагандистських ілюзій (проект В. Золкіна «Ищи своих», відеозаписи якого можна знайти на Ютуб каналі @VolodymyrZolkin).

Висновки

У результаті проведеного дослідження встановлено, що українська документальна література в умовах повномасштабної війни зазнала системної трансформації, яка охопила жанрову структуру, суб'єктну організацію та мовну парадигму документального письма. Перехід від елітарної есеїстики до масового «свідчення участі» зумовив утвердження стратегії безумовного свідчення, у межах якої автентичність особистого досвіду стає головним критерієм цінності тексту.

Виявлено формування нових типів героя, що відображає демократизацію літературного поля та децентралізацію авторитетного голосу. Лінгвістичні інновації, зокрема використання воєнного сленгу, обценної лексики та фрагментарного синтаксису, функціонують як інструменти автентифікації наративу та опору естетизації насильства.

Доведено, що сучасна українська документалістика виконує не лише фіксувальну, а й терапевтичну функцію, сприяючи колективній роботі з травмою та формуванню нової національної суб'єктності. У постколоніальній перспективі документалістика воєнного часу постає як простір активної деконструкції імперських міфів та як культурний архів живої пам'яті, що фіксує досвід війни в його людському, тілесному та сенсорному вимірах.

Список літератури

- 77 днів лютого. Україна між двома символічними датами російської ідеології війни. 2022. Київ: Лабораторія, 224 s. ISBN 978-617-8203-39-9.
- AGIEIEVA, V. 2011. Апологія модерну: обрис XX віку. Київ: Грані-Т, 404 s. ISBN 978-966-465-324-1.
- ANDRUKHOVYCH, Y. 2006. Диявол ховається в сирі. Київ: Часопис Критика, 320 s. ISBN 966-7679-98-5.
- ASEEV, S. 2021. "Світлий шлях". Історія одного концтабору. Львів: Вид-во Старого Лева, 444 s. ISBN 978-617-679-854-5.
- BELEJ, L. 2014. Ліхії дев'яності: Любов і ненависть в Ужгороді. Куїєв: Тємпога, 368 s. ISBN 978-617-569-164-9.
- CHAPAI, A. 2018. The Ukraine. Чернівці: Книги-XXI, 240 s. ISBN 978-617-614-218-8.
- CHEKH, A. 2023. Точка нуль. Чернівці: Видавець Померанцев Святослав, 216 s. ISBN 978-617-8024-44-4.
- DMYTRUK, A. 2023. Очі Маріуполя. Українські супергерої. Азовсталь. Дрогобич: Коло, 171 s. ISBN 978-617-642-623-3.
- DOLHONOVSKA, L. 2024. Залізний генерал. Уроки людяності. Харків: Віват, 202 s. ISBN 978-966-982-956-6.
- HRABOVYCH, H. 2005. Тексти і маски. Київ: Критика, 312 s. ISBN 996-7679-59-4.
- HUNDOROVA, T. 2005. Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодерн. Київ: Критика, 263 s. ISBN 978-966-8978-68-5.
- KRYSHTORA, O. 2013. Україна: масштаб 1:1. Київ: Темпора, 376 s. ISBN 978-617-569-171-7.
- LOGVYNENKO, B. 2023. Деокупація. Історії опору українців. Київ: Ukraïner, 280 s. ISBN 978-617-8216-17-7.
- MARCUS, V. 2018. Сліди на дорозі. Кам'янець-Подільський: ФОП Великжанін В. С., 376 s. ISBN 978-966-194-302-4
- MASENKO, L. 2020. Конфлікт мов та ідентичностей у пострадянській Україні. Київ: Кліо, 176 s. ISBN 978-617-7755-14-1.
- PANCHENKO, V. 2007. Неубієнна література: дослідницькі етюди. Київ: Твім інтер, 436 s. ISBN 966-7430-38-3
- PAVLYSHYN, M. 1997. Канон та іконостас: Літературно-критичні статті. Київ: Час, 447 s. ISBN 5-7101-0169-9
- POPOVYCH, M. 2005. Червоне століття. Київ: АртЕк, 888 s. ISBN 966-505-123-7

- Reporters. Reportáže [online]. Kyjev: The Ukrainians Media, 2022–2024 [cit. 2025-12-13].
Dostupné na: <https://reporters.media/category/reporters/>.
- RYABCHEŇKO, M. 2019. Комбатантська проза в сучасній українській літературі: жанрові та художні особливості. In: Слово і час. Київ: Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, роч. 2019, ч. 6, s. 62-73. УДК 821.161.2-3.09
- SAID, E. W. 1994. Culture and Imperialism. New York: Vintage Books, 380 p. ISBN 0-679-75054-1.
- SMITH, M. M. 2021. A Sensory History Manifesto. University Park: Penn State University Press, 128 p. ISBN 978-0-271-09018-4.
- SUBOTINA, V. A. 2024. Polon. Kharkiv: Folio, 254 s. ISBN 978-617-551-788-8.
- SVERSTIUK, J. 1999. На святі надій: вибране. Київ: Наша віра, 781 s. ISBN 966-95533-0-X.
- TEREN, O. 2023. Історія впертого чоловіка. Київ: Прометей, 208 s. ISBN 978-617-953-118-7.
- THOMPSON, E. M. 2000. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport: Greenwood Press, 239 s. ISBN 0-313-31311-3.
- Through the Eyes of Children: Quotes from Childhood Interrupted by War in Ukraine, Illustrated by Artists. 2023. New York: HarperCollins, 164 s. ISBN 978-0063351332.
- VAKULENKO, V. 2023. Я перетворююсь... Щоденник окупації. Вибрані вірші. Харків: Vivat, 192 s. ISBN 978-617-170-011-6.
- V'JATROVYČ, V. 2022. (Не)історичні миті. Нариси про минулі сто років. Charkov: Knyžkovyj Klub „Klub Simejnoho Dozvillja“, 240 s. ISBN 978-617-12-9942-9.
- Воєнний стан. Антологія. 2023. Чернівці: Meridian Czernowitz, 344 s. ISBN 978-617-8024-40-6.
- ZABUŽKO, O. 2007. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. 2. vyd. Kyjev: Fakt, 638 s. ISBN 978-617-7286-28-7.
- ZHURAVEL, B. 2025. Букурія. Історія одного плавання. Київ: Віхола, 264 s. ISBN 978-617-8517-40-3

Темна Оксана Валентинівна

кандидат філологічних наук, доцент

PhD., Associate Professor

Гімназія імені Й. Б. Магіна, Врбове, Словаччина

Gymnázium J. B. Magina, Vrbové, Slovensko

E-mail: otemna78@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-9602-6883>

ГЕНДЕРНАЯ МЕТАФИЗИКА ЗИНАИДЫ ГИППИУС: ЕДИНСТВО ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Малафеева Алена Олеговна

кафедра русистики, философский факультет
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Трнава, Словакия

Аннотация: Статья посвящена анализу гендерной метафизики Зинаиды Гиппиус на материале ее поэтического творчества. В центре исследования находится модификации гендера лирического субъекта: стратегия преодоления природной бинарности пола, формирование внеполовой модели субъекта как высшего уровня духовного развития. Заданность гендера обществом осмысливается Зинаидой Гиппиус как категория, связанная с опытом онтологической неполноты. В работе рассматривается, каким образом философские установки Гиппиус находят непосредственное воплощение в структуре лирического субъекта. Анализ стихотворений «Посвящение», «Она», а также текстов «Женское», «Женскость» и «Ты» позволяет выявить разнообразие стратегий осмысления женской субъектности. Использование мужского грамматического рода, «мужской маски» служат конструированию универсального лирического «Я», выходящего за пределы биологической идентичности. В статье доказывается, что поэтическое слово Гиппиус выступает инструментом преодоления ограничений пола и утверждения приоритета духовного начала. Делается вывод о принципиальном единстве философского замысла и поэтической практики автора. В рамках этого единства внеполовая субъектность становится ключевым элементом ее антропологического проекта.

Ключевые слова: Зинаида Гиппиус, гендерная метафизика, андрогинность, лирический субъект, Серебряный век, поэтика, мужская маска.

THE GENDER METAPHYSICS OF ZINAIDA GIPPIUS: THE UNITY OF PHILOSOPHICAL THOUGHT AND ARTISTIC EXPRESSION

Abstract: The article is devoted to an analysis of Zinaida Gippius's gender metaphysics based on her poetic works. The study focuses on modifications of the lyrical subject's gender: strategies for overcoming the natural binary of sex and the formation of a genderless model of the subject as the highest level of spiritual development. Gippius interprets gender as a socially assigned category that is tied to the experience of ontological incompleteness. The paper examines how Gippius's philosophical positions are directly embodied in the structure of the lyrical subject. An analysis of the poems *Dedication*, *She*, as well as the texts *Feminine*, *Femininity*, and *You* reveals a diversity of strategies for defining female subjectivity. The use of the masculine grammatical gender and the "male mask" serves to construct a universal lyrical "I" that transcends biological identity. The article argues that Gippius's poetic word functions as a tool for overcoming the constraints of sex and affirming the primacy of the spiritual principle. The research concludes that there is a fundamental unity between the

author's philosophical vision and her poetic practice. Within this unity, genderless subjectivity becomes a key element of her anthropological project.

Keywords: Zinaida Gippius, gender metaphysics, androgyny, lyrical subject, spiritual integrity, Silver Age, poetics, male mask.

Творчество Зинаиды Гиппиус представляет собой целостную систему, в которой философская рефлексия и художественное слово находятся в неразрывном единстве. В центре ее интеллектуальных поисков стоит вопрос о преодолении природного детерминизма и достижении метафизической целостности человека, выходящей за пределы биологического деления на мужское и женское (Гиппиус₂, 2022). Пол в этой системе координат осмысляется не как социальная роль, а как фундаментальная онтологическая проблема «разорванности» бытия, единственным решением которой выступает идеал андрогинности – мистического единства духа (Эконен, 2011, с. 170 – 176). Важно отметить, что в данной работе понятие гендера рассматривается с опорой на современные научные представления; несмотря на то, что в эпоху Серебряного века этот термин не был известен, он служит эффективным инструментом для анализа мировоззренческой системы Гиппиус, направленной на утверждение свободы личности от дихотомии плоти. В современной науке гендер определяется как совокупность ролей, норм и форм поведения, которые культура предписывает мужчинам и женщинам (Маерчик, 2017, с. 14). Эти нормы изменяются в зависимости от эпохи и культурного контекста (там же, с. 14 – 15). Пол рассматривается не как бинарная категория, а как положение на континууме, определяемое морфологическим, генетическим и гонадическим признаками, поскольку строгий половой диморфизм для человека не характерен (Маерчик, 2017, с. 23). Такой подход позволяет понять, как в поэзии, прозе и эго-текстах Гиппиус формируются сложные модели гендерной идентичности, которые трансформируют привычные культурные нормы.

В поэтическом наследии автора этот поиск находит воплощение в специфическом конструировании лирического субъекта, стремящегося к внеполовой идентичности. Использование мужского грамматического рода и стратегия «мужской маски» в лирике являются не внешним подражанием, а осознанной метафизической установкой на создание универсального «Я» (Эконен, 2011, с. 153 – 155). Отказываясь от традиционной женской субъектности, Зинаида Гиппиус превращает стихотворение в пространство для экспериментов, где поэтическое слово служит средством преодоления природной бинарности. Таким образом, анализ лирического субъекта

Гиппиус позволяет проследить, как ее глубокие философские убеждения формируют идиостиль, направленный на воплощение идеала духовной целостности.

Для того чтобы проследить эволюцию гендерной метафизики Зинаиды Гиппиус, необходимо обратиться к анализу ключевых текстов, в которых наиболее отчетливо проявились ее антропологические поиски. Мы будем рассматривать ее лирику не как отражение биографических событий, а как последовательное выстраивание альтернативной субъектности. В художественном мире писательницы преодоление пола начинается не с внешних атрибутов, а с внутреннего утверждения личности, обладающей волей и духовной властью.

Отправной точкой в этом процессе выступает стихотворение «Посвящение» (1894). Написанное в ранний период творчества, оно служит частью фундамента для всей последующей гендерной стратегии автора. В этом произведении Гиппиус формулирует свое главное кредо – безусловную ценность человеческого «Я», которое предшествует любым половым или социальным категориям (Гиппиус, 1991, с. 51).

Особый интерес для гендерного анализа представляет диалогическая природа стихотворения. Лирический субъект обращается к некоему «ты»: «Мы с тобою так странно близки / И каждый из нас одинок» (там же). «Ты» можно проинтерпретировать как обращение к собственной душе или внутреннему «двойнику». В контексте андрогинности это можно рассматривать как встречу двух начал внутри одной личности. Гиппиус выстраивает баланс между двух начал, обращаясь к внутреннему «брату» (там же).

Андрогинный потенциал текста наблюдается в финале: «Умоляю, слабого брата / Утешь, пожалей, обмани» (там же). Обращение к себе или своей душе в мужском роде («слабый брат») – это не просто обобщающая лексема, а шаг на пути к преодолению «женской» биологической идентичности (там же). В тексте отсутствуют маркеры грамматического рода или лексемы, свойственные женскому лицу. Лирический субъект мыслит универсально, обращаясь к связи «братьев» либо «во Христе», либо по поэтическому ремеслу – и эта связь горизонтальна.

Фраза «Но люблю я себя, как Бога» задает в тексте автономию духа. В этой системе координат «любовь к себе» становится инструментом спасения души: «Любовь мою душу спасет» (там же). Это самообожествление стирает границы между мужским («традиционно активным, божественным») и женским («традиционно пассивным, земным») (Гиппиус², 2022), так как самообожествление не может быть свойственно нравственной женщине в патриархальной культуре.

Завершающая строфа подчеркивает обретенное единство: «Мы оба идем на восток [...] / [...] дух наш высок» (Гиппиус, 1991, с. 51). Это «мы» знаменует собой триумф внутренней целостности. Лирический субъект Гиппиус не ищет дополнения во внешнем мире (в мужчине или другом человеке), он находит полноту и силы в самом себе, чтобы двигаться дальше вместе. Из вышесказанного можно сделать вывод, что в «Посвящении» закладывается метафизическая модель равенства: личности, которая обретает спасение через признание собственного «Я» высшей ценностью.

Проследим гендерную стратегию автора в стихотворении «Она» («В своей бессовестной ...») (1905) (Гиппиус, 1991, с. 140). Зинаида Гиппиус обращается к своей концепции «зверебожественности» (Гиппиус, 1908), используя маскулинную маску, что мы видим в грамматическом роде глагола «почуял». Душа предстает в пугающем облике. Автор использует резкие, тактильно неприятные образы: она «шершавая», «колючая», «холодная змея» (Гиппиус, 1991, с. 140). Лирический субъект, сохраняя позицию внешнего наблюдателя, описывает свою душу как нечто чуждое и одновременно неотвратимое: «И умираю я от этой близости, / От неразрывности ее со мной» (там же). С точки зрения гендерной метафизики, эта «она» – воплощение биологической женственности, которая в мировоззрении Гиппиус тождественна небытию и безволию. Душа здесь «тупа, тиха» и «пыльна» (там же), она символизирует тяжесть пола, навязывающую свое неоспоримое присутствие. Следовательно, образ мужского рационального «Я» встречается с природой женского, от которой не может избавиться либо договориться с ней.

Развитие темы метафизической неполноты «женского» также находит свое воплощение в стихотворении «Женское» («Нету») (1907) (Гиппиус, 1991, с. 155). В этом тексте поэтесса деконструирует традиционный образ «женственности», представляя его не как биологическую данность, а как метафизическую пустоту.

Действие разворачивается в пространстве увядания: «Где гниет седеющая ива, / где был и ныне высох ручеек» (там же). Появление девочки «на краю обрыва» вводит мотив пограничного состояния. Примечательно отношение лирического субъекта к этому образу: «Втайне я девочку ненавидел, / не понимал, зачем ей венок» (там же). Эта ненависть исходит из интуитивного неприятия открытого проявления эмоций. Вечное «свивание венка» – единственная возможность оставить после себя свидетельство своего бытия (там же).

Ключевым моментом стихотворения становится «странный ответ» героини: «меня Сотворивший меня обидел, / я плачу оттого, что меня – нет» (там же). Здесь

Зинаида Гиппиус словно формулирует одну из самых жестких установок своей гендерной философии: женщина в своем природном состоянии в позиции, заданной ей патриархальным обществом, не обладает субъектностью и оказывается онтологически пустой. Фраза «это Бог не дал мне – быть» (там же) подчеркивает, что отсутствие личности воспринимается как изначальный изъян творения, который невозможно исправить человеческими усилиями.

Лирический субъект, выступающий с позиции Логоса и силы, делает попытку традиционного «мужского» спасения: «Взять, полюбить и с собой увести...» (там же). Однако героиня отвергает этот путь, указывая на его бесполезность: «Того, кого нет, – нельзя спасти» (там же). Этим утверждается невозможность обретения целостности через внешнюю любовь или социальное попечение, которые не направлены на женщину как на личность. Истинное бытие невозможно подарить; оно должно быть обретено через равную связь двоих, о которой лирический субъект не догадывается.

«Мое бытие – плача, вить венки» (там же), – эти завершающие стихотворение строки фиксируют трагическую ограниченность женской природы. Анализ стихотворения «Женское» позволяет предположить, что для Гиппиус основной путь женщины в обществе – это путь небытия. Именно желание преодолеть пустоту «женского» диктовало ей необходимость поиска иной, внеполовой идентичности. Таким образом, отказ от женской роли в творчестве и жизни становится для Гиппиус не прихотью, а единственным способом буквально «стать», обрести бытие через сознательный мужской Логос и андрогинный синтез.

Логическим завершением темы бытийной неполноты «женского» начала в лирике Зинаиды Гиппиус становится стихотворение «Женскость» (1909) (Гиппиус, 1991, с. 230). Здесь поэтесса переходит от трагедии «небытия» к беспристрастной констатации метафизической ограниченности женской природы.

Стихотворение открывается образом «падающих линий», создающим ощущение нисходящего движения и бессилия. Женская душа характеризуется как «бессознательная», «пустынная» и «грубая» (там же). Эти эпитеты подчеркивают, что «женскость» в системе писательницы лишена внутреннего динамизма и самосознания, представляя собой инертную и холодную стихию.

Призыв к читателю быть «ласковой и нежной» к женщине и «обмануть, что она свободная» обнажает ключевой тезис: ласковое обхождение и ложь во благо могут облегчить женскую долю. Финальная строка «Все равно она будет раба» звучит как приговор природному полу, запертому в границах собственной бессознательности. В

этой связи можно допустить, что Гиппиус не находила в традиционной женской идентичности достаточных ресурсов для самореализации, что, вероятно, и предопределило ее поиски внеполового «Я».

Развитие темы духовной трансмутации и поиска целостности находит свое воплощение в стихотворении «Ты» (1905) (Гиппиус, 1991, с. 134). Если в предыдущих текстах мы наблюдали конфликт субъекта с «природным» полом, то здесь Зинаида Гиппиус переходит к непосредственному конструированию андрогинной идентичности, используя для этого уникальные грамматические и метафорические средства.

Стихотворение построено как обращение к сакральному «Ты», которое объединяет в себе противоположные стихии: от «нежной веточки» до «острогранного меча» (там же). Однако наиболее важным аспектом для гендерного анализа является диалог двух начал разных полов, которые к концу стихотворения сливаются в одно целое. Зинаида Гиппиус намеренно использует формы двух родов в рамках одного текста: «Ждал я» и тут же – «полюбила я» (там же). Это становится осознанным методом выхода за пределы лингвистической бинарности. Сочетание мужского и женского глагольных окончаний создает образ субъекта, который преодолевает разделение и обретает полноту бытия, вмещающую в себя оба начала.

Метафорический строй стихотворения также работает на идею раздвоения, стремящуюся к синтезу. Обращение к месяцу «Выйди, двурогая» может быть интерпретировано как указание на двойственную, «рогатую» природу человеческого существа, разделенного на два пола, но объединенного в одном небесном светиле (там же). Кульминацией этого процесса становится финальная антитеза, переходящая в единство: «Милый мой – Милая» (там же). Объединяя мужской и женский род в одном обращении, она обозначает рождение «Третьего существа» – андрогина, для которого любовь является не влечением к «другому» полу, а узнаванием своей божественной целостности. Стихотворение «Ты» демонстрирует, как через диалогические конструкции Зинаида Гиппиус реализует преодоление противоречий пола в пространстве чистого Духа.

Представленный анализ поэтических произведений Зинаиды Гиппиус находит свое фундаментальное обоснование в ее философии андрогинности, которая выступала как сознательный путь к обретению духовной полноты. Выявленная в стихах динамика преодоления «природного» начала напрямую согласуется с убеждением автора в необходимости трансформации личности ради выхода за пределы бинарности пола

(Гиппиус², 2022). Рассмотренные примеры конструирования внеполового «Я» подтверждаются свидетельствами из дневников поэтессы, где зафиксировано острое неприятие нормативно-консервативных моделей женственности и описание женского тела как «ограничения» для внутреннего развития (Гиппиус, 2022, с. 42). В этом контексте андрогинность возникает как ключевая экзистенциальная стратегия: отказ от биологической заданности открывает возможность для развития универсальной человеческой природы.

Важным теоретическим фундаментом для Зинаиды Гиппиус служат идеи Отто Вейнингера. В статье «Зверобог» (1908) Гиппиус прямо называет его работу «Пол и характер» (1902) значимой для понимания пропорционального смещения мужского и женского начал в каждом индивиде. Это теоретическое положение объясняет специфику образов в стихотворениях «Она» и «Женское» («Нету»): в одном лирическом пространстве присутствуют «мужское» и «женское» начала, а их взаимодействие диктуется их природой. То есть, «женское» – инертная, бессознательная стихия, вязкая и глупая телесность, с которой нельзя договориться, а «мужское» – повествующий субъект, при этом его степень духовности и сознательности не забирает его право голоса. Исследователи отмечают, что внутреннее самоощущение Зинаиды Гиппиус было ближе к маскулинному, что делало использование мужского грамматического рода в поэзии способом обретения интеллектуальной самостоятельности и права на независимую авторскую позицию (Кон, 2003, с. 206 – 208).

В то же время стихотворение «Ты» демонстрирует, что андрогинность в системе Гиппиус оставалась прежде всего идеальным ориентиром, а не достигнутым состоянием. Это создавало постоянное напряжение между философским замыслом и реальностью телесного опыта, неизбежно связанного с социокультурными нормами (Гиппиус, 2022). В религиозном контексте ее взглядов образ андрогина мыслился как человек будущего, обретший целостность и свободу от исключительной подчиненности биологическим законам. В контексте жизненной практики (на примере стихотворения «Женскость») даже без достижения духовной трансформации лирический субъект либо противопоставляет себя всем женщинам, либо окончательно утверждает ограниченность женской природы.

В этой связи можно допустить, что использование «мужской маски» и грамматические эксперименты в лирике были не случайной игрой, а значимым жестом, направленным на деконструкцию пола как неизменной характеристики личности

(Healey, 2001, с. 139). Таким образом, художественное слово Гиппиус становится пространством реализации ее жизненной философии: через поэзию она не просто описывает свои чувства, но активно моделирует образ субъекта, в котором приоритет всегда остается за сознанием и духом, а не за биологической данностью.

Проведенный анализ поэтических текстов Зинаиды Гиппиус позволяет рассматривать гендер в ее лирике как категорию, выходящую за пределы социальной роли и биологической заданности. Гендерное самоопределение в этих текстах не устойчиво, а является частью философского осмысления границ человеческого существования. Использование мужского грамматического рода и отказ от традиционной женской субъектности выступают способом конструирования лирического «Я», ориентированного на автономию и независимость от предписанных моделей идентичности.

Категория «женского» в поэзии Гиппиус связывается с пассивностью, бессознательностью и онтологической неполнотой, создавая напряжение между телесным опытом и стремлением к высшим формам духовности. Философия андрогинности становится предельным горизонтом этих процессов. При этом внутренние противоречия не исчезают до конца: они переосмысляются в текстах как взаимодействие двух начал в пределах одного тела, диалога; как взаимодействие естественной природы полов; как суждения бесполого лирического субъекта. Работа Зинаиды Гиппиус с грамматикой и лирической позицией становится способом поставить вопрос о возможностях существования вне жестко заданных идентификационных рамок и природы, и общества, и религиозной онтологии.

Список литературы

- ГИППИУС, З. 2022. *Contes d'amour: Дневник любовных историй*. Москва: DirectMedia. ISBN 978-5-4499-2924-2.
- ГИППИУС₂, З. 2022. *Зверобог*. Москва: Litres. ISBN 5040809433.
- ГИППИУС, З. 1991. *Сочинения: Стихотворения; Проза*. Ленинград: Художественная литература. ISBN 5-280-01352-8.
- КОН, И. 2003. *Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре*. Москва: Олимп. ISBN 5-8195-0836-X.
- МАЄРЧИК, М. 2017. *Гендер для медій: підручник із гендерної теорії для журналістики та інших соціогуманітарних спеціальностей*. Київ: Критика. ISBN 978-966-2789-06-5.
- ЭКОНЕН, К. 2011. *Творец, субъект женщина: стратегии женского письма в русском символизме*. Москва: Новое литературное обозрение. ISBN 978-5-86793-889-5.

HEALEY, D. 2001. *Homosexual desire in Revolutionary Russia*: the regulation of sexual and gender dissent. Chicago: University of Chicago Press. ISBN 0-226-32233-5.

Алена Малафеева

бакалавр

кафедра русистики, философский факультет

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 г. Трнава, Словацкая Республика

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

E-mail: malafeeval@ucm.sk / malava239@gmail.com

ORCID ID: 0009-0007-2876-4132

K OTÁZKE ŽENSKÝCH HRDINIEK V TVORBE F. M. DOSTOJEVSKÉHO (PSYCHOLOGICKÉ SONDY)¹¹

Patrik Lekeš

Katedra slovanských filológií, Filozofická fakulta, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Nitra, Slovenská republika

Abstrakt: Interdisciplinárny prístup umožňuje prekročiť hranice tradičnej literárnovednej analýzy a nahliadať na text ako na komplexný diskurz, v tomto prípade o ľudskej psyché. Tvorba Fiodora Michajloviča Dostojevského predstavuje jeden z najkomplexnejších a psychologicky najviac prehĺbených artefaktov svetovej literatúry. K primárnym psychologickým osobitostiam jeho tvorby patrí skutočnosť, že už v 19. storočí opísal diagnózy a sociálno-patologické javy, ktoré boli modernou psychológiou (a vedou ako takou) definované až v 20. a 21. storočí. Mylne sa traktuje premisa, že v jeho tvorbe nemajú ženské hrdinky (*Netočka Nezvanovová*, *Krotká* a i.) výrazné postavenie. Príspevok si z tohto dôvodu kladie za cieľ preskúmať psychopatológiu ženskej postavy Antonidy Vasilievny Tarasevičevovej v románe F. M. Dostojevského *Hráč* (1866) prostredníctvom interdisciplinárneho výskumného rámca, ktorý spája analýzu umeleckého textu s poznatkami z oblasti psychopatológie i psychológie ako takej. Otvára sa tak priestor aj pre nové možnosti recepcie a interpretácie jeho diel, vďaka čomu možno ženské hrdinky vnímať nielen ako literárne postavy, ale aj ako nositeľky hlbokých psychologických a existenciálnych výpovedí, rezonujúcich aj v súčasnej kultúre a spoločnosti.

Kľúčové slová: ruská literatúra, F. M. Dostojevskij, *Hráč*, psychológia, ženské hrdinky.

SOME NOTES OF FEMALE PROTAGONISTS IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY (PSYCHOLOGICAL INSIGHTS)

Abstract: An interdisciplinary approach allows one to transcend the boundaries of traditional literary analysis and to view the text as a complex discourse, in this case concerning the human psyche. The oeuvre of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky represents one of the most complex and psychologically profound artifacts of world literature. Among the primary psychological particularities of his work is the fact that, as early as the 19th century, he depicted diagnoses and socio-pathological phenomena that modern psychology (and science more broadly) would define only in the 20th and 21st centuries. The premise that female protagonists in his works ("*Netochka Nezvanova*", "*The Meek One*", et al.) do not occupy a significant role is often erroneously assumed. For this reason, the present study aims to examine the psychopathology of the female character Antonida Vasilievna Tarasevich in Dostoevsky's novel "*The Gambler*" (1866) through an interdisciplinary research framework that combines the analysis of the literary text with insights from psychopathology and

¹¹ Výskum je podporený projektom UGA: III/10/2025 – Metodologické výzvy literárnej vedy: od interdisciplinarity k transdisciplinarite (UKF v Nitre, Slovenská republika).

psychology more broadly. This approach opens space for new possibilities in the reception and interpretation of his works, allowing female protagonists to be understood not only as literary characters but also as bearers of profound psychological and existential insights that continue to resonate in contemporary culture and society.

Keywords: russian literature, F. M. Dostoevsky, "The Gambler", psychology, female protagonists.

Úvod

Výskum vzťahu medzi umením a psychológiou predstavuje dlhodobý a systematicky rozvíjaný predmet vedeckého záujmu. Pripomeňme si napríklad slová Vygotského, odborníka na psychológiu umenia¹², že umenoveda čoraz silnejšie pociťuje potrebu opierať svoje interpretácie o psychológiu (Vygotskij, 1981, s. 9.). Treba upresniť, že výskumné zámery psychológie umenia sa najčastejšie profilovali v dvoch základných smeroch – „psychológii“ umelca a „psychológii“ recipienta. V tejto súvislosti Vygotskij poukazuje na nedokonalosť oboch týchto metód (tamže, s. 27). V kontexte inovatívnejších prístupov je potrebné spomenúť prínos Müllera-Freienfelsa, pre ktorého nebola podstatná „psychológia“ recipienta ani autora, ale samotné dielo (Müller-Freienfels, 1922). Jeho pohľad na psychológiu umenia je nášmu výskumnému zámeru bližší.

Prieniky jednotlivých vied si vyžadujú svoj jasný terminologický aparát. Podľa slov Jozefa Viewegha napríklad biografický, sociologický alebo psychologický prístup otvárajú v literatúre priestor pre širšie chápanie literatúry a jej funkcií v živote človeka (Viewegh, 1996, s. 115). Prekračovanie hraníc a určité prevzatia tém, procesov či metód sú aktuálnou súčasťou vedeckého bádania. Často dochádza k devalvácii takýchto prístupov, čo ešte viac stimuluje diskusie o nevyhnutnosti a rôznych formách interdisciplinárneho výskumu (Gažová, 2009, s. 5). Vzhľadom na charakter nášho výskumu považujeme za dôležité určiť, či ide o interdisciplinárny, multidisciplinárny alebo transdisciplinárny prístup: multidisciplinárny (jedna problematika sa skúma z viacerých hľadísk), interdisciplinárny (uplatňovanie metód jednej disciplíny vo výskume inej oblasti), transdisciplinárny prístup (predstavuje nový prístup, novú metodologickú základňu a teda aj novú disciplínu. V tomto ohľade sa pripúšťa aj možnosť, že disciplína je spojením iných disciplín) (Dlouhá, Moldan, 2007, online). Komplexný interdisciplinárny prístup by sa nemal považovať za dočasný trend, ale za fundamentálnu transformáciu vedy, ktorá sa stáva čoraz otvorenejšou (Viewegh, 1999,

¹² O histórii tejto vedy pozri viac aj v: KULKA, J. 2008. *Psychologie umění*, s. 31 – 38.

s. 209). Náš výskum sa opiera práve o určitú hranicu medzi interdisciplinaritou a transdisciplinaritou.

F. M. Dostojevskij, výrazný predstaviteľ psychologického románu, vo svojich dielach odhaľuje „človeka ako tajomstvo“ a ponára sa na „dno ľudskej duše“. Psychologizmus v jeho tvorbe je pertraktovaný z rôznych uhl'ov pohľadu. Analyzujú sa sny (Červeňák, 1999) i antropocentrická paradigma (Červeňák 2002, 2005; Muránska, 2019; Kopaničák, 1994), či motívy šialenstva (Pospíšil, 1995). Predstavený často býva aj psychoanalytický a psychoterapeutický potenciál (Breger, 2019; Kotrbová, Sturcz, Solárová, 2022), alebo komparatívny aspekt jeho diel – napríklad pri porovnaní tvorby Dostojevského a Andrejeva (Dohnal, 2021). Do popredia sa už v 20. st. dostával názor, že v tvorbe Dostojevského je popísaných najviac psychických porúch v rámci literárnej tvorby onoho obdobia (Чиж, 1885). Výrazne sa opisuje jeho tzv. podzemná psychológia (Криницын, 2016), ale aj psychografický prístup k analýzam jeho diel (Романова, 2019).

V nami realizovanom výskume sú využité metódy identifikácie, opisu, abstrakcie, analýzy a syntézy. Pomocou zvolenej primárnej metódy (psychologickej analýzy) sú v texte identifikované a analyzované konkrétne komponenty a motívy, porovnávané so zavedenými teóriami a odvetviami vedeckého výskumu (esteticko-antropologická koncepcia¹³, psychopatológia a pod.).

Výsledky našej prvotnej analýzy ukazujú, že Dostojevskij už v 19. storočí vo svojich dielach opísal symptómy, ktoré boli vedou definované až v 20. st. Je dôležité zdôrazniť, že v tvorbe Dostojevského sa spája umelecký talent a vedecká presvedčivosť. Autor predstavuje čitateľom a vedcom obrazy rôznych javov, ktoré veda začala výskumne verifikovať a popisovať až o sto rokov neskôr. Preto vnímame jeho tvorbu ako nadčasový literárny artefakt a predstavený text ponúka len jednu z možných interpretácií – psychologickú.

Ženské hrdinky a ich psycho(pato)logický obraz v tvorbe Dostojevského?

Tvorba Fiodora Michajloviča Dostojevského patrí k psychologicky najprepracovanejším fenoménom svetovej literatúry. V jeho románoch sa odráža napätie medzi filozofiou, náboženstvom, morálkou a ľudskou psychikou – a práve táto vzájomná

¹³ V analýzach využívame východiská nitrianskej Esteticko-antropologickej koncepcie umenia a literatúry, ktorú rozpracoval prof. A. Červeňák. Do analýz tak vstavuje jedna z hlavných myšlienok koncepcie – existencia postáv v tvorbe Dostojevského v rovine biologickej, sociálnej, duchovnej. O koncepcii pozri viac v monografiách: ČERVEŇÁK, A. 1986. *Človek v literatúre*; ČERVEŇÁK, A. 2009. *Reminiscencie esteticko-antropologické*; ČERVEŇÁK, A. 1991. *Tajomstvo Dostojevského*; v zborníku: MURÁNSKA, N. ed. 2008. *Esteticko-antropologická koncepcia literatúry a Andrej Červeňák*.

súvislosť robí z jeho postáv¹⁴ jedinečný predmet interdisciplinárneho výskumu. Zatiaľ čo Dostojevského mužskí hrdinovia (Raskolnikov, Ivan Karamazov či Stavrogin) sú často predstavení ako nositelia hlbokých filozoficko-psychologických konfliktov, ženské hrdinky zostávajú v sekundárnej interpretačnej pozícii, hoci ich vnútorný svet je rovnako roztrieštený, mnohovýrobný i tragický.

Ženské postavy v jeho tvorbe sú na prvý pohľad druhotné – často sa ocitajú v tieni mužských hrdinov, ktorých osudy a vnútorné drámy sa zdajú byť ústredné. Pozorné čítanie však odhaľuje rôznorodejší obraz: práve ženy sa stávajú morálnymi orientačnými bodmi, nositeľkami utrpenia, obetavosti, ale aj vnútornej sily. Ich psychológia je kombináciou tragickosti a duchovného potenciálu, ktorý sa prejavuje v túžbe po láske, obeti, spáse.

Náš pohľad predstavuje určitú antitézu k ideám niektorých mysliteľov, ako napr. Berďajeva. Podľa neho v „antropologickom laboratóriu“ Dostojevského ženské postavy nemajú osobitné miesto a jeho antropológia je čisto mužskou záležitosťou. Tento filozof tiež zastával názor, že v duši človeka hrá hlavnú úlohu mužská podstata, zatiaľ čo žena je formou pokušenia vo vnútornej tragédii muža. Poukazuje na to, že u Dostojevského nie je vidieť skúmanie vnútorného sveta ženskej duše, pretože ženy sú pre spisovateľa dôležité, ale len ako stelesnenie vášne. V Dostojevského tvorbe žena vystupuje ako objekt rozkolu mužskej duše (Berďajev, 2001, s. 72 – 75). Prístup Berďajeva, ako náboženského mysliteľa a filozofa tej doby, je podľa nášho názoru jednostranný, čo napríklad nekorešponduje s Dostojevského ideou polyfonickosti.

A. Červeňák vyčleňuje dva typy postáv (ako dôsledok nespravodlivosti sveta či psychických traum)¹⁵, pričom nezabúda ani na ženské obrazy:

1. *fyzicky a psychicky silnejší jedinci*: Polina (*Hráč*), Nastasia Filippovna (*Idiot*), Liza (*Diabom posadnutí*),
2. *fyzicky a psychicky slabé typy*: Netočka (*Netočka Nezvanovová*), Sonička (*Zločin a trest*), Sofia Andrejevna (*Výrastok*), Krotká (*Krotká*).

Oprávnené poznamenáva: „Traumatizované vedomie mladého Dostojevského sa bude odrážať a rezonovať v citlivých vedomiach hrdinov oboch skupín.“ (Červeňák, 1991, s. 17). Červeňák pristupoval k štúdiu Dostojevského tvorby systematicky a komplexne, preto

¹⁴ V tomto kontexte si dovoľme pripomenúť výskum slovenských literárnych vedcov A. Repoňa a I. Cintulu, ktorí poskytli náhľad do problematiky premien hlavného hrdinu v dielach ruskej literatúry rokov 1825 – 1925. Prišli k záveru, že stále viac je cítiť tendenciu ruských spisovateľov zobrazovať tajomné zákutia ľudskej duše. Je zreteľná snaha vyjadriť vo fiktívnom svete literatúry to, čo je v reálnom svete nevyjadriteľné (Репонь, Цинтула, 2025, s. 89).

¹⁵ Z traumatických zážitkov autora možno spomenúť smrť otca (1839), ťažkú finančnú krízu (1844), nevykonanú popravu (1849) a nasledujúce roky na Sibíri.

typológie, postuláty a postrehy, ktoré sa odrazili v jeho prácach, možno zaradiť medzi najdôveryhodnejšie.

Hrdinky Dostojevského diel sú zložité a ambivalentné obrazy ženskej duše – napr. Soňa Marmeladovová v *Zločine a treste* (1866) je symbolom obetavosti a duchovnej čistoty, zatiaľ čo Nastasia Filippovna z *Idiota* (1869) stelesňuje zdrvujúcu silu vášne a tragickosť osudu. Je potrebné poznamenať, že mnohé ženské postavy v ruskej literatúre spája jedna črta – hrdosť, ktorá sa neraz stáva určujúcou v ich charaktere. Podľa Makaričevovej je práve táto vlastnosť kľúčová aj v obraze Krotkej z rovnomenného diela. Popri hrdej povahe je hysterickosť ďalším opakujúcim sa prvkom, ktorý spája ženské charaktery v rôznych autorových dielach. Napríklad Soňa (*Zločin a trest*) sa počas rozhovorov s Raskol'nikovom takmer neustále nachádza v stave krajného emocionálneho napätia, na pokraji nervového zrútenia (Макаричева, 2011, s. 87). Možno sa domnievať, že ženské postavy v tvorbe F. M. Dostojevského zohrávajú kľúčovú úlohu nielen v rozvíjaní deja, ale aj v odhaľovaní hlbokých filozofických, morálnych a psychologických problémov, ktoré autora znepokojovali. Dostojevského ženské hrdinky sú mnohokrát protirečivé: spája sa v nich duchovná sila a „krehkosť“, obetavosť a vnútorný konflikt, idealizmus i predurčenosť k tragédii. Prostredníctvom nich autor skúma idey lásky, utrpenia, vykúpenia a slobody vôle. Ženské obrazy sa stávajú zrkadlom spoločnosti. Ich vnútorná dráma je opakovane nemenej dôležitá než utrpenie ústredných mužských hrdinov. Práve v tom sa prejavuje hĺbka Dostojevského humanizmu a jeho schopnosť vidieť skutočnú hodnotu ľudskej duše mimo rodových stereotypov a spoločenských konvencií.

Psychológia ženy u Dostojevského nie je len súčasťou dejovej štruktúry, ale predstavuje samostatnú vrstvu umeleckej reality, obdarenú hĺbkou i vnútornými rozpormi. Problematika psychológie ženských postáv v diele Dostojevského predstavuje relevantnú, avšak dosiaľ nedostatočne reflektovanú oblasť výskumu. Mnohí bádatelia sa venovali jednotlivým hrdinkám (Nastasii Filippovne, Soni Marmeladovovej, Lize z *Diabla posadnutých*, Grušeňke z *Bratov Karamazovovcov* a i.), avšak systematická analýza vnútornej logiky ich konania, emocionálnych stavov, ako aj ich psychiky doposiaľ nebola v plnej miere a systematicky realizovaná. Napríklad pri skúmaní črt ženských postáv, ktoré F. M. Dostojevskij umelecky stvárnil vo svojom románe *Bratia Karamazovci* (1881), Makaričevová konštatuje, že jeho „mužskému“ spisovateľskému pohľadu boli prístupné nuansy ženskej psychológie a ženského duševného života. O tom, že tento aspekt ženských charakterov predstavoval pre autora osobitný záujem, svedčí celá jeho predchádzajúca spisba (Макаричева, 2023, s. 75).

V Dostojevského žánrovo rôznorodej tvorbe sa odráža mnoho psycho(pato)logických a sociálno-patologických javov. V *Netočke Nezvanovovej* (1849) je popísaný toxický vzťah¹⁶ otčima a nevlastnej dcéry, v *Krotkej* (1867) autor predstavil suicidálne sklony, motívy a genézu samovraždy¹⁷ hlavnej hrdinky a mnoho ďalšieho. Predmetom našej analýzy bude obraz Antonidy Vasilievny ako hráčky (obete patologického hráčstva), interpretovaný na podklade konkrétnych textových segmentov románu *Hráč* (1866).

Antonida Vasilievna (*Hráč*) – obeť hráčskej vášne

V *Hráčovi* je jedným z leitmotívov práve hazard, vášeň pre hazardné hry, ktorej podliehajú dve postavy tohto diela. Román patrí k tým dielam Fiodora Michajloviča Dostojevského, ktoré vznikli v mimoriadne ťažkom období¹⁸ jeho života – pod tlakom dlhov, osobných kríz a zmluvných záväzkov. Práve tieto životné okolnosti sa výrazne odrážajú v samotnej podstate románu, ktorého ústrednou témou je hazardná hra – nielen ako vonkajšia činnosť, ale aj ako psychologický a existenciálny stav. Okrem príbehu o rulete a ľudských stratách, Dostojevskij podáva aj komplexný portrét človeka zmietaného medzi vášňou, závislosťou a túžbou po uznaní či spoločenskom vzostupe.

V našom výskume sa budeme zaoberať hazardnými hrami a ich silou – vplyvom na človeka, ako sú opísané priamo v texte, predovšetkým cez prizmu psychológie.

F. M. Dostojevskij v románe *Hráč* podal psychologický opis fenoménu závislosti o celé storočie skôr, než to urobila samotná veda. Z psychologického hľadiska je dôležité pochopiť, že pre hazardné hry je typické to, že hráč si „kupuje“ možnosť alebo ilúziu zisku, teda materiálne hodnoty predstavujú hlavný stimul (Nešpor, 2011, s. 12). Vyhliadka na získanie výhry je pre hráča dôležitá a vyvoláva uňho vzrušenie (netreba zabúdať, že finančné ťažkosti, dlhy a iné výdavky podporujú hazardné správanie). Postupom času sa problémy s hazardom prehlbujú a vyrovnať sa so závislosťou býva náročné. Peniaze sú

¹⁶ Pozri viac : LEKEŠ, P. 2024. Женщина как жертва манипуляции: на примере литературного персонажа Федора Достоевского (Нечка Незванова). In: *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica*.

¹⁷ Pozri viac: LEKEŠ, P. 2022. Вопросы самоубийства в произведении Достоевского "Кроткая" (психологический подход). In: *Slavica litteraria*.

¹⁸ Ako je známe, F. M. Dostojevskij mal vášnivú povahu: podľahol kartám a v zrelšom veku aj rulete (vo Wiesbadene, Paríži). Práve pri týchto skúsenostiach Dostojevskij prvýkrát naplno pocítil silu hazardu. Rok 1866 sa stal pre spisovateľa jedným z najťažších. Vážne finančné problémy a nedávna smrť prvej manželky M. Isajevovej, s ktorou prežil sedem rokov, ako aj brata Michaila (1864), ťažko doliehali na jeho duševný stav. Napriek tomu Dostojevskij a jeho mladá stenografka Anna Grigorievna dokázali v roku 1866 takmer nemožné: za 26 dní pripravili román (*Hráč*), ktorý predtým existoval len v hrubých náčtoch. Všetky udalosti opísané v tomto diele boli výsledkom autorových hlbokých prežitkov. Dostojevskij dobre poznal ničivú silu hazardu, ktorý si človeka úplne podmaňuje a ženie ho k nečestným činom. Dej diela má autobiografický základ: hra na rulete v Hamburgu a Wiesbadene, spisovateľova závislosť i jeho pokusy vytvoriť si osobnú „teóriu hry“. V románe Dostojevskij ukazuje, ako túžba po zisku preniká do všetkých aspektov ľudského života – do citov, prežívania, emócií i samotnej psychiky.

v podstate podnetom k túžbe po výhre (Tamže, s. 12 – 13). Vysvetľujúc charakteristiku patologického hráča, je potrebné si uvedomiť, že „u gambleroŤ ľahko rozpoznáte také črty osobnosti ako nezdržanlivosť, bezstarostnosť, egocentrizmus, labilita, ľahkovážnosť, nedbalosť“ (Benkovič, 2003, s. 98).

Po dlhý čas sa hráčstvo neklasifikovalo ako patologický jav. Dostojevskij dokázal sprostredkovať a presne opísať všetky aspekty hráčskej vášne napriek tomu, že adiktológia ako vedecká disciplína sa začala rozvíjať neskôr a jej intenzívny progres pripadol až na polovicu 20. storočia. V priebehu rozvoja tejto vedeckej oblasti boli vypracované rôzne metodiky, publikované odborné štúdie a zostavené komplexné diagnostické príručky. Bola navrhnutá podrobná klasifikácia hráčstva.

Podľa *Diagnostickeho a štatistického manuálu duševných porúch* (DSM) je klasifikácia rozdelená do desiatich bodov, ktoré opisujú správanie hráča:

1. Zamestnáva sa hazardní hrou (napr. Znovu prožíva minulé zážitky související s hazardní hrou, plánuje další hazardní hru, uvažuje o tom, jak si opatřovat prostředky k další hazardní hře);
2. Aby docílil žádoucího vzrušení, musí zvyšovat množství peněz vkládaných do hazardní hry;
3. Opakovaně a neúspěšně se pokoušel hazardní hru ovládat, redukovat nebo s ní přestat;
4. Když se pokouší snížit hazardní hru nebo s ní přestává, cítí neklid a podrážděnost;
5. Používá hazardní hru jako prostředek jak uniknout problémům nebo mírnit dysforickou náladu (napr. Pocity bezmocnosti, viny, úzkosti, deprese);
6. Po ztrátě peněz při hazardní hře se následujícího dne k hazardní hře vrací, aby je vyhrál nazpět;
7. Lže příbuzným, terapeutovi nebo jiným lidem, aby tak zakryl rozsah svého zaujetí hazardní hrou;
8. Dopustil se ilegálních činů ako padělaní, podvodů, krádeží nebo zpronevěry kvůli hazardní hře;
9. Ohrozil nebo ztratil kvůli hazardní hře signifikantní vztahy, zaměstnání, vzdělání nebo kariéru;
10. Spoléhá na druhé, aby mu poskytovali finanční prostředky a mírnili tak zoufalou finanční situaci, do které se dostal kvůli hazardní hře“ (spracované a citované podľa: Nešpor, 2011, s. 29).

Karel Nešpor¹⁹ vo svojej publikácii dopĺňa opis patologického hráčstva aj podľa *Medzinárodnej klasifikácie chorôb v 10. revízii* (MKCH-10), a to konkrétne: „1. Během období nejméně jednoho roku se vyskytnou dvě nebo více epizod hráčství; 2. Tyto epizody nejsou pro jedince výnosné, ale opakují se přesto, že vyvolávají tíseň a narušují každodenní život; 3. Jedinec popisuje silné puzení ke hře, které lze těžko ovládnout, a hovoří o tom, že není schopen silou vůle hře odolát; 4. Jedinec je zaujat myšlenkami a představami hraní a okolností, které tuto činnost doprovázejí“ (spracované a citované podľa: Nešpor, 2011, s. 27).

Podľa nášho názoru je pre produktívnejšiu analýzu obrazu hráčstva v románe potrebné zohľadniť historicko-biografický kontext vzniku diela. Hráč bol publikovaný v roku 1866 – o 111 rokov skôr, než sa objavil opis a klasifikácia patologického hráčstva (hoci hazardné hry alebo ich rôzne formy existovali už v starovekom Egypte). Dostojevskij tak vytvoril nadčasový (a vedecky presný) príbeh na základe vlastnej skúsenosti.

Hazardné hry sa vyvíjali postupne, preto sa o tom, nakoľko bol F. M. Dostojevskij oboznámený s prejavmi patologickej závislosti od hazardných hier a gamblingu ešte pred ich oficiálnym zaradením do psychiatrických príručiek, dozvedáme²⁰ napríklad z vybraného diela. Pozoruhodné je, že opisy charakterov postáv sa zhodujú so súčasným opisom patologického hráča. Ak porovnáme modernú charakteristiku hráčstva ako duševnej poruchy alebo formy závislosti, nájdeme spoločné črty nielen u hlavného hrdinu románu – Alexeja, ale aj u Antonidy Vasilievny – babičky, ktorá pre svoju rodinu predstavovala iba vidinu dedičstva.

Ako sme už uviedli, téma hráčskej vášne, závislosti a hazardného správania je leitmotívom románu *Hráč*. Hazardné hry a s nimi spojené (patologické) správanie tvoria pozadie pre rozvíjanie deja i rozprávanie o postavách, predovšetkým o Alexejovi Ivanovičovi a staršej dáme Antonide Vasilievne.

¹⁹ Pracovali sme s textami českého psychiatria K. Nešpora, ktorý prehľadne spracováva danú problematiku, keďže k aktualizovaným manuálom je pre laikov i odborníkov mimo oblasti psychiatrie a psychológie obmedzený prístup.

²⁰ Román nie je jediným svedectvom o stave, ktorý Dostojevskij prežíval či jeho dlhoch. Možno spomenúť napríklad list A. E. Vrangeli (31. marec – 14. apríl 1865, Peterburg): “<...> И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно <...> Буквально мне не для чего оставалось жить <...> Стало всё вокруг меня холодно и пустынно <...> я охотно бы пошел опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро. Он выйдет эффектен, но того ли мне надобно! Работа из нужды, из денег задавила и съела меня <...>”. Dostupné na: <https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskiy-vrangelyu-31-marta-14-aprelya-1865.htm>; alebo memoáre jeho manželky A. G. Dostojevskij, v ktorých spomína aj na obdobie, kedy bol napísaný *Hráč*, obdobie, kedy spoznala svojho (vtedy budúceho) manžela. Pozri: ДОСТОЕВСКАЯ, А. 2018. *Мой муж – Федор Достоевский. Жизнь в тени гения*.

Dej sa odohráva v nemeckom mestečku Ruletenburg, kde v hoteli býva generál so svojou nevlastnou dcérou Polinou a učiteľom Alexejom Ivanovičom. Vystupujú tu aj ďalšie postavy: dáma menom Blanche de Cominges, markíz de Grioux a Angličan Astley. Hlavný hrdina Alexej Ivanovič sa s hazardnými hrami prvýkrát stretáva vtedy, keď ho Polina, do ktorej je zamilovaný, požiada, aby na rulete zdvojnásobil jej finančné prostriedky. Dlhú váha, no napokon jej prosbu splní. Keď sa ocitne pred krupierom, pozoruje hru, aby jej lepšie porozumel. V prvej hre prehráva. Neskôr do Ruletenburgu nečakane prichádza stará dáma Antonida Vasilievna Tarasevičová (všetci pritom očakávali iba telegram o jej smrti, aby mohli získať dedičstvo a splatiť svoje dlhy). Aj táto staršia dáma sa v meste oddáva hazardným hrám, prehrá takmer všetky svoje úspory a napokon sa vracia domov.

Román je zaujímavý aj tým, že autor vytvára pre svojich hrdinov akýsi nový svet. Na jednej strane vnímame Ruletenburg ako stelesnenie sveta plného absurdít a škandálov, na druhej strane je čitateľovi ako centrum tohto sveta ponúknutá ruleta. Na ruletu sa však možno pozrieť aj z inej perspektívy. Jurij Lotman, mienkotvorná osobnosť literárnej vedy, vidí v rulete prostriedok spásy pre hráča: pomocou nej je možné uskutočniť akýsi zázrak. Preto, hoci hlavný hrdina *Hráča* vníma peniaze ako zlo, očakáva spásu práve prostredníctvom peňažnej výhry (Lotman, 2003, s. 813). Na druhej strane súčasný slovenský psychológ Živný poznamenáva, že „Dostojevskij nám vo svojom Hráčovi odkázal úžasnú analýzu chorobného myslenia človeka, ktorý sa postupne prepadá až na dno,“ (Živný, 2003, s. 108). Hráč tak predstavuje jedno z najvýznamnejších diel svetovej literatúry tematizujúcich ľudskú vášeň pre hazard. Román zároveň reflektuje existenciálnu situáciu jednotlivca i medziľudské vzťahy formované deštruktívnym vplyvom hry.

V diele sa nachádzajú podrobné opisy správania postáv, ktoré zodpovedajú charakteristikám patologickej závislosti od hazardných hier. Počas prvej hry Alexej²¹ zažíva zvláštny pocit práve vo chvíli, keď by mal z kasína odísť. Jeho vnútorné nutkanie pokračovať v hre je však neadekvátne. Neustále zvyšuje stávky a napokon prehrá všetko. Keď odchádza bez peňazí, pociťuje závrat: „**Stavil som totiž odrazu** na páru dvadsať fridrichsdorov a **vyhral** som, znovu som stavil a znovu **vyhral**, a takto ešte dva-tri razy <...> **Vtedy som mal odísť**, lenže **mňa ovládol akýsi zvláštny pocit**, akási **výzva osudu**, akási **túžba** dať mu frčku, **vyplaziť jazyk** <...> **prehral som** <...> stavil som na to isté číslo a **znovu som prehral** <...> som odišiel od stola **ako omráčený** <...>“²² (Dostojevskij, 1966, s. 161 – 162). Opísaný

²¹ Prejavy hráčstva u Alexeja a Antonidy Vasilievny sú do istej miery prepojené, keďže hrajú spoločne v kasíne.

²² Tu i ďalej budeme v jednotlivých citovaných úryvkoch hrubým písmom zvýrazňovať podstatné pasáže, obsahujúce umelecké opisy signifikantných prejavov patologického hráčstva.

stav možno porovnať s charakteristikou v DSM, podľa ktorej musí hráč zvyšovať množstvo peňazí vložených do hry, aby dosiahol vzrušenie, ako aj s prejavom nepokoja, ktorý sa u hráča objavuje po ukončení hry (bod 4 DSM). Výrazne sa však symptómy hráčstva prejavujú aj u Antonidy Vasilievny, na ktorej charakteristiku sa zameriame.

Antonida Vasilievna bola veľmi zaujatá ruletou, priam ju fascinovala: „Trente et quarante málo dráždilo je zvedavosť, **väčšmi sa jej páčila ruleta s tou guľkou**, ako sa na nej kotúľa. Napokon **chcela vidieť hru zblízka**,“ (Dostojevskij, 1966, s. 207). Neustále stavia na to isté číslo. Keď prehráva, začína sa u nej prejavovať agresívne správanie. Neprestáva čakať, kým padne vysnívané ZERO: „<...> stavili sme tretí. Babička **ledva obsedela na mieste**, až sa tak **vpila blčiacimi očami do guľky** <...> **Prehrali sme aj tretí. Babičku šlo rozhodiť od zlosti, hniezdila sa, aj päst'ou buchla po stole**, keď krupier ohlásil „trente six“ namiesto vytúženého zéro. <...> Uch, **bodaj ho! – jedovala sa babička**. – Kedy už vyjde to **prekliate zérisko? Nech sa prepadnem, ak tu nevysedím zéro!** To len tento **prekliaty kučeravý krupierisko** robí, uňho nikdy nevychádza!“ (Dostojevskij, 1966, s. 210).

Akt výhry je sprevádzaný stavom exaltovaného uspokojenia, pričom nadobudnutie finančného zisku nevedie k ukončeniu hry, ale naopak k posilneniu impulzu v nej pokračovať. Antonida Vasilievna je nervózna a trasie sa, keď vidí ako sa točí ruleta. Prejavy hráčskej vášne sa tak odrážajú na biologickej (fyziologické symptómy) aj sociálnej úrovni. Alexej stojí vedľa babyčky a keď opäť vyhrá, spomenie si na hru, začnú sa mu triasť nohy, čo takisto poukazuje na biologickú úroveň prejavov hráčstva. Treba však poznamenať, že v tomto momente ešte nie sú symptómy u Antonidy Vasilievny natoľko zjavné, pretože po dvoch nasledujúcich výhrach od rulety odchádza: „**Ešte! Ešte! Ešte! Stav ešte! – kričala babička**. Už som jej neodporoval <...> Koleso sa dlho točilo. **Babička sa až triasla, ako sa točilo koleso**. <...> Na tvári jej **žiarilo hlboké presvedčenie o výhre, nezvratná nádej** <...> **Čo!!! – s vášnivým triumfom skríkla** na mňa babička. I ja som bol **hráč**; uvedomil som si to v tejto chvíľke. **Celý som sa triasol, v hlave mi hučalo**,“ (Dostojevskij, 1966, s. 212). V tomto úryvku sa prejavuje silný impulz k hre, dochádza k zvyšovaniu vkladanej sumy s cieľom zosilniť hráčovo vzrušenie a zároveň možno pozorovať snahu kontrolovať priebeh hry. Alexej si opakovane spomína na hru a stáva sa podráždeným, podobne ako babička, u ktorej sa takisto prejavujú známky agresivity a roztržitosti. Intenzita psychických prejavov na biologickej i sociálnej úrovni sa výrazne zvyšuje.

Okrem toho je zrejmé aj súvislosť patologického hazardu s rodinným prostredím. Hazardné prejavy Antonidy Vasilievny ovplyvňujú členov jej rodiny, obávajúci sa o úspory, ktoré chcú zdediť. Rodina upadá do zúfalstva, keď ju pozoruje v momentoch prehry, a všima

si napätie s akým hrá, keď v rulete stratí všetko: „<...> ved' tá **všetko prehrá; tá prehrá všetko do poslednej mince**. Sám ste videli jej hru, **boli ste svedkom!** Ak začne prehrávať, **potom už neodíde od stola z hlavatosti, zo zlosti, a stále bude hrať**, stále bude hrať, lenže **v takých prípadoch sa nikdy nevyhráva späť**, čo sa prehralo, a vtedy... vtedy... **vtedy zničíte celú rodinu**,“ (Dostojevskij, 1966, s. 219).

V nasledujúcich kapitolách Dostojevskij presne opisuje, nakoľko je Antonida Vasilievna náchylná na nepokoj, roztržitosť a podráždenosť, a je zrejmé, ako sa jej ruleta doslova roztočila v hlave: „Babička **bola netrzeplivá a rozrušená**; bolo zrejmé, že **mala plnú hlavu rulety**. **K ostatnému bola ľahostajná** a vôbec **bola strašne roztržitá**,“ (Dostojevskij, 1966, s. 221). Rovnako výrazným symptómom je, že Antonida Vasilievna sa neustále vracia k hre a na druhý deň začne hrať opäť. Prejavuje značnú agresivitu voči Alexejovi, ktorý je s ňou v hernej miestnosti. V tomto prípade Dostojevskij názorne ukazuje, že hráč sa opakovane vracia k hre, premýšľa nad stratégiou a disponuje naozaj silnými inštinktmí, ktoré nedokáže ovládať. U babičky sa zároveň prejavuje pocit strnulosti pri prehre a vzrušenie pri výhre, pričom stále nedokáže odísť od rulety: „**Hybaj s tým hnusným zériskom do pekla**. <...> Na, stav <...> **babička ma div nezbila**. Ostatne, aj tie jej **šťuchance pripomínali skôr buchnáty**. <...> krupier schmatol jej štyritisíc guldenov <...> práve **ponadávala** a nechala ho, **zhíkla a spl'asla rukami**, že to celá sála počula. <...> **A to ty! To všetko ty! – Zúrivo ma začala šťuchať**. – Ty si ma odhovoril <...> **Pakuj sa mi**,“ (Dostojevskij, 1966, s. 222 – 223). Antonida Vasilievna prejavuje záujem o hru a hrá až do okamihu, kým jej to okolnosti umožnia: „**Aj keď ma na mieste porazí, musím to všetko vyhrať nazad!** No, marš, nevypytuj sa!“ (Dostojevskij, 1966, s. 231) <...> „Len som sa čudoval, ako **vydržala celých tých sedem či osem hodín sedieť v kresle a takmer neodchádzať od stola** <...> keď ju znova strhla nádej, **nijako nevládala odísť**“ (Dostojevskij, 1966, s. 235). Prejavy hráčskej závislosti u Antonidy Vasilievny sa manifestujú predovšetkým na biologickej a sociálnej úrovni. V mnohých prípadoch nekontroluje svoje správanie, a Dostojevskij toto najintenzívnejšie opisuje cez fyziológiu, teda biologickú podstatu existencie postavy.

Záver

Analýzovaním románu *Hráč* a odbornej literatúry z oblasti psychológie a adiktológie sme dospeli k záveru, že Fiodor Michajlovič Dostojevskij opísal príznaky patologického hráčstva na príklade Antonidy Vasilievny (a aj Alexeja, ktorého obraz však nebol hlavným predmetom našej analýzy) skôr, než ich definovali svetoví experti v oblasti adiktológie.

Prejavy závislosti u tejto hrdinky sú do výraznej miery korelatívne s popisom v psychiatrických príručkách, ktoré sme použili ako komparatívny materiál. V *Hráčovi* sme identifikovali reprezentatívne množstvo patologických prejavov: opakujúce sa epizódy hazardných hier v relatívne krátkom čase, silné nutkanie hrať, posadnutosť hrou, neustále premýšľanie o hre či podráždenosť. Z hľadiska existencie postavy sa prejavy patologického hazardného správania najvýraznejšie odrážajú na biologickej a sociálnej úrovni.

Tvorbu Fiodor Michajlovič Dostojevskij nemožno vnímať len ako umelecký opis temných, bolestivých alebo odpudivých stránok ľudskej existencie: predstavuje oveľa zložitejšie a viacvrstvé prostredie, v ktorom sa literárny text stáva akýmsi prediktorom a diagnostickým nástrojom patologického správania. Na základe psychologicky komplexných ženských postáv Dostojevskij skúma celé spektrum odchýlok od sociálnej a morálnej „normy“, ukazujúc, že samotná norma je historicky a kultúrne podmienená, nestabilná a vnútorné protirečivá. V tomto zmysle Dostojevského próza ponúka univerzálny kľúč k pochopeniu mechanizmov deviácie, utrpenia a vnútorného rozpadu osobnosti, pričom odhaľuje hlbokú psychologickú logiku ľudského správania a zároveň poukazuje na nespoľahlivosť akýchkoľvek pokusov definovať, čo je považované za „normálne“ v ľudskej psychike a sociálnom živote.

Zoznam literatúry

- BERĎAJEV, N. A. 2001. *Dostojevského pojetí světa*. Praha: Oikoymenh, 148 s. ISBN 80-7298-020-3.
- BREGER, L. 2019. *Dostojevskij: Autor ako psychoanalytik*. Bratislava: Vydavateľstvo F, 283 s. ISBN 978-80-88952-99-2.
- ČERVENÁK, A. 1986. *Človek v literatúre*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 208 s. ISBN 12-72-106-86.
- ČERVENÁK, A. 2002. *Človek v texte*. Nitra: FF UKF v Nitre a Spolok slovenských spisovateľov, 248 s. ISBN 80-8050-503-9.
- ČERVENÁK, A. 2009. *Reminiscencie esteticko-antropologické*. Nitra: FF UKF v Nitre, Spolok slovenských spisovateľov a Klub Fjoroda Michajloviča Dostojevského, 168 s. ISBN 978-80-80-61-355-6.
- ČERVENÁK, A. 2005. *Ruská literatúra v súčasnom svete*. Nitra – Bratislava: FF UK v Bratislave, 184 s. ISBN 80-8050-883-6.
- ČERVENÁK, A. 1991. *Tajomstvo Dostojevského*. Nitra: Pedagogická fakulta, 225 s. ISBN 80-85183-46-3.
- DOHNAL, J. 2021. Тема самоубийства у Ф. М. Достоевского и Л. Андреева как аксиологический вопрос. In: DOHNAL, Josef ed. *Revitalizace hodnot: umění a literatura V*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, Česká asociace slavistů, s. 215 – 225. ISBN 978-80-263-1701-2.

- DOSTOJEVSKIJ, F. M. 1966. *Večný manžel. Hráč*. Preložila Hana KOSTOLANSKÁ. Bratislava: Tatran, 286 s.
- DLOUHÁ, J. – MOLDAN, B. 2007. Inter-, multi-, trans-disciplinarita – vymezení pojmů [online]. In: *Envigogika*. Praha: Nakladatelství Karolinum, Centrum pro otázky životního prostředí UK, roč. 2, č. 2. ISSN 1802-3061. Dostupné na: <https://www.envigogika.cuni.cz/index.php/Envigogika/article/view/113>.
- GAŽOVÁ, V. 2009. Interdisciplinarita, transdisciplinarita, paradisciplinarita. In: GAŽOVÁ, Viera – SLUŠNÁ, Zuzana ed. *Interdisciplinarita, transdisciplinarita v spoločenskovednom výskume*. Bratislava: UK v Bratislave, Národné osvetové centrum, s. 5 – 13. ISBN 978-80-7121-312-3.
- KOPANIČÁK, J. 1994. *Dostojevskij a dnešok*. Bratislava: STIMUL, 387 s. ISBN 80- 85697-16-5.
- KOTRBOVÁ, K. – STURCZ, A. – SOLÁROVÁ, Z. 2022. Terapeutický potenciál Dostojevského poviedky Sen smiešneho človeka. In: *Philologia*. Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, roč. 32, č. 2, s. 343 – 365. ISSN 1339-2026.
- KULKA, J. 2008. *Psychologie umění*. Praha: GRADA, 440 s. ISBN 978-80-247-2329-7.
- LEKEŠ, P. 2022. Вопросы самоубийства в произведении Достоевского "Кроткая" (психологический подход). In: *Slavica litteraria*. Brno: Masarykova univerzita, vol. 25, № 1, с. 85 – 94. ISSN 2336-4491.
- LEKEŠ, P. 2024. Женщина как жертва манипуляции: на примере литературного персонажа Федора Достоевского (Неточка Незванова). In: *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica*. Łódź: Uniwersytet Łódzki, № 16, с. 183 – 191. ISSN 1427-9681.
- MURÁNSKA, N. ed. 2008. *Esteticko-antropologická koncepcia literatúry a Andrej Červeňák*. Nitra: FF UKF v Nitre, 337 s. ISBN 978-1-56592-479-6.
- MURÁNSKA, N. 2019. Художественный антропоцентризм Ф.М. Достоевского и антропологическая эстетика. In: PAUČOVÁ, Lenka – POSPÍŠIL, Ivo ed. Ф.М. Достоевский: состояние исследований и современное значение. Brno: Masarykova univerzita, с. 79 – 96. ISBN 978-80-88296-06-5.
- MÜLLER-FREIENFELS, R. 1922. *Psychologie der Kunst*. Leipzig-Berlin: B.G. Teubner-Verlag.
- POSPÍŠIL, I. 1995. *Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století*. Brno: Masarykova univerzita, 151 s. ISBN 80-210-1083-5.
- VIEWEGH, J. 1999. *Psychologie umělecké literatury*. Brno: Nakladatelství Pavel Křepela. 306 s. ISBN 80-902653-1-6.
- VIEWEGH, J. 1996. *Sebevražda a literatura*. Brno: Nakladatelství Tomáše Janečka. 282 s. ISBN 80-85880-10-5.
- VYGOTSKIJ, L. S. 1981. *Psychologie umění*. Praha: Odeon.
- ДОСТОЕВСКАЯ, А. 2018. *Мой муж – Федор Достоевский. Жизнь в тени гения*. Москва: Алгоритм, 448 с. ISBN 978-5-906995-54-4.
- КРИНИЦЫН, А. Б. 2017. *Сюжетология романов Ф.М. Достоевского*. Москва: Макс Пресс, 456 p. ISBN 978-5-317-05438-0.
- МАКАРИЧЕВА, Н. А. 2011. Женские образы в творчестве Достоевского: типологические черты и «Очертания» типов. In: *Вестник Сургутского*

- государственного педагогического университета. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, № 4, с. 86 – 90. ISSN 2078-7626.
- МАКАРИЧЕВА, Н. А. 2023. Психологические особенности женского конфликта в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. In: *Вестник МАСИ*. Москва: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский гуманитарно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт», № 1, с. 69 – 76. ISSN 2619-046X.
- РЕПОНЬ, А. – ЦИНТУЛА, И. 2025. Замечания о главном герое русской классической литературы 1825–1925 годов. In: *Сибирский филологический журнал*. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, № 3, с. 78 – 91. ISSN 1813-7083.
- РОМАНОВА, Е. С. 2019. Психологический аспект творчества Ф.М. Достоевского. In: *Системная психология и социология*. Москва: ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», том 1, № 29, с. 31 – 46. ISSN 2223–6880.
- ЧИЖ, В. Ф. 1885. *Достоевский как психопатолог*. Москва: Унив.тип., 123 с.

Patrik Lekeš

Mgr., PhD.

Katedra slovanských filológií, Filozofická fakulta,
Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Štefánikova 67, 949 01 Nitra, Slovensko
Department of Slavic Philologies, Faculty of Arts,
Constantine the Philosopher University in Nitra
67 Štefánikova St., 949 01 Nitra, Slovakia

E-mail: plekes@ukf.sk

ORCID ID: 0000-0002-9466-1883

ЛЕВ СЛАВИН И «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЙНЫ»: КОНЦЕПТ НОМО EMPATHICUS В СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЕ

Ekaterina Borisova

Кафедра славянских языков и интеркультурной коммуникации
Экономический университет в г. Братиславе
Братислава, Словакия

Аннотация: Статья посвящена анализу прозы Льва Славина в контексте осмысления войны как пространства формирования человеческой эмпатии. В центре внимания находится концепт *Homo empathicus*, позволяющий рассматривать военную прозу как этическое высказывание о человеке в условиях насилия и предельного опыта. На материале произведений Славина показано, как автор смещает акцент с героико-патетического изображения войны на «малые» формы человеческого участия, сострадания и морального выбора. Эмпатия в его прозе рассматривается как способ противостояния дегуманизации и важный элемент художественной структуры, актуализирующий гуманистическое измерение советской военной литературы.

Ключевые слова: Лев Славин, советская военная проза, *Homo empathicus*, образ человека на войне, эмпатия, дегуманизация, гуманистическая традиция.

LEV SLAVIN AND THE "HUMAN DIMENSION OF WAR": THE CONCEPT OF *HOMO EMPATHICUS* IN SOVIET MILITARY PROSE

Abstract: The article analyzes the prose of Lev Slavin within the context of conceptualizing war as a space for the formation of human empathy. The study focuses on the concept of *Homo empathicus*, which allows for the examination of war prose as an ethical statement about the individual under conditions of violence and liminal experience. Based on Slavin's works, the author demonstrates a shift in focus from heroic-pathetic depictions of war to "small" forms of human participation, compassion, and moral choice. Empathy in Slavin's prose is viewed as a means of resisting dehumanization and as a vital element of the artistic structure that actualizes the humanistic dimension of Soviet war literature.

Keywords: Lev Slavin, Soviet war prose, *Homo empathicus*, image of man in war, empathy, dehumanization, humanistic tradition.

Введение

В современной славистике война всё чаще осмысляется не через идеологические нарративы, а как пространство предельного опыта, обнажающее вопросы идентичности и нравственного выбора. Смещение фокуса с героико-патетических моделей на «человеческое измерение» позволяет выявить в военной прозе XX века гуманистические основания, скрытые за канонами соцреализма. В этом контексте

творчество Льва Славина представляет особый интерес. Оставаясь на периферии научного внимания в тени «лейтенантской прозы», произведения Славина демонстрируют уникальный тип художественного мышления. В них война представлена через судьбы «частных людей», их внутренние сомнения и способность к сочувствию в условиях тотальной дегуманизации.

Для анализа этой поэтики продуктивен концепт *Homo empathicus* (Дж. Рифкин, А. Гёрлах), позволяющий рассматривать текст как этическое высказывание. Эмпатия здесь - не просто мотив, а структурообразующий принцип, определяющий тип героя и систему ценностей. Объектом исследования являются военные рассказы Л. Славина 1930-х – 1940-х годов. Цель статьи – реконструировать этическую модель человека, основанную на сопереживании и внимании к «малому» жесту, что позволяет вписать творчество писателя в мировую гуманистическую традицию.

1. Концепт *Homo empathicus*: к определению этической доминанты героя

Теоретическим фундаментом исследования служит концепт *Homo empathicus* (Дж. Рифкин, А. Гёрлах). В отличие от моделей, акцентирующих рациональность (*Homo sapiens*) или выгоду (*Homo economicus*), данный подход постулирует эмпатию как фундаментальную черту человеческой природы.

Джереми Рифкин в работе «Эмпатическая цивилизация» обозначает методологический сдвиг: если традиционная гуманитарная мысль сосредоточена на «патологии власти» (войнах и конфликтах), то вне поля зрения остается способность к сопереживанию как биологическая и социальная константа. По Рифкину, именно «сотни маленьких актов доброты», составляющих повседневность, являются «социальным клеем», позволяющим цивилизации выживать в периоды катастроф (Rifkin, 2010). Если бы насилие было единственным элементом человеческого опыта, вид *Homo sapiens* не смог бы сохраниться.

Для анализа военной прозы Л. Славина ключевыми являются следующие тезисы Рифкина:

- активное участие. В отличие от пассивного сочувствия, эмпатия по М.Л. Хоффману – это вовлеченность, заставляющая испытывать чувства, адекватные ситуации другого (Hoffman, 2000, s. 242). Герои Славина часто действуют вопреки логике самосохранения, превращая сопереживание в импульс к поступку.

- экзистенциальное подтверждение. Сопереживание в моменты уязвимости подтверждает ценность бытия. В художественном мире автора война становится зоной острого проживания «человеческого» через признание хрупкости жизни Другого.

- связь с индивидуализацией. Зрелая эмпатия требует развитого «я». Персонажи Славина – не безликая масса, а глубоко индивидуализированные герои, чья «самость» позволяет им осознать уникальность чужого страдания.

Концепт *Homo empathicus* позволяет сместить фокус с идеологической оценки героя на его этическую состоятельность. В работе «Homo Empathicus» Александр Гёрлах определяет эмпатию как «передатчик для баланса интересов» и условие подлинного диалога (Görlach, 2021, s. 148). Тожественная гуманности (humanity), она выступает медиумом, позволяющим другому «предстать в собственном свете», не теряя достоинства.

Это замечание принципиально для поэтики Л. Славина: эмпатия в его текстах становится инструментом восстановления человеческих связей, разрушенных войной. Как отмечает Гёрлах, «общее благо» (*bonum commune*) достижимо лишь при восприятии субъектов как «равных по ценности» (Görlach, 2021, s. 148). Таким образом, военная проза Славина рассматривается не только как историческое свидетельство, но и как этическое высказывание. *Homo empathicus* в его художественном мире – фигура, чья способность к признанию самоценности Другого становится формой морального выбора в ситуации предельного опыта.

2. Человеческое измерение войны у Славина

2.1. Особенности авторской оптики: децентрализация героизма

Художественная система Л. Славина строится на радикальном смещении акцентов с макроуровня (стратегия, идеология) на микроуровень – частное существование человека. Ключевой характеристикой его оптики становится «децентрализация» героизма.

В отличие от канонических образцов соцреализма, где подвиг – это идеологически мотивированный акт, у Славина герой действует почти непреднамеренно. Подвиг депатетизирован: он предстает как «случайность» или естественное «биологическое» движение души. Автор фокусируется на «малом человеке», сохраняющем этический фокус вопреки обстоятельствам. Герой Славина не «выполняет долг» в плакатном смысле, а следует органической потребности оставаться человеком. Этический выбор здесь – не результат воспитания, а проявление

индивидуальной субъектности, что выделяет прозу Славина из общего ряда батальной литературы эпохи.

2.2. Герой как *Homo empathicus*: Тихон Великанов

Центральное воплощение концепта *Homo empathicus* у Славина – образ Тихона Великанова, героя рассказа «Дело под Картамышевом» (Славин, 1980, с. 233–256). Внешнее шутовство и маска «ротного втикера» (ловкача и мастера неформального общения) здесь – лишь защитный механизм, скрывающий развитую способность к эмпатии.

Тихон Великанов – сложная этическая фигура. Его эмпатия лишена созерцательности: это активная позиция, становящаяся импульсом к действию. Она проявляется в нескольких аспектах:

- спонтанное мужество. Отвага героя проистекает из сопричастности общей судьбе подразделения,
- протест против несправедливости. Несогласие Великанова с абсурдной системой награждения в госпитале – акт сопереживающего человека, не мирящегося с девальвацией жизни.

Особое значение имеет эпизод пребывания героя в психиатрической лечебнице. В художественном мире Славина мнимое сумасшествие становится формой высшей нормальности. Пока «генералы-функции» воспринимают войну рационально, как процесс распределения ресурсов, Тихон Великанов через свое «безумие» обнажает абсурдность организованного уничтожения людей. Здесь прослеживается парадокс *Homo empathicus*: только человек, способный на глубокое сопереживание, ощущает безумие войны как физическую боль. Уход Великанова в «психиатрический контекст» – не поражение, а форма *этической эмиграции*, способ сохранить достоинство там, где логика эмпатии конфликтует с военной машиной:

«...Вскоре его перевели на испытание в тыловой сумасшедший дом. <...> Комиссия врачей признала Тихона совершенно нормальным и постановила предать его суду за попытку симуляции... Военно-полевой суд приговорил Тишу к смертной казни. Наказание было заменено отправкой на фронт. <...> В минуты затишья он с удовольствием рассказывал солдатам о своем пребывании в сумасшедшем доме, которое он считал одним из лучших периодов своей жизни...» (Славин, 1980, с. 255–256).

Травматический опыт герой трансформирует в байку. Этим он защищает свою психику и дает «эмоциональную передышку» товарищам, становясь психотерапевтическим лидером группы. Великанов – это «визитная карточка» славинского героя: человек, сохраняющий через иронию способность к состраданию. Образ «эмпатичного бойца» предвосхитил многие открытия более поздней психологической прозы о войне.

3. Комическое, ирония и эмпатия: психологическая защита личности

Традиционно юмор Л. Славина интерпретировался через призму сатирической традиции (в частности, в контексте поэтики М. Зощенко или Я. Гашека). Однако в данной работе комическое рассматривается не как инструмент обличения, а как специфическая стратегия защиты эмпатического сознания. Мы полагаем, что ирония в художественном мире Славина выполняет роль «брони» или «экзоскелета» души, позволяющего герою сохранить субъектность и человечность в условиях тотального насилия.

Во-первых, это *этическое дистанцирование*. Прямое сопереживание каждой трагедии на войне ведет к распаду личности. Смех создает дистанцию: он позволяет видеть трагизм, не давая ужасу раздавить «я». Ирония здесь – не признак цинизма, а способ избежать эмоционального паралича. Чтобы проявлять активную эмпатию, *Ното empathicus* должен обладать защитным слоем, предотвращающим выгорание. Характерным примером «размагничивания» сознания является диалог героев повести Льва Славина «*Два бойца*» после «адского» обстрела:

«– Фрицы потопали обедать. <...> – Сейчас ихни-то самолеты вылетят. – Чудак! В небе тоже обеденный перерыв. Ангелы и демоны тоже должны покушать» (Славин, 1980, с. 5).

Славин фиксирует трансформацию: смертельная угроза переводится в бытовой, почти сказочный план. Подчиняя войну человеческому расписанию, герой лишает враждебную стихию абсолютной власти над душой. Смех позволяет не «заржаветь» от ужаса, сохраняя пространство для сопереживания.

Этот механизм часто реализуется через «низовую» юмор, снимающий пафос с сакральных моментов. Так, в рассказе Славина «Неудобная жертва», обсуждая страх небытия, герои приходят к выводу:

«– Да, – прохрипел балалаечник, – без веры подыхать томно!» (Славин, 1980, с. 355).

Эта грубоватая ирония выполняет роль психологического предохранителя: она позволяет герою признать ужас смерти, но при этом не поддаться панике, сохраняя способность к трезвому суждению. Это способ «размагнитить» сознание, не давая экзистенциальному страху парализовать волю личности

Во-вторых, комическое служит *инструментом гуманизации через принятие несовершенства*. Согласно Гёрлаху, эмпатия позволяет другому «предстать в собственном свете», который у Славина часто ироничен. «Герой-памятник» не вызывает сопереживания, тогда как персонажи вроде Тихона Великанова из «Дело под Картамышевом» с их странностями становятся «эмпатически доступными». Характерный пример такой деконструкции канона - сцена обучения штыковому бою:

«— Смотри, Великанов, это есть твой враг. <...> Негреев вскинул винтовку, кровожадно выкатил глаза и, сделав три чистых балетных выпада, всадил штык в чучело... Тиша сказал: - А враг согласится ждать, покуда я его убью? Уговор есть? <...> Он бил чучело по соломенному пузу, колот его, рвал руками, дубасил прикладом. Рота хохотала. <...> Тихон с достоинством доложил: – Господин фельдфебель! Убил врага. Не встанет» (Славин, 1980, с. 236).

«Хитрость» Великанова здесь – протест против муштры, подменяющей живой порыв «балетными выпадами». Смех роты снимает пафос с процесса убийства, обнажая искренность героя. Читатель и сослуживцы легче сопереживают «несовершенному» человеку, чем идеальному «солдату-функции». Комическое сокращает дистанцию, превращая Великанова в полноценный субъект эмпатии.

Тот же принцип «антимонументальности» Славин применяет к Аркадию Дзюбину, герою повести Льва Славина «Два бойца». Вместо образа «гранитного атланта» автор подчеркивает странную, гротескную пластику героя:

«Его длинное тощее тело разогнулось с такой стремительностью, словно в нем не было костей» (Славин, 1980, с. 7).

Акцент на «бескостности» и худобе разрушает канон «героя-богатыря». Перед нами не скульптура, а живая органика. Эта «нехрестоматийность», по Гёрлаху, позволяет герою предстать в «собственном свете», включая эмпатию не через восхищение мощью, а через узнавание человеческой органики, которая противостоит механической и мертвенной силе войны.

В-третьих, юмор формирует *эмпатическую солидарность*. Превращая травматический опыт в байку, Тихон Великанов совершает акт коллективной терапии. Смех в окопе – это момент признания хрупкости жизни и торжества над страхом,

создание временного «эмпатического сообщества». Когда Тиша на пороге атаки разыгрывает абсурдную сцену с «нечищеными сапогами», он снимает общее напряжение:

« – Ваше благородие, разрешите обратиться! Врублевский остановился.

– Ваше благородие, я не могу пойти в атаку. Уж вы без меня как-нибудь. Все насторожились. У Тиши было то деланно-серьезное выражение лица, которое предвещало уморительную шутку. Некоторые начали улыбаться: «Что-то наш Тиша отколет?» – Что ты врешь? – сказал прапорщик. Тиша задрал ногу и отчаянно вертел ею. – Смотрите, ваше благородие, мы к немцам в гости собираемся, а у меня сапоги не чищены. Неудобно как-то – все-таки иностранцы. Пожалуй, не пустят к себе. Солдаты смеялись. Нелепое предположение это рассмешило их. Посыпались шуточки. Никто уже не смотрел на Врублевского. Все подобрели. Огромный Мишутка хохотал до слез...» (Славин, 1980, с. 247).

Этот смех выполняет роль «разрядки»: бойцы «добреют», возвращая себе человеческий облик перед лицом смерти. Юмор здесь не противоречит трагическому, а служит условием выживания гуманизма. Ирония позволяет герою оставаться субъектом сопереживания, не превращаясь ни в бездушную «военную функцию», ни в сломленную жертву обстоятельств.

4. Лев Славин в контексте советской военной прозы: от патетики к психологизму

В контексте советской литературы 1930-х – 1940-х годов проза Л. Славина занимает уникальное «промежуточное» положение. Если герой А. Твардовского тяготеет к народно-эпическому типу, где жизнестойкость – форма коллективного бытия, то персонажи Славина индивидуализированы и психологически сложны.

В отличие от «лейтенантской прозы» (В. Быков, К. Воробьев), сосредоточенной на экзистенциальном ужасе и жестком моральном выборе, Славин находит иной баланс. Он избегает и беспросветного натурализма, и плакатной патетики. Его мир – пространство, где дегуманизация преодолевается через сохранение «человеческого масштаба» восприятия. Юмор Славина лишен тотального отрицания или деструктивного сарказма, которые станут характерными для более поздних гротескных моделей, например, в поэтике В. Войновича. Если в сатире второй половины XX века смех часто служит средством деконструкции системы, то у Славина он выполняет созидательную функцию, оберегая внутренний мир героя.

Исследование «малого человека» на войне опирается на традиции, заложенные Радко Питликом (R. Pytlík), анализирувавшим специфику гашековского гуманизма. Питлик отмечал, что в подобных героях важна «историческая реконструкция действительности», которая, несмотря на комизм, позволяет увидеть «человека, чьи взгляды преобразуются под влиянием исторических перемен» («historickou rekonstrukci skutečnosti... člověka, jehož názory se přetvářejí pod vlivem dějinných proměn») (Pytlík, 1958, s. 81). Типологическое родство Тихона Великанова со Швейком позволяет увидеть в юморе Славина универсальную модель поведения личности в условиях краха цивилизации. Для осмысления места автора в мировом контексте продуктивна теория Диониза Дюришина (D. Ďurišin). Его концепция межлитературного процесса позволяет рассматривать прозу Славина как часть общности, объединенной гуманистическим кодом. Согласно Дюришину, такой подход обеспечивает «adekvátnosť pri konkrétnej analýze na ceste ku konečnej kategórii svetovej literatúry» (адекватность анализа на пути к категории мировой литературы) (Ďurišin, 1995, s. 1–5). Ирония Гашека и эмпатия Славина здесь - инструменты сохранения субъектности героя. Комическое у Славина созидательно: оно служит защитой *Homo empathicus*, о котором пишут Дж. Рифкин и А. Гёрлах.

Лев Славин предвосхитил открытия психологической прозы второй половины XX века, предложив модель героя, чей гуманизм основан на внутреннем векторе сопереживания. Его творчество демонстрирует, что эмпатическое сознание оставалось действенным даже в периоды мировой катастрофы.

Заключение

Военная проза Льва Славина представляет собой уникальный этический проект. Использование концепта *Homo empathicus* позволило выйти за пределы идеологических трактовок и выявить в текстах глубокое антропологическое содержание, основанное на признании эмпатии биологической и социальной константой. Опираясь на идеи Дж. Рифкина и А. Гёрлаха, мы обосновали, что Славин сознательно децентрализует героический канон, перенося внимание на «человеческое измерение» войны. Его герои воплощают модель личности, чья стойкость коренится не во внешней дисциплине, а во внутренней способности к активному сопереживанию.

Анализ художественной структуры показал, что ирония и мнимое безумие выполняют в прозе Славина защитную функцию. Комическое выступает не средством сатиры, а психологической «бронею» эмпатии, позволяющей субъекту избежать эмоционального паралича перед лицом насилия. Уход героя в «психиатрический

контекст» или использование юмора как формы коллективной терапии становятся способами этического сопротивления дегуманизации.

Квинтэссенцией славинской антропологии служит формула из повести «Два бойца»:

«Грубое лицо у меня впереди, / Грубая спина у меня позади / И нежное сердце в груди...» (Славин, 1980, с. 8).

Здесь фронтовая «грубость» – лишь оболочка, сохраняющая неистребимую способность к состраданию. Проза Л. Славина предстает летописью эмпатического сознания, сохраняющего ценности цивилизации в эпицентре катастрофы. Его творчество заполняет важную лакуну в истории литературы и встраивается в мировую гуманистическую традицию, провозглашающую сострадание высшей формой морального выбора.

Список литературы

- ПИНКЕР, С. 2021. *Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше*. Москва: Альпина нон-фикшн. 952 с. ISBN 978-5-00139-171-5.
- СЛАВИН, Л. И. 1980. *Избранные произведения : в 2 т.* Москва: Художественная литература. Т. 2: Повести; Рассказы; Очерки. 494 с.
- ĎURIŠIN, D. 1995. *Perspektívy skúmania medziliterárneho procesu: (medziliterárny centrismus)*. In: *Opera Slavica*. roč. 5, č. 1, s. 1–5. ISSN 1211-7676. Dostupné online: <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116346>
- GÖRLACH, A. 2021. *Homo Empathicus: On Scapegoats, Populists, and Saving Democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield. 148 p. ISBN 978-0-8157-3839-8.
- HOFFMAN, M. L. 2000. *Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice*. Cambridge: Cambridge University Press. 342 p. ISBN 978-0-521-01297-3.
- PYTLÍK, R. 1958. *Jaroslav Křížek: Jaroslav Hašek v revolučním Rusku*. In: *Česká literatura*. roč. 6, č. 1, s. 81–87.
- RIFKIN, J. 2010. *The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis*. New York: Jeremy P. Tarcher/Penguin. 674 p. ISBN 978-1-58542-765-9.

Ekaterina Borisova

PhDr., PhD.

Katedra slovanských jazykov a interkultúrnej komunikácie

Fakulta aplikovaných jazykov Ekonomickej univerzity v Bratislave

Dolnozemska cesta 1, 852 35 Bratislava, Slovenská republika

Department of Slavic Languages and Intercultural Communication

Faculty of Applied Languages, University of Economics in Bratislava

Dolnozemska 1, 852 35 Bratislava, Slovak Republic

E-mail: ekaterina.borisova@euba.sk, ORCID ID: 0009-0006-7731-4659

НАДЕЖДА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ Н.Я. МАНДЕЛЬШТАМ В ТАШКЕНТЕ

Виктор Алексеевич Суханов

Кафедра русского литературоведения
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Аннотация: Статья посвящена ташкентскому периоду жизни Н.Я. Мандельштам и ее работе в бывшем великокняжеском дворце, где во время войны размещался Центральный дом пионеров. На основе воспоминаний современников рассматривается роль Мандельштам как хранителя литературного наследия Осипа Мандельштама, а также ее влияние на формирование нового поколения молодых поэтов. Показано, как в условиях эвакуации и культурного разрыва Мандельштам стала связующим звеном между традицией Серебряного века и будущей литературной средой.

Ключевые слова: русская литература, Серебряный век, Надежда Яковлевна Мандельштам, Ташкент, эвакуация, автобиографическая проза.

HOPE OF THE SILVER AGE: NADEZHDA MANDELSTAM'S CULTURAL MISSION IN TASHKENT

Abstract: The article focuses on the Tashkent period of N.Ya. Mandelstam's life and her work in the former grand-ducal palace, which during the war housed the Central House of Pioneers. Based on the memoirs of her contemporaries, the study examines Mandelstam's role as the custodian of Osip Mandelstam's literary legacy, as well as her influence on the formation of a new generation of young poets. It demonstrates how, under conditions of evacuation and cultural disruption, Mandelstam became a connecting link between the Silver Age tradition and the emerging literary environment.

Keywords: Russian literature, Silver Age, Nadezhda Yakovlevna Mandelstam, Tashkent, evacuation, autobiographical prose.

Внук императора Николая I, великий князь Николай Константинович (1850 – 1918), занимает особое место в истории дома Романовых, оставаясь его едва ли не самой дискуссионной фигурой. Причиной тому послужил громкий скандал 1874 года, когда он был обвинен в хищении фамильных драгоценностей. Итогом стало пожизненное изгнание из столицы. После нескольких лет вынужденных перемещений по империи князь в 1881 году обосновался в Ташкенте, где создал подобие собственного двора. Именно здесь в 1889 – 1890 годах по проекту архитектора Вильгельма Гейнцельмана возвели двухэтажный дворец из серо-желтого кирпича, сохранивший свой облик до настоящего времени.

Согласно последней воле скончавшегося в 1918 году князя, здание с прилегающей территорией перешло городу при обязательном условии устройства музея. Данное распоряжение было исполнено: в 1919 году на основе княжеского собрания учредили музей искусств, заложивший основу одной из ценнейших художественных коллекций Средней Азии (Котюкова, Махкамов, 2009). Примечательно, что в советский период не только имя вкладчика, но и сам архитектурный памятник оказались фактически вычеркнуты из официальной печати.

Тем бóльшую значимость приобретает последующая метаморфоза бывшей великокняжеской резиденции, в годы Второй мировой войны превратившейся в убежище для творческой интеллигенции. До 1935 года в стенах здания продолжала существовать художественная экспозиция, пока его не перепрофилировали для нужд пионерской организации. Эта, казалось бы, идеологически мотивированная трансформация неожиданно предопределила уникальную роль дворца: в военные годы здесь разместился эвакуированный из Москвы Центральный дом художественного воспитания детей (ЦДХВД). Историческая аура бывшей княжеской резиденции, соединившись с функциями детского культурного центра, создала благоприятные условия для сохранения творческой преемственности в экстремальный период.

Свидетельство Эдуарда Бабаева – известного литературоведа, поэта и выпускника ЦДХВД – описывает бывший великокняжеский дворец в качестве уникального культурного феномена:

«В Ташкенте существовала тогда такая организация – ЦДХВД: Центральный дом художественного воспитания детей. Сокращенно: вездеход. Здесь, в этих залах и кабинетах, на площадках под деревьями, собирались маленькие музыканты, художники, певцы, гимнасты, фехтовальщики и поэты. Их искали и находили по дворам, по школам. Вездеход попевал повсюду, видел и слышал всех. Он был спасателем, наставником, верным другом, был нашим Лицеом. А помещался он в правом боковом флигеле дворца пионеров, занимавшего настоящий дворец великого князя. Здесь устраивались театральные и литературные вечера. Во дворе стояли бронзовые статуи под деревьями. Все потеснилось во время войны, и только дворец пионеров остался таким же, как прежде, настоящим дворцом с винтовыми лестницами, нарядными залами, высокими сводами и тенистыми аллеями» (Бабаев, 2000, с. 156).

В мемуарах Бабаева здание предстает своего рода ковчегом, сумевшим в военное лихолетье сберечь не только архитектурную оболочку, но и саму духовную

традицию просветительства. Под его высокими сводами, в окружении бронзовых изваяний и изящных винтовых лестниц, продолжала существовать альтернативная ветвь русской культуры, официально преданная забвению, но сохранявшая жизненную силу благодаря своим носителям.

К числу последних, наряду с самим Бабаевым, принадлежали Лидия Чуковская, Георгий Эфрон, Валентин Берестов и Надежда Мандельштам – к тому времени уже вдова поэта Осипа Мандельштама. Именно в этом пространстве, формально предназначенном для детского досуга, продолжала теплиться интеллектуальная традиция, оказавшаяся вытесненной из официальной культурной повестки. Особую значимость приобретает то обстоятельство, что для Н.Я. Мандельштам пребывание в Ташкенте имело двойной смысл: вопрос физического выживания неразрывно переплетался здесь с задачей сохранения литературного наследия покойного супруга.

Ее пребывание в Ташкенте сложилось благодаря причудливому сочетанию бюрократических обстоятельств, случайностей и личных связей. Ключевую роль в ее эвакуации сыграла Анна Ахматова, которая не только хлопотала о включении подруги в списки работников культуры, подлежавших эвакуации, но и обеспечила ей необходимые для отъезда документы. В Ташкенте их судьбы тесно переплелись – какое-то время они проживали под одной крышей, что в условиях военного времени создало особую доверительность их отношений.

Впоследствии Мандельштам так описывала эту взаимную поддержку:

«...я действительно спасалась при Ахматовой в Ташкенте. Пока мы жили врозь, она всегда мне припрятывала кусок хлеба или кучку макарон со своего обеда, а потом, поселившись вместе, мы жили на ее паек. Я служила, но моих заработков и выдачей хватило бы только на голодную смерть. Спасали не деньги, а пайки, то есть выдачи нормированных продуктов по государственным, а не рыночным ценам» (Мандельштам, 1983, с. 499).

В первые ташкентские годы, занимаясь в ЦДХВД преподаванием иностранных языков и литературы, Надежда Яковлевна одновременно помогала устраивать литературные вечера и работала с подростками, которые в условиях военной неустроенности особенно тянулись к тому, что им казалось подлинной культурой. При этом она тщательно избегала какого бы то ни было прямого упоминания имени Осипа Мандельштама, не позволяла себе читать его стихи вслух, отчетливо осознавая, чем может обернуться любое неосторожное слово о поэте, находящемся под негласным запретом.

Для участников кружка она выглядела человеком необычного склада – и по манере держаться, и по характеру суждений, однако истинную историю ее жизни знал лишь Мур Эфрон, сын Марины Цветаевой. Со временем именно он раскрывает товарищам ее личность, тем самым незаметно вводя их в литературное пространство, где стихи Мандельштама существовали будто на правах теневого, но постоянного спутника.

Такой поворот событий неизбежно привел к тому, что скрытое стало всплывать наружу. И когда на одном из занятий кто-то вместо «Улялюма» Эдгара По прочел строки из аллюзивно перекликающегося с ним стихотворения Мандельштама «Мы напряженного молчанья не выносим», она воскликнет: «*Shut up! Мур меня выдал... Я так и знала!*» (Бабаев, 2000, с. 129).

Образ Надежды Яковлевны, сформировавшийся в ташкентские годы, представлял собой сплетение притягательных и в то же время спорных черт. Лидия Корнеевна Чуковская, работавшая с ней в литкружке ЦДХВД, зафиксировала в дневнике достаточно емкое впечатление: «*В ней все привлекательно, интересно, умно; одно только смущает меня – ее желание во что бы то ни стало быть заместителем бога на земле, римским папой*» (Чуковская, 1997, с. 471).

Вероятнее всего, Чуковская имела в виду ту внутреннюю убежденность Мандельштам, что творчество ее супруга обладает исключительной значимостью и что именно на нее легла обязанность донести его до будущих поколений, стать хранителем и продолжателем поэтической линии, оборванной его смертью.

Для нее все значимые ориентиры сходились в фигуре Осипа Мандельштама: он становился для нее центром, через который она выстраивала собственное восприятие культуры. В результате многое иное казалось ей побочным, менее существенным, что неизбежно вызывало недоумение, а иногда и раздражение у представителей тогдашней литературной среды.

После появления «Второй книги» подобная установка обнаружилась особенно явно и вызвала наиболее резкие отклики. Вероятно, и этот момент Чуковская держала в уме, когда годы спустя создала своеобразный полемический отклик – книгу «Дом поэта», где попыталась защитить подвергшихся резкой оценке друзей, хотя сама она в мемуарах Мандельштам не подвергалась критике.

По мнению самой Надежды Яковлевны, Чуковская была задета прежде всего ее резкими словами в адрес С.Я. Маршака, с которым ту связывал опыт совместной работы в ленинградском Детиздате. Во «Второй книге» Маршак предстает как

типичный деятель советского литературного механизма – редактор, превративший литературу в нечто вроде «фабрики повестушек», где сглаживались острые углы, смягчался «заказ» и создавалась иллюзия культурного процесса там, где он фактически был разрушен. Его редакторская школа, по мысли Мандельштам, сформировала усредненный язык и набор «сюжетных правил», оставив заметный, но плоский отпечаток на корпусе произведений целого поколения.

Она утверждала, что именно Маршак стоял у истоков системы, внушавшей школьникам отвращение к Пушкину и одновременно «выращивавшей» новых авторов, которых затем включали в школьную программу. Чуковская же, словно противопоставляя собственную память столь мрачному образу, вспоминала: *«Самуил Яковлевич по любому поводу, да и безо всякого повода, постоянно во время работы читал нам стихи – чаще всего Пушкина»* (Чуковская, 2009, с. 31).

Если попытаться уловить источники недоброжелательной интонации Надежды Яковлевны в отношении Маршака, то невольно напрашивается мысль, что часть этих оценок отсылает к позиции Осипа Мандельштама. Во «Второй книге» это иногда проговаривается почти прямо: *«Он (Маршак) придумал литературный университет для школьников, вызвавший возмущение Мандельштама, который не переносил инкубаторов»* (Мандельштам, 1983, с. 463).

Искусствовед Е.Б. Мурина предлагает собственное объяснение резкости Надежды Яковлевны. Корни многих ее выпадов, утверждает она, уходят в личные обиды, связанные с судьбой Мандельштама. Так, молчание Юрия Тынянова в ответ на письмо поэта о его месте в русской поэзии стало для нее важным уколom. Илью Эренбурга, Ирину Одоевцеву и Георгия Иванова она не могла простить за то, что в своих воспоминаниях они свели образ Мандельштама к почти карикатурному облику – подчеркнули его невысокий рост, сложный характер, пристрастие к сладкому (Мурина, 2015, с. 360).

Однако такая интерпретация Муриной не вполне совпадает с тем, что действительно читается в книге Мандельштам. Об Эренбурге она отзывалась без излишнего раздражения, в полемику с ним вступает сдержанно. Даже Тынянова, которого упрекает в избыточно рациональном подходе к литературе, она характеризует как человека внутренне чистого и благородного (*«Он принадлежал к лучшим и самым чистым людям из наших современников»*). Зато Одоевцеву и Иванова она буквально вычеркивает из развернутого разговора, оставляя о них одно короткое, но беспощадное суждение – «чудовищные вруны».

Воспитанники воспринимали Мандельштам как наставницу строгую, требовательную, но вместе с тем способную зажечь интерес к литературе, к традиции, связывающей их с культурой Серебряного века. Георгий (Мур) Эфрон не оставил развернутых воспоминаний о ней; не исключено, что более подробные записи существовали, но не уцелели. Тем не менее в одном из писем сестре он описывает портрет Надежды Яковлевны, в котором ирония соседствует с явным гротеском.

Рассказывая о заседании литературного кружка ЦДХВД, которым руководила, как он говорит, «кажется, первая жена Мандельштама», Эфрон перечисляет ее приметные черты: длинный, почти хищный нос, резко очерченные скулы, плотные губы, неровные ноги. Ее речь он называет стремительной и проникновенной, сравнивает ее интонацию с «поэтическим мотоциклом» – образом нарочито карикатурным, но запоминающимся.

По его словам, разговоры в кружке без конца возвращались к одним и тем же опорным темам – стихам, искусству, судьбе и времени, родине и войне, чувствам, культуре, представлениям о прошлом, надеждам на будущее и к понятию чести. Все эти слова, подчеркивает Эфрон, произносились «как будто с больших букв», что он воспринимал как проявление «неизлечимой интеллигенции», склонной к бесконечным рассуждениям, тогда как истинным учителем, по его убеждению, может быть только жизненный опыт (Эфрон, 2002, с. 148).

Однако, несмотря на иронию, однажды он так выскажется о Мандельштам: *«Люблю обиду в ней, ее ужасный нос, и ноги сжатые, и грубый узел кос»* (Бабаев, 2000, с. 128) – фраза, в которой за гротескной детализацией угадывается симпатия.

За ироничным тоном Эфрона, его полускептическими интонациями, вырисовывается одна принципиальная черта: в условиях военного времени, работая с подростками, которые лишь пробовали силы в осмыслении культуры, Надежда Яковлевна намеренно удерживала высокую планку разговора. Она обращалась к таким понятиям и ценностям, которые, по мысли Эфрона, были для их возраста «слишком большими», не вполне соразмерными их жизненному опыту. Однако именно эти попытки вывести молодых слушателей на более широкий горизонт культуры давали им ощущение причастности к серьезной литературной и этической традиции, к миру, куда они иначе едва ли бы получили доступ.

Если сопоставить язвительные наблюдения Эфрона с уважительным оттенком воспоминаний Валентина Берестова или Эдуарда Бабаева, открывается многослойность

личности Мандельштам. В ней сочетались строгость и требовательность, внутренняя уязвленность и безусловная верность высокому культурному идеалу.

Вспоминая ташкентские годы своей жизни, В.Д. Берестов отмечает Мандельштам как одну из ключевых фигур своего духовного формирования. Именно она была среди первых, кто внимательно и критически разбирал его первые стихи, направляя его к осознанному выбору литературных приемов и к выработке собственного чувства меры в поэзии.

Она умела общаться с подростками о литературе так, что это ощущалось не как урок, а как обсуждение самой жизни – строго, но без излишней наставнической манеры. Для Берестова и его друзей литкружок, под ее руководством, стал тем местом, где даже в условиях эвакуации сохранялась настоящая культурная атмосфера, где литература продолжала жить, несмотря на тяготы времени.

Она поддерживала Берестова и в практических делах: например, добивалась для него пропусков в Публичную библиотеку и библиотеку ташкентского университета, открывая двери к книгам, которые обычному школьнику были недоступны. Именно там он вместе с Эдуардом Бабаевым находил стихи Ахматовой, тексты «запрещенных» поэтов – Гумилева и Мандельштама, – аккуратно переписывал их от руки и читал вслух друзьям. Для молодых участников кружка это означало не просто знакомство с настоящей поэзией; это был урок внутренней свободы, тонко передаваемой Надеждой Яковлевной, без всяких явных наставлений или деклараций (Берестов, 1995).

Во время ташкентской эвакуации между Мандельштам и Бабаевым сложились особые, доверительные отношения. Он был одним из немногих, кто знал о так называемом «рукописном чемодане» – небольшом архиве, где Надежда Яковлевна хранила прижизненные издания произведений, стихи, прозу, статьи, письма, фотографии, а также переписанные от руки неопубликованные тексты покойного мужа. В моменты опасности Бабаев помогал ей прятать этот архив, понимая, что для нее он ценен гораздо больше, чем собственная безопасность.

По ее просьбе он также сохранил полный список неопубликованных стихов Осипа Мандельштама, который позднее получил название «ташкентский список». Один экземпляр вдова поэта передала ему, другой – своей ученице Нине Пушкарской (Татариновой). По замыслу Надежды Яковлевны, эти списки должны были стать основой будущего издания произведений Мандельштама. Однако Пушкарская, опасаясь репрессий, уничтожила свой экземпляр, тогда как Бабаев свой сохранил и через годы вернул его Надежде Яковлевне через ее брата.

Несмотря на то, что в одном из писем Мандельштам признавалась Бабаеву: *«Мне тебя очень не хватает...»* (Бабаев, 2000, с. 136), в собственных воспоминаниях она не упомянула его как хранителя «ташкентского списка» и категорично заявила: *«Мой единственный помощник в этом деле был мой брат...»* (Мандельштам, 1989, с. 264). Бабаев, комментируя подобное умолчание, ответил с подчеркнутой сдержанностью: *«Добрые дела не должны вознаграждаться ничем и никак. Мы были почти дети, но честно исполнили свой долг перед поэтом. А там пусть судят другие»* (Бабаев, 2000, с. 136).

Открытой обиды в его мемуарах действительно нет, однако в постскрипуме он все же отмечал, что многие испытали боль и досаду из-за несправедливых характеристик, которые Мандельштам позволила себе в своих книгах. «Самой незащищенной и безответной» среди тех, кого ее резкие оценки задела особенно сильно, он называл Л.В. Глазунову, свою жену, с которой прожил около пятнадцати лет.

Их многолетняя дружба с Мандельштам складывалась вопреки тому, что Глазунова была дочерью высокопоставленного сотрудника госбезопасности. По ее собственным воспоминаниям, именно благодаря связям отца ей удалось уберечь Мандельштам от навязчивого внимания сотрудницы НКВД, выдававшей себя за прилежную ученицу. Надежда Яковлевна высоко ценила поддержку семьи Глазуновой: на них с Бабаевым она составляла завещание, в 1959 году приезжала к ним в Ташкент, поддерживала дружескую переписку.

Тем резче контраст между этим опытом близости и образом Глазуновой, который Мандельштам создала в своих мемуарах. Здесь она предстает фигурой почти карикатурной – как консервативная стяжательница материальных благ, тащившая в свою «нору» символы обывательского достатка: серванты, фужеры, торшеры и т.д. Показательно, что этот образ появляется вовсе не в скандальной «Второй книге», но уже в первом томе – «Воспоминаниях». Там же трагическая гибель отца Глазуновой описана формулой «ташкентский самоубийца», что придает тексту еще более жесткое звучание.

Возникает неизбежный вопрос: можно ли вообще считать книги Мандельштам мемуарами, если между фактической реальностью и созданным ею текстом настолько ощутим разрыв? Гораздо убедительнее воспринимать их как своеобразный жанровый гибрид – как автобиографические романы, где реальные люди и события проходят через призму авторского взгляда и нередко обретают условные, почти художественные

очертания. Подтвердить или опровергнуть этот тезис, однако, уже невозможно за смертью автора и большинства упомянутых ею людей.

Тем не менее, история ташкентского периода жизни Н.Я. Мандельштам и бывшего «великокняжеского» дворца раскрывает уникальный культурный феномен, где пространство, изначально созданное для парадной светской жизни, в годы войны и изгнания стало убежищем для искусства. Дворец, переживший смену эпох и владельцев, в эвакуационные годы превратился в место, где вопреки всеобщей катастрофы рождались литературные судьбы и передавалась живая традиция Серебряного века.

Личность Н.Я. Мандельштам, со всеми ее внутренними разломами и противоречиями, неизменно вызывавшая то неподдельное уважение, то резкое неприятие, стала одной из движущих сил того культурного процесса, который сложился вокруг ташкентского ЦДХВД. Ее способность соединить собственное ощущение миссии – хранительницы наследия одного из крупнейших русских поэтов XX века – с редким умением работать с подростками сделала ее фигурой, без которой картина того времени была бы существенно обеднена.

Список литературы

- БАБАЕВ, Э. Г. 2000. *Воспоминания*. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС. 336 с. ISBN 5-87135-090-9.
- БЕРЕСТОВ, В. Д. Мандельштамовские чтения в Ташкенте во время войны. In: *«Отдай меня, Воронеж ...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения*. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. с. 333-360. ISBN 5-7455-0858-2.
- КОТЮКОВА, Т. В., МАХКАМОВ, А. В. «...Завещаю... все вышеозначенное имущество... в полную собственность Ташкентского университета»: документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни Великого князя Николая Константиновича Романова. In: *Отечественные архивы*. 2009. № 6. с. 82-94. ISSN 0869-4427.
- МАНДЕЛЬШТАМ, Н. Я. *Воспоминания*. Москва: «Книга», 1989. 480 с. ISBN 5-212-00241-9.
- МАНДЕЛЬШТАМ, Н. Я. *Вторая книга*. 3-е изд. Париж: YMCA-PRESS, 1983. 720 с. ISBN 2-85065-031-5.
- МУРИНА, Е. Б. О том, что помню про Н.Я. Мандельштам In: НЕРЛЕР, Павел Маркович, ред. *«Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах*. Москва: АСТ, 2015. с. 348-394. ISBN 978-5-17-093737-0.

ЧУКОВСКАЯ, Л. *Записки об Анне Ахматовой*. 1938-1941. Том 1. Москва: Согласие, 1997. 510 с. ISBN 5-86884-050-х; ISBN 5-86884-051-8 (т.1).
ЧУКОВСКАЯ, Л. *Прочерк*. Москва: Время, 2009. 560 с. ISBN 978-5-9691-0406-8
ЭФРОН, Г. С. *Письма*. Москва: Дом-музей М. Цветаевой, 2002. 240 с. ISBN 5-93015-073-0.

Виктор Алексеевич Суханов / Viktor A. Sukhanov

магистр филологии

Кафедра русского литературоведения

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

ул. Университетская 4, 100174 Ташкент, Узбекистан

Department of Russian Literary Studies

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

4 University St., 100174 Tashkent, Uzbekistan

E-mail: viktor.suxanov.99@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0776-1104

МЕХАНИЗМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО РОКА: ОБРАЗЫ И ФОЛЬКЛОР В ХОРРОР-ПАНКЕ ГРУППЫ КОРОЛЬ И ШУТ

Херонимо Перейра

Институт Монсеньор Диллон, Университет Буэнос-Айрес
Буэнос-Айрес, Аргентина

Аннотация: Данная работа представляет собой продолжение совместного исследования, проведённого Хулианом Лескано и Херонимо Перейрой и представленного на III Конференции славистики в 2022 году. В указанном исследовании под названием «„Я хочу перемен“: идея утопии в русско-советском роке 1980-х годов» анализ был сосредоточен на лирике четырёх репрезентативных ансамблей конца советской эпохи. После распада СССР, начиная с 1990-х годов, полисистема русского рока претерпевает фрагментацию и усложнение. Падение «железного занавеса» открывает путь для интенсивного культурного обмена, масштабы которого превзошли ожидания предыдущего десятилетия. В новой реальности, в отличие от универсалистских моделей, воплощённых, например, в творчестве группы «Кино» (где элементы разных жанров сосуществовали в рамках одного альбома), различные коллективы начинают занимать чётко очерченные жанровые «ниши», формируя вокруг себя устойчивые сообщества и чувство принадлежности. Одной из таких знаковых групп является «Король и Шут». Основанный ещё в советский период (хотя и под другим названием), коллектив «Король и Шут» является идеальной призмой для рассмотрения трансформаций, произошедших на российской рок-сцене в 1990-е и начале 2000-х годов. В настоящей статье исследуются механизмы конструирования идентичности, использовавшиеся группой «Король и Шут». Анализ проводится на нескольких уровнях: от визуально-графического образа коллектива до тематики и содержания текстов, особого музыкального стиля и системы литературных реминисценций, пронизывающих все их записи. Посредством детального разбора избранных песен мы намерены показать, что на этом новом этапе развития русского рока группы, составляющие его полисистему, стремятся к выработке конкретной, нишевой идентичности. Это движение можно рассматривать как попытку преодоления той обобщённой утопической установки и лозунгового посыла «Я хочу перемен», которые доминировали в рок-культуре 1980-х годов.

Ключевые слова: тексты песен рок, хоррор, панк, полисистема, идентичность, Россия.

Identity Mechanisms in Post-Soviet Rock: Imagery and Folklore in the Horror-Punk of Korol' i Shut

Abstract: This paper serves as an extension of the joint research conducted by Julián Lescano and Jerónimo Pereyra and presented at the Third Conference on Slavic Studies in 2022. At that time, the research, titled “I Want Change”: The Idea of Utopia in Russian-Soviet Rock of the 1980s, focused on the lyrics of a group of four bands representative of the period leading

up to the end of the Soviet Union. After the fall of the USSR, beginning in the 1990s, the Russian rock scene became more fragmented and complex. The fall of the Berlin Wall paved the way for a cultural exchange that exceeded what had been anticipated in the previous decade. Unlike what happened in cases such as the band Kino, which combined elements of diverse genres on a single album, different bands began to occupy specific genre “niches,” creating a sense of belonging around them. One of these bands is Korol’ i Shut (Король и Шут). Founded in the Soviet Union, albeit under a different name, Korol’ i Shut (King and Jester) offers a glimpse into the changes taking place in the Russian rock scene during the 1990s and early 2000s. This study explores the mechanisms of identity construction employed by Korol’ i Shut, ranging from the band’s visual imagery to the content and themes of their lyrics, as well as their distinctive musical style and the use of literary references across all their albums. Through a detailed analysis of a selection of songs, this study aims to demonstrate that in this new phase of Russian rock, the bands comprising this polysystem seek to define concrete identities, in an attempt to move beyond the “I want change” mantra and the vague notion of utopia that dominated the 1980s.

Keywords: rock lyrics, horror punk, polysystem, identity, Russia.

Введение

Настоящая работа является частью масштабного исследования, которое я провожу совместно с Хулианом Лескано и которое посвящено рок-лирике в России в период до, во время и после распада Советского Союза. В нашей предыдущей работе, представленной на III Конференции славистики в 2022 году в Буенос-Айресе, мы сосредоточились на корпусе текстов четырёх групп, считающихся знаковыми для становления русского рока: «Аквариум», «Кино», «Алиса» и «ДДТ». Завершая тот анализ, мы обозначили ряд открытых вопросов, один из которых станет центральным для данной статьи.

Упомянутое исследование 2022 года было озаглавлено «„Я хочу перемен“: идея утопии в русско-советском роке 1980-х годов». Название отсылает к корпусу песен (таких как «Перемен!» группы «Кино», «Ветер перемен» «Алисы» и «Wind of Change» группы Scorpions), выразивших атмосферу эпохи: в текстах советской молодёжи 80-х звучало цензурируемое и преследуемое стремление к переменам, сопровождаемое одновременно неверием в то, что эти перемены способны в конечном счёте прийти.

Парефразируя известную песню аргентинской рок-группы Patricio Rey y sus Redonditos de Ricota, перемены произошли, но не так, как ожидала молодёжь. В 1991 году СССР распался. Русский рок, сумевший стать голосом поколения, к концу 80-х совершил переход из андеграунда в мейнстрим. Он претерпел ту же трансформацию,

что и в других частях света: из политического знамени он всё чаще превращался в рекламный слоган, становясь товаром.

Для понимания следующего этапа становления полисистемы русского рока необходимо осмыслить эту динамику. В работе 2022 года мы для анализа трансформаций российской рок-сцены адаптировали понятие «полисистемы», разработанное Итамаром Эвен-Зохаром. Мы обнаружили сходство между его концепцией литературной полисистемы и формирующейся рок-полисистемой. Обе характеризуются доминирующей ролью перевода в периферийной и становящейся системе, импортирующей ресурсы с центральных позиций, обладающих жанровым и культурным капиталом.

В этом контексте группы 80-х действительно активно импортировали западные образцы, в ряде случаев прибегая к прямым переводам англоязычных песен на русский язык (что можно наблюдать, например, в репертуаре «Аквариума» и «Алисы»). Параллельно эти коллективы осваивали разнообразные музыкальные стили, иногда в качестве целостной эстетической программы (как в случае с «Аквариумом» и его «интернациональным джазом»), иногда – как экспериментальную область (как в многогранном творчестве Виктора Цоя и «Кино»).

Однако по мере того, как русский рок утверждался в мейнстриме и даже достигал зарубежной аудитории (вспомним пиратские сборники «Red Wave»), практика прямого перевода отошла на второй план. Разнообразные стили (панк, хардкор, баллада и др.), будучи усвоенными, стали плодотворно развиваться, сделав музыкальную сцену русского рока 90-х невероятно пёстрой. Этому способствовали падение «железного занавеса», окончательное ослабление цензуры (начавшееся ещё в позднесоветские годы) и открытие рок-музыки для законов музыкального бизнеса.

На этом фоне в 1993 году группа «Король и Шут» записывает свой первый домашний альбом «Настоящий убийца». Этот хронологический рубеж отмечает начало пути коллектива, который с первых шагов целенаправленно культивировал особую идентичность, впоследствии лишь усложнявшуюся и развивавшуюся.

В данной статье я прослежу траекторию этих художественных поисков, направленных на обретение уникальной идентичности, выраженной в синтезе панк-рока со средневековыми фольклорными сюжетами и литературными реминисценциями.

Развитие

Становление в мейнстриме: новая культурная логика

Анализируя вхождение «Короля и Шута» в мейнстрим, необходимо учитывать общую эволюцию русского рока, чтобы в полной мере осмыслить произошедшие к тому времени трансформации в способах распространения и потребления этой музыки в советском и постсоветском пространстве.

В 1970-е годы рок-концерты проводились на квартирах («квартирники»), были рассчитаны на крайне ограниченный круг слушателей, а публичные выступления находились под официальным запретом. На протяжении 1980-х годов, как уже отмечалось, партийное руководство, признав в роке объединяющий элемент для разочарованной молодёжи, предприняло попытку инкорпорировать его в свою культурную политику. Этот эксперимент для партии закончился провалом, но стал успехом для самого рока, который сумел обрести легитимный статус, ранее для него недоступный.

Важно подчеркнуть, что в ту эпоху независимость и противостояние официальной культуре носили знаменосный характер. Когда «Алиса» пела «тех, кто идёт своим путем», или когда «Кино» высмеивало телевидение как инструмент идеологического господства, в этом звучало не только несогласие, но и определённое моральное превосходство от осознания того, что официальная система их отвергает. Это отвержение служило своеобразным подтверждением правильности избранного пути.

На пути «Короля и Шута» к массовому успеху эта логика радикально меняется. Стремление группы Михаила Горшенёва и Андрея Князева к популярности подкрепляется двумя фактами, знаменующими эту эпохальную перемену.

Во-первых, настоящим прорывом для коллектива стало участие в получасовой телепрограмме «Белая полоса» на 5-м канале Санкт-Петербурга, где были показаны четыре их низкобюджетных видеоклипа. Этот телеэфир означал знакомство с аудиторией, принципиально недоступной группам предыдущего десятилетия.

Во-вторых, решающую роль сыграла поддержка со стороны группы «ДДТ». Дебютом «Короля и Шута» на большой сцене стало выступление на фестивале «Наполним небо добротой», организованном именно «ДДТ». Более того, второй альбом «Король и Шут» был записан на студии «ДДТ», а участники молодой группы получили возможность воспользоваться советами и опытом Юрия Шевчука и его музыкантов. Этот творческий обмен оказался бесценным и во многом определил вектор их дальнейшего развития.

Оба этих события были немыслимы для контекста 1980-х годов. Такие группы, как «Кино» или тот же «ДДТ» на заре своего пути, вынуждены были обходить цензуру, распространяя музыку через самодельные магнитофонные записи (так называемый «магнитиздат»), и не могли рассчитывать на столь открытое покровительство со стороны более статусных коллег.

Тема шута: карнавал, смех и подрывная эстетика

Лирика группы «Король и Шут» разрабатывает множество средневековых мотивов, которые будут последовательно раскрыты в данной работе. Ключевым из них является тот, что вынесен в название коллектива. Хотя оно представляет собой кажущуюся дуальность, лирическое пространство «Короля и Шута» неизменно выдвигает на первый план именно фигуру шута: шута, который в конечном счёте и является подлинным королём. В отличие от произведений Виктора Цоя, где насмешливый тон мог сменяться торжественной патетикой, в панк-эстетике «Короля и Шута» царит непрерывный праздник смеха.

Если мы обратимся к исследованию Михаила Бахтина о карнавальной культуре Средневековья и Ренессанса (Бахтин, 1990: 4), то обнаружим ключ к пониманию эффекта смеха у «Короля и Шута»:

«Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья. При всем разнообразии этих форм и проявлений – площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература и многое другое – все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частицами единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры.»

Эту линию также можно проследить в поэтическом «я» группы «ДДТ», которое, как мы отмечали в предыдущей работе, перед лицом мрачной «богооставленной» реальности находит спасительную опору именно в юморе (Lescano y Pereyra, 2022: 221).

У «Короля и Шута» смех, по точному замечанию Бахтина, функционирует как орудие противостояния официальной культуре, как способ деконструкции системы. В противовес глобальным утопиям, которые безуспешно пытались предложить группы

1980-х, панк «Короля и Шута» выдвигает не нового короля, а шута, который смехом обезоруживает власть и призывает к освобождающему безумию. Это ярко выражено в одноимённой песне группы, впервые записанной в 1993 году:

Хо! Хо! Всё кверху дном!
Хо! Хо! Всё ходуном!
Хохот со всех сторон!
Хохот в весёлом царстве!

От усталости и смеха
Наш счастливый люд изнемогал,
Валялись стражники в доспехах,
И каждый страшно хохотал.
Не стало больше короля,
Все, как один, сошли с ума.
Летели месяцы, года
В весёлом царстве карлика-шута!

В «Гимне шута» (2001 год) эта идея обретает программное звучание:

Судьба, в которую влюблён,
Даёт мне право
Смеяться даже над королём!
...
Да, я с виду шут, но в душе король
И никто, как я, не может!

Важно подчеркнуть, что столь богатая символикой лирика сопровождается не менее насыщенным визуальным рядом. Значительная часть обложек альбомов, постеров и мерчандайза группы была создана, спроектирована и нарисована Андреем «Князем»²³ Князевым – одним из двух ведущих вокалистов и автором почти всех текстов.

²³ У всех участников «Короля и Шута» есть свой «персонаж» на сцене, всегда связанный с их фамилией. Так, Князев - это Князь, Михаил Горшенев – Горшок, Александр Балунов - медведь Балу и т. д.

Персонаж шута является лейтмотивом визуальной эстетики «Короля и Шута», но его кульминация, на наш взгляд, достигнута на обложке альбома «Как в старой сказке» (2001), с которого, собственно, и берёт начало «Гимн шута». На этой обложке изображён шут, держащий на руках короля-младенца. Младенец-король, в свою очередь, играет с куклой-шутков, которую держит вниз головой. Предложенная композиция отсылает к уже

упомянутой идее короля-шута, создавая визуальную бездну смыслов. Подобно ницшеанскому ребёнку, говорящему вечное «да», шут у «Короля и Шута» становится воплощением аффирмативного, обостряющего жизнь начала. Таким образом, группа сохраняет анархический пафос панка, но транслирует его через образ шута – правителя безумной деревни, в которой больше нет места королю.

Средневековый фольклор и мифологические мотивы

Связь группы «Король и Шут» со средневековым миром выходит далеко за рамки простых образов короля и шута. Значительная часть её репертуара – это песни-новеллы, повествующие о фольклорных существах (оборотнях, феях), а также о демонологических персонажах, восходящих к Ветхому Завету (например, Вельзевул). В их творчестве встречаются и отсылки к средневековой иконографии, в частности к известной картине Альбертуса Пиктора «Смерть, играющая в шахматы». К этому пласту добавляются реминисценции, отсылающие к строго литературным мифологиям: дань уважения творчеству Г.Ф. Лавкрафта в песне «Дагон», разработка темы двойника в «Отражении» – мотива, столь значимого для русской и мировой литературы.

Детальный анализ каждой из этих отсылок невозможен в рамках данной статьи, так как потребовал бы отдельного масштабного исследования. Поэтому я ограничусь подробным разбором песни «Лесник» (1993), руководствуясь несколькими соображениями.

Во-первых, эта композиция считается одной из самых знаковых в творчестве группы как среди поклонников, так и среди критиков. Сам Михаил Горшенёв (Горшок) в интервью неоднократно называл её своей любимой песней²⁴.

²⁴ ««Лесник» — там сказано всё. Весь «Король и Шут». Хотите понять, что такое «Король и Шут» — послушайте «Лесника»». В Рыбин Алексей — Король и Шут — Нота-Р, 2002 — 203 с.

Во-вторых, «Лесник» прошёл через все этапы длительной карьеры «Короля и Шута»: написан в 1991 году, выпущен на дебютном магнитоальбоме 1993 года, стал основой для видеоклипа в 1996 году и был переиздан на официальном альбоме 1997 года.

И наконец, в-третьих, именно эту песню Андрей Князев («Князь») – автор текстов и главный идеолог визуальной эстетики группы – выбрал для создания анимационной версии в 2017 году, уже после смерти Горшенёва и фактического распада коллектива.

Сюжет песни прост: путник, застигнутый ночью в лесу, ищет убежища в доме местного жителя. Хозяин рассказывает о своих особых, почти мистических отношениях с животными, особенно с волками. Постепенно атмосфера становится всё более зловещей, и в финале выясняется, что лесник намерен скормить незваного гостя своим волкам. В отличие от более поздней анимационной версии, финал оригинальной песни остаётся открытым.

В предыдущем разделе мы говорили о жизнеутверждающем начале, воплощённом в образе шута. В «Леснике» же один из рефренов, настойчиво повторяемый голосом лесника-оборотня, звучит как мрачная, неотвратимая клятва: «Я ни за что не откажусь». Шут был лишь первым в длинной галерее маргинальных и проблемных персонажей группы, к которой присоединяется и этот весьма своеобразный лесник.

Следует также отметить роль леса как архетипического магического пространства, часто встречающегося в средневековой литературе и фольклоре. Само имя персонажа содержит корень «лес». Таким образом, магические свойства локуса передаются и персонажу, который является его воплощением и хранителем. Эта связь с природой подчёркивается особыми отношениями лесника с животными, которых он называет «друзьями». Мотив зачарованного, опасного леса повторяется и в других песнях группы, таких как «Хранитель леса» и «В лесу ночью».

У групп 1980-х, особенно у «ДДТ», а также у «Аквариума» и «Алисы», природа часто наделялась позитивной ценностью как нетронутая святыня, противостоящая испорченности современной цивилизации. В творчестве «Короля и Шута» природа также обладает положительным зарядом, но не как идиллический «райский сад», а как хтоническое пространство, из которого появляются маргинальные персонажи (не случайно одним из ключевых влияний для группы была группа Misfits), мифологические существа, воплощающие бунт против рационального статус-кво.

В этом контексте показательным сопоставлением «Лесника» с песней «Медведь». Если в первом случае рассказывается о человеке, который, обретя свободу, превращается в зверя, то во втором – история животного, обречённого заклятьем стать человеком:

Я был медведем, проблем не знал,
Зачем людских кровей я стал?
И оборвётся тут, словно нить,
Мой дар – на двух ногах ходить.

Быть человеком – значит знать проблемы. «Дар» прямохождения назван с горькой иронией, как проклятие, от которого медведь отрекается. И в отличие от того стихийного, жизнеутверждающего крика, который мы встречали, например, у «Аквариума», медведь обречён не только ходить на двух ногах, но и говорить. Столкнувшись с этим навязанным заклятьем, единственно возможной формой бунта для него становится пение – акт творения в условиях несвободы.

Заключение

Творческое наследие группы «Король и Шут» обширно и выходит далеко за рамки данного первого подступа к его изучению. Цель настоящей работы заключалась в том, чтобы обозначить ключевые темы и художественные принципы этого коллектива, а также соотнести их с историко-культурным контекстом, что позволяет лучше понять процессы формирования уникального жанрового феномена в постсоветской России.

В ходе анализа мы также смогли уделить внимание визуальной составляющей творчества «Короля и Шута». Как было показано, значительная часть успеха группы напрямую связана с органичным единством музыкального, лирического и изобразительного замыслов, подчиняющихся единой эстетической программе. Вопрос сценического воплощения был сознательно вынесен за рамки данного исследования, однако он безусловно требует отдельного рассмотрения в будущем. Это важно не только из-за чрезвычайно выразительной и тщательно продуманной концертной постановки коллектива (что хорошо задокументировано в видеозаписях), но и потому, что Михаил Горшенёв видел в этом продолжение своих художественных поисков. Его мечта о создании панк-спектакля воплотилась незадолго до смерти в двухдисковой рок-

опере «ТОДД», которая, на музыку и в исполнении музыкантов «Короля и Шута», рассказывает знаменитую историю парикмахера Суини Тодда.

Таким образом, «Король и Шут» даёт нам ключ к пониманию фундаментальных трансформаций, которые пережил русский рок в постсоветский период. Путь группы к славе отмечен легитимацией через доступ к масс-медиа и поддержку мэтров предшествующего поколения. Эпоха тотальной цензуры и преследований осталась в прошлом. Своими масштабными концертами, в которых соседствовали неистовые пого и официальный мерчандайзинг, «Король и Шут» окончательно вписал русский рок в глобальную индустрию развлечений.

Их бунт – это бунт шута, который, наблюдая за рушащимся миром, не предлагает новой утопии или политического манифеста. Единственной альтернативой хаосу для него остаётся освобождающий, карнавальный смех – тот самый смех, который деконструирует власть, размыкает жанровые границы и делает возможным существование маргинального героя в центре культурного пространства. В этом и состоит их главное отличие от романтических утопистов 1980-х и их основное завоевание как художников новой эпохи.

Список литературы

- БАХТИН, М. М. 1990. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. – 2-е изд. Москва: Художественная литература. 543 с. ISBN: 5-280-00710-2.
- LESCANO J., PEREYRA J. 2022. *Quiero cambios: la idea de utopía en el rock ruso-soviético de la década de 1980*. Actas de la Tercera Jornada Nacional de Estudios Eslavos. сост. А.А. Гонсалес. Буэнос-Айрес.

Дискография:

- *Король и Шут* (альбом). DDT Records, MC, 1997. – Трек «Король и Шут».
- *Как в старой сказке* (альбом). Мистерия звука, CD, 2001. – Трек «Гимн Шута».
- *Король и Шут* (альбом). DDT Records, MC, 1997. – Трек «Лесник».
- *Жаль, нет ружья* (альбом). Мистерия звука, CD, 2002. – Трек «Медведь».

Херонимо Перейра

Лицензиат, преподаватель всемирной литературы
Институт Монсеньор Диллон, Университет Буэнос-Айрес
Буэнос-Айрес, Аргентина
Monsignor Dillon Institute, University of Buenos Aires
Buenos Aires, Argentina

E-mail: pereyrajeronimo@gmail.com

ORCID ID: -/-

SERGEJ A. JESENIN: VÝVIN BÁSNICKEJ INDIVIDUALITY V SVETLE DVOJITÉHO JUBILEA

Anton Repoň

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela
Banská Bystrica, Slovensko

Anotácia: Sergej Alexandrovič Jesenin (1895 – 1925) patrí medzi najvýznamnejších ruských básnikov 20. storočia. Článok je venovaný životu a dielu Sergeja Jesenina pri príležitosti dvojitého jubilea – 130. výročia jeho narodenia a 100 rokov od jeho tragickej smrti. Text predstavuje Jeseninov literárny vývoj v chronologickej aj tematickej perspektíve, sleduje jeho umelecké začiatky zakorenené v ruskom vidieckom prostredí, formovanie poetickej identity v rámci imažinizmu a postupné dozrievanie jeho výrazu v záverečnom období tvorby. Osobitná pozornosť sa venuje jeho kľúčovým dielam, ich poetike, motívom a reflexii spoločenských premien začiatku 20. storočia. Poukazujeme na Jeseninov prínos do ruskej literatúry, jeho originálny lyrizmus a pretrvávajúci kultúrny význam, ktorý zostáva aktuálny aj po storočí od jeho úmrtia. Jeseninova tvorba rezonovala nielen v ruskej literárnej tradícii, ale aj v slovenskej, českej a angloamerickej literárnej vede. V článku identifikujeme kľúčových literárnych teoretikov, prekladateľov a vedcov a poukazujeme na ideologické a estetické aspekty interpretácie jeho diela.

Kľúčové slová: S. A. Jesenin, ruská avantgarda, imažinizmus, lyrický hrdina, recepcia Jesenina.

SERGEY A. YESENIN: THE DEVELOPMENT OF POETIC INDIVIDUALITY IN THE LIGHT OF A DOUBLE ANNIVERSARY

Annotation: Sergei Alexandrovich Yesenin (1895 – 1925) is one of the most important Russian poets of the 20th century. This article is dedicated to the life and work of Sergei Yesenin on the occasion of a double anniversary – the 130th anniversary of his birth and 100 years since his tragic death. The text presents Yesenin's literary development from a chronological and thematic perspective, tracing his artistic beginnings rooted in the Russian countryside, the formation of his poetic identity within imagism, and the gradual maturation of his expression in the final period of his work. Special attention is paid to his key works, their poetics, motifs, and reflection of the social changes of the early 20th century. We highlight Yesenin's contribution to Russian literature, his original lyricism, and his enduring cultural significance, which remains relevant even a century after his death. Yesenin's work resonated not only in Russian literary tradition, but also in Slovak, Czech, and Anglo-American literary studies. In this article, we identify key literary theorists, translators, and scholars and highlight the ideological and aesthetic aspects of the interpretation of his work.

Keywords: S. A. Yesenin, Russian avant-garde, imagism, lyrical hero, reception of Yesenin.

V kontexte európskeho umenia sa ruská avantgarda realizovala vo všetkých druhoch umenia: v literatúre (V. Chlebnikov, V. Kamenskij, V. Majakovskij, S. Jesenin, B. Pasternak), v divadle (V. Mejerchoľd), vo filme (S. Ejzenštejn), v hudbe (A. Skrijabin, I. Stravinskij), ale aj vo výtvarnom umení a architektúre, kde využívala rôzne umelecké smery a žánre formou odvážnej umeleckej montáže. (Ivanová, 1993, s. 154 - 60) Začiatok 20. storočia sa stáva v dejinách ruskej literatúry „svojrážnou kultúrnou renesanciou“, ktorá zasahuje všetky sféry ruskej kultúry a otvára epochu vzniku rôznych „izmov“, ktoré sa budú pokúšať odpovedať na problémy doby, modifikovať ruský klasický realizmus 19. storočia, transformovať ruskú klasickú literatúru 20. storočia a ovplyvňovať literatúru revolučného optimizmu (Červeňák, 2012).

Imažinizmus je literárny (a umelecký) smer, ktorý vznikol v Rusku v prvých povojnových rokoch na základe hľadania ruského avantgardného umenia, konkrétne futurizmu.

Poetická skupina imažinistov bola založená v roku 1918 V. G. Šeršenevičom, S. A. Jeseninom a A. B. Mariengofom. Jej členmi sa stali I. V. Gruzinov, A. B. Kusikov, R. Ivnev, ako aj umelci B. Erdman a G. Jakulov; blízky im bol dramatik a básnik N. R. Erdman.

V prvej *Deklarácii* (1919) „zbrojnoši“ imažinizmu, používajúc tie isté techniky hrubého šokovania ako futuristi, vyhlásili za „jediný zákon umenia, jedinú neporovnateľnú metódu... odhalenie života prostredníctvom obrazu a rytmiky obrazov. V Deklarácii, ktorá vyšla takmer súčasne v dvoch vydaniach: *Siréna* (Voronež, 1919. Č. 4) a *Sovietska krajina*, sa do popredia dostával obraz „ako taký“: nie slovo-symbol vo svojej mnohoznačnosti (symbolizmus), nie slovo – názov veci (akmeizmus), nie slovo-zvuk, takzvaný «заумный язык» (kubo-futurizmus), ale slovo-metafora: šokujúce novotou vnímania spojenia významovo vzdialených predmetov alebo javov:

On zd'aleka sa každej krave pozdraví
na firme mäsiara.

Keď s fiakristom stretne sa, je hotový,
pripomenúť si hnoja vôňu v duchu,
chvost nosiť jeho koňovi
jak vlečku svadobnému rúchu.

(S. Jesenin Spoveď chuligána, preklad J. Jesenský)

Termín „imažinizmus“ je prevzatý z anglo-amerického literárneho prúdu imaginizmus, s ktorým sme sa zoznámili vďaka článku Z. A. Vengerovej *Anglickí futuristi* (zbierka Strelec). (dostupné z: Imagizmus – Wikipédia, cit. 15. 01. 2026)

Ruskí imažinisti však nikdy nenazývali anglo-amerických imažinistov svojimi predchodcami, hoci obaja zachovávali závislosť od niektorých princípov teoretika futurizmu – talianskeho spisovateľa F. T. Marinettiho. (dostupné z: https://en.wikipedia.org/wiki/Filippo_Tommaso_Marinetti, cit. 12. 01.2026) Filippo Tommaso Emilio Marinetti (1876 – 1944) bol taliansky básnik, redaktor, umelecký teoretik a zakladateľ futuristického hnutia. V rokoch 1907 až 1908 bol spojený s utopickou a symbolistickou umeleckou a literárnou komunitou Abbaye de Créteil. Marinetti je najviac známy ako autor Manifestu futurizmu, ktorý bol napísaný a publikovaný v roku 1909, a ako spoluautor Fašistického manifestu z roku 1919.

Činnosť a správanie imažinistov, rovnako ako futuristov, bolo kontroverzné. Po založení Asociácie voľnomyšlienkárov noví básnici organizovali svoje „zasadnutia“ v kaviarni s názvom Pegasova stajňa. Tvorivo sa zjednotili okolo vydavateľstiev Imažinisti a Čiči-Pichi, ako aj okolo časopisu Hotel pre cestovateľov do krásy (1922-24).

Manifestom imažinistov sa stala Jeseninova práca *Máriine kľúče* (1920). Básnik takto formuloval svoj postoj k slobode tvorby za novej moci: «Нам... противны занесенные руки марксистской опеки в идеологии сущности искусства. Она строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове» (dostupné z: <https://litpr.ru/imazhinizm/>, cit. 06.01. 2026).

Máriine kľúče je jedno z najkontroverznejších diel v tvorbe Sergeja Jesenina. Obzvlášť prekvapení sú čitatelia, ktorí sú zvyknutí na básne, ale v tejto práci nachádzajú myšlienky autora o umení. Jesenin odvážne vyjadruje svoj postoj. Traktát je cenný tým, že nám umožňuje vidieť postoj autora a pochopiť jeho tvorivú metódu. Mária – toto slovo v tomto prípade neoznačuje meno dievčaťa, ale dušu. Je to v jazyku chlystov. Autor sa zaoberá procesom realizácie tvorivosti ako podstatou ľudskej prirodzenosti. V ťahoch štetcom, v súbore písmen alebo slov, v hudbe vidí dušu ruského národa. Ľudia sa veľmi často uzatvárajú pred týmto pocitom a nedovoľujú spoznať svoje skutočné city, ukryté hlboko v duši. Autor sa zaoberá úvahami o tvorivej ceste Starovekej Rusi a jej odraze v skutočnosti. Jesenin uvažuje o skutočnom poslaní pravoslavia, túžbe ľudí po Najvyššom a všetkom nepoznanom a uctievaní pravého slova. Autor vyzýva čitateľa, aby sa zriekol prázdnych slov a začal dôverovať srdcu.

Ale práve v diele *Máriine kľúče* Jesenin tvrdil, že nie víťazstvo nad zmyslom, ale len úzka spojitosť obrazu s obsahom robí dielo organickým a plnohodnotným (v tomto sa prejavil nesúhlas básnika s ortodoxnými imažinistami). Za zdroj svojej poézie Jesenin označil ľudovú literatúru a obrady, a za cieľ básnika – duchovnú transformáciu hmotného sveta. Neskôr Jesenin priznal, že jeho imažinizmus má pôvod v obraznosti *Slova o Pluku Igorovom*. V

podstate stál na čele „umierneného“ krídla imažinizmu, ktorého extrémny sa v roku 1921 pokúsil kritizovať v tlači ako „obyčajnú akrobáciu“. Prvky imažinizmu, „estetiky vädnutia“ (motívy osamelosti v meste, témy hynúceho Ruska, motívy tuláctva, bohémneho života) sa odrazili v poéme *Kobylji korabli* (1919), v básňach *Ja som posledný básnik dediny...* (1921) a v cykle *Moskovská krčma* (1924).

Združenie imaginistov nebolo dlhotrvajúce. 31. augusta 1924 Jesenin a Gruzinov uverejnili otvorený list v novinách Pravda, v ktorom oznámili, že skupinu rozpušťa. V tom istom roku zaniklo vydavateľstvo Imažinisti.

Svoju tvorivú dráhu začal Esenin ako typický roľník-samouk: zemská škola v obci Konstantinovo, cirkevno-učiteľská škola v Spas-Klepikách a potom presťahovanie do Moskvy. Tam pracoval ako pomocný korektor v tlačiarňi Sytina, navštevoval stretnutia Surikovovho krúžku a prednášky na ľudovej univerzite Šaňavského v Moskve. V detstve ho po prvý raz objala širava riazanskej oblohy a riazanských polí. Stála pred ním ruská briezka, topoľ, stromy, ktoré neskôr tak osudovo clivo vkročia do jeho verša. Dýchala naň dedinská chyža, kobyla, psica, vôňa čerstvo upečeného chleba... Detstvo nestrávi u rodičov, ale u starej materi a deda na druhom konci dediny, ktorí ho vychovávajú. Pozná všetky starosvetské rozprávky starej matere a starodávne piesne dedove. V učiteľskom ústave si obľubuje najväčšmi Lermontova a Koľcova, až neskôr prichádza k Puškinovi. Jeho prvé literárne známosti: Grodeckij, Blok, Kľujev, nesôr Ivanov-Razumnik, Belyj.

Zrelý Jesenin sa nebude považovať za roľníka, ale za ruského básnika. Ale na to musel odísť od Surikovcov. Takýmto „odchodom“ sa stalo zoznámenie s Blokom a Kľujevom. Blok mu dal odporúčanie a na konci roku 1915 Jesenin vydal v Petrohrade svoju prvú knihu básní – Radunica. Lyrický hrdina jeho raných básní je pútnik a veriaci, ktorý putuje po poliach a lesoch Ruska s tajnou vierou v Ježiša a Pannu Máriu:

Cítim Božiu radosť –
nežijem nadarmo.
Klaniam sa pri ceste,
padám na trávku.
Medzi borovicami, medzi smrekovcami,
medzi kučeravými brezami,
pod vencom v kruhu ihličiek.
Zjavuje sa mi Ježiš.
(preklad môj)

Prírodný a mysticko-náboženský plán sa v raných básňach Jesenina prelínajú. V liste Ivanovovi-Razumnikovovi (máj 1921) Jesenin píše o obrazoch kalendárneho štýlu, ktoré

vytvoril ruský národ, keď prežíval svoje dni dvojmo, cirkevne a svetsky. Príklady takéhoto dvojitého prežívania v jeho raných básňach nie je ťažké nájsť – napríklad v básni *Jeseň*, ktorú venoval Ivanovovi-Razumníkov. Na jednej strane, v básni *Jeseň* je príroda videná pohansky – ako ryšavá kobyľa s modrými podkovami (farba jesenného lístia a studenej riečnej vody). Na druhej strane je vietor neviditeľným pustovníkom, ktorý svojimi krokmi šliape po lístí, a bobule jarabiny sú ranami neviditeľného Krista. Vietor kolíše strapce jarabiny – pustovník bozkáva rany Ježiša. Pohanské a kresťanské sa spájajú v obraze „dvojitého cítenia“.

Najodvážnejšia a dokonca drzá báseň raného Jesenina – *Pieseň o psovi* (1915), v ktorej sa červená sučka, ktorá porodila šteniatka, javí takmer ako Panna Mária. Jej šteniatka topia a jedno z nich, prirovnané k červenému mesiacu na oblohe, je vzaté do neba. Tragédia psa je premietnutá – takmer rúhavo – do evanjelického príbehu:

Cesta nazad bola pomalá,
pot z nej tiekol, lízala si bok –
tu nad strechou v lune spoznala
jedno zo svojich šteniatok!

.....

Zdalo sa, že ktosi hodil mlčky
hladnej sučke kameň na posmech –
gúľali sa zrazu z očí sučky
zlaté hviezdy na ten biely sneh.

(Sergej Jesenin, *Neodovzdaná lýra*, preklad Ľubomír Feldek)

Revolúciu v roku 1917 vnímal Jesenin ako naplnenie proroctva o modrej Rusi, čo sa zase prekrývalo s evanjelickou myšlienkou o „novej zemi a novom nebi“. Politicky sa Jesenin prikláňal k eserom (Strana socialistov-revolucionárov; tiež eseri; po decembri 1917 – pravicoví eseri – revolučná politická strana Ruskej ríše, neskôr Ruskej republiky, RSFSR. Najväčšia neonarodnícka organizácia začiatku 20. storočia. Bola členom Druhej internacionály – pozn. autora) s ich revolučným radikalizmom a nebolo náhodné jeho zbližovanie s vodcom a teoretikom takzvaného „skýťstva“ Ivanovom-Razumníkom. Skýti vystupovali za revolúciu ducha, ktorá odvedie Rusko z cesty meštianskeho Západu a odhalí v ňom jeho vlastný jedinečný základ ((Skytovia (starogrécky Σκύθης, Σκύθαι, vlastné označenie: Skolot) – staroveký kočovný iránsky hovoriaci národ, ktorý existoval v 8. storočí pred n. l. – 4. storočí n. l. Skýti nemali písmo, zo skýtskeho jazyka je známych viac ako dvesto slov, ako aj osobné mená, toponymá a glosy v antických a klinových písomných prameňoch; pozn. autora)). Tento radikalizmus je jasne počuteľný v takzvaných „malých básňach“ Jesenina, napísaných v rokoch 1917 – 1919.

Zbojnícky a dokonca aj rúhavý princíp preniká malými básňami. V jednej z nich, Inónii (Prorokovi Jeremiášovi), sa lyrický hrdina pre Jesenina stal prorokom a zároveň výtržníkom. Popierajúc „starého“ Boha a „staré“ náboženstvá, prorokoval príchod nového Krista.

Plesaj, Simon, plesaj,
oblej žiarou svet, už po nebi pnie sa
nový Nazaret.
Nový na kobyle
Spasiteľ ide zas.
Naša viera – v sile.
Naša pravda – v nás!
(Sergej Jesenin, *Belasá Rus*, preklad Š. Žáry)

Katastrofa, o ktorej písal Jesenin, bola skutočná, ale s roľníckym rajom nemala, ako sa ukázalo, nič spoločné. V roku 1918 sa začala občianska vojna, ktorá viedla k prudkej nespokojnosti roľníkov s novou vládou. O dva roky vypukol hladomor, ktorý si vyžiadal obrovské množstvo roľníckych životov. Jesenin začal chápať, že sa s dedinou deje niečo strašné. Neskôr v zachovaných strofách z básne „Gulaj-Pole“ napíše:

Tu v bojoch brutálnych a zúrivých
Sekali červených, bili bielych
Za rabovanie proviantu,
Za to, že pošliapali raž.
(preklad môj)

V roku 1918 sa vyostřil jeho konflikt s Kľujevom, ktorého utópii Jesenin už viac neveril. Vnútorne sa zmietať, lebo cítil, že v literárnom svete nemá žiadnych priaznencov. V roku 1919 sa Jesenin pripojil k imažinizmu. Tento zlom v Jeseninovom živote nebol veľmi zrozumiteľný ani pre jeho súčasníkov, ani pre neskorších bádateľov. Jesenina nepochybne priťahovalo k imažinizmu hlásanie národných koreňov poetickej obraznosti. Imažinisti otvorene hlásali, že ciele umenia sú protikladné cieľom štátu a spoločnosti, pretože umenie, ako sa vyjadril Šeršenievič, je „nádherná chyba“. Básnik sa nikdy nezhoduje so súčasnosťou, ba čo viac — vždy z nej vypadáva. V. Chodasevič výstižne definoval imažinizmus ako „poetické tuláctvo“.

Ale práve to sa Jeseninovi páčilo snáď viac ako nároky obrazotvorných umelcov (ako sa imažinizisti nazývali) na vytvorenie národného štýlu v poézii. Pridal sa k imažinistom ako k bratom v utrpení. Imažinistické obdobie v tvorbe Jesenina sa začína premenou mnícha a pastiera na chuligána.

Treba však upozorniť na skutočnosť, že Jeseninov vzťah k poetike imažinizmu mal od začiatku polemický charakter. V jeho poézii nájdeme isté spoločné korene a body s imažinizmom, ale Jeseninova poetická obraznosť má iný pôvod. S. Paštětová tvrdí, že Jeseninova genéza bola úzko spojená s ruským folklórom, ruskou prírodou a krajinou. Jesenin nikdy nebol iba „básnikom moskovskej bohémy“, pretože „dominantné motívy jednotlivých vývinových fáz boli v jeho diele vždy implicitne prítomné a v rôznych tvorivých obdobiach prechádzali do explicitných podôb“ (Paštětová, 1998, s.82).

V roku 1920 vznikajú básne s charakteristickými názvami – *Chuligán*, *Spoved' chuligána*. V nich sa mení nielen lyrický hrdina, ale aj krajina, ktorá sa stáva nepohodlnou, pochmúrnou, nepriateľskou:

Dáždik svojou mokrou metlou čistí
vrbiny trus, kde sa žltne lán.
Pľuj len, vietor, uvädnuté listy,
ja som taký, jak ty – chuligán.
(S. Jesenin *Chuligán*, preklad J. Jesenský)

Jesenin sa nazýva zlodejom, hulvátom, šarlatánom, škandalistom. Zároveň však všetkými spôsobmi zdôrazňuje, že v duši zostal naďalej vidieckym človekom.

Úbohí, biedni sedliaci!
Istotne ste už dávno zostareli.
Boha sa bojíte i čerta popritom.
Ó, keby ste vedeli,
že váš syn je v Rusku
najlepším básnikom!
(S. Jesenin *Spoved' chuligána*, preklad J. Jesenský)

Občianska vojna postavila pred Jesenina otázku historického osudu dediny. V roku 1920 začal pracovať na dramatickej básni *Pugačov*, pretože nesúhlasil s Puškinovým poňatím Pugačovovho povstania. Svojich súčasníkov uisťoval, že mnoho rokov pracoval v archívoch a študoval historické dokumenty. Skutočnosť bola iná. Jesenina nezaujímal 17. storočie, ale 20. storočie, a nie Jemeljan Pugačov, ale Nestor Machno, ktorého vtedajšia tlač nazývala novým Pugačovom. Ale písať báseň o Machnovi, ukrajinskom anarchistickom revolucionárovi, veliteľovi partizánskej Revolučnej oslobodzovacej armády Ukrajiny, ktorý na jej území zorganizoval skutočnú roľnícku republiku a viedol vojnu proti červeným aj bielym zároveň, bolo príliš nebezpečné.

V roku 1921 sa žení s nešťastnou, dvadsaťštyriročnou tanečnicou Isadorou Duncanovou. Odchádza s ňou do Ameriky, keď predtým prešiel celou Európou (objavili sa

správy, že navštívil aj Bratislavu, avšak dnes sa nám táto informácia javí ako číra legenda). Je nešťastný, pije, umára sa alkoholom, a zhnusený životom sa vracia domov. Obdobie týchto rokov je obdobím jeho chuligánstva. Cesta Jesenina do Európy a Ameriky, ktorú podnikol v rokoch 1922 – 1923, bola pre neho spásnou prestávkou. Západ ho lákal možnosťou presvedčiť sa na vlastné oči, či Rusko môže ísť cestou industriálnej civilizácie, alebo je to cesta do pekiel.

Jesenin triezvo zhodnotil technickú silu Ameriky aj mimoriadnu priemyselnú stabilitu Nemecka. Dobre pochopil, že Rusko musí dohnať rozvinuté západné krajiny. Na Západe sa Jesenin cítil nepotrebný. Nepotrebný sa cítil aj v Rusku, lebo nastolenie „roľníckeho raja“ sa nepodarilo, a to, čo prišlo namiesto neho do ruského života, bolo Jeseninovi v zásade hlboko cudzie, ak nie nepriateľské.

V rokoch 1922 – 1923 vznikli básne preplnené pocitom bezvýchodnej slepej uličky, ktoré tvorili cyklus *Krčmová Moskva*. Súčasníci boli ohromení paradoxným spojením témy alkoholizmu, pijanstva s úžasnou poetickou silou. Rovnako krutý je v tomto cykle aj lyrický hrdina Jesenina. Ak sa kedysi fenka pre neho menila na ženu, teraz nastala opačná premena:

Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.

Očistenie hrdinu „od moskovskej krčmy“ mohlo prísť len prostredníctvom smrti a náboženského návratu k stratenej národnej pôde:

Aby za všetky moje ťažké hriechy,
Za neveru v milosť
Ma položili v ruskej košeli
Pod ikony zomrieť.
(preklad môj)

Motív jesene sa stal ústredným motívom cyklu *Láska chuligána*, venovaného herečke Moskovského komorného divadla Augustíne Miklaševskovovej. Kým v *Pugačovovi* sa jeseň vodcom povstalcov vynárala v podobe zlej stareny s pochmúrnym chladným úsmevom, v *Láske chuligána* sa javila ako krásna žena, ktorej meno „znie ako augustový chlad“, má vlasy „farby jesene“ a na očiach vidieť „jesennú únavu“.

V roku 1924 napísal Jesenin malú lyrickú trilógiu – *Návrat domov, Rus sovietska a Rus miznúca* –, v ktorej sa po prvýkrát venoval životu sovietskej dediny. Vidiek sa v jeho básňach objavuje mimo mytopoetického kontextu „modrej Rusy“: komisár sňal kríž z kostola, sestry vyhodili ikony z chaty a čítajú Kapitál sť a Písmo sväté, vidiecka mládež spieva „agitky

chudobného Demiana“. Táto dedina je cudzia jazyku Jeseninovej poézie, čo viedlo k trpkému konštatovaniu:

Ach, otčina!
Aký len smiešny som,
na líca vpadnuté sa suchá červeň linie.
Spoluobčanov reč je mi reč cudzincov,
i sám som cudzincom v tej svojej domovine.
(S. Jesenin *Rus sovietska*, preklad J. Jesenský)

Jesenin sa pokúsil naučiť sa jazyk novej reality. V *Liste jednej žene* má sklon odsúdiť sám seba za to, že zaliezol do podpalubia; tým podpalubím mu bola krčma, kde sa sklonil nad pohárom, aby zabudol na roky minulé. A v *Liste dedovi* posiela pozdrav z divných, cudzích miest a prosí ho, ak umrie v tejto krajine, nech sadne na oceľovú kobyľu (vlak) a príde mu zaspievať posledné „aleluja“.

Kritici dobre videli, ako sa Jesenin namáhal hovoriť novým jazykom. Historicko-revolučná téma, ktorú sa Jesenin pokúsil spracovať v *Balade o dvadsiatich šiestich (S láskou k veľkému umelcovi G. Jakul'ovovi)* a v *Piesni o veľkom pochode* (prvá o dvadsiatich šiestich bakinských komisároch, druhá o obrane Petrohradu v roku 1918), mu nešla, a on to sám chápal.

V roku 1925 Jesenin napísal svoje programové diela, jeden za druhým: cyklus *Perzské motívy*, básne *Anna Sneginová* a *Čierny človek*.

V Perzských motívoch sa objavuje fiktívna Perzia – krajina poézie a lásky, iluzórny svet pokoja a ticha. Jesenin sa zúfalo snaží uniknúť z mučivého nesúladu s realitou do sféry čistej tvorivej fantázie.

Perzia, si krásna, rozprávková,
ruže ako fakle zahoria
a o kraji ďalekom mi znova
so sviežosťou pružnou hovorí.
Perzia, si krásna, rozprávková.

(S. Jesenin *Fidrúsiho modrá domovina...* z cyklu *Perzské motívy*, preklad R. Skukálek)

V *Čiernom človeku* sa predmetom zobrazenia stáva prázdny, znehodnotený život básnika, pred ktorým sa básne odhaľujú ako niečo iluzórne a falošné. *Čierny človek* bol ostrým relapsom, s ktorým Jesenin v sebe bolestne bojoval. Výsledok bol neutešený: ideál sa ukázal ako nerealizovateľný v skutočnosti a skutočnosť ako „holá“, neestetická prázdnota, ktorá odhaľuje ideál. Jesenin bolestne cítil, že prežíva osud akéhosi „dobrodruha“, „darebáka

a opilca“. Doteraz to bola maska. V *Čiernom človeku* maska prirástla k tvári a odtrhávala sa spolu s krvou a mäsom.

Čierny človek
číta v knihe, zvíja ma,
z mrzkej knihy číta, huhne
sťa nad mŕtvym na márach,
predčíta mi život kýsi
darebáka, pijana,
naháňa mi žiaľ a strach.
(S. Jesenin *Čierny človek*, preklad I. Kupec)

Annu Sneginovú Jesenin zamýšľal ako epické, „nekrasovské“ rozprávanie z roľníckeho života, ale nakoniec vytvoril lyrickú spoveď. Je charakteristické, že aj tu Jesenin definitívne odmieta svoj metaforický jazyk a demonštratívne stavia do centra obrazu to, od čoho sa celé roky tvrdošijne odvracal – skutočnú historickú dedinu.

Anna Sneginová je jedinečným dielom básnika. Dokončená v januári 1925, krátko pred smrťou mladého autora, spája v sebe autobiografické prvky a hlbokú analýzu historickej minulosti vlasti – Ruska v ohni revolúcie a občianskej vojny. V čase písania diela mal Sergej Jesenin tridsať rokov: ešte celkom mladý, už kriticky pristupoval k histórii svojho života a milovaného ruského národa, analyzoval minulosť a možnú budúcnosť, bez toho, aby sa v diele zameriaval iba na lyrického hrdinu. *Anna Sneginová* je príbeh nie toľko o neopätovanej láske, ako o globálnom smútku, ktorý prežilo Rusko v roku 1917 a neskôr. Samotný Jesenin nazýval túto báseň svojím najlepším dielom, do ktorého vložil celé svoje básnické majstrovstvo.

Báseň je pomenovaná podľa mena milovanej postavy lyrického hrdinu. Meno Anna Snegina je vymyslené. Prototypom hlavnej hrdinky básne je s najväčšou pravdepodobnosťou Lidia Ivanovna Kašina, raná láska a prvá poslucháčka básní mladého Sergeja Jesenina.

Autor nevybral svojej milovanej nové meno náhodou: priezvisko Snegina sa spája, po prvé, so snehom, ktorého obraz sa opakovane objavuje v texte básne a v predstavivosti hlavného hrdinu, vrátane blúznivých predstáv počas choroby krátko po príchode do Radova; po druhé, s čistotou a nevinnosťou, ktoré zostávajú kľúčovými črtami milovanej hlavnej hrdinu. Akákoľvek bola a čo sa medzi nimi dialo, obraz čistej, nevinnnej, ale zároveň tajomnej a nedostupnej Anny z minulosti nezmizol z duše a srdca básnika.

Anna Sneginová nie je tak veľmi príbehom o prvej láske, spomienkach na minulé šťastie a bolestivé rozlúčenie. Je to aj historická retrospektíva osudu jednoduchých roľníkov,

ruského národa, ktorý snáď najviac utrpel v ohni revolúcie a občianskej vojne na začiatku 20. storočia.

Spomienky na Annu a scény prvých stretnutí s ňou po dlhých rokoch sú presiaknuté hlbokým lyrizmom a tragizmom, spomienkami na detstvo, šťastie a ľútosťou nad strateným časom. Na druhej strane, dôležitú úlohu v básni zohrávajú epická zložka a historizmus: autor bez zmierňovania tónov a farieb opisuje zlomené osudy obyčajných ruských ľudí, zničených alebo privádzaných do šialenstva novou – sovietskou – mocou. Scéna povstania roľníkov, ktorí sa snažia získať späť zem a opísať majetok zemepánov Sneginových, sa stáva epickým centrom básne, kulmináciou jedného z jej konfliktov. Celé dielo Sergeja Jesenina je tak či onak prepletené súcitom s jednoduchým ruským ľudom, ktorý často trpí rozhodnutiami a činmi mocných tohto sveta, a Anna Sneginová nie je výnimkou.

To všetko prijímam,
jak je a ako dajú.
Po vyšliapanej ceste pôjdem, keď ísť mám.
Dám celú dušu si i októbru i máju,
Len moju milú lýru neoddám.
(Sergej Jesenin, *Neodovzdaná lýra*, preklad J. Jesenský)

Tieto verše pozná azda každý Jeseninov obdivovateľ v Rusku i vo svete. Sú z básne *Sovietske Rusko*. Rok po napísaní tejto básne spáchal jej autor samovraždu, aspoň tak znie oficiálna verzia smrti Jesenina. Iní tvrdia, že ho zabili. Naozaj? Túto otázku si kladú aj dnes milióny jeho obdivovateľov na celom svete. Tak či onak, bez Jesenina by bola ruská a svetová poézia nepredstaviteľná.

Recepcia Jesenina v rôznych kultúrnych prostrediach odhaľuje napätie medzi estetickými hodnotami jeho poézie a ideologickými rámcami doby. Ruská literárna kritika vníma Sergeja Jesenina ako jedného z najvýraznejších predstaviteľov „strieborného veku“ ruskej poézie. Jeseninova poézia osciluje medzi lyrickým idealizmom a tragickým realizmom, pričom reflektuje napätie medzi tradičným vidieckym svetom a revolučnou ideológiou.

V Rusku bol Jesenin po revolúcii prezentovaný ambivalentne – na jednej strane ako „hlas dediny“, na druhej strane ako „nepohodlný básnik“, ktorý kritizoval násilie režimu. Spolu s Anatolijom Mariengofom a Vadimom Šeršenevičom vytvoril poetiku založenú na vizuálnych obrazoch.

Gorkij napísal, že Jesenin vniesol do poézie „smútok polí“, lásku ku každému životu na zemi, milosrdenstvo, ktoré si človek zaslúži viac než čokoľvek iné. Alexej Tolstoj kedysi poznamenal, že Jesenin písal rečou svojho vnútorného gesta tak voľne, tak prirodzene, ako sa

to básnikovi podarí iba zriedkakedy. S. Gajšarin poznamenal, že Jesenin je jemný lyrik, majster drobných foriem, ktorý dokázal v troch-štyroch štvorveršiach načrtnúť obraz, náladu, pieseň... na všetkom, čo stvoril, je pečať jeho osobnosti, jeho verše si nepomýliš s inými, natoľko sú späté s jeho tvorivým „ja“.

Ejchenbaum vo svojej práci o Jeseninovi (*Teória Jeseninovej lyriky*, 1929) zdôrazňuje jeho „organickú spojitosť s ruskou prírodou a folklórom“, pričom tvrdí, že „poézia Jesenina je hlasom dediny, ktorý sa snaží nájsť miesto v modernom svete“. Mariengof, blízky Jeseninov priateľ, poznamenal: „Jesenin bol tragikomická postava – básnik, ktorý chcel byť moderný, ale jeho korene ho stále ťahali späť k brehom Oky“ (*Román bez lhaní*, 1967, s. 71), Šeršenevič kritizoval Jesenina za „nostalgickú orientáciu“, pričom napísal, že Jesenin sa snaží modernizovať dedinskú lyriku, ale jeho jazyk zostáva v zajatí minulosti (*Imažinizmus a jeho princípy*, 1924).

Moderní literárni vedci (napr. Kudrjavceva, Malenova) zdôrazňujú Jeseninovu „dvojitú identitu – medzi archaickým folklórnym svetom a mestskou kultúrou začiatku 20. storočia“ (Malenova, *Seriál o Sergejovi Jeseninovi*, 2020).

V Československu sa jeho poézia stala symbolom slobody ducha a odporu voči totalite, čo kontrastovalo s oficiálnym obrazom v ZSSR.

Slovenská literárna kritika vníma Jesenina predovšetkým ako básnika tragického rozmeru, ktorý spája archaické folklórne prvky s modernistickými tendenciami. Jeho tvorba sa objavuje v kontexte ruskej avantgardy, ale zároveň je interpretovaná ako hlas ľudskosti v čase ideologických otrasov.

Dionýz Ďurišin Jesenina začleňuje do interliterárnych procesov európskej moderny, Feldek vníma jeho verše ako protest proti násiliu, Pašteková ho interpretuje v kontexte ruskej avantgardy. Ďurišin v komparatistických štúdiách (*Teória literárnej komparatistiky*, 1984) uvádza, že Jesenin figuruje ako príklad „interliterárneho procesu“, kde sa stretáva ruská lyrika s európskymi avantgardami. Ďurišin zdôrazňuje „vzájomné podmieňovanie estetických systémov“ a podčiarkuje, že „Jeseninova tvorba je dokladom toho, že literárny proces nemožno chápať izolovane – jeho imažinizmus je súčasťou širšieho interliterárneho pohybu európskej moderny“ (Ďurišin, 1984, s. 35).

Ľubomír Feldek v eseji *Krutá metelica októbrových dní* (Pravda, 2018) interpretuje Jesenina ako básnika, ktorý „napriek počiatočnému prijatiu revolúcie zostal verný ľudskému rozmeru poézie a odmietol násilie režimu“ (Feldek, 2018, s. 16).

V monografii *Bunin, Andrejev, Jesenin: Štúdie z ruskej moderny a avantgardy* (VEDA, 1997) Pašteková zdôrazňuje Jeseninovu „tragickú lyriku, ktorá osciluje medzi

archaickým folklórnym svetom a modernou mestskou kultúrou“ a jeho „poetiku imažinizmu ako špecifickú reakciu na krízu symbolizmu...Jeseninova poézia je dialógom medzi dedinou a mestom, medzi archaickým a moderným, pričom jeho obraznosť je zakorenená v ľudovej tradícii, no zároveň otvorená avantgardným impulzom“ (Pašteková, 1997, s. 82).

Česká literárna kritika prijala Jesenina s veľkým záujmom, najmä v období 20. a 30. rokov, keď jeho poézia rezonovala s ideálmi slobody a protestu proti ideologickému diktátu. V českom prostredí sa Jesenin stal symbolom „tragického génia“, ktorý sa vzoprel konvenciám a priniesol lyriku plnú obraznosti. Jeseninove básne prekladali významní českí autori, čím sa stal súčasťou českého literárneho kánonu. Zdôrazňovala sa jeho obraznosť, folklórne korene a tragický rozmer (Jan Zábrana *Slaměný měsíc* (výber z poézie Jesenina), 1981; Josef Hora *Preklady Jesenina*, 1920; Jiří Taufer *Preklady Jesenina*, 1930; Stanislav Rubáš *České překlady Jesenina a sovětská ideologie*, 2019; Milan Hrala *Ruská moderní literatura 1890–2000*, 2000; Hynek Skořepa *Listy*, 2025; Stanislav Rubáš *AUC Philologica*, 2019).

Angloamerická kritika zdôrazňovala jeho tragický osud a univerzálny humanizmus, pričom ideologické interpretácie ustupovali estetickým hodnotám. Recepčia Jesenina v angloamerickom prostredí je menej rozsiahla než v slovanskom kontexte, no napriek tomu významná. Prvé preklady jeho poézie sa objavili už v 20. rokoch 20. storočia, pričom Jesenin bol prezentovaný ako „romantický rebel“ a „hlas ruského vidieka“. Angloamerická kritika zdôrazňuje jeho folklórne korene, tragický osud a estetiku imažinizmu.

Jeseninove básne sa dostali do anglického jazyka krátko po jeho smrti. Medzi najvýznamnejších predstaviteľov angloamerickej literatúry, ktorí sa venovali poézii Jesenina patria Avrahm Yarmolinsky a Babette Deutsch s prácou *Modern Russian Poetry*, v ktorej sa nachádza kapitola o Jeseninovi, 1921; A. Kaun a R. Holloway *Preklad poémy Transfiguration* uverejnenej v časopise Poetry z roku 1926; Svetlana Seregina napíala štúdiu *S.A. Yesenin in the English-Speaking World*, 2018; Michael Wachtel sa Jeseninovi venuje v jednej zo *Štúdií o ruskej poézii 20. storočia*, 2000; Barry Scherr mapuje básnikovu tvorbu v monografii *Analýzy ruského modernizmu*, 2000.

Zistenia

Jeseninova tvorba je dokladom toho, že literárny proces nemožno chápať izolovane – jeho poézia je súčasťou širšieho interliterárneho pohybu európskej moderny. Folklórne korene, vizuálna obraznosť a tragický pátos robia z Jesenina básnika, ktorý aj dnes oslovuje čitateľov naprieč kultúrami.

Zoznam literatúry

- ČERVENÁK, A. 2012. *Na magro ruskej moderny*. UKF v Nitre, Filozofická fakulta, Spolok slovenských spisovateľov, 2012, s. 154.
- ŽURÍŠIN, D. 1984. *Teória literárnej komparatistiky*. Bratislava: SAV, 1984.
- EJCHENBAUM, B. 1926. *Teoriya liriki Jesenina*. Petrograd: 1926.
- FELDEK, Ľ. 2018. *Krutá metelica októbrových dní*. Pravda, 2018.
- HORA, J. 1947. *Jesenin a Pasternak*. Vydalo nakladatelství Fr. Borový, Praha, 1947, 167 s.
- HRALA, M. 2000. *Ruská moderní literatura 1890–2000*. Praha: Academia, 2000, 774 s.
- IVANOVÁ, T. 1993. Ruské revolučné avantgardy a ich miesto v literárnom procese. In: *Problémy literárnej avantgardy*, cit.d., s. 154-160, 1993.
- JESENIN, S. 1956. *Belasá Rus*. Slovenský spisovateľ, vydavateľstvo Zväzu slovenských spisovateľov, Bratislava 1956 v edícii Svetová poézia, 369 s.
- JESENIN, S. 2005. *Neodovzdaná lýra*. Columbus, spol. s r.o., Bratislava, 2005, s. 136.
- JESENIN, S. 1979. *Pieseň pod poľami*. Martin, Tlačiarne SNP, n.p. závod Neografia, 1979, 136 s.
- MARIENGOFF, A. 1967. *Roman bez lhaní*. Svět sovětů, Praha, 1967, 208 s.
- PAŠTEKOVÁ, S. 1997. *Bunin, Andrejev, Jesenin: Štúdie z ruskej moderny a avantgardy*. Bratislava: VEDA, 1997, 112 s. ISBN 80-224-0520-5.
- RUBÁŠ, S. 2019. *České překlady Jesenina a sovětská ideologie*. AUC Philologica, 2019.
- SEREGINA, S. 2018. *S.A. Yesenin in the English-Speaking World: New and Little-Known Facts*. Studia Litterarum, 2018.
- Sergej Jesenin ve vzpomínkách*. Lidové nakladatelství Praha. 1975, 240 s.
- ŠERŠENEVIČ, V. 1924. *Imažinizm i ego principy*. Moskva, 1924.
- YARMOLINSKY, A., DEUTSCH, B. 1921. *Modern Russian Poetry*. New York: Macmillan, 1921.
- ZAMBOR, J. 2011. *Kniha ruskej poézie*. Vydavateľstvo Michala Vaška, Prešov, 2011, 414 s. ISBN 978-80-7165-845-0.

Anton Repoň

Mgr., PhD., univ. doc.

Katedra slovanských jazykov

Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Tajovského 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko

Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University in Banská Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banská Bystrica, Slovakia

E-mail: Anton.Repon@umb.sk

ORCID ID: 0000-0002-6749-7766

ЛИЧНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА В ПРОЗЕ ПЯТОЙ ВОЛНЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Viktoriia Kniazkova

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela
Banská Bystrica, Slovensko

Аннотация: Статья посвящена проблеме вербализации и литературного осмысления личной и коллективной травмы эмиграции в прозе российских писателей, вынужденных покинуть страну в связи с событиями последних лет. Материалом исследования являются художественные произведения Марии Степановой, Антона Секисова, Ларисы Муравьевой, Лаймы Андерсон и Петра Турехина, опубликованные в 2024–2025 гг. Теоретическую основу работы составляют концепции trauma studies (К. Мерридейл, Дж. Александер, А. Ассман, Р. Айерман), а также подходы к анализу эмигрантской литературы, разработанные З. Зиником. В статье анализируется специфика пятой волны российской эмиграции, проявляющаяся в отказе от сопричастности государству, ведущему войну, пересборке индивидуальной и коллективной идентичности, кризисе языка и права на высказывание. Особое внимание уделяется апории письма, при которой письмо одновременно переживается как невозможное и как экзистенциально необходимое. Рассматриваются мотивы утраты дома и родины, авторефлексивные стратегии и приемы умолчания. Показано, что тексты объединяет общий эмоциональный регистр, который интерпретируется как проявление поврежденной коллективной идентичности. Делается вывод о том, что проза пятой волны эмиграции выполняет функцию работы с травмой, в рамках которой артикуляция личного опыта становится способом проработки коллективной травмы.

Ключевые слова: личная и коллективная травма, эмигрантская проза, русская литература, русский язык, пятая волна эмиграции.

PERSONAL AND COLLECTIVE TRAUMA IN THE PROSE OF THE FIFTH WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION

Abstract: The paper examines the problem of verbalizing and literarily processing personal and collective trauma of emigration in the prose of Russian writers who were forced to leave the country due to the events of recent years. The study is based on literary works by Maria Stepanova, Anton Sekisov, Larisa Muravyeva, Laima Anderson, and Petr Turekhin published in 2024–2025. The theoretical framework draws on key concepts from trauma studies (C. Merridale, J. Alexander, A. Assmann, R. Eyerman), as well as approaches to the analysis of émigré literature developed by Z. Zinik. The article analyzes the specific features of the fifth wave of Russian emigration, manifested in the rejection of identification with a state conducting war, the reconstruction of individual and collective identity, and a crisis of language and of the right to speak. Particular attention is paid to the aporia of writing, in which writing is experienced as both impossible and existentially necessary. The study also

examines motifs of the loss of home and homeland, self-reflexive narrative strategies, and techniques of omission. It is shown that the texts share a common emotional register, interpreted as a manifestation of damaged collective identity. The article concludes that the prose of the fifth wave of emigration performs a trauma-processing function, in which the articulation of personal experience becomes a means of working through collective trauma.

Keywords: personal and collective trauma, émigré prose, contemporary Russian literature, Russian language, fifth wave of emigration.

Несмотря на интенсивное развитие теории травмы (trauma studies) в гуманитарной мысли конца XX – начала XXI века, в контексте русского культурного опыта данная проблематика остается мало изученной. Одна из причин непопулярности теории травмы применительно к русской литературе заключается в том, что русские авторы часто изображали страдание не как травму, которую нужно проговорить и преодолеть, а как нравственное испытание или элемент экзистенциального пути. Страдание героизировалось и преподносилось с идеологической, религиозной, философской или моральной перспективы, но не воспринималось как повреждение, требующее терапии. Перефразируя высказывание К. Мерридейл в статье «The Collective Mind: Trauma and Shell-shock in Twentieth-century Russia», можно предполагать, что реальность травмы ставилась под сомнение потому, «что она угрожала разрушить столь близкий любому сердцу национальный миф о героизме» (Мерридейл, 2009, с. 608). Как убедительно доказывает К. Мерридейл в вышеупомянутом исследовании, замалчивание коллективной травмы, а также пропаганда стойкости, жертвенности и солидарности сформировали «миф о том, что русские неподвластны боли» (Мерридейл, 2009, с. 625). Непроговоренность, невысказанность и непризнание боли стали характерной чертой коллективного культурного опыта, в рамках которого осмысление травмы оказывалось на периферии общественного и культурного внимания.

Однако русская эмигрантская литература последних лет демонстрирует иную тенденцию и может быть рассмотрена как пространство формирования нового отношения к травматическому опыту. Речь идет об осознанном восприятии письма как способа преодоления травмы, ее проговаривания и проработки. За последние четыре года, ставшие пиком пятой волны российской эмиграции, было опубликовано значительное количество разножанровой литературы, в которой осмысляются причины, процессы, особенности и последствия данной эмиграционной волны.

Рассмотрим некоторые общие черты, характерные для художественной литературы эмиграции последних лет, на примере романов, опубликованных в 2024–2025 гг.:

- Мария Степанова «Фокус» (Москва: Новое издательство, 2024);
- Антон Секисов «Курорт» (Альпина. Проза, 2024);
- Лариса Муравьева «Написано в Западном Берлине» (shell(f), 2025);
- Лайма Андерсон «Набережная реки Фонтанки, четная сторона» (shell(f), 2025);
- Петр Турехин «Ландшафты утраченного времени» (Freedom Letters, 2025).

Объединяющей чертой всех рассматриваемых произведений является отношение к письму как к инструменту проработки травматического опыта вынужденной, неожиданной и спешной эмиграции, а также ее причин и последствий. Центральным здесь оказывается мотив апории письма, то есть принципиально неразрешимого противоречия между потребностью высказывания и невозможностью речи. Письмо в этих текстах одновременно порождается травматическим опытом и блокируется им: именно травма становится импульсом к письму, но она же разрушает доверие к языку и подрывает веру в адекватность слов. В результате процесс письма становится объектом авторефлексии и одной из ключевых тем художественного произведения.

В рассматриваемых текстах неоднократно проговаривается невозможность вербализации причин эмиграции, прежде всего войны и репрессий, а также лишением самого себя права на высказывание. Подобная установка соотносится с известной мыслью о невозможности писать о катастрофе. После Второй мировой войны Теодор Адорно сформулировал ставшее знаменитым высказывание о том, что после Аушвица нельзя писать стихи (цит. по: Ассман, 2014, с. 257). Эту мысль впоследствии повторила, в частности, Светлана Алексиевич в своей Нобелевской лекции, говоря о своем учителе Алесе Адамовиче: «Мой учитель Алесь Адамович, чье имя хочу назвать сегодня с благодарностью, тоже считал, что писать прозу о кошмарах XX века кощунственно» (Алексиевич, 2015).

Вместе с тем Т. Адорно позднее пересматривает свою позицию, отмечая в 1966 году: «Длительное страдание имеет такое же право на выражение, как и человек под пытками – на крики; поэтому, возможно, неправильно говорить, что после Освенцима не стоит писать стихи» (цит. по: Айерман, 2013, с. 124). Аналогичным образом и С. Алексиевич подчеркивает необходимость поиска нового типа литературного высказывания, адекватного опыту страдания. Таким образом, речь идет не о буквальном запрете на художественное письмо, а о кризисе языка и высказывания

после катастрофы. В этом контексте апория письма, характерная для современной эмигрантской прозы, может быть прочитана как проявление того же этического и экзистенциального тупика: письмо одновременно переживается как невозможное и как неизбежное, поскольку отказ от него означал бы окончательное молчание и утрату субъективности.

Мария Степанова в книге «Фокус» так передает чувства главной героини, писательницы М., о невозможности возвращения к писательскому труду:

«Если бы у нее было хоть какое чувство собственной нужности, как во времена, когда она еще была писательницей, все было бы, думала она, по-другому» (Степанова, 2024, с. 111).

«“Пиши! Свою! Книгу!”— гласила подпись, и при виде этого свободная субботняя М., ничего писать не желавшая, начинала смотреть в другую сторону, а рудиментарная, почти отсохшая писательница давала о себе знать неприятным покалыванием где-то в районе затылка» (Степанова, 2024, с. 80).

«Писательницей она теперь была только по названию, потому что ничего не писала и не собиралась» (Степанова, 2024, с. 20).

Объяснение невозможности письма во время войны передается метафорой мыши во рту:

«И не потому, что М. забыла, как справляться с такими вещами, как письма, на которые надо ответить, или тексты, что она когда-то пообещала сочинить. Она помнила, как это делается, и не чувствовала себя совсем уж неспособной... ..стоило начать шарить в уме в поиске хоть каких-нибудь слов, М. чувствовала, что во рту у нее полуживая еще мышь, и выплюнуть ее никак не удавалось. Она шевелилась, зажатая между зубами. Надо было то ли сжать челюсти, с хрустом перекусив ее пополам, то ли так и жить дальше с мышью во рту, ни о чем не думая. Так и получалось, что писательница М. больше не могла делать ничего полезного, и даже разговоры разговаривала сквозь беззвучное попискивание мыши, борясь с подкатывавшей тошнотой ... Все, чем она занималась теперь, сводилось к чтению военных сводок и новостей, каждая из которых была хуже предыдущей. Там шел счет убитым и оставшимся без крова. Дети и собаки сидели в бомбоубежищах на чьих-то пальто и куртках. На замусоренной земле стояли дома с выжженным нутром и старухи, не знавшие, куда им теперь идти, а М. все сидела» (Степанова, 2024, с. 23-24).

Главный герой романа Антона Секисова «Курорт» также постоянно возвращается к мысли о необходимости написать эмигрантский роман и в то же время размышляет о бессмысленности этой затеи (Секисов, 2024, с. 45-46).

Необходимость высказывания проговаривается и в книге Лаймы Андерсон «Набережная реки Фонтанки, четная сторона»:

«Мне помогала терапия, на которой я говорила об одном и том же. Помогало ведение заметок, пока я его не забросила. Помогали книги, которые удавалось дочитать до конца» (Андерсон, 2025, с. 20).

Мне не даются языки, думаю, как и письмо, - не самая сильная моя сторона. К сожалению, я не могу не говорить и не могу не писать» (Андерсон, 2025, с. 43).

Сама Лайма Андерсон, сознавая необходимость письма, основала и ведет писательские воркшопы shell(f) в Белграде, помогающие преодолеть испытания эмиграции через создание текста.

Особое место в этом контексте занимает роман Ларисы Муравьевой, которая, будучи сама исследовательницей травмы в литературе, создает авторефлексивный текст, посвященный проживанию собственной травмы эмиграции. Прочитав ее статью: «Сам жест письма становится способом переживания травмы; нарративизация мельчайшего опыта обладает терапевтической функцией» (Муравьева, 2019, с. 111). И далее в той же статье: «С одной стороны, в попытке отстраниться от жестокой реальности произведение таким образом замыкается на самом себе и переходит в относительно безопасное авторефлексивное измерение. С другой – подобные переключения способствуют (ре)конструированию своей идентичности, осмыслению себя здесь и сейчас и сравнению с собой в прошедшем времени». Развивая эту мысль, Л. Муравьева обращается к М. Липовецкому, которого она цитирует следующим образом: «В этом отношении М. Липовецкий отмечает “невероятно продуктивную связь между травмой и эстетической рефлексией на темы страшной и непредсказуемой власти языка и власти над языком” (Липовецкий, 2008, с. 73)» (Муравьева, 2019, с. 114).

Однако сама Лариса Муравьева, столкнувшись с травмирующими событиями, теряет способность говорить. Ее дебютная автофикциональная книга «Написано в Западном Берлине» и есть процесс восстановления этой способности:

«Сегодня я должна говорить про автобиографию и травму. Но мне почти нечего сказать, кроме того, что травму нужно просто пережить» (Муравьева, 2025, с. 25).

«Но я, пишущая, не могу проектировать этот дом для читателя, потому что не могу справиться со своими чувствами сама. Письмо – это линия, выпрямляющая сколы и сбой опыта, позволяющая сравнить углы и построить версию реальности. Письмо – это ошибка, искажение, подвох» (Муравьева, 2025, с. 28).

На эту особенность эмигрантской литературы можно взглянуть через интерпретацию эмигранта третьей волны Зиновия Зиника, высказанную им в сборнике эссе «Эмиграция как литературный прием», где он подчеркивает, что писатель в эмиграции отстраняется от себя самого таким же образом, как обычный писатель отстраняется от нарратора в своем художественном тексте. «Если автор, живущий у себя на родине, разрешает морально двусмысленные ситуации и дилеммы через подставных лиц – с помощью своих героев, то у писателя эмигрантского дело обстоит по-другому: его личность становится частью его сюжета» (Зиник, 2011, с. 25). О превращении автора в текст говорит и Лайма Андерсон: «...отправляю тебе эти «письма», превращаю нас (себя) в текст» (Андерсон, 2025, с. 34).

З. Зиник подчеркивает, что эмиграция – это «отчуждение от собственного прошлого» (Зиник, 2011, с. 15), готовность «отказаться от себя прежнего» (Зиник, 2011, с. 20), эмигрант осуществляет переход из одного мира в другой, находится в поиске «другого себя» (Зиник, 2011, с. 25). В романе «Написано в Западном Берлине» Л. Муравьева высказывает подобную мысль: «Писателя из меня не выйдет... я слишком люблю слова, а текст возникает, когда сам исчезаешь...» (Муравьева, 2025, с. 200). Ощущение отстраненности в тексте Л. Муравьевой достигается в том числе сменой нарративной перспективы: переходом повествования от первого лица к повествованию от третьего лица:

«Я не хожу никуда больше, я не хочу ничего больше, я хочу за(к)рыться в текстах и молчать, пока не закончится первая война, пока не закончится вторая война» (Муравьева, 2025, с. 45).

«Она приехала в Берлин на год, и за этот год она должна написать книгу. ... Если она ее напишет, то ее оставят работать. Если нет, то ее выкинут. Из Берлина, из Европы и из ее нового мира. ... Она себя ненавидит. ... Она не может писать. Ее книга – это она сама. Ее мучают флешбеки, о которых она боится рассказать. Она боится, что

ее время закончится раньше, чем она думает. Чем быстрее идет время, тем чаще возвращаются флешбеки» (Муравьева, 2025, с. 150).

Процесс поиска новой идентичности также является объединяющим мотивом рассматриваемых произведений, однако его результат каждым из авторов переживается и передается по-разному. В конце романа «Курорт» главный герой, не выдержав испытания эмиграции, возвращается и, находясь в родном пространстве, перестает что-либо ощущать, чувствует себя окаменевшим, повествование обрывается словами «а дальше – склейка» (Секисов, 2024, с. 171) и в качестве эпилога описывается сцена непринужденного мирного отдыха главного героя на курорте. Мотив умирания личности, ее исчезновения, перерождения, воскрешения в иной ипостаси свойственен эмигрантским текстам. «Вопрос о существовании литературы в эмиграции сводится, таким образом, к вопросу: существует ли жизнь после смерти?... Мы не знаем, что такое «тот свет» существует ли он вообще... Эмиграция – это своего рода симуляция подобного состояния» (Зиник, 2011, с. 254).

Смена идентичности может символически выражаться и через смену имени, которая так или иначе происходит в ином языковом и культурном пространстве. Этот мотив напрямую связан с переживанием расщепленности субъекта и необходимостью заново определить границы собственного «я». Л. Муравьева формулирует эту ситуацию авторефлексивно: «Я переезжаю в другую страну и становлюсь перед выбором: сохранить или изменить свое имя, расщепить себя искусственно надвое или оцельнить и-так-разрозненную-себя» (Муравьева, 2025, с. 115). Смена имени как знак символического умирания и последующего перерождения реализуется и в романе М. Степановой «Фокус». Главная героиня, писательница М., оказывается участницей циркового фокуса, в котором ее распиливают надвое. Этот эпизод может быть прочитан как метафора утраты прежней идентичности и разрыва целостности субъекта. После завершения представления цирк уезжает, а повествование завершается словами: «А., так теперь ее звали, перевесила холщовый мешок с пожитками с плеча на плечо и ускорила шаг» (Степанова, 2024, с. 118). Новое имя фиксирует переход в иное состояние, в котором прежняя субъектность оказывается утраченной, а новая еще только формируется.

В книге Л. Андерсон этот мотив получает дальнейшее развитие и звучит как своеобразная отсылка к роману М. Степановой, одновременно определяя суть «фокуса эмигранта». Героиня осмысляет способность заново называть пространство домом как особое умение, вынужденный навык выживания: «Я умею называть это новое

пространство моим домом и делать из него дом. Из всех возможных трюков, которым можно было научиться владеть в совершенстве, мне достался только этот. Фокус, порядок действий в котором, я все еще помню, и у меня все еще есть силы, чтобы проверить его снова. ... Мне не нравится, что я это умею и что это обязательная часть фокуса, но так уж заведено. Каждое новое место обещает мне новую потерю и всегда сдерживает слово» (Андерсон, 2025, с. 43–44). «Я стала называть квартиру, которую здесь снимаю, домом, потому что умею обживать новые пространства. Я рада тому, что старый трюк снова сработал, фокус получился...» (Андерсон, 2025, с. 58).

Мотив дома, родины, чужбины и поиска собственного места является одним из ключевых в произведениях, написанных в эмиграции, поскольку именно пространство оказывается той категорией, через которую наиболее остро переживается утрата прежней идентичности. Мария Степанова описывает разрыв с привычным пространством прошлого и более того, разрыв с каким бы то ни было пространством:

«... если бы домой было возможно... Но так называемая правда жизни... состояла в том, что с большой вероятностью, если ты и вернешься куда хотел, то застанешь там на месте дома – пустое место» (Степанова, 2024, с. 77)

«...никакого *домой* нет и не бывает...» (Степанова, 2024, с. 49).

«Постепенно она привыкает к новому чувству безопасности, для которого не надо уже иметь дом, квартиру, даже крышу над головой» (Степанова, 2024, с. 14).

У Л. Муравьевой это противоречие формулируется предельно лаконично: «В доме, который не является моим домом» (Муравьева, 2025, с. 224).

В текстах Л. Андерсон также осмысляет жизнь без определенного места, а дом мыслится как процесс, как временное состояние, возникающее в переплетении человеческих связей и повседневных практик:

«За последний год я привыкла к безвременью и беспространственности жизни» (Андерсон, 2025, с. 19)

«В этом переплетении вещей и жизней я чувствую себя дома. ...дом – это быть рядом» (Андерсон, 2025, с. 7).

«Я живу здесь с января. Теперь это мой дом» (Андерсон, 2025, с. 16).

«Я оторвалась от “родной” земли, но мои ноги так и не коснулись новой почвы» (Андерсон, 2025, с. 18). Эмиграция здесь предстает как состояние между двумя пространствами: утраченной родиной и еще не освоенной чужбиной.

«Я мечтаю, что у меня будет дом. Мне хочется думать о доме как о безопасной территории» (Андерсон, 2025, с. 47).

В этом же контексте звучит и коллективное измерение эмигрантского опыта: «Мы строим свои дома здесь, каждая, как может: дома семьи, дома нового языка и культуры, дома работы и дома активизма» (Андерсон, 2025, с. 68).

У П. Турехина мотив родины приобретает более резкий и конфликтный характер. Его герой задается вопросом: «Неужели я больше никогда не вернусь в Россию? Ощущение, что нет. Но я даже не успел принять такое решение... Посмотрел на русское небо. Плюнул на русскую землю» (Турехин, 2025, с. 21–22). Этот жест фиксирует насильственный разрыв с пространством родины, который совершается не как осознанный выбор, а как реакция на невозможность продолжать прежнее существование.

У А. Секисова этот разрыв формулируется еще более радикально: «Родины больше нет» (Секисов, 2024, с. 71).

Родина утрачивает не только статус физического пространства, но и способа самоидентификации героя.

Л. Андерсон переосмысляет соотношение родины и чужбины, иронически перефразируя известную песню «С чего начинается родина»:

«С чего начинается эмиграция?

С покупки билета на самолет.

Точнее, со списания двух третей

моей зарплаты с банковской карты.

А может, она начинается уже только

с зарождения мысли об отъезде?

С принятия решения уехать?» (Андерсон, 2025, с. 62).

Этот прием демонстрирует, как сакрализированный дискурс родины подменяется прагматикой вынужденного выбора, где эмиграция начинается не с идеологии или мифа, а с конкретного экономического и экзистенциального шага.

В своем исследовании «Cultural Trauma and Collective Identity» Дж. Александер разграничил индивидуальную и коллективную травму, подчеркнув, что коллективная травма не равна совокупности индивидуальных травм. Объектом коллективной травмы становятся связи между людьми и их культурные смыслы, и именно эти связи и смыслы претерпевают драматические изменения. Кроме того, важным утверждением Александра является то, что коллективная травма является одной из форм

формирования коллективной идентичности: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» (Александр, 2012, с. 6). «Статус травмы придается реальным или воображаемым явлениям не благодаря их фактической вредности или объективной резкости, но благодаря тому, что полагают, что эти явления резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность» (Александр, 2012, с. 17).

Для рассматриваемых текстов эмигрантской прозы характерен определенный «эмоциональный режим» (Reddy, 2001, с. 128). Это общие для всех произведений эмоции и состояния: тревога, беспокойство и страх; вина и стыд, бессилие, беспомощность, незащищенность; жалость к себе и одновременно злость на самого себя, тоска; одиночество, потерянности. Данный эмоциональный режим формируется не как сумма индивидуальных переживаний, а как проявление поврежденной коллективной идентичности:

«...все состояло из таких дыр и зияний, страшных завихрений материи, страха и трепета, стыда и вины, смерти и гибели, смерти и гибели, повторила она в уме, над которыми у нее не было ни малейшей власти» (Степанова, 2025, с. 50)

«вины вокруг нее и в самой М. было столько, что не продохнуть, ею можно было захлебнуться, и очень вероятно, что это уже произошло, и гостиничный номер с широкими оконными стеклами был просто банкой, в которой хранилась М., заспиртованная в своей и чужой вине» (Степанова, 2025, с. 100)

«Вина выжившего – вина, которую ощущает зритель, сталкиваясь лицом к лицу со свидетельством насилия... » (Муравьева, 2025, с. 48).

«бессилии... вместо того, чтобы начать зарабатывать, писать свою книгу или думать, как отсюда выбираться, я скатываюсь в бездействие и никчемную жалость к себе» (Муравьева, 2025, с. 156).

«Ощущение безопасности – к сожалению, этого я больше не чувствую, но чувствую много другого. Не могу сказать, что мне приятно» (Андерсон, 2025, с. 18)

«... тоска, осознание полной бессмысленности происходящего...» (Секисов, 2024, с. 25).

«В нем боролись отвращение и жалость к себе, покорность судьбе и злоба на мир...» (Секисов, 2024, с. 141).

«Та нить жизни, которая была, порвалась, и надежд, что она начнет восстанавливаться, уже особо нет. Другая жизнь все не начинается, она то собирается, то рассыпается, ориентиров в ней нет...» (Турехин, 2025, с. 5).

Стыд и страх, сопровождающие травматический опыт, зачастую препятствуют его открытой вербализации и культурной переработке, особенно когда речь идет о той части «исторической травмы, которая не была достаточно проработана, замалчивалась по причине своего негероического характера» (Адельгейм, 2023, с. 174). А. Ассман в своем труде «Длинная тень прошлого», рассматривая память о травме как важнейший элемент культурной памяти, неоднократно обращает внимание на то, что «под давлением вины и стыда готовность к воспоминаниям радикально снижается» (Ассман, 2014, с. 150). В то же время А. Ассман подчеркивает, что только через осмысление и артикуляцию травматического прошлого возможно формирование ответственной исторической идентичности.

Именно это напряжение между необходимостью проговаривания травмы и невозможностью его прямого названия находит отражение в поэтике рассматриваемой прозы. Особый художественный прием, присущий и другим эмигрантским произведениям, использует М. Степанова. В ее романе отсутствует прямая конкретизация мест, народов, городов и языков: конкретика оказывается слишком травматичной. Вместо этого автор прибегает к умолчанию и парафразам: «чужеземный город, где жила теперь М.», «в той стране, на которую напала страна, где она родилась», «для человека, говорящего на ее родном языке», «в стране, откуда она была родом». Такое избегание названия превращает пространство в абстрактное и обезличенное, подчеркивая состояние утраты координат и невозможности закрепить себя ни в одном из миров.

В этом состоянии «между» формируется специфический опыт эмиграции, который выходит за рамки индивидуального переживания и приобретает коллективное измерение. Эмигранты пятой волны, потеряв прежнюю идентичность как часть российского общества, создают новую идентичность эмигрантского сообщества, прописывая и описывая травму эмиграции как часть своей новой коллективной идентичности.

Вслед за Зиновием Зиником необходимо подчеркнуть, что не любое произведение, написанное вне России, следует считать эмигрантским (Зиник, 2011, с. 255). Суть эмигрантской литературы, по мнению З. Зиника, заключается в том, чтобы «говорить от имени тех, кто затерялся меж двух миров» (Зиник, 2011, с. 256). К этому

утверждению можно добавить, что одной из задач текстов писателей-эмигрантов является преодоление упомянутой затерянности, которое происходит в том числе проговариванием, прописыванием эмоций, позволяющим восстановить разрушенные смысловые связи.

Список литературы

- REDDY, W. M. 2001. *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, U.K. ; New York: Cambridge University Press. ISBN 0-521-80303-9 – ISBN 0-521-00472-1.
- АДЕЛЬГЕЙМ, И. 2023 *Гротеск vs травма нарратива (проза Сильвии Хутник, Игоря Остаховича, Андрея Тургенева)* // Энергия травмы: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; под науч. ред. Т. Е. Автухович. – Гродно: ГрГУ. С. 174-185.
- АЙЕРМАН, Р. 2013. *Социальная теория и травма* // Социологическое обозрение. Т. 12. № 1. с. 121–138.
- АЛЕКСАНДЕР, Дж. 2012. *Культурная травма и коллективная идентичность* In: Социологический журнал. № 3 С. 5-39.
- АЛЕКСИЕВИЧ, С. 2015. *О проигранной битве: нобелевская лекция. 7 декабря* [online]. Доступно онлайн: <https://arzamas.academy/mag/212-aleksievitch?ysclid=macp7kg4dw720858822>. [Дата обращения 2026-01-10].
- АНДЕРСОН, Л. 2025. *Набережная реки Фонтанки, четная сторона*. Белград: shell(f). 72 с. ISBN 978-86-83052-00-4.
- АССМАН, А. 2014. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. Москва: Новое литературное обозрение. 323 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.
- ЗИНИК, З. 2011. *Эмиграция как литературный прием*. Москва: Новое литературное обозрение. 264 с. ISBN: 978-5-86793-865-9.
- ЛИПОВЕЦКИЙ, М. 2008. *Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов*. Москва: Новое литературное обозрение. 848 с. ISBN 978-5-86793-588-7.
- МЕРРИДЕЙЛ, К. 2009. *Сознание коллектива: Травма и контузия в России XX века* In: Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва: Новое литературное обозрение. С. 606-630. ISBN 978-5-86793-722-5.
- МУРАВЬЕВА, Л. 2019. *Авторефлексивные стратегии репрезентации травмы в художественном нарративе (на материале современной французской литературы)* In: Поэтика и прагматика нарративных практик / отв. ред. В.И. Тюпа. Екатеринбург: ИНТМЕДИА. С. 104–125.
- МУРАВЬЕВА, Л. 2025 *Написано в Западном Берлине*. Белград: shell(f). 240 с. ISBN 978-86-83052-03-5.
- СЕКИСОВ, А. 2024. *Курорт*. Москва: Альпина. 174 с. ISBN 978-5-00223-310-6.
- СТЕПАНОВА, М. 2024. *Фокус*. Москва: Новое издательство. 122с. ISBN 978-5-98379-271-5.
- ТУРЕХИН, П. 2025. *Ландшафты утраченного времени*. Берлин: Freedom Letters, 2025. 291 с. ISBN 978-1-326-69520-0.

УШАКИН, С. 2009. *Травма: пункты: сборник статей* / сост. С. Ушакин и Е. Трубина.
Москва: Новое литературное обозрение. ISBN 978-5-86793-722-5.

Viktoriia Kniazkova

doc., CSc.

Katedra slovanských jazykov

Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Tajovského 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko

Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: viktoriia.kniazkova@umb.sk

ORCID ID: 0000-0003-2542-227X

ПОИСК СМЫСЛА ИЛИ РОКОВОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ ИСТОРИКА. РОМАН ДМИТРИЯ БЫКОВА «ОПРАВДАНИЕ»

Мартин Лизонь

кафедра славянских языков, философский факультет, Университет им. Матея Бела
Банска Быстрица, Словакия

Абстракт: Статья посвящена первому роману Дмитрия Быкова «Оправдание» (2001), в котором автор обращается к теме сталинских репрессий и их месту в коллективной и индивидуальной памяти. Исследование помещено в более широкий литературный и культурный контекст, в котором репрессии представляют собой одну из основных тем современной русской литературной продукции. Роман Быкова – это одна из первых попыток в русской литературе XXI века разобраться с прошлым и понять причину самого существования репрессий. В исследовании особое внимание уделяется его главному герою – молодому историку Рогову, чья семья была затронута сталинскими репрессиями. Индивидуальная семейная травма становится для Рогова импульсом к поиску своего деда, биолога Скалдина – жертвы репрессий, и к поиску их исторического значения. Именно через историка Рогова Быков конструирует очень своеобразную историю репрессий и их жертв. Этот исторический конструкт является главным предметом исследования и интерпретируется в нем как литературная игра Быкова, в которой реальные исторические факты смешиваются с интерпретациями истории Роговым. Трагический конец поисков Рогова в исследовании воспринимается как крах его исторического конструкта. Историк становится жертвой абсурдной интерпретации истории, которую он сам создал. Исследование указывает на неприемлемость позитивного восприятия репрессий, оценивает как принципиальную ошибку попытки оправдать тиранию сталинского советского государства.

Ключевые слова: Дмитрий Быков, история России, коллективная память, литературная игра, сталинские репрессии.

THE SEARCH FOR MEANING OR THE HISTORIAN'S FATAL BLUNDER. DMITRY BYKOV'S NOVEL *JUSTIFICATION*

Abstract: This paper is devoted to Dmitry Bykov's first novel *Justification* (2001), in which the author turns to the theme of Stalinist repression and its place in collective and individual memory. The research is set in a broader literary and cultural context in which repression is one of the main themes of contemporary Russian literary production. Bykov's novel represents one of the first attempts in 21st century Russian literature to come to terms with the past and to understand the reason for the very existence of repression. In particular, the research focuses on its main character, the young historian Rogov, whose family was marked by Stalin's repressions. Individual family trauma becomes the impetus for Rogov to search for his grandfather, the biologist Skaldina, a victim of repression, and to search for its historical

significance. It is through the historian Rogov that Bykov constructs a very peculiar history of repression and its victims. It is this historical construct that is the main subject of the research, and it is interpreted as a literary play by Bykov, in which real historical facts are mixed with Rogov's interpretations of history. The tragic end of Rogov's quest is seen in the research as the collapse of his historical construct. The historian becomes the victim of an absurd interpretation of history that he himself created. It is this historical construct that is the main focus of the research, and it is interpreted here as a literary play by Bykov, in which real historical facts are mixed with Rogov's interpretations of history. The tragic end of Rogov's quest is seen in the research as the collapse of his historical construct. The historian becomes the victim of an absurd interpretation of history that he himself created. The research points to the unacceptability of attempts to positively perceive repression; it evaluates as a fundamental error any attempt to justify the tyranny of the Stalinist Soviet state. It sees these as the cause of the normalisation of violence and the reason for its presence in contemporary Russian society.

Keywords: Dmitry Bykov; Russian history; collective memory; literary play; Stalinist repressions.

Художественное (литературное) осмысление темы репрессий — это важная составляющая формирования, сохранения и трансформации коллективной памяти, но также необходимый инструмент отражения современных репрессивных практик и возможность предсказания возможных репрессий в будущем. Данное исследование помещено в более широкий литературный, культурный, исторический, социальный и политический контекст, который составляет важную основу для сравнительного анализа произведения — романа Дмитрия Быкова «Оправдание», который является главным объектом исследования. Предметом исследования стала специфика литературной репрезентации сталинских репрессий в романе Быкова, включая интерпретацию исторической травмы и её переосмысление через образ главного героя — историка Рогова.

Исследование, целью которого является проанализировать, каким образом роман Дмитрия Быкова «Оправдание» формирует и деконструирует исторический нарратив о сталинских репрессиях, выявить особенности авторской «литературной игры» с историей, а также оценить художественные и идеологические импликации попыток оправдания репрессий в контексте современной культурной памяти, опирается в первую очередь на литературоведческий анализ (текстуальный анализ). Тот, вместе с интерпретативным методом и нарратологическим методом, позволяет проанализировать структуру, образы, мотивы, жанровые особенности и нарративные стратегии романа «Оправдание», раскрыть смыслы, заложенные в тексте, а также дать интерпретацию

образа главного героя и его роли в понимании исторической травмы. Не менее важным для достижения поставленных целей является культурно-исторический подход, который необходим для анализа романа в контексте современной русской культуры и литературы, осмысляющих тему сталинских репрессий. Этот метод помогает увидеть, как роман вписывается в культурную память и общественные дискуссии о прошлом.

Исследование строится на гипотезе, что роман Дмитрия Быкова «Оправдание» представляет собой критическую литературную рефлексию над советским прошлым, в которой через образ историка Рогова демонстрируется опасность субъективных и мифологизированных интерпретаций истории, а также невозможность оправдания репрессий как инструмента политической власти.

Как уже было указано выше, роман «Оправдание» Дмитрия Быкова — один из первых художественных текстов XXI века, напрямую обращающихся к теме сталинских репрессий. Важно отметить, что он существенно отличается от произведений лагерной прозы, традиционно ассоциируемой с именами А. Солженицына и Варлама Шаламова. Быков — не свидетель событий и не жертва репрессий, поэтому, несмотря на его позицию относительно постпамяти²⁵, роман «Оправдание» принадлежит к тому направлению современной литературы, которое художественно осмысляет проблему постпамяти.

Тема репрессий — как сталинских, так и современных — занимает заметное место в современной русской литературе. Сегодня она стала одной из ключевых в актуальном литературном процессе.²⁶ Актуальность этой темы напрямую связана с нынешней общественно-политической ситуацией в России — с замалчиванием и стиранием памяти о репрессиях, их оправданием, а также с возрождением самой

²⁵ «Дмитрий Быков же к термину „постпамять“ относится критично. Для него слова постпамять и пострава — слова ничего не значащие, так как он жил в этом контексте. Так, дача Рогова, на которой разворачивается действие романа, — это дача Быкова. Сторож их дачного кооператива был заключенным сталинских лагерей, а сосед — охранником. Ближайший друг семьи отсидел 10 лет за анекдот. А историю семьи Имы Заславского ему рассказала бабушка. Это правда, а не постправда. В России нет постпамяти, потому что российская история циклична и постоянно производит сама себя, что особенно интересно сегодня, в эпоху нового оправдания Сталина и его новой популярности...» (САЛИМОВА, Зарина. Дмитрий Быков: «Роман „Оправдание“ был попыткой борьбы с имперским комплексом». [online]. [cit. 2025-09-22]. Dostupné na: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dmitriy-bykov-roman-opravdanie-byt-popytkoy-borby-s-imperskim-kompleksom?ysclid=lj1r3zm4fz41371403>).

²⁶ В качестве примера можно назвать хоть несколько произведений: Сорокин, Владимир. День опричника. Захаров, 2006.; Прилепин, Захар. Обитель. АСТ, 2014.; Яхина, Гузель. Зулейха открывает глаза. Редакция Елены Шубиной, 2015.; Водолазкин, Евгений. Авиатор. Редакция Елены Шубиной, 2016.; Шаров, Владимир. Царство Агамемнона. АСТ, 2018.; Ремизов, Виктор. Вечная мерзлота. Рубеж, 2021.; Беркович, Женья. Питомцы. Медуза, 2024.; Подрабинек, Александр. Клеточников. Сам Полиграфист, 2025., романы Сергея Лебедева: Предел забвения. Первое сентября, 2010; Люди августа. Интеллектуальная литература, 2016; Дебютант. Corpus, 2020; Белая дама. Медуза, 2024.

репрессивной системы.²⁷ Писатель Сергей Лебедев в разговоре с Андреем Архангельским для «Радио Свобода» так объясняет причины возвращения темы репрессий в литературу: «Историческая ответственность складывается из двух частей – памяти и воздаяния. Мы в последние 30 лет сосредотачивались на одной части этого уравнения: на памяти. И почти никто у нас не рискнул поднять вопрос о второй части – о справедливости и воздаянии. Более того: этот вопрос всегда был почти что табуирован, он считался неэтичным. Потому что, как нам говорили в таких случаях, такая у нас история, такая страна, где жертвы и палачи перемешались между собой. И вообще, кто кого имеет право судить? Кто судьи-то? Здесь возникала интересная ловушка, когда якобы во имя высокой морали происходил отказ от этической субъектности. Отказ от способности этических различий и суждений» (Архангельский, 2024а). Другими словами, по мнению Лебедева, литература должна выполнять ту функцию, от которой государство сознательно отказалось.²⁸ Позицию Лебедева подтверждают также слова Ильи Хржановского: «Единственный способ выжить – хирургическое вмешательство, удаление опухоли, а затем долгая и сложная терапия. Но Россия не проделала этой операции. Огромное кладбище раскинулось по всему бывшему СССР; и заваленная цветами могила Сталина у кремлевской стены является частью общего заболевания, которое в России так никогда и не было излечено до конца. Попытки излечения мужественно были начаты Горбачевым и продолжены Ельциным, но потом все растворилось. И в нас самих, в том числе. Отказ от советской

²⁷ По данным независимого издания «Проект» «За шесть лет (2018–2023) правления Владимира Путина в России более 10 000 человек были осуждены по репрессивным уголовным статьям, а более 105 000 человек — по административным статьям. В целом, за последний срок полномочий Путина за «экстремизм» и критику власти было осуждено больше граждан, чем за «антисоветскую деятельность» при Хрущеве и Брежневе. Только «за слова» в период с 2018 по 2023 год репрессиям подверглись более 50 тысяч человек, уверяют авторы исследования» (РЕЗНИКОВА, Екатерина, КОРОСТЕЛЕВ, Алексей. 2024: Исследование путинских репрессий. [online]. [cit. 2025-09-20]. Dostupné na: <https://www.proekt.media/guide/repressii-v-rossii/>).

²⁸ „С 2015 года в России действовала концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. 20 июня 2024 года власти внесли в нее изменения. Из документа убрали следующую информацию:

- о репрессиях представителей религиозных конфессий и оставшихся в стране представителей дореволюционной элиты;
- о насильственной коллективизации и связанном с ним голоде;
- о массовых репрессиях, в ходе которых «миллионы людей были лишены жизни, стали узниками ГУЛАГа, были лишены имущества и подвергнуты депортации»;
- о том, как в 50-е и 60-е годы родственникам расстрелянных выдавали свидетельства о смерти с вымышленными датами и причинами смерти расстрелянных.

Помимо этого в концепции больше нет упоминаний о решениях, которыми репрессии 1920–1950-х годов были признаны незаконными, а права всех жертв политических репрессий — подлежащими восстановлению. «Исчезла» и информация о признании факта политических репрессий в досталинское и послесталинское время, а также о количестве реабилитированных». (БОРИСЕНКО, Любовь. В России отменили тысячи решений о реабилитации жертв репрессий. [online]. [cit. 2025-11-15]. Dostupné na: (<https://novayagazeta.eu/articles/2024/09/27/v-rossii-otmenili-tysiachi-reshenii-o-reabilitatsii-zhertv-repressii>).

топонимики был бы хорошим рецептом, в частности; но сейчас я с ужасом думаю, что после начала войны произошел уже следующий этап мутации» (Архангельский, 2024b).

Сам Дмитрий Быков многократно заявлял, что роман *«Оправдание»* стал для него попыткой борьбы с собственным «имперским комплексом». Он признавался, что «очень не любил кровавые, соблазнительные, мучительные и позорные российские 90-е годы и сильно ностальгировал по Советскому Союзу – по ощущению огромной и добротной страны и своему советскому детству. Этим романом он успешно задушил в себе имперский комплекс» (Салимова, 2019). Однако обращение Быкова к советскому прошлому объясняется не только этим стремлением. Как и другие его произведения, *«Оправдание»* — это попытка осмыслить прошлое, пройти путь исцеления от коллективной травмы. «Это очень просто — не преодоленная травма. Просто не преодоленная травма 30-х, необъяснимый механизм репрессий. Или, вернее, он не объяснен».²⁹ По словам Быкова: «...в русской истории не кончается ничего, она циклична, она самовоспроизводится. Все повторяется. И вот ужас этого воспроизводства именно в том, что травма не отходит в область прошлого, она не начинает рефлектироваться, она продолжает болеть».³⁰ В этом контексте Анастасия де Ла Фортель говорит о мнемонической функции романа *«Оправдание»*, который, по ее словам, становится важным «инструментом восстановления культурной памяти и исторической преемственности» (Салимова, 2019). Несмотря на критическое отношение Быкова к концепции постпамяти, *«Оправдание»* можно рассматривать как художественное осмысление коллективной памяти предков. В этом ключе уместно обратиться к определению постпамяти, данному Марианне Хирш: «„Постпамять“ описывает отношение „последующего поколения“ к личной, коллективной и культурной травме тех, кто был до них, — к опыту, который они „помнят“ только благодаря рассказам, образам и поведению, в окружении которых они выросли. Но этот опыт был передан им настолько глубоко и эмоционально, что, казалось бы, стал их собственными воспоминаниями. [...] Вырастать с подавляющими унаследованными воспоминаниями, находиться под властью нарративов, предшествовавших нашему рождению или сознанию, — значит рисковать тем, что наши собственные жизненные истории будут вытеснены, даже уничтожены нашими предками. Это значит быть сформированным, пусть и косвенно, травматическими фрагментами событий, которые

²⁹ ОДИН. №180, 30 ноября 2018. [online]. [cit. 2025-09-18]. Dostupné na: <https://echofm.online/programs/odin?ysclid=mg98th0oit370983244>.

³⁰ ОДИН. №204, 24 мая 2019. [online]. [cit. 2025-09-22]. Dostupné na: <https://echofm.online/programs/odin?ysclid=mg98th0oit370983244>.

до сих пор не поддаются нарративной реконструкции и выходят за пределы понимания. Эти события произошли в прошлом, но их последствия продолжают действовать в настоящем».³¹

Главный герой романа — Слава Рогов — внук репрессированного доцента Московской сельскохозяйственной академии Ивана Антоновича Скалдина. Его мировоззрение формируется не столько в рамках конкретного исторического времени (он родился в 1956 году), сколько под влиянием рассказов близких и знакомых, делящихся личными историями. Так, в 1985 году его мать Катя рассказывает ему о своём отце — Скалдине: «в пятьдесят седьмом его реабилитировали, выдали справку с фальшивой датой и странной причиной смерти без указания её места (сорок третий год, сердечная недостаточность — словно дед воевал, был под Сталинградом и умер там от сердечного приступа)» (Быков, 2010, с. 29). Тогда же Слава узнаёт о посмертном звонке деда — 5 сентября 1948 года. Это становится первой из многих историй о возвращении людей, ранее репрессированных и официально признанных умершими или пропавшими без вести. В восемнадцать лет он слышит в семье одноклассника рассказ об Име Заславском — знакомом бабушки того же одноклассника. Заславский вместе со своей семьёй исчез, когда ему было шестнадцать, но неожиданно появился летом 1948 года и пообещал ещё заглянуть. Больше его никто не видел. В том же году, по публикации в «Вечерней Москве», автором которой был переживший репрессии и войну Козаев, в Москве якобы появился Исаак Бабель — восемь лет спустя после официальной даты его смерти. За пятнадцать лет Рогов собрал множество подобных историй. По его мнению, достоверными из них были лишь пятнадцать.

Упомянутый выше исторический контекст (СССР 1960-х – 1980-х), в котором Рогов вырос, все же оставил определенный след в миропонимании главного героя. Империя (именно так называет советское государство Быков) в то время была сильной — именно такой ее воспринимал и Рогов: «советская жизнь была могуча и молода, она с такой легкостью подчиняла себе льды и леса, камни и пустыни: они договаривались, и меньшая сила уступала большей» (Быков, 2010, с. 50). Этот образ во многом связан со стариком Кретовым — соседом по дачному поселку, с которым Рогов в детстве проводит немало времени. О прошлом Кретова известно немного: «В конце двадцатых он гонялся за какими-то басмачами по Средней Азии, потом возводил завод на Урале, занимался журналистикой в Москве, хитростью избежал фронта, вдруг заинтересовался

³¹ An Interview with Marianne Hirsch. Columbia University Press. [online]. [cit. 2025-09-12]. Dostupné na: https://cup.columbia.edu/author-interviews/hirsch-generation-postmemory/?utm_source=chatgpt.com

геологией, получил первое в жизни высшее образование (было ему уже за тридцать) и после этого изъездил всю страну от Певека до Горного Алтая» (Быков, 2010, с. 44). Кретов в определённом смысле заменяет Рогову отца. Он становится для мальчика проводником в особый мир: умеет находить удивительные места в окрестностях поселка, но сколько бы Рогов ни пытался вернуться туда позже, найти их уже не может: «Он отлично помнил дорогу, но сколько ни ходил потом, все сворачивал в какое-то болото» (Быков, 2010, с. 45).

Кретов — блестящий рассказчик. Его истории (или «сказки», как их называет отец Рогова), равно как и журналы, которые он хранит на чердаке, формируют мировоззрение мальчика. Не менее важной частью образа добротной, могучей Империи становятся предметы, найденные на даче Кретова: ламповый радиоприемник, телефон из эбонита. В восприятии Рогова они обретают символическое значение, становятся носителями особого смысла. Это отношение к предметному миру сохраняется у него и во взрослом возрасте. Правда, к тому времени мир уже существенно изменился — великой Империи не стало, — но вещи, найденные во время прогулок, продолжают хранить в себе некое иное, глубинное содержание. «Этот умирающий предмет был даже интереснее, чем мог он быть в своей силе и славе, потому что как раз теперь он был и не печка, и не трансформатор, а что-то совсем другое, и, возможно, теперь из него начало бы торчать второе, тайно заложенное предназначение» (Быков, 2010, с. 53).

Мир Кретова, в который погружается Рогов, в контексте романа приобретает и дополнительное значение. Образ болота (ведь именно там заканчивается жизнь Рогова), попытки вновь найти показанные Кретовым «сказочные» места, а также особый, скрытый смысл вещей — всё это становится знаками, предсказаниями, предупреждениями, которые Рогов не в силах распознать. Всему, что показывает Кретов, как будто есть подтверждение; во всём — определённая доля правды. Так, по крайней мере, кажется самому Рогову.

К тому же Кретову — авторитету и своеобразному примеру — Рогов обращается и в 1989 году. В это время он, уже как историк, всерьёз увлекается темой репрессий и получает доступ к архивам. Важнейшим для него становится вопрос о смысле и причинах массовых репрессий. Хотя сама по себе такая постановка вопроса изначально ложна, она в определённой степени понятна: Рогов — внук репрессированного, и его представление о репрессиях уже тогда формируется из сочетания фактической информации, семейной истории, упомянутых выше рассказов о внезапных появлениях жертв репрессий и сложившегося отношения к Империи. Тема репрессий в

многочисленных историях, рассказанных Рогову, практически не возникала: «Странно, что о репрессиях Кретов говорил мало, о всеобщем страхе вообще не упоминал и сам, казалось, его не испытывал. В таинственной и праздничной советской истории, похожей в его изложении на густую морозную ночь с гирляндами огней, страху не было места — вернее, то был именно детский святочный страх, ничего общего не имевший с серым ужасом очередей» (Быков, 2010, с. 54).

Тем не менее, как оказалось, у Кретова было собственное объяснение массового террора. Предложенная им теория фильтрации — отсеивания, отделения зерна от плевел, — и последовавшая за этим классификация народа на три класса давала ответы на вопросы, которые ставил перед собой Рогов. В то же время она не исключала возможности появления ранее репрессированных — членов «золотого легиона», людей «первого сорта», элиты, сверхчеловеков, как называет их Кретов. Рогова-историка ничуть не смущает, что ни истории появления представителей «золотого легиона», ни теория Кретова о фильтрации не опираются на какие-либо твёрдые факты.

Рогов одержим верой в то, что репрессии поддаются осмыслению; он убеждён, что Верховный (т. е. Сталин — *примечание автора*) не проводил их без причины. В этом контексте кретовская идея оказывается весьма привлекательной. Она не только даёт приемлемый ответ на вопрос, который больше всего волнует Рогова, но и позволяет выстроить хронологически упорядоченную цепь событий, в которую вписывается и история его семьи.

Роман выстроен в соответствии с принципами криптоисторического жанра³², однако это соответствие сохраняется лишь до определённого момента. Финал — смерть Рогова в болотах — скорее опровергает каноны этого жанра альтернативной истории, чем подтверждает их. Тем не менее главный герой в этой истории не только живёт, но и сам её создаёт. Рогов — историк, который подстраивает прошлое под собственное представление о нём.

Явным подтверждением заблуждений Рогова служат его реконструкции, создаваемые во время поисков Чистого (места предполагаемого заключения доцента Скалдина). В композиции романа им отведено важное место — ведь они являются частью проекта Рогова, направленного на осмысление причин репрессий и придание им

³² Е. Петухова, И. Чёрный определяют этот жанр как специфическую разновидность фантастического романа — «криптоистория», то есть тайная, скрытая история. В то же время признают, что выделение криптоистории как отдельного типа фантастики признается далеко не всеми исследователями. Многие считают его всего лишь разновидностью альтернативной истории (ПЕТУХОВА, Елена И., ЧЁРНЫЙ, Игорь В. Современный русский историко-фантастический роман. — М.: Мануфактура, 2003.).

смысла. На деле тексты, созданные по пути в Чистое (Реконструкция 1 — история Имы Заславского), а также под влиянием событий в первом (Реконструкция 2 — история Исаака Бабеля) и втором Чистом (Реконструкция 3 — история Ивана Антоновича Скалдина, дедушки Рогова), скорее представляют собой литературные произведения, нежели историографию. Это конструкторы, вдохновлённые теорией Кротова, в которых факты подменяются домыслами и фантазией самого Рогова.

Второе Чистое (на самом деле — Костино, названное в честь старшего секты — Константина) кажется тем местом, которое Рогов так долго искал. Несмотря на то, что он становится пленником странной секты и вынужден постигать её законы, его не покидает вера: именно эти люди, обитатели Костина, — потомки, наследники «золотого легиона», а их старший, Константин, возможно, знал его деда, Скалдина. Идея-фикс Рогова легитимизирует всё, что он видит в Чистом: насилие, беззаконие, унижение, добровольную (осознанную) утрату субъектности. При этом он понимает и сам механизм функционирования секты: «Тут-то все части головоломки и сложились у Рогова в целую картину. Он понял, что никакого закона нет, не будет и никогда не было, а единственная цель жителей посёлка — не соблюдение закона, а достижение максимума возможной муки при минимальном, чисто формальном её оправдании» (Быков, 2010, с. 257). Маргинализация и оправдание насилия во имя «высшей цели» становятся, пожалуй, самым страшным итогом его поисков.

Позицию Рогова можно характеризовать словами Ольгерты Харитоновой, которая в интервью Дмитрию Волчеку сказала: «это твердая убежденность в том, что в основе управления обществом может лежать лишь жесткая иерархия власти и насилие. К неперенным свойствам сознания русского народа относится также общинность, или соборность, когда человеку отказывают в индивидуальности, самостоятельности, личностной зрелости» (Волчек, 2022). Рогов не извлекает уроков из опыта, приобретенного во втором Чистом, точно так же как не извлек его из военной службы, хотя её суть он, по-своему, понимает. В его представлении репрессии и связанное с ними насилие — неизбежная часть великого дела, столь же неизбежная, как, с его точки зрения, была и фильтрация Верховного. Всё личное должно уступить месту общему.

Круг замыкается: прошлое и настоящее соединяются так же, как в третьей реконструкции, где Скалдин и Рогов становятся одной личностью: «Вас бы в Чистое, думали дед и внук, всех бы вас в Чистое. Человек был везде, человек стоял в очередях и давился в транспорте, человек занимался решением своих копеечных проблем и переваливанием их на окружающих, всё было человеком, человека не должно было

больше быть. Человека развелось невероятно, нечеловечески много. Его надо было отфильтровать, сжать, прокипятить в десяти водах — да не так, понарошку, как в Константиновой коммуне, а так, чтобы великое общее дело заслонило все его частные интересы, чтобы он думать забыл про своё здоровье и погоду, чтобы ему навсегда расхотелось „йййичек“» (Быков, 2010, с. 288 – 289).

Соединение Рогова и Скалдина, деда и внука и есть подтверждение цикличности русской истории, её постоянного возвращения в прошлое — результата неспособности преодолеть и критически осмыслить его. Как сказал в проекте «Говорящие головы» историк Андрей Зубов: «наше общество до сих пор не переварило свою „советскость“, не справилось с ней, не сумело вернуться в общеевропейскую историческую колею, из которой Россия когда-то была выбита большевистской революцией. Давным-давно утратив коммунистические ориентиры, оно продолжает по инерции брести „особым цивилизационным путем“, не замечая, что „особый путь“ замкнулся в круг. Как ни странно, историческое сознание такого общества оказывается неожиданно архаичным. Наша русская беда — мы застряли на том, чем в XIX — начале XX века жили все страны. Это принцип национализма: своя нация, свое государство — это высшая ценность. Но из этой модели в XIX веке выпадал человек. Беда заключалась в том, что человек считался лишь элементом больших систем» (Зубов, 2014).

Рогов в итоге становится жертвой своей теории, жертвой оправдания репрессий. Рай, тот утопический мир, о котором он бредил, поглощает его: «То живое и теплое, что одно только и было Роговым, отличая его от ледяного и замкнутого мира вокруг, погружалось в бездну, в царство бешеного и бездумного роста, в пространство распада, где не было мысли, совести, памяти — ничего не было. То человеческое, что мечтал он преодолеть, — преодолевалось наконец. И некого было звать на помощь, потому что проваливался он в себя, в собственное оправдание проверок, смертей, мясорубок, в собственное признание их великого тайного смысла» (Быков, 2010, с. 297).

Роман Дмитрия Быкова «Оправдание» представляет собой критическую литературную рефлексию над советским прошлым. Через образ историка Рогова в произведении демонстрируется опасность субъективных и мифологизированных интерпретаций истории, а также принципиальная невозможность оправдания репрессий как инструмента политической власти. Литературная игра с историей в романе не ведёт к её продуктивному переосмыслению, напротив, она обнажает разрушительность ложного исторического нарратива и приводит к гибели субъекта, пытающегося его сконструировать. Такое прочтение подтверждается и авторской интерпретацией самого

писателя. По словам Д. Быкова, гибель Рогова закономерна, поскольку герой внутренне принимает логику исторического насилия и пытается найти ей оправдание: «Видите ли, герой, Рогов, он гибнет потому, что он для себя оправдал, для себя допустил оправдание, логику кошмара. У кошмара нет причины, у него есть цель. И у террора нет причины, а есть цель. А Рогов его оправдал для себя формированием сверхлюдей. И, начав жить в этой логике, он естественным образом поплатился. То, что Рогов гибнет в болоте — для меня совершенно очевидная вещь. И заслуженная вещь, как это ни ужасно, хотя мне этот герой симпатичен. Любой человек, который, как мы знаем, пошёл в это болото, он в нём гибнет. Эту авторскую догадку жизнь подтвердила с избытком»³³. Тем самым роман «Оправдание» выступает не только художественным исследованием исторической памяти, но и предупреждением о моральных и интеллектуальных рисках попыток рационализировать или оправдать государственный террор.

Список литературы

- An Interview with Marianne Hirsch*. Columbia University Press. [online]. [cit. 2025-09-12]. Dostupné na: https://cup.columbia.edu/author-interviews/hirsch-generation-postmemory/?utm_source=chatgpt.com.
- АРХАНГЕЛЬСКИЙ, А. 2024а. *Илья Хржановский: "Советское зло опять заражает людей"* 17. 04. 2024. [online]. [cit. 2025-09-22]. Dostupné na: <https://www.svoboda.org/a/iljya-hrzhanovskiy-sovetskoe-zlo-opyatj-zarazhaet-lyudey-/32905809.html>.
- АРХАНГЕЛЬСКИЙ, А. 2024б. *Сергей Лебедев: "Как получилось, что ГУЛАГ вернулся?"* 20. 03. 2024. [online]. [cit. 2025-10-20]. Dostupné na: <https://www.svoboda.org/a/sergey-lebedev-kak-poluchilosj-cto-gulag-vernulsya-/32865264.html>.
- БОРИСЕНКО, Л. *В России отменили тысячи решений о реабилитации жертв репрессий*. [online]. [cit. 2025-11-15]. Dostupné na: (<https://novayagazeta.eu/articles/2024/09/27/v-rossii-otmenili-tysiachi-reshenii-o-reabilitatsii-zhertv-repressii>).
- БЫКОВ, Д. 2010. *Оправдание*. Москва: ПРОЗАИК.
- ВОЛЧЕК, Д. *Сверху донизу все рабы. Российский особизм и его жертвы*. [online]. [cit. 2025-10-28]. Dostupné na: <https://www.svoboda.org/a/sverhu-donizu-vse-raby-rossiyskiy-osobizm-i-ego-zhertvy/32108435.html>.
- ЗУБОВ, А. *В российской истории снова нет места человеку*. [online]. [cit. 2025-10-09], Dostupné na: <http://worldcrisis.ru/crisis/1561327>.
- ОДИН. №108, 21 июля 2017. [online]. [cit. 2025-09-15]. Dostupné na: <https://echofm.online/programs/odin?ysclid=mg98th0oit370983244>.
- ОДИН. №180, 30 ноября 2018. [online]. [cit. 2025-09-18]. Dostupné na: <https://echofm.online/programs/odin?ysclid=mg98th0oit370983244>.

³³ ОДИН. №108, 21 июля 2017. [online]. [cit. 2025-09-15]. Dostupné na: <https://echofm.online/programs/odin?ysclid=mg98th0oit370983244>

- ОДИН. №204, 24 мая 2019. [online]. [cit. 2025-09-22]. Dostupné na: <https://echofm.online/programs/odin?ysclid=mg98th0oit370983244>.
- ПЕТУХОВА, Е. И., ЧЁРНЫЙ, И. В. 2003. *Современный русский историко-фантастический роман*. – М.: Мануфактура.
- РЕЗНИКОВА, Е. КОРОСТЕЛЕВ, А. 2024: *Исследование путинских репрессий*. [online], [cit. 2025-09-20], Dostupné na: <https://www.proekt.media/guide/repressii-v-rossii/>.
- САЛИМОВА, З. Дмитрий Быков: «Роман „Оправдание“ был попыткой борьбы с имперским комплексом» [online], [cit. 2025-09-22], Dostupné na: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dmitriy-bykov-roman-opravdanie-byl-popytkoy-borby-s-imperskim-kompleksom?ysclid=lj1r3zm4fz41371403>.

Лизонь Мартин / Martin Lizon

доцент кафедры славянских языков

магистр, доктор философии

философский факультет, Университет им. Матея Бела г. Банска Быстрица, Словакия

M.A., PhD, Associate Professor, Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: martin.lizon@umb.sk

ORCID ID: 0000-0001-7285-007X

LITERÁRNE DIELO AKO AXIOLOGICKÉ POLE³⁴

Igor Cintula

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela
Banská Bystrica, Slovensko

Anotácia: Príspevok sa zameriava na koncept axiologického poľa literárneho diela ako teoretického nástroja umožňujúceho analyzovať dynamiku hodnôt v umeleckom texte. Vychádza z filozofického chápania axiológie a jej aplikácie v literárnej vede, pričom literárne dielo interpretuje ako otvorený priestor, v ktorom sa hodnoty nekonštituuju staticky, ale vznikajú v napätí medzi textom, autorom a čitateľom. Pozornosť sa venuje vzťahu etických a estetických hodnôt, ich vzájomnej previazanosti a recepcnému aspektu, ktorý zdôrazňuje aktívnu úlohu čitateľa pri utváraní významu. Osobitná časť práce je venovaná ruskej literatúre 19. a 20. storočia ako mimoriadne podnetnému prostrediu pre axiologickú analýzu. Na príkladoch spisovateľov 19. storočia autor poukazuje, ako literárny text tematizuje hodnotové konflikty bez ich jednoznačného normatívneho riešenia. Následne je analyzovaná transformácia axiologického poľa v období modernizmu, avantgardy a totalitnej skúsenosti 20. storočia a konzervatívnej alternatívy k nej. Autor dospieva k záveru, že literárne dielo ako axiologické pole umožňuje hlbšiu reflexiu hodnôt, identity a existencie v ich historickej i nadčasovej podmienenosti.

Kľúčové slová: umelecká literatúra, ruská literatúra, teória literatúry, hodnoty, axiológia.

LITERARY WORK AS AN AXIOLOGICAL FIELD

Abstract: The paper focuses on the concept of the axiological field of a literary work as a theoretical tool that enables the analysis of the dynamics of values within an artistic text. It is based on the philosophical understanding of axiology and its application in literary studies, interpreting the literary work as an open space in which values are not constituted statically but emerge through tension between the text, the author, and the reader. Attention is paid to the relationship between ethical and aesthetic values, their mutual interconnectedness, and the receptive aspect that emphasises the active role of the reader in the construction of meaning. A separate part of the paper is devoted to Russian literature of the nineteenth and twentieth centuries as an exceptionally productive environment for axiological analysis. Using examples of nineteenth-century writers, the author demonstrates how literary texts thematise value conflicts without providing unambiguous normative solutions. The paper then analyses the transformation of the axiological field during the periods of modernism, the avant-garde, and the totalitarian experience of the twentieth century, as well as conservative alternatives to these trends. The author concludes that the literary work understood as an axiological field

³⁴ Štúdiu je výstupom projektu Univerzitnej grantovej agentúry Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici UGA-03-PDS-2024 Axiologické aspekty v próze Ivana Sergejeviča Šmeľova.
Financované EÚ NextGenerationEU prostredníctvom Plánu obnovy a odolnosti SR v rámci projektu č. 09I03-03-V05-00009.

enables a deeper reflection on values, identity, and human existence in both their historical and transhistorical conditioning.

Key words: artistic literature, Russian literature, literary theory, values, axiology.

Otázka hodnôt a ich axiologického ukotvenia v literárnom diele doposiaľ patrí k základným okruhom v myslení o umeleckej literatúre vôbec, nakoľko texty *belles lettres* sú naprieč stáročiami spájané s hodnotami, ich uchovávaním a odovzdávaním. Môžeme azda hovoriť aj o tom, že v určitých historických obdobiach dokonca vystupovali ako nástroj dôrazného presadzovania vybraných hodnotových systémov. V prípade literárneho diela je v súčasnosti už všeobecne akceptovanou myšlienkou, že jeho primárna umelecká hodnota nielen „pozostáva z estetickej hodnoty, ale ju dotvárajú aj ďalšie hodnoty, ako napr. morálne, filozofické, politické, ideologické atď.“ (Žilka, 1984, s. 59). Pokiaľ naše ďalšie uvažovanie vychádza z chápania *axiológie* (z gréckeho *axia* – hodnota, *logos* – rozum, slovo) ako filozofickej disciplíny skúmajúcej povahu, hierarchiu a význam hodnôt, potom nám jej aplikácia v súradniciach literárnej vedy umožňuje analyzovať, akým spôsobom literárne dielo sprostredkúva určité – v literárnom diele spisovateľom modelované – hodnotové systémy a ako sa v rámci umeleckého textu prejavujú na jeho tematickej, naratívnej, jazykovej či kompozičnej úrovni. Z hľadiska lingvistiky jazyk ako nositeľ kultúrne podmienených významov odráža mentálne procesy svojich používateľov prostredníctvom konkrétnych gramatických a slovotvorných konštrukcií. V lingvokultúrnom vedomí rodených hovoriacich totiž jazykové znaky neplnia iba referenčnú funkciu, ale zároveň objektivizujú hodnotovo-sémantické komponenty späté s kultúrnym prostredím, v ktorom sa formovali. Výber a používanie jazykových prostriedkov teda nemožno považovať za neutrálne, pretože je podmienené vnútorným hodnotovým nastavením jazykového spoločenstva (Boženkiová, Sadivová 2025). Z pozície teórie literatúry, skúmajúcej „všeobecné a špecifické znaky a zákonitosti umeleckej slovesnej tvorby“ (Harpáň, 2004, s. 20) môžeme na literárne dielo nahliadať ako špecifickú formu umeleckého prejavu a v širšom zmysle ako na neoddeliteľnú súčasť kultúrneho diskurzu, v rámci ktorého sa prostredníctvom sujetu, rôznych naratívnych stratégií a vzájomnej interakcie literárnych postáv tematizujú, konfrontujú a prehodnocujú a do popredia vystupujú rôzne hodnoty a hodnotové sudy.

Typológiou hodnôt v literárnom diele sa už skôr zaoberal J. Dohnal, ktorý poukazuje na dva typy úzko prepojených hodnotových vrstiev, po ktorých môže literárny kritik – ale aj radový čitateľ – v sujete diele pátrať, a síce: po hodnotách etických „tedy tých, ktoré odpovedajú na otázku ‚co je dobre‘ a ktoré spoluvytvárajú morálku té ktoré konkrétni

spoločnosti, v literárnom díle pak jsou navázány především na obsah, na zobrazený „životní materiál““ (Dohnal, 2012, s. 35); a po hodnotách estetických „tedy těch, které jsou vlastní jen světu umělecké literatury a souvisejí s tím, co je jejím posláním z hlediska především formálního“ (ibidem). Dohnalovo rozlíšenie etických a estetických hodnôt obsiahnutých v lineárnom diele možno chápať predovšetkým ako analytickú pomôcku pri práci obsahom a formou, kde vzájomná previazanosť oboch rovín potvrdzuje, že umelecký text predstavuje komplexný hodnotový útvar, v ktorom význam vzniká v dynamike medzi tým, čo je zobrazené, a spôsobom, akým je to literárnym textom prezentované. Tým sa otvára priestor na rôznorodé interpretovanie diela, nakoľko na jeho „repciu už nie je potrebné byť s hovoriacim, ale množina recipientov je na tej najelementárnejšej úrovni obmedzená len jedinou podmienkou. Schopnosťou čítať“ (Bílik, 2009, s. 40).

Z hľadiska vzťahu spisovateľa ako autora a tvorcu literárneho sveta fikcie a samotného textu je axiologická rovina literárneho diela často spätá s dobovým rebríčkom prijímaných a akceptovaných hodnôt, ktoré sa formujú v konkrétnych historických a spoločenských kontextoch. Spisovateľ prostredníctvom svojej tvorivej činnosti vytvára literárny model sveta, ktorý síce vychádza z empirickej reality tak ako ju poznáme, ale nie je s ňou totožný. Ako už raz konštatoval J. B. Borev – a na čo by sa nemalo zabúdať – umelecká literatúra, ako aj ostatné druhy umenia, „не повторяет жизнь (о чем говорит теория отражения), а создает особую реальность. Художественная реальность может быть параллельна истории, но она никогда не бывает ее слепком, ее копией“ (Borev, 2002, s. 68 – 69). Skúmať hodnoty v hraničných situáciách, v konfliktoch a paradoxoch, ktoré by v mimoliterárnej realite zostali skryté alebo (napr. v dôsledku cenzúry či v totalitných systémoch často i autocenzúry) nevypovedané je však stále možné a ako ukazuje súčasný svet okolo nás, dokonca dôležité a potrebné. M. Lizoň v tomto kontexte správne poukazuje na skutočnosť, že hoci je literatúra „stavaná do konkurencie s inými, často výrazne agresívnejšími mediálnymi ponukami, zostáva naďalej relevantným aktérom sociálneho diania“ (Lizoň, 2023, s. 41). Literárne dielo totižto nie je nositeľom explicitne jedného nemeniaceho sa hodnotového posolstva. Práve naopak, funguje ako dynamický priestor umožňujúci pluralitu možných interpretácií, v ktorých sa hodnoty dostávajú do vzájomného napätia. Toto napätie bráni redukcii diela na ideologickú alebo moralizujúcu výpoveď súčasne čitateľovi prostredníctvom literárnych postáv, konfliktov a naratívnych stratégií tematizuje problémy morálnej voľby, zodpovednosti, identity či vzťahu jednotlivca k spoločnosti. Súčasne predstavuje v debovej línii určitý priestor stretu, krízy alebo prehodnocovania hodnôt. Práve tento axiologický stret tvorí jednu z jej základných interpretačných výziev pre čitateľa, keďže hodnoty a hodnotové

súdy mu nie sú predkladané didakticky, de facto sú implicitne zakódované v štruktúre textu, čo umožňuje kritickú reflexiu a individuálnu interpretáciu. Tá vzniká v interakcii medzi textom a čitateľom, pričom tento proces je podmienený čitateľovým kultúrnym zázemím, osobnou skúsenosťou a dobovým kontextom recepcie. Otvorenosť je jedným z dôvodov, prečo literárne diela zostávajú relevantné aj v odlišných historických a spoločenských podmienkach. To nás vedie k téze, že literárne dielo potom síce umelecky reflektuje sociálne, morálne a ideologické normy svojej epochy, no zároveň ich môže kriticky prehodnocovať, čo predstavuje fenomén napr. posledných troch desaťročí v súčasnej (a nielen slovenskej) rusistike.

Dospievame tak k myšlienke, že literárne dielo možno chápať ako špecifický typ *axiologického poľa*, v ktorom sa prostredníctvom dejovej línie a literárnych postáv koncentrujú, konfrontujú a transformujú heterogénne hodnotové posolstvá, sprostredkujúce čitateľovi obrazy jednotlivca i spoločnosti ako celku. Parciálne tak nadväzujeme na P. Bourdieua a jeho koncepciu literárneho poľa, formulovanú ako typ „sociálneho pole a špecifičtější pole kulturní reprodukce“ (Šebek, 2019, s. 25), avšak ťažisko analýzy v našom uvažovaní presúvame z makrosociálnych vzťahov literárnej produkcie na vnútrotextovú dynamiku hodnôt obsiahnutých v literárnom diele, ktoré sa neprejavujú ako statický súbor noriem, ale ako interpretačne otvorený priestor významov a hodnôt. To potom znamená, že neoddeliteľnou súčasťou axiologickej analýzy literárneho diela sa stáva aspekt recepcie. Čitateľ (recipient) nevstupuje do textu ako pasívny prijímateľ, ale ako aktívny interpret, ktorý konfrontuje hodnoty (fiktívneho) literárneho sveta s vlastným (reálnym) hodnotovým horizontom. Pre čitateľa tak literárne dielo plní *inter alia* funkciu poznávaciu, nakoľko neponúka objektívny obraz reality v zmysle vedeckého poznania, ale jej umeleckú interpretáciu, ktorá umožňuje hlbšie pochopenie spoločenských procesov, medziľudských vzťahov a vnútorného sveta jednotlivca. Neraz predstavuje literárnu reflexiu na súčasné dianie, ktoré je poznamenané výraznými spoločenskými zmenami. A ako poznamenal kolektív autorov P. Kondrla, A. Lesková a E. Ďurková, tieto „zmeny, ktoré v spoločnosti prebiehajú, sa premietajú do hodnotového systému a naopak. Postmoderná doba sa vyznačuje veľkou citlivosťou k hodnotám. Odborná i laická verejnosť poukazuje na všeobecný úpadok morálky, posúvanie hodnôt, relativizáciu noriem a hodnôt v súčasnej spoločnosti a z toho vyplývajúci individualizovaný výklad hodnôt a noriem“ (Kondrla, Lesková, Ďurková, 2018, s. 62). Tento stav reflektuje aj samotná umelecká literatúra, ktorá nikdy nevypovedá hodnotovo neutrálne: aj tam, kde sa tvári ako čisto estetická výpoveď (prúd vedomia) literárnej postavy, vstupuje do tichého dialógu s tým, čo spoločnosť považuje za dobré, zlé,

dôležité či bezvýznamné. V nami vymedzenom *axiologickom poli* literárneho diela sú to práve literárne postavy, ktoré majú kľúčovú pozíciu ako nositelia konkrétnych hodnotových orientácií. Prostredníctvom nich sa v diele koncentrujú, konfrontujú, transformujú a čitateľovi sprostredkujú heterogénne hodnotové posolstvá o jednotlivcovi i spoločnosti ako celku. Dokonca aj hodnotové rozpory medzi postavami – napríklad medzi individualizmom a kolektivismom, morálnou povinnosťou a osobným šťastím, tradíciou (evolúciou) a modernitou (revolúciou) – nepredstavujú vždy explicitne iba formu gradácie, ale v širšom kontexte tvoria základnú osnovu *axiologickej* štruktúry textu. Môžeme teda azda hovoriť aj o tom, že literárne dielo neprezentuje hodnoty v abstraktnej podobe, ale prostredníctvom konkrétnych životných osudov a existenciálnych skúseností literárnych postáv.

Ďalší náhľad do problematiky nám ponúka recepčná estetika, ktorá poukazuje na to, že význam i hodnotový zmysel textu vznikajú v procese čítania (presnejšie v komplexe triády prijímania, vnímania a porozumenia). Literárne dielo v zmysle *axiologického pola* sa preto neustále aktualizuje v nových historických a kultúrnych kontextoch, čo umožňuje jeho opakovanú interpretáciu a reinterpretáciu. Predstavený pojem *axiologické pole* umožňuje chápať literárne dielo ako takýto špecifický dynamický priestor hodnotových vzťahov, v ktorom sa hodnoty nestabilizujú do jedného normatívneho centra (dominantnej pozície, teda definovania toho, čo je jednoznačne správne a nesprávne, dobré a zlé, žiaduce a nežiaduce), ale v sujete literárneho diela existujú v napätí, pluralite a často aj v konflikte, pričom pred čitateľa predstupujú „ako ponuka možností ľudskej existencie, cez ktorú a prostredníctvom ktorej spoznávame svoju vlastnú životnú situáciu a svoju vlastnú ľudskú existenciu“ (Bílik, 2009, s. 43). V podstate môžeme hovoriť o tom, že aj samotný estetický účinok textu často vyplýva z ambivalencie hodnôt, z ich nejednoznačnosti či niekedy dokonca tragického rozporu. Literárne dielo teda neponúka normatívne riešenia, ale vytvára priestor – pole – pre reflexiu a hodnotové sebaspytovanie. V tomto zmysle plní literárne dielo nielen umeleckú, ale aj poznávaciu a etickú funkciu, keďže umožňuje čitateľovi skúmať hranice vlastných hodnotových pozícií či presvedčení.

Príkladom nám môže byť exkurz do ruskej literatúry ako umeleckej literatúry konkrétneho národa, ktorá najmä od 19. storočia predstavuje mimoriadne plodné pole pre *axiologickú* analýzu, keďže mnohé jej diela poskytujú príklady toho, že literárny text môže byť miestom hodnotovej reflexie bez toho, aby sa redukoval na moralizujúce posolstvo. V dielach ruskej literatúry sú hodnoty často prítomné ako otázky, či ako modelované hodnotové problémy a konflikty, nie ako hotové odpovede. Práve v tejto otvorenosti spočíva *axiologický* a zároveň humanistický rozmer. Pomerne výrazná je i orientácia na filozofické

alebo zameriavanie sa na páľčivé etické a existenciálne otázky, čo súvisí so špecifickým postavením literatúry v ruskej kultúre, kde často suplovala funkciu filozofie či spoločenskej kritiky. Táto skutočnosť je úzko prepojená aj so špecifickou pozíciou ruského spisovateľa v spoločnosti. Ako poukazuje kolektív okolo Z. Vydry, v kultúrnom priestore Ruska vždy „byl ruský spisovateľ, ruský umělec něčím mnohem víc než jeho kolega v západní Evropě. Na spisovatele či básníky se v Rusku hledělo jak ona svého druhu duchovní misionáře“ (Vydra, 2017, s. 300). V podstate analogicky sa vyslovil autorský kolektív pod vedením A. Eliáša, podľa ktorého vníma Rusko (dodnes) svojich spisovateľov „... podobne ako v epoche ruskej klasiky či starších literárnych období [...] ako vizionárov, nositeľov pravdy, v ich dielach sa hľadali odpovede na hlavné existenciálne otázky“ (Eliáš, a kol., 2013, s. 200).

Tak napríklad, mnohé literárne diela F. M. Dostojevského (1821 – 1881) sú založené na princípe hodnotového stretu. V románe *Zločin a trest* (*Преступление и наказание*, 1866) sa axiologické pole formuje okolo otázky oprávnenosti násilia v mene vyššieho dobra. Raskoľnikovovu racionalistickú teóriu môžeme interpretovať ako Dostojevského pokus o prehodnotenie tradičnej morálky, no text hlavnú postavu podrobujú skúške existenciálnej skúsenosti viny, utrpenia a potreby vykúpenia. V románe *Bratia Karamazovci* (*Братья Карамазовы*, 1880) sa posúva axiologickú komplexnosť ešte ďalej: Ivanova vzbura proti Bohu a Aljošova etika lásky koexistujú bez hierarchického usporiadania. Dostojevskij v diele neponúka syntézu, ale vytvára otvorené axiologické pole, v ktorom význam vzniká v dialógu protichodných pozícií.

Iný typ hodnotovej organizácie textu reflektuje literárna tvorba L. N. Tolstého (1828 – 1910). V románe *Vojna a mier* (*Война и мир*, 1963 – 69) je axiologické pole rozvrhnuté na dlhšom historickom úseku, kde sa v rámci modelovaného chronotopu prelínajú individuálne osudy s dejinnými procesmi. Tolstoj v diele systematicky spochybňuje hodnoty hrdinstva, slávy a historickej výnimočnosti a presúva axiologické ťažisko k vnútornej morálnej integrite jednotlivca. Hodnotová transformácia viacerých hlavných postáv (ako Pierreho Bezuchova či Andreja Bolkonského) spočíva v opúšťaní iluzórnych ideálov a v hľadaní zmyslu v etickej zodpovednosti a empatii.

V prípade A. P. Čechova (1860 – 1904) nadobúda axiologické pole subtilnejšiu podobu. Spisovateľova poetika sa vyznačuje odmietaním explicitnej morálnej didaktiky a dôrazom na každodennosť, prítomnosť okamihu a ticho. Hodnotové napätie u literárnych postáv jeho diel vzniká medzi ideálom a jeho nenaplnením, medzi túžbou po zmysle a neschopnosťou konať. Absencia autorského hodnotenia presúva zodpovednosť na čitateľa alebo diváka (v prípade Čechovových divadelných hier), ktorý je nútený aktívne interpretovať významy

a konfrontovať ich s vlastným hodnotovým horizontom. Tak napr. v dráme *Tri sestry* (*Три сестры*, 1901) sa hodnotové napätie koncentruje okolo rozporu medzi túžbou po zmysluplnom živote a chronickou neschopnosťou postáv tento život uskutočniť. Moskva ako symbol naplnenia, kultúrneho i morálneho ideálu, zostáva nedosiahnuteľná a premieňa sa na prázdny znak. Čechov nehodnotí, nesúdi ani neponúka riešenie; axiologické pole formuje v priestore neuskutočnených možností, odkladaného konania a tichého, nenápadného oslabovania dovtedajších hodnôt. Význam vzniká až v recepcii – v napätí medzi tým, čo jeho postavy hovoria, a tým, čo sa v ich životoch „reálne“ deje.

Na prelome 19. a 20. storočia sa axiologické pole ruskej literatúry výrazne transformuje v dôsledku spoločenských otrasov, krízy tradičných opôr v živote človeka a nástupu modernistických poetík. Literatúra sa čoraz menej opiera o stabilné hodnotové systémy predchádzajúceho obdobia a namiesto nich tematizuje ich rozpad, relativizáciu či fragmentáciu. Symbolistická generácia (A. A. Blok, A. Belyj, V. J. Briusov) presúva axiologické pole z etickej a sociálnej roviny do sféry metafyzickej a estetickej, pričom hodnoty viažu na predstavu „vyššej reality“, mystického zmyslu dejín či apokalyptického očakávania. Radikálnejší posun prináša avantgarda tzv. strieborného veku ruskej literatúry, najmä futurizmus (V. V. Majakovskij, V. Chlebnikov). Tradičné hodnoty (morálne či estetické) sú programovo negované v mene novej kolektívnej a revolučnej skúsenosti. Axiologické pole sa u futuristov konštruuje v podstate performatívne, teda hodnota diela vzniká v geste odmietnutia minulosti a v utopickej vízii „nového človeka“.

Osobitý typ axiologického poľa v ruskej literatúre prvej polovici 20. storočia môžeme nájsť v tvorbe I. S. Šmeľova (1873 – 1950), ktorý vo svojich prozaických dielach väčšieho (napr. *Božie leto*, rus. *Лето Господне*, 1933) i kratšieho (napr. *Svetlo rozumu*, rus. *Свет Разума*, 1926, a i.) rozsahu reaguje na revolučnú a povojnovú skúsenosť nie prostredníctvom experimentu či irónie, ale návratom k duchovným a náboženským hodnotám ako k poslednému možnému opornému bodu. Šmeľov predstavuje konzervatívnu, avšak významnú alternatívu k modernistickej fragmentácii a sovietskej ideologizácii hodnôt, azda aj preto sa ním modelované axiologické pole diel formuje v ostrom kontraste medzi deštrukciou tradičného sveta a snahou zachovať kontinuitu morálneho a duchovného poriadku..

V povojnovej a neskoršej literatúre 20. storočia sa v literárnej tvorbe u predstaviteľov ako A. I. Solženicyna (1918 – 2008) či V. T. Šalamova (1907 – 1982) axiologické pole sústreďuje okolo skúsenosti z násillia a totalitného systému moci. Tradičné morálne kategórie sú vystavené skúške prežitia, dobro a zlo sa prestávajú javiť ako abstraktné pojmy a nadobúdajú konkrétnu, telesnú a existenciálnu podobu. Spisovatelia v podstate odmietajú

akékoľvek hrdinstvo či vykupiteľský zmysel utrpenia. Axiologické pole je v literárnych dielach výrazne „ochudobnené“, redukované na elementárne hodnoty života, pamäti a svedectva.

Ruská literatúra 20. storočia tak pokračuje v línii literárnej reflexie hodnôt (modelovania axiologického poľa), ktorú načrtol už F. M. Dostojevskij, no za cenu straty životných istôt. Hodnoty prestávajú byť garantované autoritou, ideológiou či dejinami, ale vznikajú v hraničných situáciách, v individuálnej skúsenosti a v napätí medzi pamäťou a mlčaním. V tomto kontexte sa aj axiologické pole mení na priestor permanentného konfliktu, v ktorom je význam vždy dočasný, podmienený a zraniteľný.

Ako poukázala S. Pašteková, na prahu 21. storočia sa „objavujú nové prístupy k dejinnému materiálu, orientované na problémy, témy a udalosti, určujúce podobu vývinového procesu ruskej literatúry od najstarších čias po dnes a jeho premeny v kontexte doby“ (Pašteková, 2013, s. 11). Nami načrtnuté uvažovanie o literárnom diele ako o axiologickom poli predstavuje takýto pokus o nový prístup a predstavuje teoretický rámec, ktorý by mohol umožniť uchopiť mnohoveštvnatý charakter diel (nielen) ruskej literatúry. V širšom pohľade na problematiku sa umelecká literatúra v tomto zmysle ukazuje ako otvorený priestor hodnotového dialógu, v ktorom sa skúma zmysel ľudskej existencie, spoločenských noriem a individuálnej identity. Práve táto otvorenosť robí z literárneho diela trvalý zdroj interpretačných podnetov a humanistickej reflexie ako i trvalú súčasť kultúrnej pamäti a významný nástroj porozumenia človeku a svetu.

Zoznam literatúry

- BÍLIK, R. 2009. *Interpretácia umeleckého textu*. Trnava: Typi Universitatis Tyrnaviensis, 160 s. ISBN 978-80-8082-289-7.
- ELIÁŠ, A. a kol. 2013. *Ruská literatúra 18. – 21. storočia*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. 240 s. ISBN 978-80-224-1344-2.
- HARPÁŇ, M. 2004. *Teória literatúry*. Bratislava: Tigra, 283 s. ISBN 80-88869-37-4.
- KONDRLA, P., LESKOVÁ, A., ĐURKOVÁ, E. 2018. *Úvod do teórie hodnôt a hodnotenia pre študentov humanitných vied (učebné texty)*. Žilina: Teleos, 82 s. ISBN 978-80-973156-0-3.
- LIZOŇ, M. 2023. *V zajatí tradície (k problému koncepcií literárneho vzdelávania na slovenských vysokých školách)*. In: Literatúra vo výučbe – vyučovať literatúru. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. s. 39 – 51. ISBN 978-80-555-3174-8.
- PAŠTEKOVÁ, S. 2013. *Proces, kánon, recepcia. Historiografické, translatologické a interpretačné aspekty skúmania ruskej literatúry*. Bratislava: VEDA. 140 s. ISBN 978-80-224-1299-5.

- ŽILKA, T. 1984. *Poetický slovník*. Bratislava: Tatran, 376 s.
- VYDRA, Z. a kol. 2017. *Dějiny Ruska*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. 504 s. ISBN 978-80-7422-324-2.
- БОРЕВ, Ю.Б. 2002. *Эстетика*. Москва: Высшая школа. 511 с. ISBN 5-06-004105-0.
- БОЖЕНКОВА Н.А., САДИВОВА, Н. 2025. *Экспликация гендерной семантики в русскоязычной коммуникации: экспериментальное исследование*. In: Слово. Грамматика. Речь. Москва: МАКС Пресс. С. 31 – 33. ISBN 978-5-317-07505-7.

Igor Cintula

Mgr., PhD.

Katedra slovanských jazykov

Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Tajovského 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko

Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: igor.rudolfovic.c@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6740-9669

RUSKÝ KULTÚRNY KÓD A JAZYK DYSTOPICKÉHO ROMÁNU *TROL* MICHALA HVORECKÉHO³⁵

Andrea Spišiaková

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta, Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave
Trnava, Slovensko

Anotácia: Článok analyzuje dystopický román Michala Hvoreckého *Trol* (2017), v ktorom sa rozvíjajú témy hybridnej vojny, propagandy a manipulácie verejnou mienkou v postfaktuálnej spoločnosti. Osobitná pozornosť sa venuje jazykovým stratégiám – fragmentárnosti, anglicizmom, žargónu, intertextovým alúziám na ruskú kultúru a metóde „nálepkovania“, ktoré odrážajú mediálnu atmosféru digitálnej éry. Román predstavuje varovanie pred deštruktívnou silou dezinformácií a svetom, v ktorom naratívy vytlačujú objektívnu realitu.
Kľúčové slová: dystópia, hybridná vojna, propaganda, dezinformácia, nálepkovanie, intertextualita, anglicizmus.

The Russian Cultural Code and Language of the Dystopian Novel *Trol* by Michal Hvorecký

Abstract: The article analyzes Michal Hvorecký's dystopian novel *Trol* (2017), which explores the themes of hybrid warfare, propaganda, and the manipulation of public opinion in a post-truth society. Attention is paid to linguistic strategies such as fragmentation, the use of anglicisms and slang, intertextual allusions to Russian culture, and the method of “labeling”, all of which reflect the media environment of the digital age. The novel serves as a warning about the destructive power of disinformation and about a world in which narratives displace objective reality.

Keywords: dystopia, hybrid warfare, propaganda, disinformation, labeling, intertextuality, anglicisms.

*„Kedysi dejiny písal víťaz, dnes dejiny píše, kto chce zvíťaziť.“
(Hvorecký, 2017, s. 83)*

Úvod

V súčasnosti patrí antiutópia a dystópia medzi najpopulárnejšie žánre svetovej literatúry, ktoré sa neustále rozvíjajú a obohacujú o nové podžánre (Жаданов, 2011, s. 51). Ako píše B. Lanin: „žijeme v dystopických časoch, keď dystópia nie je len názov žánru. Tento pojem nadobudol symbolický kultúrny význam ako vyjadrenie obáv a neuróz

³⁵ Článok je publikovaný s podporou projektu VEGA 1/0534/25 Biopolitický obrat k posthumánnej politike života.

súvisiacich s budúcnosťou“ (2024, s. 7; preklad autorky článku). V anglojazyčnej literatúre majú tieto žánre dlhú a ustálenú tradíciu; vyvíjajú sa tam už desiatky rokov, postupne získali pevné miesto a slúžia ako nástroj kritiky spoločenských, politických a ideologických otázok. Podobne aj ruská literatúra ponúka bohaté tradície antiutopických a dystopických textov, ktoré odrážajú historické a politické skúsenosti krajiny. V slovenskej literatúre však tieto žánre nie sú príliš rozšírené. Mimoriadne aktuálny román *Trol* Michala Hvoreckého je preto cenným príspevkom k rozvoju slovenskej dystópie.

Michal Hvorecký patrí k etablovaným autorom súčasnej slovenskej literatúry, ktorý vo svojej tvorbe dlhodobo reflektuje kultúrne a politické fenomény globalizovaného sveta. Na literárnu scénu vstúpil zbierkou poviedok *Silný pocit čistoty* (2009). K jeho najvýznamnejším dielam patria romány *Posledný hit* (2003), *Plyš* (2005) a *Eskorta* (2007), v ktorých reflektuje spoločenské i kultúrne témy súčasnosti. Je tiež autorom divadelnej hry *Slovenský inštitút. Jedna komédia* (2014). Autorova tvorba zaznamenala medzinárodný ohlas a bola preložená do viacerých jazykov. Predstavuje aj predmet vedeckého záujmu; napríklad A. Záhorák sa venoval precedenčným fenoménom v preklade románu *Trol* do nemeckého jazyka (2023).

Cieľom článku je analyzovať román *Trol* Michala Hvoreckého a ukázať, ako autor využíva jazyk a kultúrne odkazy na zobrazenie hybridnej vojny, mediálnej manipulácie a ideologických konfliktov. Článok sa zameriava aj na ruský kultúrny kód, literárne a filozofické odkazy, ktoré obohacujú príbeh a odhaľujú spoločenské a politické mechanizmy súčasnej aj historickej reality.

Stručný dej románu

Román *Trol* (2017) predstavuje dystopické zrkadlo budúcnosti, v ktorom sa hybridná informačná vojna, dezinformácie a propaganda stávajú bežnou súčasťou života postfaktuálnej spoločnosti. Príbeh sa odohráva v meste *Diera*. Je to geograficky bližšie nešpecifikovaný priestor po rozpade Európskej únie, kde vládne totalitná entita nazývaná *Ríša*. Motívy, jazykové stratégie a ideové paralely naznačujú silnú inšpiráciu ruským kultúrnym kódom.

Tento svet je rozdelený múrom Pevnosti Európa, čím nadobúda charakter uzavretého a statického urbánneho priestoru, ktorý patrí k základným znakom antiutopických a dystopických románov (Pavlova, 2022, s. 70). Funkciu múru v dystopickom priestore presne vystihuje G. Claeys, podľa ktorého na rozdiel od utópie, kde múr slúži na to, aby nevpúšťal cudzích, v dystópiách má za úlohu udržiavať všetkých vo vnútri (2017, s. 8).

Na spoločenskej úrovni vládne absurdita: „Premiérkou sa stala milienka najbohatšieho mafiána, sponzora kampane. Za ministra životného prostredia vymenovali popierača

klimatických zmien. Sociálne veci zverili oligarchovi. Zdravotníctvo prevzala riaditeľka homeopatickej fabriky a bojovníčka proti očkovaniu. Školstvo riadil človek, čo nijaké školy nevyštudoval ani neuznával. Bezpečnosť viedol paranoidný šíriteľ vymyslených správ“ (Hvorecký, 2017, s. 58). Tento parodický kompozičný model možno interpretovať ako literárnu reflexiu niektorých reálií súčasného spoločenského diskurzu a zároveň ako aktualizáciu orwellovského princípu „vojna je mier“.

Hlavným hrdinom románu je nemenovaný obézny muž, ktorý sa po epidémii osýpok ocitne v nemocnici. V nemocnici stretne Johannu, mladú ženu závislú od drog. Po prepustení si spoločne hľadajú prácu v takzvanej „centrále“. V skutočnosti ide o fabriku na dezinformácie riadenú Ríšou. Obaja sú prijatí na pozíciu content operátor junior a venujú sa tvorbe hoaxov, dezinformačných kampaní a stigmatizácii rôznych skupín obyvateľstva, teda profesionálnemu trollingu.

Tento motív románu odráža širšiu problematiku súčasnej informačnej vojny, kde sú skutočné aj vymyslené hrozby využívané na manipuláciu verejnej mienky. Ako upozorňujú odborníci: „V informačnej vojne 21. storočia, ktorá nabera na intenzite, často slúžia ako argumenty v procese presvedčania nielen reálne, ale aj imaginárne vymyslené hrozby, a to s primárnym cieľom vyvolať u príjemcov pocit akútneho ohrozenia rôznych oblastí ich existencie (ich osobnosti, rodiny, sociálnej skupiny, národa a rôznych ďalších entít, s ktorými sa identifikujú a ktorých status určuje štandardy ich života)“ (Dulebová – Štefančík – Cingerová, 2024, s. 7; preklad autorky článku).

Spomínané hlavné postavy vystupujú s maximálnym nasadením a postupne odhaľujú mieru manipulovateľnosti faktov i verejnej mienky. Naratív kulminuje v momente, keď hlavný hrdina nahlási Johannu, čo má za následok zásah komanda a jej násilné odvedenie. Následne sa však ukáže, že ide o súčasť premysleného plánu: Johanna už predtým zverejnila dôverné informácie s cieľom iniciovať odhalenie systému zvnútra.

Hlavný hrdina je odhalený a označený za Trola. V snahe uniknúť prenasledovaniu sa hrdina podrobí kompletnej rekonštrukcii identity a napokon opäť nájde Johannu. Spolu z centrálou začínajú odhaľovať manipulácie a propagandu, rozvíjajú kritické myslenie a vyučujú mediálnu výchovu na školách.

Jazyk románu

Román sa vyznačuje fragmentárnou kompozíciou a krátkymi, strohými vetami. „Fragmentárna forma vedie k dynamizmu“ (Dulebová – Duleba, 2018, s. 46), avšak v tomto diele pôsobí skôr chladne a mechanicky. Zbytočné opisy tu nenájdeme; autor vykresľuje

postavy mimoriadne povrchné a ich úmysly zostávajú nejasné až do poslednej chvíle. Psychologická charakteristika prakticky absentuje, čo sťažuje čitateľovi vytvoriť si k postavám hlbší vzťah alebo sympatie.

Román vykazuje výrazné prvky publicistického diskurzu, prejavujúce sa jazykovou úspornosťou, tematickou aktualizáciou a analytickou interpretáciou spoločenských fenoménov, ako aj cielene zvoleným repertoárom jazykových prostriedkov. Ako uvádza J. Gallo (2024, s. 17), „špecifiku súčasných mediálnych textov často dotvárajú aj nespisovné, hovorové a expresívne jazykové prostriedky. Práve oni napomáhajú dotvárať špecifikum mediálnej komunikácie a jej hlavnú črtu – persuzívnosť.“ Podobne aj román *Trol* využíva modernú lexiku s vysokým podielom žargonizmov. Autenticnosť jazykovej štylizácie postáv sa zároveň realizuje prostredníctvom frekventovaného výskytu invektív. Autor sa takýmto spôsobom usiloval o dôslednú reflexiu súčasných jazykových registrov médií, internetovej komunikácie, ako aj sociolektu mladej generácie.

Na jazyk románu do vysokej miery vplývajú anglicizmy (napr. *overovanie je out* (Hvorecký, 2017, s. 15), *čekuj dátum* (tamže, s. 19), *džob* (tamže, s. 78), *piár* (tamže, s. 78), *hejtovanie* (tamže, s. 80), *after párty* (tamže, s. 81), *trolhunter* (tamže, s. 65), *Deepweb* (tamže, s. 27), *home ofis* (tamže, s. 86), *shitstorm* (tamže, s. 67).

Ako píše O. Iermachkova, medzi príčiny popularity anglicizmov možno zaradiť nepopierateľné svetové prvenstvo anglicky hovoriacich krajín v mnohých oblastiach nášho života (2020, s. 54). Anglicizmy v románe nielenže odrážajú reálne jazykové trendy dnešnej doby, ale zároveň podčiarkujú tematiku románu zameranú na súčasné médiá, manipuláciu a digitálny svet. Tieto lexémy priamo odkazujú na fenomény online komunikácie a digitálneho zápasu o verejnú mienku, v dôsledku čoho sa jazyk v románe profiluje ako jeden z kľúčových nástrojov hybridnej vojny. Táto funkcia jazyka sa explicitne tematizuje aj v pojme *korektúra naruby* (Hvorecký, 2017, s. 88), ktorý neoznačuje odstraňovanie chýb, ale ich zámerné pridávanie s cieľom vyvolať dojem autenticity a dôveryhodnosti, teda dosiahnuť presný opak tradične chápanej korektúry.

V románe sa aktívne uplatňuje aj tzv. „nálepkovanie“ – známa a overená manipulačná stratégia, ktorú súčasné masmédiá, ale aj jednotlivci, využívajú na zjednodušenie a polarizáciu spoločenského diskurzu. Nálepkovanie je často založené na pejoratívnom označení ľudí alebo skupín z opačného názorového spektra bez hlbšieho porozumenia ich názorov a motivácie. V románe sme sa stretli s nálepkami, ktoré sa používajú aj v súčasnom

mediálnom prostredí, napr. *fašista* (Hvorecký, 2017, s. 16), *rusofil* (tamže, s. 16), *slniečkar* (tamže, s. 16), *transka*, *Žid* (tamže, s. 18).

Autor týmto výberom jazykových prostriedkov kritizuje spôsob, akým sa spoločnosť uchýľuje k povrchnému hodnoteniu, čím sa vytvára čierno-biele vnímanie reality. Takéto nálepkovanie vedie k rozdeľovaniu spoločnosti, potláčaniu plurality názorov a znemožňuje otvorený dialóg.

Dešifrovanie nálepky *pravdoláskar* (tamže, s. 81) si vyžaduje znalosť precedentných fenoménov. Ide o ideologicky zafarbený neologizmus, ktorý vznikol v česko-slovenskom verejnom diskurze po roku 1989. Pôvodne vychádza z idealistického odkazu Václava Havla a jeho hesla „pravda a láska musí zvíťaziť nad ľží a nenávisťou“. Hoci *pravdoláskar* znie pozitívne, v skutočnosti má hanlivý význam. Často sa používa v pejoratívnom kontexte na zosmiešnenie či spochybnenie ľudí, ktorí sa prezentujú ako morálne authority, humanisti, intelektuáli alebo obrancovia hodnôt. Slúži teda ako typický príklad nálepkovania a ako nástroj diskreditácie.

Ako aj v iných antiutopických a dystopických románoch, aj tu vystupuje tematika sily jazyka: „Vy aj Ríša, systém, ktorý stelesňujete, triumfoval vo všetkých oblastiach okrem jednej – v jazyku. Jazyk ste nedokázali zničiť, hoci by ste to veľmi radi urobili. Slová zostali mojou jedinou zbraňou“ (tamže, s. 149).

Jedným z frekventovaných jazykových postupov v dystopickej literatúre je resemantizácia, teda proces nadobúdania nových, významovo posunutých obsahov pri už existujúcich lexémach. Tento jav slúži nielen na budovanie špecifického fikčného sveta, ale aj na zachytenie ideologických a technologických premien spoločnosti. V analyzovanom románe sa resemantizácia realizuje napríklad prostredníctvom lexémy *hlasy*, ktorá tu neoznačuje len zvukový prejav, ale funguje ako pomenovanie zakázaných rozhlasových vysielačiek šírených prostredníctvom Deepwebu (tamže, s. 28).

Román je intertextuálne bohatý, je doslova pretkaný alúziami a precedentnými fenoménmi. Príkladom takejto alúzie je citát: „Ak máš veľké kladivo, každý problém vyzerá ako klinec“ (tamže, s. 89), ktorý je modifikovanou verziou známeho výroku amerického psychológa Abrahama Maslowa: „*If the only tool you have is a hammer, you tend to see every problem as a nail.*“ V románe sa objavila aj mytologická alúzia: „*Internet sa čoraz viac podobal na mýtický Dis, pekelné mesto*“ (tamže, s. 121). Je to odkaz na Božskú komédiu Danteho Alighierioho – konkrétne na druhú časť *Peklo* (*Inferno*), kde sa nachádza mesto Dis. Alúzia je silnou metaforou digitálneho priestoru ako novodobého pekla.

Ruský kultúry kód v románe

Intertextové a kultúrne presahy románu zahŕňajú aktívne využívanie ruského kultúrneho kódu, napríklad paremiologických prvkov. V texte sa objavuje ruské príslovie „aj slnko má škvrny“ (Hvorecký, 2017, s. 165), ktoré v origináli znie *И на солнце бывают пятна*. Toto príslovie nesie výrazný axiologický rozmer, keďže poukazuje na nevyhnutnú nedokonalosť jednotlivca i systému, a zároveň môže byť interpretované ako memento tolerancie a porozumenia voči chybám iných.

Na rovnakom princípe kultúrnej a ideovej intertextuálnosti autor konštruuje aj niektoré postavy, ktoré sú zjavne inšpirované reálnymi osobnosťami súčasného politického diskurzu. Jedna z postáv tak vykazuje znateľné paralely s A. G. Duginom – politológom a predstaviteľom tradicionalistického myslenia, často označovaným za jedného z hlavných ideológov konceptu Eurázie ako alternatívy voči Západu a euroatlantickému systému.

Podobne sa intertextualita prejavuje aj v postave Filozofa, ktorý pôsobí v centrále. Filozof sa venuje trolovaniu zadarmo a odvoláva sa na ruského náboženského filozofa N. A. Berďajeva, ktorý zdôrazňoval slobodu, tvorivosť a duchovnosť človeka a zmysel života videl v osobnej sebarealizácii a vzťahu k Bohu. Týmto spôsobom autor prepája politicko-ideologické a filozofické referencie s konkrétnymi funkciami postáv v digitálnom prostredí, čím obohacuje intertextuálne vrstvy románu.

Prítomnosť ruskej literatúry v diele má rovnako kľúčový význam. Hlavný hrdina v nemocnici číta ruskú fantastiku a neskôr pokračuje vo štúdiu ruského jazyka a literatúry na univerzite. Postava *Rozbihuby*, ktorá troluje na tému Rómov, je inšpirovaná postavou *Держиморда* z Gogoľovho *Revízora* a je konštruovaná na princípe grotesky a karikatúry. Prostredníctvom tejto postavy autor kriticky odhaľuje absurdity ľudského správania.

Literárne alúzie vrcholia citáciou básne M. J. Lermontova „Прощай, немытая Россия...“ (tamže, s. 40), ktorá ironicky vystihuje morálny a kultúrny úpadok Ríše. Ako píše L. Gajarský a T. Mujkošová, „začlenenie literárnych odkazov, tradičného prvku ruského národného povedomia, predstavuje dôležitý nástroj na konceptualizáciu, kategorizáciu a hodnotenie reality“ (2024, s. 139). Podobne aj v analyzovanom románe literárne odkazy slúžia ako prostriedok reflektovania a hodnotenia spoločenskej a kultúrnej situácie.

Román obsahuje implicitné aj explicitné náznaky, že Ríša je modelovaná ako metafora Ruska – súčasného aj historického. V románe sa spomína „široká ríšska duša“ (Hvorecký,

2017, s. 164). Je to alúzia na známy kultúrny archetyp „široká ruská duša“, ktorý býva tradične spájaný s predstavou veľkorysosti, emocionality a hlbokej ľudskosti ruského človeka.

V románe nachádzame aj alúziu na mytológemu záhadnosti ruskej duše (*загадочной русской души*), ktorá sa často spomína v ruskej literatúre a filozofii. „Tristo rokov žije Európa s Ríšou, ale vždy na ňu zazerala s predtuchou niečoho zlého, ako na osudovú hádanku, ktorú treba vyriešiť. Skôr nájdeme perpetuum mobile alebo elixír života, než západ pochopí Ríšu, jej podstatu a smerovanie. Mesiac je preskúmaný oveľa lepšie“ (tamže, s. 75).

Zároveň sa autor nespolieha len na implicitné náznaky, ale domnienku čitateľa, že Ríša je modelovaná na základe Ruska, explicitne vyjadruje v niekoľkých rovinách: „Pravda a lož má v Ríši iný význam ako na západe. Rusi rozlišujú medzi istinou a pravdou. Istina rovná sa faktická pravda, založená na zhode tvrdenia so skutočnosťou. Za oveľa dôležitejšiu a vznešenejšiu sa považuje pravda v zhode s Bohom. Na istine až tak nezáleží, ak niekto klame, nechýbí. Hlavne nech zostane v súlade s Bohom, cirkvou a Ríšou.“ (tamže, s. 124). Autor pravdepodobne poukazuje na rozdiel medzi západnou racionalistickou tradíciou (pravda = zhoda s faktami, logikou) a ruskou, resp. východnou tradíciou, kde pravda môže mať aj duchovný, morálny alebo kolektívny rozmer.

Celkovo román využíva ruský kultúrny kód na obohatenie významových vrstiev príbehu. Literárne a ideologické odkazy, symbolika Ríše a intertextové paralely sú dôležitým nástrojom, ktorý umožňujú autorovi kriticky reflektovať spoločenské a politické mechanizmy. Je nutné poznamenať, že M. Hvorecký preukazuje dôkladnú znalosť ruského kultúrneho kódu.

Záver

Román *Trol* Michala Hvoreckého predstavuje komplexnú a mnohovýrovnú reflexiu súčasnej spoločnosti, kde sa hybridná vojna, manipulácia a mediálne dezinformácie stávajú každodennou realitou. Prostredníctvom dystopickej Ríše autor odкрýva paralely nielen s postsovietskym Ruskom, ale kritizuje aj súčasnú spoločnosť vo všeobecnosti. Pritom využíva jazykové prostriedky, literárne alúzie a intertextuálne odkazy, ktoré umožňujú čitateľovi lepšie pochopiť ideologické a kultúrne špecifiká tohto prostredia.

Jazyk románu s jeho strohými vetami, moderným žargónom, anglicizmami a stratégiami nálepkovania zároveň vystupuje ako nástroj moci a manipulácie, ale aj ako prostriedok kritického myslenia a obrany proti propagande. Hvoreckého román tak nielenže vytvára fascinujúce dystopické zrkadlo budúcnosti, ale zároveň ponúka kritickú analýzu súčasného sveta mediálnej manipulácie, ideologických konfliktov a napätia medzi individuálnou slobodou a totalitnou kontrolou. *Trol* je preto dôležitým príspevkom k diskusii

o moci jazyka, propagandy a kultúrnej identity v globalizovanom svete. Je to varovanie pred svetom, v ktorom nie fakty, ale naratívy a algoritmy určujú realitu.

Zoznam literatúry

- CLAEYS, G. 2017. *Dystopia. A Natural History*. Oxford: Oxford University Press, 556 pp. ISBN 978-0-19-882047-5.
- DULEBOVÁ, I., DULEBA, M. 2018. *Filozofická próza Leva Šestova: poetologické komponenty „Apoteózy bezzásadovosti“ v kontexte filozofie subjektivismu*. In: World Literature Studies. Bratislava: Ústav svetovej literatúry Slovenskej akadémie vied, vol. 10, no. 2, pp. 41 – 50. ISSN 1337-9275.
- DULEBOVÁ, I., ŠTEFANČÍK, R., CINGEROVÁ, N. 2024. *Language and Security. The Language of Securitization in Contemporary Slovak Public Discourse*. Berlin – Lausanne – Bruxelles – Chennai – New York – Oxford: Peter Lang, 152 pp. E- ISBN 978- 3-631-91847- 0.
- GAJARSKÝ, L., MUJKOŠOVÁ, T. 2024. *Culturemes with Allusions to Literary Works in Newspaper Headlines of three Slavic Languages*. In: Przegląd rusycystyczny. Katowice: Polskie Towarzystwo Rusycystyczne oraz Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, № 2 (186). pp. 134 – 157. ISSN 0137-298.
- GALLO, J. 2024. *K niektorým aktuálnym tendenciám v ruských a slovenských mediálnych textoch*. In: Slavica Beliana. Banská Bystrica: Belianum: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, s. 16 – 27. ISBN 978-80-557-2165-1.
- HVORECKÝ, M. 2017. *Trol*. Bratislava: Marenčin PT, 160 s. ISBN 978-80-811-4553-7.
- PAVLOVA, O. 2022. *2 + 2 = 5. Světy antiutopické a dystopické literatury*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 166 s. ISBN 9788076710665.
- ŠKVARENINOVÁ, O. 2016. *Jazyková manipulácia v médiách*. In: Jazykovedné, literárnovedné a didaktické kolokvium XXXIX. Bratislava: Z-F LINGUA, s. 71 – 80. ISBN: 978-80-8177-025-8.
- ZAHORÁK, A. 2023. *Precedentné fenomény v preklade umeleckého textu ako zrkadlo (anti)hodnôt*. In: Proudý: Středoevropský časopis pro vědu a literaturu. Brno: Středoevropské centrum slovanských studií, roč. 14, č. 1, s. 1 – 11. ISSN 1804-7246.
- ЕРМАЧКОВА, О. 2020. *Англицизмы на -инг в русском и словацком языках*. In: Филологический класс. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, Том 25, № 1, с. 51 – 61. ISSN (online) 2658-5235.
- ЖАДАНОВ, Ю. А. 2011. *Актуальные проблемы изучения современной антиутопии: женское видение возможного будущего человечества*. In: Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, №3, с. 51 – 63. ISSN 2412-5806.
- ЛАНИН, Б. 2024. *Жанровый канон русской дистопии*. In: International journal of Slavic Studies. Zielona Góra: Instytut Filologii Polskiej Uniwersytetu Zielonogórskiego, 6, c. 3 – 18. ISSN 2658-154X.

Andrea Spišiaková

Mgr., PhD.

Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovenská republika

University of Ss. Cyril and Methodius

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

E-mail: andrea.spisiakova@ucm.sk, ORCID ID: 0000-0001-7041-1436

Slavica Beliana

2026

kulturológia

культурология

А Б В Г Д Е Ж З
И Й К Л М Н О П
Р С Т У Ф Х Ц Ч
Ш Щ Ъ Ы Ь

HENRI TROYAT AKO SPROSTREDKOVATEĽ RUSKEJ KULTÚRNEJ PAMÄTI VO FRANCÚZSKEJ LITERATÚRE

Natália Sadivová

Inštitút rusistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
Prešov, Slovensko

Anotácia: Štúdia je zameraná na tvorbu a život Henri Troyat, ktorý napriek svojmu významnému postaveniu vo francúzskej literatúre 20. – 21. storočia zostáva v slovenskom kultúrnom prostredí relatívne málo reflektovanou osobnosťou. Úvodná časť predstavuje autorovu biografiu a historicko-kultúrne súvislosti emigrácie z ruského prostredia, ktoré formovali jeho literárnu tvorbu výlučne vo francúzskom jazyku. Následná analýza sa sústreďuje na spôsoby sprostredkovania ruskej kultúrnej pamäti vo francúzskom literárnom diskurze. Osobitná pozornosť je venovaná problematike prekladu bežiekvivalentnej lexiky a jej funkcii vo francúzskych origináloch. Cieľom štúdie je prispieť k lepšiemu poznaniu tvorby H. Troyat v slavistickom prostredí a poukázať na význam prekladu ako interkultúrneho sprostredkovateľa.

Kľúčové slová: ruská kultúrna pamäť, bežiekvivalentná lexika, interkultúrna komunikácia, translatologická analýza, kultúrne sprostredkovanie.

HENRI TROYAT AS A MEDIATOR OF RUSSIAN CULTURAL MEMORY IN FRENCH LITERATURE

Abstract: The study focuses on the life and works of Henri Troyat, who, despite his prominent position in 20th–21st century French literature, remains a relatively underexplored figure in the Slovak cultural context. The first part of the study presents the author's biography and the historical and cultural circumstances of his emigration from Russia, which shaped his literary output exclusively in French. The subsequent analysis concentrates on the ways in which Russian cultural memory is mediated within the French literary discourse. Special attention is given to the translation of non-equivalent vocabulary and its function in the French originals. The aim of the study is to contribute to a better understanding of H. Troyat's work within Slavic studies and to highlight the significance of translation as an intercultural mediator.

Keywords: Russian cultural memory, non-equivalent vocabulary, intercultural communication, translation analysis, cultural mediation.

Henri Troyat sa narodil v Moskve v roku 1911 v rodine prominentného arménskeho obchodníka Tarasova za vlády Mikuláša II., no jeho rodina krajinu opustila počas Októbrovej revolúcie. Pripojil sa tak k širokej línii kultúrnych dejateľov, pre ktorých sa obdobie po dvoch revolúciách v roku 1917, ako poukazuje I. Cintula, „стало источником оправданного разочарования“ (Cintula, 2023, s. 104), vedúceho k exodusu z ruského kultúrneho priestoru.

Francúzsko ako jedno z centier ruskej emigrácie sa následne stalo miestom jeho ďalšieho pobytu. Najrozsiahljší súbor informácií z autorovho života možno nájsť v jeho biografii *Un si long chemin*, ktorá bola spracovaná formou rozhovoru s francúzskou žurnalistkou Maurice Chavardès. Autor vo svojej knihe skonštatoval, že sa po emigrácii cítil v novej krajine cudzím len vo veľmi malej miere, pretože sa už ako dieťa vďaka svojej guvernante zo Švajčiarska spolu s ruštinou naučil aj francúzsky jazyk. Ako však poznamenal, jeho francúzština bola až príliš knižná, no napriek tomu bol od ôsmich rokov dokonale pripravený na prienik do francúzskeho prostredia. Miesto jeho narodenia v ňom však zanechalo nezmazateľné stopy, a jeho pôvod ho obmedzoval aj inšpiroval zároveň. Niekedy sa hanbil za to, že nie je ako ostatní, inokedy bol na to, práve naopak, hrdý. Autor často zdôrazňoval, že jeho spolužiaci po príchode domov nezmenili krajinu, zatiaľ čo v jeho ponímaní predstavoval každý návrat zo školy domov veľkú zmenu. Bolo to ako keby žil prvú polovicu dňa v Paríži, a tú druhú v Moskve: „Dlho som tak nejako kráčal, jedna noha sa dotýkala ruských mrakov, druhá pevnej francúzskej zeme. Medzi týmito dvomi pôvabnými rivalmi sa časom nadviazala rovnováha takmer bez toho, aby som si to uvedomoval. Stal som sa Francúzom, no zachoval som si mimoriadnu nežnosť pre krajinu snov, o ktorej mi rozprávali rodičia“ (Paul, 2010, online). Troyat ale napriek všetkému priateľstvá v ruskom emigrantskom prostredí nadväzovať nechcel, pretože práve medzi Francúzmi sa cítil uvoľnene, a to aj odhliadnuc od mnohých odlišností v ich mentalite v porovnaní s Rusmi. To ale neplatilo pre zvyšok jeho rodiny, pretože u brata a sestry prevládali ruskí priatelia, a rodičia podľa jeho slov v Paríži nemali prakticky žiadny kontakt s Francúzmi. Počas celého života dúfali, že sa im raz podarí vrátiť domov do Ruska.

Výber priateľov a čítanie francúzskej literatúry ho čoraz viac zbližovali s novým prostredím, až pokiaľ nebola dosiahnutá určitá rovnováha medzi týmito dvoma svetmi. Zmenu národnosti Troyat opisoval na základe pocitov mladého emigranta, ktorý obdivuje novú krajinu s myšlienkou: „Aká krásna je ich krajina!“ (Truajia, 2005, s. 34). V takomto prípade ešte neprekročil hranicu a je stále cudzincom. Akonáhle sa však cíti hrdý na to, čo ho obklopuje, a čoraz častejšie sa pristihne pri myšlienke, „Aká krásna je naša krajina!“ (ibidem), znamená to, že bez toho, aby o tom vedel, zmenil tábor. Ďalším významným znakom je prechod z rodného jazyka na cudzí v snoch.

Počas dospievania Troyat obdivoval francúzskych aj ruských autorov. Jeho rodičia ale tvrdili, že diela veľkých ruských spisovateľov by sa mali čítať len v origináli. V tom čase hovoril plynule po rusky, ale mal problémy s čítaním, keďže od príchodu do Francúzska sa

ruštine už nevenoval. Preto sa rozhodlo, že sa na precvičenie bude spolu s rodinou nahlas čítať nejaká ruská kniha, a voľba padla na román *Vojna a mier*, ktorý ho uchvátil.

Autorove spisovateľské začiatky siahajú ešte do školských čias, avšak prvý významný úspech prišiel v 19-tich rokoch, kedy sa jeho novela dostala do rúk slávneho francúzskeho spisovateľa André Maurois, ktorý bol pre vychádzajúceho spisovateľa v tom čase veľkou inšpiráciou. Podľa jeho slov sa mu príbeh páčil a odporučil ho ďalej riaditeľovi literárneho časopisu *La Nouvelle Revue Française*, ktorým bol Jean Paulhan, a tiež šéfredaktorovi týždenníka *La Revue hebdomadaire*, ktorým bol Robert de Saint Jean.

Jean Paulhan zhodnotil, že si nie je istý, či sa dokáže stotožniť s takýmto štýlom písania. Podľa jeho názoru boli prednosti príbehu rovnako veľké, ako jeho nedostatky, a preto by bolo lepšie v tvorbe nepokračovať. Takáto reakcia Troyat zneistila, ale predsa sa len rozhodol poslať svoj rukopis aj druhému odporúčanému autorovi, ktorý ho po prečítaní práce pozval k sebe a s nadšením mu oznámil, že príbeh bude v plnom znení uverejnený v *La Revue hebdomadaire*.

Po tomto úspechu sa autor rozhodol napísať svoj prvý román *Faux Jour*, ktorý bol neskôr opublikovaný vo vydavateľstve *Plon*. Troyat vo svojej biografii spomína práve na tento moment ako na akýsi prevrat v jeho živote, pretože spolu s prvou korektúrou obdržal aj list od vydavateľa. Uvádzalo sa v ňom, že by bolo dobré vo vlastnom záujme knihu pod skutočným menom Lev Aslanovič Tarasov nevydávať, pretože francúzsky čitatelia by ju mohli považovať za preklad. Bolo nevyhnutné vymyslieť nový pseudonym, avšak Troyat si myslel, že vydaním románu pod iným menom sa zriekne svojho autorstva, kniha sa od neho „oddeli“ a stane sa dielom niekoho neznámeho. Radosť tak vystriedal smútok, no nakoniec bolo rozhodnuté, že nové priezvisko sa bude musieť začínať rovnakým písmenom, ako to pôvodné. Takýmto spôsobom vznikol Troyat. Z redakcie prišla následne ďalšia požiadavka, ktorá okrem zmeny priezviska z dôvodu eufónie vyžadovala tiež zmenu mena, v najideálnejšom prípade s písmenom „i“ v strede. Bez hlbšieho rozmýšľania nakoniec vznikol finálny variant – Henri Troyat. Ako povedal aj sám autor, s touto zmenou sa zo začiatku stotožňoval len veľmi ťažko a prešlo veľa času, kým o definitívnu zmenu mena a priezviska požiadal oficiálne.

Autorov román z roku 1935 bol dobovými kritikmi ocenený. Troyat bol porovnávaný s Raymond Radiguet, ktorý bol napriek nízkemu veku známy svojimi explicitnými témami a jedinečným štýlom. Práve za toto dielo získal Troyat v dvadsiatich troch rokoch svoje prvé významné literárne ocenenie – cenu Eugène-Dabit za populistický román. V tom istom roku bol publikovaný ďalší román *Le Vivier*, avšak jeho prijatie kritikmi nebolo ani zďaleka také

jednohlasné ako v predchádzajúcom prípade. Niektorí ho chválili za zručnosť pri vykresľovaní postáv, iní mu vyčítali ich odpudivosť a dusnú atmosféru. Napriek dvom protichodným reakciám možno práve rok 1935 považovať za akýsi pomyselný začiatok jeho úspešnej spisovateľskej kariéry, a to napriek počiatočnému slabému predaju jeho diel.

Najvýznamnejší prevrat nastal o tri roky neskôr, kedy sa Troyat stal vo veku dvadsiatich ôsmich rokov držiteľom najvýznamnejšej francúzskej literárnej ceny – Prix Goncourt za román *L'Araigne*. Jednou zo zaujímavostí je to, že všetky jeho diela boli napriek jeho pôvodu napísané po francúzsky. Dôvodov mohlo byť hneď niekoľko:

- Integrácia do nového prostredia. Po emigrácii sa rodina snažila začleniť do francúzskej spoločnosti a je preto prirodzené, že Troyat začal používať francúzštinu ako hlavný jazyk literárnej tvorby;
- Kultúrna a literárna tradícia. Francúzska literárna tradícia má dlhú históriu a je svetovo uznávaná. Voľba francúzskeho jazyka mu tvorila prístup k bohatej francúzskej kultúre a umeniu, čo mohlo mať vplyv na jeho tvorbu.
- Príležitosti v literárnom svete. Možnosti rozvoja vo svete literatúry boli vo francúzskom jazykovom prostredí omnoho väčšie ako vo vtedajšom sovietskom Rusku. Francúzska literárna scéna bola v čase jeho tvorby okrem iného tiež veľmi aktívna a prispela ku vzniku mnohých významných diel.

Sám autor v svojej biografii skonštatoval, že okolnosti, vzdelanie a celý jeho život ho v konečnom dôsledku prinútili písať v tomto jazyku, avšak znalosť ruštiny mala vplyv aj na štýl tvorby vo francúzštine. Po rusky by podľa jeho slov dokázal napísať list, ale kniha v ruskom jazyku by bola nesmierne náročná, pretože by vyžadovala dlhodobý pobyt v Rusku, ponorenie sa do samotnej atmosféry jazyka, rozvíjanie slovnej zásoby a opätovné osvojenie spisovateľského remesla. Troyat tvrdil, že bol len francúzskym spisovateľom. Prekladom sa venovať nechcel, pretože podľa jeho názoru je slovná zásoba ruského jazyka jednoduchšia, ale súčasne aj bohatšia a „kvetnatejšia“. Ruský text sa pri preklade do francúzštiny „stráca“ omnoho viac ako v prípade prekladu z francúzskeho do ruského jazyka.

Vojnové obdobie sa stalo debutom v rámci jeho tvorby venujúcej sa ruským osobnostiam. Prvým takýmto dielom bola biografia F. M. Dostojevského z roku 1940. Práve počas práce nad touto biografiou si uvedomil, že jeho pôvod mu umožňuje priblížiť francúzskym čitateľom históriu jeho predkov. Znalosť ruského jazyka mu na rozdiel od iných autorov umožňovala pracovať s obrovským množstvom dokumentov, ku ktorým by sa

francúzsky čitateľ nikdy nedostal. V nasledujúcich rokoch tak vyšlo niekoľko životopisov nie len ruských, ale tiež francúzskych osobností: A. S. Puškin (1946); M. J. Lermontov (1952); L. N. Tolstoj (1965); N. V. Gogol' (1971); Katarína II. Veľká (1977); Peter I. Veľký (1979); Alexander I. (1981); Ivan Hrozný (1982); A. P. Čechov (1984); I. S. Turgenev (1985); M. Gorkij (1986); G. Flaubert (1988); G. de Maupassant (1989); Alexander II. (1990); Mikuláš II. (1991); É. Zola (1992); P. Verlaine (1993); Ch. Baudelaire (1994); H. de Balzac (1995); G. J. Rasputin (1996); J. Drouet (1997); Katarína I., Anna I., A. Leopoldovna, Alžbeta I. v cykle *Terribles Tsarines* (1998); rodina Lebaudy (1998); Mikuláš I. (1999); M. I. Cvetajevová (2001); Pavol I. (2002); N. F. von Meck a P. I. Čajkovskij (2004); Alexander III. (2004); A. Dumas (2005); B. L. Pasternak (2006). Po jeho smrti vyšlo ešte niekoľko diel: B. Godunov (2008); Madame Baudelaire, Madame Verlaine, Madame Rimbaud (2010); I. A. Gončarov (2012). Je dôležité poznamenať, že autor počas celého svojho života dôsledne dodržiaval ustálený publikačný rytmus: každoročne na jar vydával román a na jeseň biografické dielo, pričom systematicky striedal ruskú a francúzsku tematiku (Telešiová, 2013).

Troyat sa v roku 1959 – vo veku štyridsiatich ôsmich rokov – stal najmladším členom Francúzskej akadémie a nahradil tak stoličku po zosnulom spisovateľovi a novinárovi Claude Farrère. Jeho knihy sa do dnešného dňa prekladajú do mnohých jazykov. Sám autor skonštatoval, že je pre neho ťažké zhodnotiť kvalitu prekladov do češtiny, japončiny či švédčiny, avšak preklady do anglického jazyka považoval za presné. Mnohé z jeho diel boli preložené do ruského jazyka a vydané v Rusku. Ako sám povedal, po ich prečítaní sa cítil ako ruský spisovateľ, a slová prekladateľa v rodnom jazyku stotožnil so svojimi vlastnými. Napriek tomu, že ruské prostredie predstavovalo významný faktor v jeho tvorbe a zasvätil jej celý svoj život, do rodnej krajiny sa nikdy nevrátil. Po emigrácii došlo v jeho fantázii na základe príbehov rodičov, spomienok na detstvo, vlastných snov a diel ruskej literatúry k vytvoreniu akéhosi „vnútorného“ Ruska, ktoré sa stalo inšpiráciou pre jeho diela. Autor sa obával, že skutočný kontakt s krajinou by mohol tento imaginárny svet navždy zničiť. Vo Francúzsku strávil celý život a uvedomoval si, že Rusko nie je krajina, kam by sa vydal ako turista na pár týždňov. Takýto kontakt s prostredím by bol nedostatočný a po návrate domov by tak svoj vnútorný svet vymenil za niekoľko banálnych dojmov z krátkeho výletu (Troyat, 2001, online).

Troyat zomrel v roku 2007. Na Slovensku nepatrí medzi známych autorov, o čom svedčí aj fakt, že v slovenskom preklade existuje v porovnaní s inými jazykmi len veľmi málo z autorovej pôvodnej tvorby, napr. *Anna Prédaillová; Eygletierovci*. V českom preklade vyšlo niekoľko diel: *Kateřina Veliká* (2008); *Hrozná carevny* (2000); *Balzac* (1999); *Písař Jejího*

Veličenstva: zповěd' oblíbenice Kateřiny II. (1998); *Baudelaire* (1997); *Ve znamení býka* (1947).

Bez ohľadu na mieru recepcie v slovenskom prostredí si jeho tvorba zasluhuje pozornosť najmä z hľadiska štylistickej výstavby a používaných jazykových prostriedkov, ktoré výrazne formujú osobitý charakter autorovho rozprávania. Za dominantný štylistický prvok tzv. „ruských cyklov“ spisovateľa sa považuje najmä časté používanie rusizmov, ktoré sprostredkujú miestne reálie. Rusizmy možno rozdeliť do viacerých tematických kategórií, pričom najproduktívnejšia je tá, ktorá sa vzťahuje na sféru každodenného života. Analýza diel umožňuje vyčleniť niekoľko skupín rusizmov (Telechova, 2002):

- 1) Názvy jedál: *blini, bortch, kacha, kwass, pirojki, pirog, chtchi, kissel*;
- 2) Tradičné ruské odevy: *sarafane, kokochnik, onoutchi, lapti*;
- 3) Spoločenské vrstvy a administratívny aparát starého Ruska: *tchinovnik, khrestianié, moujik, Zemski Sobor, zemstvo, Douma*;
- 4) Staré dĺžkové miery: *verste, archine, sajène*;
- 5) Nadprirodzené bytosti ruských legiend a povier: *vodianoi, roussalki, viédmy, baba-Yaga, domovoï*
- 6) Pojmy z oblasti pravoslávnej cirkvi: *pope, popadia, diacone*;
- 7) Prezývky: *douratchok, Nemka, batiouchka, matouchka*;
- 8) Názvy novín, časopisov, ulíc, divadiel a i.: *Sovremennik, Rousskoïe slovo, Millionaïa, Tverskaïa, Maly Théâtre*;
- 9) Toponymá: *Tsarskoïe Selo, Niemetskaïa Sloboda, Galerny Ostrov*;
- 10) Ruské zvyky: *smotriny*.

Je dôležité poznamenať, že ako kľúčový štylistický prvok autor využíva predovšetkým jednotlivé slová, ktoré z ruského jazyka transkribuje a zapisuje kurzívou. Takýto zásah do francúzskeho textu nepôsobí na cieľového recipienta rušivo a neznižuje plynulosť textu. Častým používaním jednotlivých slov autor zdôrazňuje význam opisovaných predmetov, ktoré hrajú dôležitú úlohu v každodennom živote ruského národa. Iné štruktúry, ako napríklad slovné spojenia (s výnimkou toponým) alebo celé vety, sa v jeho dielach vyskytujú podstatne zriedkavejšie.

Zaujímavou črtou diel je, že niektoré pasáže vo francúzskom origináli sú v porovnaní s ruským prekladom obsiahlejšie, čo môže byť vysvetlené nasledovnou skutočnosťou. Porovnávaním historických diel vzťahujúcich sa na konkrétne územie sa pri analýze prekladu vo vzťahu k originálu často do popredia dostáva informácia o tom, že poznatky recipienta z prostredia východiskového jazyka budú niekoľkonásobne prevyšovať poznatky recipientov

týkajúce sa danej problematiky v prostredí prijímajúceho jazyka. V danom prípade to ale neplatí. Vychádzajúc z ruských historických skutočností musel autor vystupovať najprv ako prekladateľ, až potom ako spisovateľ. Jeho prvotnou úlohou bolo vyrovnať medzipriestorový faktor medzi ruskou a francúzskou kultúrnou tradíciou, keďže znalostná štruktúra recipienta v prostredí originálu v porovnaní s ruským kultúrnym prostredím výrazne zaostávala.

Ako ilustráciu daných tvrdení je nižšie uvedená časť francúzskeho originálu (Troyat, 2009) spolu s jeho ruským prekladom (Truajia, 2015). Príklad umožňuje porovnať štruktúru textu v oboch jazykoch a demonštruje, ako autor prostredníctvom adaptácie ruskej bezekvivaletnej lexiky sprostredkúva historicko-kultúrnu lexiku francúzskemu čitateľovi. Dodatočné poznámky v ruskom preklade už nie sú potrebné.

FR: *La cuisine russe est très variée et très pesante (1): elle est relevée par le goût de l'ail, de l'oignon et de l'huile de chénevis. A la table des grands, on sert des rôts, des poulets au citron, du chtchi (potage national aux choux), des pâtés – pirog au riz, au poisson – des pirojki aux oeufs, des bliny à la crème, de la kacha (gruau de sarrasin et de millet), du kissel (jus de canneberge épaissi par de la fécule de pomme de terre et sucré), des entremets au gingembre et au miel.*

RJ: Русская кухня разнообразная и тяжелая, с привкусом чеснока, лука и конопляного масла. На стол князьям и боярам подают жаркое и жареную курицу с лимоном, щи, кулебяки с рисом и рыбой, пирожки с яйцами, блины со сметаной, кашу, кисель, сладости с имбирем и медом...

(1): *La plupart des plats en usage au XVIe siècle en Russie sont encore en honneur dans ce pays. La cuisine russe est la plus conservatrice d'Europe.*

Pomenovania jedál predstavujú v rámci bezekvivalentnej lexiky veľmi rozsiahlu skupinu. Je zrejmé, že autor chcel v origináli zachovať aj pôvodné názvy, avšak bez doplňujúcich informácií by išlo len o prázdne slová bez obsahu. Pri preklade takmer každej jednotky bola použitá kombinovaná renominácia (kombinácia transkripcie a opisu) (Zorivčák, 1989), v dvoch prípadoch len samotná transkripcia.

- *du chtchi (potage national aux choux)* – šči (národná kapustová polievka);
- *des pâtés – pirog au riz, au poisson* – pečivo s náplňou; *pirog* s ryžou alebo rybou;
- *des pirojki aux oeufs* (len transkripcia) – vaječné *pirojki*. Vo výkladovom slovníku Larousse (2011) sa uvádza, že ide o malé pirôžky plnené mäsom, rybou a pod.

· *des bliny à la crème* (len transkripcia) – *bliny* so smotanou. Lexéma bola pri svojom prvom výskyte v texte vysvetlená prostredníctvom poznámky pod čiarou ako pomenovanie druhu palacínok. Ďalej v texte sa už uvádza iba v transkribovanej podobe.

· *de la kacha (gruau de sarrasin et de millet)* – *kaša*; pšenično-pohánková zmes. Daná jednotka tiež figuruje vo výkladovom slovníku Larousse (2011) s poznámkou, že ide o ruskú kuchyňu.

· *du kissel (jus de canneberge épaissi par de la fécule de pomme de terre et sucré)* – *kissel*; (sladený brusnicový nápoj zahustený zemiakovým škrobom).

V súvislosti s ruskou kuchyňou sa v poznámke pod čiarou tiež uvádza, že ide o najtradičnejšiu kuchyňu v Európe. Väčšina jedál konzumovaných v Rusku v XVI. storočí je v tejto krajine v obľube dodnes.

Analýza diel ukazuje, že tvorba Henri Troyat predstavuje významný most medzi ruskou kultúrnou tradíciou a francúzskym literárnym prostredím 20. storočia. Autorove diela, hoci písané výlučne vo francúzštine, zachovávajú a sprostredkujú ruské historicko-kultúrne reálie. Kombináciou zvolených metód vznikali texty, ktoré boli pre francúzskeho čitateľa vo väčšine prípadov nielen pochopiteľné, ale v mnohých smeroch vzhľadom na množstvo kultúrne špecifickej lexiky, intratextových a extratextových poznámok tiež obohacujúce. Biografie a historické romány sú zároveň dôkazom toho, že autorova znalosť ruštiny a kultúrneho kontextu mu umožnila prístup k originálnym prameňom, ktoré by francúzsky čitateľ inak nemohol poznať. Často využívaná prekladateľská metóda kombinovanej renomíacie zabezpečila, že ruské reálie boli vo francúzskych origináloch zachované bez narušenia plynulosti textu. Diela sa tak stali autentickým a efektívnym sprostredkovateľom ruskej kultúrnej pamäti vo francúzskom kontexte. Celkovo možno konštatovať, že Henri Troyat predstavuje jednu z najvýraznejších osobností, ktorým sa podarilo prepojiť dva odlišné jazykovo-kultúrne svety.

Zoznam literatúry

Le petit Larousse illustré. Paris: Larousse, 2011. 1811 s. ISBN 978-2035840882.

PAUL, R. 2010. *Témoignages d'écrivains sur la langue française (première partie)*. Online. Dostupné na: <https://artsrtlettres.ning.com/profiles/blogs/temoignages-decrivains-sur-la-1> [cit.02.02. 2026].

TELECHOVA, R. I. 2002. *Frontières et rêveries des origines dans l'œuvre d'Henri Troyat*. Toulon. Thèse de Doctorat. Université du Sud Toulon Var. Faculté des lettres et sciences humaines.

- TROYAT, H. 2009. *La Grande Histoire des Tsars*. Paris: Omnibus, 928 s. ISBN 978-2258076969.
- ЗОРИВЧАК, Р. П. 1989. *Реалія і переклад (на матеріалі англомовних перекладів української прози)*. Львів: Видавництво Львівського університету, 216 s. ISBN 5-11-000864-7.
- ТЕЛЕШОВА, Р. И. 2013. *Русский язык в жизни и творчестве Анри Труайя*. In: Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. №6 (16), с. 129 – 139. ISSN 2226-3365.
- ТРУАЙЯ, А. 2005. *Моя столь длинная дорога*. Москва: Эксмо, 320 с. ISBN 5-699-12013-0.
- ТРУАЙЯ, А. 2015. *Иван Грозный*. Санкт-Петербург: Амфора, 222 с. ISBN 978-5-367-03380-9.
- ЦИНТУЛА, И. 2023. *Октябрьская революция 1917 года как культурный перелом в публицистике М. Горького и И.С. Шмелева*. Москва: Филологические науки, № 6. с 101 – 107. ISSN 2310-4287.

Natália Sadivová

PhDr., PhD.

Inštitút rusistiky

Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove

17. novembra 3724/15, 080 01 Prešov, Slovensko

Institute of Russian Studies

Faculty of Arts, University of Presov

17. novembra 3724/15, 080 01 Presov, Slovakia

E-mail: natalia.sadivova@unipo.sk

ORCID ID: 0000-0002-2946-0743

ADAPTÁCIA RUSKEJ DRÁMY NA SCÉNE SLOVENSKEHO NÁRODNÉHO DIVADLA (MAXIM GORKIJ – VASSA)

Marianna Figedyová

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta, Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave
Trnava, Slovensko

Anotácia: Štúdia analyzuje divadelnú adaptáciu hry *Vassa Železnovová* Maxima Gorkého uvedenú v Slovenskom národnom divadle v roku 2024 v réžii Ingrid Timkovej a skúma jej kultúrno-spoločenské implikácie v kontexte súčasnej slovenskej spoločnosti. Metodologicky vychádza z kvalitatívnej interpretačnej analýzy inscenácie, komparácie pôvodného dramatického textu s inscenačnou úpravou a aplikácie Pavisovho modelu presýpacích hodín a mlynu na proces kultúrneho transferu. Pozornosť sa sústreďuje na aktualizčné stratégie, redukciu ruského historického a sociálneho kontextu, univerzalizáciu priestoru i času a zvýraznenie motívov násilia, korupcie a rozpadu rodinných vzťahov. Výsledky ukazujú, že inscenácia zámerne oslabuje pôvodnú kultúrnu špecifickosť a smeruje k nadnárodnej čitateľnosti, čím balansuje medzi transformačným modelom presýpacích hodín a deštruktívnym modelom mlynu. Záver konštatuje, že napriek výrazným adaptačným posunom zostáva zachované jadro Gorkého kritiky morálneho úpadku spoločnosti a víťazstva telesnosti nad duchovnosťou, pričom inscenácia reflektuje aktuálne spoločenské skúsenosti publika a otvára etickú diskusiu o násilí, moci a zodpovednosti. Uvedenie diela v prvej slovenskej scéne zároveň potvrdzuje jeho trvalý interpretačný potenciál a význam pre súčasný kultúrny dialóg. Štúdia tak prispieva k reflexii možností súčasnej divadelnej adaptácie klasického textu v globalizovanom kultúrnom prostredí. Zároveň poukazuje na potrebu transparentného označovania autorskej adaptácie v repertoárovej praxi divadla. Tým rozširuje diskurz o vzťahu medzi tradíciou a aktualizáciou dramatického dedičstva dnes.

Kľúčové slová: divadelná adaptácia, kultúrny transfer, aktualizácia klasiky, Maxim Gorkij, Vassa.

ADAPTATION OF RUSSIAN DRAMA ON STAGE AT THE SLOVAK NATIONAL THEATRE (MAXIM GORKY – VASSA)

Abstract: The study analyzes the theatrical adaptation of Maxim Gorky's play *Vassa Zheleznova* staged at the Slovak National Theatre in 2024 and examines its cultural and social implications within the context of contemporary Slovak society. Methodologically, it is based on qualitative interpretive analysis of the production, comparison of the original dramatic text with the stage adaptation, and application of Pavis's hourglass and mill models to the process of cultural transfer. Attention is focused on strategies of actualization, the reduction of the Russian historical and social context, the universalization of space and time, and the intensification of motifs of violence, corruption, and the disintegration of family relationships. The findings indicate that the production deliberately weakens the original cultural specificity and moves toward transnational readability, thus balancing between the transformative model

of the hourglass and the destructive model of the mill. The conclusion states that, despite significant adaptive shifts, the core of Gorky's critique of moral decay and the triumph of corporeality over spirituality remains preserved, while the staging reflects the audience's current social experience and opens an ethical discussion on violence, power, and responsibility. The presentation of the work on the leading Slovak stage confirms its lasting interpretive potential and relevance for contemporary cultural dialogue. The study also highlights the need for transparent labeling of authorial adaptation in theatrical repertory practice today.

Keywords: theatrical adaptation, cultural transfer, actualization of the classic, Maxim Gorky, Vassa.

Kultúra formuje a mení spoločnosť, má silu stavať mosty ponad hranice a prekonávať čas. Hodnotenie kvality kultúry a umenia predstavuje komplexnú tému, ktorá v sebe zahŕňa široko rozvetvenú množinu subtém dotýkajúcich sa umeleckých a estetických, spoločenských, ekonomických, politických či etických otázok (Timčíková, 2024).

Výraznou časťou kultúrneho dialógu je divadlo, ako realizácia jedného z troch literárnych druhov. Prostredníctvom naštudovania divadelnej hry má relatívne veľká skupina divákov možnosť zdieľať hodnotový odkaz tvorcu a jeho doby. V súčasnej slovenskej kultúre, má osobité postavenie literatúra Sovietskeho zväzu, ktorá je stále ostrakizovaná. O to intenzívnejšie je potrebné vnímať zaradenie diela Maxima Gorkého do repertoára Slovenského národného divadla a oceniť snahu znovu naštudovať hru tohto obdobia s výrazným presahom do hodnotového systému dnešnej slovenskej spoločnosti. *Gorkého tvorba, smerujúca od neoromantických počiatkov k neorealizmu, bola ex post sovietskym režimom interpretovaná a označovaná za východisko umeleckej metódy socialistického realizmu* (Eliáš, 2016).

Podľa prieskumu popularity spisovateľov, russianbookchamber, zameranom na počet publikácií v Rusku za obdobie 1917-2012 obsadil M. Gorkij (1868 – 1936) tretie miesto po A.S. Puškinovi a L.N. Tolstom. Tento významný spisovateľ, bol päťkrát nominovaný na Nobelovu cenu, no ani raz ju nezískal. Ako jedinému v histórii mu bola trikrát udelená cena Gribojedova za drámy (*Меценат* – *Meštiaci* 1903, *На дне* – *Na dne* 1904, *Васса Железнова* – *Vassa Železnovová* 1912 – prvá redakcia). Bol osobnosťou, ktorej Lenin dovolil žiť na Capri a ktorú Stalin už nepustil z moskovskej zlatej klietky, no neskôr osobne niesol jeho rakvu ku kremel'skej stene.

Gorkij ovplyvňoval i českú a slovenskú kultúru, podčiarkuje to i ten fakt, že s týmto mysliteľom, sa stretol prvý československý prezident Tomáš Garrigue Masaryk. Podľa

Sociologickej encyklopedie: „Protikladem „ruské dekadence“ je Masarykovi Gorkij (včetně Matky, v níž dnes vidíme socialistický realismus), jehož stavěl dokonce nad Čechova. Masaryk tedy rozuměl velice dobře „přechodnímu období“, jež se označuje jako „nálada konce století“, a dovedl ji dobře postihnout stejně tak na klasikovi německé filosofie, jako na velkých dílech literatury ruské“ (Nešpor, 2024, online).

Reflexia na tvorbu Gorkého sa v slovenskom časopise Hlas objavila v roku 1901, už vtedy bol považovaný za výrazný inšpiračný zdroj pre slovenských realistov (Kusá, 2017). No pre bežné slovenské publikum dielo tohto autora v novodobej histórii takmer zapadlo prachom. Inscenácie Gorkého hier boli podľa štatistík Divadelného ústavu po roku 1989, kedy nastala zmena spoločenského zriadenia, len štyri a všetky v menších divadlách: 2-x *Meštiaci* - Slovenské komorné divadlo 2016, Astorka 1998, 2-x *Na dne* Divadlo Alexandra Duchnoviča 2008, Slovenské komorné divadlo 1998. Do súčasných učebných osnov základných a stredných slovenských škôl sa spisovateľ, ktorého predchádzajúca generácia poznala najmä ako zakladateľa socialistického realizmu a autora románu *Matka*, nedostal a tak nečudo, že sa meno Gorkij z bežného povedomia dnešných Slovákov vytráca.

O to väčší záujem priaznivcov ruskej kultúry vyvolala premiéra Slovenského národného divadla, ktorá sa uskutočnila 2. júna 2024 s názvom *Vassa*. Gorkij napísal divadelnú hru *Vassa Železnovová* dva krát. Prvý krát v roku 1910, s podtitulom *Matka*, a následne na žiadosť riaditeľ druhého MXAT-u vytvoril pozmenené dielo s rovnakým názvom v roku 1935, ktoré podľa slov kritiky malo odrážať zmenenú spoločensko-politickú situáciu. Druhá verzia hry *Vassa Železnova* je posledným dokončeným dielom spisovateľa. Jej premiéry sa autor však už nedožil, preto môžeme pokladať toto dielo z istého pohľadu za nezavŕšené. *Vassa Železnovová* ako posledné dokončené dramatické dielo prvého predsedu zväzu socialistických spisovateľov je širšej verejnosti pomerne dobre známe, bolo dvakrát sfilmované v réžii Leonida Lukova 1953 a v roku 1983 pod režijným vedením Gleba Panfilova.

Réžie sa pre potreby SND ujala Ingrid Timková, ktorá sa rovnako ako Panfilov rozhodla pre skrátený názov drámy – *Vassa*. Prepracovala pôvodnú druhú verziu hry z trojdejstvovej na jednoaktovku. Opierala sa o preklad Jána Ferencíka (1980). Význam F. prekladateľskej činnosti v oblasti ruskej literatúry na Slovensku spočíva v interakcii teoretického uvažovania o preklade s aktívnou prekladateľskou činnosťou, pozostávajúcou z desiatok prekladov ruskej poézie, prózy a drámy, ktoré sa stali trvalou súčasťou slovenského kultúrneho vedomia (Kovačičová, Kusá, 2015). Divadelná úprava čerpá i z aktualizovaného českého preklad Leoša Suchařípu (1982), no jazyk hry v 2024 roku je v značnej miere

posunutý do krajnej vulgarizácie a výrazne prispieva k zvyšovaniu napätia na javisku. Vulgárnosť hry vnímane ak aktualizáciu stratégiu. „K dominujúcim aktualizacným stratégiám možno zaradiť intenzifikovanie vnímania, emócií, empatie, imaginácie a myslenia. Poznanie a interpretáciu akčného umenia komplikujú popri mnohostrannosti jeho druhu aj intermediálne presahy a tiež historická premenlivosť jednotlivých foriem a rozkolísanosť pojmov“ (Kušnířová, 2023, online).

Divadelná adaptácia

Režisérka Ingrid Timková sa vysporiadala s uvedením hry cestou adaptácie. Tento fakt však nebol vyjadrený. Zvykne sa tak diať v divadelných letákoch, podtitule, či uvedením mena režiséra v autorskom tandeme. Adaptačný posun bez upozornenia môže viesť k rozčarovaniu obecnstva znalého tvorbu Gorkého.

Plnohodnotné prijatie umeleckého diela v novej kultúre, v našom prípade v divadelnom prostredí zabezpečuje adaptácia. Adaptáciu vnímame v súlade s modelom presýpacích hodín alebo mlynu P. Pavisa. Model presýpacích hodín, keď je transfer kultúrnych informácií úspešný a naopak model mlynu, keď sa výrazným spôsobom oslabí pôvodný autorský zámer. V procese adaptácie pôvodná informácia z vysielajúcej kultúry (tu divadelná hra) prechádza cez adaptačné vrstvy, pripomínajúce lievnik a zhromažďuje sa v spodnej miske prijímajúcej kultúry.

Pričom je kľúčové, rozdeliť jednotlivé vrstvy umeleckého diela do bodu zúženého transferu – patriace vysielajúcej kultúre, predstavujúce hornú časť presýpacích hodín a spodnú časť predstavujúcu znovu modelovanie umeleckého diela v prijímajúcej kultúre.

Hornú časť lievika predstavuje kultúrne a umelecké modelovanie zobrazenej látky. Čo je podmienené i hĺbkou znalostí o vysielajúcej kultúre. Dôležitú úlohu rovnako zohráva perspektíva adaptátorov, príprava hercov a výber konkrétnej divadelnej formy. Najvyššiu, časť adaptačného divadelného lievika predstavuje samotné divadelné predstavenie, počas ktorého dochádza k interakcii s obecnstvom. Spodnú časť presýpacích hodín predstavuje (znovu) čitateľnosť diela. Stav počas ktorého obecnstvo prostredníctvom sociologického, antropologického a kultúrneho (znovu)modelovania zobrazovanej udalosti dospelo k autentickému umeleckému zážitku.

„Presýpacie hodiny predstavujú dve riziká. Ak sú len mlynom, zmiešajú zdrojovú kultúru, zničia všetky jej špecifiká a do spodnej misky vypadne inertná a deformovaná látka, ktorá stratila svoj pôvodný tvar, bez toho aby bola pretvorená na cieľovú kultúru. Ak sú len

lievikom, bez rozdielu absorbujú pôvodnú látku bez toho, aby ju pretvorili prostredníctvom série filtrov alebo zanechali akúkoľvek stopu pôvodnej látky“ (Pavis, 1992, s. 5).

Presýpacie hodiny či mlyn

SND neprináša divákovi hru, ktorá by podčiarkovala ruské reálie, práve naopak pracuje s aktualizáciou a zovšeobecnením, do takej miery, že krajina pôvodu zostáva neznáma. Slovenský divák sa môže dokonale stotožniť s priestorom a časom a dejom – korupcia, úpadok, beznádej. Z hry (dokonca i z názvu) boli odstránené nie len mená po otcovi – typický príznak pôvodu, ľahko rozpoznateľný pre slovenského diváka, ale aj priezviská, ktoré by naznačovali ruský pôvod. Jediná postava, ktorej nebolo odobraté jej priezvisko je Vassina nevesta Ráchel Topazová. Vassine dcéry, tajomníčka s slúžka majú v hre krstné mená. Takéto stieranie identity je ešte vypuklejšie v zobrazení mužských postáv, ktoré sú uvedené len príslušnosťou k Vasse: Vassin muž, Vassin brat, nápadník Vassinej dcéry či Denser – tanečník.

Scéna je dokonale vyprázdnená, pôsobí až sterilne, nenachádza sa na nej žiaden prvok poukazujúco na Rusko. Divák nedostane žiadnu indíciu, ktorá by poukazovala na bohatstvo, politickú, sociálnu, či akúkoľvek inú príslušnosť celej rodiny, či niektorého z jej členov. Celý mobiliár tvorí stena neutrálnej farby prechádzajúca do oblúka po celej svojej dĺžke, ktorý sa využíva ako priestor na sedenie.

Vassina nevesta Ráchel prišla zo Švajčiarska, hovorí sa o švajčiarskom pase, nie je však uvedené, kam sa vrátila, do akej krajiny, mesta a ani času. Vrátila sa v čase nepokoja, korupcie a s revolučnými názormi. *Nie len môjho syna, ale aj vnuka chceš ťahať medzi tých pomedených ľavičiarov. Nedám ti ho! (Vassa k Ráchel).*

Vassa, ako aj celý jej dom – jej firma, biznis (v podaní hry 21. storočia) je napojená na existujúci spoločenský systém a pomocou peňazí (v krajine v ktorej je to možné a s ktorou sa obecenstvo môže poľahky stotožniť) manipuluje úradmi, kupuje si mlčanie, či čas na svoje machinácie. Zakrýva zvrhlosť svojho manžela, ktorá sa však neviditeľne rozplýva po celom okolí. Jej manžel je obvinený zo zneužívania detí a Vassa vo svojom hodnotovom nastavení pokladá za správne urobiť všetko preto, aby na ich rodinu nepadlo verejné obvinenie. Nabáda svojho muža k samovražde. Donesie mu prášok – jed, aby neohrozila spoločenské postavenie dcér na sobášnom trhu.

Kumulovanie zvrhlosti a negatívnej energie vidno po smrti manžela. Vassa kráča po známej ceste vydláždenej úplatkami a v dome nasleduje rýchly pohreb bez pitvy. Takto zo scény – zo života odchádza majiteľ závodu, zvrhlík a násilník. No následne je obecenstvo

konfrontované so správou o smrti mladej slúžky, ktorá rovnako zomrela záhadným spôsobom, potom ako bola zneužívaná bratom Vassi. Táto smrť mladej ženy však nevyzve žiadne zvedavé otázky. Vo všeobecnosti zapadá do konceptu hry, v ktorej si možno kúpiť všetko, miesto v úrade, či v štátnej správe, postavenie, či dobré meno – aj po smrti.

Smrť je v hre neustále prítomná, ale – akoby smrti niet. V celej zvrátenosti sa ukáže až na záver. Vassa zomiera na scéne, v pôvodnej hre zomiera na základe srdcového, či mozgového infarktu. Na scéne Slovenského národného divadla je v stave paralýzy znásilnená nápadníkom mladšej dcéry, ktorý bol v inscenácii vydržiavaný v dome ako gigolo. Takýmto spôsobom sú akoby znázornené všetky obete násilia a smrť v dome veľkopodnikateľov.

Takáto adaptácia divadelnej hry je súčasná, otvorená a surová. Ponúka obraz rodiny, ktorá sa vyčerpala zo všetkých hľadísk, nenájdeme v nej jediný zdravý vzťah medzi manželmi, súrodencami, rodičmi a deťmi a už vôbec nie medzi cudzími ľuďmi. Najpriateľskejší, najotvorenejší vzťah je medzi Vassou a Ráchel a i svoju nevestu Vassa udá, lebo sa nechcela prispôbiť jej obrazu života.

Hra *Vassa* nebola v SND prijatá bezvýhradne s nadšením. Rozhodne sa nejedná o verné prerozprávanie dialogických scén a obrazov Gorkého z roku 1910, ani z roku 1935. V hre nastali výrazné posuny, aktualizácie a úpravy. No práve takéto spracovanie vypovedá o nadčasovosti tohto diela. Otázka rozvratu vzťahov v rodine a bezcieľnosti existencie ľudí, ktorí mínajú cudzie peniaze nestráca na svoje aktualite ani dnes. Gorkij rozložil rozpad kapitalistickej rodiny do troch dejstiev, z ktorých má každé svoju vlastnú smrť v prvom v podobe násilníka (Železnova). Druhé dejstvo zahŕňa takmer nespozorovanú smrť slúžky. V treťom dejstve zomiera sama Vassa – majiteľka a riaditeľka. Z tohto pohľadu možno vnímať hru aj ako hru o smrti, ktorú inscenačné spracovanie v Slovenskom národnom divadle doviedlo do krajnosti rozpadu. V jednom dejstve je zobrazený absolútna ničota hodnotového systému. Vassa, ktorá nesie záťaž rodiny, fabriky, spoločnosti na svojich pleciach, túži po uznaní, ktoré je pre ňu dôkazom moci, zomiera pri znásilnení. Zomiera preto, lebo zatvárala oči pred morálnym úpadkom svojich najbližších.

V adaptácia SND sa zmenila od pôvodnej divadelnej hry mnohé. Zachovala však to najpodstatnejšie víťazstvo tela nad duchom, tak ako vnímal túto rodinu aj sám Gorkij „*Nižnij Novgorod – mesto kupcov, o ktorom sa hovorí: „Domy sú kamenné, ľudia železný“.* Vo svojich úvahách o hre... Život „železných“ sa mi javil ako nočná mora, ich život, v jeho hlavnom napätí, sa zúžil na drámu „boja tela s duchom“. Telo krmili masťnými jedlami, pečienkami, koláčmi, polievali vedrami čaju, kvasu a vína, vyčerpávali ho bohatou

starostlivosťou o „pokračovanie rodu“, krotili pôstom, spútavali reťazami povinností, a ono sa podriadovalo „duchu“ desať, dvadsať rokov... (Gorkij, 1935).

Fyzické násilie má svojho predchodcu a tým je psychické násilie vyjadrené okrem iného aj hrubým a vulgárnym slovníkom, ktorý nekorešponduje s originálom divadelnej hry a ani s prekladmi na ktoré sa autori adaptácie odvolávajú. *Vassa* nepatrí medzi ľahké ani ľúbivé predstavenia. Patrí však medzi tie hry, ktoré nútia diváka zamyslieť sa nad stavom spoločnosti v ktorej žijeme. Gorkij vo svojej poslednej divadelnej hre podával obraz spoločnosti rozpracovanej v mikropriestore jednej rodiny. V inscenácii je detailne preukázaný aj prerod z obete na násilníka. Celé spoločenstvo Vassinej rodiny je vybudované na ženách, najmä na Vasse a muži na nej len parazitujú. Efektom snehovej gule sa však násobí zlo a zhýralosť. Zo zločinov, ktoré neboli zastavené a pomenované včas sa stala živná pôda pre ďalšie zločiny. Vassina smrť je jediná viditeľná, vulgárna, strašná. Kumulované násilie dosiahlo vrchol. A divák si právom kladie otázku, mal toto zlo niekto silu zastaviť? Dráma *Vassa* v divadelnej interpretácii Ingrid Timkovej hovorí o slovenskej spoločnosti dnešných dní. Bola vytvorená pre spoločnosť, ktorej netreba vysvetľovať, čo je to úplatok, rodinkárstvo, ako sa problémy zametajú pod koberec. Je strašné vidieť, kam nás takéto správanie môže priviesť.

Na otázku, či adaptácia hry *Vassa* bola pre diváka v SND spracovaná formou presýpacích hodín, alebo mlynu, nie je ľahké odpovedať. Ako presýpacie hodiny môžeme vnímať zobrazenie rodinných väzieb, ktoré sú deštruktívne v pôvodnej i v prijímajúcej kultúre. Rodina sa namiesto bezpečného prístavu mení na nepriateľské a zákerné miesto. Ako ničiaci mlyn pôsobí adaptácia z pohľadu sprostredkovania autenticity ruského koloritu. Pričom však nemožno ani tvrdiť, že by bola dráma jednoznačne ukotvená v slovenskom kultúrnom prostredí. Takýmto spôsobom, zrejme úmyselne, režisérka pracovala s globalizáciou témy zániku rodiny a rodinných väzieb. Z nášho pohľadu je pozitívne, že sa dielo Maxima Gorkého po dlhom čase opäť hrá v činohre prvej slovenskej scény, bolo by však vhodné súčasné spracovanie ponúkanej hry označiť ako autorská adaptácia na motívy hry *Vassa Železnovová*.

Zoznam literatúry

- ELIÁŠ, A., BABIAK, M. 2016. *Podoby ruského umenia 19. a 20. storočia*. Bratislava: Univerzita Komenského.
- GORKIJ, M. 1935. *Vassa Železnovová hra v troch dejstvách* (premiéra 26. januára 1951). Bratislava: SND.
- GORKIJ, M. 1980. *Vassa Železnovová*. Bratislava: Lita.
- GORKIJ, M. 2024. *Vassa*. Bratislava: SND.

- GORKIJ, M. 2025. *Vassa Zheleznova. Primechaniya*. Online. Dostupné na: <https://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pesy/vassa-zheleznova/vassa-zheleznova-primechaniya.htm> [cit. 2026-04-02].
- KOVAČIČOVÁ, O., KUSÁ, M. 2015. *Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry 20. storočia A-K*. Veda, SAV.
- KUSÁ, M. 2017. *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015*. Veda, SAV.
- KUŠNÍROVÁ, E. 2023. *Estetika performatívneho umenia: zložky performancie optikou aktuálnej teórie*. Online. Dostupné na: https://www.sav.sk/?lang=sk&doc=journallist&part=article_response_page&journal_article_no=31579 [cit. 2026-04-02].
- NEŠPOR, Z. R. 2024. *Sociologická encyklopedie. Sociologický ústav AV ČR*. Online. Dostupné na: https://encyklopedie.soc.cas.cz/w/Masaryk_Tom%C3%A1%C5%A1_Garri gue [cit. 2026-04-02].
- PAVIS, P. 1992. *Theatre at the Crossroads of Culture*. London, New York: Routledge.
- Тас. 100 русских писателей. Online. Dostupné na: <https://russianbookchamber.blogspot.com/p/russkie-pisateli-klassiki.html> [cit. 2026-04-02].
- TIMČÍKOVÁ, Z. 2024. *Komplexnosť v prístupe k hodnoteniu kultúry a umenia. Od teórie k významu výskumu divadelného publika*. Online. Dostupné na: <https://www.sav.sk/journals/uploads/12190950Tim%C4%8D%C3%ADkov%C3%A1.pdf> [cit. 2026-04-02].

Marianna Figedyová

PaedDr., PhD.

Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovenská republika

University of Ss. Cyril and Methodius

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

E-mail: marianna.figedyova@ucm.sk

ORCID: 0000-0002-1221-6496

RUSKÁ EMIGRÁCIA NA SLOVENSKU

Terézia Seresová

Katedra slovanských jazykov a interkultúrnej komunikácie, Fakulta aplikovaných jazykov
Ekonomická univerzita v Bratislave
Bratislava, Slovensko

Abstrakt: Príspevok sa zameriava na vývoj ruskej emigrácie na území dnešnej Slovenskej republiky v širšom historickom a geopolitickom kontexte. Emigrácia z Ruska je chápaná ako dlhodobý sociálny fenomén, ktorého príčiny sa v priebehu 20. a začiatku 21. storočia opakovane menili v závislosti od politických, ekonomických a bezpečnostných okolností. Text analyzuje jednotlivé vlny ruskej emigrácie od obdobia po roku 1918, cez medzivojnové Československo a obdobie socialistického režimu, až po súčasnú situáciu po roku 1991. Osobitná pozornosť je venovaná postsovietskej emigrácii a jej štrukturálnym charakteristikám na Slovensku. Cieľom príspevku je identifikovať zmeny v početnosti, sociálnej a vzdelanostnej štruktúre ruských emigrantov na území Slovenskej republiky a poukázať na hlavné geopolitické udalosti, ktoré tieto migračné toky ovplyvňovali. Metodologicky príspevok vychádza z analýzy údajov Hraničnej a cudzineckej polície SR, Ústredia práce, sociálnych vecí a rodiny, ako aj zo sekundárnej analýzy domácich a zahraničných vedeckých zdrojov. Výsledky naznačujú, že súčasná ruská emigrácia na Slovensku je charakteristická vysokým podielom vysokoškolsky vzdelaných migrantov, relatívne úspešnou integráciou a rastúcim významom Slovenska ako alternatívnej cieľovej krajiny migrácie.

Kľúčové slová: Emigrácia, Ruská federácia, odliv mozgov, Slovensko.

RUSSIAN EMIGRATION IN SLOVAKIA

Abstract: The paper focuses on the development of Russian emigration in the territory of today's Slovak Republic in a broader historical and geopolitical context. Emigration from Russia is understood as a long-term social phenomenon, the causes of which changed repeatedly during the 20th and early 21st centuries depending on political, economic, and security circumstances. The text analyzes the individual waves of Russian emigration from the period after 1918, through interwar Czechoslovakia and the period of the socialist regime, to the current situation after 1991. Special attention is paid to post-Soviet emigration and its structural characteristics in Slovakia. The aim of the paper is to identify changes in the number, social and educational structure of Russian emigrants in the Slovak Republic and to highlight the main geopolitical events that influenced these migration flows. Methodologically, the paper is based on an analysis of data from the Border and Foreign Police of the Slovak Republic, the Central Office of Labor, Social Affairs and Family, as well as a secondary analysis of domestic and foreign scientific sources. The results indicate that current Russian emigration to Slovakia is characterized by a high proportion of university-educated migrants, relatively successful integration, and the growing importance of Slovakia as an alternative destination country for migration.

Keywords: Emigration, Russian federation, brain-drain, Slovakia.

Úvod

Emigrácia z ruského územia ako forma odpovede na politické zmeny a rozhodnutia vládnuccich elít má dlhú tradíciu. Už v období cárskej monarchie, a neskôr počas sovietskeho totalitného režimu, odchádzali na Západ nielen intelektuáli a vzdelanci, ale aj tí, ktorí si to mohli z ekonomického hľadiska dovoliť. Medzi motívy odchodu ruských občanov vedecká komunita zaraďuje: politické prenasledovanie, ekonomický stav domácností a jednotlivcov, sociálne napätie či etnické a národnostné konflikty. Tieto uvedené faktory sa v priebehu dejín opakujú a v mnohých ohľadoch sú porovnateľné so súčasným stavom ruskej emigrácie. Po rozpade Sovietskeho zväzu nastala nová etapa migrácie. Zrušenie obmedzení pohybu a prijatie zákona o vstupe a výstupe v roku 1991 umožnili slobodnejšie cestovanie a výrazný nárast emigrácie v 90. rokoch. V období 1991–2014 opustilo Rusko približne 4,9 milióna občanov, pričom približne dve tretiny smerovali do krajín bývalého ZSSR; súčasne však značná časť emigrantov zamierila do štátov ako Nemecko, USA či Izrael, ktoré v rámci svojej imigračnej politiky preferovali prijímanie osôb na základe národnostnej príslušnosti. Odborná literatúra charakterizuje obdobie 1990–2000 ako dynamické a štruktúrne neustálené, s migráciou, ktorá sa rýchlo menila a prispôbovala novým geopolitickým a ekonomickým podmienkam (Stratfor, 2019). Konferenčný príspevok je rozdelený do dvoch častí. Prvá časť približuje ruských emigrantov na dnešnom území SR od pádu cárskeho režimu až po pád Sovietskeho zväzu. Druhá časť sa zameriava na ruskú emigráciu po roku 1991 až po súčasnosť. Príspevok si dáva za cieľ, za pomoci analýzy údajov z cudzineckej polície a údajov, ktoré sú zverejnené v zahraničných, ale aj domácich vedeckých publikáciách identifikovať stav ruskej emigrácie na území Slovenska. Akým spôsobom sa menil stav ruskej emigrácie na území Slovenska, aké geopolitické udalosti ho ovplyvňovali a či súčasní ruskí emigranti na území SR predstavujú vysokokvalifikovaných odborníkov (Seresová, 2020).

Ruská emigrácia po roku 1918

Hoci celkový počet obyvateľov pôvodom z Ruska s dlhodobým pobytom na území Slovenska nie je veľký, z pohľadu Slovenska je Rusko podľa počtu imigrantov štvrtým najväčším zdrojovým štátom v kategórii štátov mimo Európskej únie. Na rozdiel od migrácie medzi východom a západom, dochádzalo k migrácii medzi Československom a Sovietskym zväzom už pre rokom 1989. Novodobá migrácia Rusov smerom na dnešné územie Slovenska siaha do začiatku 20. rokov 20. storočia.

Ruské dejiny 20. storočia prešli hlbokými a často turbulentnými zmenami, ktorých súčasťou boli aj viaceré vlny emigrácie. Prvá významná vlna začala po roku 1918 a jednou z

cieľových destinácií v Európe sa stalo aj Československo. Podľa dobových odhadov prichádzalo do ČSR rádovo niekoľko desiatok tisíc emigrantov (odhady sa pohybujú okolo 15 – 20 tisíc), pričom osobitnú úlohu zohrávala Praha ako centrum politickej, kultúrnej a vzdelávacej aktivity emigrácie. Skutočnosť, že mnoho Rusov pochádzalo z radov intelektuálov a vysokoškolských pedagógov, sa prejavila v zakladaní rôznych kultúrnych a vzdelávacích inštitúcií.

Ruská pomocná akcia bola v roku 1921 iniciovaná Československou republikou s cieľom poskytovať doplňujúce vzdelanie ruským emigrantom na jej území. Za pomoci finančných prostriedkov a to konkrétne od Ministerstva financií, kancelárie prezidenta štát takýmto spôsobom podporoval ruskú opozíciu. Vychádzal pri tom z predpokladu, že sa bolševická vláda neudrží pri moci a ruskí emigranti, ktorí v tom čase boli najmä odborníci, budú vo svojej krajine potrební. Vychádzame z predpokladu, že práve jazyková blízkosť slovanských jazykov (češtiny a slovenčiny) prispela k atraktivite ČSR ako prijímajúcej krajiny (Tejchmanová, 1993, s. 7).

Československá vláda ponúkla týmto migrantom pomoc, vďaka ktorej mohli o. i. študovať na českých vysokých školách a pokračovať vo svojej vedeckej práci. Dôležitú úlohu v rozvoji ruskej národnostnej menšiny vo vtedajšom Československu zohrávala Ruská národná univerzita v Prahe, založená v roku 1923. Podpora vzdelávania v ruskom jazyku znamenala zvýšený záujem o ruských učiteľov, ktorých štát intenzívne podporoval. S podporou vzdelávania bol prirodzene podporovaný aj kultúrny život ruských migrantov. Viacero osobností z prostredia ruskej emigrácie v medzivojnovom Československu patrilo k intelektuálnej elite a vo svojich aktivitách dosahovali úspechy nielen v československom, ale aj vo svetovom kontexte (Hašková, 2019).

Praha sa stala miestom vzniku viacerých emigrantských organizácií a vzdelávacích inštitúcií na podporu štúdia ruských a ukrajinských študentov v ČSR. Akademická a vedecká obec klasifikuje ruskú emigráciu v tom období na území ČSR ako emigráciu intelektuálov, vedcov a pedagógov (Harbuľová, 2001, s. 22).

Neskôr v období Slovenského štátu pôsobí na území Slovenska približne osem tisíc ruských emigrantov (Tejchmanová, 1993). Po oslobodení územia Slovenského štátu Červenou armádou a následným nástupom komunistického režimu na území dnešného Slovenska sa počet ruských intelektuálov a vedcov znižuje.

Medzi rokmi 1948 a 1989 podporovali migráciu okrem politických podmienok aj iné faktory. Išlo najmä o možnosti štúdia a práce v Sovietskom zväze a naopak, čo sa následne prejavilo vo vytváraní manželských zväzkov medzi ruskými imigrantmi a Slovákmi. Ešte

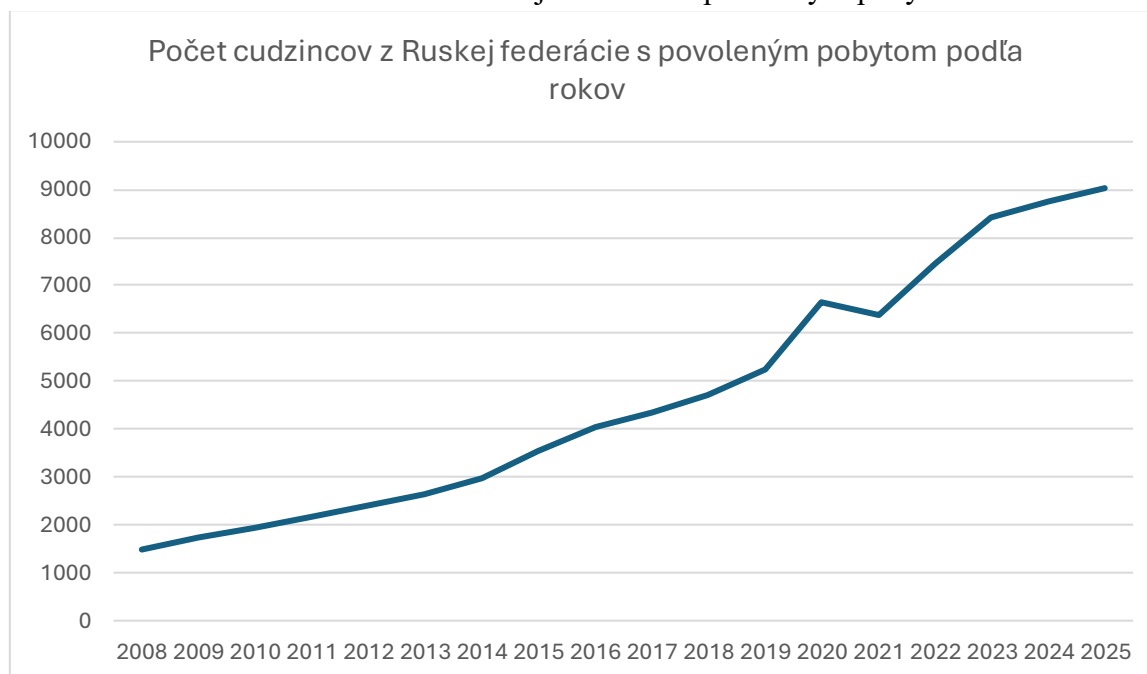
pred kolapsom Sovietskeho zväzu museli z Československa odísť sovietski vojaci. V tomto období sa vo zvýšenej miere uzatvárajú manželstvá slovenských mužov so ženami z areálu bývalého Sovietskeho zväzu, ktoré mali záujem zostať vo vtedajšom Československu. Identifikovať aktérov týchto fingovaných manželstiev podľa príslušností k nástupníckym štátom Sovietskeho zväzu je však dnes mimoriadne komplikované.

Ruská emigrácia po roku 1991

Hoci je Ruská federácia považovaná skôr za cieľový štát migrantov, emigrácia z Ruska nie je žiadnym novým sociálnym fenoménom. 90. roky boli dominantnými pre ruskú emigráciu kedy ruskí židia emigrovali do Izraela, ruskí Nemci do Spolkovej republiky Nemecko alebo ruskí Gréci do Grécka (Krassinets, Tiuriukanova, 2001; Aleshkovski, Grebenyuk, Vorobyeva, 2018). V súčasnej ruskej emigrácii, vedci identifikovali najmä emigrantov s vysokoškolským vzdelaním a vysokokvalifikovaných odborníkov. Podľa Proncheva, Kuznetsovej a Kolodeznikovej (2019) úroveň vzdelania ruských emigrantov presahuje priemernú úroveň vzdelania v Rusku a aj v prijímajúcich krajinách. Medzi cieľové štáty emigrantov z Ruska patria okrem zmieneného Nemecka a Grécka aj iné európske štáty. Nejde pritom vždy len o ekonomicky silné štáty. Aj malé štáty, politicky i ekonomicky menej významné, sa pre niektorých Rusov stávajú cieľovým štátom migrácie. Do skupiny cieľových štátov patrí aj Slovenská republika, aj keď nie v takom rozsahu ako do vyššie uvedených štátov.

Konsolidácia demokracie v priebehu deväťdesiatych rokov, ekonomické reformy, ktoré sa odrazili v náraste domáceho hrubého produktu, ako aj životnej úrovne a napokon aj európska integrácia zmenili pôvodne emigračnú krajinu, akou Slovenská republika bola, na štát zaujímavý aj pre určitú kategóriu migrantov, najmä ekonomických migrantov z bývalých socialistických štátov (Bargerová, Divinský, 2008).

Graf 1: Počet cudzincov z Ruskej federácie s povoleným pobytom na území SR.

Zdroj: Hraničná a cudzinecká polícia.

Ako vyplýva z grafu 1, v ostatných rokoch pozorujeme na Slovensku postupný nárast migrantov z Ruskej federácie. Rast počtu ruských migrantov bol v porovnaní s predchádzajúcim rokom 2019 pomalší, nemožno vylúčiť, že hlavným dôvodom bola pandémia ochorenia COVID-19, keďže aj v roku 2021 pozorujeme pokles migrantov. Najväčší nárast pozorujeme v rokoch 2022-2023. Môžeme predpokladať, že to môže mať súvis so vojenským konfliktom v Ukrajine pozorujeme značný nárast prílevu migrantov z Ruska oproti obdobi rokov 2020-2021. Vojna na Ukrajine, ktorú začala Ruská federácia, prinútila veľa Rusov opustiť krajinu nielen z politických dôvodov na začiatku vojenského konfliktu, ale aj kvôli vyhláseniu čiastočnej mobilizácie, kedy najmä muži (aj s rodinami) utekali pred nasadením.

Viacerí ruskí migranti pochádzajú z radov ekonomickej, intelektuálnej a v neposlednom rade aj športovej elity. V migračných diskurzoch sa často objavuje argument, že migranti sú domácim obyvateľstvom vnímaní ako ekonomická hrozba. Migrantov totiž domáce obyvateľstvo môže vnímať ako konkurenciu na trhu práce alebo ako ľudí odkázaných na systém sociálnej pomoci. Ponuka lacnej pracovnej sily zo strany zahraničných pracovníkov môže mať vplyv na rast nezamestnanosti domáceho obyvateľstva, ale rovnako na pokles priemerných miezd v tých hospodárskych oblastiach, kde je vysoká zamestnanosť zahraničných pracovníkov. Tento argument pozorujeme aj v migračnom diskurze, ak sa diskutuje napríklad o ukrajinských migrantoch (po roku 2022) alebo

o zahraničných pracovníkoch zo Srbska. V kontexte diskurzu o emigrantoch z Ruska táto argumentácia chýba. Mnoho ruských migrantov má totiž dobré ekonomické zázemie. Viacerí ruskí emigranti sú podnikatelia, zakladajú vlastné firmy, čím vytvárajú pracovné miesta aj pre domáce obyvateľstva. Ruskí podnikatelia vyzdvihujú na Slovensku nielen lacné nehnuteľnosti, ale rovnako reštrikčnú azylovú politiku a v neposlednom rade schopnosť dorozumieť sa vo svojom materskom jazyku.

Popri ekonomickej je súčasťou migračných tokov z Ruska aj migrácia intelektuálov, resp. univerzitnej elity. Tento typ migrácie z Ruskej federácie má na Slovensku niekoľko desiatok rokov trvajúcu tradíciu (Harbul'ová, 2019). Vďaka výmenným pobytom a dobrej spolupráci akademických inštitúcií dochádzalo už pred systémovou zmenou v roku 1989 k migračným tokom medzi Sovietskym zväzom a Československom. Tieto toky tejto sa zachovali po roku 1991, po zmene režimu.

Kolektív slovenských autorov (Filadelfiová et al., 2011) prezentoval v roku 2011 výsledky výskumu o migrantoch na slovenskom trhu práce. Z výskumnej vzorky až 70 percent ruských migrantov žijúcich na Slovensku tvorili absolventi vysokých škôl, necelá štvrtina mala absolvovanú strednú školu s maturitou. Podľa tohto výskumu najsilnejším dôvodom výberu Slovenska ako cieľovej krajiny boli priame alebo sprostredkované možnosti pracovného uplatnenia, mnohí migranti z Ruska zostali na Slovensku pracovať po ukončení štúdia na tunajších školách, prácu si na Slovensku hľadajú aj migranti, a hlavne migrantky, ktoré prišli primárne kvôli zjednoteniu alebo založeniu rodiny.

V súčasnosti z údajov Ústredia práce, sociálnych vecí a rodiny vyplýva, že v roku 2025 bolo 70 percent zamestnaných ruských občanov v SR malo vysokoškolské vzdelanie a 20 percent tvorili občania so stredoškolským vzdelaním. V rámci druhu zamestnania najviac ruských občanov pracuje ako špecialista, prípadne v službách a obchode, kam zaraďujeme aj podnikanie; prípadne ako technici a odborní pracovníci (Ústredie práce, sociálnych vecí a rodiny, 2025). Značné množstvo emigrantov z Ruska, žijúcich na Slovensku predstavujú vysokoškolskí študenti.

Legálne prichádzajúcich migrantov pôvodom z Ruska môžeme rozdeliť do štyroch základných skupín: migrantov s podnikateľským zámerom, pracovných migrantov, študentov a migrantov s cieľom zlúčenia rodiny. Rast počtu ruských migrantov žijúcich na Slovensku je spôsobený aj postupnou premenou dočasnej migrácie na dlhodobú. Ide najmä o študentov, ktorí na Slovensku hľadajú po štúdiu ďalšie možnosti uplatnenia. Aj Bajkov (2018) a kolektív upozorňujú, že mladí Rusi, ktorí sa rozhodli študovať v inom štáte, hľadajú po štúdiu ďalšie možnosti, ako zostať v zahraničí na dlhšiu dobu, prípadne na trvalo.

Podľa Rjazanceva (2018) Rusi žijúci v zahraničí predstavujú veľmi rôznorodú etnickú, náboženskú, sociálnu a politickú skupinu obyvateľstva (Rjazancev, 2018; Rjazancev et al., 2018). V mnohých cieľových krajinách migrácie sa dobre integrujú do autochtónnych spoločností, pričom úspešný proces integrácie zahŕňa už prvú migračnú generáciu. Blízkosť kultúr a jazykov (ruský jazyk ako lingua franca vo východnej Európe pred rokom 1989) boli hlavnými predpokladmi na to, aby sa ruskí imigranti integrovali do slovenskej spoločnosti bez akýchkoľvek sprievodných problémov, ktoré môžeme vidieť v integračnom procese migrantov z iných národností, etník, kultúr alebo náboženských spoločenstiev. Hoci sa podľa Rjazanceva (2018) ruskí emigranti snažia vzdať niektorých prejavov národnej identity, kultúrne aktivity ruských emigrantov na Slovensku svedčia o ich mimoriadne aktívnom kultúrnom živote. Na Slovensku pôsobí niekoľko ruských spolkov, občianskych združení a kultúrnych centier. Tieto pravidelne organizujú rôzne kultúrno-spoločenské podujatia s cieľom pripomenúť si rôzne ruské zvyky a kultúrne tradície.

Záver

Ruská emigrácia na území dnešnej Slovenskej republiky predstavuje historicky dlhodobý fenomén, ktorého podoba sa v priebehu 20. a začiatku 21. storočia menila v závislosti od politických, geopolitických a socioekonomických okolností. Z analýzy vyplýva, že jednotlivé emigračné vlny z Ruska, od medzivojnového obdobia až po súčasnosť, boli opakovane reakciou na zásadné systémové zmeny, represívne politické prostredie či ozbrojené konflikty, pričom tieto faktory sa v rôznych historických obdobiach kombinovali s ekonomickými motívami.

Osobitne výrazným znakom ruskej emigrácie do Československa, a neskôr na Slovensko, bola a naďalej zostáva jej vysoká kvalifikačná štruktúra. Už v medzivojnovom období dominovali medzi emigrantmi intelektuáli, vedci a pedagógovia, čo sa prejavilo v ich výraznom podiele na akademickom a kultúrnom živote prijímajúcej krajiny. Tento trend je možné pozorovať aj v súčasnosti, keď značnú časť ruských migrantov na Slovensku tvoria vysokoškolsky vzdelaní odborníci, študenti a podnikatelia. Empirické údaje potvrdzujú, že ruskí migranti sa uplatňujú najmä v profesiách s vyššou pridanou hodnotou a len okrajovo vstupujú do segmentov nízkokvalifikovanej práce.

Výrazný nárast počtu ruských migrantov po roku 2022 poukazuje na prepojenie migračných tokov s aktuálnym geopolitickým vývojom, najmä s vojenským konfliktom na Ukrajine a vnútropolitickou situáciou v Ruskej federácii. Slovenská republika sa v tomto kontexte stáva jednou z alternatívnych cieľových krajín, a to nielen pre svoju geografickú a

jazykovú blízkosť, ale aj pre možnosti štúdia, podnikania a dlhodobého pobytu. Zároveň ide o krajinu, v ktorej sa ruskí migranti relatívne úspešne integrujú do spoločnosti, čo je podporené kultúrnou kompatibilitou a existenciou aktívnych ruských spolkov a kultúrnych inštitúcií.

Na základe uvedeného možno konštatovať, že ruská emigrácia na Slovensku nepredstavuje výraznú sociálno-ekonomickú záťaž, ale skôr potenciál pre rozvoj trhu práce, podnikateľského prostredia a akademickej sféry. Zároveň ide o heterogénnu skupinu, ktorej ďalší vývoj bude závisieť od politickej situácie v Ruskej federácii, vývoja vojenského konfliktu v susedstve Európskej únie, ako aj od migračnej a integračnej politiky Slovenskej republiky. Pre ďalší výskum zostáva otvorenou otázkou najmä dlhodobá integračná trajektória súčasnej migračnej vlny a jej vplyv na slovenskú spoločnosť v širšom sociálnom a kultúrnom kontexte.

Zoznam literatúry

- ALESHKOVSKI, I., GREBENYUK, A., VOROBYEVA, O. 2018. The evolution of Russian emigration in the post-Soviet period. In: *Social Evolution & History*, roč. 17, č. 2, 140–155 s. DOI: 10.30884/seh/2018.02.09.
- BAJKOV, A., LUKJANEC, J., PISMENNAJA, J., ROSTOVSKAJA, T., RJAZANCEV, S. 2018. Emigracija molodeži if Rossiji: masštaby, kanaly, posledstvija. In: *Sociologičeskije issledovanija*, č. 11, 75–84 s. DOI: 10.31857/S013216250002787-8.
- BARGEROVÁ, Z.; DIVINSKÝ, B. 2008. *Integrácia migrantov v Slovenskej republike: výzvy a odporúčania pre tvorcov politik*. Bratislava: Medzinárodná organizácia pre migráciu (IOM), 2008.
- FILADELFIOVÁ, J., GYÁRFÁŠOVÁ, O., SEKULOVÁ, M., HLINČÍKOVÁ, M. 2011. *Migranti na slovenskom trhu práce: problémy a perspektívy*. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky.
- HARBULOVÁ, Ľ. 2019. Russkije učenyje v Slovakii: interakcija slovackoj i russkoj nauki (1920–1945). In: *Intellektual'naja istorija*, č. 68, 64–73 s. Moskva: Rossijskoje obščestvo intellektual'noj istorii. ISSN 2073-7564.
- HARBULOVÁ, Ľ. 2001. *Ruská emigrácia a Slovensko: pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939*. Bratislava, s. 22. (bližšie vydavateľské údaje neuvedené).
- HAŠKOVÁ, D. 2019. *Meziválečná ruská emigrace a SLÚ*. Praha: Středisko společných činností AV ČR.
- KRASSINETS, E., TIURIUKANOVA, E. 2001. Potentials of labour out-migration from Russia: two surveys. In: *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, roč. 92, č. 1, 5–17 s. DOI: 10.1111/1467-9663.00135.
- PRONCHEV, G., KUZNETSOVA, I., KOLODEZNIKOVA, I. 2019. Intellectual emigration from modern Russia. In: *Ad Alta – Journal of Interdisciplinary Research*, roč. 9, č. 1, Special Issue 6, 13–16 s.

- RJAZANCEV, S. 2018. Emigracija iz Rossiji: k voprosu o ponjatijnom apparate. In: *Sociologičeskije issledovanija*, č. 8, 48–53 s. DOI: 10.31857/S013216250000761-0.
- RJAZANCEV, S., PISMENNAJA, J., LUKJANEC, A., SIVOPLJASOVA, S., CHRAMOVA, M. 2018. Sovremennaja emigracija iz Rossiji i formirovanije russkogovorjaščich soobščestv za rubežom. In: *Mirovaja ekonomika i meždunarodnyje otnošenija*, roč. 62, č. 6, 93–107 s. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107.
- SERESOVÁ, T. 2020. Russian migration to EU and its potential. In: *EDAMBA 2020: International Scientific Conference for Doctoral Students and Post-Doctoral Scholars – From Better Economics to Better Economy*. Conference proceedings, 560–567 s.
- STRATFOR. 2019. Russia takes on its demographic decline [online]. Stratfor, 27. 3. 2019 [cit. 2026-01-28]. Dostupné na: <https://worldview.stratfor.com/article/russia-takes-its-demographic-decline>.
- TEJCHMANOVÁ, S. 1993. *Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917–1939)*. Praha, 1993.
- ÚRAD HRANIČNEJ A CUDZINECKEJ POLÍCIE. *Azyl a migrácia: štatistika* [online]. Bratislava: MV SR, 2013–2025 [cit. 2026-01-24]. Dostupné na: <https://www.minv.sk/?statistiky-20>.
- ÚRAD PRÁCE, SOCIÁLNYCH VECÍ A RODINY. *Mesačná štatistika o počte a štruktúre zamestnaných cudzincov na území SR*. [online]. Bratislava: MPSVR SR, 2025 [cit. 2026-01-24]. Dostupné na: https://www.upsvr.gov.sk/statistiky/zamestnavanie-cudzincov-statistiky/zamestnavanie-cudzincov-na-uzemi-slovenskej-republiky-za-rok-2025.html?page_id=1419222.

Terézia Seresová

Mgr., PhD.

Katedra slovanských jazykov a interkultúrnej komunikácie, Fakulta aplikovaných jazykov

Ekonomická univerzita v Bratislave

Dolnozemska cesta 1, 852 35, Bratislava, Slovensko

Department of Intercultural Communication, Faculty of Applied Languages

Bratislava University of Economics and Business

Dolnozemska cesta 1, 852 35, Bratislava, Slovakia

E-mail: terezia.seresova@euba.sk

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9413-5517>

Slavica Beliana

2026

didaktika

дидактика

А Б В Г Д Е Ж З
И Й К Л М Н О П
Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ
Ъ Ъ Ы Ь

OD PŘEDPOKLADŮ K REALITĚ: JAK ČEŠTÍ STUDUJÍCÍ RUSISTIKY VNÍMAJÍ 1. SEMESTR STUDIA

Josef Dohnal

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta, Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave
Trnava, Slovenská republika

Tatjana Zaňko

Ústav slavistiky, Filozofická fakulta, Masarykova univerzita
Brno, Česká republika

Anotace: Příspěvek seznamuje s možnostmi získávání relevantních údajů pro porovnání očekávání studujících na začátku studia s tím, jak vnímají studium po ukončení 1. semestru, a představuje i první výsledky získané na českých vysokých školách.

Klíčová slova: rusistika, dotazník, heterogenní připravenost na studium, akademická adaptace, očekávání studujících.

FROM ASSUMPTIONS TO REALITY: HOW CZECH STUDENTS OF RUSSIAN STUDIES PERCEIVE THE 1ST SEMESTER OF STUDY

Abstract: The paper introduces the possibilities of obtaining relevant data for comparing students' expectations at the beginning of their studies with how they perceive their studies after the end of the first semester and also presents the first results obtained at Czech universities.

Keywords: Russian studies, questionnaire, heterogeneous readiness for study, academic adaptation, students' expectations.

České vysokoškolské prostředí prošlo a stále prochází významnými změnami, a to nejen legislativními, ale i mnoha méně zjevnými. Velká pozornost je věnována organizaci studia, investicím do technického vybavení vysokých škol, intenzivně se hledají možnosti porovnávat kvalitu vzdělávacího procesu i kvalitu pedagogického a výzkumného potenciálu vysokých škol. To je jedna strana, jíž je možné věnovat pozornost – a budiž konstatováno, že v této oblasti bylo mnoho institucionalizováno, investováno a, co se administrativních opatření týká, možná až příliš detailně upraveno.

Mnohem méně pozornosti je však věnováno druhé stránce fungování vysokých škol a univerzit – těm, kdo za vzděláním na ně přicházejí a měli by je po ukončení studia opouštět jako „produkt“ vzdělávacího procesu jak s bakalářským, magisterským či doktorským diplomem v ruce, tak i s příslušnými dovednostmi a znalostmi. Na této „straně hřiště“ v mnohém záleží: očekává se, že ti, kdo na vysokou školu přicházejí, jsou pro získávání

nových a rozšiřování či prohlubování již existujících kompetencí vysoce motivováni, že se na vysokoškolské prostředí i systém studia rychle adaptují, že budou aktivní v komunikaci s vyučujícími i v samostatném vyhledávání informací a jejich kognitivním zpracování. Jaksi samozřejmě se předpokládá, že mezi těmito dvěma základními stranami vzdělávacího procesu bude panovat dynamická rovnováha daná oboustrannou snahou adaptovat se na potřeby a možnosti druhé strany při snaze o co nejefektivnější dosahování vysoké vzdělanostní úrovně absolventů i odborné a pedagogické připravenosti vyučujících.

Otázkou je, jak a nakolik je právě tento proces oboustranné odpovědnosti za výsledky sledován na straně studujících. Zatímco sofistikované akreditační požadavky, pravidelné hodnocení vyučujících i scientometrické ukazatele hodnotí na straně vysoké školy širokou škálu kritérií, při sledování situace na druhé straně se poněkud tápe. Mění se totiž i přístup studentů ke studiu, jejich motivace, očekávání, reakce na první zkušenost se studiem i rychlost této reakce. O této oblasti, která efektivitu vzdělávacího procesu ovlivňuje nejméně stejnou měrou, víme podstatně méně – nemáme pro ni adekvátní metriku, kterou zatím neposkytují ani jednotné testy studijních předpokladů využívané na některých vysokých školách; testy sice dají základní informaci o vstupní úrovni intelektuálních předpokladů studujících, ale nic nevypovídají o jejich interakci s vysokoškolskou institucí během studia.

Vyhodnocování informací přitom přináší docela varovné statistiky – studium dlouhodobě nedokončuje cca 40 až 60 % studujících nastupujících na vysoké školy do bakalářských studijních programů. I když někteří z nich později dokončí studium na jiném studijním oboru, je nadpoloviční podíl těch, kdo prvního studia zanechají, docela varovným ukazatelem. Aniž bychom se pouštěli do podrobných statistických údajů – ty lze snadno dohledat v přehledových materiálech Národního ústavu pro vzdělávání (viz, např.: Klehňová, M., Vojtěch, J. 2011; Kuchař, P., Vojtěch, J., Klehňa, D., 2014; Vojtěch, J., Klehňa, D., 2018.) – můžeme konstatovat, že jde o obecně pojaté statistiky, které nevypovídají o tom, jak vypadá situace na konkrétních oborech či studijních programech.

Stručný analytický materiál *Studijní úspěšnost na českých vysokých školách v roce 2018* (žádnou pozdější studii ústav neuvádí!) konstatuje, „...že příčinou neúspěšnosti nemusí vždy být nedostatek kompetencí ke studiu obecně, ale spíše nespokojenost s konkrétním studijním programem, nevhodná volba studijního programu ve vztahu k jeho specifickým požadavkům, slabá akademická a sociální integrace studentů nebo další důvody.“ (Studijní úspěšnost na českých vysokých školách v roce 2018, 2018, s. 3). Tentýž materiál konstatuje, že konečný podíl studujících, kteří vysokoškolské studium dokončí „... před úspěšným absolvováním projde více než jedním studiem.“ (Tamtéž). Stejně tak se v něm dozvídáme –

ostatně to známe i z reálných podmínek – že „Většina studijní neúspěšnosti je přitom koncentrována do prvních ročníků, naopak ve třetím a vyšších ročnících je velmi nízká.“ (Tamtéž, s. 2).

Tato zjištění doplněná několika ilustračními grafy porovnávajícími jednotlivé vysoké školy, jsou značně obecná. Je obtížné srovnávat vysoké školy technického a humanitního zaměření, fakulty monotematické s těmi, na nichž se studuje široká paleta studijních oborů někdy docela disparátních. Pokud tedy chceme upravovat konkrétní dynamickou rovnováhu mezi vyučujícími a studujícími, potřebujeme údaje platné pro daný studijní obor, nikoli obecné údaje objevující se vždy s několikaletým odstupem. Platí tu jednoduchá manažerská poučka, která říká, že „co neměříš, to neřídiš“.

Bylo-li by vhodné nějakými daty disponovat a není-li metrika na úrovni studijního programu dána „shora“, nic nebrání vytvořit ji „zdola“. Přesně o to jsme se pokusili v případě studijního programu Ruská studia na Ústavu slavistiky FF MU v Brně. Zaměřili jsme se na studující přicházející do 1. ročníku a rozhodli jsme se získávat informace ve dvou časových bodech: při vstupu na fakultu a po skončení prvního semestru, tedy v období, kdy se předpokládaná úroveň střetává s první komplexní zkušeností z výuky na VŠ, tedy nejen z přednášek a seminářů, ale i ze zkouškového období. Vycházeli jsme z toho, že porovnání těchto dat může poskytnout informace, které ukáží, s čím se studující vyrovnávají a co je tedy může v samotném počátku studia vést k rozhodnutí studia zanechat.

Pro získávání dat byla zvolena forma dvoukolového anonymního dotazníku administrovaného elektronicky. Dotazník na začátku semestru zahrnuje řadu údajů o studujících – mimo jiné to, zda mají s ruským jazykem přímou zkušenost, zda jej využívají, zda z něj maturovali, jak moc se připravovali na výuku na střední škole. Následují otázky na očekávání: kde studující očekávají rozdíly oproti studiu na SŠ, jak moc se hodlají připravovat, čeho se obávají, na jaké výsledky aspirují atp. Druhé kolo dotazníku probíhá po skončení zkouškového období, tedy v prvních týdnech druhého semestru studia. Dotazník zahrnuje otázky na míru přípravy na výuku v 1. semestru studia, na to, zda a z jakého důvodu studující zažívali krizi, z čeho pramenila, které předměty byly nejobtížnější, jaké pomoci při problémech studující využívali, jakého prospěchu dosáhli, jak moc jsou po první zkušenosti s výukou přesvědčeni, že studium úspěšně dokončí.

Zatím proběhl první ročník plného využití dotazníkového šetření, tedy realizace obou jeho kol. Vyhodnocení získaných dat a jejich vzájemné porovnání přineslo řadu podnětných zjištění, která otevřela diskusi o možných úpravách práce s nově přicházejícími studujícími i o případných změnách ve studijním plánu. S výsledky byli seznámeni jak pedagogové, tak

studující, což přispělo k posunu od individuálních dojmů a neformálních pozorování k debatě opřené o systematicky získaná data.

Za nejvýraznější výstupy prvního ročníku dotazování lze považovat zejména zjištění týkající se změn studijních návyků v průběhu 1. semestru, vnímané náročnosti jednotlivých typů předmětů, časové zátěže spojené se studiem, forem podpory, které studující považují za nejefektivnější, a míry studijní úspěšnosti po skončení prvního semestru studia. Některé z výsledků představujeme níže.

Dotazníkové šetření je pouze jednou z možných forem získávání relevantních údajů. Jeho výraznou výhodou je zaměření na první semestr studia a dvoukolovost, tedy možnost porovnávat očekávání s pocity získanými v přímém kontaktu s realitou výuky a zkuškového období. Limitem šetření je anonymita respondentů, která neumožňuje sledovat individuální studijní trajektorie, protože mnohem přesnější údaje by bylo možno získat, kdybychom mohli porovnat výsledky konkrétních studujících. Jistou nevýhodou je rovněž to, že ve 2. kole dotazování nejsou získávány informace od studujících, kteří během semestru zanechali studia – informace od nich by rozhodně přispěla k pochopení důvodů, jež je k takovému kroku vedly.

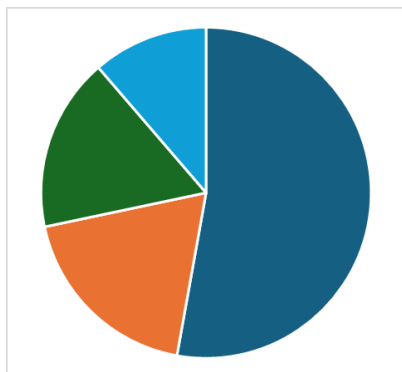
Poté, co byly výsledky dotazování představeny kolegům z jiných fakult, projevíli zájem i naši kolegové-rusisté z FF Ostravské univerzity v Ostravě a z PedF Univerzity Hradec Králové a PedF Západočeské univerzity v Plzni. V akademickém roce 2025/26 budou k dispozici informace i z těchto pracovišť, což umožní jednak vyhodnotit větší počet získaných odpovědí, ale i porovnat výsledky dosažené na různých pracovištích. Předpokládáme, že pokračování a ideálně dlouhodobé využívání takového způsobu dotazování může výrazně ovlivnit jak komunikaci mezi oběma hlavními složkami vzdělávacího procesu, tak efektivněji ovlivňovat jeho organizaci tak, aby bylo možno více podporovat rychlejší adaptaci studujících na formy vysokoškolského studia právě v nejkritičtějším období 1. semestru studia.

Některé z výsledků dotazníkového šetření

Pro ilustraci představujeme vybrané výsledky dotazníkového šetření zaměřeného na motivaci, očekávání a akademickou adaptaci studujících rusistiky v prvním semestru vysokoškolského studia. Pozornost je věnována zejména vztahu mezi vstupními předpoklady studujících, jejich očekáváními a obavami na začátku studia a následnou zkušeností po ukončení prvního semestru.

Motivace ke studiu oboru

Studující nejčastěji uváděli vnitřní motivaci ke studiu ruského jazyka, zejména zájem o jazyk a kulturu a snahu dále rozvíjet již získané znalosti. Vedle toho se objevují i pragmatické důvody, jako je perspektiva budoucího uplatnění či návaznost na předchozí studium na střední škole.

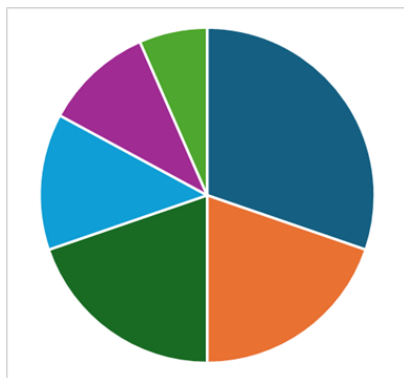
- 23 respondentů se o ruštinu jako cizí jazyk dlouhodobě zajímá;
- 15 respondentů jazyk studovali na střední škole a myslí, že jim to pomůže snadněji zvládnout studium;
- 15 respondentů zajímá ruská kultura;
- 10 respondentů myslí, že jim to umožní uplatnit se v budoucím zaměstnání;
- pro 8 respondentů je to jazyk, kterým doma alespoň s jedním z rodičů komunikují;
- 5 respondentů zvolilo možnost „jiné“.

Graf: „Studium ruského jazyka na vysoké škole jsem zvolil(-a), protože (lze zvolit 1 nebo 2 odpovědi) ...“

Z odpovědí vyplývá, že volba oboru je ve většině případů výsledkem dlouhodobějšího zájmu, nikoli náhodného rozhodnutí. To vytváří důležitý kontext pro interpretaci dalších dat, zejména očekávání spojených se studiem a s vlastní připraveností studujících.

Očekávání spojená se studiem na vysoké škole

Na začátku studia studující formulovali poměrně vysoká očekávání týkající se obsahu i organizace výuky. Často zmiňovali očekávání systematického rozvoje jazykových dovedností, prohloubení teoretických znalostí a odbornějšího přístupu k výuce ve srovnání se střední školou.

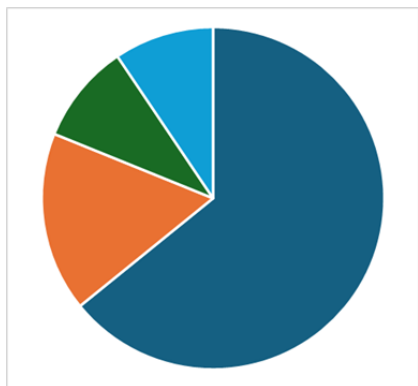
- 28 respondentů očekává vyrovnaný mix teoreticky a prakticky orientované výuky (v poměru 50:50);
- 10 respondentů očekává především rozvoj svých praktických jazykových dovedností;
- 9 respondentů očekává především rozvoj/doplnění svých teoretických znalostí;
- 6 respondentů nemá o poměru obou složek výuky představu.

Graf: „Od studia na vysoké škole očekávám...“

Očekávání se netýkala pouze samotného učiva, ale i způsobu práce – větší míry samostatnosti, odpovědnosti a aktivního zapojení do studia. Tento obraz vysokoškolského studia se promítá do vnímání míry vlastní připravenosti a do anticipovaných obtíží.

Vnímání návaznosti mezi středoškolským a vysokoškolským studiem

Významným tématem je otázka, do jaké míry studující očekávají využití znalostí získaných na střední škole během studia na vysoké škole. Respondenti často předpokládali, že většinu svých dosavadních znalostí uplatní především v oblasti jazykových dovedností, zejména praktického jazyka a ruských reálií.

- 34 respondentů: v oblasti praktického jazyka;
- 9 respondentů: v oblasti ruských reálií (geografie, sociálně-ekonomický život, historie aj.);
- 5 respondentů: v oblasti ruské gramatiky;
- 5 respondentů: v oblasti ruské kultury (literatura, výtvarné umění, hudba aj.).

Graf: „Očekávám, že na vysoké škole uplatním většinu svých znalostí získaných na střední škole v oblasti...“

Očekávání poukazují na představu relativní kontinuity mezi středoškolským a vysokoškolským studiem. Zároveň naznačují určitou heterogenitu vstupní přípravy, která se následně ukazuje jako jeden z klíčových faktorů ovlivňujících akademickou adaptaci studujících v prvním semestru. Výsledky naznačují, že studenti málo počítají s „akademickým“ obsahem studia, tedy s teoretickými poznatky o jazyce, kultuře a dalších „nepraktických“ znalostech.

Obavy na začátku studia

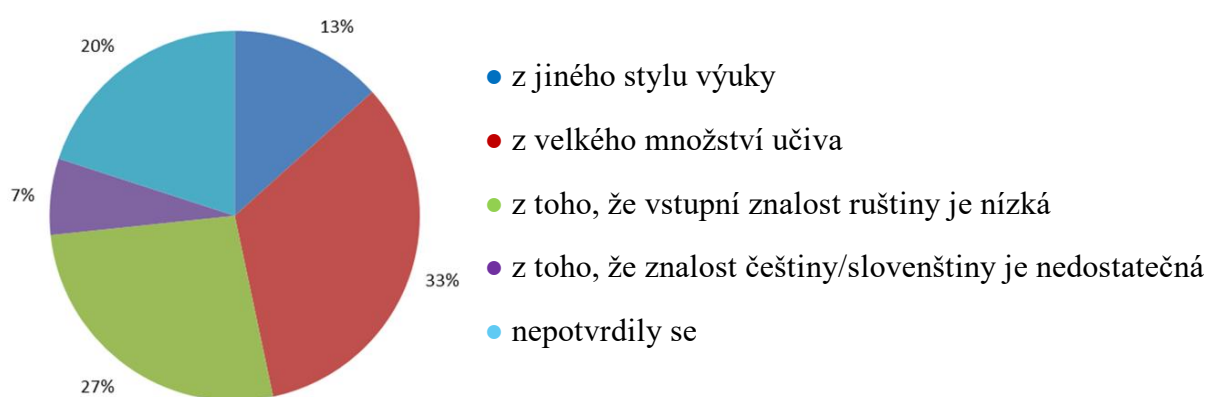
V odpovědích se výrazně objevují také obavy spojené se zahájením vysokoškolského studia. Nejčastěji se týkají zkoušek a zkuškového období, velkého množství učiva a nutnosti intenzivního samostudia. Studující rovněž zmiňují obavy z teoretických předmětů (zejména lingvistických, historických a literárních), z výuky vedené převážně v ruském jazyce a z vlastních jazykových kompetencí (mluvení, porozumění, gramatika, výslovnost, znalost abekedy).

Vedle studijních a jazykových obtíží se objevují také obavy psychosociální a organizační: strach z psychického nezvládnutí studia, z vysoké míry samostatnosti, z nároků na organizaci času, ze sladění studia s prací, z orientace v informačním systému univerzity či ze socializace v novém kolektivu. Ojedinele se objevují i obavy existenční (finanční zajištění, bydlení, administrativa spojená s pobytem v ČR) a obavy týkající se budoucího uplatnění.

Formulace obav ukazují, že studující si již na počátku studia uvědomují nároky kladené na organizaci času a míru samostatnosti. Tyto obavy lze chápat jako přirozenou součást vstupních očekávání, jež by je měla či mohla vést k vyšší míře úsilí v době adaptačního procesu, který je charakteristický pro přechod ze střední na vysokou školu.

Konfrontace očekávání s realitou po prvním semestru

Po ukončení prvního semestru byli studující dotazováni, které z původních obav se v průběhu studia skutečně potvrdily. Výsledky ukazují, že významná část obav se naplnila, a to zejména v oblasti časové náročnosti studia, nutnosti pravidelného samostudia a náročnosti teoretických předmětů s vysokým podílem faktografických informací.

Graf: „Obavy, které se potvrdily po 1. semestru“

Naopak některé obavy, především ty spojené s výukou vedenou v ruském jazyce nebo s vlastní jazykovou nedostatečností, se u části studujících ukázaly jako méně závažné, než očekávali. Tyto obavy byly postupně nahrazovány konkrétní zkušeností a úpravou studijních strategií. Tento posun lze interpretovat jako důležitý doklad procesu akademické adaptace.

Souhrnné výsledky ukazují, že porovnání dat ze začátku a konce prvního semestru poskytuje cenný vhled do dynamiky přechodu ze střední na vysokou školu a umožňuje identifikovat oblasti, ve kterých je vhodné studující cíleně podporovat.

Závěr

Výsledky dotazníkového šetření potvrzují, že období adaptace na akademické prostředí v prvním semestru klade na studující zvýšené nároky. Přestože většina respondentů vstupuje do studia s relativně vysokou motivací, první semestr přináší konfrontaci s vyšší časovou zátěží, zvýšenými nároky na samostatné studium a s předměty s vysokým podílem faktografických či teoretických informací.

Získaná data zároveň ukazují, že studující jsou schopni na tuto situaci reagovat změnou studijních strategií, avšak často za cenu pocitů nejistoty či studijní krize. Významnou

roli v tomto procesu hraje podpora studijní skupiny a dostupnost vhodných studijních materiálů, zatímco formální informační podpora je využívána spíše omezeně.

Dvoukolové dotazníkové šetření se tak ukazuje jako užitečný nástroj pro zachycení dynamiky akademické adaptace v nejkritičtějších obdobích studia. Nabízí možnost lépe porozumět zkušenostem studujících a vytváří prostor pro cílené úpravy výuky a podpůrných mechanismů. Zůstává však otevřenou otázkou, do jaké míry se tato zjištění promítnou do konkrétní pedagogické praxe. Využití získaných poznatků má výrazný potenciál, jehož naplnění závisí především na pracovištích odpovědných za strukturu kurikula, za konkrétní kroky v práci se studujícími a za průběžné vyhodnocování efektivity činěných opatření.

Seznam literatury

- KLEHŇOVÁ, M., VOJTĚCH, J. 2011. *Přechod absolventů středních škol do terciárního vzdělávání*. Praha: Národní ústav odborného vzdělávání. 68 s. Dostupné na: https://www.nuov.cz/uploads/Vzdelavani_a_TP/Prechod_do_terciarniho.pdf.
- KUCHAŘ, P., VOJTĚCH, J., KLEHŇA, D. 2014. *Přechod absolventů středních škol do terciárního vzdělávání*. Praha: Národní ústav pro vzdělávání, školské poradenské zařízení a zařízení pro další vzdělávání pedagogických pracovníků, 75 s. Dostupné na: https://archiv-nuv.npi.cz/uploads/Vzdelavani_a_TP/Prechod_do_tercier_2013_prowww.pdf.
- Studijní úspěšnost na českých vysokých školách v roce 2018*. 2018. [online]. Praha: Národní ústav pro vzdělávání, 5 s. [cit. 2026-01-15]. Dostupné na: https://msmt.gov.cz/uploads/odbor_30/TF/Analyticke_materialy/Studijni_uspesnost_na_ceskych_vysokych_skolach_v_roce_2018.pdf.
- VOJTĚCH, J., KLEHŇA, D. 2018. *Přechod absolventů středních škol do terciárního vzdělávání – 2017/18*. Praha: Národní ústav pro vzdělávání, školské poradenské zařízení a zařízení pro další vzdělávání pedagogických pracovníků, 58 s. Dostupné na: [F-9.0.152_Prechod_absolventu_strednich_skol_do_terciarniho_vzdelavani_2017_18.pdf](https://www.nuov.cz/uploads/Vzdelavani_a_TP/Prechod_absolventu_strednich_skol_do_terciarniho_vzdelavani_2017_18.pdf).

Josef Dohnal

prof., PhD., CSc.

Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovenská republika

University of Ss. Cyril and Methodius

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

E-mail: josef-dohnal@volny.cz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0763-5784>

Tatjana Zaňko

Mgr., Ph.D.

Ústav slavistiky, Filozofická fakulta, Masarykova univerzita

Arna Nováka 1, 603 00 Brno, Česká republika

Department of Slavic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University

Arna Nováka 1, 603 00 Brno, Czech Republic

E-mail: zanko@phil.muni.cz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0346-9870>

PROMĚNY VÝUKY RUSKÉHO JAZYKA V PROSTŘEDÍ UNIVERZITY OBRANY V LETECH 2019 – 2025

Lenka Odehnalová

Centrum jazykového vzdělávání, Univerzita obrany
Brno, Česká republika

Abstrakt: Studie se zabývá proměnami výuky ruského jazyka na Univerzitě obrany v letech 2019–2025, kdy došlo k výrazným změnám v důsledku geopolitických a společenských událostí. Cílem studie je nabídnout komplexní pohled na to, jak se výuka ruského jazyka v podmínkách vojenského vzdělávání adaptovala na nové výzvy a jaké perspektivy otevírá do budoucna. Geopolitická situace, zejména válka na Ukrajině, zásadně ovlivnila postavení ruštiny v akademickém prostředí a vedla k přehodnocení jejího významu i způsobů výuky. Pandemie COVID-19 přinesla nutnost rychlé adaptace na distanční formy vzdělávání, což otevřelo prostor pro širší využití výukových aplikací a digitálních platforem. Diskutována je také otázka vhodné učebnice, která by reflektovala aktuální jazykové i kulturní potřeby studentů vojenských oborů. Součástí výuky se stalo efektivní zapojení literárních textů, jež umožňují studentům nejen osvojit si jazykové struktury, ale také porozumět kulturnímu kontextu. V závěrečné části je analyzováno využití moderních technologií, zejména výukových aplikací a umělé inteligence, která se ukazuje jako efektivní nástroj pro individualizaci výuky, rozvoj jazykových dovedností a podporu samostatného studia.

Klíčová slova: proměny výuky ruského jazyka, Univerzita obrany, výzvy a perspektivy, geopolitické události, společenská situace, pandemie COVID-19, otázka vhodné učebnice, využití literárních textů, moderní technologie, výukové aplikace, umělá inteligence.

RUSSIAN LANGUAGE TEACHING TRANSFORMATIONS IN THE ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY OF DEFENCE BETWEEN 2019 AND 2025

Abstract: The study deals with transformations of Russian language teaching at the University of Defence in 2019–2025, which saw significant changes caused by geopolitical and social events. It offers a comprehensive view of the adaptation of Russian language teaching to new challenges in the conditions of military education and the new perspectives opened for the future. The geopolitical situation, namely the war in Ukraine, has fundamentally affected the position of the Russian language in the academic environment, culminating in a revision of its importance and the teaching methods. The COVID-19 pandemic brought the necessity of rapid adaptation to distant study, which opened a space for wider use of educative applications and digital platforms. The study also comments on suitable textbooks that would reflect the current linguistic and cultural needs of students studying the military disciplines. The education has begun to include effective involvement of literary texts, which help the students become familiar with the language structures and understand the cultural contexts. Finally, the study analyses the use of modern technologies,

especially teaching applications and artificial intelligence, which have proved to be efficient tools for individualization of the teaching, development of linguistic skills and support of independent study.

Keywords: Russian language teaching transformations, University of Defence, challenges and perspectives, geopolitical events, social situation, COVID-19 pandemic, the question of suitable texts, use of literary texts, modern technologies, teaching applications, artificial intelligence.

Úvod

Výuka ruského jazyka v podmínkách vojenského vysokého školství prošla od roku 2019 výraznými změnami, které ovlivnily jak vyučující, tak studenty. Tyto změny byly podmíněny především geopolitickými událostmi, zejména vypuknutím války na Ukrajině, a společenskými okolnostmi spojenými s pandemií COVID-19. Dalším faktorem, který již několik let ovlivňuje výuku ruského jazyka, je absence vhodné učebnice. Součástí výuky autorky této studie se rovněž stalo efektivní využití literárních textů, které studentům poskytují příležitost nejen osvojit si jazykové struktury, ale také prohloubit porozumění kulturnímu kontextu. Významnou roli ve výuce ruského jazyka získala také umělá inteligence a moderní technologie, které stále více formují podobu jazykového vzdělávání.

Cílem této studie je zhodnotit dopad uvedených faktorů na výuku ruského jazyka v prostředí Univerzity obrany. Jejím záměrem je poskytnout ucelený pohled na adaptaci výuky v kontextu vojenského vzdělávání na nové geopolitické, společenské a technologické výzvy a zároveň nastínit možné směry a perspektivy jejího dalšího rozvoje. Specifikum výuky ruského jazyka na Univerzitě obrany byla věnována studie (Odehnalová, Odehnal, 2023). Ruský jazyk má společně s německým a francouzským jazykem status druhého cizího jazyka a pravidelně se začal vyučovat až od zimního semestru 2019. Složení výukových skupin se liší od skupin studentů na pedagogických a filozofických fakultách, neboť v nich mají dominantní zastoupení muži.³⁶ Koncepce výuky druhých cizích jazyků je obecně přizpůsobena požadavkům, jež jsou kladeny na zvládnutí jazykové zkoušky dle dohody

³⁶ Žen studuje na Univerzitě obrany přibližně 20 %. Nejvyšší zastoupení mají na Fakultě vojenského zdravotnictví, následuje Fakulta vojenského leadershipu a nejnižší podíl žen je na Fakultě vojenských technologií. Je proto možné konstatovat, že pro studentky jsou nejatraktivnější především zdravotnické studijní programy a poté některé specializace na Fakultě vojenského leadershipu, jako například Řízení finančních zdrojů či Řízení lidských zdrojů. Existují však i studijní skupiny, zejména v technických oborech Fakulty vojenských technologií, kde se žádná žena nevyskytuje. Srov. (Odehnalová, Odehnal, 2023, s. 63), dále srov. *Výroční zpráva Univerzity obrany za rok 2021*. [online].[cit. 2025-13-02]. Dostupné z: https://lib.unob.cz/UNOB_CZ/UNOB/DOKUMENTY/VYROCNI-ZPRAVY/VZoČ%20UO%20za%20rok%202021.pdf.

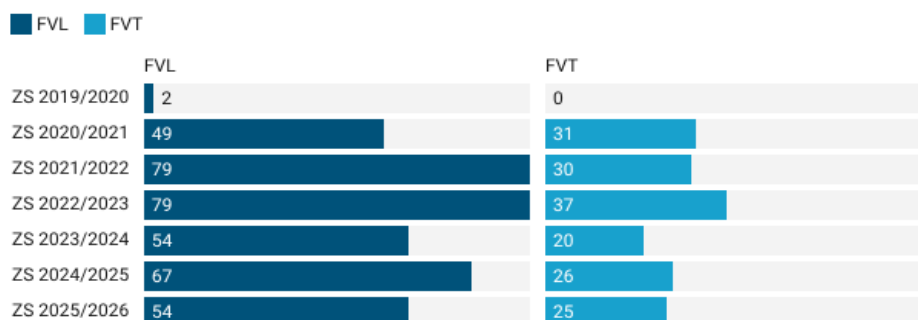
NATO STANAG 6001 na úrovni SLP 1³⁷ ve všech dovednostech (čtení s porozuměním, mluvení, poslech s porozuměním, psaní). Z tohoto důvodu je výuka ruského jazyka orientována především na rozvoj komunikačních zručností. Srov. (Odehnalová, Odehnal, 2023, s. 62).

1. Geopolitická situace

Změna bezpečnostní situace způsobená válkou na Ukrajině v únoru 2022 ovlivnila také zájem o studium ruského jazyka, jak studentů Univerzity obrany, tak posluchačů jazykových kurzů z řad vojenských profesionálů. Bezprostředně po vypuknutí konfliktu byl ruský jazyk vnímán jako strategicky významný nástroj, což u studentů zpočátku přispělo k udržení jejich zájmu a současně vedlo ke zvýšenému zájmu u posluchačů jazykových kurzů realizovaných pro rezort obrany.

Zájem studentů jednotlivých fakult o ruský jazyk ve druhém roce studia je zřejmý z následujícího grafu (Graf č. 1). Vidíme nárůst v zimním semestru 2020/2021, 2021/2022 a 2022/2023, propad v zimním semestru 2023/24 i současný stav, kdy se zájem studentů o předmět ustálil.

Graf č. 1: Zájem studentů 2. ročníků FVL a FVT o ruský jazyk

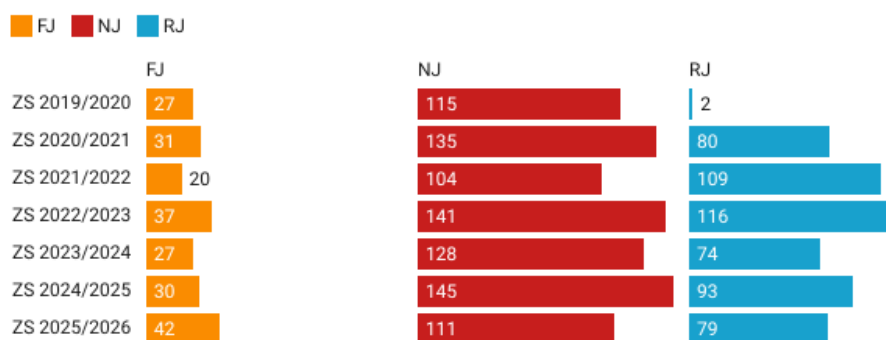

Zdroj: Vlastní zpracování

Jak lze vidět v grafu (Graf č. 2), v porovnání s německým a francouzským jazykem si v zimním semestru 2021/2022 nejvíce studentů (až 109) zvolilo jako druhý cizí jazyk ruštinu. V následujícím akademickém roce však v důsledku geopolitické situace zájem studentů opět směřoval k němčině a francouzštině, které si vybralo více studentů než dříve. V současné době si však ruský jazyk udržuje vedle němčiny a francouzštiny své stabilní místo.

³⁷ Zkratka SLP (Standardized Language Profile) vyjadřuje úroveň jazykové způsobilosti vojenských profesionálů nebo také civilních zaměstnanců rezortu obrany v rámci členských zemí NATO.

Graf č. 2: Srovnání zájmu studentů 2. ročníků obou fakult o druhý cizí jazyk

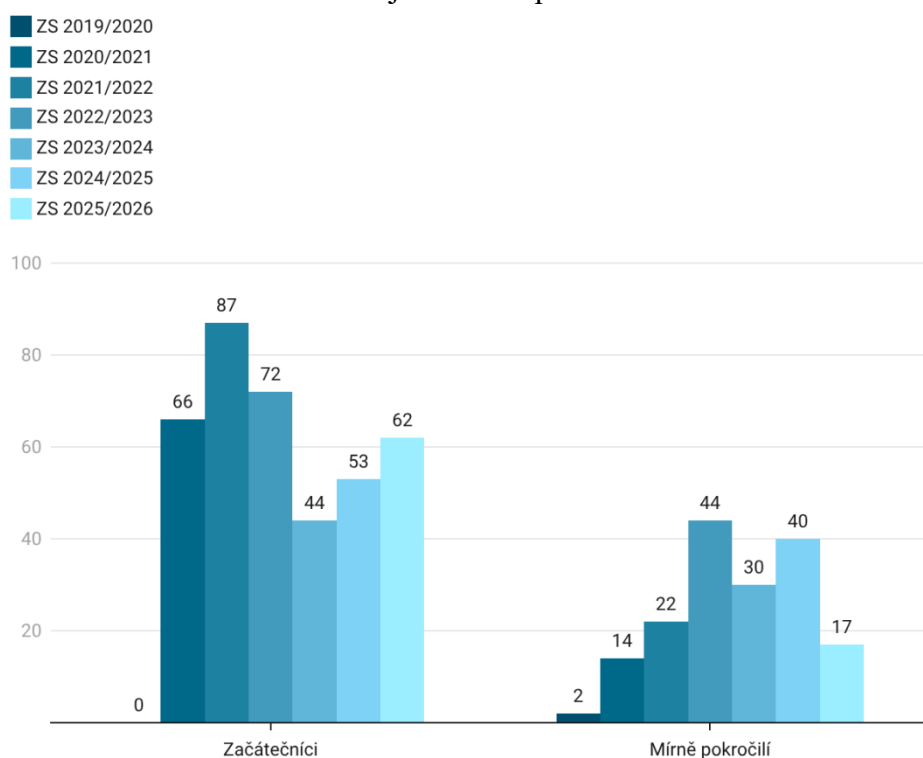

Zdroj: Vlastní zpracování

Značná část studentů 2. ročníků obou fakult, FVL i FVT, při volbě druhého cizího jazyka opět upřednostňuje jednodušší variantu, tedy ruštinu před náročnější francouzštinou či němčinou, případně pokračuje ve studiu jazyka, který se učila již na střední škole. Jak je patrné z grafu (Graf č. 3), od zimního semestru 2020/2021 do současnosti mezi studenty, kteří si zvolili ruský jazyk, dominují začátečníci. Nejvíce studentů 2. ročníků (až 87) začalo studovat ruský jazyk v zimním semestru 2021/2022, nejméně (pouze 44) jich bylo v zimním semestru 2023/2024. Jak bylo uvedeno výše, v současnosti se zájem studentů 2. ročníků o ruský jazyk ustálil, v zimním semestru 2025/2026 začalo studovat ruský jazyk 62 studentů, do mírně pokročilých skupin nastoupilo 17 studentů.

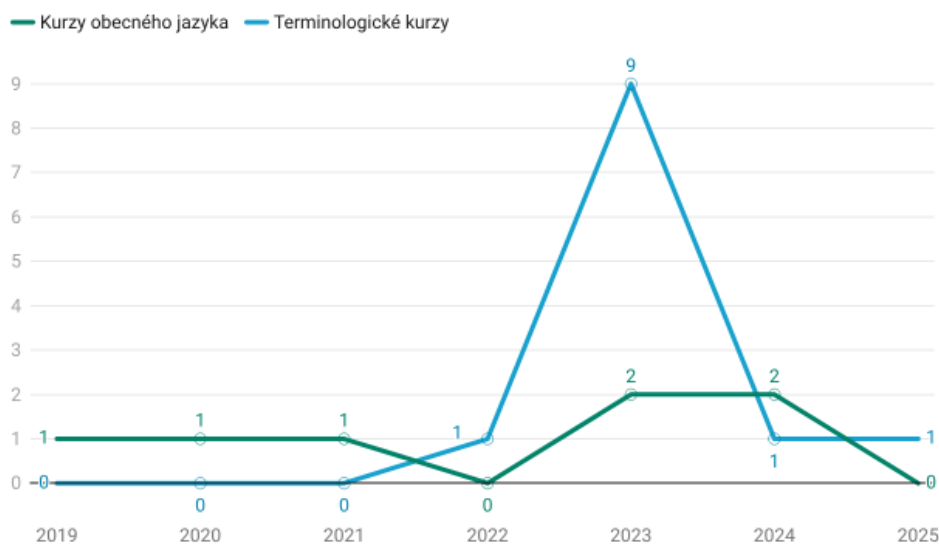
Graf č. 3: Rozdělení studentů 2. ročníků na začátečníky a mírně pokročilé

Zdroj: Vlastní zpracování

V rámci rezortní výuky lze pozorovat zvýšený zájem rezortu obrany o specializované terminologické kurzy, které svojí strukturou reagovaly na aktuální potřeby rezortu. Kurzy jsou unikátní svým zaměřením na odbornou vojenskou terminologii, například zdravotní, ženijní a střeleckou přípravu, řízení vojenských vozidel a další. Jejich specifikem je také to, že vyučující ruského jazyka museli v krátkém čase přeložit a připravit výukové materiály a současně flexibilně reagovat na postupně upřesňované požadavky zadavatele, a to i v průběhu konání kurzů.³⁸ V souvislosti s přípravou materiálů absolvovali vyučující ruského jazyka školení ve vojenském výcvikovém prostoru Libavá. Nejvýraznější změny přináší rok 2023, který jasně dominuje celému sledovanému období. Jak lze vidět v grafu (Graf č. 4), v tomto roce proběhlo celkem jedenáct kurzů, což je několikanásobně více než v kterémkoli jiném roce. Na jejich složení je vidět výrazné zastoupení terminologických kurzů, které tvoří většinu realizovaných kurzů. Po tomto nárůstu však následuje postupný pokles, který souvisí s tím, že se od roku 2023 na Centru jazykového vzdělávání Univerzity obrany začal vyučovat ukrajinský jazyk.

Graf č. 4: Přehled rezortních kurzů v letech 2019–2025

Zdroj: Vlastní zpracování

Od roku 2025 se změna postavení ruského jazyka projevila i v názvu našeho pracoviště. Skupina ruského jazyka se transformovala na Skupinu slovanských jazyků, kde

³⁸ Srov. *Nečekaná výzva pro ruštináře*. [online].[cit. 2026-29-01]. Dostupné na: <https://cjev.unob.cz/necekana-vyzva-pro-rustinare>.

v současnosti působí vyučující ruského a ukrajinského jazyka.³⁹ Posílení důrazu na slovanské jazyky lze v posledních letech pozorovat i v širším evropském kontextu, což se odráží i v názvech pracovišť. Příkladem je přejmenování Katedry ruské filologie (Rusų filologijos katedra) Filologické fakulty Vilniuské univerzity v roce 2022 na Katedru slavistiky (Slavistikos katedra)⁴⁰, stejně jako změna názvu Institutu ruských studií (Instytut Rusycystyki) na Filologické fakultě Lodžské univerzity v Polsku, k níž došlo 1. listopadu 2025, kdy se z něj stal Institut východoevropských studií (Instytut Studiów Wschodnioeuropejskich)⁴¹. Na Slovensku na Filozofické fakultě Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre se v roce 2022 sloučily dvě katedry – Katedra slovenského jazyka a literatury a Katedra ruského jazyka a literatury – do Katedry slovanských jazyků od roku 2022.

2. Pandemie COVID-19

Společenská situace v souvislosti s onemocněním COVID-19 přinesla do oblasti vzdělávání zásadní změny, kdy došlo k přesměrování výuky do online režimu a celé kurzy byly tak realizovány prostřednictvím aplikace MS Teams, která se stala součástí balíku Microsoft 365. Od začátku pandemie byli studenti Univerzity obrany nasazováni k posílení Policie České republiky při zajišťování kontrol po dobu omezení pohybu osob mezi jednotlivými regiony⁴², proto byla v jarním semestru 2020 výuka realizována formou samostudia a pravidelného zadávání úkolů, ke kterým studenti dostávali průběžnou zpětnou

³⁹ V českém prostředí lze ještě poukázat na změnu v souvislosti s Katedrou ruského jazyka na Pedagogické fakultě Masarykovy univerzity, která se od ledna 2026 sloučila s Katedrou německého a francouzského jazyka a v současnosti tvoří jeden celek – Katedru dalších cizích jazyků. *Přejmenování dvou kateder a nová struktura jazykových kateder Pedagogické fakulty MU*. [online].[cit. 2026-20-01]. Dostupné na: <https://www.ped.muni.cz/aktuality/prejmenovani-dvou-kateder-a-nova-struktura-jazykovych-kateder-pedagogicke-fakulty-mu>. Rusistická pracoviště v Hradci Králové, Olomouci, Plzni a Praze si svůj název prozatím zachovala.

⁴⁰ V roce 2001 došlo ke sloučení Katedry ruského jazyka a Katedry slovanských literatur do jednoho pracoviště – Katedry ruské filologie (Rusų filologijos katedra). V roce 2007 se pracoviště krátce přejmenovalo na Katedru slavistiky (Slavistikos katedra). K tomuto názvu se pracoviště vrátilo v roce 2022. Srov. *Slavistikos katedra*. [online].[cit. 2025-09-12]. Dostupné na: <https://www.flf.vu.lt/institutai/bkki/struktura/rfk>.

⁴¹ Dle oficiálních stránek Lodžské univerzity vznikl Institut východoevropských studií (Instytut Studiów Wschodnioeuropejskich) v důsledku restrukturalizace Institutu rusistiky (Instytut Rusycystyki), který na univerzitě fungoval od roku 1945. Srov. *Instytut Studiów Wschodnioeuropejskich*. [online]. [cit. 2025-09-12]. Dostupné na: <https://www.uni.lodz.pl/wydzialy-i-jednostki-ul/institut-studiow-wschodnioeuropejskich>.

⁴² Srov. (Sliva, 2021). Lze doplnit, že studenti Fakulty vojenského zdravotnictví (v současnosti Vojenská lékařská fakulta) prováděli prohlídky na vstupu do budov Ministerstva obrany a Generálního štábu, dále také v nemocnici v Mariánských Lázních, v zařízení, které bylo nejvíce zasažené novým typem koronaviru. Srov. *Aktuální informace k nasazení armádních zdravotníků*. [online]. [cit. 2025-20-12]. Dostupné na: <https://mocr.mo.gov.cz/informacni-servis/covid/aktuální-informace-k-nasazení-armádních-zdravotníků-220183/>, dále srov. *Pomoc studentů v Mariánských Lázních*. [online]. [cit. 2025-20-12]. Dostupné na: <https://www.facebook.com/Univerzita.obrany/posts/3076044075785203/>.

vazbu. Následně probíhala výuka v online režimu prostřednictvím aplikace MS Teams, a to v akademickém roce 2020/2021. Prezenční výuka byla znovu obnovena od podzimního semestru 2021. Vyučující si postupně osvojili základy práce s touto aplikací a začali ji využívat nejen jako hlavní nástroj pro plánování a vedení výuky, ale také jako podporu pro zadávání úkolů a konzultace, které byly studenty využívány častěji než dříve. Lze tedy konstatovat, že díky aplikaci MS Teams se zlepšila komunikace mezi vyučujícími a studenty.

Online výukové prostředí s sebou kromě pozitiv přineslo i negativa, která museli vyučující i studenti překonávat. Mezi nejčastější problémy patřilo slabé internetové připojení, které komplikovalo plynulý průběh výuky. Běžnou praxí se stávalo, že ve studentských ubytovacích zařízeních sdílelo jeden počítač více studentů, nebo se v jediném pokoji nacházelo několik účastníků online výuky, což vedlo k rušení a ztrátě koncentrace. Dále se na straně studentů i vyučujících objevovaly technické problémy, které ztěžovaly komunikaci. Studenti vykazovali menší aktivitu a jejich pozornost se často rozptylovala mezi více činnostmi, což negativně ovlivňovalo kvalitu vzdělávání. Ukázalo se také, že online výuka je vhodnější pro mírně pokročilé a pokročilé studenty či konzultace. Aplikace MS Teams však zůstala i nadále využívána v jednotlivých skupinách studentů jako podpůrná platforma pro výuku předmětu Ruský jazyk. Vyučující ji používají ke sdílení výukových materiálů, zadávání úkolů i k poskytování konzultací, což studentům umožňuje snadný přístup k informacím a průběžnou podporu během studia. Srov. (Odehnalová, Odehnal, 2023, s. 66).

Kromě práce s aplikací MS Teams se vlivem pandemie COVID-19 rozšířilo vytváření online materiálů na platformě MOODLE, jejíž součástí pro cizí jazyky nese název JAPA (Jazyky pro armádu). Sekce věnovaná ruskému jazyku začala vznikat v lednu 2020 a postupně byla systematicky rozšiřována. Nejprve byly vytvořeny kurzy pro začátečníky a mírně pokročilé, které zahrnovaly texty, slovní zásobu, gramatické učivo, různé typy úkolů a další materiály vhodné pro studium formou blended learning. Následně byly tyto kurzy doplněny o podpůrná videa zaměřená na vysvětlení gramatických jevů a vybraných témat slovní zásoby, což výrazně přispělo k efektivnější adaptaci studentů na nové podmínky vzdělávání.

V neposlední řadě kurzy obsahují rozsáhlé slovníkové materiály, které studenti rovněž využívají při přípravě ke zkoušce dle NATO STANAG 6001. Postupně byly do platformy MOODLE zařazeny také sady vzorových testů ke zkoušce dle NATO STANAG 6001 – nejprve poslechy a čtení s porozuměním na úrovni SLP 1, později i na úrovních SLP 2 a 3, které v současnosti tvoří samostatný kurz.

3. Otázka vhodné učebnice

V současnosti neexistuje učebnice, která by plně zohledňovala aktuální požadavky na výuku ruského jazyka ve vojenském prostředí, a proto vyučující využívají dostupné učebnice ruského jazyka české i ruské provenience. Jako základní učebnice pro vysokoškolskou výuku je používána učebnice *Юlang* (2018 – 2026), kterou vyučující dle vlastní preference doplňují dostupnými učebnicemi, například *Твой шанс* (A1, 2018; A2, 2019), *Я люблю русский язык* A1 a A2 (2017), *Пять элементов* (A1, 2013; A2, 2015), *Система Калинка 1 a 2* (2019) či *Ruština pro samouky a věčné začátečníky* (2016). Srovnání učebnic *Твой шанс*⁴³ a *Я люблю русский язык* jsme podrobně rozpracovali ve studii (Odehnalová, 2025). Na základě výsledků dotazníkového šetření na učebnici *Твой шанс* studenti ocenili zejména její srozumitelnost a interaktivitu, zatímco na učebnici *Я люблю русский язык* zdůrazňovali vizuální atraktivitu a moderní prvky, ale současně identifikovali obtíže spojené s absencí opory v českém jazyce, neoznačeným přízvukem nebo jazykovou náročností. Srov. (Odehnalová, 2025, X).

V rámci rezortní výuky jsou využívány zejména učebnice *Пять элементов* a *Я люблю русский язык*, a to zejména v přípravných kurzech k jazykové zkoušce dle NATO STANAG 6001 na úroveň SLP 1 nebo také SLP 2. V terminologických kurzech pak vyučující pracují s vlastními materiály určenými k výuce vojenské terminologie, případně s materiály, které byly vytvořeny dle požadavků rezortu obrany. Vytvoření moderní učebnice ruského jazyka, která by reflektovala specifické požadavky vojenského prostředí a současně obsahovala základy vojenské terminologie, zůstává pro nás vyučující výzvou do budoucnosti.

4. Práce s literárním textem

Autorka studie se problematice využití literárních textů ve výuce ruského jazyka věnuje téměř od počátku svého působení na Centru jazykového vzdělávání Univerzity obrany. Od roku 2020 byla literatura začleňována do výuky obecného jazyka zpočátku tak, aby tematicky navazovala na témata a oblasti blízké studentům vojenského studijního programu. Literární texty byly zařazovány pouze u studentů pátého ročníku v posledním semestru studia, a to spíše jako zajímavost či ozvláštnění výuky s ohledem na jejich literární vkus.

Ve výuce byly využívány úryvky z tvorby ruských i rusky píšících autorů 19., 20. a 21. století, například z ruské literatury 19. století studenty nejvíce oslovila tvorba N. V. Gogola, F. M. Dostojevského, N. S. Leskova nebo také M. Garšina a dalších. Pokud jde o ruskou

⁴³ Didaktické analýze učebnice *Твой шанс* se věnovala plzeňská rusistka Liudmila Valova. Blíže viz (Valova, 2020, s. 91–104).

literaturu 20. století, jejich pozornost se soustředila na Velkou vlasteneckou válku či tvorbu nositelů Nobelovy ceny za literaturu. U současné ruské literatury studenti překvapili znalostmi tvorby současných autorů z dostupných překladů, například Guzel Jachina, Andrej Astvacurov nebo také ruský píšící běloruská autorka Světlana Alexijevičová. Postupem času však autorka studie začala literární texty cíleně adaptovat pro přípravu na jazykovou zkoušku podle NATO STANAG 6001. Vybrané texty byly adaptovány na úroveň SLP 1 a 2 tak, aby si studenti mohli prostřednictvím materiálu opakovat a rozšiřovat slovní zásobu a zároveň se efektivně připravovat na požadovanou zkoušku. Tento přístup nebyl obvyklý, protože podle směrnic pro tvorbu testových položek nebyly literární texty považovány za vhodné; doporučovaly se jiné typy textů, například pro tvorbu testových položek, které testují dovednost čtení s porozuměním, se jedná o tematicky rozmanité neliterární texty, zatímco pro poslech jsou upřednostňovány zejména texty dialogického charakteru. Srov. (Časová, 2029, s. 1–2).

5. Technologický pokrok ve výuce

Využití digitálních technologií ve výuce je tématem, kterému se z různých perspektiv věnuje řada současných odborníků. Například brněnský vědec Michal Černý (Černý, 2023) přináší ucelený a systematický výklad evropského rámce digitálních kompetencí pedagogů DigCompEdu, který slouží k popisu, hodnocení a rozvoji digitálních dovedností učitelů v různých typech školního vzdělávání. Autor knihu koncipuje jako praktického průvodce, který propojuje teoretické základy pedagogiky s konkrétními nástroji a metodami využitelnými ve výuce. Podobně se této problematice věnuje také tým olomouckých vědců (Kopecký, Sztokowski, Kubala et al., 2021), který zkoumá nejen přínosy digitálních technologií, ale také rizika, jež jejich používání může pro studenty a pedagogy představovat.

Umělá inteligence sehrává ve výuce ruského jazyka stále významnější roli, protože umožňuje personalizaci učení a přizpůsobení obsahu individuálním potřebám studenta. Moderní AI aplikace dokážou analyzovat tempo pokroku, slabé stránky i preferovaný styl učení, a díky tomu nabízejí cílená cvičení či vhodné typy úloh. Pro vyučující znamenají nástroje umělé inteligence ulehčení při přípravě výuky – od rychlé tvorby pracovních listů až po generování doplňovacích cvičení, překladových úloh nebo posloupností konverzačních aktivit.

Cílem výuky ruského jazyka na Univerzitě obrany je, jak bylo uvedeno, úspěšné zvládnutí jazykové zkoušky dle dohody NATO STANAG 6001 na základní úrovni SLP 1. Umělá inteligence se rovněž osvědčuje při tvorbě testových položek, kde dokáže k slyšenému

či čtenému textu navrhnout pestrou škálu otázek různé obtížnosti. Kromě samotné tvorby testových položek dokáže umělá inteligence nástrojem Texttospeech.io automaticky převádět psané texty do mluvené podoby, čímž značně usnadňuje přípravu poslechových cvičení a současně snižuje časovou zátěž vyučujících. I když mohou tyto syntetické nahrávky působit přirozeně a plynule, je nezbytné, aby vyučující zkontroloval jejich jazykovou správnost, zejména správnost přízvuku a intonace, které jsou ve výuce ruského jazyka klíčové.

V praxi se využívají nástroje jako ChatGPT nebo Copilot, které mohou studentům sloužit jako konverzační partner pro nácvik ruštiny, případně jako podpora při psaní textů či procvičování gramatiky. Možnosti vzdělávání v této oblasti rozšiřují i kurzy na platformě Google, například Google Essentials, Google Prompting Essentials a další, které vyučujícím nabízí Univerzita obrany a které pomáhají uživatelům osvojit si základy práce s AI nástroji při přípravě výukových materiálů.

Výuka se v posledních letech výrazně proměnila i díky využívání moderních výukových aplikací, neboť je důraz kladen na interaktivitu a využití interaktivních metod výuky. Vyučující tak stále častěji sahají po nástrojích, které umožňují zadávat anketové otázky a získávat rychlou zpětnou vazbu od studentů, například Mentimeter, Socrative nebo Slido. Do běžné praxe se také dostaly aplikace jako Wordwall, Kahoot či Quizlet, které díky prvkům gamifikace zvyšují motivaci studentů a činí učení zábavnějším. Studenti také využívají pro samostudium jazyků aplikaci Duolingo, která podporuje jejich individuální rozvoj. V současnosti se stává samozřejmostí, že vyučující používají tyto aplikace téměř na každé hodině, zejména pro ověření, zda si studenti osvojili slovní zásobu nebo gramatické učivo. Rozdělení výukových aplikací dle typu práce ukazuje tabulka č. 1:

Tabulka č. 1:

Potřeby vyučujícího	Aplikace
Řízení výuky	MS Teams, Google Classroom, Schoology, iDoceo, Trello aj.
Tvorba výukových materiálů a videí	Canva, EduCreations, MS Power Point, MS Clipchamp, Camtasia aj.
Interaktivní výuka	Nearpod, Wordwall, Kahoot, Genially aj.
Zpětná vazba	Mentimeter, Slido, Socrative, MS Forms aj.
Samostudium	Duolingo, Babbel, Busuu, Rosetta Stone aj.

Zdroj: Vlastní zpracování

Kromě zmíněných výhod přinášejí výukové aplikace i určité nevýhody. Mezi nejčastější patří možné technické problémy, například špatné internetové připojení nebo

výpadky systému, které mohou narušit plynulost výuky. Dalším omezením je skutečnost, že více aplikací nabízí v bezplatné verzi pouze základní funkce, což může být pro studenty finančně náročné. Nevýhodou může být také přílišné soustředění studentů na herní prvky aplikací, což někdy odvádí jejich pozornost od samotného učiva a může vést k povrchnímu osvojení znalostí.

Závěr

Proměny výuky ruského jazyka na Univerzitě obrany v letech 2019–2025 jasně ukazují, že jazykové vzdělávání v prostředí vojenského vysokého školství je citlivé na změny geopolitické, společenské i technologické. Výuka musela reagovat na zásadní události – změnu bezpečnostní situace válkou na Ukrajině, pandemií COVID-19 a dynamický rozvoj digitálních technologií. Tyto faktory vedly nejen k úpravě výukových postupů, ale také k přehodnocení role ruského jazyka v rámci univerzitního kurikula i rezortních kurzů. Navzdory výrazným výkyvům v zájmu studentů si ruský jazyk dokázal udržet mezi ostatními vyučovanými jazyky stabilní postavení. Zároveň se ukázalo, že právě změněná bezpečnostní situace zvýraznila potřebu odborně orientovaných terminologických kurzů a schopnost rychlé adaptace vyučujících na specifické požadavky rezortu obrany.

Pandemie COVID-19 akcelerovala digitalizaci výuky a přinesla nový standard využívání online platforem, především MS Teams a MOODLE. Výukové aplikace a moderní technologie se staly běžnou součástí výukových metod a zásadně ovlivnily způsob, jakým studenti i vyučující přistupují k jazykovému vzdělávání. Současně se vznikly první kroky směrem k vytvoření učebních materiálů, které by lépe odpovídaly potřebám vojenského prostředí.

Neopominutelným prvkem modernizace je rovněž práce s literárním textem, která získala ve výuce nové, funkčnější postavení. Literární ukázky z tvorby ruských i rusky píšících autorů 19. – 21. století byly nejprve využívány k obohacení výuky a rozvoji kulturní kompetence studentů. Postupně však začaly být cíleně adaptovány jako autentické materiály pro přípravu na zkoušku podle NATO STANAG 6001, čímž se staly efektivním nástrojem k rozšiřování slovní zásoby, procvičování porozumění textu a posilování jazykových dovedností v kontextu, který odpovídá reálnému jazykovému prostředí.

Stále výrazněji se do výuky promítá technologický pokrok. Umělá inteligence přináší možnosti individualizace, podporuje rozvoj jazykových dovedností a usnadňuje přípravu výukových materiálů i testových položek ke zkoušce dle NATO STANAG 6001. Vyučující tak získávají efektivní nástroj, který jim pomáhá přizpůsobit výuku aktuálním požadavkům a

udržovat její vysokou kvalitu. Celkově lze konstatovat, že výuka ruského jazyka na Univerzitě obrany prošla v uplynulých letech dynamickým vývojem, který odráží širší společenské i technologické změny. Do budoucna bude klíčové pokračovat v modernizaci výukových materiálů, podporovat odborné kurzy reagující na potřeby rezortu obrany a dále rozvíjet využívání digitálních nástrojů a umělé inteligence. Tyto kroky mohou významně přispět k tomu, aby výuka ruského jazyka zůstala relevantní, efektivní a plně integrovaná do současného i budoucího rámce vojenského vzdělávání.

Seznam literatury

- Aktuální informace k nasazení armádních zdravotníků*. [online]. [cit. 2025-20-12]. Dostupné na: <https://mocr.mo.gov.cz/informacni-servis/covid/aktualni-informace-k-nasazeni-armadnich-zdravotniku-220183/>.
- ČÁSOVÁ, B. 2019. *Manuál pro tvorbu testových úloh k ověřování receptivních dovedností*. [Interní dokument]. Brno: Univerzita obrany, 8. s.
- ČERNÝ, M. 2023. *DigCompEdu: Digitální kompetence učitelů od teorie k praxi*. Praha: Národní pedagogický institut České republiky, 123 s. ISBN 978-80-7578-119-2.
- Instytut Studiów Wschodnioeuropejskich*. [online]. [cit. 2025-09-12]. Dostupné na: <https://www.uni.lodz.pl/wydzialy-i-jednostki-ul/instytut-studiow-wschodnioeuropejskich>
- KOPECKÝ, K., SZOTKOWSKI, R., KUBALA, L., KREJČÍ, V., HAVELKA, M. 2021. *Moderní technologie ve výuce* (o moderních technologiích ve výuce s pedagogi pro pedagogi). Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 206 s. ISBN 978-80-244-5925-7.
- Nečekaná výzva pro ruštináře*. [online]. [cit. 2026-29-01]. Dostupné na: <https://cjb.unob.cz/necekana-vyzva-pro-rustinare>
- ODEHNALOVÁ, L. (2025): Hodnocení učebnic Твой шанс а Я люблю русский язык z pohledu jejich využití v podmínkách jazykového vzdělávání Univerzity obrany. Aspekt motivace. In: *Novaja rusistika*. Brno: Česká asociace slavistů, roč. 18, č. 2, s. XX-XX. E-ISSN 2336-4564.
- ODEHNALOVÁ, L., ODEHNAL, J. 2023. Specifika výuky ruského jazyka v prostředí vojenského vysokého školství. In: POSPÍŠIL, I, SOLEIMAN POUR HASHEMI, Michaela, JÍLKOVÁ, Veronika eds. *Kontexty literární vědy XI*. Brno: Tribun EU, s. 63–73. ISBN 978-80-263-1799-9.
- Pomoc studentů v Mariánských Lázních*. [online]. [cit. 2025-20-12]. Dostupné na: <https://www.facebook.com/Univerzita.obrany/posts/3076044075785203/>
- Přejmenování dvou kateder a nová struktura jazykových kateder Pedagogické fakulty MU*. [online]. [cit. 2026-20-01]. Dostupné na: <https://www.ped.muni.cz/aktuality/prejmenovani-dvou-kateder-a-nova-struktura-jazykovych-kateder-pedagogicke-fakulty-mu>
- Slavistikos katedra*. [online]. [cit. 2025-09-12]. Dostupné na: <https://www.flf.vu.lt/institutai/bkki/struktura/rfk>

- SLIVA, V. 2021. *Studenti brněnských fakult budou policii vypomáhat i během Velikonoc*. [online].[cit. 2026-30-01]. Dostupné na: <https://sp.unob.cz/studenti-brnenskych-fakult-budou-policii-vypomahat-i-behem-velikonoc/>
- Tematické okruhy a schopnosti kandidáta*. [online].[cit. 2025-15-12]. Dostupné na: <https://cjv.unob.cz/centrum/testovani-jazyku/informace-ke-zkousce/tematicke-okruhy-a-schopnosti-kandidata/>
- VALOVA, L. (2020). К вопросу об учебных пособиях нового поколения (на примере учебника «Твой шанс»). In: *Philologia Rossica*. Časopis pro ruskou filologii a výuku ruského jazyka. Hradec Králové: Katedra ruského jazyka, Pedagogická fakulta Univerzity Hradec Králové, roč. Neuveden, č. 2, 2020, s. 91–104. ISSN 2694-8826.
- Výroční zpráva Univerzity obrany za rok 2021*. [online].[cit. 2025-13-02]. Dostupné z: https://lib.unob.cz/UNOB_CZ/UNOB/DOKUMENTY/VYROCNI-ZPRAVY/VZoČ%20UO%20za%20rok%202021.pdf

Lenka Odehnalová

PaedDr., Ph.D.

Centrum jazykového vzdělávání, Univerzita obrany

Šumavská 4, Brno, Česká republika

Language Centre, University of Defence

Šumavská 4, Brno, Czechia

E-mail: lenka.odehnalova@unob.cz

ORCID ID: orcid.org/0000-0003-3134-1943

CYRILLO-METODSKÁ TRADÍCIA V LITERATÚRE PRE DETI A MLÁDEŽ (DIDAKTICKÝ ASPEKT)

Dominik Vančo

Katedra slovanských filológií, Filozofická fakulta, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Nitra, Slovenská republika

Anotácia: Cyrillo-metodská tradícia je najstaršou kontinuálnou tradíciou v slovenskej kultúre. Nachádza vyjadrenie v rôznych odvetviach umenia, a to vrátane umeleckej literatúry. Špecifickou oblasťou literatúry s cyrillo-metodskou tematikou je subsystém literatúry pre deti a mládež, v ktorom dochádza k spracovaniu historickej témy postupmi, ktoré zohľadňujú detský aspekt. Teoretickým východiskom príspevku je typológia literatúry pre deti a mládež (intencionálna, neintencionálna, ľudová slovesnosť). V príspevku sa zameriavame na didaktické využitie textov s cyrillo-metodskou tematikou pre deti a mládež v rámci tzv. mimočítankového čítania, ktoré predstavuje doplnenie textov obsiahnutých v čítankách a učebniciach literárnej výchovy. Nad vybranými textami uvažujeme v kontexte moderných vyučovacích metód, napr. dramatizácia, projektové vyučovanie, skupinové vyučovanie, model EUR a pod. Predstavujeme literárne diela, ktoré by potenciálne mohli slúžiť ako didaktické východisko. V rámci intencionálnej literatúry pracujeme s dvoma prozaickými dielami: Igor Strinka: *Cyril a Metod* (2002) a Veronika Bednárová *Gorazd* (2006) a jedným básnickým textom: Daniel Pastirčák: *Slovo pred slovom. Proglas pre deti a ich rodičov* (2012). V rámci neintencionálnej literatúry predstavujeme historický román Františka Rábeka: *Tajomstvo zoborského kláštora* (2019). Špecifickým žánrom je komiks, napr. *Príbeh Cyrila a Metoda, ktorí priniesli svetlo Slovanom* (2001). Pri všetkých predstavených dielach zvyrazňujeme funkciu ilustrácie.

Kľúčové slová: Cyrillo-metodská tradícia. Literatúra pre deti a mládež. Didaktika literatúry. Ilustrácia. Moravsko-panónske legendy.

THE CYRILLO-METHODIAN TRADITION IN LITERATURE FOR CHILDREN AND YOUNG ADULTS: A DIDACTIC PERSPECTIVE

Abstract: The Cyrillo-Methodian tradition is the oldest continuous tradition in Slovak culture. It finds expression in various branches of art, including imaginative literature. A specific area of literature with Cyrillo-Methodian themes is the subsystem of children's and young adult literature, in which historical subject matter is processed through approaches that take into account the child reader's perspective. The theoretical framework of the paper is based on the typology of children's and young adult literature (intentional literature, non-intentional literature, and folk literature). The paper focuses on the didactic use of texts with Cyrillo-Methodian themes for children and young adults within the context of so-called extracurricular reading, which complements the texts included in literature textbooks and readers. Selected texts are considered in the context of modern teaching methods, such as dramatization, project-based learning, group work, and the EUR model. The paper presents literary works that could potentially serve as didactic starting points. Within intentional

literature, the analysis includes two prose works – *Cyril and Method* by Igor Strinka (2002) and *Gorazd* by Veronika Bednárová (2006) – as well as one poetic text, *The Word Before the Word: Proglas for Children and Their Parents* by Daniel Pastirčák (2012). Within non-intentional literature, the study examines the historical novel *The Secret of the Zobor Monastery* by František Rábek (2019). A specific genre addressed is the comic book *Cyril & Methodius. Illuminators of the Slavs* (2001). In all the presented works, special emphasis is placed on the function of illustration.

Keywords: Cyrillo-Methodian tradition. Children's and young adult literature. Literary didactics. Illustration. Moravo-Pannonian legends.

Cyrilo-metodská tradícia v optike literatúry pre deti a mládež

Cyrilo-metodská tradícia kontinuálne nachádza svoj výraz v rôznych sférach umenia a kultúry slovenského národa. Popri hudobnom, výtvarnom či filmovom umení je jedným z kľúčových prejavov tradície práve literárna tvorba. Pre poznávanie cyrilo-metodskej problematiky prostredníctvom literárnych diel sú k dispozícii dve základné kategórie textov, pričom dištinktívnym príznakom je (priamy či sprostredkovaný) vzťah danej skupiny textov k zobrazovaným javom. Rozdielnosť tiež vyplýva z časového odstupu medzi látkou a textom, z autorského zámeru či z anticipovaného recipienta.

Prvú kategóriu zastupujú primárne, t. j. dobové staroslovienske texty veľkomoravskej literárnej školy a jej pokračovateľov, ktorým je pripisovaná tiež historiografická hodnota. Fungujú nielen ako texty literárnej povahy, ale aj ako dôležité pramene poznania udalostí veľkomoravského, resp. po veľkomoravského obdobia. Tieto pamiatky písané v staroslovienčine, a vo väčšine prípadov zachované len v neskorších cirkevnoslovanských odpisoch, je potrebné pre moderného čitateľa prekladať do slovenčiny. Ako príklad možno uviesť *Proglas*, *Život Konštantína*, *Život Metoda* a iné, ale tiež spisy neumeleckej povahy, napr. (cirkevno-)právne ustanovenia (*Penitenciál*, *Nomokánon*, *Zákon súdny*)⁴⁴ či Konštantínovu *Rozpravu o prekladaní / Predhovor k evanjeliáru*⁴⁵.

Druhou kategóriou sú novodobé literárne diela s veľkomoravskou tematikou, ktorých exponenciálny rozmach nastal v období slovenského národného obrodzenia. Jednotlivé texty sú umeleckým výrazom ideovo-estetického zámeru autora a jeho interpretácie historických udalostí – dominuje historický žáner. Vo vzťahu k primárnym staroslovienskym pamiatkam sú tieto diela sekundárne, t. j. zákonite sú od nich vo väčšej či menšej miere intertextuálne

⁴⁴ Pozri publikáciu Kataríny Habovštiakovej a Emy Krošlákovéj: *Z tvorby solúnskych bratov a ich žiakov* (1993).

⁴⁵ Pomenovanie tejto pamiatky je neustálené. V odbornej literatúre sa možno stretnúť s oboma názvami. Znenie pamiatky a odborný komentár Eugena Paulinyho pozri v štúdiu *Konštantín Filozof ako teoretik prekladu* (1980).

závislé, čím vzniká pretextovo-posttextová relácia⁴⁶. Vzhľadom na to, že sú písané v slovenčine, tak ich nie je potrebné prekladať, t. j. sú jazykovo prístupné⁴⁷.

Vlastná literárno-umelecká reflexia cyrilo-metodskej tradície primárne spočíva v uchovávaní a aktualizovaní kultúrnych hodnôt naprieč časom prostredníctvom literárneho diela. Tieto hodnoty majú univerzálnu a v mnohých ohľadoch nadčasovú platnosť. Ukazuje sa to aj v súvislosti s predpokladaným recipientom. Texty s cyrilo-metodskou tematikou sa neobmedzujú len na dospelého čitateľa, ale svoje posolstvo adresujú aj detskému recipientovi. V tomto prípade dochádza k špecifickému narábaniu s danou tematikou, ktoré vyplýva z uplatňovania kategórie detského aspektu, t. j. k zohľadňovaniu formálnych a obsahových vlastností textu s ohľadom na detského čitateľa⁴⁸. Je pri tom dôležité dbať na to, aby takéto texty neboli postavené iba na svojej informačnej hodnote (zdroj poznatkov), ale aby v primeranej miere odzrkadľovali estetické očakávania príjemcu, v tomto prípade detského čitateľa, resp. žiaka (čítanie ako umelecký zážitok). Mariana Hrašková zdôrazňuje, že takáto historická, resp. cirkevno-historická tematika „by nemala v detských knižných publikáciách slúžiť len ako text k vecnému poznaniu, resp. byť výchovným prostriedkom, na ktorom sa môžu demonštrovať etické a morálne zásady, ale aj ako podklad pre zážitkové otvorenie estetických a noetických dimenzií diela“ (Hrašková, 2013, s. 472).

Z uvedených dôvodov je relevantné uvažovať o svojráznom charaktere cyrilo-metodskej tradície v kontexte literatúry pre deti a mládež⁴⁹. Teoretickým východiskom, umožňujúcim aspoň čiastočnú orientáciu v rozsiahlom súbore textov na základe predpokladaného recipienta, je typológia troch zložiek subsystému literatúry pre deti a mládež. Podľa nej možno vyčleniť literatúru intencionálnu (cieľene adresovanú detskému príjemcovi); neintencionálnu (pôvodne adresovanú dospelému čitateľovi, no za istých

⁴⁶ Pre podrobnejšiu charakteristiku zákonitostí intertextuality pozri publikáciu Tibora Žilku *Text a posttext* (2011), príp. kapitolu *Medzitextové nadväzovanie* v rámci publikácie *Originál-preklad. Interpretačná terminológia* (1983).

⁴⁷ Výnimkou sú texty Jána Hollého, ktoré sa zvyknú jazykovo aktualizovať a prekladať z bernolákovčiny do modernej slovenčiny. V tomto prípade dochádza k tzv. vnútroliterárnemu (v rámci jednej národnej literatúry) a zároveň vnútrojazykovému prekladu (v rámci jedného jazykového systému zo staršej do novej podoby).

⁴⁸ Podľa definície Jána Kopála, sa detský aspekt „uplatňuje v predmete, koncepcii a vo výrazovom systéme literárnej tvorby pre deti, čiže v spôsobe modelovania tohto sveta v literárnom diele“ (Kopál, 1997, s. 28).

⁴⁹ Tendencie reflektovať cyrilo-metodskú tradíciu detskému, resp. mládežníckemu príjemcovi však nie sú novodobým konceptom. Ich začiatky možno stopovať už v prvej polovici 19. storočia, v tzv. predumeleckom období literatúry pre deti a mládež. Pozri štúdiu Martiny Petrikovej *Cyrilo-metodská tradícia v literatúre pre deti a mládež v predumeleckom období* (*Čítanka, Národné spievanky, Slovenská čítanka*) (2021). Veľkomoravskej tematike v literatúre pre deti a mládež v umeleckom období s dôrazom na 20. storočie sa venuje Ondrej Sliacky: *Veľkomoravské motívy v literatúre pre deti a mládež* (2013). Vybraným dielam z 20. a 21. storočia Mariana Hrašková: *Téma Cyrila a Metoda v súčasnej detskej literatúre* (2013) a Ján Gallik: *Cyrilo-metodská tematika v literatúre pre deti a mládež* (2018).

okolností prechádzajúcu do sféry detského čitateľa) a ľudovú slovesnosť (Kopál – Tarcalová, 1985, s. 8).

Cieľom predloženého príspevku je uvažovať nad didaktickým potenciálom a vhodnosťou použitia vybraných intencionálnych, resp. neintencionálnych diel s cyrilo-metodskou tematikou v rámci vyučovacieho procesu, konkrétne v podobe mimočítankového čítania, resp. čitateľských tvorivých dielní⁵⁰. Zameriavame sa teda na diela, ktoré môžu slúžiť ako doplnkový či podporný materiál k textom obsiahnutým v čítankách. V učebniciach a čítankách literárnej výchovy sa prevažne môžeme stretnúť s primárnymi pamiatkami v slovenských prekladoch, v menšej miere so sekundárnymi textami, ktoré majú umeleckú či populárno-náučnú povahu⁵¹. Vychádza z toho otázka, či by výraznejšie používanie (a vhodné didaktické uchopenie) umeleckých diel s cyrilo-metodskou tematikou neprispelo k jej celkovému zatraktívneniu či sprístupneniu detskému príjemcovi – v tomto prípade žiakovi, aby sa kontakt s problematikou našich najstarších dejín stal umeleckým zážitkom. V tomto ohľade možno taktiež uvažovať nad adekvátnou aplikáciou moderných vyučovacích postupov⁵².

Cyrilo-metodská tradícia v intencionálnej literatúre pre deti a mládež

Z intencionálnych textov, ktoré sú cielene koncipované s ohľadom na detského, resp. mládežníckeho recipienta, uvádzame dve prozaické diela. Obe vyšli vo vydavateľstve Lúč v rámci edície *Deťom*, ktorej zámerom je priblížiť životy rôznych svätcov. V kontexte našej témy sú to knihy *Cyril a Metod* (2002) a *Gorazd* (2006). Autorom prvej z nich je Igor Strinka, ktorý je zároveň autorom ilustrácií. Na druhej menovanej sa podieľali Veronika Bednárová (text) a Katarína Smetanová (ilustrácie). Napriek formálnej podobnosti a celkovej koncepcii (formát, vizuálna stránka) možno postrehnúť niekoľko odlišností.

⁵⁰ Z pohľadu organizácie vyučovania sa mimočítankové čítanie ako forma nadstavby odlišuje od čítankového vo viacerých aspektoch. Umožňuje variabilnejší výber textov zodpovedajúci aktuálnym (čitateľským či didaktickým) potrebám, taktiež vytvára predpoklad na čítanie nielen úryvkov (ako v prípade čítanky), ale najmä diel v ich plnom rozsahu (Hrašková a kol., 2021, s. 23 – 25). Čitateľská dielňa predstavuje jednu z možných podôb realizácie mimočítankového čítania popri čitateľskom denníku, čitateľskom portfóliu, triednej knižnici a pod. (ibid., s. 31 – 48).

⁵¹ Analýze učebníc literatúry s ohľadom na cyrilo-metodskú tradíciu sa venuje napr. Lucia Hupková: *Cyrilo-metodská tradícia v učebniciach literatúry* (2008). V danej štúdii uvádza, že najväčšia pozornosť sa kladie práve *Proglasu a moravsko-panónskym legendám* a konštatuje nedostatočnú pestrosť textových ukážok: „Väčšia rôznorodosť ukážok by rozšírila nielen vedomostné obzory, plnila by aj inšpiratívnu funkciu v prípade bližšieho čitateľského záujmu“ (Hupková, 2008, s. 333). Z toho vyplýva priestor na výraznejšie obohatenie vyučovania používaním rôznych mimočítankových textov.

⁵² Máme na mysli metódy, ktoré možno vymedziť v protiklade k tzv. transmisívnemu vyučovaniu postavenému na strohom odovzdávaní poznatkov od (aktívneho) učiteľa k (pasívne prijímajúcemu) žiakovi (Gavora a kol., 2008, s. 149 – 150). Medzi moderné metódy vyučovania literatúry možno zaradiť stratégie založené na aktívnom prístupe žiaka, v ktorom učiteľ plní funkciu facilitátora, napr. projektové vyučovanie, model EUR, tvorivá dramatika, skupinové a kooperatívne vyučovanie a pod. Pozri napr. Eva Vitězová: *Moderné metódy vo vyučovaní literatúry I* (2021).

Dielo *Cyril a Metod* sa tematicky viaže na zmapovanie významných životných okamihov Konštantína (Cyrila) a Metoda, a to od mladosti oboch bratov až po Metodovu smrť. Možno si všimnúť motivicko-tematickú korešpondenciu s moravsko-panónskymi legendami. Strinkova kniha je akoby beletrizovaným prerozpráváním legiend s drobnými autorskými invenciami. Pracuje sa tiež s faktorom času. V úvodnej časti textu sa explicitne konštatuje odstup medzi časom rozprávania a časom deja: „*Bolo to pred viac ako 1100 rokmi, keď si Slovieni, predkovia Slovákov, vytvorili rozsiahle kniežatstvo nazývané aj Veľkomoravská ríša*“ (Strinka, 2002, s. 4). Tento rozmer „časovej vzdialenosti“ sa umocňuje hneď na nasledujúcej strane zmienkou o cyrilo-metodskej úcte v súčasnosti: „*Pre veľké dobrodenie ich dnes uctieваме ako patrónov – ochrancov Európy*“ (ibid., s. 5). Okrem toho sa na viacerých miestach textu niektoré udalosti aj explicitne datujú, čím sa posilňuje rozmer historického príbehu. Po takomto úvode, v ktorom možno pociťovať štýl expozície typický pre žáner rozprávky (na spôsob „Kde bolo, tam bolo...“), sa začína vlastný dej príbehu o Konštantínovi a Metodovi. Spôsob narácie však nevytvára dojem jednoliateho (kohézneho) sujetu. Jednotlivé textové segmenty skôr pôsobia ako juxtaponované epizódy, medzi ktorými sú aj výrazné posuny v čase. Zrejme to súvisí s vizuálnou zložkou knihy, ktorá je jej dominantnou črtou. Každá strana diela pozostáva z ilustrácie a k tomu prislúchajúcemu textu (nie sú však natoľko prepojené ako pri komikse). V istom ohľade sa na knihu možno pozerieť ako na galériu ilustrácií, sprítomňujúcich jednotlivé dejové okamihy, pričom sú vždy doplnené o sprievodný text. Výraznejšie je zaťažená kategória rozprávača, ktorý sprostredkúva jednotlivé informácie. Priama reč sa síce miestami uplatňuje, no nie natoľko, aby sa dosiahla citeľnejšia plasticnosť danej epickej situácie alebo vzájomná dynamika vystupujúcich postáv (i keď to ani zrejme nebol zámer knihy).

Uvedené črty diela (textový komentár dopĺňajúci bohaté ilustrácie) môžu poslúžiť ako východisko pre didaktické uchopenie takéhoto textu. Vzhľadom na súvzťažnosť s moravsko-panónskymi legendami by kniha mohla slúžiť ako sprievodný materiál k tejto téme. Potom, čo sa žiaci oboznámia so samotným *Životom Konštantína*, sa v rámci reflexie či opakovania môže pracovať s uvedeným dielom. Životopis bratov možno segmentovať na jednotlivé epizódy. Využívajú sa postupy skupinového vyučovania. Každá skupina žiakov pracuje s kópiou jednej strany z knihy. Učiteľ vopred vyberie vhodné strany, ktoré na záver vytvoria ucelený životopis Konštantína. Každá skupina si na podklade ilustrácie a sprievodného textu pripraví krátky komentár, zhrnutie danej situácie (prítom využívajú poznatky, ktoré už poznajú vďaka *Životu Konštantína* a výkladu učiteľa). Text rozprávača môžu žiaci rozvinúť do plnšej epickej scény s prehovormi postáv. Žiaci majú priestor uvažovať nad tým, ako

jednotlivé postavy reagovali, o čom sa mohli v danej situácii rozprávať. Po skončení tejto prípravnej fázy každá skupina prečíta, resp. v prípade vhodnej tvorivej atmosféry dramatizuje, svoju scénu. V závere musia žiaci v triede zoradiť jednotlivé epizódy do správneho chronologického poradia.

Kniha *Gorazd* ponúka podobné možnosti didaktickej reflexie, i keď svojím celkovým charakterom je skôr určená mladším čitateľom než *Cyril a Metod*. Príbeh o Gorazdovi tu možno vnímať v dvoch polohách. Prvá polovica diela sa venuje Gorazdovej mladosti, o ktorej sa celkovo zachovalo veľmi málo historických dokladov, preto tu možno postrehnúť väčšiu mieru autorskej interpretácie. Druhá polovica diela sa zase opiera o pramene, najmä čo sa týka pôsobenia Konštantína a Metoda na Veľkej Morave. Medzi oboma rozoberanými knihami tým dochádza k čiastočnému obsahovému prekrytiu. V *Gorazdovi* sa však vo väčšom rozsahu zohľadňuje prítomnosť detského čitateľa, rozprávač sa usiluje viesť s ním dialóg, vtiahnuť ho do deja: „*Podarilo sa vám už, deti, zobudiť sa nadržanom?*“ (Bednárová, 2006, s. 5). Ukazuje sa to aj v motivicko-tematickej rovine. Pri opise Gorazdovej mladosti sa prehnane nezdôrazňuje časový odstup, jeho detstvo je opísané všeobecnejšie pomocou obrazov blízkych čitateľovi: „*Bol najskôr dieťaťom, chlapcom, akými ste teraz vy, alebo kamaráti, ktorí sedia spolu s tebou v laviciach vašej triedy*“ (ibid., s. 6). Historická konkrétnosť opisovaných udalostí sa posilní až neskôr v deji tam, kde sa dá vychádzať z prameňov. Pôsobenie cyrilo-metodskej misie je opísané z Gorazdovho pohľadu, ako jej priameho účastníka. Kniha teda nespadá len do rámca cyrilo-metodskej tradície, ale aj do svätogorazdovskej. Dielo končí Metodovou smrťou a v závere sa konštatuje nejednoznačnosť ďalších Gorazdových osudov: „*Záver Gorazdovho života sa nám stráca v hmle stáročí. Bádateľia sa pokúšali hľadať jeho stopy v Česku, Poľsku, Chorvátsku, Bulharsku a Macedónsku. Nie všetko zo života sv. Gorazda je nám jasné, napísané, čitateľné. Jedno však vieme naisto: do šľapají tohto nášho prvého slovenského svätca hodno vstúpiť*“ (ibid., s. 53). Takýto otvorený záver by mohol slúžiť ako východisko diskusie o tom, čo mohol Gorazd zažiť, ako sa vysporiadal s odchodom zo svojej krajiny, príp. kde pôsobil. Na to by sa dalo nadviazať aktivitami zameranými napr. na tvorivé písanie (vytvorenie vlastných verzií pokračovania príbehu) či maľovanie (v rámci medzipredmetových vzťahov).

V oblasti poézie považujeme za dielo s didaktickým potenciálom *Slovo pred slovom. Proglas pre deti a ich rodičov* (2012) od Daniela Pastirčáka. Táto kniha stojí na pomedzí intencionálnej a neintencionálnej literatúry. Paralelne totiž uvádza slovenský preklad *Proglasu* na jednej strane a zároveň Pastirčákovo prebásnenie (či preklad) pre detského čitateľa. Takáto dvojdomosť (aspekt dospelého a detského) signalizovaná už v názve (*Proglas*

pre deti a ich rodičov) je explikovaná v predhovore autora: „Slová Filozofa sa spoja so slovami nových básničiek, otázky detí s otázkami rodičov“ (Pastirčák, 2012). Koncepcia diela už apriori počíta so vzájomným čítaním dieťaťa a dospelého, ktorým nemusí byť len rodič, ale i učiteľ. Paralelnosť *Proglasu* a *Slova pred slovom* umožňuje vnímať hodnoty *Proglasu* z nového uhľa pohľadu. Pastirčák totiž zachováva invariant originálu, no transformuje ho jazykovými a motivicko-tematickými prostriedkami, ktoré sú adekvátne detskému recipientovi. Motívy sú aktualizované, napr. „Kristus nás však učil mať rád nepriateľa. / Fero ma raz udrel, dvakrát mu to vrátim; / nuž zlo zvíťazilo, dobro sa mi tratí (ibid., s. 19). Tento text možno vnímať ako poetický návod (vysvetlenie) na čítanie samotného *Proglasu*. Pastirčákov prebásnenie sa tak stáva prostriedkom na poznávanie a hlbšie porozumenie pôvodnému Konštantínovmu dielu. Vytvára to zároveň pestré možnosti didaktickej aplikácie. Možno využiť napr. len Pastirčakov text, ak by bolo cieľom sprístupnenie významovej stránky, resp. nadčasových hodnôt – text totiž stojí aj sám za seba. V prípade starších a čitateľsky zdatnejších žiakov, resp. už aj študentov, sa ponúka konfrontácia oboch textov, teda hľadanie spoločnej významovej podstaty vyjadrenej rôznymi jazykovými prostriedkami. Charakter knihy dotvárajú aj ilustrácie Miloša Koptáka, z ktorých mnohé majú síce abstraktnejší charakter, no v kontexte diela sa ich význam sprehľadňuje. Ako príklad možno uviesť ilustráciu na strane XVIII., na ktorej je vyobrazená postava rytiera držiaceho knihu. Možno ju interpretovať dvoma spôsobmi: 1. rytier bráni knihu (zastupujúcu vzdelanosť); 2. rytier je „odetý“ do knihy ako do zbroje, t. j. vzdelanie (písmo, knižnosť, viera) človeka „vyzbrojuje“. Takúto interpretáciu podporuje samotná pasáž z *Proglasu* uvedená na danej strane: „Lebo sú bez kníh nahé všetky jazyky. / Bo nemôžu sa borit' v boji bez zbroje / s protivníkom a duši našich záhubcom. / Odsúdené sú večnej muke za korisť“ (ibid., s. XVIII). Podobným spôsobom možno odhaľovať vzájomnú súvislosť medzi *Proglasom*, *Slovom pred slovom* a ilustráciami aj v ostatných prípadoch⁵³.

Cyrilo-metodská tradícia v neintencionálnej literatúre pre deti a mládež

V rámci neintencionálnej tvorby je k dispozícii omnoho širší súbor textov s cyrilo-metodskou tematikou než v prípade intencionálnej. Prehľad literárnych diel je k dispozícii vo viacerých výberových antológiách⁵⁴. Výber konkrétnych textov sa preto môže riadiť rôznymi kritériami s ohľadom na didaktický zámer, napr. žánrové hľadisko (poézia, próza, dráma);

⁵³ Komplexnejšie didaktické uchopenie Pastirčákovho textu sme predstavili v rámci publikácie *Text pre deti a mládež ako interpretačná úloha v didaktickom procese* (2021).

⁵⁴ Pozri Rudolf Krajčovič: *Veľká Morava v tisícročí* (1985) a Peter Liba a Silvia Lauková: *Medzi trvaním a dejinami. Cyril a Metod v slovenskej literatúre* (2013).

dĺžka textu (napr. povest' oproti historickému románu); komplexnosť fabuly (cyrilo-metodská misia zobrazená v celkovej dĺžke oproti zobrazeniu len vybraného úseku); psychologizácia postáv (plochosť, typizovanosť, idealizovanosť oproti plastickejšiemu, psychologizácii, poľudšteniu postáv); obsahová náročnosť textu; (ne)ilustrovaná kniha a pod. Učiteľ by mal premýšľať v tomto prípade aj nad spôsobom, akým sú jednotlivé postavy zobrazované. Pre texty s veľkomoravskou tematikou v slovenskej literatúre sú totiž typické dve tendencie: mýtizácia a demýtizácia. Jednému či druhému autorskému zámeru potom zodpovedá výsledný spôsob tematizovania historických udalostí.

V tomto smere by sme chceli upriamiť pozornosť na historický román Františka Rábeka *Tajomstvo zoborského kláštora* (2019) s ilustráciami Martina Oscitého. Autorovo spracovanie problematiky a jeho postoj k dobovým prameňom, z ktorých pri písaní vychádzal, možno označiť ako afirmatívne, teda výraznejšie sa neodkláňa od tradovaných predstáv o cyrilo-metodskej misii (tradícii). Naopak napr. Milan Ferko vo svojich románoch *Svätopluk* (1975) a *Svätopluk a Metod* (1985) prináša pomerne demýtizované (ale zároveň plastické a adekvátne psychologizované) spracovanie postáv. Metoda, postavu svätca, ukazuje v ľudskom, profánnejšom, svetle s charakterovými nedostatkami a pod. Rábek naopak zachováva hagiografickú intenciu moravsko-panónskych legiend. V mnohých ohľadoch z nich vychádza pri koncipovaní jednotlivých románových scén. Možno dokonca nájsť miesta, ktoré (skryto) citujú, resp. parafrázujú znenie legiend a sujet románu v značnej časti korešponduje s osnovou *Životov*. Okrem toho autor v románe rovnocenne spracoval aj problematiku gorazdovskú a svätoplukovskú, pričom tiež vychádzal z rôznych pretextov (napr. zoborská povest' o Svätoplukovi a pod.). Z tohto dôvodu považujeme toto dielo za vhodnú čitateľskú alternatívu k čítankovým textom. Obsahovú a v istom zmysle aj žánrovú stránku moravsko-panónskych legiend totiž sprostredkúva aj Rábekov román. Vzhľadom na rozsah (238 strán) by sme však prácu s týmto dielom zaradili v rámci čitateľskej dielne, príp. čitateľských denníkov, pretože plnohodnotná recepcia textu sa odhalí až pri čítaní celého diela. Čitateľskú skúsenosť možno obohatiť aj prostredníctvom rovnomennej rozhlasovej hry, ktorú v roku 2021 pripravil Štefan Timko⁵⁵.

Cyrilo-metodská tradícia v komiksovom spracovaní

Všetky literárne diela, ktoré sme spomínali vyššie, majú spoločné to, že v nich dôležitú úlohu zohráva súhra textu a ilustrácie. Práve táto vizuálna zložka vytvára predpoklad na pesterjšie didaktické uchopenie týchto diel, čím sa dosahuje plnohodnotnejšia recepcia

⁵⁵ Rozhlasová hra je uverejnená v archíve RTVS. Dostupné na: <https://www.stvr.sk/radio/archiv/11453/1642839> [cit. 2026-02-08].

samotného textu, a tým pádom prehĺbenejšie poznanie danej problematiky. Špecifickým žánrom, v ktorom dochádza k ešte organickejšiemu prepojeniu obrazu a slova, je komiks. V kontexte cyrilo-metodskej témy spomenieme komiksové spracovanie životopisu Konštantína a Metoda: *Príbeh Cyrila a Metoda, ktorí priniesli svetlo Slovanom* (2001), ktorého autormi sú Jerry a Faith McColloughovci. Komiks pôvodne vyšiel v anglickom jazyko pod názvom *Cyril & Methodius. Illuminators of the Slavs* (2000) a do slovenčiny ho preložili Jarmila Cihová a Ruth Erdélyi.

Výhodou komiksu je samotný žáner, pretože možno predpokladať, že s ním žiaci majú aj vlastnú čitateľskú skúsenosť, resp. že ho vyhľadávajú z vlastnej iniciatívy. Spojenie populárneho žánru, ktorý tvorí prirodzenú súčasť žánrového povedomia žiakov, s náročnejšou historickou problematikou môže priniesť zaujímavé výsledky v rámci vyučovania. Príkladom na didaktické uplatnenie komiksu v rámci literárnej výchovy môže byť vytváranie vlastnej podoby komiksu. Učiteľ v rámci prípravy vytvorí kópie vybraných komiksových panelov a prekryje text v jednotlivých bublinách. Žiaci následne dopĺňajú vlastný text podľa svojho uváženia, čím sa ukazujú ich predstavy o danej téme. Takáto aplikácia komiksu však predpokladá istý stupeň poznania životopisu Konštantína a Metoda. Žiaci môžu pracovať v skupinách. Každá skupina pripravuje iný panel (pri väčšom počte skupín sa môžu vytvárať aj alternatívy toho istého panelu) a na záver sa v triede prezentuje spoločný ucelený komiks, ktorý sa následne môže umiestniť na nástenku.

Záver

Súčasná slovenská literatúra ponúka viaceré texty s cyrilo-metodskou tematikou intencionálnej i neintencionálnej literatúry pre deti a mládež, ktoré v podobe mimočítankového čítania môžu predstavovať vhodný doplnok k textom uvedeným v čítankách a učebniciach literárnej výchovy. Ukazujú sa pritom pestré možnosti, ako s týmito textami didakticky pracovať pomocou moderných vyučovacích metód. Vďaka nim nemusí byť čítanie o osudoch veľkomoravských postáv len zdrojom vecných informácií o slovanskej histórii, ale môže sa stať umeleckým zážitkom. To by v konečnom dôsledku malo byť jedným z hlavných cieľov literárnej výchovy vo všeobecnosti.

Zoznam literatúry

- BEDNÁROVÁ, V. 2006. *Gorazd*. Bratislava: Lúč, 56 s. ISBN 80-7114-593-9.
- GALLIK, J. 2018. Cyrilo-metodská tematika v literatúre pre deti a mládež. In: *Bibiana*. Bratislava: Bibiana, roč. 25, č. 1, s. 36 – 45. ISSN 1335-7263.

- GAVORA, P. a kol. 2008. *Ako rozvíjať porozumenie textu u Žiaka*. Nitra: Enigma, 193 s. ISBN 978-80-89132-57-7.
- HABOVŠTIAKOVÁ, K. – KROŠLÁKOVÁ, E. 1993. *Z tvorby solúnskych bratov a ich žiakov*. Trnava: Spolok svätého Vojtecha, 151 s. ISBN 80-7162-028-9.
- HRAŠKOVÁ, M. 2013. Téma Cyrila a Metoda v súčasnej detskej literatúre. In: *Tradícia a prítomnosť misijného diela sv. Cyrila a Metoda*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, s. 471 – 477. ISBN 978-80-558-0401-9.
- HRAŠKOVÁ, M. a kol. 2021. *Literárne praktikum II*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 162 s. ISBN 978-80-558-1801-6.
- HUPKOVÁ, L. 2008. Cyrilo-metodská tradícia v učebniciach literatúry. In: *Význam kultúrneho dedičstva sv. Cyrila a Metoda pre Európu*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, s. 326 – 334. ISBN 978-80-8094-455-1.
- KOPÁL, J. – TARCALOVÁ, Ž. 1985. *Literatúra pre deti a didaktika literárnej výchovy na prvom stupni základnej školy*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 228 s. Bez ISBN.
- KOPÁL, J. 1997. *Próza a poézia pre mládež. Teória/poetológia*. Nitra: Enigma. 313 s. ISBN 80-85471-48-5.
- KRAJČOVIČ, R. 1985. *Veľká Morava v tisícročí*. Bratislava: Tatras, 235 s. Bez ISBN.
- MCCOLLOUGH J. – MCCOLLOUGH, F. 2001. *Príbeh Cyrila a Metoda, ktorí priniesli svetlo Slovanom*. Bratislava: CreativePress, 66 s. ISBN 80-7131-047-6.
- LIBA, P. – LAUKOVÁ, S. 2013. *Medzi trvaním a dejinami. Cyril a Metod v slovenskej literatúre*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 238 s. ISBN 978-80-558-0381-4.
- PASTIRČÁK, D. 2012. *Slovo pred slovom. Proglas pre deti a ich rodičov*. Bratislava: Literárne informačné centrum, 23 s. ISBN 978-80-8119-058-2.
- PAULINY, E. 1980. Konštantín Filozof ako teoretik prekladu. In: *Revue svetovej literatúry*, roč. 16, č. 1, s. 165 – 169. Bez ISSN.
- PETRÍKOVÁ, M. 2021. Cyrilo-metodská tradícia v literatúre pre deti a mládež v predumeleckom období (Čítanka, Národné spievanky, Slovenská čítanka). In: *Konštantínove listy*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, roč. 14, č. 1, s. 133 – 122. ISSN 1337-8740.
- POPOVIČ, A. a kol. 1983. *Originál-preklad. Interpretačná terminológia*. Bratislava: Tatran, 368 s. Bez ISBN.
- RÁBEK, F. 2019. *Tajomstvo zoborského kláštora*. Marianka: Ordinariát OS a OZ SR, 238 s. ISBN 978-80-89261-80-2.
- Rozhlasový archív RTVS. *Tajomstvo zoborského kláštora*. Dostupné na: <https://www.stvr.sk/radio/archiv/11453/1642839> [cit. 2026-02-08].
- SLIACKY, O. 2013. Veľkomoravské motívy v literatúre pre deti a mládež. In: *Slová Slovanov*. Bratislava: Literárne informačné centrum, s. 133 – 141. ISBN 978-80-8119-076-6.
- STRINKA, I. 2002. *Cyril a Metod*. Bratislava: Lúč, 72 s. ISBN 978-80-7114-369-7.
- VITÉZOVÁ, E. 2021. *Moderné metódy vo vyučovaní literatúry I*. Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej univerzity v Trnave, 102 s. ISBN 978-80-568-0423-0.

- ZELEŇÁKOVÁ, H. – VANČO, D. – GALLIK, J. 2021. *Text pre deti a mládež ako interpretačná úloha v didaktickom procese*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 109 s. ISBN 978-80-558-1735-4.
- ŽILKA, T. 2011. *Text a posttext*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 153 s. ISBN 978-80-8094-878-8.

Dominik Vančo

PhDr., PhD.

Katedra slovanských filológií, Filozofická fakulta

Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre

Štefánikova 67, 949 01 Nitra, Slovensko

Department of Slavic Philologies, Faculty of Arts

Constantine the Philosopher University in Nitra

67 Štefánikova St., 949 01 Nitra, Slovakia

E-mail: dvanco@ukf.sk

ORCID ID: 0009-0002-5493-408X

МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ОСВОЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ДИСКУРСОМ

Дилдора Тохировна, Акмалова

Наманганский государственный институт иностранных языков имени И.Ибрата
г. Наманган, Узбекистан

Аннотация: В статье рассматриваются условия формирования управленческой компетентности будущих учителей русского языка на основе освоения технологий управления дискурсом. Управленческая компетентность понимается как интегративное качество личности педагога, обеспечивающее эффективное планирование, организацию, регулирование и рефлексию учебного взаимодействия. Дискурсивный аспект профессиональной деятельности учителя русского языка рассматривается как механизм реализации педагогического воздействия. В работе анализируется структура управленческой компетентности, определяются виды и функции педагогического дискурса, выявляются педагогические возможности дискурсивных технологий. Обоснованы и разработаны методические условия, включающие специально организованную учебную среду, дискурсивно-ориентированные задания, моделирование профессионально-коммуникативных ситуаций и рефлексивные практики.

Ключевые слова: управленческая компетентность учителя, управление учебным дискурсом, технологии управления дискурсом, речевая деятельность, управление речевой коммуникацией, педагогическое взаимодействие, дискурс-ориентированное обучение.

METHODOLOGICAL CONDITIONS FOR FORMING MANAGERIAL COMPETENCE OF FUTURE RUSSIAN LANGUAGE TEACHERS THROUGH MASTERING DISCOURSE MANAGEMENT TECHNOLOGIES

Abstract: The article examines the conditions for developing the managerial competence of future Russian language teachers on the basis of mastering discourse management technologies. Managerial competence is understood as an integrative quality of a teacher's personality that ensures effective planning, organization, regulation, and reflection of educational interaction. The discursive aspect of a Russian language teacher's professional activity is viewed as a mechanism for the implementation of pedagogical influence. The paper analyzes the structure of managerial competence, identifies the types and functions of pedagogical discourse, and reveals the pedagogical potential of discursive technologies. The methodological conditions are substantiated and developed, including a specially organized

learning environment, discourse-oriented tasks, modeling of professional communicative situations, and reflective practices.

Keywords: teacher's managerial competence, instructional discourse management, discourse management technologies, speech activity, management of verbal communication, pedagogical interaction, discourse-oriented learning.

В последние годы в педагогической практике особенно очевидна необходимость трансформации подготовки педагога, направленной на формирование его управленческой компетентности. Профессиональная деятельность учителей русского языка в большей степени строится на вербальном взаимодействии с учащимися, в свою очередь эффективное общение во время учебного процесса связано с созданием благоприятных условий обучения. В этой связи управленческая компетентность педагога приобретает особое значение и формируется как совокупность коммуникативно-организационных, рефлексивных и технологических умений, обеспечивающих результативное управление учебным дискурсом. Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что методическая подготовка будущих учителей русского языка к овладению этими умениями пока недостаточно разработана.

Одной из актуальных научно-педагогических задач является определение структуры управленческой компетентности в контексте дискурсивной деятельности участников образовательного процесса.

Управленческая компетентность учителя — это интегративное качество личности педагога, обеспечивающее умение планировать, организовывать, координировать и регулировать учебное взаимодействие в классе. В контексте дискурсивной деятельности это подразумевает способность эффективно управлять речевыми практиками, создавать продуктивный диалог и поддерживать учебный дискурс на уровне, соответствующем образовательным целям.

Дискурсивная деятельность охватывает все виды коммуникации и обратную связь между учителем и учениками. Управление дискурсом включает организацию речевых ролей, распределение времени высказываний, контроль за ходом обсуждения, поддержку мотивации участников и корректировку коммуникационных ошибок.

Структура компетентности может быть представлена через несколько взаимосвязанных компонентов (рис. 1):

**Элементы управленческой компетентности в профессиональной
дискурсивной деятельности педагога**

Коммуникативно-организационный компонент	Регулятивно-дискурсивный компонент	Коррекционно-педагогический компонент	Рефлексивно-оценочный компонент	Мотивационно-коммуникативный компонент
умение планировать учебный дискурс (структура урока, ключевые вопросы, цели диалога); организация учебного взаимодействия (роли участников, последовательность высказываний); поддержка продуктивного общения между	контроль темпа и направления дискуссии; корректировка несоответствий и недопониманий; умение управлять конфликтными или сложными речевыми ситуациями.	использование методов речевой коррекции; предотвращение коммуникативных сбоев; адаптация речи к уровню подготовки и особенностям учеников.	умение анализировать собственное управленческое поведение в дискурсе; выявление сильных и слабых сторон организации учебного общения; корректировка педагогических стратегий на основе самоанализа и	создание мотивирующей речевой среды; стимулирование активности учеников; использование речевых приёмов вовлечения и поддержки инициативы.

Данная структура позволяет обосновать направленность содержания подготовки будущего учителя русского языка и позволяют выделить условия и средства обучения дискурсивному управлению, которые обеспечивают развитие соответствующих умений в дискурсивной деятельности педагога. На основе структурного анализа становится возможным проектирование методических условий, ориентированных на формирование у будущих педагогов навыков планирования и организации учебного дискурса, регулирования речевого взаимодействия, анализа и коррекции коммуникативных ситуаций.

В педагогической теории дискурс понимается как регулируемое речевое пространство, в рамках которого реализуется содержание обучения, а управленческая компетентность традиционно трактуется как совокупность знаний, навыков и личностных качеств, обеспечивающих эффективное управление учебным процессом. Учебный дискурс рассматривается нами как инструмент построения взаимодействия, регулирования познавательной активности и обеспечения образовательного результата. Поэтому мы считаем, что организация и управление дискурсом становится компонентом управленческой компетентности педагога.

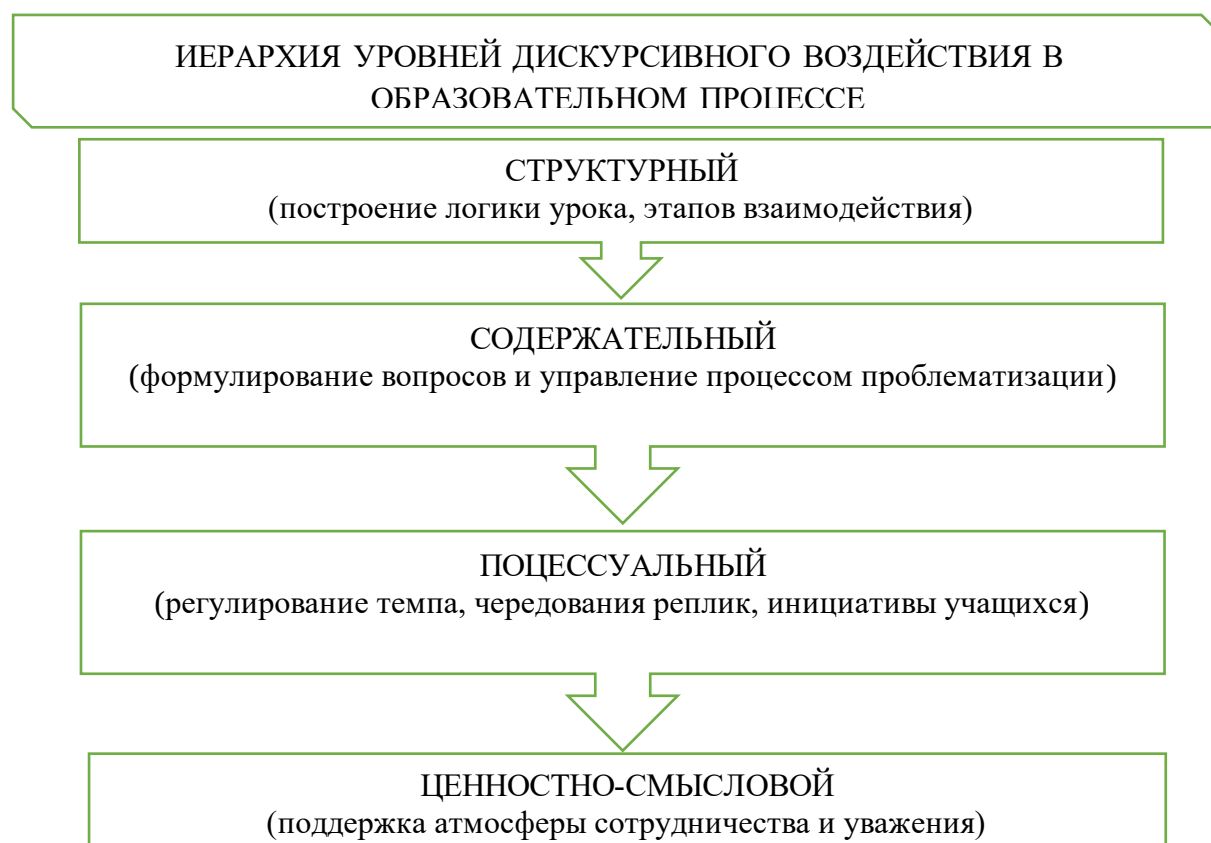
Деятельность учителя русского языка реализуется через коммуникацию и способность управлять речевыми ситуациями:

- инициировать и поддерживать учебный диалог;
- регулировать ход обсуждения;
- обеспечивать понимание учебного материала;
- предотвращать грамматико-речевые и коммуникативные ошибки;
- формировать культуру участия в дискуссии.

Как видим, умение управлять учебным дискурсом носит интегративный характер, где взаимодействие становится основным механизмом достижения учебных целей, обеспечивающих переход от монологической к диалоговой модели обучения. Эффективное дискурсивное управление предполагает создание условий для продуктивного участия учащихся в обсуждении, побуждение их к аргументированным высказываниям и совместному поиску решений. Через организованное речевое взаимодействие обеспечивается мотивированность обучающихся к достижению учебной цели, формируются навыки учебной автономности, критического мышления и самостоятельного анализа информации.

Дискурсивная деятельность как форма управленческого воздействия проявляется на нескольких уровнях (рис. 2).

Рис. 2. Модель уровней дискурсивной деятельности учителя как средства управления.

Таким образом, учебный дискурс рассматривается нами как особая сфера, в которой учитель осуществляет управленческое воздействие. Его деятельность направлена на то, чтобы структурировать и управлять речевым взаимодействием, обеспечивать согласованность высказываний учащихся и поддерживать логику обсуждения.

В основу данной модели легли следующие принципы:

- дискурсивная направленность;
- деятельностно-коммуникативная интеграция;
- проблематизация учебной коммуникации;
- рефлексивность;
- вариативность дискурсивных решений.

Принципы и методические условия формирования управленческой компетентности будущих учителей русского языка опираются на систему научно обоснованных подходов, обеспечивающих целостное и последовательное развитие дискурсивно-управленческих умений. Процесс подготовки строится с учётом того, что управление учебным процессом осуществляется преимущественно через речевое взаимодействие, и поэтому освоение технологий управления дискурсом включается в структуру профессиональных компетенций наряду с методическими и предметными знаниями. Обучение будущих педагогов предполагает сочетание коммуникативных, методических и организационных действий, что позволяет формировать навыки анализа речевых ситуаций, управления взаимодействием и регулирования динамики урока в условиях реальной или моделируемой педагогической практики.

Важным принципом является проблематизация учебной коммуникации, которая формирует способность инициировать, поддерживать и направлять обсуждение, превращая учебный материал в предмет совместного анализа и рассуждения, а также рефлексивность, обеспечивающая оценку собственных речевых действий, выявление коммуникативных затруднений и корректировку стратегий управления дискурсом.

Не менее значимым является принцип вариативности дискурсивных решений, предполагающий освоение различных речевых стратегий, таких как объяснение, вопрос, переформулирование, уточнение и модерация, с учётом особенностей конкретной учебной ситуации и состава группы, а принцип контекстности требует учитывать условия образовательной среды, включая многоязычие, различия в уровнях подготовки учащихся, использование цифровых технологий и региональные особенности.

Формирование управленческой компетентности требует включения в учебный процесс специализированного дискурсивно-управленческого блока, направленного на изучение педагогического дискурса, освоение методов и технологий управления речевыми взаимодействиями, моделирование образовательного диалога, а также развитие навыков предотвращения и разрешения коммуникативных конфликтов.

Практикоориентированные формы работы (разбор педагогических кейсов, анализ реальных фрагментов уроков и моделирование дискурсивных ситуаций) обеспечивают развитие профессиональных умений в условиях, максимально приближенных к реальной практике.

Создание рефлексивно-аналитической среды позволяет студентам анализировать собственное речевое поведение, получать обратную связь, сравнивать разные модели управления дискурсом и вести индивидуальные рефлексивные дневники.

Таким образом, формирование управленческой компетентности будущих учителей русского языка становится результативным при сочетании научно обоснованных принципов дискурсивно-ориентированной педагогической подготовки, системы методических условий, обеспечивающих включённость студентов в деятельность по анализу и организации учебного дискурса, и практикоориентированной модели обучения, предполагающей поэтапное освоение управленческих речевых действий.

Формирование управленческой компетентности будущих учителей русского языка через управление учебным дискурсом осуществляется на основе комплекса педагогических технологий, которые обеспечивают системное освоение дискурсивно-управленческих умений и их интеграцию в профессиональную деятельность.

В основе технологии формирования управленческой компетентности будущих учителей русского языка через управление дискурсом лежит принцип деятельностного подхода, предполагающий активное включение студентов в учебные ситуации, моделирующие реальные педагогические коммуникации, где речевое взаимодействие становится инструментом организации, координации и регулирования учебного процесса.

Технологии формирования управленческой компетентности будущих учителей русского языка включает последовательное формирование компетенций по уровням: сначала осуществляется анализ и усвоение примеров педагогического дискурса, затем отрабатываются отдельные речевые стратегии, после чего студенты приступают к планированию и организации собственных дискурсивных ситуаций, а завершающим

этапом является самостоятельное проведение учебных фрагментов с последующей рефлексией и коррекцией действий.

Технология также предполагает систематическое применение психолого-педагогических методов, направленных на развитие коммуникативной гибкости, умения управлять эмоциональным фоном дискуссии, корректно формулировать вопросы и поддерживать продуктивный диалог. В совокупности все перечисленные элементы создают целостную технологию формирования управленческой компетентности, в рамках которой будущие учителя русского языка осваивают интегративный комплекс умений, таких как планирование и организация учебного дискурса, регулирование речевого взаимодействия, поддержание мотивации и активности учащихся, оценка и коррекция коммуникационных процессов.

Реализация данной технологии обеспечивает переход от теоретического осмысления педагогического управления к практическому овладению профессиональными навыками, необходимыми для эффективного управления учебным процессом и формирования продуктивной учебной среды в условиях современных образовательных систем.

Список литературы

- МЕЙІРХАНҚЫЗЫ М.М. Педагогический дискурс- как специальная сфера речевой деятельности // Педагогика и Методы Обучения. — [online]. — [accessed 2025-12-09]. Available at: <https://ptm.sdu.edu.kz/index.php/ptm/article/view/31>
- MIRCHEVSKA-BOSHEVA B., MEDVEDEVA N.V. Pedagogical discourse of a bilingual – future teacher of the Russian language // Научные журналы РУДН. — 2022. — [online]. — [accessed 2025-12-09]. Available at: https://journals.rudn.ru/russian-language-studies/article/view/32061/en_US
- MAKSIMUK L.M., LEVONYUK L.Y., ALIPICHEV A.Y., SERGEEVA N.A. Discourse Approach to Communicative Competence Formation of University Students // articlegateway.com. — 2022. — [online]. — [accessed 2025-12-09]. Available at: <https://articlegateway.com/index.php/JHETP/article/view/5427>
- KABDEN N.M., NIYAZOVA A.E. Formation of discursive competence of future foreign language teachers in conditions of professionally oriented communication // Вестник педагогики. — 2025. — [online]. — [accessed 2025-12-09]. Available at: <https://pedagogy-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/pedagogy-vestnik/article/view/1257>
- АБДЫКАРИМОВА Г.М. Письменная дискурсивная компетентность как составная часть коммуникативной компетентности студентов вузов // Вестник педагогики. — 2020. — [online]. — [accessed 2025-12-09].

- KOZLOVA A.N. Научные интерпретации дискурсивной компетентности в обучении иностранному языку // vestnik-pp.samgtu.ru. — 2022. — [online]. — [accessed 2025-12-09]. Available at: <https://vestnik-pp.samgtu.ru/1991-8569/article/view/119866>
- ДИГИНА О.В. Методика формирования дискурсивной компетентности у студентов в процессе обучения иностранному языку // IBN. — [online]. — [accessed 2025-12-09]. Available at: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/203-214_1.pdf
- КАЛЫКОВА А.О., АРИНОВА Б.А. Формирование дискурсивной компетентности социального педагога: методы и подходы // bulletin-pedagogical.ablaikhan.kz. — 2025. — [online]. — [accessed 2025-12-09]. Available at: <https://bulletin-pedagogical.ablaikhan.kz/index.php/j1/article/view/1911>
- ЖАКСЫБАЕВА А. Особенности образовательного дискурса // Педагогика и Методы Обучения. — [online]. — [accessed 2025-12-09].
- ГОРБУНОВА М.В. Формирование дискурсивных умений в системе подготовки учителя. — Диссертация, Москва, 2011. — [online]. — [accessed 2025-12-09]. Available at: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-diskursivnykh-umenii-v-sisteme-podgotovki-uchitelya>

Дилдора Тохировна Акмалова

доцент, доктор философии по педагогическим наукам (PhD.)

Наманганский государственный институт иностранных языков имени И. Ибрата

г. Наманган, Республика Узбекистан

Namangan State Institute of Foreign Languages named after I. Ibrat

Namangan, Uzbekistan

E-mail: dilya-yura@mail.ru

ORCID ID: 0009-0006-6421-5432

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Мирзакбарова Севда Вахиддиновна

Наманганский государственный институт иностранных языков имени И.Ибрата
г. Наманган, Узбекистан

Аннотация: В статье анализируются научно-методические условия формирования интегрированных компетенций у студентов нефилологического профиля в ходе обучения русскому языку как иностранному. На основе психолого-педагогических и лингводидактических подходов уточняются содержание интегрированных компетенций и факторы, определяющие динамику их развития у обучающихся неязыковых специальностей. Особое внимание уделяется тем условиям, которые обеспечивают результативность формирования коммуникативных, когнитивных, межкультурных и учебно-стратегических умений: организации учебной среды, отбору содержания, применению эффективных методических решений, а также интеграции учебной, речевой и профессионально ориентированной деятельности. Показаны образовательные возможности современного курса РКИ, способствующие целостному развитию компетенций и поддерживающие успешную академическую подготовку иноязычных студентов.

Ключевые слова: интегрированные компетенции, психолого-педагогические условия, лингводидактика, студенты-нефилологи, профессиональная коммуникация, образовательный процесс.

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF INTEGRATED COMPETENCIES IN NON- PHILOLOGICAL STUDENTS WITHIN THE CONTEMPORARY EDUCATIONAL PROCESS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: the article analyzes the scientific and methodological conditions for the formation of integrated competencies in non-philological students in the process of teaching Russian as a Foreign Language (RFL). Drawing on psychological-pedagogical and linguodidactic approaches, the study уточняет the content of integrated competencies and identifies the factors determining the dynamics of their development among students of non-language specializations. Particular attention is paid to the conditions that ensure the effectiveness of developing communicative, cognitive, intercultural, and learning-strategic skills, including the organization of the learning environment, content selection, the use of effective methodological solutions, and the integration of educational, speech, and professionally oriented activities. The educational potential of a modern RFL course is demonstrated,

highlighting its contribution to the holistic development of competencies and its support of successful academic training for international students.

Keywords: integrated competencies, psychological and pedagogical conditions, linguodidactics, non-philological students, professional communication, educational process.

Ведение. Современное преподавание русского языка как иностранного (РКИ) представляет собой сложную, многоуровневую систему, основанную на интеграции коммуникативного, социокультурного и практико-ориентированного подходов. Его основная цель - не просто передача лингвистических знаний, а формирование функциональной коммуникативной компетенции, позволяющей обучающемуся эффективно взаимодействовать в реальной русскоязычной среде.

Современная методика преподавания. Рассмотрим основные аспекты и особенности РКИ.

Коммуникативная направленность как ядро методики. Главный принцип современного преподавания РКИ - это ориентация на общение. Язык изучается не как абстрактная система правил, а как инструмент для решения повседневных задач.

С точки зрения тематико-ситуативной организации материала уроки строятся вокруг жизненно важных ситуаций: «Знакомство», «В городе», «В магазине», «У врача», «План на день». Студенты сразу учатся не спряжению глаголов вообще, а тому, как сказать: «Я живу в Самаре», «Куда ты идешь?», «Сколько это стоит?».

Отбор лексики. Вводится высокочастотная, практическая лексика, необходимая для выживания в новой языковой среде (еда, транспорт, учебный процесс, основные глаголы движения и действия).

Диалогическая практика. Практически каждое грамматическое правило закрепляется через диалоги, ролевые игры и вопросы для взаимного опроса, что моделирует реальное общение.

Далее следует поэтапное и интегрированное введение грамматики. Грамматика не является самой целью, а служит потребностям общения. Ее введение характеризуется следующими чертами:

- поэтапность и цикличность. Студент последовательно проходит от простого к сложному: начинается с именительного падежа (Кто? Что?), затем вводится родительный (Кого? Чего?), предложный (Где? О чём?), винительный (Кого? Что? Куда?), дательный (Кому?) и творительный (Кем? С кем?) падежи. При этом ранее изученные темы постоянно повторяются и интегрируются в новые задания;

- функциональное представление правил. Грамматические конструкции подаются не как сухие схемы, а как инструменты для выражения определенных смыслов. Например, родительный падеж изучается в контексте отрицания («У меня нет брата»), выражения количества («Сколько стоит?») и принадлежности («Чей это?»);
- сравнительный подход. Для облегчения понимания используются таблицы, наглядно сравнивающие падежные окончания, виды глаголов (совершенный/несовершенный) и спряжения. Правила часто дублируются, что помогает снять первоначальный барьер понимания.

Следующий аспект – это формирование фонетической культуры. Большое внимание уделяется постановке произношения, что является особенностью РКИ из-за специфики русской фонетики.

Работа с артикуляцией. Даются подробные объяснения и упражнения на произношение твердых и мягких согласных, редукцию гласных, ассимиляцию звонких и глухих согласных.

Освоение ритмики и интонации. Отдельно прорабатываются ритмические модели слова и интонационные конструкции, необходимые для вопросительных, утвердительных и восклицательных предложений.

Преодоление интерференции. Упражнения специально составлены так, чтобы противодействовать типичным ошибкам, вызванным влиянием родного языка учащихся.

Социокультурный компонент как основа интеграции предполагает, что обучение языку неразрывно связано с погружением в культурный контекст.

Страноведческий материал. В пособие включены тексты и задания о Москве, Самаре, российских праздниках, известных личностях (Пушкин, Королев), что расширяет кругозор и формирует положительный образ страны изучаемого языка.

Формирование социокультурной компетенции. Студенты учатся не просто говорить, а говорить уместно, используя принятые формы обращения, этикетные формулы («Здравствуйте», «Извините», «Пожалуйста»).

Развитие толерантности. Подход способствует пониманию и принятию другой культуры, что является важной воспитательной задачей.

Делается также акцент на видах речевой деятельности и практических умениях. При этом обучение строится на развитии всех ключевых навыков:

- аудирование и говорение. Многочисленные диалоги и задания на составление собственных высказываний.

- чтение. Работа с адаптированными текстами (объявления, короткие рассказы, письма).
- письмо. От простого списывания и заполнения анкет до написания коротких связных текстов о себе, своем городе, планах на день.

Гибкость и адаптивность учебного процесса состоит в том, чтобы применять современные методы как инструмент для аудиторной и самостоятельной работы. Такой подход отражает современный тренд на смешанное обучение, где студент становится активным субъектом образовательного процесса, а преподаватель - организатором и фасилитатором.

Итак, можно сказать, что современная методика преподавания РКИ - это целостная система, где лингвистический материал органично вплетается в коммуникативный контекст, обогащается культурологическим содержанием и подчиняется сугубо практическим целям. Она нацелена на быстрый выход в речь, преодоление психологического и языкового барьера и успешную социокультурную адаптацию иностранного студента, что в конечном итоге формирует полноценного участника межкультурного диалога.

Компетентностный подход, который является основополагающим в реформировании систем образования во многих странах мира, представляет собой не просто методическое обновление, а фундаментальный сдвиг в философии обучения, его целях и результатах. Его теоретические основы были заложены и разработаны трудами целой плеяды ученых, чьи идеи позволяют понять суть и стратегические ориентиры современных образовательных преобразований.

Анализ подходов раскрывает эволюцию понятия от узкоутилитарного к целостному, личностно-ориентированному. На первом этапе в зарубежной педагогике и психологии, в своих трудах понятие «компетенция» рассмотрел Дж. Равен как «специфическую способность, необходимую для эффективного выполнения конкретного действия в определенной предметной области» (Raven, 2018, с. 29). Он подчеркивал мотивационно-волевой компонент, утверждая, что для реализации компетенции недостаточно одного лишь навыка, требуется личностное отношение и ценностная ориентация на достижение результата.

Такая мысль далее была развита в работах Дж. Хоута и С. Шо, которые делали акцент на поведенческом аспекте, определяя компетенцию как демонстрируемую способность применять знания и умения в реальной профессиональной деятельности. Но классическое, ставшее хрестоматийным, разграничение ввел Л.М.Спенсер, разделивший «понятия «компетенция» как внутреннего, глубинного личностного

качества (мотивы, ценности, Я-концепция, черты характера, знания) и «компетентность» как владение этим качеством, то есть способность продемонстрировать его на практике, выполнить работу» (Spencer, 2019, с. 38).

Именно это различие легло в основу многих моделей оценки персонала. В европейском образовательном пространстве важный вклад внесен И.А. Зимней. Исследователь в контексте российского образования дала развернутое психолого-педагогическое обоснование компетентностного подхода. Автор определила компетенцию как некоторое внутреннее, потенциальное, скрытое психологическое новообразование, включающее знания, представления, программы действий и системы ценностей, тогда как компетентность – это актуальное, проявляемое качество личности, основанное на умения действовать в определенной ситуации. Зимняя настаивала на том, что «компетентность всегда личностно окрашена и социально обусловлена, поскольку реализуется в конкретных социокультурных условиях. Она выделила три ключевые группы компетенций: относящиеся к самому человеку как личности и субъекту деятельности; относящиеся к социальному взаимодействию; и относящиеся к деятельности» (Зимняя, 2020, с. 30).

Другой отечественный исследователь, А.В.Хуторской, предложил свою, ставшую весьма популярной, иерархическую структуру. «Он разделил компетенции на ключевые (надпредметные, универсальные, необходимые для любой деятельности), общепредметные (относящиеся к кругу учебных предметов) и предметные (формируемые в рамках конкретного предмета)» (Щукин, 2021, с. 416). К ключевым он, в частности, отнес ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые компетенции и компетенцию личностного самосовершенствования. Этот подход позволил усовершенствовать компетентностную парадигму для разработки образовательных стандартов и учебных программ.

И.А.Зимняя, развивая эти идеи «акцентировала роль деятельности как контекста формирования и проявления компетенций, подчеркивая, что знание не передается в готовом виде, а конструируется самим обучающимся в процессе решения практико-ориентированных задач» (Зимняя, 2020, с. 19).

Таким образом, анализ эволюции взглядов ведущих ученых на компетентностный подход позволяет выявить нам важные характеристики, определяющие стратегию реформирования образования. Согласимся с тем, что происходит переход от абстрактных «знаний, умений, навыков» к интегративной

категории «компетенция», объединяющей в себе знаниевый, деятельностный и личностный компоненты. Также обозначим, что на смену идеалу «эрудированного человека» приходит идеал «компетентного человека», способного мобилизовать свои внутренние ресурсы для решения конкретных жизненных и профессиональных проблем.

Отметим, что принципиально меняется система оценки результатов образования. То есть, внимание сместилось с контроля усвоенной информации на оценку способности действовать в нестандартных ситуациях.

Также определим, что компетентностный подход носит ярко выраженный практико-ориентированный и метапредметный характер, требуя перестройки всего учебного процесса вокруг формирования универсальных способностей. Именно эти принципы, выкристаллизованные в трудах Равена, Спенсера, Хуторского и Зимней, составляют теоретическое ядро современных реформ, нацеленных на то, чтобы выпускник образовательной системы был не просто информированным, а гибким, адаптивным и конкурентоспособным субъектом в быстро меняющемся мире.

Что касается образования в Узбекистане, то оно сейчас переживает серьезную трансформацию образовательного мышления, что наглядно проявляется в обучении неродным языкам, включая русский. Понятие «компетенции» постепенно вытесняет классическую триаду ЗУН (знания, умения, навыки), занимая доминирующее положение в лингводидактике последних лет. Подобные изменения отражают не просто обновление педагогического инструментария и образовательных технологий, но указывают на перестройку всей методологической базы преподавания иностранных языков в республике.

Кроме этого, обозначим, что в педагогической практике происходит смещение акцентов, то есть традиционная модель, ориентированная на передачу школьникам фиксированного набора знаний, умений и навыков, постепенно вытесняется компетентностным форматом обучения.

Например, Г. Б. Корнетов сформулировал важное различие между этими концепциями. Он обозначил, что «компетентностная основа нацелена на синхронизацию образовательной системы с запросами современного рынка труда. Принципиальная особенность такого подхода заключается в фокусировке на конечных образовательных достижениях» (Корнетов, 2018, с. 63). Автор выдвигает предложение, при котором компетенции не следует приравнивать к простому набору знаний, умений и навыков. Важным моментом становится умение личности эффективно справляться с

разнообразными сложными задачами, а не просто накопленный объём изученного материала.

Классическая образовательная модель превращает знания, умения и навыки в конечную цель обучения, что приводит к их отрыву от практической действительности. Эта оторванность от повседневной реальности зачастую остаётся неясной для обучающихся. Компетентностная модель, в противовес этому, выдвигает требование осмысленного и систематического подхода.

Стоит также сказать, что в данном аспекте под компетенциями понимается практическое использование багажа знаний, умение целенаправленно задействовать приобретённые речевые навыки для достижения целей коммуникации. Существует острая потребность в фундаментальной трансформации профессионального мировоззрения педагогов, ведущих курсы русского языка для нерусскоязычных студентов в образовательных учреждениях Узбекистана.

В условиях внедрения компетентностного подхода роль индивидуализированного обучения существенно усиливается. Согласно справочным материалам, данная методика представляет собой образовательную стратегию, базирующуюся на учёте профессиональной направленности, психологических особенностей, возрастных характеристик обучающихся, их способностей и образовательных запросов. Фундаментом такого обучения служат принципы персонализации и дифференцированного подхода, направленные на развитие личностного потенциала студентов.

Современная образовательная система Узбекистана движется в направлении личностно-ориентированной модели преподавания, что обусловлено пониманием важности трансформации учебной среды.

Высшее образование Узбекистана обеспечивает подготовку высококвалифицированных кадров по направлениям образования бакалавриата и специальностям магистратуры.

Подготовка кадров с высшим образованием осуществляется в высших образовательных организациях (университеты, академии, институты, высшие школы). Высшее образование имеют право получить человек, имеющий общее среднее (одинадцатилетнее образование), среднее специальное (девятилетнее базовое среднее и двухгодичное среднее специальное образование), начальное профессиональное образование (девятилетнее базовое среднее и двухгодичное начальное профессиональное образование), а также личности, получившие до вступления в силу

настоящего закона среднее специальное, профессиональное образование (девятилетнее общее среднее и трехгодичное среднее специальное, профессиональное образование).

Развернутую и глубокую характеристику сути личностно-ориентированного подхода предлагает Л.Т.Ахмедова: «Личностно-ориентированный подход к обучению ИЯ заключается в разработке содержания обучения, основанного не только на научных знаниях, но и метазнаниях (приемы и методы познания) и специальных формах взаимодействия участников образовательного процесса (учеников, учителей, родителей). Этот подход подразумевает особые процедуры отслеживания характера и направленности развития обучающегося, создание благоприятных условий для формирования его индивидуальности и определение динамики развития ребенка в сравнении с самим собой, а не с другими» (Ахмедова, 2019, с. 296).

Итак, в современном образовании, ставящем своей целью формирование у учащихся определенного набора компетенций, в идеале должен реализоваться (и в определенной мере реализуется) компетентностный подход, который, в нашем представлении, должен состоять из двух компонентов: использования педагогических технологий и реализации личностно-ориентированного подхода к обучению. Тем не менее нельзя не сказать, что большинство учителей русского языка в средней общеобразовательной школе с узбекским языком обучения продолжает придерживаться традиционной методики обучения. Тем самым по преимуществу практикуется подход, основанный на привитии ЗУН.

Обозначим тот факт, что основополагающим элементом в трактовке понятия компетенции выступает акцент на потенциале человека осуществлять практическую деятельность. Обратимся к позиции Г.Д.Бухаровой, которая утверждает следующее «компетенции никоим образом не противоречат традиционным знаниям, умениям и навыкам, однако имеют существенные отличия. Специфика компетенций относительно знаний заключается в том, что они проявляются через активные действия, а не представляют собой лишь теоретические сведения. Если говорить о различиях с умениями, то компетенции характеризуются возможностью их использования в разнообразных проблемных ситуациях» (Бухарова, 2012, с. 90). Что касается отличий от навыков, компетенции предполагают осмысленное применение, в то время как навыки функционируют автоматически, благодаря чему индивид получает возможность действовать более гибко.

В узбекской научной традиции получило распространение следующее толкование: компетентность представляет собой комплексное образование,

отражающее степень образованности индивида и его готовность к самосовершенствованию, в то время как компетенция выступает в качестве социального требования к образовательным результатам обучающихся. Следует отметить, что данный подход разграничивает два понятия и подчеркивает способность применять знания «не только в знакомых условиях, но и в принципиально иных, нетипичных ситуациях».

Согласно наблюдениям А.А.Вербицкого, формирование компетенций представляет собой «ключевой образовательный результат, требующий качественной проработки и охватывающий всю систему обучения на каждой её ступени» (Вербицкий, 2020, с.84).

Важные компетенции не выделяются как автономный компонент образовательной программы, а органично встроены в её структуру и содержательное наполнение. Каждый учащийся должен овладеть этими компетенциями, поскольку они пронизывают все учебные дисциплины. Стоит подчеркнуть, что за последние годы ориентация на компетенции превратилась в доминирующую концепцию при формировании современных образовательных моделей, определяя направленность всего педагогического процесса.

Заключение. Сущность компетентностного подхода в узбекской интерпретации заключается в переходе от идеала «эрудированного человека» к идеалу «компетентного специалиста». Это подразумевает, что результатом образования должны стать не сами по себе знания, умения и навыки, а интегрированная способность использовать их в практике — компетенция. Данный подход предполагает формирование у обучающихся иерархии компетенций, включающей ключевые (универсальные, применимые в различных сферах жизни, такие как коммуникативная, информационная, способность к критическому мышлению и самообразованию), общепрофессиональные (связанные с будущей профессиональной областью) и специальные (узкопрофессиональные). Именно этот комплекс позволяет выпускнику вуза гибко адаптироваться к изменениям на рынке труда, быть мобильным и востребованным. Внедрение данной парадигмы потребовало пересмотра Государственных образовательных стандартов, где результаты обучения стали формулироваться в виде конкретных, проверяемых компетенций, а также активизации использования интерактивных методов обучения, проектной деятельности и технологий проблемного обучения, которые переносят студента из пассивной позиции слушателя в активную позицию исследователя и практика.

Что касается преподавания РКИ, то здесь компетентностный подход вызвал фундаментальный сдвиг от доминировавшей долгое время лингвоцентричной модели, где главной целью было овладение системой языка (грамматикой, лексикой, фонетикой), к модели коммуникативно-деятельностной и социокультурной. Если ранее выпускник мог блестяще спрягать глаголы, но был не способен поддержать беседу на актуальную тему или понять смысл прочитанной публицистической статьи, то система считала свою задачу выполненной. Сегодня же ключевой целью становится формирование комплексной коммуникативной компетенции, понимаемой как готовность и способность осуществлять иноязычное общение в определенных параметрах. Однако в современной трактовке эта цель существенно обогащается и дифференцируется. Преподавание РКИ в Узбекистане теперь нацелено на развитие не просто лингвистической, но и социолингвистической компетенции (умение использовать язык адекватно контексту общения), дискурсивной компетенции (способность строить связное и логичное высказывание), стратегической компетенции (умение компенсировать недостаток языковых средств с помощью жестов и т.д.) и, что особенно важно, социокультурной компетенции. Последняя предполагает глубокое погружение в культурный контекст, понимание реалий, менталитета, невербальных кодов и ценностных ориентаций носителей русского языка, без чего даже грамматически правильная речь может привести к коммуникативным неудачам. Для студентов не филологов, составляющих значительный контингент аудитории, абсолютным приоритетом становится формирование профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции. Это означает, что будущий инженер, врач или экономист должен уметь не просто «читать и переводить со словарем» специализированную литературу, а использовать русский язык как инструмент для решения профессиональных задач: поиска и анализа информации, участия в конференциях, ведения деловой переписки и подготовки документации.

Методическое воплощение этих новых целей в практике преподавания РКИ выражается в кардинальном обновлении арсенала методов, приемов и технологий. На смену традиционным лекциям и грамматико-переводным упражнениям приходят активные и интерактивные формы работы.

Широкое применение находят кейс-стади (разбор конкретных профессиональных ситуаций), ролевые и деловые игры («Собеседование при приеме на работу», «Научная дискуссия», «Переговоры с партнерами»), метод проектов, где студенты совместно работают над созданием презентации, исследовательского доклада

или даже бизнес-плана на русском языке. Принцип аутентичности требует использования на занятиях оригинальных материалов: статей из современных российских СМИ, отрывков из фильмов и сериалов, блогов, подкастов и научных публикаций, что погружает учащихся в живой, актуальный языковой поток. Технологии смешанного и «перевернутого» обучения позволяют вынести рутинную работу с лексикой и грамматикой на самостоятельное изучение, освобождая аудиторное время для продуктивной коммуникативной практики.

Соответственно, трансформируется и система контроля: вместо традиционного лексико-грамматического тестирования все большее распространение получает аутентичное оценивание. Его инструментами становятся языковое портфолио, собирающее все достижения студента (письменные работы, аудиозаписи выступлений, результаты проектов), защита проектов, где оценивается не только языковая правильность, но и умение аргументировать, презентовать и работать в команде, а также методы само- и взаимооценки, развивающие у учащихся рефлексию и метапредметные навыки.

Таким образом, компетентностный подход в стратегии реформирования образования Узбекистана находит свое прямое и логичное отражение в преподавании РКИ, трансформируя его из академического предмета в практический инструмент межкультурной и профессиональной коммуникации, что в полной мере соответствует стратегическим задачам подготовки конкурентоспособных национальных кадров для XXI века.

Список литературы

- АХМЕДОВА Л.Т. 2019. Личностно-ориентированный подход в обучении иностранным языкам. - Ташкент: Fan va texnologiya, 296 с.
- БУХАРОВА Г.Д., СТАРИКОВА Л.Д. 2012. Компетентность и компетенции - фундаментальные понятия компетентностного подхода // Понятийный аппарат педагогики и образования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Ткаченко, 87-95 с.
- ВЕРБИЦКИЙ А.А. 2020. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. - М.: Юрайт. А.Галагузова. Вып. 7. Екатеринбург: 95 с.
- ЗИМНЯЯ И.А. 2020. Ключевые компетенции как результат современного образования: монография. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юрайт, 19-30 с.
- КОРНЕТОВ Г.Б. 2018. Образовательные парадигмы и современные модели обучения. - М.: Академия.
- SPENCER L.M., SPENCER S.M. 2019. Competence at Work: Models for Superior Performance. - Reprint edition. - New York: Wiley.

- RAVEN J. 2018. *Education, Values and Society: Competence Development in the Modern World*. - London: HK Lewis.
- ХУТОРСКОЙ А.В. 2021. Компетентностный подход в образовании: учебное пособие для вузов. 5-е изд. М: Юрайт.
- ЩУКИН А.Н. 2021. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие. - 4-е изд. - М: Флинта, 416 с.

Мирзакбарова Севда Вахиддиновна

стажёр-преподаватель / trainee teacher of the department

Наманганский государственный институт иностранных языков имени И. Ибрата

г. Наманган, Республика Узбекистан

Namangan State Institute of Foreign Languages named after I. Ibrat

Namangan, Uzbekistan

E-mail: sevda6666mir@gmail.com

ORCID ID: -/-

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГЕЙМИФИКАЦИИ КАК ИНТЕРАКТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ РКИ

Азамат Серикович Нурсеитов
докторант PhD ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва
Астана, Казахстан

Аннотация: Настоящая работа посвящена исследованию дидактического и методического потенциала геймификации в качестве интерактивной технологии обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ). В статье представлен анализ основных направлений интеграции игровых механик в образовательную среду высшей школы. Рассмотрены психолого-педагогические аспекты повышения мотивации, когнитивные преимущества игрового подхода, а также трансформирующая роль искусственного интеллекта (далее – ИИ) как ключевой цифровой технологии. Автором описаны преимущества, такие как персонализация и развитие метанавыков, а также выявлены объективные ограничения и риски, включая этические вопросы и необходимость учёта культурных специфик. Проведенный анализ демонстрирует эффективность инновационного потенциала геймификации как инструмента формирования профессиональной коммуникативной компетенции студентов вузов, изучающих РКИ.

Ключевые слова: геймификация, интерактивное обучение, ИИ, РКИ, эффективность обучения языку.

INNOVATIVE POTENTIAL AND EFFECTIVENESS OF GAMIFICATION AS AN INTERACTIVE TECHNOLOGY IN TEACHING RFL TO UNIVERSITY STUDENTS

Abstract: This paper is devoted to the study of didactic and methodological potential for gamification as an interactive technology for teaching Russian as a foreign language (RFL). The article presents an analysis the main directions for integrating game mechanics into the educational environment of higher education. The paper examines the psychological and pedagogical aspects for measuring motivation, the cognitive benefits of gaming behaviour, and the transformative role of artificial intelligence (AI) as a key digital technology. The author describes advantages such as personalization and the development of meta-skills, and identifies strict limitations and risks, including ethical issues and the need to consider cultural specifics. The conducted analysis demonstrates the effectiveness of innovative potential for gamification as a tool for developing the professional communicative competence of university students studying RFL.

Keywords: gamification, interactive learning, AI, RFL, language learning effectiveness.

Введение

В современном образовательном пространстве наблюдается существенная трансформация подходов к обучению иностранным языкам. Успешное овладение языком становится фундаментальным условием подготовки высококвалифицированных специалистов и, как следствие, фактором, определяющим востребованность и конкурентоспособность выпускников на глобальном рынке труда (Дзюба, 2019, с. 47).

Перед системой высшего образования стоит амбициозная цель – выработка устойчивой иноязычной компетенции, что подразумевает решение ряда сложных задач: формирование профессионального тезауруса, развитие навыков устной и письменной речи, а также умений работать с учебной и научной литературой (Дзюба, 2019, с. 47). Несмотря на это, реализация этих задач сталкивается с серьезной проблемой – необходимостью непрерывно мотивировать учащихся. Традиционные лекционно-семинарские формы занятий зачастую не способны удерживать внимание современного студента, привыкшего к цифровому потреблению большого количества разнообразной информации (Dichev, 2017, с. 7). В ракурсе изучения РКИ это особенно актуально, так как студенты сталкиваются с высокой сложностью грамматики, большим количеством новых слов и необходимостью адаптации к культурным особенностям русскоязычного контекста. Всё это приводит к снижению мотивации.

В связи с этим именно этот мотивационный кризис объясняет то значительное внимание, которое геймификация получила в образовательном контексте, потенциал которого состоит в том, чтобы мотивировать учащихся, превращая рутинный процесс запоминания в увлекательную деятельность, а потому рассматривается сегодня как один из ключевых ресурсов повышения качества образования (Dichev, 2017, с. 5).

Теоретико-методологические основы геймификации в вузе

Для понимания эффективности данного подхода необходимо четко определить его границы. Геймификация – это инновационная методика, в основе которой лежит использование игровых элементов и принципов в неигровых контекстах, в том числе в строго регламентированной образовательной сфере вуза (Майнцер, 2025, с. 322). В отличие от простого использования игр, геймификация представляет собой системный инструмент для мотивации студентов и стимулирования их активности, направленный на индивидуализацию учебного процесса (Майнцер, 2025, с. 324).

Одним из важнейших аспектов реализации геймификации является создание комплексных учебных программ, которые интегрируют такие элементы, как уровневая

система заданий, квесты, достижения и награды (Майнцер, 2025, с. 324). В контексте РКИ такие элементы позволяют, например, превращать упражнения по грамматике в интерактивные квесты, а работу со словарным запасом – в игровые миссии, где студент получает мгновенную обратную связь на употребление новых слов в речевых ситуациях. Стоит отметить, что идее включения таких элементов в последнее время уделяется все больше внимания, поскольку игры повышают вовлеченность обучающихся путем проблемно-ориентированного подхода, вместе с погружением их в иную языковую среду (Дзюба, 2019, с. 52).

С психолого-педагогической точки зрения игровые технологии могут быть использованы для решения множества задач. Мотивация и вовлеченность в активную деятельность являются ключевыми факторами достижения успеха. Игры обладают рядом характеристик, делающих их методически привлекательными: они обеспечивают необходимую для эффективного обучения интерактивность и, что критически важно, предоставляют мгновенную обратную связь (Дзюба, 2019, с. 47). К примеру, студент, изучающий сложную грамматику русского языка, получает возможность видеть результат своей деятельности «здесь и сейчас», что создает ситуацию ощущения успеха и снимает психологическое напряжение.

ИИ как драйвер образовательных инноваций

Современную геймификацию невозможно рассматривать в отрыве от технологий ИИ, который открыл новую эру инноваций и преобразований во многих областях, включая обучение иностранным языкам (Adiguzel, 2023, с. 1). Технологии ИИ предлагают принципиально новые инструменты и приложения, способные трансформировать традиционные методы преподавания и обучения. Спектр применения ИИ в образовании чрезвычайно широк: от повышения эффективности работы преподавателя до улучшения результатов обучения через персонализацию и мгновенный анализ ошибок (Adiguzel, 2023, с. 1).

В научной литературе продемонстрированы возможности значительного прогресса в понимании и практическом применении интегрированных с ИИ сред обучения. В таких системах ИИ может выступать в различных ролях:

1. как персональный тренер, обеспечивающий отработку и закрепление языковых навыков, с учётом индивидуальных особенностей и возможностей.
2. как организатор, структурирующий учебный материал под нужды конкретного студента.

3. как участник совместной работы, симулирующий партнера по диалогу на изучаемом языке (Adiguzel, 2023, с. 4).

Особый интерес представляет концепция целостного обучения языку на основе игр, которая объединяет геймификацию на основе ИИ, нейронауку и эпигенетику (Sri Takshara, 2025, с. 2). Этот революционный подход отличается от традиционных педагогических методов тем, что он адаптируется к уникальным потребностям каждого учащегося. Используя мультисенсорный опыт, данный метод повышает когнитивную гибкость, эмоциональную регуляцию и способствует долгосрочному сохранению знаний (Sri Takshara, 2025, с. 2). Воздействуя на нейронные связи и стимулируя позитивные изменения, выделенный метод обеспечивает не только академический успех, но и психологическое развитие, что делает его особенно эффективным в инклюзивном образовании и работе со студентами, имеющими различные образовательные потребности (Sri Takshara, 2025, с. 2).

Развитие когнитивных навыков и профессиональных компетенций через игру

Эффективность геймификации подтверждается не только на уровне мотивации, но и в аспекте когнитивного развития. Результаты исследований показывают, что игровое обучение (Game Based Learning) напрямую связано с улучшением рефлексивного и творческого мышления, развитием критического мышления, а также навыков решения проблем (Khoo, 2025, с. 626–627). В отличие от репродуктивных методов обучения, игровой подход способен развивать мышление более высокого порядка, что полностью соответствует характеру учебных программ в сфере высшего образования (Khoo, 2025, с. 631).

Было доказано, что учащиеся могут раскрыть свои скрытые возможности или потенциал в обучении именно с помощью игровых методов (Khoo, 2025, с. 634). Результаты обзорных исследований свидетельствуют, что игровое обучение развивает критическое мышление — компетенцию, дефицит которой часто ощущается при использовании традиционных подходов (Khoo, 2025, с. 624).

В контексте изучения лексики, которая является одной из наиболее сложных задач в РКИ, растет интерес к использованию онлайн-видеоигр (Alibakhshi, 2025, с. 94). С ростом популярности цифровых развлечений среди студентов педагоги начали изучать потенциал видеоигр как инструмента расширения словарного запаса. Это способствует переводу пассивного словарного запаса в активный посредством

контекстуального использования лексики в игровой ситуации (Alibakhshi, 2025, с. 98). Однако для полной оценки эффективности необходимы дальнейшие исследования, которые изучали бы не только простое усвоение лексики, но и когнитивные навыки (решение задач) и аффективные факторы, такие как уверенность учащихся в себе при коммуникации на иностранном языке (Alibakhshi, 2025, с. 109).

Вместе с тем исследователи отмечают роль «серьёзных игр» (Serious Games), в комбинации с технологиями на основе ИИ. Имея специально спроектированный учебный алгоритм геймификации обучения, они способствуют развитию ключевых метанавыков современности (Mitsea, 2025, с. 11). Метанавыки – это набор компетенций высшего порядка, включающий метакогнитивные (осознание своего мышления), метаэмоциональные и метамотивационные характеристики, позволяющие человеку быть осознанным, самостоятельным и гибким в условиях неопределённости (Mitsea, 2025, с. 7). Стоит отметить, что в процессе игры студент учится саморегуляции, что является критически важным для профессионального становления.

Инфраструктура и доступность инновационной геймификации

Внедрение высокотехнологичной геймификации требует соответствующей инфраструктуры. Комплексный обзор литературы подтверждает, что развитие облачных игр переосмысливает концепцию мобильного обучения (Damle, 2025, с. 9). Ранее внедрение сложных симуляций ограничивалось аппаратными возможностями устройств студентов. Сегодня, благодаря виртуализации графических процессоров и развитию технологий обработки изображений на основе ИИ, облачная инфраструктура позволяет запускать ресурсоемкие образовательные игры на простых мобильных устройствах (Damle, 2025, с. 6).

Облачные технологии обеспечивают доступность передовых образовательных возможностей независимо от технического оснащения конкретного вуза или студента. Доказано, что использование таких адаптивных возможностей приводит к значительно более высоким результатам обучения по сравнению с традиционными мобильными системами (Damle, 2025, с. 20).

Социально-культурные аспекты и роль преподавателя

Геймификация – это не только написание алгоритма взаимодействия между человеком и компьютерными программами, но в то же время сложный социальный процесс. Многие образовательные игры предлагают возможность совместной работы в

команде, что развивает коммуникативные навыки и умение работать в коллективе (Майнцер, 2025, с.327).

Вместе с тем, при внедрении игровых механик в аудитории РКИ необходимо учитывать культурный контекст. Исследователи отмечают, что эффективность геймификации зависит также и от культурной адаптации (Assali, 2025, с. 168). Согласно Ассали, студенты из коллективистских культур, например, на Ближнем Востоке, проявляют большую склонность к совместному игровому обучению и меньше ориентированы на соревновательные элементы, такие как рейтинги и таблицы лидеров (Assali, 2025, с. 173). В аудиториях РКИ это может выражаться в групповых заданиях, ролевых играх на основе реальных диалогов или совместном создании текстов на русском языке, что одновременно развивает языковую компетенцию и коммуникативные навыки.

Поэтому ключевая роль в этом процессе отводится педагогу. Эффективность геймификации может функционировать так, как задумано, только при условии осведомлённости и подготовленности преподавателя, что выражается наличием у него соответствующих цифровых компетенций. Педагогическое образование играет решающую роль, поскольку многие преподаватели сталкиваются с трудностями как технического, так и методического характера при интеграции игр в учебный план (Assali, 2025, с. 174).

Вызовы, риски и этические ограничения

Несмотря на очевидные преимущества геймификации, нужно отметить, что образование в целом переживает сложный трансформационный переход и внедрение новых технологий, таких как ИИ, сопряжено с определёнными рисками.

Во-первых, преподаватели высказывают обоснованные опасения по поводу чрезмерной зависимости студентов от инструментов генеративного ИИ (например, ChatGPT) при выполнении языковых задач (Al-khresheh, 2024, с. 7). Несмотря на признание языковой компетентности нейросетей, существует риск деградации творческого и критического мышления студентов.

Во-вторых, автоматизация процессов обучения может непреднамеренно снизить акцент на антропоцентричных аспектах языка – культурных нюансах, эмоциональной окраске и контекстно-зависимых диалогах, которые пока сложно воспроизвести алгоритмам (Al-khresheh, 2024, с. 11).

В-третьих, остаются нерешенными вопросы предвзятости алгоритмов ИИ, а также проблемы равенства и доступности технологий для всех категорий обучающихся (Adiguzel, 2023, с. 1).

В связи с этим, необходима тщательная оценка влияния интеграции цифровых игр с существующими системами управления обучением (Learning Management Systems) для выявления лучших практик, которые максимизируют образовательные преимущества (Esen, 2025, с. 61). Как отмечает Аль-Хреше, интеграция ИИ требует глобально ориентированного и осторожного подхода, направленного на сохранение и обогащение фундаментальных принципов языкового образования, а не на их разрушение (Al-khresheh, 2024, с. 11).

Заключение

Проведённый анализ подтверждает, что геймификация имеет большой потенциал в качестве эффективного инструмента интерактивного обучения РКИ, способствующего развитию профессиональной коммуникативной компетенции студентов. Интеграция игровых механик в образовательный процесс позволяет повысить мотивацию обучающихся, активизировать когнитивные процессы, развивать критическое и творческое мышление, а также способствовать формированию метанавыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности в XXI веке.

Особое значение имеет синергия геймификации и технологий ИИ, которая открывает новые возможности для персонализации обучения, адаптации учебных программ под индивидуальные потребности студентов и создания мультимодальных образовательных сред. Вместе с тем, эффективность внедрения игровых технологий зависит от учёта культурного контекста, готовности преподавателя и уровня его цифровой компетентности.

Необходимо учитывать и риски, связанные с чрезмерной автоматизацией обучения, предвзятостью алгоритмов ИИ, а также этические аспекты применения цифровых технологий. В этом контексте интеграция геймификации и ИИ требует сбалансированного, глобально ориентированного подхода, направленного на сохранение и укрепление фундаментальных принципов языкового образования.

Таким образом, геймификация в сочетании с современными цифровыми технологиями является перспективным направлением развития системы обучения РКИ, способным повысить качество образования, стимулировать профессиональный рост студентов и создавать инклюзивную и мотивирующую образовательную среду.

Список литературы

- ДЗЮБА, Е. 2019. Игровые интерактивные технологии на уроках РКИ в системе профессионально ориентированного обучения. In: Педагогическое образование в России, № 2, с. 46–55. DOI 10.26170/po19-02-05.
- DICHEV, C., DICHEVA, D. 2017. Gamifying education: what is known, what is believed and what remains uncertain: a critical review. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, pp. 1–36. DOI 10.1186/s41239-017-0042-5.
- МАЙНЦЕР, Д., КИСЕЛЕВА, О., НАУМЕНКО, В. 2025. *Интерактивные методы и игровые подходы в современном высшем SMART-образовании*. In: Вестник КазАТК, № 3(138), с. 322–329. ISSN 1609-1817.
- ADIGUZEL, T., KAYA, M., CANSU, F. 2023. *Revolutionizing education with AI: Exploring the transformative potential of ChatGPT*. In: *Contemporary Educational Technology*, № 15(3), pp. 1–13. ISSN: 1309-517X.
- SRI TAKSHARA, K., BHUVANESWARI, G., PRADEEP KUMAR, T. 2025. *The game of language learning and rewiring biocognitive receptors*. In: *MethodsX*, № 14, pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mex.2024.103143>.
- KHOO, Y., RAMDAN, M., ABDULLAH, N., ABD AZIZ, N., MAHJOM, N. 2025. *The Impacts of Game-based Learning on Thinking and Learning in Higher Education Context: A Scoping Review*. In: *International Journal of Education in Mathematics, Science and Technology*, Vol. 13, № 3, pp. 623–637. DOI: <https://doi.org/10.46328/ijemst.4776>.
- ALIBAKHSHI, G., ZAREI, M., LABBAFI, A. 2025. *Digital video games and Language Learners' Vocabulary learning, motivation and engagement: Teachers' perceptions of types and effectiveness*. In: *Computer-Assisted Language Learning Electronic Journal*, Vol. 26, № 1, pp. 94–113. DOI: <https://doi.org/10.54855/caliej.252616>.
- MITSEA, E., DRIGAS, A., SKIANIS, C. 2025. *A Systematic Review of Serious Games in the Era of Artificial Intelligence, Immersive Technologies, the Metaverse, and Neurotechnologies: Transformation Through Meta-Skills Training*. In: *Electronics*, № 14, pp. 1–42. DOI: <https://doi.org/10.3390/electronics14040649>.
- DAMLE, M., PATHAK, P., DAMLE, M., SINGH, S. 2025. *Optimising Interactive Cloud Gaming for Mobile Learning: GPU Virtualisation, Codec Efficiency, and UI Design*. In: *International Journal of Interactive Mobile Technologies*, № 19(17), pp. 4–25. DOI: <https://doi.org/10.3991/ijim.v19i17.55063>.
- ASSALI, M. 2025. *The Impact of Gamification on ESL Learning: Enhancing Student Motivation, Engagement, and Learning Outcomes Through Digital Tools*. In: *Educational Sciences: Theory and Practice*, № 25(1), pp. 162–176. DOI: <http://dx.doi.org/10.12738/jestp.2025.1.13>.
- AL-KHRESHEH, M. 2024. *Bridging technology and pedagogy from a global lens: Teachers' perspectives on integrating ChatGPT in English language teaching*. In: *Computers and Education: Artificial Intelligence*, № 6, pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.caei.2024.100218>.

ESEN, S. 2025. *Digital Tools in Second Language Learning in Higher Education: A Systematic Review of Recent Research*. In: Janus.net, e-journal of international relations, Vol. 16, № 1, pp. 52–63. e-ISSN: 1647-7251.

Нурсеитов Азамат Серикович

магистр педагогических наук,

докторант PhD Евразийского национального университета

имени Льва Николаевича Гумилёва

010000 Казахстан, г. Астана, ул. Сатбаева, 2

010000 Kazakhstan, Astana, Satbaev st. 2

E-mail: azamat.s.nurseitov@gmail.com

ORCID ID: 0009-0004-7440-4195

OSOBITNOSTI VÝUČBY SLOVANSKÝCH JAZYKOV NA ZÁKLADE LEXIKÁLNEJ MEDZIJAZYKOVEJ HOMONYMIE

Svitlana Shekhavtsova

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela
Banská Bystrica, Slovensko

Anotácia: Článok sa zaoberá aktuálnou lingvistickou problematikou medzijazykovej homonymie v slovanských jazykoch. V štúdiu sa skúma lexikálna medzijazyková homonymia v slovanských jazykoch s využitím komplexného prístupu, ktorý kombinuje komparatívne metódy. Medzijazyková homonymia ako zložitá oblasť lingvistického výskumu nadobúda čoraz väčší význam v súvislosti s globalizáciou a intenzifikáciou medzikultúrnej interakcie v kontexte vyučovania slovanských jazykov. Z lingvodidaktického hľadiska predstavuje medzijazyková homonymia významné problémy. Cieľom článku je analyzovať mieru blízkosti lexikálnych prvkov medzi materinským a cieľovým jazykom s cieľom vypracovať efektívne didaktické materiály pre vyučovanie slovanského jazyka ako druhého jazyka.

Kľúčové slová: medzijazyková homonymia, slovanské jazyky, vyučovanie slovanských jazykov.

PECULIARITIES OF TEACHING SLAVIC LANGUAGES BASED ON LEXICAL INTERLINGUAL HOMONYMY

Abstract: The article deals with the current linguistic issue such as interlingual homonymy in Slavic languages. The study examines lexical interlingual homonymy in Slavic languages using a comprehensive approach that combines comparative methods. As a complex area of linguistic research, interlingual homonymy is gaining increasing significance in the context of globalization and the intensification of intercultural interaction, particularly in the teaching of Slavic languages. From a linguodidactic perspective, interlingual homonymy poses considerable challenges. The aim of the article is to analyze the degree of proximity of lexical units between the native language and the target language in order to develop effective didactic materials for teaching a Slavic language as a second language.

Keywords: interlingual homonymy, Slavic languages, teaching of Slavic languages.

Aktualita výskumu je podmienená tým, že napriek existencii značného množstva prác venovaných fenoménu homonymie v rámci jednotlivých jazykových systémov, komplexná analýza špecifik jej výučby v ukrajinsko-slovacom kontexte doteraz nebola vykonaná. Absencia takéhoto prístupu sťažuje proces osvojovania si slovanských jazykov a vytvára dodatočné ťažkosti ako pre učiteľov, tak aj pre študentov, ktorí sa učia ukrajinčinu alebo slovenčinu. V súčasných podmienkach globalizácie a rastúcej intenzity medzijazykových

kontaktov nadobúda osobitný význam problém presného rozlíšenia a interpretácie lexikálnych významov, čo vedie k zvýšenému vedeckému záujmu o fenomén medzijazyčnej homonymie a zdôrazňuje dôležitosť jej štúdia v kontexte metodiky výučby slovanských jazykov. Výsledky výskumu boli získané s grantovou podporou EU NextGenerationEU prostredníctvom Plánu obnovy a odolnosti pre Slovensko v rámci projektu č. 09I03-03-V01-00148.

Aktualita výskumu je podmienená potrebou zdokonaľiť metodické základy výučby slovanských jazykov v kontexte cudzojazyčného vzdelávania. Komparatívna analýza lexikálnych prvkov, najmä medzijazykových homonymií, medzi ukrajinčinou a slovenčinou umožňuje odhaliť špecifiká sémantických posunov v príbuzných jazykových systémoch. Takéto posuny, podmienené homonymickými vzťahmi, sa často stávajú zdrojom interferencie, čo podstatne sťažuje proces osvojovania si druhého jazyka. Napriek značnej pozornosti venovanej fenoménu homonymie v rámci jednotlivých jazykov, komplexný metodologický výskum ukrajinsko-slovenských lexikálnych medzijazykových homonymií zostáva doteraz nedostatočne rozpracovaný.

Cieľom výskumu je vyplniť vedecko-didaktickú medzeru prostredníctvom analýzy súčasnej vedecko-metodickej literatúry a vypracovania špeciálne zameraných didaktických cvičení na osvojenie si medzijazykových homonym v rámci štúdia slovanských jazykov ako druhého jazyka. Osobitný dôraz sa kladie na identifikáciu obmedzení existujúcich prístupov k výučbe slovanského jazyka ako druhého jazyka a na vymedzenie spôsobov zdokonalenia metodík výučby s ohľadom na špecifiká lexikálnych medzijazykových homonym.

Materiály a metódy výskumu. Výskum lexikálnej homonymie v ukrajinčine a slovenčine je založený na komplexnom prístupe, ktorý kombinuje analýzu lexikografických zdrojov a komparatívne metódy. Na dosiahnutie čo najobjektívnejších výsledkov boli použité rôzne materiály a rad moderných didaktických metód, najmä subjekt-subjektová interakcia. Materiálmi výskumu sú lexikografické zdroje (akademické výkladové slovníky ukrajinského a slovenského jazyka, špecializované slovníky homonym (konkrétne *Slovník homonym ukrajinského jazyka* (Demska, & Kulchynsky, 1996)); dvojjazyčné ukrajinsko-slovenské a slovensko-ukrajinské slovníky; korpusové údaje (národný korpus ukrajinského jazyka (HKYM); Slovak National Corpus (SNK)).

V slovanskej jazykovede sa problematika homonymie prvýkrát systematicky skúmala v prácach českých a poľských lingvistov (O. Leška, Z. Topolińska), ktorí vypracovali klasifikáciu homonym na základe etymologického kritéria, morfolologickej štruktúry a sémantickej vzdialenosti (Leška, 1966; Topolińska, 1974).

V ukrajinskej lingvistickej tradícii sa výskum homonymie rozvíjal v rámci

celoslovenskej tradície, avšak so zohľadnením špecifik národného jazyka. Kľúčové etapy predstavujú štúdie O. Melnyčuka zamerané na etymologickú analýzu homonymických párov (Melnyčuk, 1985), práce V. Rusanivského venujúce sa sociolingvistickým aspektom homonymie (Rusanivskyj, 1992), výskumy T. Nazarovej o kognitívnych mechanizmoch homonymie v súčasnom ukrajinskom jazyku (Nazarova, 2015), homonymii ako objektu kognitívnej lingvistiky (Nazarova, 2018), ako aj práce O. Serbenskej zamerané na korpusový výskum homoným (Serbenska, 2016) a na automatickú identifikáciu homoným v textových korpusoch (Serbenska, 2019). Problematike gramatickej homonymie v súčasnom ukrajinskom jazyku sa venovala M. J. Pľušč (Pľušč, 2015).

V súčasnosti v ukrajinskom vedeckom prostredí aktívne pôsobia vedci, ktorí sa zaoberajú výskumom slovenského jazyka a slovenskej komunity v Ukrajine. Ich vedecké práce sa venujú rôznym aspektom, najmä lingvistike, kulturologii, histórii, sociológii a iným odborom. M. V. Bedevelska napríklad skúmala význam štúdia slovenského jazyka na vysokých školách v regióne pre medzikultúrnu komunikáciu a akademickú výmenu (Bedevelska, 2023). L. Budnikova skúmala význam slovenského jazyka v ukrajinskom jazykovom prostredí (Budnikova, 2022).

V slovenskej lingvistickej škole sa výskum homonymie vyznačuje lexikografickým prístupom („Slovník slovenských homonym“ (Mrazek, 1998). Blížšie k súčasnosti je ukrajinsko-slovenský slovník medzijazykových homonym, ktorý predstavuje systematizovaný zoznam ukrajinských a slovenských slov, ktoré majú podobnú formu, ale líšia sa významom (Čižmarová & Jašková, 2013). Cieľom slovníka je pomôcť používateľom vyhnúť sa chybám a nedorozumeniam, ktoré vznikajú v dôsledku medzijazykových homonymií pri štúdiu jazykov, preklade textov alebo komunikácii medzi nositeľmi ukrajinského a slovenského jazyka. V súčasných výskumoch sa vyzdvihujú problematické otázky, napríklad metodologické, t. j. absencia jednotných kritérií na rozlišovanie homonymie a polysémie a nedostatočná prepracovanosť kvantitatívnych metód analýzy. K teoretickým problematickým otázkam patrí nejednoznačnosť klasifikácie homonymických javov, ako aj zložitosť určovania hraníc medzi typmi homonym. Existujú aj praktické problematické otázky, ktoré sú prezentované v prácach M. Lackovej a venované štúdiu medzijazykových homonym v odbornej terminológii a problémom, ktoré vytvárajú pre presnú komunikáciu (Lacková, 2013), ako aj morfológickým zvláštnostiam medzijazykových homonym v slovanských jazykoch (Lacková, 2014).

Preto pri štúdiu lexikálnej medzijazyčnej homonymie v procese štúdia slovenského jazyka je možné použiť porovnanie lexikálnych homonymií s ukrajinským jazykom (бы – by, абы – aby, бык – býk, сын – syn, сыр – syr, рыба – ryba, мыло – mydlo, язык – jazyk).

Nesprávne používanie medzijazykových homonym môže viesť k nedorozumeniam, komunikačným ťažkostiam, komickým situáciám a niekedy aj konfliktom. Preto výber lexikálnych jednotiek vyžaduje zvýšenú pozornosť, pretože mechanický alebo neuvážení preklad často spôsobuje kuriózne jazykové chyby a skreslenie zmyslu vyjadrení.

Nižšie sú uvedené príklady medzijazykových homonym v ukrajinčine a slovenčine, ktoré majú v oboch jazykoch odlišný význam. Tabuľka obsahuje príklady viet na ilustráciu použitia slov v kontexte.

Ukr. jazyk	Slov. jazyk	Význam v ukrajinčine	Význam v slov.	Príklad v ukrajinčine	Príklad v slovenčine
град	hrad	опаді у вигляді крижаних кульок	замок, фортеця	Вчора випав град . Vonku bolo krupobitie .	Na kopci stojí starý hrad .
урок	úrok	заняття	відсоток (банківський)	Сьогодні буде урок математики. Dnes bude hodina matematiky.	Banka účtuje úrok z pôžičky.
жена	žena	архаїчне «дружина»	жінка	Його жена готувала вечерю. Jeho manželka uvarila večeru.	Tá žena je lekárka.
ріг	roh	частина тіла тварини, музичний інструмент	кут, ріг будівлі	Бик мав довгі роги . Býk má dlhé rohy	Býva za rohom od obchodu.
лист	lístok	лист	білет, квиток	Написав листа матері. Napísal som list svojej mame	Kúpil si lístok na vlak.
живот	život	časť tela človeka alebo zvieraťa	život	Plazil sa po bruchu . Plazil sa po bruchu .	V živite som nebol v Takiansku.
живіт	život	частина тіла людини або тварини	життя	Він повз на животі . Plazil sa po bruchu .	V živite som nebol v Taliansku.
овочі	ovoči	плоди або овочі	фрукти	Мама купила багато овочів: картоплю, лук та моркву.	Mama kúpila veľa ovocia: jahody, maliny a čučoriedky

Lexikálne cvičenia s lexikálnou medzijazykovou homonymiou možno klasifikovať do dvoch základných kategórií, ktoré na jednej strane zabezpečujú zapamätanie si lexikálnej medzijazyčnej homonymie, jej sémantiky v spojení s výslovnosťou a gramatickou formou, a na druhej strane predpokladajú tvorbu zmyslových slovných spojení s použitím homonymií.

V procese oboznamovania sa s lexikálnym významom homonym na základe subjekt-subjektovej interakcie sa navrhujú nasledujúce typy cvičení:

1. Interpretácia lexikálneho významu homonym v kontexte (podľa vzoru alebo bez neho);
2. Určenie lexikálneho a gramatického významu homonym, ktoré sa používa vo vete;
3. Rozlišovanie homonym podľa ich lexikálneho významu, napríklad prostredníctvom riešenia krížoviek;
4. Identifikácia homonym v texte podľa daného lexikálneho významu.

Takéto cvičenia prispievajú k hlbšiemu osvojeniu si lexikálneho materiálu a rozvoju jazykových kompetencií študentov prostredníctvom aktívnej interakcie a používania homonym v praktických komunikačných situáciách.

V procese štúdia lexikálnej medzijazyčnej homonymie na základe subjekt-subjektovej interakcie a formovania na tomto základe lexikálno-sémantického vzťahu k nim je potrebné porovnávať lexikálny význam (rôzne typy) a gramatický význam (slovotvorný a morfológický) medzijazyčných homonym. Takýto prístup k štúdiu homonym zabezpečí uvedenie si medzijazykového homonyma ako jednotky lexikálneho systému ukrajinského aj slovenského jazyka. Na riešenie tejto úlohy je vhodné použiť takéto cvičenia:

- 1) určenie lexikálneho významu homonym (s pomocou slovníka a bez neho) a určenie jeho znakov ako časti reči;
- 2) určenie lexikálneho významu homonym (s pomocou slovníka aj bez neho) a určenie lexikálno-gramatického významu toho istého homonym (časť reči a klasifikačné kategórie);
- 3) zápis výkladu lexikálneho významu homonym a zápis jeho gramatického významu (slovotvorného a morfológického);
- 4) určenie lexikálneho významu homonym (zapísané v jednom stĺpci) a jeho gramatického významu (zapísané v druhom stĺpci);
- 5) vyhľadanie homonym v texte s uvedenými lexikálnymi a gramatickými (slovotvornými a morfológickými) významami;
- 6) zostavovanie viet s homonymami v určitej forme.

Na aktívne osvojenie si lexikálneho materiálu s využitím medzijazykových homonym na základe subjekt-subjektovej interakcie pri štúdiu druhého slovanského jazyka navrhujeme tieto typy lexikálnych cvičení:

- 1) hľadanie alebo výber skúmaného javu medzi slovami (vo slovnej spojkke, vo vete, v súvislosti textu) podľa vzoru a bez neho:

Z uvedených variantov vyberte ten, ktorý zodpovedá obsahu vety. Odôvodnite svoj výber:

1. *Kúpil si (list, lístok) na vlak.*
2. *Mama kúpila (ovocie, jahody): maliny a čučoriedky.*
3. *Banka účtuje (hodinu, úrok) z pôžičky.*

2) výber príkladov, ktoré ilustrujú skúmaný jav (z pamäti alebo z akýchkoľvek tlačených zdrojov);

3) nájdenie chýb v používaní lexikálnych javov (v kontexte alebo v texte pod obrázkom), prečítajte vety a nájdite medzijazykové homonymá, ktoré sú napísané nesprávne;

4) preklad viet z ukrajinčiny do slovenčiny a naopak, pričom určte lexikálny význam medzijazykových homonym, ktoré sú vyznačené tučným písmom, napríklad:

- *Написав **листок** із завданням. Kúpil si **lístok** na vlak.*
- *Бін повз на **живомі**. V **živite** som nebol v Takiansku.*

Pri vykonávaní uvedených cvičení je potrebné mať na pamäti, že pri štúdiu homonym úspech závisí predovšetkým od súladu kvalít lexikálnych cvičení s obsahom stanoveného cieľa a podmienkami jeho dosiahnutia. Každý typ cvičenia, ktoré sa vykonáva postupne, upevňuje vedomosti o podstate skúmaných homonym (ich špecifikách, vzťahoch s inými lexikálnymi pojmi) a tiež formuje lexikálne zručnosti (schopnosť identifikovať jav, opísať ho, určiť jeho úlohu a používať ho v reči) pre organizáciu subjekt-subjektivej interakcie pri štúdiu slovanského jazyka ako druhého. Poznamenajme, že formovanie lexikálnych zručností a rozvoj reči budúcich filológov do veľkej miery závisí od práce s homonymami.

Lexikálne cvičenia s použitím medzijazykových homonym sa používajú predovšetkým na rozvoj reči, najmä na obohatenie slovnej zásoby a formovanie zručností plynulej reči v druhom slovanskom jazyku. Riešenie týchto úloh sa zabezpečuje systematickou prácou nad významom a používaním medzijazykových homonym na základe subjekt-subjektivej interakcie. Výsledkom vykonávania takýchto cvičení je diferenciacia slovnej zásoby, obohatenie reči, ktorá sa stáva presnejšou a výrečnejšou, avšak pri tom zdôrazňujeme, že štúdium sémantiky medzijazykových homonym bude efektívne len za podmienky zohľadnenia špecifik lexikálno-sémantickej systémy oboch slovanských jazykov. Lexikálne cvičenia s použitím medzijazykových homonym sa používajú na opakovanie a upevňovanie prebratého materiálu, odhaľovanie vzájomných vzťahov medzi lexikou a gramatikou (slovotvorba, morfológia a syntax) v slovanských jazykoch.

Zoznam literatúry

БЕДЕВЕЛЬСЬКА, М. В. 2023. *Важливість вивчення словацької мови у вищих навчальних закладах регіону для міжкультурного спілкування та академічного*

- обміну. Освіта і наука. 2(35). Online. Dostupné na: <http://msu.edu.ua/> [cit. 01.02.2026].
- БУДНІКОВА, Л. 2022. Словацька мова в українськомовному середовищі. In: Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія, 2(48), с. 114–121.
- ДЕМСЬКА, О., КУЛЬЧИНСЬКИЙ, І. 1996. *Словник омонімів української мови*. Львів: Фенікс.
- LEŠKA, O. 1966. *K problematice homonymie v slovanských jazycích*. In: *Slavia*, 35(2), s. 201–215.
- МЕЛЬНИЧУК, О. С. 1985. *Етимологічний аналіз омонімічних пар в українській мові*. Київ: Наукова думка.
- НАЗАРОВА, Т. В. 2015. *Когнітивні механізми омонімії в сучасній українській мові: монографія*. Київ: Логос.
- НАЗАРОВА, Т. В. 2018. *Омонімія як об'єкт когнітивної лінгвістики*. In: Вісник Київського університету. Серія Філологія, 42, с. 56–64.
- ПЛЮЩ, М. Я. 2015. *Граматична омонімія в сучасній українській мові*. In: Українська мова, 3, с. 45–57.
- РУСАНІВСЬКИЙ, В. М. 1992. *Соціолінгвістичні аспекти омонімії в сучасній українській мові*. In: Мовознавство, 4, с. 12–25.
- СЕРБЕНСЬКА, О. І. 2016. *Корпусна лінгвістика та омонімія: методи аналізу*. In: Українське мовознавство, 1, с. 34–42.
- СЕРБЕНСЬКА, О. І. 2019. *Автоматичне виявлення омонімів у текстових корпусах*. Харків: Вид-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна.
- TOPOLIŇSKA, Z. 1974. *Homonymia a polysemia w języku polskim*. In: *Prace Językoznawcze*, 42, s. 87–103.
- ČIŽMÁROVÁ, M., & JAŠKOVÁ, A. 2013. *Ukrajinsko-slovenská homonymia. Slovník ukrajinsko-slovenských medzijazykových homoným. Ukrajins'ko-slovac'ka omonimija. Slovník ukrajins'ko-slovac'kých mžmovných omonimiv*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.
- LACKOVÁ, M. 2013. *Medzijazykové homonymá v odbornej terminológii*. In: Terminologické fórum IV. Trenčín: TnUAD, s. 53–60.
- LACKOVÁ, M. 2014. *Morfologické osobitosti medzijazykových homoným v súčasných slovanských jazykoch*. In: *Slavica Slovaca*, 49(2), s. 148–154.
- MRÁZEK, J. 1998. *Slovník slovenských homoným*.
- Національний корпус української мови (НКУМ). Online. Dostupné na: <http://corpora.ulif.org.ua/> [cit. 01.02.2026].
- Сучасний українсько-словацький словник онлайн. (n.d.). Online. Dostupné na: <https://www.m-translate.org.ua/> [cit. 01.02.2026].
- Slovak National Corpus (SNK). Online. Dostupné na: <https://korpus.sk/> [cit. 01.02.2026.]

Svitlana Shekhavtsova

PhD.

Katedra slovanských jazykov

Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

Tajovského 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko

Department of Slavic Languages

Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: svitlana.shekhavtsova@umb.sk

ORCID: 0000-0001-8196-8977

Slavica Beliana

2026

lingvistika

лингвистика

А Б В Г Д Е Ж З
И Й К Л М Н О П
Р С Т У Ф Х Ц Ч
Ш Щ Ъ Ы Ь

NOWE BADANIA W ZAKRESIE DIALEKTÓW WSCHODNIOŚLAWIAŃSKICH W UNII EUROPEJSKIEJ

Mirosław Jankowiak
Uniwersytet Warszawski

Streszczenie: Największy rozkwit dialektologii słowiańskiej przypadł na okres powojenny, kiedy przeprowadzano masowo ekspedycje terenowe i powstawały wielkie prace, jak słowniki, atlasy i liczne monografie. Po okresie niewielkiego zaciekawienia tą tematyką w latach 90. XX w., lata dwutysięczne przyniosły ponowne zainteresowanie językiem wsi wśród lingwistów. Podejście interdyscyplinarne, zastosowanie programów komputerowych i moda na tematykę regionalną w Unii Europejskiej wpłynęły także i na tę dyscyplinę. W artykule przybliżono najnowsze badania w zakresie dialektologii wschodniosłowiańskiej na terytorium Unii Europejskiej (Litwa, Łotwa, Polska, Czechy, Słowacja i Niemcy) opisano kierunki badawcze dialektologów w tych centrach, jak też zwrócono uwagę na potencjalne kierunki badawcze w przyszłości.

Słowa kluczowe: dialektologia wschodniosłowiańska, centra dialektologiczne, historia badań dialektologicznych, kierunki badawcze w dialektologii.

NEW RESEARCH ON EAST SLAVIC DIALECTS IN THE EUROPEAN UNION

Abstract: The greatest interest in Slavic dialectology occurred in the post-war period, when comprehensive field expeditions were conducted and extensive works such as dictionaries, atlases, and numerous monographs were printed. After a period of limited interest in this subject in the 1990s, the 2000s brought a renewed interest in rural languages among linguists. An interdisciplinary approach, the use of computer programs, and a trend toward regional studies in the European Union have also influenced this discipline. This article presents the latest research in East Slavic dialectology in the European Union (Lithuania, Latvia, Poland, the Czech Republic, Slovakia, and Germany), describes the research directions of dialectologists in these centers, and highlights potential future research directions.

Keywords: East Slavic dialectology, dialectological centers, history of dialectological research, research directions in dialectology

Największy rozkwit dialektologii słowiańskiej przypadł na lata powojenne, kiedy rozwinęła się geografia lingwistyczna i powstawały liczne atlasy i słowniki gwarowe oraz publikacje opisujące szczegółowo strukturę dialektów, w tym aspekty arealne. Badaniem języka rosyjskiego, w tym jego gwar, zajmowało się wiele ośrodków naukowych i uniwersyteckich na całym świecie. Narzeczami białoruskimi i ukraińskimi interesowano się, co zrozumiałe, przede wszystkim w ośrodkach tych krajów, które sąsiadują z Białorusią i

Ukrainą i na ich terytorium funkcjonują gwary wschodniosłowiańskie (por. Barszczewska, Jankowiak 2012, s. 109–118; Глібчук, Костів, 2023). Zmiana podejścia do języka mniejszości narodowych w Unii Europejskiej, zainteresowanie tematyką regionalną, jak też rozwój lingwistyki komputerowej i korpusowej przyczyniły się do ponownego rozkwitu dialektologii, w tym sławistycznej. W niniejszym artykule przybliżone zostaną najważniejsze badania z zakresu dialektologii wschodniosłowiańskiej prowadzone w latach dwutysięcznych w wybranych ośrodkach naukowych i uniwersyteckich w Unii Europejskiej. Ze względu na dużą liczbę publikacji zaprezentowane zostaną przede wszystkim ważniejsze monografie, atlasy, słowniki, korpusy jak też kierunki badawcze. W drugiej części publikacji przybliżone zostaną propozycje dalszych kierunków badawczych w zakresie dialektologii wschodniosłowiańskiej.

Polska. Najbogatszą historię w badaniach dialektów wschodniosłowiańskich, sięgającą okresu międzywojennego⁵⁶, mają polskie ośrodki akademickie. Należy tutaj wymienić przede wszystkim Warszawę, Kraków, Lublin, Białystok czy Toruń.

Jedną z dwóch instytucji o najdłuższej tradycji badań w tym zakresie jest Instytut Sławistyki PAN. Były one ukierunkowane przede wszystkim na gwary wschodniosłowiańskie Białostocczyzny, tj. białoruskie i ukraińskie oraz mowę ludności starowierskiej zamieszkującej północno-wschodnią Polskę. Na szczególną uwagę zasługuje monumentalna praca zakończona w 2012 r. – *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny* (AGWB 1980–2012), ukazująca wszystkie poziomy struktury – fonetykę, morfologię, składnię, semantykę, słowotwórstwo i leksykę. Obszarowo obejmuje dawne województwo białostockie, tj. białoruskie gwary akające, przejściowe gwary pomiędzy białoruskimi i ukraińskimi oraz gwary na północ od rzeki Bug z licznymi cechami ukraińskimi. Szczegółowe analizy poświęcone zostały leksyce. Poszczególni członkowie zespołu opracowywali kolejne publikacje, poświęcone słownictwu, tak powstały: słownik pt. *Różnojęzyczne słownictwo gwarowe Podlasia, Suwalszczyzny i północno-wschodniego Mazowsza* (Maryniakowa, Rembiszewska, Siatkowski, 2014), monografia pt. *Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin* (Pastusiak 2007) oraz dwa tomy *Pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego. Studia wyrazowe* (Rembiszewska, Siatkowski, 2018; 2021)⁵⁷. Drugi zakres tematyczny badań białorutenistycznych odnosił się do gwar białoruskich na terytorium Białorusi oraz w krajach

⁵⁶ Badania polskich lingwistów nad gwarami białoruskimi i ukraińskimi były prowadzone już w XIX wieku, ale Polska nie istniała wówczas jako niepodległy kraj, a ziemie polskie wchodziły w skład Imperium Rosyjskiego.

⁵⁷ Trzeci tom znajduje się w przygotowaniu.

bałtyckich. Efektem prac są dwie monografie pt. *Dialektologia białoruska* oraz *Gwary białoruskie na Łotwie w rejonie krasławskim. Studium socjolingwistyczne* (Barszczewska, Jankowiak, 2012; Jankowiak, 2009).

Z Instytutem Slawistyki PAN związany był także Janusz Rieger ze swoim zespołem (w okresie późniejszym współpracował z Instytutem Języka Polskiego PAN oraz Wydziałem „Artes Liberales” UW). Efektem tych prac są liczne publikacje dotyczące polszczyzny południowokresowej, jak też gwar ukraińskich na pograniczu polsko-ukraińskim. Wśród bardzo bogatej spuścizny naukowej można wymienić ostatnie większe prace, jak chociażby: *Mały słownik lemkowski wsi Bartne, Atlas ukraińskich gwar nadszańskich opracowany na podstawie zapisów terenowych Stefana Hrabca. Tom 1, Słownik gwary lemkowski wsi Wysowa autorstwa Oleksandra Hojsaka* czy wydane pod jego redakcją *Studia nad słownictwem gwar ukraińskich w Polsce. Łemkowszczyzna i gwary nadszańskie, Słownik huculski* (Rieger, 2016; 2017; 2018; 2002). Wielkim osiągnięciem było także tworzenie kolejnych tomów *Ogólnokarpackiego Atlasu Dialektologicznego* (ostatni tom – Siatkowski, 2003).

Drugą jednostką o najdłuższej tradycji badań jest Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego (powstała w 1956 r.), która od samego początku była nastawiona na zagadnienia związane z mniejszością białoruską w Polsce. Były to badania dialektologiczne i onomastyczne, wielokrotnie organizowane były też praktyki studenckie. Z najnowszych badań zasługuje projekt pt. *Kulturowo-językowe dziedzictwo Podlasia*, realizowany w latach 2012–2016 pod kierownictwem Niny Barszczewskiej. Efektem jest trzypięciotomowa monografia o tej samej nazwie. Tom pierwszy to opis socjolingwistyczny regionu na tle uwarunkowań historycznych, drugi – poświęcony został człowiekowi, rodzinie i domowi, a trzeci – twórczości ludowej (Barszczewska, Chaustowicz, Timoszuć 2016). Od grudnia 2024 r. w Katedrze istnieje międzynarodowy Zespół badań nad dialektami białoruskimi, kierowany przez M. Jankowiaka, w ramach którego organizowane są ekspedycje dialektologiczne na Podlasie w celu zbioru materiału do tworzenia słowników regionalnych, korpusu i innych publikacji.

Ważną postacią dla polskiej dialektologii białorutenistycznej jest Elżbieta Smułkowa, która pracowała na Wydziale Polonistyki a później w Akademii „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego. Jej kierunki badawcze dotyczyły gwar białoruskich Podlasia oraz pogranicza białorusko-bałtyckiego, jak też zagadnień teoretycznych i terminologicznych (dywergencja, zapożyczenia, gwary przejściowe i mieszane). Efektem są m.in. realizacja międzynarodowego projektu pt. *Pogranicza Białorusi: historia, kultura, język* (lata 2001–

2006) i monografia zbiorowa pt. *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej* (Smułkowa, Engelking, 2007). Ukazały się też dwie monografie będące zbiorami wybranych prac E. Smułkowej – *Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie* oraz *Moje pogranicza w historii, języku i wspomnieniach* (Smułkowa, 2002; 2016). Na szczególną uwagę zasługuje wieloletni projekt poświęcony badaniom Brasławszczyzny, realizowany od 1997 r. Efektem wieloletniej pracy E. Smułkowej, Iryny Budźko, Olgi Guszczewej, Heleny Kazancewej i Nijoli Birgiel jest dwutomowa praca pt. *Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność* – drugi tom to słownik ukazujący w nowatorski sposób leksykę gwar polskich i białoruskich w tym regionie (Smułkowa, 2009; 2011).

W ostatnich latach na Wydziale Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego prowadzone są wyjazdy w ramach projektu „Dialog pokoleń”. Jeden z nich odbył się na terenie gminy Dąbrowa Białostocka, efektem czego jest publikacja poświęcona „mowie prostej” tego regionu: *„Mowa prosta” mieszkańców gminy Dąbrowa Białostocka. Wywiady, opowieści, wspomnienia* (Białomyzy, Wierzbička-Piotrowska, 2019).

Trzecim ośrodkiem badań jest **Białystok**, w którym od lat 90. XX w. istniało kilka jednostek białorutenistycznych (Filologia Białoruska, Katedra Kultury Białoruskiej, Etnolingwistyka Białorutenistyczna i in.). Osobami zasłużonymi na tym polu są m.in. Mikołaj Kondraciuk, Bazyli Siegień, Lilia Cítko, a z młodszego pokolenia tematem tym zajmuje się m.in. Michał Mordań. Z prac wydanych przez M. Kondraciuka w latach dwutysięcznych o tematyce gwarowej można wymienić m.in. *Kultura materialna wsi białostockiej i jej zmiany w świetle gwar ludowych XX wieku* czy *Gwarowe nazwy miejscowości Białostocczyzny w układzie alfabetycznym* (Kondraciuk, 2014; 2021).

Kolejnym centrum badań białorutenistycznych jest **Lublin**. Wieloletnie badania gwar pogranicza białorusko-ukraińsko-polskiego prowadził Michał Sajewicz, opisujący m.in. kwestie arealne czy nazwy osobowe: *Derywacja sufiksalna osobowych nazw subiektów w nadnarwiańskich gwarach białoruskich Białostocczyzny, czy Odczasownikowe pejoratywne nazwy subiektów z formantem sufiksalnym w peryferyjnych gwarach białoruskich okolic Lewkowa Starego na Białostocczyźnie* (Sajewicz, 2002). Badania profesora zostały szczegółowo zaprezentowane w publikacji Agnieszki Goral pt. *Polsko-wschodniosłowiańskie pogranicze językowe w badaniach profesora Michała Sajewicza* (Goral, 2022).

Dla badań dialektologicznych osobą bardzo zasłużoną jest Michał Łesiów, twórca lubelskiej ukrainistyki, który w przeszłości wydał liczne publikacje o gwarach ukraińskich w Polsce i polsko-ukraińskich kontaktach językowych. Z prac wydanych w latach

dwutysięcznych można wymienić redakcję tomu np. *Z badań nad polsko-ukraińskimi powiązaniami językowymi* (Bucko, Łesiów, 2003).

Ważnym ośrodkiem badawczym w zakresie dialektologii wschodniosłowiańskiej jest także **Kraków**, przede wszystkim Instytut Języka Polskiego PAN (zob. wyżej badania Janusza Riegera i jego zespołu). Tematyką gwar białoruskich, w szczególności z zakresu słownictwa meteorologicznego, interesował się Bogumił Ostrowski, który wydał cykl artykułów i monografię habilitacyjną pt.: *Białoruskie gwary Grodzieńszczyzny. Wybrane aspekty* (Ostrowski, 2013).

Poznań. Poznań jest przykładem centrum badawczego związanego z konkretnym badaczem, który jest tam zatrudniony. Wraz z pojawieniem się Anny Żebrowskiej rozpoczęto badania nad językiem polskim i gwarami białoruskimi pogranicza białorusko-litewskiego, czego wynikiem jest szereg artykułów i monografia habilitacyjna pt. *Komarowszczyzna. Język pogranicza białorusko-polsko-litewskiego* (Żebrowska, 2019).

Toruń. Uniwersytet im. Mikołaja Kopernika w Toruniu obecnie jest rozpoznawalny przede wszystkim jako ośrodek badań na staroobrzędowcami i ich językiem. Starowierzy zamieszkują do dzisiaj w północno-wschodniej części Polski, a ich mowa jest obiektem badań od kilkadziesiąt lat⁵⁸ (Stefan Grzybowski, Michał Głuszkowski, Magdalena Ziółkowska-Mówka, Magdalena Grupa-Dolińska). Można wymienić m.in. następujące publikacje książkowe: *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*, *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów*, *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce*, *Słownik frazeologiczny gwary staroobrzędowców w Polsce* (Głuszkowski, 2011; 2016; Ziółkowska-Mówka 2018; Grupa-Dolińska 2024).

Z ośrodkiem toruńskim związany był także Czesław Łapicz, badający m.in. aspekty gwarowe związane z pograniczem polsko-wschodniosłowiańskim. W ostatnich latach zajmuje się głównie tematyką tatarsko-kitabistyczną i w niektórych publikacjach są tylko nawiązania do gwar wschodniosłowiańskich.

Czechy. Zainteresowania dialektami wschodniosłowiańskimi w Pradze wynikają przede wszystkim z uwarunkowań historycznych, tj. przynależności Rusi Zakarpackiej do międzywojennej Czechosłowacji, jak też sporej mniejszości posługującej się do dzisiaj gwarami rusińskimi na obszarze Słowacji (do 1993 r. – Czechosłowacji). W Instytucie Słowiańskim Akademii Nauk Republiki Czeskiej od wielu lat prowadzone są prace nad

⁵⁸ Por. badania prowadzone dawniej w Instytucie Slawistyki PAN (I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa).

spuścizną Ivana Paňkevyča, który zbierał materiał w latach 20. i 30. XX wieku. Po II wojnie światowej, w latach 1957–1967 pracownicy Instytutu zebrali materiał z obszaru wschodniej Słowacji. Wszystkie te materiały zdigitalizowano i opisano w kilku publikacjach⁵⁹. Są to m.in.: *Ukrajinská nářečí Slovenska. Výzkum a zvukové zápisy z let 1957–1967* (Šišková, Mušinka, Mušinka, 2005); *Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník* (Šišková, 2009), *Vyprávění a písně Rusinů z východního Slovenska. Jihokarpatská ukrajinská nářečí v autentických záznamech* (Šišková, Mušinka, Hruškovský, 2009).

Od roku 2011 gwary rusińskie badane są przez Michała Vašíčka, który wydał szereg publikacji, w tym dwie monografie: *Dynamika jihokarpatských nářečí* oraz *Chrestomatie jihokarpatských nářečí* (Vašíček, 2020; 2020). W 2018 w Instytucie rozpoczęto badania nad gwarami białoruskimi pogranicza bałtycko-słowiańskiego, efektem czego są trzy monografie pt.: *Współczesne gwary białoruskie na Łotwie. Charakterystyka. Wybór tekstów, Leksyka gwar białoruskich na Litwie. Dziedzictwo językowe pogranicza bałtycko-słowiańskiego oraz Gwary białoruskie na Łotwie jako przykład leksykalnego dziedzictwa pogranicza bałtycko-słowiańskiego* (Jankowiak, 2018; 2022; 2025).

Na Wydziale Filozoficznym Uniwersytetu Karola w Pradze powstaje obecnie rozprawa doktorska Darji Vašíčkovéj poświęcona gwarom rusińskim na wschodniej Słowacji (tytuł: *Полисемия и омонимия лексических единиц, относящихся к животному миру, в карпаторусинских говорах*).

Na uwagę zasługują także badania prowadzone przez popularyzatora Podlasia, Jana Maksymiuka, zamieszkującego obecnie pod Pragę. Od szeregu lat promuje on koncepcję uznania swoich gwar za regionalny język podlaski. Jest on autorem m.in. dwóch pozycji pt. *Čom ne po-svojomu?* oraz *Pisowania i gramatyka języka podlaskiego* (Maksimjuk, 2014, Maksymiuk, 2024), małżonka z kolei pisze prozę w tej gwarze.

Trzecim krajem o dużych tradycjach badawczych dialektów wschodniosłowiańskich są Niemcy. Z najnowszych badań należy wspomnieć przede wszystkim wieloletni projekt pt. TriMCo (*Triangulation Approach for Modeling Convergence with a High Zoom-In Factor*)⁶⁰, realizowany przez Björna Wiemera z Instytutu Slawistyki Uniwersytetu im. Jana Gutenberga w Moguncji. Dotyczy one szeroko rozumianego pogranicza bałtycko-słowiańsko-bałtofińskiego. Międzynarodowy zespół zebrał materiał w trakcie ekspedycji dialektologicznych z obszaru północno-zachodniej Białorusi, południowo-wschodniej i

⁵⁹ Zob.: <https://www.slu.cas.cz/en/grantprojekt/zpracovani-pankevycova-archivu>.

⁶⁰ Więcej zob. <https://www.trimco.uni-mainz.de/>.

wschodniej Litwy, południowo-wschodniej Łotwy oraz obwodu pskowskiego Federacji Rosyjskiej. Wprowadzeniem do projektu jest wieloautorska publikacja pt. *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects* (Seržant, Wiemer, 2014), a w przygotowaniu znajduje się monografia poświęcona dialektom tego pogranicza. W ramach projektu zebrano wielki materiał, z którego utworzono korpus TriMCo⁶¹. Poza gwarami białoruskimi i rosyjskimi obejmuje także litewskie i łatgalskie. Na podstawie zebranego materiału powstała także rozprawa doktorska Aksany Erker oraz monografia o tym samym tytule: *Структурные черты смешанных белорусских говоров на балто-славянском пограничье* (Эркер, 2015).

W sferze zainteresowań niemieckich badaczy są także narzecza rusińskie. W ramach projektu pt. *Rusyn as a minority language across state borders: quantitative perspectives*, realizowanego przez Achima Rabusa w Uniwersytecie we Freiburgu zebrano gwary rusińskie z obszaru Polski, Słowacji, Ukrainy i Węgier i stworzono korpus mówionego języka rusińskiego⁶².

Słowacja. Lingwiści słowaccy zainteresowani są przede wszystkim badaniem gwar rusińskich (nazywanych różnie – ukraińskimi, rusińskimi czy gwarami Zakarpacia). Duże osiągnięcia na tym polu ma Uniwersytet Preszowski, który położony jest we wschodniej części kraju, zamieszkałej przez ludność rusińską. W Instytucie Ukrainistyki prowadzone są badania także w zakresie dialektologii, czego przykładem są prace Márii Čižmárowej, np.: *Nárečový slovník Rusínov-Ukrajincov Slovenska* (Čižmárová, 2013). Z tym samym uniwersytetem związana jest inna badaczka – Júlia Dudášová, która również zajmuje się językiem rusińskim, i jest autorką licznych artykułów poświęconych dialektologii. Od niedawna tematyką gwar rusińskich zajmuje się także Gabriel Rožai z Uniwersytetu Mateja Bela w Bańskiej Bystrzycy.

Litwa. Obiektem badań lingwistów z Litwy były gwary białoruskie Wileńszczyzny oraz język staroobrzędowców, czyli mowa ludności zamieszkująca ziemię litewskie od dziesiątków lat. Intensywne badania prowadzone były po II wojnie światowej przez filologów z Instytutu Języka Litewskiego Litewskiej Akademii Nauk oraz Uniwersytetu Wileńskiego – V. Čekmonasa, E. Grinavėckienė, M. Savič, a później także przez Liliję Płyhaukę. Na uwagę zasługują dwie publikacje wileńskiej białorutenistki, poświęcone językowi białoruskiemu funkcjonującemu na Litwie (różnym jego odmianom, w tym gwarom): *Беларуская мова ў Літве: сацыяльны і лінгвістычны аспекты* oraz *Беларуская мова ў полікультурным*

⁶¹ Zob.: <https://www.trimco.uni-mainz.de/trimco-dialectal-corpus/>.

⁶² Zob.: <http://www.russinisch.de/VarchoLatin2/login.php>; <https://www.russinisch.uni-freiburg.de/>.

рэгіёне (паўднёва-ўсходняя тэрыторыя Літоўскай Рэспублікі) (Плыгаўка, 2009, 2015).
Lingwistka obecnie nie prowadzi już badań w tym zakresie.

Obecnie szersze badania prowadzone są w Instytucie Języka Litewskiego. Niadežda Morozowa zajmuje się dziejami staroobrzędowców na Litwie i ich językiem. Na uwagę zasługuje m.in. ostatnia monografia pt. *Lietuvos sentikiai: bendruomenės, tarmių paplitimas ir ryškiausias savybės* (pol. *Staroobrzędowcy na Litwie: społeczność, dystrybucja gwar i najważniejsze cechy językowe*) (Morozova, 2023). W Instytucie prowadzone są także badania nad sytuacją językową na pograniczu litewsko-białoruskim, np. prace Nijole Tuomienė ukazują kontakt języka litewskiego i jego dialektów z lokalnymi gwarami białoruskimi: *Kalba ir tapatybė Pietryčių Lietuvos ir Baltarusijos paribiuose (XX a. II pusė – XXI a. pradžia). I dalis* (pol. *Język i tożsamość na pograniczu Litwy południowo-wschodniej i Białorusi (druga poł. XX w. – pocz. XXI w.). Część I*). Od 2023 roku badane są współczesne gwary białoruskie na Litwie (struktura, słownictwo, sytuacja socjolingwistyczna), efektem czego są m.in. dwie monografie: *Współczesne gwary białoruskie na Litwie. Tom pierwszy: rejon orański* oraz *Współczesne gwary białoruskie na Litwie. Tom drugi: rejon solecznicki* (Jankowiak, 2023; 2025).

Łotwa. Badacze łotewscy z Instytutu Języka Łotewskiego Łotewskiej Akademii Nauk w czasach Łotewskiej SRR prowadzili wspólne w białoruskimi lingwistami ekspedycje i badania nad gwarami białoruskimi funkcjonującymi w południowo-wschodniej części Łotwy. Od lat osiemdziesiątych XX w. łotewscy dialektolodzy nie prowadzą badań w tym zakresie, a pojedyncze artykuły oparte są o materiały zbierane w latach 70. i 80. XX w. Z badań prowadzonych w latach dwutysięcznych na szczególną uwagę zasługują prace Jeleny Koroliowej z Uniwersytetu w Dyneburgu, która zajmowała się m.in. dziejami i językiem łotewskich staroobrzędowców. Na szczególną uwagę zasługuje *Дуалектний словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области)*⁶³ oraz niedokończony z powodu śmierci *Дуалектний словарь староверов Латгалии* – ukazały się tylko dwa tomy: I: A-B i II: Г-Ж (Королёва, 2013; Королёва, 2017, 2020).

Podsumowanie

Badania nad gwarami białoruskimi, ukraińskimi i rosyjskimi mają w Europie Środkowej długą tradycję. Jak widać na przykładzie powyższego omówienia, analizowane i opisywane były różne aspekty – struktura narzeczy, zagadnienia arealne, kontaktów

⁶³ Rejon pytałowski (dawne łot. Abrene) – należał przed II wojną światową do Łotwy. Z tego regionu pochodziła badaczka.

międzyjęzykowych, tworzenia korpusów gwarowych, jak też aspekty terminologiczno-teoretyczne. Na oddzielną uwagę zasługują badania z wykorzystaniem programów komputerowych (np. ELAN, PRAAT), jak też tworzenie korpusów i elektronicznych słowników i atlasów.

W przypadku Słowacji, Polski i Litwy badania w głównej mierze związane były z tym, że ich terytorium zamieszkiwały i zamieszkują mniejszości narodowe. W granicach międzywojennej Czechosłowacji znajdowała się Ruś Zakarpacka, stąd zainteresowania w Pradze oraz ośrodkach słowackich gwarami rusińskimi, w Polsce z kolei gwarami ukraińskimi, białoruskimi oraz rosyjskimi, tj. językiem staroobrzędowców. Podobna sytuacja ma miejsce na Litwie – duże obszary zamieszkane były przez osoby, które na co dzień posługiwały się gwarami białoruskim, a w północno-wschodniej Litwie do dzisiaj istnieją także miejscowości starowierskie, gdzie ludność posługuje się gwarami rosyjskimi przyniesionymi z obwodu pskowskiego i Wielkich Łuków.

Analizowane ośrodki mają różny charakter. Pierwsze – to przede wszystkim centra z długą i mocną tradycją badań wynikających z zamieszkiwania w tych krajach przez mniejszości narodowe, jak akademie nauk w Warszawie, Pradze (dawniej Czechosłowacja), czy Wilnie. Druga kategoria to miejscowości, które ze względu na swoje położenie geograficzne są predystynowane do prowadzenia takich badań: Białystok (badania białorutenistyczne), Lublin (badania białorutenistyczne i ukrainoznawczej), Preszów (badania nad gwarami rusińskimi). Kolejna kategoria to instytucje, które prowadzą badania w tym zakresie w zasadzie tylko w związku z zatrudnieniem konkretnego lingwisty, np.: Poznań (A. Żebrowska, gwary białoruskie), Praga (M. Jankowiak, gwary białoruskie), Kraków (B. Ostrowski, gwary białoruskie). Są to zatem jednoosobowe centra badawcze, które zazwyczaj utrzymują się tak długo, jak długo pracuje dany lingwista. Inną specyfikę mają ośrodki niemieckie i szerzej – w Europie Zachodniej. Niemcy mają długą tradycję prowadzenia badań nad Europą Środkową i Wschodnią, a tematyka dialektów wschodniosłowiańskich wpisuje się w ogólne zainteresowania sławistyczne.

Po II wojnie światowej najważniejsze było opisanie struktury tych gwar oraz ukazanie leksyki, jak też aspekty arealne. W okresie późniejszym badano także kontakty z językiem polskim, litewskim czy słowackim, w tym zapożyczenia leksykalne oraz rozpatrywano zagadnienia teoretyczno-metodologiczne (np. gwary przejściowe vs gwary mieszane).

W ośrodkach zachodnioeuropejskich interesowano się tak strukturą dialektów wschodniosłowiańskich, jak też ich historią. W ostatnim okresie wykorzystywane są także

programy komputerowe (PRAAT, ELAN) jak też tworzone są elektroniczne korpusy gwarowe.

Najnowsze badania prowadzone w różnych ośrodkach pokazują tendencje i potrzeby w zakresie przyszłych tematów badawczych nad dialektami wschodniosłowiańskimi w ośrodkach akademickich i uniwersyteckich Unii Europejskiej. Poza opisem struktury tych gwar, które nie zostały jeszcze zbadane i przeanalizowane, są to m.in.:

- porównanie struktury współczesnych gwar z okresami wcześniejszymi,
- dialektologia historyczna (dotyczy przede wszystkim badań białorutenistycznych),
- badania w zakresie żywotności etnolingwistycznej i zachowania gwar w przyszłości,
- zachowanie dialektów wschodniosłowiańskich w warunkach wielojęzyczności na pograniczach i polityki językowej Unii Europejskiej w tym zakresie,
- dialektologia korpusowa,
- dialektologia eksperymentalna (wykorzystująca najnowsze programy komputerowe).

Wykaz literatury

- ALIEKSIEJEWA, M., RIEGER, J. 2018. *Słownik gwary łemkowskiej wsi Wysowa*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. ISBN: 83-235-3608-2.
- Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny*. 1980 – 2012. Instytut Słowianoznawstwa PAN / Instytut Slawistyki PAN.
- BARSZCZEWSKA, N., JANKOWIAK, M. 2012. *Dialektologia białoruska*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN (SOW). ISBN 978-83-89191-14-4.
- BARSZCZEWSKA, N., M. CHAUSTOWICZ, TIMOSZUK, M. 2016. *Kulturowo-językowe dziedzictwo Podlasia. T. 1. Opis socjolingwistyczny regionu na tle uwarunkowań historycznych* (opr. N. Barszczewska, M. Timoszuk), T. 2. *Człowiek. Rodzina. Dom* (opr. M. Chaustowicz, N. Panasiuk), T. 3. *Twórczość ludowa* (opr. M. Chaustowicz, N. Panasiuk). Warszawa: Katedra Białorutenistyki UW. ISBN 978-83-60951-21-7; 978-83-60951-22-4; 978-83-60951-23-1.
- BIAŁOMYZY, J., WIERZBICKA-PIOTROWSKA, E. 2019. *„Mowa prosta” mieszkańców gminy Dąbrowa Białostocka. Wywiady, opowieści, wspomnienia*. Warszawa: Wydział Polonistyki UW. ISBN: 978-83-65667-88-5.
- BUCKO, D., ŁESIÓW, M. 2003. *Z badań nad polsko-ukraińskimi powiązaniami językowymi*. Lublin : Wydawnictwo KUL. ISBN: 8373631321.
- ČIŽMÁROVÁ, M. (ed.) 2013. *Nářečový slovník Rusínov-Ukrajincov Slovenska*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. ISBN: 978-80-555-1018-7.

- GŁUSZKOWSKI, M. 2011. *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. ISBN: 978-83-231-2682-9.
- GŁUSZKOWSKI, M., GRZYBOWSKI, J. (red.). 2016. *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. ISBN: 978-83-231-3584-5.
- GORAL, A. 2022. *Polsko-wschodniosłowiańskie pogranicze językowe w badaniach profesora Michała Sajewicza*. Lublin: Wydawnictwo KUL. ISBN: 978-83-8288-029-8.
- GRUPA-DOLIŃSKA, M. 2024. *Słownik frazeologiczny gwary staroobrzędowców w Polsce*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. ISBN: 978-83-231-6032-8.
- JANKOWIAK, M. 2009. *Gwary białoruskie na Łotwie w rejonie krasławskim. Studium socjolingwistyczne*. Warszawa: Instytut Sławistyki PAN (Fundacja Sławistyczna). ISBN 978-83-89191-83-0.
- JANKOWIAK, M. 2018. *Współczesne gwary białoruskie na Łotwie. Charakterystyka. Wybór tekstów*. Praha: Slovanský ústav AV ČR. ISBN: 978-80-86420-70-7.
- JANKOWIAK, M. 2022. *Leksyka gwar białoruskich na Litwie. Dziedzictwo językowe pogranicza bałtycko-słowiańskiego*. Praha: Slovanský ústav AV ČR. ISBN: 978-80-86420-82-0.
- JANKOWIAK, M. 2023. *Współczesne gwary białoruskie na Litwie. Tom pierwszy: rejon orański*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. ISBN: 978-609-411-365-9.
- JANKOWIAK, M. 2025a, *Współczesne gwary białoruskie na Litwie. Tom drugi: rejon solecznicki*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. ISBN: 978-609-411-401-4.
- JANKOWIAK, M. 2025b, *Gwary białoruskie na Łotwie jako przykład leksykalnego dziedzictwa pogranicza bałtycko-słowiańskiego*. Praha: Slovanský ústav AV ČR. ISBN: 978-80-86420-89-9.
- JANÓW, J. 2001. *Słownik huculski*. Opr. J. Rieger. Kraków : Wydaw. Naukowe DWN. ISBN: 8387623555.
- KONDRATIUK, M. 2014. *Gwarowe nazwy miejscowości Białostoczczyzny w układzie alfabetycznym*. Białystok : Fundacja im. Księcia Konstantego Ostrońskiego. ISBN: 9788393981908.
- KONDRATIUK, M. 2021. *Kultura materialna wsi białostockiej i jej zmiany w świetle gwar ludowych XX wieku*. Białystok : Fundacja im. Księcia Konstantego Ostrońskiego. ISBN:
- MAKSIMJUK, J. 2014. *Čom ne po-svojomu?*. Biłostôk: Struha Editions. ISBN: 978-83-902162-1-8.
- MAKSYMIOUK, J. 2024. *Pisownia i gramatyka języka podlaskiego*. Białystok: Struha Editions. ISBN: brak.
- MARYNIAKOWA, I., REMBISZEWSKA, D.K., SIATKOWSKI, J. 2014. *Różnojęzyczne słownictwo gwarowe Podlasia, Suwalszczyzny i północno-wschodniego Mazowsza*. Warszawa. Instytut Sławistyki PAN. ISBN979-83-64031-14-4.
- MOROZOVA, N. 2023. *Lietuvos sentikiai: bendruomenės, tarmių paplitimas ir ryškiausios savybės*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. ISBN: 978-609-411-354-3.
- OSTROWSKI, B. 2013. *Białoruskie gwary Grodzieńszczyzny. Wybrane zagadnienia*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN. ISBN: 978-83-62275-66-3.

- PASTUSIAK, K. 2007. *Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN (Fundacja Slawistyczna). ISBN 978-83-89191-65-6.
- REMBISZEWSKA, D., SIATKOWSKI, J. 2018. *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe*. T. 1. Warszawa: Wydział Polonistyki UW. ISBN 978-83-65667-85-4.
- REMBISZEWSKA, D., SIATKOWSKI, J. 2021. *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe*. T. 2. Warszawa: Wydział Polonistyki UW. ISBN 978-83-66400-38-2.
- RIEGER, J. 2016. *Mały słownik łemkowskiej wsi Bartne*. Warszawa : Uniwersytet Warszawski - Wydział „Artes Liberales”. ISBN: 9788363636500.
- RIEGER, J. (pod red.). 2002. *Studia nad słownictwem gwar ukraińskich w Polsce. Łemkowszczyzna i gwary nadszańskie*. Warszawa: Wydawnictwo Semper. ISBN: 83-89100-18-5.
- SAJEWICZ, M. 2002. *Derywacja sufiksalna osobowych nazw subiektów w nadnarwiańskich gwarach białoruskich Białostoczczyzny. Deverbativa deadiectiva*. Lublin: Wydawnictwo UMCS. ISBN 83-227-1968-X.
- SAJEWICZ, M. 2019. *Odczasownikowe pejoratywne nazwy subiektów z formantem sufiksальnym w peryferyjnych gwarach białoruskich okolic Lewkowa Starego na Białostoczczyźnie*. Lublin: Wydawnictwo UMCS. ISBN: 978-83-227-9260-5.
- SERŽANT, I.A., WIEMER, B. 2014. *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Slavistica Bergensia 12. Bergen: University of Bergen. ISBN 978-82-90249-38-5.
- SMUŁKOWA, E., ENGELKING, A. (pod red.). 2007. *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej*. Warszawa: Wydawnictwo DIG. ISBN 978-83-71814-85-3.
- SMUŁKOWA, E. 2002. *Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. ISBN 83-235-0130-0.
- SMUŁKOWA, E. 2016. *Moje pogranicza w historii, języku i wspomnieniach*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN. ISBN 978-83-64031-30-4.
- ŠIŠKOVÁ, R., MUŠINKA, M., MUŠINKA, A. 2005. *Ukrajinská nářečí Slovenska. Výzkum a zvukové zápisy z let 1957–1967*. Praha: Slovanský ústav AV ČR. ISBN: 80-86420-20-5.
- ŠIŠKOVÁ, R. 2009. *Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník*. Praha: Slovanský ústav AV ČR. ISBN: 978-80-86420-36-3.
- ŠIŠKOVÁ, R., MUŠINKA, M., HRUŠKOVSKÝ, J. 2009. *Výprávení a písně Rusinů z východního Slovenska. Jihokarpatská ukrajinská nářečí v autentických záznamech*. Praha: Slovanský ústav AV ČR. ISBN: 978-80-86420-35-6.
- VÁŠÍČEK, M. 2020. *Dynamika jihokarpatských nářečí*. Praha: Slovanský ústav AV ČR. ISBN: 978-80-86420-74-5.
- VÁŠÍČEK, M. 2020. *Chrestomatie jihokarpatských nářečí*. Praha: Slovanský ústav AV ČR. ISBN: 978-80-86420-76-9.
- ZIÓŁKOWSKA-MÓWKA, M. 2018. *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Toruń: Pracownia Wydawnicza EIKON. ISBN: 978-83-64869-19-8.
- ŻEBROWSKA, A. 2019. *Język pogranicza białorusko-polsko-litewskiego*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UMK. ISBN: 978-83-232-3576-7.

- ГЛІБЧУК, Н., КОСТІВ, О. 2023. *Українська діалектологія*. Львів: Піраміда. ISBN 978-966-441-768-3.
- КОРОЛЁВА, Е. 2013. *Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области)*. Daugavpils: Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds „Saule”. ISBN: 978-9984-14-650-8.
- КОРОЛЁВА, Е. 2017. *Диалектный словарь староверов Латгалии. Том 1 (А-В)*. Рига: Баруниин П.Г. Художественное оформление. ISBN: 978-9934-8730-0-3.
- КОРОЛЁВА, Е. 2017. *Диалектный словарь староверов Латгалии. Том 2 (Г-Ж)*. Рига: Баруниин П.Г. Художественное оформление. ISBN: 978-9934-8730-1-0.
- ПЛЫГАЎКА, Л. 2009. *Беларуская мова ў Літве: сацыяльны і лінгвістычны аспекты* Вильня: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla. ISBN: 978-9955-20-431-2.
- ПЛЫГАЎКА, Л. 2015. *Беларуская мова ў полікультурным рэгіёне (паўднёва-ўсходняя тэрыторыя Літоўскай Рэспублікі)*. Мінск: БДПУ, Літоўскі ўніверсітэт экукалогіі. ISBN: 978-985-541-264-0.
- SIATKOWSKI, J. (red.). 2003. *Общекарпатский диалектологический атлас. Выпуск 7*. Белград: Институт за српски језик САНУ. ISBN: 8682873087.
- ЭРКЕР, А. 2015. *Структурные черты смешанных белорусских говоров на балто-славянском пограничье*. Leipzig: Biblion Media. ISBN 978-3-86688-569-1.

Mirosław Jankowiak

Adiunkt, Doktor habilitowany / Associated professor, doctor with habilitation

Katedra Białorutenistyki

Wydział Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski, Polska

Department of Belarusian Studies,

Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, Poland

E-mail: m.jankowiak3@uw.edu.pl

ORCID ID: 0000-0001-6212-1463

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТЕКСТА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ⁶⁴

Ян Галло

Кафедра славянской филологии
Философского факультета Университета Константина Философа в Нитре
Нитра, Словацкая Республика

Аннотация: В статье рассматривается проблематика отдельного подхода к анализу дискурса, а именно подход критического дискурс-анализа (КДА), подчёркивающего «язык как форму социальной практики». Во введении представлены современные теоретические трактовки дискурса и дискурс-анализа согласно избранным авторам. В первой части статьи приводятся основные предпосылки дискурс-анализа. Во второй части освещаются вопросы критического дискурс-анализа согласно теории Н. Фэркло (трёхмерная модель дискурса). В третьей части определяется термин «критический дискурс-анализ», а также представлены три основные школы критического дискурс-анализа с добавлением более подробного комментария. В четвёртой части затрагиваются некоторые перспективы исследований в области критического дискурс-анализа. В заключении подводятся итоги изложенного.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, критический дискурс анализ Н. Фэркло, перспектива, подход, текст, теория дискурса.

CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS OF TEXT: CURRENT STATUS AND RESEARCH PERSPECTIVES

Abstract: The paper addresses the issue of the problems of a specific approach to discourse analysis, namely, critical discourse analysis (CDA), which emphasizes "language as a form of social practice." The introduction presents contemporary theoretical understandings of discourse and discourse analysis, as outlined by selected authors. The first part of the article provides the main interpretations and theories of discourse analysis. In the second part, the issues of critical discourse analysis are discussed in accordance with N. Fairclough's theory (the three-dimensional model of discourse). The third part defines the term "critical discourse analysis" and presents the three main schools of critical discourse analysis with more detailed commentary. In the fourth part, attention is paid to some prospects for research in the field of critical discourse analysis. In conclusion, there is a summary of the investigated problems.

Keywords: approach, critical discourse analysis by N. Fairclough, discourse, discourse analysis, discourse theory, perspective, text.

⁶⁴ Статья составлена согласно грантовому проекту ВЕГА 1/0456/25 «Антропоцентрическая парадигма прагматичности текста как дискурса» (2025 – 2028) = Antropocentrická paradigma pragmatickosti textu ako diskurzu

1 Введение

Дискурс (фр. discours, англ. discourse < лат. discursus – бегание взад-вперёд; движение, круговорот; беседа, разговор) – уже не новое и достаточно распространённое понятие. Под дискурсом понимают совокупность текстов (письменных и устных), которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках – организационной деятельности, рекламе, области социального взаимодействия, экономике, СМИ. Согласно Н. Алефиренко дискурс – это «речь, процесс языковой деятельности, способ говорения» (Алефиренко, 2019, с. 18). Дискурс становится самостоятельным смысловым полем – некой реальностью, которая развивается по соответствующим символическим законам. Безусловно, содержание и структура дискурсов не просто отражают представления людей о мире, но и создают символическую реальность со своими социальными законами и правилами поведения.

Е. Полакова и Л. Спалова характеризуют дискурс в трёх измерениях:

1. Ситуативная укоренённость – ориентация на место в коммуникационном процессе;
2. Измерение ориентации на действие – дискурс организует различные социальные практики;
3. Измерение конструирования – дискурс конструируется и одновременно конструирует внутреннее и внешнее испытывание мира (Полакова, Спалова, 2009, с. 80-81).

Авторы далее утверждают, что в дискурс-анализе мы фокусируемся не на ядре, сущности дискурса, а на конструировании дискурса и его функции в коммуникации. При кодировании применяется правило качественного исследования – категории не предопределены, они возникают сами по себе и, в пределах возможностей, должны включать хотя бы частично релевантные случаи. При анализе исследователь должен также работать со своей собственной субъективностью и размышлять о своих аналитических подходах (там же).

М. Гаек определяет дискурс-анализ как анализ языковых действий, как устных, так и письменных, выходящий за рамки отдельных предложений. Согласно вышеуказанному автору, дискурс-анализ фокусируется главным образом на том, как значение конструируется и интерпретируется посредством языка, используемого в различных социальных ситуациях и контекстах (Hájek, 2014, с. 113).

По мнению Е. Полаковой и Л. Спаловой, дискурс-анализ целенаправленно фокусируется на языке (как устном, так и письменном) в социальных ситуациях. Авторы продолжают, что термин «дискурс» в широком смысле включает все формы устного взаимодействия и письменные тексты всех видов (Поттер, Эдвардс, цит. согласно Janoušek, 2007).

Таким образом, дискурс-анализ – это не просто один из методов исследования некой проблемы через специфический способ анализа дискурса, но целостный комплекс, включающий в себя философские (онтологические и эпистемологические) предпосылки, касающиеся роли языка в социальных структурах мира, теоретические модели и методологию того, как выбрать подход к исследованию проблемы, а также специфические приёмы анализа. Н. Алефиренко добавляет, что «многозначность термина „дискурс“ позволяет использовать дискурсивный анализ в ряде гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии» (Алефиренко, 2019, с. 18).

В предложенной нами статье приводим сначала обзорную информацию о взглядах на дискурс, а также некоторые подходы к дискурс-анализу. Далее подробно рассмотрим критический дискурс-анализ и три ведущие школы (подходы), в том числе диалектико-реляционный подход к изучению КДА (*диалектико-реляционная школа*), разработанный Н. Фэркло, с представлением трёх этапов анализа дискурса. Также мы представим в статье некоторые перспективы критического дискурс-анализа.

2 Основные подходы (трактовки) в дискурс-анализе

В целом существующие практики дискурс-анализа эксплуатируют несколько методологических доктрин (подходов), среди которых можно выделить следующие:

- **лингвистические и психологические**, включающие современные методы социолингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, лингвосинергетики и прочих лингвистических и психологических дисциплин;
- **кратологические** (*кратос* от др.-греч. Krátos, „сила, власть“), фокусирующие внимание на властных характеристиках дискурса, что служит основанием для некоторых авторов относить дискурс к социологическим феноменам;
- **семиотические**, рассматривающие дискурс как знаково-символическое культурное образование, как культурный код;

– **социо-коммуникативные**, акцентирующие внимание на коммуникативных целях и социальных функциях дискурса;

– **постмодернистские**, представляющие дискурс как сетевое коммуникативное пространство, в котором происходит конструирование и переформатирование реальности;

– **комбинированные**, соединяющие лингвистические, кротологические, семиотические и социо-коммуникативные трактовки и др. К данному типу подходов можно отнести работы большинства представителей такого направления, как критический дискурс-анализ (разновидность дискурс-анализа, разработанная Норманом Фэркло), (ср. Русакова, 2007, с. 6-7).

Нет определённой школы, которая занималась бы методикой дискурс-анализа, однако есть ряд исследований, посвящённых методам дискурс-анализа. Например, работа двух ведущих специалистов Дании и Швеции в области исследования коммуникации Луизы Филлипс и Марианне Йоргенсен «Дискурс-анализ. Теория и метод» («Discourse Analysis as Theory and Method») (2008). В данной книге авторы собрали из разных научных областей – лингвистики, социологии, психологии и др. – всё то интересное и полезное, что можно применить на практике. Они выделили три основных направления дискурс-анализа текста:

а) теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф (теория основана на постструктуралистической идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений, а из-за изменчивости языка значение никогда не может быть постоянным; ни один дискурс не является замкнутым и завершённым: скорее, он постоянно изменяется в процессе контакта с другими дискурсами, т. е. ключевое понятие этой теории – борьба дискурсов);

б) критический дискурс-анализ (КДА) (особая активная роль данному дискурсу приписывается в конструировании социального мира);

в) дискурсивная психология (цель дискурсивных психологов не в том, чтобы проанализировать «крупномасштабные» дискурсы общества, которые может приносить конкретный язык, а скорее в том, чтобы исследовать, насколько гибко люди используют доступные дискурсы в создании и обсуждении своих представлений о мире и свою идентичность в речевом взаимодействии, и проанализировать, каковы социальные последствия этого).

В дальнейшем описании мы сосредоточим наше внимание на критическом дискурс-анализе Н. Фэркло.

3 Критический дискурс-анализ и три ведущие школы

Критический дискурс-анализ (КДА) – разновидность дискурс-анализа, разработанная Норманом Фэркло (Fairclough, 1995), в которой утверждается, что дискурс – лишь один из множества аспектов любой социальной практики. Для критического дискурс-анализа основной областью интереса является исследование изменений дискурса, которые происходят благодаря интертекстуальности – механизму, с помощью которого отдельный текст привлекает элементы и дискурсы других текстов. Комбинация элементов различных дискурсов ведёт к изменению определённого дискурса, и, следовательно, к изменению социокультурного мира.

К сожалению, несмотря на многообразие публикаций, затрагивающих как теорию дискурса, так и концепции дискурс-анализа, весьма проблематично найти конкретные эмпирические исследования с подробным описанием проведения дискурс-анализа. Это, несомненно, затрудняет выбор модели дискурс-анализа, наиболее эффективной для того или иного исследования, особенно если принимать во внимание существование разнообразных трактовок понятия «дискурс» и, соответственно, различных подходов к его изучению. С подобными проблемами сталкиваются не только российские, но и немецкие исследователи.

Существуют три ведущие школы (три подхода) критического дискурс-анализа: **1. дискурс-анализ Н. Фэркло**, базирующийся на диалектико-реляционном подходе и имеющий целью рассмотрение социальных проблем в тесной взаимосвязи с текстовым анализом; **2. социо-когнитивная теория Т. ван Дейка**, ориентированная на изучение отношений между когнитивными механизмами познания, дискурсом и социальным взаимодействием; **3. дискурс-анализ Р. Водак**, опирающийся на дискурсивно-исторический подход и нацеленный на выявление особенностей использования языка властными элитами для поддержания своего доминирования.

Все школы КДА оперируют такими категориями, как время (tense), дейксис (deixis), метафора (metaphor), атрибуты (attribute) и аргументативные топосы (argumentative topos), теоретическая база и методология разных школ КДА имеют некоторые отличия. В одних доминируют дедуктивные методы анализа, в других – экспериментальные. Первые строят свои объяснения, используя сравнительно небольшое количество примеров; вторые опираются на данные, полученные в результате большого количества экспериментов, и оперируют надёжными и объективными данными. В последующей части более подробно рассмотрим суть каждой из трёх школ (подходов) критического дискурс-анализа.

1. Диалектико-реляционный подход (школа) (Dialectical-Relational Approach)

к изучению КДА, разработанный Н. Фэркло, основан преимущественно на идеях марксизма, что наглядно проявляется в его исследованиях языка, идеологии и власти (Fairclough, 1989; 1995). Ученый оперирует такими терминами, как «доминирование» (dominance), «сопротивление» (resistance), «гибридизация дискурсивных практик» (hybridisation of discursive practices), «технологизация дискурса» (technologisation of discourse) и «конверсационализация публичного дискурса» (conversationalisation of public discourse), называя КДА чем-то средним между анализом конкретных текстов и тем, что именуется «порядком дискурса», под которым мы понимаем дискурсивное измерение социального порядка (Fairclough, 2003, с. 3).

Подход Н. Фэркло – это текстоориентированная форма дискурс-анализа, которая объединяет три традиции:

=> детальный лингвистический анализ текста (включая функциональную грамматику Майкла Холлидея);

=> макросоциологический анализ социальной практики (включая теорию Фуко, в которой отсутствует методология анализа отдельных текстов);

=> микросоциологическую, интерпретативную традицию в социологии (включая этнометодологию и конверсационный анализ), где повседневная жизнь рассматривается как продукт действий людей, следующих набору разделяемых правил и процедур на уровне «здравого смысла».

Н. Фэркло использует детальный анализ текста, чтобы разобраться в том, как дискурсивные процессы лингвистически функционируют в конкретных текстах. Однако он критикует лингвистические подходы за их упрощенное поверхностное понимание отношений между текстом и обществом. Для дискурс-анализа Н. Фэркло одного лишь текстового анализа не достаточно, поскольку текстовый анализ сам по себе не проясняет связи между текстами, социальными и культурными процессами и структурами. Необходим межличностный подход, в котором сочетается текстовый и социальный анализ. Применение макросоциологической традиции в дискурс-анализе даёт преимущество, поскольку позволяет учитывать, что социальные практики формируются социальными структурами и распределением власти и что люди часто не осознают эти процессы. Интерпретативная традиция обеспечивает понимание того, как в повседневной жизни люди активно создают мир, ограниченный правилами (ср. Фэркло, 1992).

Центральный момент в теории Н. Фэркло – это трактовка дискурса одновременно и как конституирующего, и как конституируемого. Н. Фэркло рассматривает отношения между дискурсивной практикой и социальными структурами как комплексные и изменяемые с течением времени. Поэтому его теория отличается от подходов критического дискурс-анализа, в которых эти отношения рассматриваются как очень стабильные.

Одно из ведущих мест в КДА занимает анализ текста. Н. Фэркло предлагает включить в поле исследования три этапа анализа дискурса (трёхмерная модель Фэркло) (Fairclough, 2003, s. 99).

Рис. 1 Трёхмерная модель Фэркло для критического дискурс-анализа

Первый этап – это рассмотрение социальной проблемы в тесной взаимосвязи с текстовым анализом. Обоснованием служит тот факт, что тексты являются индикаторами социальных изменений. Н. Фэркло подчеркивает значимость критической ориентации дискурс-анализа: власть и социальный контроль реализуются, как правило, с помощью текстовых средств. Подход к языку как семиотической практике предполагает, что язык обеспечивает формирование социальных идентичностей, конструирование реальности и, наконец, текста. При таком понимании дискурсивного пространства учитывается существование диалектических отношений между отдельным дискурсивным событием и социальными структурами, которые его формируют. Дискурс организуется, как считает Н. Фэркло, социальными структурами и практиками, а также социальными агентами – людьми, вовлеченными в социальные

события (Fairclough, 2003, с. 22). По мнению исследователя, это позволяет выяснить, как материализуется, воспроизводится и навязывается принятая в том или ином обществе система взглядов, ценностей и целеустановок. В то же время дискурсивные события вносят свой вклад в изменение и укрепление существующих социальных отношений, влияют посредством семиотического кода на социальные структуры, конструируют реальность согласно собственным образцам. Следовательно, дискурс и социальные структуры являются взаимно конституирующими сущностями: социальные структуры создают дискурсивное событие, а оно формирует социальную и политическую реальность (Fairclough, Wodak 1997). Анализ текста опирается не только на изучение языковых (речевых) единиц, он включает также междискурсивный анализ: дискурсивное описание конкретной социальной проблемы исследуется посредством определения стилей (семиотических образов), жанров (способов поведения и производства социальной жизни, имеющих семиотическую природу) и дискурсов (семиотических способов толкования мира); затем между ними выявляются различия и в завершение проводится изучение способов их взаимодействия и сочетания. Следовательно, социальное измерение дискурса, или порядок дискурса, представляет собой особое состояние дискурсивной среды как результат социокультурной детерминации и контролирования дискурсивных практик.

Вторым этапом КДА является структурный анализ контекста и позиций социальных акторов, учёт времени предложения, переходности, модальности, а также иных семиотических систем, например, языка тела и визуальных изображений. В данном случае речь идёт об анализе дискурсивной практики, которая включает производство и потребление текстов.

На третьем этапе проводится исследование интердискурсивности с целью определения роли дискурсов в процессах социального изменения, т. е. речь идёт о социальной практике.

Таким образом, согласно Л. Филлипсу и М. В. Йоргенсен, эти три этапа (по модели Н. Фэркло) представляют собой «аналитическую структуру для эмпирического исследования способов коммуникации, а также общества в целом. Все три этапа должны быть включены в специальный дискурс-анализ коммуникативного события. Следовательно, такой анализ необходимо сосредоточить на (1) лингвистических особенностях текста (текст); (2) процессах воспроизводства и потребления текста (дискурсивная практика); и (3) более широкой социальной практике, которой

принадлежит коммуникативное событие (социальная практика)» (Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 120).

2. Социо-когнитивный подход (школа) (Socio-Cognitive Approach), разрабатываемый Т. ван Дейком, основан на взаимосвязи между когнитивными структурами, дискурсом и обществом. Этот подход сформировался как результат объединения когнитивного анализа механизмов познания, лингвистического анализа и изучения особенностей социального взаимодействия. Т. ван Дейк интересуют дискурсивное воспроизводство стереотипов (stereotypes), этнических предрассудков (ethnic prejudices), злоупотребление властью со стороны элит (power abuse by elites) и сопротивление угнетаемых групп (resistance by dominated groups). Исследователь подчеркивает важность выявления взаимодействия между дискурсом и властными социальными структурами, под которым понимается не простое корреляционное взаимодействие, а сложный социокогнитивный процесс, включающий ментальные модели в сознании участников, испытывающих влияние дискурсивных структур и в то же время влияющих на формирование новых дискурсов. Структуры доминирования посредством кодирования информации в дискурсе не только формируют новые коллективные знания о мире, хранящиеся в кратковременной и долговременной памяти, но и обновляют существующие. «Встроенные» в текст лингвистические механизмы наилучшим образом воспроизводят посредством дискурса властные отношения в обществе. Процесс декодирования информации в дискурсе в свою очередь формирует наши представления о мире, структурируя социальную реальность (а значит, и будущие дискурсы). В качестве инструмента для производства и лучшего понимания дискурса Т. ван Дейк выделяет структурные знания (K-device). Данное понятие, представляющее собой соотношение личностного, межличностного, группового, институционального, национального и культурного знания, используется для самопрезентации группы и обособления её от других (ср. Dijk, 2005).

3. При дискурсивно-историческом подходе (в рамках дискурсивно-исторической школы) (Discourse-Historical Approach) цель анализа заключается в выявлении того, как властные элиты используют язык и другие семиотические системы для поддержания своего господства (Reisigl, Wodak, 2009). Первоначально внимание исследователей было обращено на изучение послевоенного антисемитизма в Австрии. В настоящее время в работах ученых, придерживающихся данного подхода, рассматриваются вопросы, касающиеся конструирования дискурсов национальной,

наднациональной, региональной идентичности и социальной изоляции аут-групп, потенциала политического дискурса как инструмента воспроизводства социального доминирования, позволяющего осуществлять некую категоризацию, создавать идентичности, относить различные группы к тем или иным «классам». Дискурсивно-исторический метод основывается на идеях Франкфуртской философской школы и прежде всего Ю. Хабермаса, в теории которого понятие рационального действия является одним из ключевых, а стратегическое и коммуникативное действие, направленное на успех, противопоставляется коммуникации, ориентированной на достижение понимания. По мнению Р. Водак, дискурс – это «продукт» коммуникативного действия, выраженный в речевой форме (в виде текста или разговора), форма социального действия – социально конститутивная и социально сформированная (Fairclough, Wodak, 1997, s. 276). Обязательным этапом исследования становится проведение текстуального и контекстуального анализа. При этом модель контекста понимается как сложный феномен, включающий четыре уровня: (а) лингвистический ко-текст (linguistic co-text), (б) интертекстуальный и интердискурсивный уровень (intertextual and interdiscursive level), (в) экстралингвистический уровень (extralinguistic level), (г) социально-политический и исторический уровень (sociopolitical and historical level) (Wodak, Meyer, 2009). Взаимосвязь между текстами и дискурсами ведет к деконтекстуализации и реконтекстуализации, под которыми понимается «перемещение» текстуальных или дискурсивных элементов, ассоциируемых с определенными речевыми событиями, в новые контексты.

Разнообразие теоретико-методологических направлений КДА позволяет говорить о его постоянном развитии и совершенствовании в соответствии с поставленными задачами, а также о целесообразности и эмпирической ценности его интеграции в комплекс методов современной политической науки.

Разделяя точку зрения М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс на различные подходы к критическому дискурс-анализу в заключение хочется отметить, что Н. Фэркло создал наиболее продуманную структуру для анализа отношений между использованием языка и социальными практиками в целом. Основная проблема подхода Н. Фэркло заключается в том, что теоретические различия между дискурсивным и недискурсивным не получили ясного эмпирического подтверждения.

В заключение данной части хочется добавить, что согласно Е. А. Кожемякину, «на сегодняшний день исследования социальных функций вербального дискурса крайне

обширны и разнообразны, а их результаты часто представлены классическими работами в области социально-гуманитарных наук XX века, авторами которых являются М. Фуко, Р. Барт, М. Холлидей, М. М. Бахтин, С. Холл, Дж. Остин, Дж. Сёрль и многие другие. Их вклад в развитие теории и методологии анализа вербального дискурса является общепризнанным и обладает высокой эпистемической ценностью глубокого понимания отношения "вербальное – социальное"» (Кожемякин, 2018, с. 86).

4. Перспективы критического дискурс-анализа

Следует отметить, что в 2024 году критический дискурс-анализ отметил свой тридцатилетний юбилей. Можно подтвердить, что данное направление ориентировано на решение социальных проблем, что обуславливает междисциплинарный характер критических исследований. Для дальнейшего развития направления важно выяснить, как критический дискурс-анализ относится к современным социальным и техническим явлениям, которые влияют на коммуникацию, социальные структуры, властные отношения. Теоретически и методологически данное направление находится на перекрёстке новых разработок, обладающих высоким потенциалом для внедрения результатов научных исследований в практику социальной жизни. Однако сегодня возникает необходимость переосмысления первоначальной цели критических исследований и обновления их междисциплинарных рамок. Нужно провести реконтекстуализацию социальной повестки научных исследований, обращая исследовательский интерес на изучение нового мира стремительных социальных изменений.

В настоящее время очевидны методологические вызовы, которые формулирует «визуальная революция» в медиакоммуникациях: прежние подходы и методы, ориентированные на изучение вербальных данных, отходят на второй план, а наиболее востребованными становятся исследовательские инструменты, позволяющие работать с визуальными материалами. Таковыми могут являться методы визуальной антропологии (Jewitt, Berezner, O'Halloran, 2016), семиотики (Kress, 2010), визуальной социологии (Jewitt, 2014) и др., которые традиционно применяются исследователями для изучения визуального материала.

5. Выводы

Дискурс обычно понимается как языковой акт (устный, письменный, визуальный), встроенный в определённую область социальной практики (экономика,

политика, наука, искусство и т. д.). В то же время дискурс рассматривается как явление, которое не только конституируется, но и является конституирующим.

Существует несколько подходов к дискурс-анализу, среди которых комбинированные подходы соединяют элементы различных других трактовок, к которым можно отнести и критический дискурс-анализ (разновидность дискурс-анализа, разработанная Норманом Фэркло).

Дискурс-анализ предполагает работу с ключевыми концептами. Начинается она с их выявления и выделения. Выявляются ключевые концепты путем определения темы и подтем текста. Затем фиксируются объективирующие ключевые концепты, номинативные знаки (в научных и социо-экономических текстах – термины, в художественных и публицистических – знаки прямой и косвенной номинации).

Отличительным подходом к анализу дискурса является критический анализ дискурса (КДА), который подчёркивает «язык как форму социальной практики». В рамках этой концепции дискурса на первый план выходит разделение социальной практики на дискурсивную и недискурсивную области.

Критический дискурсивный анализ (КДА) рассматривает два типа социальной практики, две разные области, требующие разных подходов. Преимущество разделения на дискурсивную (лингвистическую) область и недискурсивную область заключается в её функциональности в процессе (междисциплинарного) анализа. Такое разделение позволяет разделить исследования, что делает их более понятными. Известный представитель КДА – Н. Фэркло как представитель так называемого текстоориентированного дискурсивного анализа в этом контексте говорит о трёх измерениях анализа. Первый уровень – *текстовый*. В центре внимания – лингвистический анализ фрагментов дискурса, формирующих исследовательский корпус. Второе измерение – *дискурсивная практика*, которая охватывает вопросы производства, распространения и потребления текстов, а также выявления различных типов дискурса в зависимости от социальных факторов. Предполагается, что тексты создаются, распространяются и потребляются в конкретных социальных контекстах. Таким образом, условия создания текста и среда, в которой он функционирует, также подлежат анализу. Третье измерение включает *социальную практику*. На этом уровне основное внимание уделяется тому, воспроизводит ли дискурс или перестраивает существующие дискурсивные структуры и какие конкретные последствия он имеет для общества. Критический дискурсивный анализ ориентирован на решение проблем и в конечном итоге направлен на содействие позитивным изменениям в обществе.

Существуют три ведущие школы (подходы) критического дискурс-анализа: 1. дискурс-анализ Н. Фэркло; 2. социо-когнитивная теория Т. ван Дейка и 3. дискурс-анализ Р. Водак.

В условиях усиления роли визуального семиозиса в мультимедийную эпоху возникает актуальная задача ревизии некоторых ключевых, в том числе классических методологических, установок в отношении анализа дискурса. Как отмечает Дэвид Манчин, дискурс реализуется посредством различных коммуникационных каналов и средств, с помощью различных форматов и на различных уровнях, и для современных исследований дискурса представляется недостаточно полным анализ только лишь вербального (лингвистического) аспекта социальной коммуникации и процессов социального воздействия и конструирования (ср. Machin, 2013). Роль визуального в текстах усиливается, т. е. визуальное не столько вымещает собой вербальное, сколько образует с ним систему, в которой установлен «семиотический порядок», особая конфигурация кодов, порождающая некоторый прагматический эффект. Иными словами, речь идёт не столько о дифференциации «визуальное – вербальное» и разграничении текстов по этому принципу, сколько о мультимодальности как специфической черте современных медиатекстов (ср. Machin, 2013; Machin, Mayr, 2012; Пахалюк, 2018).

Подробный анализ перераспределения прагматического потенциала между вербальными и визуальными медиасредствами требует целого ряда самостоятельных масштабных исследований. Не менее перспективными являются кросс-дисциплинарные исследования, позволяющие апробировать синтез методов традиционных визуальных исследований и классического лингвистического анализа.

Список литературы

- CINGEROVÁ, N., DULEBOVÁ, I. 2023. *Mediálna lingvistika. Východiská kritickej analýzy mediálnych textov*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. 220 s. ISBN 978-80-223-5720-3.
- CINGEROVÁ, N., MOTYKOVÁ, K. 2017. *Úvod do diskurznej analýzy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. 174 s. ISBN 978-80-223-4385-5.
- DIJK, T. A. van. 2005. *Contextual Knowledge Management in Discourse Production: a CDA Perspective*. In: R. Wodak, P. Chilton (eds.). *A new agenda in (critical) discourse analysis*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, pp. 71-100. ISBN 978-902-726-8211.
- FAIRCLOUGH, N., WODAK, R. 1997. *Critical discourse analysis*. In: T. van Dijk (ed.). *Discourse and social interaction*. London: Sage, pp. 258-284.

- FAIRCLOUGH, N. 1995. *Critical discourse analysis: critical study of language*. London: Longman. 265 p. ISBN 0-582-21980-9.
- FAIRCLOUGH, N. 1992. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press. 269 p. ISBN 978-0745-606-743.
- FAIRCLOUGH, N. 1989. *Language and Power*. London: Longman. 259 s. ISBN 978-05-8200-976-9.
- FAIRCLOUGH, N. 2003. *Textual analysis for social research*. New York: Routledge. 270 p. ISBN 0-415-25893-6.
- FOUCAULT, M. 2002. *Archeologie vědění*. Praha: Herrmann & Synové. 318 s. ISBN 978-80-2390-124-5.
- GAJARSKÝ, L., IERMACHKOVÁ, O., SPIŠIAKOVÁ, A. 2021. *Transformations of Phraseological Units in Russian and Slovak Advertising Slogans* In: *Filologičeskije nauky*, No 4, s. 11-17. ISSN 2310-4287.
- HÁJEK, M. 2014. *Čtenář a stroj. Vybrané metody sociálněvědní analýzy textu*. Praha: Sociologické nakladatelství Slon. 226 s. ISBN 978-80-7419-161-9.
- JANOUSEK, J. 2007. *Verbální komunikace a psychika*. Praha: Grada. 172 s. ISBN: 978-80-247-1594-0.
- JEWITT, C., BEZEMER, J., O'HALLORAN, K. 2016. *Introducing multimodality*. London and New York: Routledge. 219 p. ISBN 978-04-15-63926-2.
- JEWITT, C. 2014. *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis*. London: Routledge. 527 p. ISBN 978-11-3824-519-8.
- KOVÁČOVÁ, Z., CIPRIANOVÁ, E. 2021. *From primary meanings of the sensory perceptions of touch and taste to lexicalized metaphors in an associative-semantic network in Slovak* = *Od primárnych významov zmyslových vnemov hmatu a chuti k lexikalizovaným metaforám v asociačno-sémantickej sieti v slovenčine*. In: *Slovo a slovesnosť: časopis pro otázky teórie a kultúry jazyka*. roč. 82, č. 1, s. 45-66. ISSN 0037-7031.
- KOVÁČOVÁ, Z., KOVÁČOVÁ, J. 2019. *"Willow, willow, give me a man" Linguistic image of women in traditional Slovak phrase, with comparative elements of Spanish phrase*. In: *Revista Española de Linguística Aplicada*, roč. 32, č. 1, s. 32-53. ISSN 0213-2028.
- KOVÁČOVÁ, Z., BEDNÁRIKOVÁ D. 2025. *Conceptual Metaphor and Devices of Persuasiveness in Television Advertising Discourse*. In: *Facing Language and Cultural Education Challenges in the Current World. Conference Proceedings*. Praha: Verbum. pp. 125-134. ISBN 978-80-88507-29-1.
- KOVÁČOVÁ, Z. 2023. *Od pochopenia k porozumeniu textu* = *From Text Understanding to Text Comprehension*. In: *O dieťaťati, jazyku, literatúre/On Child, Language and Literature. Časopis pre otázky rozvíjania komunikačnej a literárnej kompetencie*. roč. XI, č. 2, s. 54-69. ISSN 2729-8639 (online).
- KOVÁČOVÁ, Z. 2010. *Význam jazykovej analýzy textu pre formovanie komunikačnej kompetencie*. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre. 216 s. ISBN 978-80-8094-695-1.
- KRAVČENKO, B., KALECHYTS, A. 2025. *Pedagogický diskurz a jeho podtypy*. In: *Slovenská reč*. roč. 90, č. 1, s. 167-181. ISSN 0037-6981.

- KRESS, G. R. 2010. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London and New York: Routledge. 213 p. ISBN 978-0-415-32061-0.
- MACHIN, D., MAYR, A. 2012. *How to do Critical Discourse analysis. A Multimodal Introduction*. London: SAGE Publications. 236 p. ISBN 978-08-5702-892-1.
- MACHIN, D. 2013. *Introduction. What is Multimodal Critical Discourse*. In: *Critical Discourse Studies*. vol. 10, No 4, pp. 347-355.
- POLÁKOVÁ, E., SPÁLOVÁ, L. 2009. *Wybrané problémy metodológie masmediálnych štúdií*. Trnava: Fakulta masmediálnej komunikácie UCM v Trnave. 112 s. ISBN 978-80-8105-133-3.
- PUKANEC-DIWEG, M. 2025. *Metaphors in Tourism Promotional Discourse: a Corpus-Assisted Study of the Cyril and Methodius Cultural Route*. In: *Tourism in Southern and Eastern Europe, Conference Proceedings*, vol. 8, pp. 157-162. ISSN 2706-2406.
- REISIGL, M., WODAK, R. 2009. *The discourse-historical approach*. In: R. Wodak, M. Meyer (eds.). *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, pp. 87-121.
- SPIŠIAKOVÁ, A. 2022. *Structural-semantic transformations of phraseological units in Russian and Slovak newspaper articles*. In: *SKASE Journal of Theoretical Linguistics* [online]. vol. 19, No 1, p. 82-100. ISSN 1336-782X.
- WODAK, R., MEYER, M. 2009. *Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology*. In: R. Wodak, M. Meyer (eds.). *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, pp. 1-33.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. 2019. *Дискурс: смыслопорождающий механизм текста*. Hradec Králové: Gaudeamus. 225 с. ISBN 978-80-7435-769-5.
- ГАЛЛО, Я., МИЛЯЕВ, Ф. В. 2024. *Роли участников коммуникации в рекламном дискурсе: прагмалингвистический аспект (the Roles of Communication Participants in Advertising Discourse: A Pragmalinguistic Aspect)*. In: *Philological Class*. vol. 29, No 4, pp. 101-113. ISSN 2071-2405.
- ГУСЕЙНОВА, К. 2017. *Критический дискурс-анализ как эффективный метод качественного анализа научных и образовательных текстов*. [онлайн] In: *nauka.me*. Номер 3. [цит. 2026-27-01] ISSN 2413-2888. Режим доступа: URL: <https://nauka.me/s241328880000051-0-1/>
- ЙОРГЕНСЕН, М. В., ФИЛЛИПС Л. Дж. 2008. *Дискурс-анализ. Теория и метод* / пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр». 352 с. ISBN 966-8324-06-4.
- КАЛЕЧИЦ, Е. И. 2024. *Прагмалингвистическая модель исследования текста с проекцией на говорящего (Pragmalinguistic model text research with projection onto the speaker)*. In: *Przegląd Rusycystyczny: Russkoje obozrenije*. вып. 188, No 4, с. 198-218. ISSN 0137-298X.
- КОЖЕМЯКИН, Е. А. 2018. *Визуальное и социальное: перспективы критического дискурс-анализа и социальной семиотики*. In: *ЗНАК: проблемное поле медиаобразования*. Челябинск: Центр интеллектуальных услуг. Энциклопедия, Т 27, No 1, с. 86-92.
- МИЛЯЕВ, Ф. В. *К проблематике поликодовости современной рекламы*. In: CHARCIAREK, A., WALCZAK, M., ŚMIECH, J. (eds.). 2025. *Jednostki języka w*

- systemie i w tekście. 6. Katowice: Wydawnictwo Naukowe Śląsk, s. 283-294. ISBN 978-83-8183-290-8.
- ПАХАЛЮК, К. А. 2018. *Критика дискурса: исследовательские программы и протестная практика*. In: Полис. Политические исследования. № 1, с. 157-174.
- РУСАКОВА, О. Ф. *Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса*. In: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2007, вып. 7, с. 6-7.
- ЦИНГЕРОВА, Н., ДУЛЕБОВА И. 2023. *Трансформация восприятия ключевых имён и произведений русской классической литературы в образовательном дискурсе Словакии (до и после 1989 года)* = Transformation of Perception of Key Names and Works of Russian Classic Literature in Slovak Educational Discourse (Before and After 1989). In: *Roczniki Humanistyczne*. vol. 71, No 7, s. 135-154. ISSN 0035-7707.
- ЧЕРНЯВСКАЯ, В. Е., ХОХЛОВА М. В. 2024. *Дискурсивный анализ текста и корпусные методы*. Москва: ЛЕНАНД. 224 с. ISBN 978-5-002-37062-7.

Ján Gallo

doc., PaedDr., PhD.

Katedra slovanských filológií

Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre

Štefánikova 67, 949 01 Nitra, Slovenská republika

Department of Slavic Philologies

Faculty of Arts of Constantine the Philosopher University in Nitra

Štefánikova 67, 949 01 Nitra, Slovakia

E-mail: jgallo@ukf.sk

ORCID ID: 0000-0001-7113-9235

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫКИ В ДИНАМИКЕ ИДИОМОВ: СЛОВАЦКО-СЛАВЯНСКАЯ СПЕЦИФИКА⁶⁵

Viktória Liashuk

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela
Banská Bystrica, Slovensko

Аннотация: В докладе рассматривается современная лингвистическая парадигма, касающаяся статуса литературного языка, его соотнесения с национальным языком в связи с другими идиомами (языковыми разновидностями). Целью исследования является изучение связи и соотношения базовых универсальных феноменов, презентующих славянские народы, и их культурное присутствие в современном языковом пространстве. Методами исследования избраны интерпретационный, сравнительно-типологический и дискурсивный. Анализ касается славянских национальных языков (словацкого, русского, белорусского, а в некоторых аспектах также польского, чешского и украинского). Особое внимание обращается на динамику взаимодействия различных идиом, а также динамику их интерпретации национальными лингвистиками. Выделяются узловые проблемы в презентации национального языка и рассматривается специфика их решения в отдельных славянских языках. Литературные славянские языки и подход к ним прослеживается в актуальной национальной терминологии и в славянской лексикографии, прежде всего в созданном совместными усилиями национальных коллективов «Словаре славянской лингвистической терминологии». Анализируются основные тенденции в презентации национального литературного языка в энциклопедической научной литературе, справочных изданиях и в научно-популярной литературе. Отдельным вопросом рассматривается филологическая точка зрения на синтез языка и национальной художественной литературы, которая влияет на динамику идиомов.

Ключевые слова: лингвистическая славистика, языковой идиом, лексикографическая интерпретация, энциклопедия национального языка, типология славянских литературных языков, славистический дискурс, лингвистическая терминология, параметры типологии, языковая личность.

NATIONAL AND LITERARY LANGUAGES IN THE DYNAMICS OF IDIOMS: SLOVAK AND SLAVIC SPECIFICS

Abstract: The paper examines the contemporary linguistic paradigm related to the status of the literary language and its association to the national language in connection with other language varieties. The aim of the study is to investigate the connections and associations between fundamental universal phenomena representing Slavic nations and their cultural presence in the modern linguistic space. The research employs interpretative, comparative typological, and discourse-based methods. The analysis focuses on Slavic national languages (Slovak, Russian, Belarusian, and in certain aspects also Polish, Czech, and Ukrainian). Special attention is paid to

⁶⁵ Publikácia je čiastočným výstupom v rámci projektu VEGA 1/0766/24 Národný jazyk a jeho variety v dynamike a interakcii: západoslovanský a východoslovanský kontext.

the dynamics of interaction among different language varieties as well as to the dynamics of their interpretation within the respective national linguistic traditions. Key issues in the presentation of the national language are identified, and the specifics of their solution in individual Slavic languages is examined. Slavic literary languages and approaches to them are traced in the current national terminology and in Slavic lexicography, primarily in the *Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology*, collaboratively developed by the respective national authors' collectives. The main trends in the presentation of the national literary language in encyclopedic academic literature, reference works, and popular scientific publications are analyzed. A separate issue addressed is the philological perspective on the synthesis of language and the national fine literature, which influences the dynamics of language varieties.

Keywords: linguistic Slavistics, language variety, lexicographic interpretation, encyclopedia of the national language, typology of Slavic literary languages, Slavic discourse, linguistic terminology, typological parameters, linguistic personality.

Национальный и литературный языки представляют собой в настоящее время наиболее презентативные и фундаментальные языковые образования, первое из которых является свидетельством присутствия в культуре нации с собственным языком второе свидетельствует о письменной, коммуникативно (стилистически) дифференцированной форме, используемой и культивируемой своими носителями.

Славянская терминология

К традиционной языковой разновидности относится диалект, служащий для литературного языка базой, на которой формируется литературный язык как наддиалектное образование. В настоящее время в теорию введен термин как функциональное понятие для всех разновидностей – *идиом* – «общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, литературного языка, его варианта и других форм существования языка» (В.А. Виноградов, 1990, с. 1).

Традиционным в восточнославянском контексте является *просторечие* (укр. *просторіччя*; бел. *прастамоўе*) – нелитературная речь мало образованного городского населения. К традиционным разновидностям (формам существования) национального языка относится фольклор, в настоящее время интерпретируемый как наддиалектная разновидность, имеющая статус *койне* – средства повседневного общения определенной группы людей, способное влиять на формирование литературного языка. В словацком и белорусском, а также украинском языках значительную роль сыграло именно фольклорное койне (Gašuková (Ляшук), 2009; Ляшук, 2019). Городское московское койне «легло в основу начавшего формироваться в 17 в. русского национального языка.

Литературный язык также развивался на основе московского койне» (Караулов, 1997, с. 190-191).

К новым, выявленным в социалингвистике идиомам относится социолект (язык социальной группы) и этнолект (региональная разновидность языка, используемого этнической группой – русский этнолект в Словакии). Перечисленные образования достаточно выразительно презентуют одновременно связь с национальным и литературным языком. Специалист по разновидности польского языка указывает: «Типология языковых вариантов имеет ступенчатую структуру» (Wilkoń, 1987, s. 112).

Словарь славянской лингвистической терминологии, созданный совместными усилиями национальных авторских коллективов (Jedlička, 1977), отражает общие тенденции в динамике терминологии. Термин *язык* употребителен в западославянских языках и русском языке, ему противопоставлен термин *мова* в украинском и белорусском языках, характеризующихся общим лексическим фондом. Наддиалектная общепринятая форма языка в чешском и словацком терминах представлена адъективным компонентом, мотивированным семантикой письменной формы, – *spisovný* Восточнославянские языки имеют в адъективном компоненте общий термин ‘письменные источники’ с системными фонетическими отличиями: рус. *литературный*; укр. *літературна*; бел. *літаратурная*. Польская терминология представлена двумя терминами. Первый и основной из них предложил известный историк польского языка Зенон Клеменевич, реагируя на актуальное функционирование польского языка – *język ogólny*. Второй из вариантов, совпадающий корнем с восточнославянскими адъективными компонентами, был основным до введения нового термина. Заимствованный термин *койне* является общим для западно- и восточнославянской терминологии. В польском, украинском и белорусском языках он дополнен соотносимым по семантике описательным термином (см. Табл. 1) (1977, с. 20-23).

Таблица 1. Основные термины

Чэшск.	národní jazyk	spisovný jazyk	koiné, obecný jazyk
Слв.	národný jazyk	spisovný jazyk	koiné
Польск.	język narodowy (ogólnonarodowy 1, etniczny)	język ogólny (literacki)	koiné, język ogólnonarodowy 2
Рус.	национальный язык	литературный язык	койне
Укр.	національна мова	літературна мова	койне, спільна мова
Блр.	нацыянальная мова	літаратурная мова	кайнэ, агульная мова
Индэкс	1-5-6	1-5-17	1-5-18

Адъективный компонент термина *литературный* является омонимичным к чешскому (*literární*) и словацкому (*literárny*) компоненту, семантически связанным с художественной литературой. В польском языке приводятся два варианта. Первый имеет в адъективе специфический корень, второй соотносим по модели с восточнославянскими языками (см. Табл. 2).

В таблице 2 отражены славянские термины ‘литературный язык’ и тематически связанные с ними две группы терминов со значениями ‘разговорный язык’ и ‘язык художественной литературы’. И в этой группе замечается общность чешской и словацкой терминологии, специфичность и вариантность польской, а также общность восточнославянской терминологии:

Таблица 2. Термины обозначения смежных языковых сфер

Чэшск.	spisovný jazyk	hovorový jazyk	literární jazyk
Слв.	spisovný jazyk	hovorový jazyk	literárny jazyk
Польск.	język ogólny (literacki)	język potoczny	język artystyczny (literatury pięknej)
Рус.	литературный язык	разговорный язык	язык художественной литературы
Укр.	літературна мова	розмовна мова	мова художньої літератури
Блр.	літаратурная мова	размоўная форма літаратурнай мовы	мова мастацкай літаратуры
Индекс	1-5-17	1-5-17-1	1-5-17-2

Обращает на себя внимание повторяемость корней в описательных соотносимых терминах укр. *розмовна мова* и бел. *размоўная форма літаратурнай мовы*, что указывает на системную связь письменной формы языка с устной, а также на соотнесенность по этому параметру белорусского и украинского литературных языков.

Все рассмотренные термины включены авторами словаря в раздел общих понятий как базовые.

Энциклопедии национальных языков

Системная научная презентация национального и литературного языков в связи с другими разновидностями получает наивысшую степень разработанности и внимания к родному языку (Liashuk, 2017, с. 60 – 71) в энциклопедии, посвященной национальному языку. В разное время такие энциклопедии созданы в Польше, России, Беларуси и Украине, перечислим их в хронологическом порядке по первому изданию в группах по каждому из языков:

Encyklopedia wiedzy o języku polskim. Red S. Urbańczyk. (1978).
Encyklopedia języka polskiego. Red S. Urbańczyk (1991).
Olinkiewicz, E., Radzymińska, K., Styś H. Ilustrowana encyklopedia. Język polski (2006).
Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф. П. Филин (1979).
Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ю. Н. Караулов (1997, 2026).
Беларуская мова. Энцыклапедыя. Галоўны рэд. А. Я. Міхневіч (1994).
Українська мова: енциклопедія. Співголови Русанивский, В. М., Тараненко, О. О. (2000; 2004, 2007, 2013).

Время появления фундаментальной энциклопедической интерпретации национального языка, количество и динамика переизданий, динамика редакторства, авторство – эти параметры существенны для комплексного и детального рассмотрения связи между национальным языком, его носителями и исследователями. Наблюдается преемственность редакторов в регулярном издании энциклопедии русского языка. В польском контексте переиздание энциклопедии национального языка дополняется популярным иллюстрированным изданием новых авторов. Белорусская энциклопедия не переиздавалась с 1994 года (со времени непродолжительного возрождения национального языка титульной нации). Украинская энциклопедия, появившись после польской, русской и белорусской в самостоятельном государстве, ставит перед собой прикладные и популяризационные цели: «ЕУМ розрахована як на філологів – українців і фахівців з інших мов у нашій країні та за кордоном, так і на широке коло читачів. Видання особливо на часі тепер, у незалежній Україні, коли українська мова утверджується як державна» (Русанивский, Тараненко, співгол., 2004, с. 5).

Энциклопедические интерпретации литературных языков указывают на специфику национальных лингвистик в акцентировании универсальных особенностей.

В белорусской энциклопедии в статье «Літаратурная мова» начальная дефиниция подчеркивает назначение национального языка: «Літаратурная мова – апрацаваная, упарадкаваная і нармалізаваная форма агульнанароднай мовы, прызначэнне якой – абслугоўваць разнастайныя сферы грамадскай дзейнасці чалавека» (Бандарэнка, 1994, с. 312–313; курсіў наш – В. Л.).

Украинская энциклопедия начинает презентацию научной информации с соотнесения идиомов внутри национального языка: «ЛІТЕРАТУРНА МОВА – унормована мова сусп. спілкування, загальноприйнята в писемній <...> та усній <.> практиці. Л. м. — одна з форм нац. мови, що існує поряд з іншими її формами — діалектами (територіальними, соціальними), просторіччям, мовою фольклору» (Єрмоленко, 2004, с. 318).

Русская энциклопедия в начальную позицию помещает информацию об историческом присутствии (продолжительном и закономерном) и аксеологическом параметре: «**Литературный язык** – форма исторического существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую» (Караулов гл. ред., 1997, с. 221).

Польская энциклопедия дифференцирует и включает в отдельные словарные статьи рассмотренные выше термины – традиционный *język literacki* и заменивший его по функциональности, но не тождественный со объемом термин *język ogólny*: «**Język literacki**, czyli pisana odmiana języka ogólnego, przeciwstawia się odmianie mówionej, zwanej też językiem potocznym» (Pisarek, 1978a, s. 137); «**Język ogólny** (inaczej: ogólnonarodowy), czyli ogólna odmiana kulturalna języka narodowego, jest w przeciwstawieństwie do wszystkich odmian regionalnych i środowiskowych tą odmianą, która upowszechniana przez szkołę, administrację, literaturę i prasę służyć ma jako środek porozumiewania się we wszystkich dziedzinach wszystkich członków narodu, bez względu na płeć, wiek, zawód pochodzenie społeczne i terytorialne» (Pisarek, 1978b, с. 138).

Соотносимо с энциклопедическим способом интерпретации занимательное изложение, избранное Франтишком Кочишем для словацких школьников в книге «Мой словацкий язык» (Kočíš, 1990). В ней автор факты национального языка систематизирует для освоения читателями литературного языка как родной речи, о чем говорит в заключении: «Chceli by sme, milí mladí priatelia, aby knižka Slovenčina moja stala pre vás prameňom poučenia o spisovnej slovenčine, o našej rodnej reči» (Kočíš, 1990, s. 130).

Динамика противопоставленности литературного языка диалектам

Историк и теоретик русского литературного языка Александр Иванович Горшков обратил внимание на первичность в анализе диалектов по сравнению с литературным языком, что определяло интерпретацию последних: «Во времена, когда языкознание занималось преимущественно диалектами, само по себе обращение к литературному языку казалось уже самостоятельным направлением в языкознании» (Горшков, 1983, 74). Традиционная интерпретация литературного языка как высшей формы языка национального, протиповоставленного диалектам, берет начало со времен славянского возрождения в XIX в., что было существенно для выживания и сохранении национального языка словаков, чехов, украинцев, белорусов.

Типологический признак соотнесенности литературного языка с диалектами в настоящее время ослабевает из-за постепенного сужения диалектной базы: «В наше время

литературный язык гораздо чаще противостоит просторечию, жаргонам и т. д., чем собственно диалектам» (Будагов, 1976, 126). Однако широко изучается пограничье территориальных диалектов, что ведет к межъязыковым аспектам рассмотрения идиомов – словацкий язык в Сербии, белорусский язык в Польше, Литве, Латвии и др.

Наблюдается и тенденция к объединению диалектной и литературной лексики в одну лексикографическую систему с целью активизировать собственные ресурсы языка, что нашло отражение в комплексном литературно-диалектном словаре белорусского языка, охарактеризованном автором Владимиром Аниченко как опыт – «Вопыт літаратурна-дыялектнага слоўніка беларускай мовы» (1999) У. В. Анічэнка.

Ситуация контактирования

Одна из первых славянских работ, посвященная языковым контактам, принадлежит словацкому лингвисту Йозефу Ружичке, который в 1970 г. издал монографию «Словацкий язык. Словацкий литературный язык в Чехословакии» (Ružička, 1970). В ней значительную научную и социолингвистическую ценность имеют «Тезисы о словацком языке» (Tézy o slovenčine), в них на фоне актуальной двуязычной языковой ситуации формулируются специфические признаки словацкого национального и литературного языка с рассмотрением других разновидностей, указываются проблемы и предполагаются перспективы сохранить своеобразие и гармонию с носителями: «Súčasná spisovná slovenčina je krásna a bohatá reč, <...> je primeraná citu, rozumu i každej činnosti moderného človeka. A jej pružný vývin v ostatných desaťročiach je prísľubom do budúcnosti, že svoju vlastnú tvár nielenže nestratí, ale že ju ešte viac zvýrazní» (Ružička, 1970, с. 166). Ситуация контактирования существенна для белорусского литературного языка, функционирующего между русским и польским языком (Лукашанец, 2014), для других славянских языков (Lewaszkiewicz, 1992).

Теория и типология славянских литературных языков

Современная оценка литературного языка зависит от его соотнесения с языком национальным, от детального изучения всех идиомов. Достижения в этой сфере национальных лингвистик являются важными для развития теории и типологии славянских литературных языков (Navránek, 1963; Виноградов, В. В., 1967; Dolník, 2010, 2023; Kočíš, 1995; Германова, 2011; Liashuk, 2017 и др.), отражающую динамику в восприятии литературного и национального языков на основе опыта языковой личности, полученного в разных сферах коммуникации (Odaloš, 2002), в связи с культурной идентичностью (Slivková, 2021). В словацком языкознании теория литературного языка

разрабатывается последовательно и разносторонне, с учетом общественных процессов и их динамики, влияющих на интерпретацию литературного и национального языка. По наблюдениям словацкого лингвиста Юрая Долника, современное состояние общества положительно влияет на естественное использование языка в литературной коммуникации: «Revitalizuje sa optimálny jazykový komfort v tejto komunikácii, čím spisovná slovenčina nadobudla status štandardného jazyka <...>» (Dolník, 2023, s. 141). При этом внимание к литературному языку включает и его гармонизацию со всеми идиомами, что

Выводы:

- Соотношение национального и литературного языков в восприятии лингвистов и носителей языка представляет собой динамический процесс, охватывающий все идиомы и выстраивающий определенную ценностную систему.
- Презентация национального языка ориентирована на социалингвистическую ситуацию (билингвизм, (не)признание самостоятельности языка), влияние другого славянского языка и под.
- Словацкий национальный и литературный язык проявляет свои типологические особенности, наблюдаемые в других славянских языках, в частности, роль фольклорного койне соотносима у него с украинским и белорусским языками, как и особенности контактирования с близкородственным чешским языком.
- Стратификация национального языка интерпретируется по собственным концептуальным параметрам, ориентированным на актуальную языковую ситуацию.

Список литературы

- DOLNÍK, J. 2010. *Teória spisovného jazyka so zreteľom na spisovnú slovenčinu*. Bratislava: Veda, 2010. 299 s. ISBN 978-80-224-1119-6.
- DOLNÍK, J. 2023. *Jazyk v dynamike demokracie*. Bratislava: Veda, 2023. 216 s. ISBN 978-80-224-2005-1.
- HAVRÁNEK, B. 1963. *Studie o spisovném jazyce*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963. 371 s. Bez ISBN.
- JEDLIČKA, A. red. 1977. *Slovník slovanské lingvistické terminologie 1*. Praha: Academia, 1977, 592 s. Bez ISBN.
- KAČALA, J. 1997. *Kultúrne rozmery jazyka úvahy jazykovedca*. Bratislava: Univerzitná knižnica, Nadácia Korenie, 1997. 164 s. ISBN 80-85170-33-7.
- KAČALA, J. 2010. *Spisovná slovenčina v 20. storočí*. Bratislava: Veda, 2010. 111 s. ISBN 9788022411158.

- KOČIŠ, F. 1990. *Slovenčina moja*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1990. 135 s. ISBN 80-08-00394-4.
- KOČIŠ, F. 1995. Teória spisovného jazyka a jazykovej kultúry v súčasnej komunikácii. In: Považaj, Matej (ed.). *Spisovná slovenčina a jazyková kultúra*. Bratislava: VEDA, 1995, s. 12 – 21. ISBN 80-224-0428-4.
- LIASHUK, V. 2017. *Теория славянских литературных языков в диахронии и синхронии*. Banská Bystrica: Beliana, 2017. ISBN 978-80-557-1349-6.
- LAŠUKOVÁ (ЛЯШУК), V. 2009. *Folklorný vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka*. Prešov: FF PU, 2009, 309 s. ISBN 978-80-555-0079-9.
- LEWASZKIEWICZ, T. 1992. Rola kontaktów językowych we wstępnym okresie formowania się słowiańskich języków literackich (na tle ogólniejszym). In: *Z polskich studiów slawistycznych, seria VIII*, 1992, s. 133 – 138. ISSN 0239-3522.
- ODALOŠ, P. 2002. *Dynamika špecifických sfér komunikácie*. Banská Bystrica: UMB, 2002. 160 s. ISBN 80-8055-631-8.
- PISAREK, W. 1978a. Język literacki. In: Stanisław Urbańczyk, S. red.. *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Zakład Narodowy im. Ossolińskich, s. 137 – 138. Bez ISBN.
- PISAREK, W. 1978b. Język ogólny. In: Stanisław Urbańczyk (red.). *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Zakład Narodowy im. Ossolińskich, s. 138. Bez ISBN.
- RUŽIČKA, J. 1970. *Slovenčina: Spisovná slovenčina v Československu*. Bratislava: SAV, 1970. 256 s. Bez ISBN.
- SLIVKOVÁ, I. 2021. *Spisovný jazyk ako aspekt kultúrnej identity: (slovensko-bieloruský kontext na základe prác S. Cambela a J. F. Karského)*. Prešov: Filozofická fakulta. 2021. 312 s. ISBN 9788055527246.
- WILKOŃ, A. 1987. *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. 124 s. ISSN 0208-6336.
- БАНДАРЭНКА, Т. 1994. Літаратурная мова. In: МІХНЕВІЧ, А. рэд.. *Беларуская мова: Энцыклапедыя*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994, с. 312 – 314. ISBN 5-85700-126-9.
- БЕЛЬЧИКОВ, Ю. А. 1997. Литературный язык. In: КАРАУЛОВ, Ю. Н. гл. ред. *Русский язык. Энциклопедия*, изд. 2. Москва: Большая Российская энциклопедия; Издательский дом «Дрофа», 1997, с. 221-223. ISBN 5-85270-248-X (БРЭ); ISBN 5-7107-1455-0 («Дрофа»).
- ВИНОГРАДОВ, В. А. 1990. Идиом. In: ЯРЦЕВА, В.Н. ред. *Лингвистический энциклопедический словарь*. [on-line]. Москва: Советская энциклопедия, 1990. [cit. 2022-12-12]. Dostupné na: <https://tapemark.narod.ru/les/171e.html>.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. 1967. *Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития*. Москва: Наука, 1967. 134 с. Без ISBN.
- БУДАГОВ, Р. А. 1976. *Человек и его язык*. Москва: Издательство Московского университета, 1976. 429 с. Без ISBN.
- ГЕРМАНОВА, Н. Н. 2011. *Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании*. Москва: URSS, 2011. 224 с. ISBN 978-5-397-01941-5.

- ГОРШКОВ, А. И. 1984. *Теория и история русского литературного языка*. Москва: Высшая школа, 1984. 319 с. Без ISBN.
- ЄРМОЛЕНКО, С. Я. 2004. Літературна мова. In: РУСАНИВСКИЙ, В. М., ТАРАНЕНКО, О. О. (співгол.). *Українська мова. Енциклопедія*. Київ: Видавництво «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2004, с. 318 – 320. ISBN 966-7492-19-2.
- ЛАПТЕВА, О. А. 2003. *Теория современного русского литературного языка*. Москва: Высшая школа, 2003. 350, [1] с. ISBN 5-06-004541-2.
- ЛУКАШАНЕЦ, А. А. 2014. *Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання*. Мінск: Беларуская навука, 2014. 396 с. ISBN 978-985-08-1787-7.
- ЛЯШУК, В. М. 2019. *Фольклорное койне в концептуализации славянских литературных языков*. Минск: Беларуская навука, 2019.

Ляшук Виктория Марленовна / Liashuk Viktória

профессор кафедры славянских языков философского факультета
кандидат филологических наук, доцент, Университет им. Матея Бела

г. Банска Быстрица, Словакия

Professor of Department of Slavic Language, Faculty of Arts

Candidate of Philology, Associative Professor Matej Bel University

Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: viktor.liashuk@umb.sk

ORCID ID: 0000-0002-8281-6411

НОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ РИЛСАХ

Ольга Евгеньевна Ермачкова

кафедра русистики, философский факультет
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Трнава, Словакия

Анна Юрьевна Ширяева

кафедра русистики, философский факультет
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Трнава, Словакия

Абстракт: Рилсы стали неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека благодаря удобному формату, краткости, креативности и охвату широкой аудитории. В рамках данного медиапространства формируется новый языковой «вкус», закрепляются речевые клише и устанавливается мода на определенные языковые единицы. Язык рилсов отличается высокой степенью разнообразия и показателен с точки зрения отражения актуальных языковых процессов, что позволяет выявить и классифицировать основные тенденции, характерные для современного русского языка. Динамика языка проявляется на различных уровнях неравномерно: если фонетика и грамматика изменяются сравнительно медленно, то лексический уровень отличается большей продуктивностью, поскольку словарный состав языка особенно чувствителен к социальным, культурным и технологическим изменениям. Одним из наиболее ярких процессов на лексическом уровне является неофразеология, характеризующаяся высокой степенью экспрессивности. Цель настоящей статьи заключается в выявлении и анализе новых фразеологических единиц, а также в их классификации в соответствии со сферой-источником. Исследование проводится методом сплошной выборки на материале 85 русскоязычных рилсов 2025 года. **Ключевые слова:** неофразеология, фразеологизм, интернет-коммуникация, социальная сеть, рилс.

NEW PHRASEOLOGY IN RUSSIAN-LANGUAGE REELS

Abstract: Reels have become an integral part of everyday life for modern individuals due to their convenient format, brevity, conciseness, creativity, and ability to reach a wide audience. Within this media space, a new linguistic “taste” is being formed, speech clichés are becoming established, and trends emerge in the use of certain linguistic units. The language of reels is highly diverse and serves as a revealing source for observing current linguistic processes, making it possible to identify and classify the main tendencies characteristic of the contemporary Russian language of the twenty-first century. Language dynamics manifest themselves unevenly across different levels: while changes in phonetics and grammar occur relatively slowly, the lexical level is far more productive, as the vocabulary of a language is particularly sensitive to social, cultural, and technological transformations. One of the most prominent processes at the lexical level is neophraseology, which is characterized by a high

degree of expressiveness. The aim of this article is to identify and analyze new phraseological units, as well as to classify them according to their source domains. The study is conducted using the method of continuous sampling based on a corpus of 85 Russian-language reels from 2025.

Keywords: neophraseology, phraseological unit, internet communication, social networking platform, Reels.

В XXI веке социальные сети приобрели статус одного из ключевых факторов социокультурной реальности. С одной стороны, они выступают индикатором ментального и эмоционального состояния общества, с другой – оказывают системное воздействие на различные аспекты жизнедеятельности современного человека, включая формирование ценностных установок, коммуникативных стратегий, культурных норм и мировоззренческих ориентиров представителей различных поколений, в первую очередь молодежи. Социальные сети представляют собой динамичную, постоянно трансформирующуюся форму интернет-коммуникации, отражающую актуальные общественные тенденции и способствующую изменению языковых норм, что проявляется как в процессах языкового обогащения, так и в нарушении традиционных речевых конвенций, формируя тем самым речевой портрет современного пользователя. Интернет в современных исследованиях рассматривается как медиум, соотносимый с новейшими формами культурного производства, тогда как социальные сети выступают самостоятельной формой коммуникации с высоким прагматическим потенциалом и значимым объектом междисциплинарного анализа. Развитие социальных сетей и форматов кратковременного аудиовизуального контента привело к трансформации медиальной картины мира и коммуникативных практик современного пользователя. В этом контексте формат *Reels* представляет собой одну из наиболее востребованных форм цифрового дискурса, отличающуюся высокой виральностью и способствующую расширению коммуникативного пространства авторов за счет алгоритмического распространения контента. Формат *Reels* выполняет развлекательные, коммуникационные, образовательные, креативные и маркетинговые функции, обеспечивая досуг, взаимодействие авторов и аудитории, передачу инструкций и практических рекомендаций, развитие творческого самовыражения и продвижение товаров и услуг. Он рассматривается не только как технический инструмент, но и как медиальный язык, характеризующийся динамичностью, упрощенной структурой и высокой вовлеченностью. *Reels* формирует новые правила цифровой коммуникации и определяет актуальные тенденции медийного

взаимодействия, при этом языковая сторона данного феномена остается недостаточно изученной, что, в свою очередь, указывает на актуальность исследования.

В последние годы русскоязычные рилсы выступают местом формирования и распространения новых фразеологических единиц, а также адаптации существующих, заимствованных из политического, спортивного, кинематографического, эзотерического и иных дискурсов. Этот процесс отражает особенности цифрового дискурса и медиалингвистическую динамику, в которой языковые инновации интегрируются в интерактивные формы коммуникации и способствуют актуализации фразеологических моделей в современном медийном пространстве.

Вопрос о новой фразеологии остается в лингвистике открытым, о чем свидетельствует терминологический разнобой: *неофраземика, неофразеология, фразеологическая неология, новая русская идиоматика, новые фразеологические образования, фразеологические инновации* и т.д. Данная проблематика вызывает значительный интерес у таких фразеологов, как В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, А.К. Бирих, Х. Вальтер, Л.И. Степанова, Т.Г. Никитина, Е.А. Добрыднева, М.А. Эмирова, К.И. Декатова, Е.В. Бодрова, Т.В. Леонтьева, А.В. Щетинина, Н.Ф. Акимова и др. Стоит также заметить, что особый вклад в развитие данной области вносят сотрудники Межкафедрального словарного кабинета (Е.В. Генералова, Н.Д. Игнатьева, Н.А. Росова, Е.И. Селиверстова и др.) им. проф. Б.А. Ларина, которые исследуют фразеологические неологизмы русского языка и создают соответствующие словари. Лексикографирование новой русской фразеологии представлено словарями: «Новая русская фразеология» (2003) под ред. В.М. Мокиенко, «Словарь-тезаурус современной идиоматики» (2007) под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, «Словарь современной русской фразеологии» (2015) под ред. А.В. Жукова и М.Е. Жуковой, «Толковый словарь русских неологизмов» (2024) А.В. Щетининой и Т.В. Леонтьевой и др. В активной фазе находится научный проект, направленный на фиксацию фразеологических неологизмов последних десятилетий (1980-е–2020-е гг.) «Идеографический словарь русской фразеологической неологии». Проблематика неофраземики активно обсуждается на профильных научных конференциях. Так, например, на секции «Славянская фразеология: фразеологические неологизмы в славянских языках» *XLIX Международной научной филологической конференции*, посвященной памяти Л.А. Вербицкой (ноябрь 2020), рассматривались проблемы дефиниции понятий «неологизм» и «фразеологический неологизм», вопросы классификации источников возникновения славянских фразеологических неологизмов

и характеристики их употребления в современной литературе, СМИ.

В работе «Новая русская фразеология» (2003) В.М. Мокиенко предлагает следующее определение исследуемого понятия: «Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» (Мокиенко, 2003, с. XI). Более широким понятием являются *фразеологические инновации*, определяемые членами Петербургского фразеологического семинара как «фразеологизмы (вне разделения на языковые, речевые и окказиональные), которые являются новыми либо по форме, либо по значению, либо по форме и значению вместе для рассматриваемого периода развития литературного языка относительно предшествующего, условно взятого за точку отсчета периода (вне прямой зависимости, хотя и с учетом словарных фиксаций)» (Ганапольская, 2010, с. 187). Данные определения позволяют причислять к фразеологическим неологизмам диалектные, разговорные, просторечные и жаргонные обороты.

С точки зрения способов образования новых фразеологизмов лингвисты чаще всего называют следующие: переосмысление свободного словосочетания, изменение компонентного состава существующего фразеологизма, заимствование из различных жаргонов, калькирование. В.К. Андреев, Т.Г. Никитина самой продуктивной структурно-семантической моделью считают схему «ловить/словить/поймать что + наименование физического или эмоционального состояния = пребывать в данном состоянии», причем субстантивный компонент, как правило, представлен сленгизмом, например, *ловить / словить кринж* – ‘испытывать отвращение, пренебрежение’, *ловить / поймать флешбэки* – ‘погружаться в воспоминания’, *ловить / словить хайп* – ‘набирать популярность за счет хорошо организованного ажиотажа’, *ловить / поймать чил (чилл)* – ‘расслабляться, отдыхать, получать удовольствие’ (Андреев, Никитина, 2022, с. 533). Не теряет актуальности модель «[быть] на чем + обозначение признака = обладать данным признаком, качеством»: *быть на стиле* – ‘модно одеваться’, *быть на хайпе* – ‘быть популярным’ (ibid., с. 533). Продуктивную метонимическую модель с образным стержнем-прилагательным иллюстрируют работы Т.В. Леонтьевой и Л.В. Щетиной.

По мнению Н.Ф. Алефиренко, «неологизация фразеологического корпуса

любого современного языка – это не только деривационные процессы в его системе, это лингвокреативная деятельность перестраивающегося языкового сознания, его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства» (Алефиренко, 2008, с. 210). Причинами появления новых фразеологизмов являются новые формы отношений (знакомства через приложения); технологический прогресс, который рождает новые реалии; глобализация, приводящая к заимствованию англоязычных выражений через соцсети и киноиндустрию; поиск экспрессии и креатива, особенно в среде молодежи и блогеров и т.п.

В связи с вышесказанным попробуем выявить и проанализировать новые фразеологические единицы в русскоязычных рилсах за 2025 год, а также классифицировать их в соответствии с предполагаемой сферой-источником.

Первой и наиболее многочисленной сферой-источником неофразем выступает **психология**, которая представлена двумя ответвлениями:

- психология романтических отношений:

Если вы испытываете эмоциональные качели, то психологи рекомендуют задать себе ряд вопросов (petrosipov). Новый фразеологизм *эмоциональные качели* (*быть в эмоциональных качелях*) обозначает ‘быть в нестабильных отношениях, испытывая то счастье, то горечь’;

*Девушкам уже на первых этапах знакомства нужно быть внимательнее, видеть очевидные **ред-флаги, токсиков*** (petrosipov). Заимствованное под влиянием английской интернет-культуры понятие *видеть/замечать ред-флаг* приобрело в русском языке идиоматическое значение ‘обращать внимание на тревожный признак, предупреждающий сигнал, опасность – чаще всего в поведении человека, в отношениях, на работе или в какой-то ситуации’. *Токсик, токсичное поведение, токсичные отношения* – современные устойчивые выражения из области психологии, обозначающие негативного человека, соответствующее поведение, отрицательное влияние его действий на эмоциональное и психическое состояние других;

*Все возможно, а вдруг именно вам удастся **свайпнуть судьбу?*** (boginskaa). Данный пример – типичный интернет-фразеологизм, активно используемый в сленге, передающий значение ‘удачно познакомиться на сайтах знакомств’. Глагол образован от английского глагола *swipe*: 1. листать, 2. отклонить или выбрать человека в приложениях знакомств (Tinder, Bumble);

*Надоело **быть во френдзоне**, тогда предлагаю действовать решительнее*

(petrosipov). Устойчивое выражение *быть во френдзоне* описывает ситуацию, когда один человек влюблен, а другой – воспринимает его только как друга;

Присматривайся, а то можешь попасть в руки тарелочницы! (tverd. roman). В данном примере фиксируем идиому, пришедшую из интернет-сленга, *быть тарелочницей*, которая характеризует женщину, посещающую свидания или встречи с мужчинами с целью поесть бесплатно. Подобно женскому варианту с юмористической целью используется выражение *быть/являться тарелочником* ‘мужчина, который питается у женщины, но не предлагает замужество’;

- психология личностного роста:

Выспалась, отдохнула, нарядилась, словом, я в ресурсе, мои дорогие подписчики! (annanemactress). *Быть в ресурсе* – разговорное устойчивое выражение, пришедшее из психологии и коучинга, обозначает ‘иметь силы, энергию и мотивацию быть психологически устойчивым, собранным, чувствовать внутреннюю опору’;

Чтобы расти, нужно, в первую очередь, выйти из зоны комфорта (petrosipov). *Выйти из зоны комфорта* – устойчивое выражение, пришедшее из мотивационной риторики, передает значение ‘начать действовать в непривычных, некомфортных условиях, преодолеть страх, лень или внутренние ограничения, сделать шаг к изменениям и развитию, отказаться от привычного и безопасного’.

Второй сферой-источником новых фразеологических единиц является **эзотерика**. Усилившийся в России в 90-е годы прошлого века интерес к сверхъестественному не ослабевает по сей день, доказательством чего является возникновение и функционирование русской неофразеологии, порожденной эзотерическими и астрологическими практиками, верованиями и популярной психологией:

Делайте все по фенишю и увидите, как со дня на день ваша жизнь наладится (annanemactress). Фразеологизм *делать/сделать что по фенишю (или не по фенишю)* обозначает ‘правильно, красиво, гармонично, «как надо», с чувством вкуса, удобно, логично, продумано’;

Не нужно ради выгоды и денежных перспектив портить себе карму (angela...castclips). Неофразеологизм *портить/испортить карму*, заимствованный из эзотерического дискурса, передает значение ‘сделать кому-то плохо, навредить, вызвать негативные последствия (репутационные, моральные, «по жизни»), оставить неприятный осадок’;

Поки-поки, мои дорогие, ухожу в полный астрал, ждите после отпуска

(annanemactress). Новая идиома *уйти в астрал* – ‘мысленно отключиться, выпасть из реальности, задуматься, мысленно быть в другом месте’;

Сегодня буду ловить дзен, надоели эти пробки, суета и вечная московская спешка (hannastar). *Ловить дзен* – разговорный фразеологизм с оттенком иронии, означает ‘достигать состояния внутреннего спокойствия, гармонии, отрешенности от суеты или сознательно переставать переживать из-за мелочей’. Происходит от слова *дзен* (направление буддизма), где важны осознанность и принятие настоящего момента.

Третья сфера-источник новой фразеологии – это **астрология**:

Что-то у нас пошло не так – видно ретроградный Меркурий зацепил (angela...castclips). Одним из самых частотных фразеологизмов в русскоязычных рилсах является неофразема *ретроградный Меркурий* – это разговорное, ироничное выражение, пришедшее из астрологии, которым шутливо объясняют любые неудачи, сбои и странности, особенно связанные с техникой и интернетом, документами и договоренностями, общением и недопониманием, опозданиями, забывчивостью, ошибками;

Оптимизм прежде всего, не позволяйте Луне навести тень! (ivanchenko). Устойчивое выражение *Луна наводит тень* характеризует иллюзии, сомнения, скрытую опасность.

Увлечение картами Таро привело к появлению ряда фразеологизмов, связанных с гаданиями на картах и их значениями:

В жизни каждого встречается момент, когда все складывается как в колоде Туз Пентаклей (ivanchenko). Идиоматическое выражение *как в колоде Туз Пентаклей* обозначает ‘великолепный шанс, редкая удача, исполнение желаний, символ изобилия, вознаграждение, превосходящее ожидания, зачастую используется в финансовом, романтическом или карьерном контексте’.

Четвертой сферой-источником неофразем является **онлайн-культура**:

Мне уже надоело ловить хайп, баста... (hannaoficial). Неофразема *Ловить хайп* обозначает ‘стремиться к быстрой популярности, привлекать внимание’. Она является заимствованием из английского языка и восходит к слову *hype* – ‘шумиха, ажиотаж, навязчивая реклама, искусственно создаваемый интерес’;

Сложно быть постоянно в инфополе, оно энергетически выматывает (lusiach). Идиома *быть в инфополе* – ‘находиться в курсе актуальных событий, новостей, трендов и обсуждений’.

Последней, выявленной в ходе исследования, сферой-источником новых

фразеологизмов является **политика**:

Хватит кошмарить блогеров! Мы же тоже люди! (annanemactress). Данный пример восходит к высказыванию Д. А. Медведева 2008 года: «Надо, чтобы органы власти, правоохранительные органы „перестали «кошмарить» бизнес“». Выражение *кошмарить бизнес* со значением ‘чрезмерно и несправедливо давить’ получило широкое распространение в российском обществе, активно используется в средствах массовой информации и послужило основой для образования ряда новых фразеологизмов с компонентом *кошмарить*.

Подводя итоги, можно сказать, что современное русскоязычное общество проявляет тенденцию к локальному знакообразованию, когда процесс возникновения новых фразеологизмов обусловлен потребностью дискурса в кратком и эмоционально окрашенном выражении актуальных концептов современного общественно-политического и культурно-религиозного сознания. Концептуализация ключевых событий, устоев, принципов через неофразеологизацию позволяет реализовать интертекстуальную связь. Актуальность внутренней формы неофраземы делает возможным превращение отдельного рилсового текста в неотъемлемую часть общего дискурса, включающегося в дискуссионное пространство не только как источник информации или носитель общественно значимого мнения, но и как площадка знакообразования.

Русскоязычные рилсы оказывают влияние на современный русский язык, выступая средством популяризации новых фразеологических единиц. Основные сферы-источники неофразем включают психологию, эзотерику, астрологию, онлайн-культуру, политику и др. Процессы образования новых фразеологизмов проявляются через переосмысление свободных словосочетаний, трансформацию существующих оборотов, заимствования из иностранных языков и интернет-сленга. Новые фразеологизмы в рилсах отражают ценностные ориентиры и интересы аудитории, обеспечивают эмоциональную экспрессию и творческое самовыражение, формируя речевой портрет современного пользователя. Изучение данного явления позволяет фиксировать актуальные тенденции русского языка XXI века и выявлять закономерности лексических инноваций.

Список литературы

АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф. 2008. *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*. Москва: Эллис. 271 с. ISBN 978-5-902872-16-0

- АНДРЕЕВ, В.К., НИКИТИНА, Т.Г. 2022. Русские неофраземы: к вопросу об источниках и способах образования. In: *Ученые записки Новгородского государственного университета*. № 5 (44). С. 532-536
- ГАНАПОЛЬСКАЯ, Е.В. 2010. Неология во фразеологии. In: *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. № 2. С.183-191
- ДАВЫДОВА, О.А. 2019. Новые фразеологизмы русского языка. In: *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. № 2. С. 52-60
- МОКИЕНКО, В.М. 2003. *Новая русская фразеология*. Opole: Uniwersytet Opolski, 168 с. ISBN 83-86881-34-8
- ЩЕТИНИНА, А.В., ЛЕОНТЬЕВА, Е.В. 2024. *Толковый словарь русских неологизмов. Часть 1. Институциональная лексика*. Екатеринбург: Ажур. 518 с. ISBN 978-5-91256-686-8
- GALLO, J., SPIŠIAKOVÁ, A. 2025. Súčasné tendencie a prejavy v prostredí mediálnej komunikácie (na materiáli ruských a slovenských mediálnych textov). In: *Slavica Slovaca*. Roč. 60, č. 1, s. 80-92. ISSN 0037-6787
- JOSÉ SUÁREZ CUADROS, S., GROMINOVÁ, A., SPIŠIAKOVÁ, A. 2025. Comparative phraseology: A corpus of zoomorphisms in Russian, Spanish and Slovak. In: *From Words to Fixed Expressions : Lexical Studies of Selected Indo-European Languages*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, s. 121-132. ISBN 978-3-8470-1846-9, ISSN 2941-7465

Ольга Евгеньевна Ермачкова

доцент, associate professor / doc., Mgr., PhD.
кафедра русистики, философский факультет
Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 г. Трнава, Словацкая Республика
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava
Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic
E-mail: olga.iermachkova@ucm.sk
ORCID ID: 0000-0002-5430-7898

Анна Юрьевна Ширяева

магистр / Mgr.
кафедра русистики, философский факультет
Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 г. Трнава, Словацкая Республика
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava
Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic
E-mail: shiryayeva1@ucm.sk
ORCID ID: -

КОНЦЕПТ «ПОБЕДА» В СОВРЕМЕННОМ СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Артём Олегович Клименко

кафедра русистики, философский факультет
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Трнава, Словакия

Ольга Евгеньевна Ермачкова

кафедра русистики, философский факультет
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Трнава, Словакия

Абстракт: В статье анализируются способы концептуализации концепта «победа» в современном спортивном медиадискурсе русского, украинского и словацкого языков на основе специально сформированных авторских корпусов. Исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов с использованием методов компьютерной лингвистики и мультязычных трансформерных моделей. Материалом послужили три сопоставимых корпуса спортивных медиатекстов, отобранных по критериям тематической релевантности, жанровой однородности и синхронности публикаций. Для кросс-лингвистического анализа применялась модель XLM-RoBERTa, позволившая преобразовать тексты разных языков в единое семантическое пространство и вычислить степень концептуального сходства между контекстами репрезентации концепта «победа» с использованием меры косинусного сходства. Количественный и визуальный анализ матриц семантической близости выявил наличие устойчивого концептуального ядра, отражающего универсальные когнитивные и метафорические схемы интерпретации победы, а также вариативных периферийных компонентов, обусловленных национально-культурными, жанровыми и прагматическими особенностями спортивного медиадискурса. Установлено, что русский медиадискурс демонстрирует более высокую степень метафорической и идеологической насыщенности, тогда как украинский и словацкий – большую жанровую регуляцию и ориентацию на событийно-результативные аспекты. Результаты подтверждают сочетание универсальных и культурно-специфических элементов в структуре концепта «победа» и демонстрируют эвристический потенциал мультязычных векторных моделей для когнитивно-дискурсивного анализа концептов в медиадискурсе.

Ключевые слова: концепт «победа», спортивный дискурс, медиадискурс, лингвокультурология, когнитивный анализ, русский язык, украинский язык, словацкий язык.

The concept of "victory" in modern sports media discourse (based on Russian, Ukrainian, and Slovak languages)

Abstract: This article examines the conceptualization of the concept “victory” in contemporary sports media discourse in Russian, Ukrainian, and Slovak based on specially compiled authorial corpora. The study is conducted within a cognitive-discursive and linguoculturological framework, employing computational linguistics methods and multilingual transformer models. The research material consists of three comparable corpora of sports media texts selected according to criteria of thematic relevance, genre homogeneity, and synchronicity of publication. For cross-linguistic analysis, the XLM-RoBERTa model was used to project texts from different languages into a shared semantic space and to calculate conceptual similarity between contexts representing the concept of “victory” using cosine similarity. Quantitative and visual analysis of semantic similarity matrices revealed the presence of a stable conceptual core reflecting universal cognitive and metaphorical patterns in the interpretation of victory, alongside variable peripheral components shaped by national, cultural, genre, and pragmatic characteristics of sports media discourse. The findings indicate that Russian sports media discourse exhibits a higher degree of metaphorical and ideological saturation, whereas Ukrainian and Slovak discourse demonstrate stronger genre regulation and a greater focus on event- and result-oriented aspects. The results confirm the coexistence of universal and culturally specific elements in the structure of the concept “victory” and highlight the heuristic potential of multilingual vector models for cognitive-discursive analysis of concepts in media discourse.

Keywords: concept “victory”, sports discourse, media discourse, linguoculturology, cognitive analysis, Russian language, Ukrainian language, Slovak language.

Современный спортивный медиадискурс является важной сферой формирования и передачи социальных и культурных ценностей, среди которых ключевую роль играет концепт «победа». Анализ способов его концептуализации позволяет выявить универсальные и национально-специфические когнитивные и дискурсивные модели, актуальные в спортивных коммуникациях. Цель исследования заключается в сопоставительном описании концепта «победа» в русскоязычном, украиноязычном и словацкоязычном спортивном медиадискурсе с учётом лексико-семантических, метафорических и дискурсивных характеристик.

Научная новизна исследования состоит в том, что концепт «победа» впервые анализируется в сопоставительном аспекте на основе специально сформированных авторских корпусов спортивных медиатекстов трёх языков.

Современные исследования концептов, как правило, опираются на интеграцию теоретических подходов, предложенных Е.С. Кубряковой, В.И. Карасиком и Дж. Лакоффом. Е.С. Кубрякова (Кубрякова, 2004; Карасик, 2002; Lakoff, 1987) трактует

концепт как многоуровневую когнитивную структуру, обеспечивающую связь между языковыми средствами, знаниями и дискурсивной практикой (Кубрякова, 1996; Кубрякова, 2004). В рамках данного подхода концепт понимается не только как единица мышления, но и как результат когнитивной деятельности, закреплённый в языковой системе и актуализируемый в речевом употреблении (Кубрякова, 2004).

В.И. Карасик рассматривает концепт как ключевую единицу лингвокультуры, отражающую систему ценностей, норм и представлений, характерных для определённого языкового сообщества (Карасик, 2002; Карасик, 2004). В рамках лингвокультурологического подхода концепт определяется как ценностно-смысловое образование, закреплённое в коллективном сознании и репрезентируемое в языке и дискурсе (Карасик, 2002).

Когнитивно-метафорическая теория Дж. Лакоффа позволяет выявить универсальные схемы концептуализации, когнитивная модель Е.С. Кубряковой – описать структурную организацию концепта, а лингвокультурологический подход В.И. Карасика – интерпретировать его ценностную и культурную специфику (Кубрякова, 2004; Карасик, 2002; Lakoff, 1987).

В совокупности эти подходы обеспечивают методологическую базу для комплексного анализа концептов как многомерных когнитивно-дискурсивных образований, функционирующих на пересечении языка, мышления и культуры. Именно такой интегративный подход представляется наиболее продуктивным для изучения концепта «победа» в современном спортивном медиадискурсе в сопоставительном межъязыковом аспекте.

Методы исследования. Для анализа использовались три авторских корпуса спортивных медиатекстов: русский (5240 текстов), украинский (4741 текст) и словацкий (3508 текстов). Сбор текстов проводился автоматически с применением языка программирования Python. Отбор текстов проводился по критериям тематической релевантности, жанровой однородности и синхронности публикаций. Тексты, содержащие ключевые маркеры концепта («победа», «выигрыш», «одержать победу» – русский; «перемога», «виграти» – украинский; «víťazstvo», «vyhrať» – словацкий), были отобраны для дальнейшего анализа. Минимальный объём текста составлял 150 слов, что обеспечивало связность и контекстуальную насыщенность материала. После фильтрации в итоговый корпус вошли 1333 русских, 1488 украинских и 1240 словацких текстов (всего 4061 текст).

Выбор авторского корпуса обусловлен спецификой исследуемого объекта – концепта «победа» в спортивном медиадискурсе, который характеризуется высокой жанровой, прагматической и оценочной обусловленностью. Национальные корпуса языка, несмотря на их репрезентативность для языка в целом, не обеспечивают достаточного объёма и плотности спортивных медиатекстов, а также не позволяют в полной мере контролировать жанровую однородность, тематическую направленность и актуальность материала.

Для кросс-лингвистического анализа тексты преобразовывались в векторные представления с использованием мультязычной трансформерной модели XLM-RoBERTa. Эта модель позволяет соотносить тексты разных языков в едином семантическом пространстве, учитывая контекстуальное, а не поверхностно-лексическое сходство.

Каждый текст был представлен в виде числового вектора фиксированной размерности, отражающего его семантическое содержание в контексте спортивного медиадискурса. Для оценки степени концептуального сходства между репрезентациями концепта «победа» в разных языках использовалась мера косинусного сходства между векторными представлениями текстов.

В результате были получены матрицы попарного сходства, в которых строки соответствуют текстам одного языкового корпуса, а столбцы – текстам другого корпуса. Каждая ячейка матрицы отражает степень семантической близости между конкретными контекстами концепта «победа» в двух языках.

	0	1	2	3	4	...	14023	14024	14025	14026	14027
0	0.441591	0.098718	0.198924	0.201259	0.194600	...	0.228146	0.303164	0.315127	0.315224	0.280871
1	0.306770	0.044567	0.103531	0.139773	0.185635	...	0.129250	0.429776	0.320746	0.272667	0.361039
2	0.185407	0.196650	0.141358	0.271074	0.188705	...	0.040786	0.314716	0.233051	0.252562	0.224108
3	0.318372	0.127055	0.074935	0.060378	0.188933	...	0.079739	0.311383	0.357707	0.295076	0.316748
4	0.195173	-0.062624	0.057660	0.017897	0.151687	...	-0.034547	0.088893	0.031225	0.079047	0.091643
[5 rows x 14028 columns]											
	0	1	2	3	...	14024	14025	14026	14027		
count	8348.000000	8348.000000	8348.000000	8348.000000	...	8348.000000	8348.000000	8348.000000	8348.000000		
mean	0.271411	0.102763	0.200651	0.202546	...	0.293233	0.222152	0.249842	0.277487		
std	0.093773	0.101497	0.108483	0.132197	...	0.166757	0.106712	0.130219	0.144025		
min	-0.045726	-0.154666	-0.124816	-0.140923	...	-0.138272	-0.094570	-0.139900	-0.159355		
25%	0.186747	0.017774	0.096089	0.075999	...	0.154129	0.147664	0.133981	0.143315		
50%	0.262317	0.109327	0.208690	0.190310	...	0.319574	0.218357	0.255375	0.291851		
75%	0.330888	0.180724	0.284273	0.288518	...	0.418581	0.303114	0.336999	0.386026		
max	0.636208	0.481816	0.521379	0.569220	...	0.771378	0.557811	0.679822	0.751628		
[8 rows x 14028 columns]											

Рис. 1. Матрицы попарного сходства между контекстами репрезентации концепта «победа» в русском, украинском и словацком спортивном медиадискурсе.

Анализ полученных матриц осуществлялся на нескольких уровнях. На первом уровне рассчитывались базовые статистические показатели распределения значений семантического сходства (среднее, медиана, стандартное отклонение, минимальные

и максимальные значения). Эти показатели позволили оценить общую степень концептуальной близости между языками, выявить наличие устойчивого семантического ядра концепта, а также зафиксировать зоны расхождения и вариативности.

Средние и медианные значения интерпретировались как индикаторы типичного уровня сходства между репрезентациями концепта «победа» в сопоставляемых языках. Для более точной интерпретации результатов применялся пороговый подход:

- значения косинусного сходства выше 0,6 рассматривались как индикаторы высокой межъязыковой концептуальной корреляции;
- значения в диапазоне 0,3 – 0,6 интерпретировались как умеренная близость;
- значения ниже 0,1 трактовались как слабая связь или концептуальное расхождение.

Анализ распределения значений показал, что семантическое сходство между корпусами носит не случайный, а системный характер, что позволяет говорить о наличии общего концептуального ядра концепта «победа» в спортивном медиадискурсе разных языков.

Показатель	Значение
Среднее значение	$\approx 0,27$
Медиана	$\approx 0,26$
Стандартное отклонение	$\approx 0,09 - 0,16$
Минимальные значения	до -0,15
Максимальные значения	до 0,75

Табл. 1. Основные статистические показатели проведённого анализа.

Среднее значение косинусного сходства на уровне около 0,25–0,30 свидетельствует об умеренной, но устойчивой концептуальной близости между репрезентациями концепта «победа» в сопоставляемых языках. Это позволяет утверждать, что, несмотря на языковые и культурные различия, спортивный медиадискурс формирует сходные когнитивные модели интерпретации концепта «победа».

Медианные значения, близкие к средним, указывают на относительную симметричность распределения и отсутствие доминирования единичных

экстремальных совпадений. Минимальные значения семантического сходства, включая отрицательные показатели, фиксируют случаи концептуального расхождения. Они, как правило, соотносятся с контекстами, в которых победа интерпретируется в рамках различных спортивных традиций или с акцентом на различные прагматические параметры (коллективный успех, личное достижение, историческая значимость и т. п.).

Максимальные значения (выше 0,6–0,7) указывают на контексты с высокой степенью межъязыковой семантической корреляции. Эти фрагменты репрезентируют универсальные сценарии спортивной победы, такие как «победа как результат упорной борьбы», «победа как подтверждение превосходства» и «победа как кульминация соревновательного процесса».

На основе порогового анализа были выделены три условные зоны семантического сходства:

1. Зона высокой близости ($\cos \geq 0,6$). Репрезентирует универсальные модели концепта «победа», характерные для всех трёх языков. Эти контексты демонстрируют схожие дискурсивные стратегии и аксиологические оценки.

2. Зона умеренной близости ($0,3 \leq \cos < 0,6$). Отражает частичное совпадение концептуальных признаков при наличии языково- и культурно-специфических акцентов. В данной зоне проявляется вариативность способов описания победы.

3. Зона низкой близости ($\cos < 0,1$). Характеризует специфические способы концептуализации, обусловленные национальной спортивной традицией, медиастилем и прагматикой конкретного издания.

Полученные результаты подтверждают, что концепт «победа» в спортивном медиадискурсе обладает инвариантной когнитивной основой, включающей такие признаки, как результативность, преодоление, превосходство и оценочность. В то же время наблюдается варьирование периферийных компонентов концепта, связанных со степенью эмоциональной экспликации, фокусом на коллективном или индивидуальном субъекте, включением исторического и национального контекста.

Количественные данные подтверждают гипотезу о сочетании универсальных и культурно-специфических элементов в структуре концепта «победа». Концепт «победа» проявляет устойчивое семантическое ядро при сохранении языково- и культурно-обусловленной вариативности, что подтверждает его сложную, многоуровневую структуру.

При детальном рассмотрении боксплотов сходства концепта «победа» между языками заметно распределение усреднённых значений косинусного сходства между репрезентациями концепта «победа» в трёх парах языков:

- RU – UK (русский – украинский);
- RU – SK (русский – словацкий);
- UK – SK (украинский – словацкий).

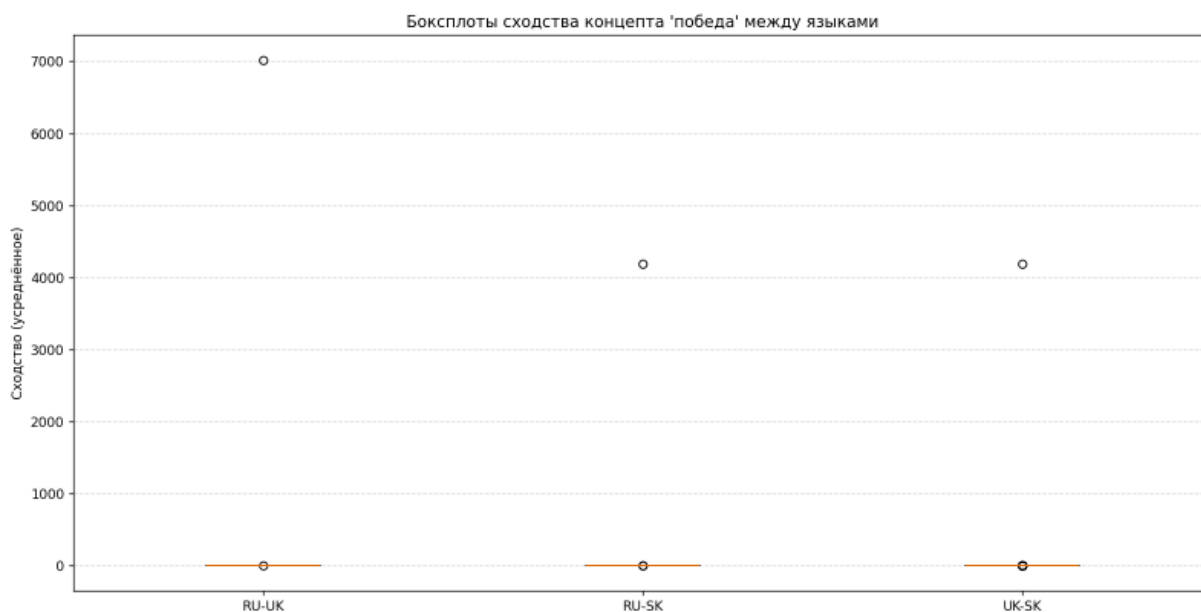

Рис. 2. Боксплоты сходства концепта «победа» между выбранными языками.

Боксплоты визуализируют распределение значений семантической близости между большим числом контекстов, что объясняет наличие визуально сжатых «ящичков» и отдельных экстремальных выбросов. На первый взгляд может показаться, что основная масса данных «слишком низкая» и что визуализация искажена. Однако это прямое следствие свойств данных, а именно того что:

- косинусное сходство лежит в диапазоне от -1 до 1;
- основная масса значений в матрицах сосредоточена в интервале примерно 0.15–0.35;
- используется большой объём данных;
- присутствует небольшое число экстремальных выбросов, возникающих при агрегации и суммировании по большим матрицам.

В результате медиана и квантили оказались визуально «сжатыми» у нижней границы, а отдельные выбросы резко «вытягивают» шкалу вверх. Это отражает асимметричную природу распределения семантического сходства.

Медианная линия во всех трёх боксплотах располагается примерно на одном уровне, что указывает на то, что типичный (наиболее вероятный) уровень семантического сходства концепта «победа» между языками является сопоставимым во всех трёх парах. Это подтверждает количественный вывод о умеренной, но устойчивой концептуальной близости.

Наличие выбросов в верхнем диапазоне распределения указывает на существование универсальных когнитивно-дискурсивных моделей концептуализации победы, воспроизводимых в спортивном медиадискурсе независимо от языковой принадлежности. Наиболее сильные выбросы наблюдаются в русско-украинской паре, что свидетельствует о близости лингвокультур, схожих традициях спортивного медиадискурса, а также частичном пересечении медиапространства.

При сопоставлении словацкого с русским и украинским языками мы видим более сглаженные распределения, что указывает на большую роль жанровых и стилистических различий, а также менее клишированную межъязыковую корреляцию.

При сравнении гистограмм распределения семантического сходства концепта «победа» обращает внимание отличающийся показатель количества похожих пар контекстов в паре украинский – словацкий, в то время как русский язык демонстрирует одинаковое соотношение и с украинским, и со словацким языками.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что русскоязычный корпус распределяет семантические контексты концепта «победа» похожим образом по отношению к украинскому и словацкому. Русский корпус имеет семантически более «рассеянный» центр, из-за чего количество плотных совпадений с другими языками ограничено.

Украинский и словацкий корпуса формируют более компактные распределения: между ними возникает большее число пар с близкими значениями сходства. Это не означает, что украинская и словацкая репрезентация «ближе» концептуально, чем каждый из них к русской. Это означает, что их распределения более согласованы по форме.

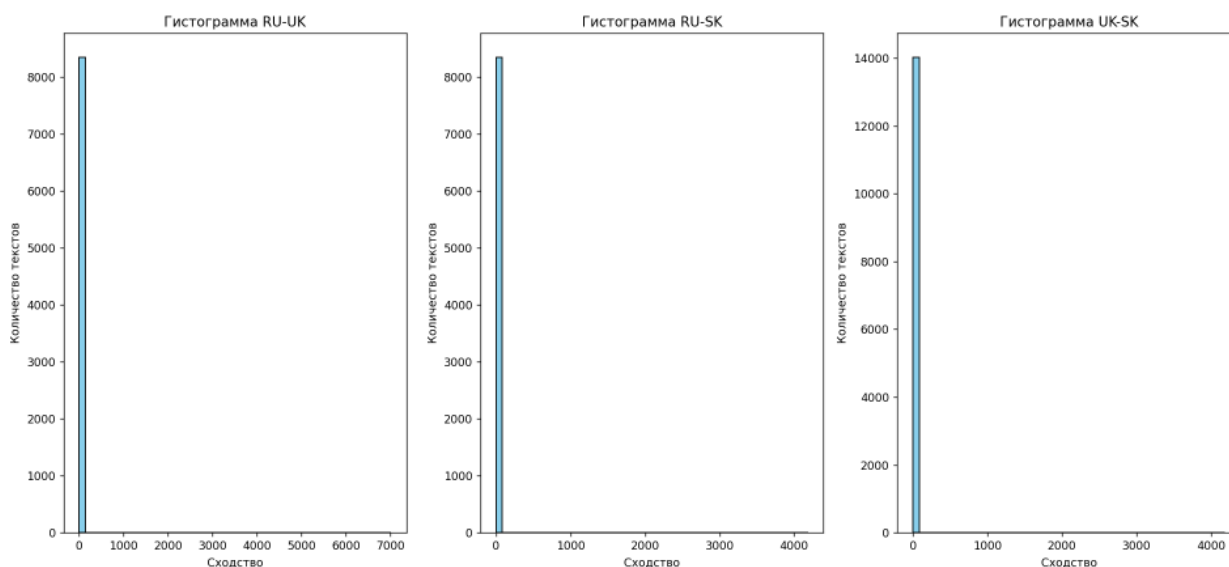

Рис. 3. Гистограммы распределения семантического сходства концепта «победа».

В свою очередь данные гистограммы наглядно демонстрируют, что русский спортивный медиадискурс, по сравнению с украинским и словацким, характеризуется более высокой стилистической и жанровой гибридностью. Она выражается активным смешением спортивного дискурса с военным, политическим и идеологическим дискурсами. В русском спортивном дискурсе наблюдается повышенная метафорическая насыщенность, что в меньшей мере свойственно украинскому спортивному дискурсу и ещё меньше – словацкому.

Несмотря на различие языков и культур, украинский и словацкий спортивные медиадискурсы демонстрируют более строгую жанровую регуляцию, а также фокусировку на результат, счёт, турнирную динамику, меньшую степень идеологической «нагрузки» спортивной победы. В результате концепт «победа» в украинском и словацком чаще актуализируется в сходных дискурсивных рамках, что приводит к большему числу пар с близкими значениями сходства.

Тепловые карты визуализируют распределение значений семантической близости между отдельными контекстами. Они позволяют зафиксировать распределение значений сходства, а также раскрывают структуру этих распределений. Кластеры с более интенсивной окраской отражают зоны высокой концептуальной корреляции, тогда как разреженные участки указывают на национально- и жанрово-специфические способы репрезентации победы.

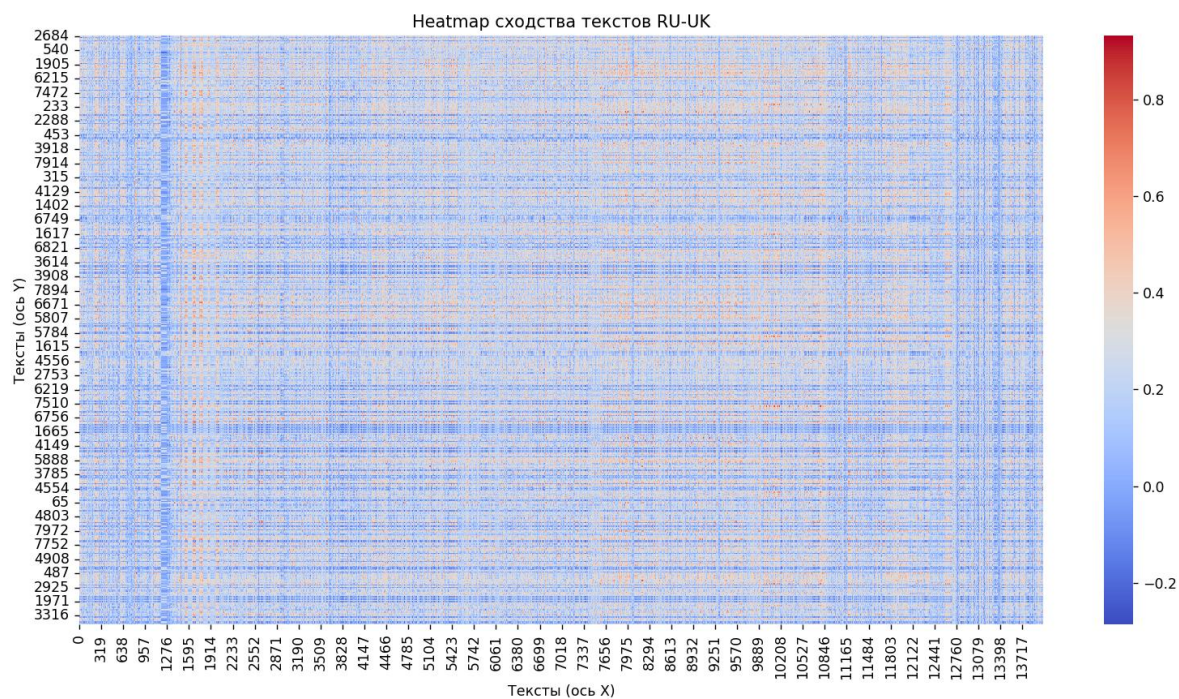

Рис. 4. Тепловая карта сходства спортивных текстов русского и украинского языков (ось x – русск., y – укр.).

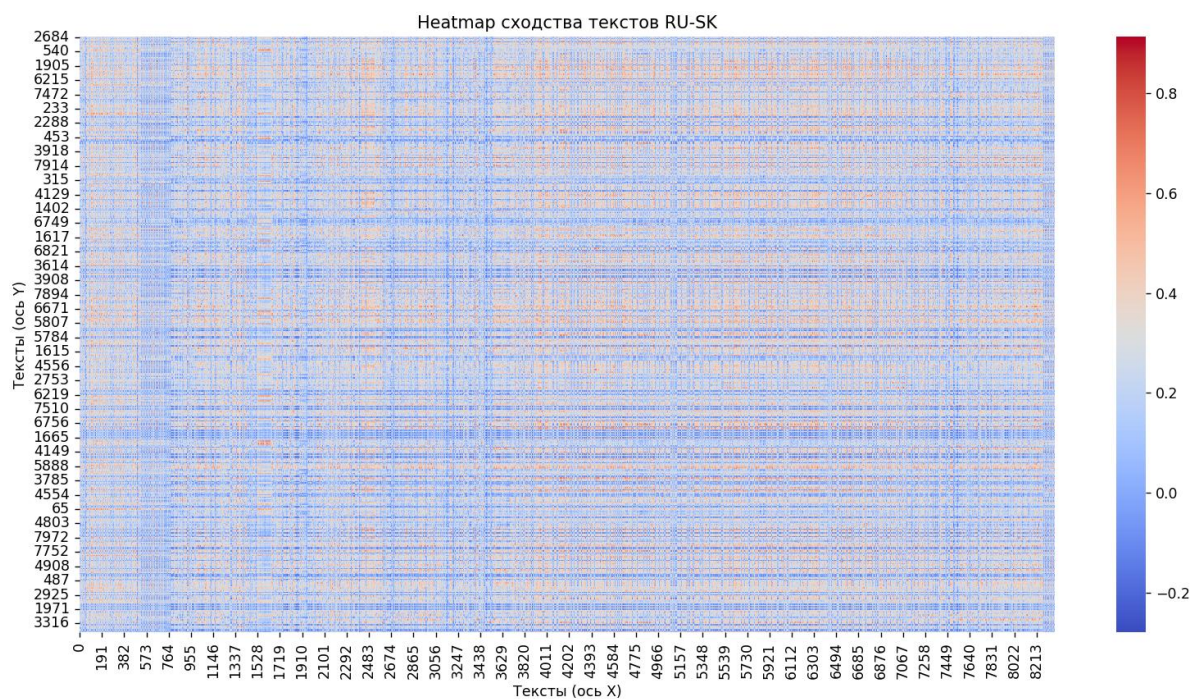

Рис. 5. Тепловая карта сходства спортивных текстов русского и словацкого языков (ось x – русск., y – сл.).

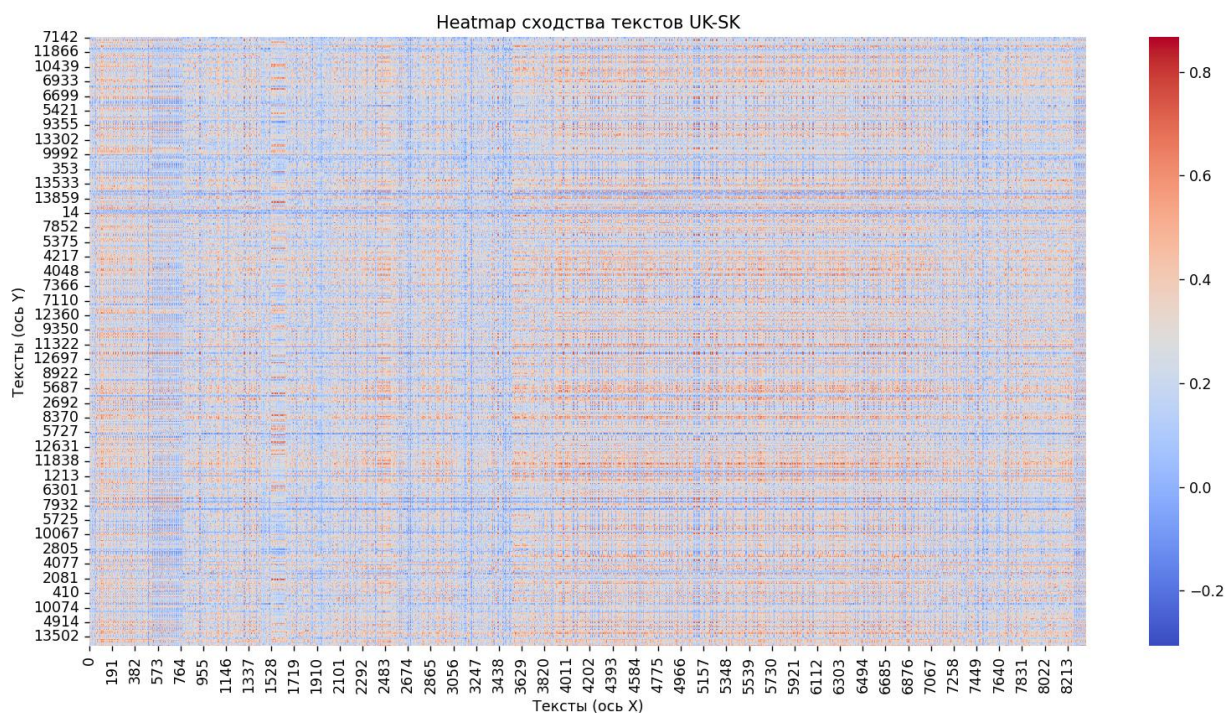

Рис. 6. Тепловая карта сходства спортивных текстов украинского и словацкого языков (ось x – укр., y – сл.).

Одновременно на всех картах отчётливо прослеживаются локальные «острова» повышенной цветовой насыщенности, которые неравномерно распределены по матрице, не образуют непрерывных областей и различаются по плотности и размеру в зависимости от языковой пары. Эти участки интерпретируются как зоны совпадения типовых дискурсивных сценариев репрезентации «победы», воспроизводимых в разных языках независимо друг от друга. К таким сценариям относятся, в частности, победа как результат напряжённого противоборства, победа как подтверждение превосходства или силы, победа как достижение цели и кульминация соревновательного процесса.

На тепловых картах также выделяется русская репрезентация концепта «победа», особенно в сравнении с аналогичной украинско-словацкой. В парах с русским языком наблюдается высокая степень разреженности, значительная вариативность цветовых оттенков, а также сравнительно небольшое число плотных локальных кластеров.

Это указывает на то, что русский спортивный медиадискурс демонстрирует более широкую палитру способов концептуализации «победы». В результате межъязыковые совпадения носят менее устойчивый и более фрагментированный характер. Данный вывод согласуется с результатами количественного анализа, в том

числе с более высокой дисперсией значений сходства, зафиксированной на гистограммах.

В отличие от пар с русским языком, для украинско-словацкой пары свойственна более равномерная тепловая текстура, наблюдается большее число средне- и высокоинтенсивных участков и меньшая фрагментация. Это позволяет заключить, что украинский и словацкий спортивные медиадискурсы реализуют концепт «победа» в более сходных жанрово-прагматических рамках. Сходство формируется не за счёт отдельных пиков, а за счёт более плотного распределения типовых контекстов.

Заключение

Результаты количественного анализа подтверждают тезис Дж. Лакоффа о наличии универсальных когнитивных метафор, лежащих в основе концепта «победа». Количественные показатели семантической близости позволяют эмпирически зафиксировать разграничение ядерных и периферийных компонентов концепта, что соответствует когнитивной модели концепта, предложенной Е. С. Кубряковой.

Различия в распределении значений семантической близости отражают вариативность ценностных акцентов, что подтверждает лингвокультурологический подход В.И. Карасика к анализу концептов.

Полученные результаты демонстрируют, что концепт «победа» в спортивном медиадискурсе представляет собой многослойное когнитивно-дискурсивное образование, в котором универсальные метафорические схемы (по Дж. Лакоффу) сочетаются с иерархической концептуальной структурой (по Е.С. Кубряковой) и культурно-ценностной спецификой (по В.И. Карасику).

Список литературы

- LAKOFF, G., JOHNSON, M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 242 p. ISBN 978-0-226-46801-3.
- LAKOFF, G. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 614 p. ISBN 978-0-226-46804-4.
- LAKOFF, G. 2008. *The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century American Politics with an 18th-Century Brain*. New York: Viking, 294 p. ISBN 978-0-670-01927-3.
- KÖVECSES, Z. 2010. *Metaphor: A Practical Introduction*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 285 p. ISBN 978-0-19-537493-6.
- КУБРЯКОВА, Е. С. 2004. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке*. Москва: Языки славянской культуры, 560 с. ISBN 5-94457-174-7.

- КУБРЯКОВА, Е. С. 1997. *Части речи с когнитивной точки зрения*. Москва: Институт языкознания РАН, 327 с. ISBN 5-02-011247-5.
- КАРАСИК, В. И. 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 477 с. ISBN 5-88234-552-8.
- КАРАСИК, В. И. 2010. *Языковая кристаллизация смысла*. Волгоград: Парадигма, 421 с. ISBN 978-5-903704-17-6.
- СТЕПАНОВ, Ю. С. 2004. *Константы: словарь русской культуры*. 3-е изд. Москва: Академический проект, 992 с. ISBN 5-8291-0380-3.
- ПОПОВА, З. Д., СТЕРНИН, И. А. 2007. *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ; Восток–Запад, 314 с. ISBN 978-5-17-041467-9.
- ВАСИЛЬЕВ, Л. М. 2015. *Концепт как объект лингвокультурологического анализа*. In: Вестник Челябинского государственного университета, № 12, с. 23–29. ISSN 1994-2796.

Артём Олегович Клименко

магистр, Mgr. Artem Klymenko

кафедра русистики, философский факультет

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 г. Трнава, Словацкая Республика

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

E-mail: klymenko1@ucm.sk

ORCID: 0009-0003-5924-0156

Ольга Евгеньевна Ермачкова

доцент, associate professor / doc., Mgr., PhD.

кафедра русистики, философский факультет

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 г. Трнава, Словацкая Республика

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

E-mail: olga.iermachkova@ucm.sk

ORCID ID: 0000-0002-5430-7898

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ИТ-ДИСКУРСА)

Андрей Михайлович Шахворостов

кафедра русистики, философский факультет
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Трнава, Словакия

Абстракт: В статье осуществлен лексико-семантический и функциональный анализ метафорических словосочетаний в научно-технической отрасли, а конкретно в ИТ-дискурсе. Отдельно показан процесс перехода метафорических терминов в неспециальную речь, в частности при выходе в массовую коммуникацию часть выражений сохраняет исходный смысл, а часть расширяет значение, происходит процесс генерализации значения и развития дополнительных образно-стилистических приращений метафорических терминов. Это позволяет различать терминологические и контекстные метафорические сочетания и уточняет роль метафоры в развитии научно-технической лексики, что может быть полезно для терминоведения, анализа дискурса и перевода специальных текстов. Материалом для исследования послужил словарь ИТ-терминов и форум habr.com, где собрано большое количество терминов и метафор, позволяющих осуществить анализ метафорических наименований.

Ключевые слова: метафоризация, терминологизация, технические метафоры, образность, абстрактные понятия, профессиональный дискурс.

FEATURES OF METAPHORICAL WORD COMBINATIONS IN THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL DOMAIN

Abstract: A lexico-semantic and functional analysis of metaphorical word combinations in the scientific and technical domain—specifically, IT discourse—is carried out in the article. The study separately demonstrates the process by which metaphorical terms transition into non-specialist speech: when entering mass communication, some expressions retain their original meaning, while others broaden their semantics; this involves semantic generalization and the development of additional figurative and stylistic connotations. This makes it possible to distinguish between terminological and contextual metaphorical combinations and уточifies the role of metaphor in the development of scientific and technical vocabulary, which may be useful for terminology studies, discourse analysis, and the translation of specialized texts. The research material consists of an IT terminology dictionary and the Habr.com forum, which contains a large number of terms and metaphors enabling an analysis of metaphorical naming.

Keywords: metaphORIZATION, terminologization, technical metaphors, imagery, abstract concepts, professional discourse.

Введение

Метафоризация является одним из устойчивых механизмов номинации и концептуализации в научно-технической сфере: через перенос с «области-источника» на «область-цель» формируются наглядные, экономные и коммуникативно удобные наименования объектов, процессов и параметров. В работе предлагается рабочее определение метафорического словосочетания в научно-техническом дискурсе и описываются его ключевые особенности: структурная компактность, ориентированность на терминологизацию, ограниченная вариативность, доминанта предметно-процессуальных моделей, специфический набор источниковых доменов и функциональная направленность на объяснение и упорядочивание знания. Материал иллюстрируется примерами из современной научно-технической коммуникации (прежде всего ИТ-текстов) и рассматривается в связке с вопросом разграничения «живой» метафоры и метафорического термина, а также с процессом выхода терминологических единиц в общий язык.

В научно-технической коммуникации метафора проявляется не как стилистическое украшение, а как инструмент концептуального упорядочивания: она связывает новое знание с уже освоенными когнитивными схемами и тем самым повышает прозрачность описания, облегчает введение нового понятия и ускоряет профессиональную коммуникацию. Сходную установку на функциональную естественность образных средств в «нехудожественных» регистрах фиксирует словацкая традиция. Фразеолог Й. Млацек подчёркивает: «даже в научном (собственно научном, техническом) выражении фразеология не является чем-то чужим или чужеродным, мешающим; напротив, это естественная часть языка и она выполняет прежде всего номинативную и экспрессивную функции» (Mlasek, 2007, с. 67). В этой логике метафоризацию в научном языке можно понимать как специально направленный номинативный процесс. Как отмечает Д. Н. Билалова, «в научном языке метафоризация представляет собой процесс выбора терминологического названия на основе сходства между различными объектами по их признакам, функциям или характеристикам» (Билалова, 2024, с. 648). На уровне языка это особенно заметно в метафорических словосочетаниях — компактных, повторяемых конструкциях, в которых перенос значения закрепляется не в отдельном слове, а в сочетании, задающем устойчивую модель интерпретации технического объекта или процесса. В научно-технической отрасли подобные сочетания возникают в двух взаимосвязанных зонах: (1) в зоне собственно терминологии, когда метафора становится частью

наименования понятия и начинает функционировать как терминологический комплекс; (2) в зоне текстового описания, когда метафорическое словосочетание работает как поясняющее средство, сопровождающее строгое определение, формулу или схему.

Под метафорическим словосочетанием в научно-техническом дискурсе целесообразно понимать сочетание двух и более лексических единиц, в котором хотя бы один компонент употреблён переносно и перенос систематически мотивирован сходством формы, функции, поведения или роли объекта в системе, а результирующая конструкция либо называет техническое понятие, либо стабильно обслуживает его объяснение. Важным методологическим условием является воспроизводимость выявления: метафоричность в техническом тексте не должна фиксироваться «по впечатлению», а задаётся процедурой сопоставления контекстного значения с более базовым значением единицы и оценкой наличия междоменного сопоставления. При этом для научно-технической сферы принципиально учитывать, что часть метафор со временем «обесцвечивается»: образность редуцируется, а сочетание начинает восприниматься как нейтральное профессиональное обозначение (например, «ядро системы», «архитектура решения», «дерево решений», «узкое место», «облако вычислений», «пакет данных»). Следовательно, анализ должен предусматривать шкалу терминологизации: от «живой» контекстной метафоры, заметной и потенциально вариативной, к конвенционализированной метафоре и далее к метафорическому термину (лексикализованной/«мертвой» метафоре), где перенос уже встроен в стандарт профессионального именования. При описании границы между свободными сочетаниями и устойчивыми единицами полезно учитывать более широкую фразеологическую перспективу. Й. Млацек поясняет: «под фразеологизацией, параллельно с лексикализацией или грамматикализацией, понимают такой процесс, при котором свободное словосочетание превращается во фразему» (Mlasek, 1980, с. 268). На материале ИТ-дискурса это наблюдение методологически важно, поскольку значительная часть метафорических сочетаний движется в сторону устойчивости и воспроизводимости, то есть приближается к режиму «готовой номинации».

Материал исследования

Исследование осуществлено на основе ИТ-терминов, взятых из специализированного словаря научных ИТ-терминов, а также терминов, заимствованных из английского языка, и пришедших в русский язык в виде кальки.

Термины-кальки были получены из ресурса <https://habr.com/ru/companies/wrike/articles/475558/>.

Что касается количественной справки, то был произведен корпусный анализ ряда примеров, на предмет количества употреблений во форме леммы, т.е. основном корпусе и в подкорпусе, ориентированном на ИТ-дискурс.

Так термин **ветка**, в основном корпусе встречается 13645 раз, а в подкорпусе только 6 раз. Также была найдена сфера-донор данного термина – художественная, на нее приходится 66,95% всех употреблений.

Слово 1 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	IPM	Конкорданс
ветка	13 645	100%	 [99,97%, 100%]	35,03	Примеры
ветка	6	100%	 [60,97%, 100%]	5,2	Примеры

Что касается термина **дейли**, то в основном корпусе было найдено 254 употребления, в основном связанных с названиями газет. Сфера-донор данного термина – публицистика. В подкорпусе не найдено ни одного употребления в сфере ИТ, что можно связать с низкой тиражированностью термина в научно-технической сфере и все еще высокой воспроизводимостью и устойчивостью в публицистике.

Слово 1 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	IPM	Конкорданс
дейли	254	100%	 [98,51%, 100%]	0,65	Примеры

В свою очередь неанглицизм **память** имеет 69229 употреблений в основном корпусе и чаще всего встречается в публицистической сфере (40,5% от общего числа употреблений), что в свою очередь не означает, что публицистика – сфера-донор. В подкорпусе встречается всего 390 раз, что говорит о низкой общей тиражированности данного термина в ИТ, несмотря на все-таки довольно часто применение: *память компьютера, очистить память на диске и т.д.*

Слово 1 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	IPM	Конкорданс
память	69 229	100%	 [99,99%, 100%]	177,75	Примеры
память	390	100%	 [99,02%, 100%]	295,9	Примеры

Методы исследования

В исследовании применялись методы сплошной выборки и контекстуального анализа на материале специализированного словаря ИТ-терминов и текстов ресурса habr.com. Семантическая структура единиц и характер их метафоризации описывались с опорой на компонентный анализ и анализ сочетаемости (коллокаций).

Функциональная нагрузка терминов в речи устанавливалась методом функционально-прагматического анализа с учётом жанрово-стилистической дифференциации контекстов (чат/совещание/быт). Для подтверждения наблюдений использовались элементы количественного анализа: фиксировалось распределение употреблений по типам жанров и сопоставлялись специализированные и неспециализированные контексты, что позволило выявить тенденции детерминологизации и семантического расширения ИТ-единиц в массовой коммуникации.

Процессы детерминалогизации и деспециализации

Параллельно процессу терминологизации в научно-техническом дискурсе (в том числе в ИТ) действует обратное движение — детерминологизация и деспециализация, то есть выход единицы за пределы профессиональной сферы и её включение в неспециальные тексты. Важным является разграничение этих явлений, предложенное в исследовательской традиции О. Ю. Шмелёвой различает детерминологизацию: «расширение семантического объёма термина и формирование нового переносного значения» и деспециализацию: «процесс проникновения термина в неспециальный текст при сохранении своего основного значения» (Шмелёва, 2010, с. 50–51). Для ИТ-дискурса это различие методологически значимо, поскольку в популяризации часть единиц сохраняет исходный смысл при смене аудитории (деспециализация), тогда как другая часть начинает жить как переносное обозначение в общем языке (детерминологизация), расширяя сферу употребления, сочетаемость и коннотативный потенциал.

Детерминологизация сопровождается изменением набора терминологических свойств и функций. Характерно, что при выходе специальной единицы в общий язык фиксируется утрата жёстких дефиниционных характеристик и усиление прагматического компонента. Так, в коллективной монографии А. В. Суперанской, Н. В. Подольской и Н. В. Васильевой подчёркивается, что термин: «теряет свою строгую концептуальность, системность, однозначность и приобретает прагматические свойства, которых он прежде был лишён, то есть возникает новое слово с терминологическим значением, требующее уже не дефиниции, а толкования» (Суперанская, Подольская, Васильева, 2012, с. 133). Словацкая фразеологическая перспектива в целом подтверждает закономерность «смягчения» специальной строгости при переходах между регистрами: А. Бенчекова отмечает, что: «терминологические сочетания, в которых один из компонентов прошёл

фразеологизацию, чаще всего формируются через метафоризацию» (Benčková, 2013, с. 22), и далее уточняет последствия такого сдвига: «в результате этого процесса термин становится для читателя более понятным и приобретает образность и экспрессивность, но одновременно теряет точность, однозначность, регулярность образования и переводимость; при этом термин утрачивает свою строгость и благодаря фразеологизированному компоненту становится частично семантически непрозрачным» (Benčková, 2013, с. 22–23). В ИТ-лексике это проявляется в смещении от точной номинации параметра/механизма к более свободному, оценочно-интерпретативному употреблению, особенно в медиа и повседневной речи; при этом один и тот же метафорический комплекс может сосуществовать в двух режимах — терминологическом (внутри техдискурса) и детерминологизированном (в неспециальных текстах), что делает жанр и адресата обязательными параметрами интерпретации.

Наконец, для научно-технической отрасли существенна межъязыковая и межотраслевая мобильность метафорических словосочетаний. Значительная часть технологической лексики формируется в условиях международной коммуникации, поэтому метафорические комплексы часто мигрируют как кальки или полукальки, а затем адаптируются под нормы принимающей терминологической традиции. Эта мобильность усиливает стандартизацию и одновременно создаёт зоны конкуренции вариантов, где закрепляется наиболее удобная для профессионального употребления форма. Для ИТ-дискурса показательны цепочки выхода терминологических метафор в неспециальную сферу; при этом в рамках описанного разграничения одни случаи соответствуют деспециализации (смена сферы без изменения базового значения), другие — детерминологизации (формирование переносного значения и расширение семантического объёма).

Лексико-семантический и функциональный анализ

Лексико-семантический анализ — это вид лингвистического анализа, направленный на описание значения языковых единиц (слова, термина, словосочетания) и его организации в системе языка и в тексте. Данный анализ проводится на примерах из специализированного словаря. Функциональный анализ — это анализ, который описывает, какую роль языковая единица выполняет в коммуникации и в конкретном типе дискурса. Данный анализ проводится на примерах из ресурса habr.com.

Функциональный анализ

Термин	Сфера употребления	Тип речевого жанра (чат/совещание/быт)
Бэклог	быт, самоменеджмент, работа	чат, быт, совещание
Спринт	работа, учёба, проектная деятельность	совещание, чат
Дейли	работа, семейные/командные договорённости	совещание, чат
Стендап	работа, управление процессами	совещание, чат
Коммититься	работа, личные договорённости	чат, совещание
Ветка	работа, переговоры, стратегия	совещание, чат
Прод	работа, быт (о “реальности”)	совещание, чат, быт
Катить / выкатить	работа, управление изменениями	чат, совещание
Таска	работа, быт, самоменеджмент	чат, совещание, быт
Спека	работа, обучение, организационные процессы	совещание, чат
Фича	маркетинг, самоописание, обучение	чат, презентация/совещание, быт

Термин	Сфера употребления	Тип речевого жанра (чат/совещание/быт)
Флоу	отношения, коммуникация, работа	чат, быт, совещание
Допинать	работа, бюрократия, бытовые дела	чат, быт, совещание
Комплитить	работа, быт, управление задачами	чат, совещание
Скоуп	работа, распределение ответственности	совещание, чат

Рассмотрим подробнее контексты употребления отдельных метафорических терминов: *На выходных разгребу **бэклог** по дому* - термин задаёт образ «очереди дел», легитимирует необходимость разгрузки; *Устроим **спринт** на 3 дня и закроем все документы* - термин повышает интенсивность, «сжимает» сроки и фокусирует команду; *Давайте **дейли** по ремонту: что сделали вчера, что делаем сегодня* - термин ускоряет синхронизацию, снижает неопределённость; *Я на это **не коммичусь**: не уверен, что успею* – термин повышает «цену обещания», фиксирует ответственность; *У нас сломался **флоу** общения: всё время сбиваемся на претензии* – термин помогает объяснить сбой процесса без детализации причин; *Это вне моего **скоупа** — спроси у бухгалтерии* – термин фиксирует границы, снижает “навешивание” задач, перераспределяет ответственность; *Кинь мне **таску**: купить билеты и забронировать отель* – термин переводит «дела» в формат управляемых единиц, облегчает распределение.

Что касается функций терминов. Так, регулятивно-оценочную функцию выполняют следующие термины: *На словах красиво, но в **проде** не работает.*; *Сделаем **стендап** на 10 минут и разойдемся по задачам.* Поскольку они оформляют ситуацию как управляемый процесс: задают представление об объеме дел, темпе и текущем контроле.

Функцию побуждения к действию можно связать со следующими примерами: *Со следующей недели **катим** новый регламент продаж. Надо **допинать** договор и поставить подписи.* Поскольку они задают эффект «контролируемого запуска» и усиливает управленческую решительность: действие предстает как технически организованный переход к новому состоянию, а не как обсуждение «хотим/не хотим».

Одновременно компрессивно-регулятивная функция может быть представлена: *Давай **комплитнем** этот вопрос сегодня, без хвостов. Нужна **спека** по мероприятию: кто что делает и в какие сроки.* Данные термины экономят речевые усилия, сворачивая развернутые управленческие инструкции до одного маркера, и при этом регламентируют действия: **комплитнуть** задаёт норму полного завершения и дедлайн, а **спека** формализует распределение задач и сроков, снижая неопределенность и конфликтность.

Для функционального анализа были взяты пятнадцать терминов, в основном заимствованных из английского языка и перекочевавших в русский язык в виде кальки. Таким образом, мы так же создали таблицу, где количественно указано сколько раз были употреблены термины в каждом из типов речевого жанра.

Чат	Совещание	Быт
15	15	7

Из чего можно сделать вывод, что функции словосочетаний в ИТ-сфере чаще используются для достижения быстроты коммуникации именно в рабочих моментах, нежели в бытовых.

Лексико-семантический анализ метафоризации терминов

Термин	Пример употребления в ИТ	Значение в ИТ	Пример метафоризационного употребления	Значение после метафоризации
Память	Память ПК	Место хранения данных на ПК, жестком диске, флешке и т.д.	У меня память уже забита, не могу это выучить	Место хранения данных в голове человека
Зависание	Зависание ПК	Остановка в работе ПК по объективным или не объективным причинам	Зависший проект	Отсутствие движения в процессе разработки чего-либо

Загрузка	Загрузка ПК	Постепенное включение всех данных и ресурсов ОС	У нас полная загрузка на этой неделе	Отсутствие свободного времени - занятость
Канал	Восходящий канал	Маршрут, по которому данные передаются из станции данных в распределитель локальной вычислительной сети.	Канал сбыта молочной продукции	Цепочка, которую продукт проходит от производителя до потребителя
Архив	Электронный архив	Совокупность документов в запоминающем устройстве, сохраняемых для истории или как резервные копии.	Вчера достал эту шапку из архива	Довольно долгое нахождение предмета без использования
Вирус	Компьютерный вирус	Вредоносная программа для ОС, направленная на уничтожение или изменение данных	Это видео в тиктоке завтра завирусится	Резкое набирание популярности видео

Для данного анализа были выбраны шесть однокомпонентных терминов, которые в ИТ-дискурсе с одним компонентом не употребляются, а употребляются минимум с двумя. Мы проанализировали семантические сдвиги терминов. Таким образом термины **память, зависание, архив, загрузка** во вторичной номинации имеют отношение уже к человеку/социальному процессу, термин **канал** – к экономической сфере, а термин **вирус** – к дискурсу социальных сетей.

Заключение

Проведённый лексико-семантический и функциональный анализ показал, что метафорические ИТ-единицы в современном русском языке функционируют в двух режимах: **как терминологические** (в профессиональной коммуникации) и **как контекстные метафоры** (в неспециальной речи). На материале специализированного

словаря установлено, что ряд общеупотребительных слов в ИТ-дискурсе приобретает специализированные значения и устойчивые сочетания (ср.: компьютерная память, компьютерный вирус, загрузка системы), а при выходе в массовую коммуникацию эти значения подвергаются семантическому сдвигу: переносится не техническая денотативная точность, а **интерпретативная модель** (память как «хранилище», зависание как «остановка процесса», загрузка как «занятость», архив как «долгое хранение», вирус как «быстрое распространение», канал как «цепочка передачи»). В результате метафоризации данные единицы переходят во вторичную номинацию и начинают описывать человека, социальные процессы, экономические практики и коммуникацию в соцсетях, что согласуется с трактовкой детерминологизации как «расширения семантического объёма термина и формирования нового переносного значения» и деспециализации как «процесса проникновения термина в неспециальный текст при сохранении своего основного значения» (Шмелёва, 2010, с. 50–51).

Материал исследования позволяет разграничить **несколько типов метафорических ИТ-единиц**, отличающихся источником и способом вхождения в современное употребление:

1. **Англицизмы-заимствования** (как правило, из управленческо-проектного и ИТ-дискурса): **бэклог** (*backlog*), **спринт** (*sprint*), **дейли** (*daily*), **стендап** (*stand-up*), **скоуп** (*scope*), **прод** (*prod / production*). Эти единицы наиболее явно маркируют связь с профессиональной средой и служат “языком управления” в рабочих жанрах.

2. **Общеупотребительная лексика, получившая специализированное (суженное) значение в ИТ-сфере и затем расширившаяся в массовой речи**: **ветка** (ср. *branch* как «вариант/линия развития»), **спека** (от «спецификация» как «формализованный набор требований»), **катить/выкатить** (в значении «внедрить/запустить изменение»). Для этих единиц показателен путь: от общеязыковой основы → к профессиональной специализации → к повторной метафоризации в неспециальной коммуникации.

3. **Единицы донорских доменов**, используемые в ИТ-сфере как метафорические переносы из других областей знания, в частности из медицины: **вирус**. При переходе в неспециальную речь актуализируется прежде всего модель «быстрого распространения/заражения» и эффект оценки/тревожности, тогда как техническая точность отходит на второй план.

4. **Профессиональный сленг и жаргонные образования**, закрепляющиеся в речи как маркеры “внутренней” коммуникации: **комплитить** (*complete*). Подобные единицы часто демонстрируют высокую компрессию и выраженную установку на результат (“done”), а в неспециальной речи могут выполнять также стилистическую функцию (демонстрация включённости в профессиональный код).

5. **Разговорные просторечные глагольные формы, переосмысленные в управленческой прагматике: пинать/допинать**. В деловой коммуникации они легитимируют давление и срочность, оформляя требование как допустимый способ ускорения процесса (при этом сохраняется экспрессивность).

Функциональный анализ (на материале *habr.com* и примеров неспециального употребления) показал, что перечисленные группы единиц в речи выполняют прежде всего **регулятивные и компрессивные функции**: уплотняют содержание, сокращают объяснения, структурируют деятельность (планирование, контроль, распределение задач и ответственности). На прагматическом уровне они дисциплинируют взаимодействие, повышают «стоимость обещания» (**коммититься**), фиксируют границы ответственности (**скоуп / scope**), формализуют требования (**спека**), усиливают директивность и темп (**катить/выкатить, пинать/допинать**).

Количественные данные (чат — 15, совещание — 15, быт — 7) подтверждают, что такие единицы преимущественно востребованы в рабочих жанрах, где критичны скорость, координация и управляемость процессов; в бытовой коммуникации они употребляются реже и чаще выступают как стилистический маркер, средство оценки и самоидентификации говорящего.

Таким образом, ИТ-метафора выступает не только средством номинации внутри профессиональной сферы, но и механизмом детерминологизации и расширения значений при переходе в массовую коммуникацию. Разведение материала по типам единиц (заимствования, специализировавшаяся общеупотребительная лексика, донорские домены, профессиональный сленг, разговорные экспрессивные формы) позволяет точнее описать источники пополнения современного лексикона и уточнить роль ИТ-метафор в динамике научно-технической и повседневной речи.

Список литературы

BENČEKOVÁ, M. 2013. Frazémy politologických textov a ich didaktický potenciál. In: ĎURICOVÁ, Alena ed. *Od textu k prekladu VIII* [online]. Praha: Jednota tlumočnicků a

- prekladatelů, s. 20–32 [cit. 2026-01-23]. ISBN 978-80-7374-095-5. Dostupné na: https://fphil.uniba.sk/fileadmin/fif/katedry_pracoviska/kgm/transius/na_stiahnutie/Od_textu_k_prekladu_VIII_2013.pdf
- BUTLER, D. R. 1986. The Function of Metaphor in Technical Discourse. In: *Journal of Technical Writing and Communication* [online]. Thousand Oaks: SAGE Publications, vol. 16, no. 1. pp. 141–146. [cit. 2026-01-25] ISSN 1541-3780. Dostupné na: <https://journals.sagepub.com/doi/10.2190/KQGM-7H0C-K1KK-RUCV>
- LAKOFF, G., JOHNSON, M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 256 p. ISBN 978-0-226-46801-3.
- MLÁČEK, J. 1980. O spôsobe vzniku frazém. In: *Slovenská reč* [online]. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, roč. 45, č. 5, s. 268–278 [cit. 2026-01-25]. ISSN 0037-6983. Dostupné na: <https://www.juls.savba.sk/ediela/sr/1980/5/sr1980-5-lq.pdf>
- MLÁČEK, J. 2007. O povrávkach a o ich uplatňovaní v reči. In: *Kultúra slova* [online]. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, roč. 41, č. 2, s. 65–69 [cit. 2026-01-25]. ISSN 0023-5202. Dostupné na: <https://www.juls.savba.sk/ediela/ks/2007/2/ks2007-2.pdf>
- PRAGGLEJAZ GROUP. 2007. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. In: *Metaphor and Symbol*. Philadelphia: Taylor & Francis, Inc., vol. 22, no. 1, pp. 1–39. ISSN 1092-6488.
- БИЛАЛОВА, Д. Н. 2024. Метафорическое терминологическое образование в техническом дискурсе (на материале русского, башкирского и английского языков). In: *Филологические науки. Вопросы теории и практики* [online]. Тамбов: Грамота [cit. 2026-01-26], т. 17, вып. 2, с. 649–655. ISSN 1997-2911. Dostupné na: <https://www.gramota.net/article/phil20240093/pdf>.
- ЗЯБЛОВА, О. А. 2023. Особенности формирования термина как результата когнитивной деятельности специалистов. In: *Russian Linguistic Bulletin* [online]. Екатеринбург: Цифра, № 4 (40) [cit. 2026-01-25]. ISSN 2411-2968. Dostupné na: <https://rulb.org/en/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.24>
- ЛОСЕВА, О. М. 2015. Метафора в научно-техническом тексте. In: *Филологические науки. Вопросы теории и практики* [online]. Тамбов: Грамота, № 8 (50): в 3-х ч., ч. III, с. 118–121 [cit. 2026-01-25]. ISSN 1997-2911. Dostupné na: <https://www.gramota.net/article/phil20151734/pdf>.
- ЛОСЕВА, О. М. 2015. Мёртвая метафора в современном научно-техническом тексте (на примере текстов по машиностроению). In: *Филологические науки. Вопросы теории и практики* [online]. Тамбов: Грамота [cit. 2026-01-25], № 12 (54): в 4-х ч., ч. III, с. 121–124. ISSN 1997-2911. Dostupné na: <https://www.gramota.net/article/phil20152731/pdf>
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В., ПОДОЛЬСКАЯ, Н. В., ВАСИЛЬЕВА, Н. В. 2012. *Общая терминология: вопросы теории*. 6-е изд. Москва: ЛИБРОКОМ, 248 с. ISBN 978-5-397-02414-3.
- ФЕДЮЧЕНКО, Л. Г. 2018. Функции термина-метафоры в техническом тексте. In: *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики* [online]. Пермь: ПНИПУ, № 3, с. 77–86 [cit. 2026-01-25]. ISSN 2224-9389. Dostupné na: https://vestnik.pstu.ru/get/_res/fs/file.pdf/7831/THE%2BFUNCTIONS%2BOF%2BMETAPHORIC%2BTERM%2BIN%2BTHE%2BTECHNICAL%2BTEXTfile.pdf

ШМЕЛЁВА, О. Ю. 2010. Изменение сущностных свойств термина в процессе деспециализации и детерминологизации. In: *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. Москва: МГОУ, № 4, с. 46–52. ISSN 2072-8379.

Андрей Михайлович Шахворостов / Andrei Shakhvorostov

магистр / Mgr.

кафедра русистики, философский факультет

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 г. Трнава, Словацкая Республика

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava

Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

E-mail: shakhvorostov2@ucm.sk

ORCID ID: 0009-0006-7979-0384

UNDERGROUND LINGUISTIC LANDSCAPE: СЛАВЯНСКИЕ НАДПИСИ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ПОЛЬШИ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СЛАВИСТИКИ

Анджей Нарлох

Университет им. Адама Мицкевича в Познани
Познань, Польша

Абстракт: Данная работа исследует подземный языковой ландшафт крупнейших фортификационных систем Польши как периферийную славянскую зону контакта, где надписи из различных исторических периодов сосуществуют вне институционального контроля. Особое внимание уделяется славянским языкам — прежде всего польскому и русскому, а также отдельным следам украинского, белорусского и хорватского. Вместе они образуют многоязычный микроархив, встроенный в заброшенные подземные пространства. Работа сочетает подходы ландшафтной лингвистики, семиотики и исследований памяти, опираясь на понятия неформального письма, постимперского палимпсеста и согласованной памяти. Надписи рассматриваются как культурные тексты, с помощью которых индивиды выражают своё присутствие, идентичность, эмоции или юмор, зачастую символически маркируя пространство личным, аффективным способом. В этом маргинальном контексте славянские надписи отражают наложенные исторические траектории: присутствие польской и советской армий, послевоенные перемещения, туризм и неформальные субкультуры. Их сосуществование показывает, как славянские языки функционируют вне официальных режимов коммуникации, престижности и стандартизации — там, где иерархия размыта, а голоса множатся. Анализ формы и содержания доказывает, что подземные надписи ставят под вопрос традиционные рамки славистики, раскрывая скрытые языковые регистры и альтернативные пространства памяти и многоязычия.

Ключевые слова: подземный языковой ландшафт, маргинальные пространства, многоязычие, палимпсест, постимперская языковая память.

UNDERGROUND LINGUISTIC LANDSCAPE: SLAVIC INSCRIPTIONS IN MARGINAL SPACES OF POLAND AS A CHALLENGE FOR CONTEMPORARY SLAVIC STUDIES

Abstract: This paper explores the underground linguistic landscape of Poland's largest fortification systems as a peripheral Slavic contact zone in which inscriptions from different historical periods coexist outside institutional control. Particular attention is paid to Slavic languages—above all Polish and Russian, as well as isolated traces of Ukrainian, Belarusian and Croatian. Together, they form a multilingual micro-archive embedded in abandoned subterranean spaces. The study combines approaches from linguistic landscape research, semiotics, and memory studies, drawing on concepts such as informal writing, the post-imperial palimpsest, and negotiated memory. The inscriptions are treated as cultural texts

through which individuals express presence, identity, emotions, or humor, often marking space in a personal and affective way. Within this marginal context, Slavic inscriptions reflect overlapping historical trajectories: the presence of the Polish and Soviet armies, postwar population movements, tourism, and informal subcultures. Their coexistence demonstrates how Slavic languages function beyond official regimes of communication, prestige, and standardization—where hierarchy is blurred and voices multiply.

An analysis of form and content shows that underground inscriptions challenge traditional frameworks of Slavic studies by revealing hidden linguistic registers and alternative spaces of memory and multilingualism

Keywords: underground linguistic landscape, marginal spaces, multilingualism, palimpsest, post-imperial linguistic memory.

Цель статьи заключается в анализе славяноязычных надписей, присутствующих в периферийных пространствах Польши, с точки зрения заброшенных мест, лишённых институционального надзора. Эти пространства представляют собой пример контактной зоны, в которой язык функционирует вне официальных нормативных рамок, выступая как спонтанный след идентичности, памяти и присутствия (Assmann, 2008; Blommaert 2013; Krajewski, 2008; Nora, 2009; Reuter, 2013; Rybicka, 2014).

Современная славистика лишь начинает осознавать значение подобных неформальных языковых практик (Bogusławski, 2010), поскольку до настоящего времени её внимание было сосредоточено преимущественно на стандартизированном и институционально санкционированном языке. Между тем надписи, появляющиеся в подземных пространствах — подвалах, бункерах, туннелях или заброшенных военных объектах — выявляют иной, суровый аспект письменной культуры, лишённой контроля и престижных рамок.

Хотя большинство анализируемых надписей выполнено на польском языке, фиксируется также присутствие других славянских языков, прежде всего русского. Следы последнего можно наблюдать главным образом на территории бывших воинских частей, складов и фортификационных сооружений. Их сохранность обусловлена, в частности, маргинальным характером этих мест, которые в настоящее время не подпадают под процессы модернизации и политику памяти.

В настоящей статье мы сосредотачиваем внимание на двух фортификационных объектах — крепости Модлин и Мезерицком укрепленном районе (МУР)⁶⁶. Они

⁶⁶ Мезерицкий укрепленный район — система фортификационных сооружений, построенная немцами в 1930–1940-е годы. Он расположен на западе Польши и включает десятки боевых бункеров, соединённых подземной сетью туннелей общей протяжённостью свыше 30 километров. В свою

представляют собой своего рода идеальную лабораторию для изучения присутствия языков вне центра — в пространствах, лишённых институционального надзора, где язык функционирует как форма фиксации эмоций, идентичности и выживания. Подобные пространства мы определяем как маргинальные (Augé, 1995; Bauman, 2000), то есть незаметные, запущенные и исключённые из основного русла общественной жизни, а также как периферийные — в реляционном смысле, как лишённые влияния и престижа. Их общей чертой является относительная автономия по отношению к официальным нарративам, благодаря чему они становятся полем для низовых языковых практик, зачастую эмоциональных, а порой и вульгарных.

Подземные пространства как языковая среда выявляют разнообразные письменные практики — от формальных следов до экспрессивных высказываний. Они образуют пространство, в котором язык выполняет не репрезентативную, а экзистенциальную функцию: он становится следом присутствия человека, который был, пережил и выразил себя (Goffman, 1959).

1. Описание исследовательского пространства: фортификации как лаборатория славянских языковых следов

По очевидным причинам на территории Польши в рассматриваемых пространствах наибольшее количество надписей фиксируется на польском языке; на втором месте по частоте находится русский язык, тогда как другие славянские языки, хотя и присутствуют, встречаются значительно реже. Особым примером подобной многоязычности является МУР. Это пространство — функционально «мёртвое», но культурно насыщенное — заполнено тысячами инскрипций на различных языках. После Второй мировой войны МУР проходил через различные этапы использования. Первоначально он посещался военнослужащими Советской армии, которые оставили после себя многочисленные следы в виде надписей на русском языке. В дальнейшем объект был частично законсервирован и открыт для туристического доступа, при этом значительная часть его территории так и осталась заброшенной. Начиная с 1980-х годов здесь появляются исследователи-эксплораторы, любители истории, а также искатели экстремальных впечатлений, каждый из которых оставляет новые слои надписей. Это многообразие способствует языковому многообразию: наряду с русскоязычными

очередь, крепость Модлин расположена примерно в 30 километрах к северо-западу от Варшавы. Это обширный фортификационный комплекс, включающий цитадель, бастионы и систему фортов. В совокупности он образует один из крупнейших и лучше всего сохранившихся оборонительных ансамблей в Польше, сформировавшийся в XIX веке.

инскрипциями здесь встречаются польские, реже — белорусские или хорватские. Подземные пространства способствуют фрагментарности: надписи распределены нерегулярно, не образуя последовательных текстовых цепочек, а функционируя как отдельные точки присутствия. Бетонные, суровые поверхности стен создают прочную и устойчивую основу, сопротивляющуюся времени и атмосферным воздействиям, что позволяет надписям сохраняться на протяжении десятилетий. Наслаивающиеся друг на друга слои формируют характерный палимпсест, объединяющий различные эпохи и поколения (Dillon, 2012; Colwell, 2022). Подобное пространство представляет собой своеобразную лабораторию неформальной славянской многоязычности. Язык здесь не выполняет официальных функций — он действует в “сыром”, спонтанном и эмоциональном состоянии, вне нормативных рамок и институционального контроля. Всё это делает подземные объекты особенно ценным предметом научных исследований.

2. Теоретические основания и методология

Анализ подземного языкового ландшафта требует расширения классических методологических рамок. Традиционные подходы — разрабатываемые, в частности, рядом лингвистов (Shohamy, Ben-Rafael, Barni, 2010; Barni, Bagna, 2015; Gorter, 2006) — сосредоточены на визуально доступных знаках в публичном пространстве, институционально регулируемом и включённом в повседневную городскую мобильность.

Между тем подземные пространства не соответствуют этим предпосылкам: они тёмные, труднодоступные, лишённые коммуникативной функции и институционального надзора. Надписи, возникающие в таких условиях, не носят характера официальных знаков, а представляют собой формы спонтанного письма. В связи с этим в настоящей статье вводится и развивается категория подземного языкового ландшафта (Underground Linguistic Landscape, ULL) — пока ещё не устоявшаяся в научной литературе, но необходимая для языкового описания заброшенных и нерегулируемых пространств. В рамках ULL письмо выполняет функцию следа, а порой и сообщения; его целью может быть как фиксация присутствия, так и передача информации. Подобный язык утрачивает стандартные функции, приобретая аффективные, мемориальные и идентификационные измерения.

Вторым ключевым теоретическим ориентиром выступает теория мест памяти (*lieux de mémoire*) (Nora 1989: 7). В отличие от памятников или музеев, подземные

пространства функционируют как их своего рода «негатив» — как пространства контрпамяти и теневой памяти, низовой, фрагментарной и уязвимой перед забвением. Письмо в подобных местах выступает не как элемент институционализированной мемориальной политики, а как микроакт памяти — чаще индивидуальный, реже коллективный.

Существенное значение имеет также постимперская перспектива (Pavlenko, 2008). Присутствие славянских языков — прежде всего русского — в периферийных пространствах Польши не является нейтральным: оно несёт отпечатки прошлых иерархий, асимметрий власти и языкового принуждения. Тогда как в официальном публичном пространстве подобные следы систематически устраняются в рамках доминирующих режимов памяти, в маргинальных зонах они продолжают существовать в форме теневых языковых свидетельств. Анализ инскрипций позволяет выявить, каким образом языки функционируют вне центра — в пространствах контрпамяти, где история, аффект и язык переплетаются вне институционального контроля и нормативного дискурса. Целью анализа не является статистическая репрезентативность, а выявление репертуара языковых практик, характерных для маргинальных подземных пространств.

3. Типологическая классификация инскрипций

Эмпирический материал исследования включает корпус инскрипций, зафиксированных в подземных пространствах Межирецкого укрепленного района и крепости Модлин в 2023–2025 годах. Документация носит качественный характер и была ориентирована на сбор разнородных форм инскрипций (как формальных, так и неформальных), включая как современные записи, так и надписи, имеющие исторический характер.

Отбор материала осуществлялся целенаправленно с целью фиксации репрезентативных примеров языкового присутствия. Применённый семиотико-интерпретативный подход концентрируется на форме, содержании и коммуникативных функциях инскрипций. На этой основе были выделены семь основных категорий, отражающих различные способы соотнесения пользователей с пространством:

1. Памятные инскрипции. Данная категория инскрипций выявляет фундаментальную экзистенциальную функцию письма в подземных

пространствах: фиксацию индивидуального присутствия и символическое «вписывание себя» в пространство вне институциональной истории и официальной памяти. Они содержат идентификационные формулы: имена, фамилии, псевдонимы, инициалы, а также даты пребывания, например: *Tu byłam 6-7.01.95 Mariola z Żar; Bocian tu był i wino pił; Remek, Kazik tu spaliśmy; Tu spał J. Rybycki; Я был здесь, Ефимов В.В.; Карпаты Токарь 3.XII 83; 1.07.65 Воробьев*. Точная датировка (день, месяц, год) формирует своего рода квазиархив человеческого присутствия.

2. Индивидуальные воинские записи. Воинские инскрипции представляют собой особый тип исторического следа, в котором язык функционирует как инструмент переживания времени, ожидания и принудительной мобильности, а не как средство коммуникации в строгом смысле слова. Примеры: *рядовой Борисов; Перфилов г. Волгодонск ДМБ май 77–79; До дембеля 10 дней; Осталось 2 месяца; Полтава 1967–1969 дембель; Тихонов 1967; Буранов 84; Прощай Польша*. Эти инскрипции представляют собой исторические остатки ушедшей эпохи.

3. Официальные воинские надписи. В отличие от спонтанных записей, официальные демонстрируют остаточную институциональность языка, сохранившуюся в маргинальном пространстве и вступающую в напряжённое сосуществование с более поздними неформальными слоями письма, например: *Główna droga ruchu na południe*, сокращения польских наименований объектов (ОВ 2556, где аббревиатура ОВ означает ‘obiekt bojowy’ (русс. ‘боевой объект’), а также морализаторские надписи на русском языке, зафиксированные, в частности, на территории крепости Модлин (форт Цыбулице): ХЛЪБЪ СОЛЪ ЪШЪ, А ПРАВДУ РЪЖЪ. Данная надпись была выполнена ещё до орфографической реформы русского языка 1918 года.

4. Туристические и эксплораторские записи. Эти инскрипции отражают процессы вторичного «присвоения» пространства, в рамках которых подземелья переосмысливаются как поле игры, риска и аффективного опыта, а язык утрачивает утилитарную функцию, приобретая характер перформативного жеста. Эти инскрипции отличаются значительной тематической вариативностью, что отражает разнородность мотиваций, например: *Bombowo jest; Przechodniu, uszanuj to miejsce; Nasze pokolenie już wybrało; Piekło jest puste, a wszystkie diabły są tu; Doświadczenie mnie uczy, że... doświadczenie niczego nie*

исзу; *Очень хочется жить; Окей!; Выход к ДЗОТУ налево.* Интересным приёмом является создание своеобразных языковых гибридов, задействующих различные алфавиты в пределах одного слова, например *Świebodzin*, где польское название города записано с использованием двух русских букв.

5. Политические надписи. Политические инскрипции в подземных пространствах следует рассматривать как форму контрпамяти, в которой язык используется для символического пересмотра нынешних и прошлых режимов власти и выражения постимперских напряжений, вытесненных из официального публичного пространства. Они чаще всего выполнены на польском языке и укоренены в контексте общественно-политических трансформаций 1980–1990-х годов, а также присутствия советских войск на территории Польши. Примеры: *Solidarność; Nie chcemy tu Armii Radzieckiej.* Другим примером является лозунг, связанный с дискурсом свободы, выполненный на белорусском языке: *ЖЫВЕ БЕЛАРУСЬ!* или запись *2022 Ukraine ПТН ПНХ*, которая функционирует как краткий, вульгарный антипутинский лозунг.

6. Экспрессивные и импрессивные записи. Экспрессивные инскрипции выполняют функцию аффективной разрядки и психологического освоения пространства, позволяя пользователям артикулировать страх, иронию, агрессию или интимные эмоции в условиях отсутствия социальных и языковых норм. Примеры: *Kocham Kasię W. i zawsze będę ją kochał; My tu byliśmy. Zimno, ciemno i do domu daleko; Tylko Kosmos i ludzka głupota nie mają granic. – A. Einstein; Jeśli wejrzyysz w otchłań, otchłań wejrzy w głąb ciebie.* Отдельную группу могут составлять многочисленные примеры стихотворных текстов. Их нередко негативная тональность представляет собой логичное следствие контекста места: в маргинальных пространствах чаще проявляется «тёмная материя» психики, а не установка на аффирмацию жизни. Вместе с тем подобного рода творчество уже требует отдельного детального рассмотрения.

7. Графические рисунки и символы. Визуальные и иконические элементы образуют параллельный семиотический слой подземного ландшафта, в котором значение формируется не через вербальный текст, а через символическое кодирование, часто вступающее в диалог или конфликт с письменными инскрипциями. Например, иконографические знаки и фигуры, отсылающие к политическим контекстам (например, символы звезды, серпа и молота, а также жест пальцами в форме буквы V — в Польше в 1980-е годы он функционировал

как символ движения *Solidarność* и победы). Иные символы апеллируют к христианской культуре, нередко с выраженным ироническим или шуточным акцентом. В качестве примера можно привести изображение креста с подвешенной табличкой *Zaraz wracam*.

Сопоставление выделенных категорий показывает, что подземные пространства одновременно выполняют функции места памяти, игры, соперничества и экспрессии. Анализируемые инскрипции выступают не только как следы присутствия, но и как свидетельства эмоций, идентичности и низовых форм коммуникации, нередко включающих литературно-поэтические элементы.

В изученных маргинальных пространствах Польши отмечено присутствие следующих языков:

- польский язык — доминируют надписи 1980-х годов и начала XXI века; эпизодически встречаются также инскрипции 1950–1970-х годов. Языковые регистры отличаются значительной вариативностью;

- русский язык — преобладают исторические надписи, главным образом воинского характера; современные записи встречаются редко;

- украинский язык — представлен прежде всего надписями современных пользователей; исторические воинские инскрипции не зафиксированы, несмотря на наличие следов записи названий украинских городов (однако выполненных на русском языке);

- белорусский язык — появляется эпизодически, чаще всего в политическом контексте;

- хорватский язык — зафиксированы единичные надписи, вероятно оставленные туристами или эксплораторами из этих стран. Особенно показательным является пример крупной хорватскоязычной инскрипции, занимающей несколько квадратных метров поверхности стены, со следующим содержанием: *Kad govorimo o starosti, čade riječi hode mi po jeziku. Kad govorimo o ljubavi, o... kad govorimo o ljubavi. Kad govorimo o utopljenicima, uzimam vode u usta.*

Надписи на указанных языках распределены по различным зонам подземного пространства; в ряде случаев они соседствуют друг с другом, функционируя без очевидной иерархии. Исключение составляют польскоязычные и русскоязычные инскрипции, которые нередко вступают между собой в конфронтационный диалог. Такое взаимодействие является следствием исторических предпосылок — прежде всего

присутствия Советской армии на территории Польши и навязанной коммунистической системы.

Кроме того, польские надписи часто выступают в качестве переосмысления прежних отношений доминирования: они окрашены иронией, юмором или критическим дистанцированием, например надпись *Komuno, wróć!* либо игру с символическим авторитетом — *Jaruzelski smok wawelski*. Подобные формы конфронтации свидетельствуют о постимперских напряжениях и глубоко укоренённых в польском обществе исторических травмах и предубеждениях.

Ответом на русскоязычные инскрипции нередко становятся записи, насыщенные неприязнью либо вульгаризмами, которые наносятся непосредственно поверх более ранних текстов. В результате формируется постимперский палимпсест, при котором новая смысловая прослойка не устраняет предыдущую, а лишь накладывается на неё. Польские вульгаризмы замазывают русские фамилии, а графические символы перекрывают советские воинские формулы. Такая слоистость отражает отсутствие языковой иерархии в пространстве, лишённом контроля: славянские языки функционируют здесь не как системы престижа, а как равноправные инструменты маркирования присутствия. Подобный тип пространства требует применения аналитических инструментов, заимствованных из исследований культурной памяти (см. Nora, Assmann, Rybicka), позволяющих зафиксировать сложность неинституциональной памяти. Вместо памятников, мемориальных табличек или архивов мы имеем дело с памятью низовой, анонимной и рассеянной — формируемой индивидами, не обладающими символической властью над историческим нарративом.

Присутствие славянских языков в подземных пространствах формирует специфический тип периферийного многоязычия, возникающий на пересечении исторических потрясений, мобильности и межкультурных контактов. Подземелья функционируют как периферийная контактовая зона, в которой языки сосуществуют вне центров легитимации, образуя поликодовый палимпсест и производя смыслы в режиме нелегитимного семиозиса. В этом регистре спонтанное соприсутствие кодов — редкое в иных контекстах — проявляется в форме несистемной, контингентной и аффективно нагруженной коммуникации.

4. Значение результатов для современной славистики

Анализ подземного языкового ландшафта польских фортификационных объектов имеет импликации для славистических исследований, указывая на сферы

функционирования славянских языков, которые до настоящего времени оставались вне рамок традиционной методологии. Славистика, исторически сосредоточенная на изучении литературы, стандартного языка, официальной коммуникации и культуры высокого канона, сегодня нуждается в инструментах, способных фиксировать неформальные, маргинальные и спонтанные языковые явления.

Периферийные пространства показывают, что именно за пределами центра проявляются новые формы языкового употребления. Как было продемонстрировано выше, славянские языки функционируют также там, куда не распространяются институциональные нормы и регламентации. В связи с этим представляется обоснованным исследовательский поворот в сторону заброшенных и маргинальных пространств — мест, в которых разворачиваются процессы спонтанного использования языка, его слоистого наложения и конфронтационного взаимодействия.

Включение концепции ULL в славистический исследовательский инструментарий расширяет его аналитический горизонт, позволяя рассматривать инскрипции как тексты культуры с высоким интерпретационным потенциалом, неразрывно укоренённые в геосемантике пространства. В результате становится возможным методологическое смещение — от анализа канонических текстов и литературных форм к периферийным практикам письма, раскрывающим явления, остающиеся невидимыми в традиционных источниках: аффективную языковую конфронтацию, языковое несогласие, микроидентичности, низовые стратегии письма, а также постимперские напряжения.

Это не означает отказа от классических методов исследования, а предполагает их дополнение недостающим социальным и пространственным измерением. Речь идёт не только о методологическом, но и об эпистемологическом сдвиге — признании того, что язык живёт там, где он используется, а не исключительно там, где он кодифицирован. В этой связи новые исследовательские вопросы для современной славистики должны быть направлены, в частности, на следующие проблемы: каким образом функционируют славянские языки в пространствах, лишённых надзора и регламентации; что представляет собой спонтанное письмо в условиях отсутствия литературных норм; как язык «присваивает» пространство, когда он не выполняет коммуникативной функции; каким образом фиксируются постимперские следы; и где сегодня проходит граница между текстом «значимым» и «незначительным».

Список литературы

- ASSMANN, J. 2008. *Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych*. Tłum. A. Kryczyńska-Pham. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 362 s. ISBN 978-83-235-0395-1.
- AUGÉ, M. 1995. *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London: Verso, 168 p. ISBN 978-1-85984-051-5.
- BARNI, M., BAGNA, C. 2015. *Linguistic Landscapes and Language Policies: International Perspectives*. Bristol: Multilingual Matters. 248 p. ISBN 978-1-78309-401-4.
- BAUMAN, Z., 2000. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press. 240 p. ISBN 978-0-7456-2410-5.
- BOGUSŁAWSKI, A. 2010. *Język potoczny w badaniach lingwistycznych*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. 292 s. ISBN 978-83-235-0676-8.
- BLOMMAERT, J. 2013. *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*. Bristol: Multilingual Matters. 132 p. ISBN 978-1-84769-918-5.
- COLWELL, C. 2022. A palimpsest theory of objects. In: *Current Anthropology*, 63(2), pp. 129–157. <https://doi.org/10.1086/719851>.
- DILLON, S. 2014. *The palimpsest: literature, criticism, theory*. London: Bloomsbury. 224 p. ISBN 978-1-4411-0818-3.
- GOFFMAN, E. 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday. 259 p. ISBN 978-0-385-09402-3.
- GORTER, D. 2006. *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters. 222 p. ISBN 978-1-85359-916-3.
- KRAJEWSKI, M. *W stronę socjologii przedmiotów*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2008. 256 s. ISBN 978-83-232-1918-0.
- NORA, P. 1989. Between memory and history: Les lieux de mémoire. In: *Representations*, 26, 7–24. <https://doi.org/10.2307/2928520>.
- NORA, P. 2009. Między pamięcią a historią: les lieux de mémoire. In: *Teksty Drugie*, nr 4, s. 4–12. ISSN 0867-0633.
- PAVLENKO, A. 2008. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory. In: *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 11(3–4), pp. 275–314. ISSN 1367-0050.
- REUTER, M. 2013. Graffiti jako praktyka komunikacyjna w przestrzeni miejskiej. In: *Kultura i Społeczeństwo*, nr 3, s. 105–122. ISSN 0023-5172.
- RYBICKA, E. 2014. *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Kraków: Universitas, 480 s. ISBN 978-83-242-2782-5.
- SHOHAMY, E., BEN-RAFAEL, E., BARNI, M. 2010. *Linguistic Landscape in the City*. Bristol: Multilingual Matters. 392 p. ISBN 978-1-84769-299-3.

Анджей Нарлох / Andrzej Narloch

Доктор филологических наук, профессор университета

Doctor of Philological Sciences, University Professor

Университет имени Адама Мицкевича в Познани

ул. Венявского, 1, 61-712 Познань Польша

Adam Mickiewicz University in Poznań

1 Wieniawskiego Street, 61-712 Poznań, Poland

E-mail: andrzej.narloch@amu.edu.pl

ORCID ID: 0000-0001-5225-289X

CIRKEVNÁ SLOVANČINA V PRVEJ ŠTVRTINE 21. STOROČIA: PROBLÉMY OPISU A FUNGOVANIA

Fedor B. Lyudogovskiy
Nezávislý výskumník
Banská Bystrica, Slovensko

Anotácia: Príspevok sa zaoberá súčasným stavom cirkevnej slovančiny v prvej štvrtine 21. stor. so zameraním na jej fungovanie aj na vedecký opis. V úvode sa načrtáva osobitný jazykový status cirkevnej slovančiny v dnešnej ruskej kultúre a v akademickej tradícii. Prvá hlavná časť rozoberá tri úzko súvisiace okruhy: (1) moderný korpus cirkevnej slovančiny a zdroje pre empirický výskum; (2) absenciu akademickej gramatiky opisujúcej jazyk súčasných liturgických kníh a obmedzenú dostupnosť deskriptívnych príručiek; a (3) osobitnú úlohu pravopisu, ktorá nesie nielen normatívnu, ale aj sémantickú a gramatickú záťaž, a preto si vyžaduje systematický opis. Druhá hlavná časť je venovaná žánru akatistov. Najprv prináša všeobecné kvantitatívne pozorovania o súčasnej tvorbe akatistov a následne analyzuje oficiálne schválené akatisty Ruskej pravoslávnej cirkvi (zozbierané zo stránky Patriarchátu a z repozitára „Nové bohoslužobné texty“). Príspevok ukazuje, že súčasná akatistná produkcia je kľúčovou oblasťou, v ktorej sa cirkevná slovančina naďalej rozvíja, kým nedostatok moderných deskriptívnych nástrojov (gramatiky, komplexného opisu pravopisu atď.) zostáva významnou prekážkou pre výskum aj prax.

Kľúčové slová: cirkevná slovančina; liturgický jazyk; korpusová lingvistika; pravopis; akatisty; súčasná hymnografia; Ruská pravoslávna cirkev.

CHURCH SLAVONIC IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY: PROBLEMS OF DESCRIPTION AND FUNCTIONING

Abstract: The paper addresses the current state of Church Slavonic in the first quarter of the twenty-first century, focusing on both its functioning and its scholarly description. The introduction outlines the specific linguistic status of Church Slavonic in today's Russian culture and in the academic tradition. The first main section discusses three closely related topics: (1) the modern Church Slavonic corpus and resources for empirical study; (2) the absence of an academic grammar describing the language of contemporary liturgical books and the limited availability of descriptive reference works; and (3) the special role of orthography, which carries not only normative but also semantic and grammatical load and therefore require systematic description. The second main section turns to the genre of akathists. It first provides general quantitative observations on akathist writing today and then examines the officially approved akathists of the Russian Orthodox Church (as collected from the Patriarchate's website and the "New Liturgical Texts" repository). The paper argues that contemporary akathist production is a key domain where Church Slavonic continues to develop, while the lack of modern descriptive tools (grammar, comprehensive accounts of orthography etc.) remains a major obstacle for both scholarship and practice.

Keywords: Church Slavonic; liturgical language; corpus linguistics; orthography; akathists; contemporary hymnography; Russian Orthodox Church.

Úvod

Cirkevná slovančina zaujíma medzi slovanskými idiomami osobitné miesto, a to tak z hľadiska osobitostí svojho fungovania, ako aj z hľadiska miery akademického opísania (Keipert, 2017; Kraveckij, 2015a). Neraz sa označuje ako „mŕtvy jazyk“, pričom sa tým myslí absencia hovorovej praxe a ukončenosť historického vývinu. Takáto charakteristika sa však ukazuje ako nie celkom korektná: v prvej štvrtine 21. stor. sa v cirkevnej slovančine pravidelne vytvárajú nové texty — tak pôvodné, ako aj prekladové. Predovšetkým ide o akatisty a minejné bohoslužby, ako aj o kratšie hymnografické formy: tropáre, kondáky, a tiež modlitby (v užšom, technickom zmysle tohto termínu). Teda aj pri absencii hovorového používania si jazyk zachováva aktívnu textotvornú funkciu v rámci liturgickej a paraliturgickej cirkevnej praxe a jazykový systém, ako možno predpokladať, naďalej prechádza istými zmenami.

Zároveň sa však akademický opis súčasnej cirkevnej slovančiny rozvíja pomaly a fragmentárne. Na jednej strane sa v posledných rokoch posilňuje výskumná infraštruktúra: vznikol elektronický cirkevnoslovanský korpus (Cerkovnoslavjanskij korpus, 2012–2026), odštartoval rozsiahly lexikografický projekt (Bol'soj slovar', 2016–2023). Na druhej strane chýba ucelený deskriptívny a tým skôr normatívny obraz súčasnej cirkevnej slovančiny; týka sa to predovšetkým gramatiky (morfológie a syntaxe), ale aj grafiky, pravopisu, ortoepie, štylistiky a i. Vzniká tak rozpor medzi živým procesom tvorby cirkevnoslovanských textov v uvedených hymnografických žánroch a formách — a úrovňou ich lingvistického uchopenia.

Cieľom tejto štúdie je zafixovať kľúčové parametre uvedeného nesúladu a načrtnúť jeden z najpohodlnejších a najdostupnejších objektov na ďalší výskum — korpus akatistov oficiálne schválených v Ruskej pravoslávnej cirkvi (ďalej — RPC).

1. Osobitosti cirkevnej slovančiny v 21. stor.

1.1. Fungovanie: cirkevná slovančina ako jazyk bohoslužobnej tradície a súčasnej tvorby textov

Cirkevná slovančina patrí medzi jazyky so špecifickými funkciami: jej základná sféra používania je spojená s bohoslužbou, hymnografiou a cirkevnou písomnou tradíciou. Absencia používania jazyka ako prostriedku ústnej medziľudskej komunikácie neznamená úplné zastavenie jeho fungovania; naopak, v prípade cirkevnej slovančiny sa kľúčovým stáva

iné kritérium „živosti“ — schopnosť obsluhovať aktuálne komunikačné potreby v rámci náboženskej praxe, a teda vytvárať nové texty. Práve texty (a nie ústna komunikácia) sú tu nositeľom dynamiky: rozširuje sa korpus bohoslužobne orientovanej slovesnosti, objavujú sa noví adresáti (novopreslávení svätých, nedávno do cirkevného kalendára zaradené ikony Bohorodičky, zbory svätých a i.), aktualizujú sa nové témy (katastrofy 20. stor., lokálne cirkevné tradície), rozvíja sa prekladateľská prax.

Osobitne výrazným kanálom súčasnej tvorby textov sa stáva *akatist*: tento starobylý východokresťanský žáner modlitebnej poézie sa široko používa tak v domácej modlitbe, ako aj pri verejnom bohoslužobnom slávení; má stabilnú štruktúru a zároveň si zachováva otvorenosť voči inováciám v oblasti poetiky.

Tak sa cirkevná slovančina v nedávno zavŕšenej prvej štvrtine 21. stor. ukázala ako jazyk zameraný na reprodukciu tradičnej formy a zároveň ako jazyk schopný reagovať na vznik nových tém i nových adresátov.

1.2. Akademický opis cirkevnej slovančiny: výsledky a medzery

Korpusová lingvistika. V roku 2012 bol sprístupnený cirkevnoslovanský korpus (Cerkovnoslavjanskij korpus, 2012–2026) ako jeden z historických korpusov v rámci Národného korpusu ruského jazyka (ruscorpora.ru) (Poľakov, 2012; Dobrušina, 2013). Tomuto kroku predchádzala rozsiahla prípravná práca na digitalizácii cirkevnoslovanských bohoslužobných textov, pričom značnú časť z nej vykonali nadšenci úplne bez odmeny. Celkový objem korpusu v súčasnosti predstavuje 5,3 mil. slov. Tento korpus je vhodným nástrojom na výskum cirkevnoslovanskej gramatiky, ako aj morfofonológie, akcentuácie a i. Ako však už bolo uvedené, akademická gramatika cirkevnej slovančiny dodnes neexistuje (pozri podrobnejšie nižšie).

Lexikografia. Pred revolúciou vzniklo v Rusku viacero slovníkov cirkevnoslovanského jazyka. Medzi najneskoršie a najznámejšie patria učebný slovníček protopresbytera A. I. Svirelina (Svirelin, 2009) a „Plný cirkevnoslovanský slovník“ protopresbytera G. M. Djačenka (Djačenko, 1993). V 90. rokoch 20. stor. boli v Rusku znovu vydané a do istej miery uspokojili vtedajšie praktické potreby. Nemožno ich však považovať za adekvátne a súčasné lexikografické spracovanie cirkevnoslovanského jazyka. Ukázalo sa, že je potrebný nový slovník.

Podobne ako v prípade korpusu, aj vydaniu prvého zväzku predchádzala dlhšia prípravná práca, ktorá prebiehala od roku 2008. V roku 2016 vyšiel 1. zväzok slovníka (písmená A a Б), v roku 2023 4. zväzok (písmená Ж a З) (Bol'šoj slovar', 2016–2023); 5.

zväzok bol schválený do tlače koncom roka 2024, doteraz však nevyšiel. Stabilné financovanie zo strany štátu chýba a cirkevné štruktúry tomuto projektu neposkytujú nijakú podporu.

Gramatika. Ako už bolo uvedené vyššie, gramatika cirkevnej slovančiny doposiaľ nemá akademický opis. V celku je situácia aj tu v mnohom podobná stavu v lexikografii. Existuje všeobecne známa gramatika hieromnícha (neskôr arcibiskupa) Alipija (Gamanoviča), ktorá vyšla roku 1964 v Džordanville (štát New York, USA); v roku 1991 bola v Moskve vydaná v reprografickej podobe (Gamanovič, 1991). Táto gramatika (rovnako ako od nej závislá gramatika hieromnícha Andreja (Erastova)) má výlučne učebný, nie akademický charakter. Gramatika, ktorá by opisovala jazyk dnešných bohoslužobných kníh a bola by založená na výskume príslušného korpusu textov, podľa mojich vedomostí dodnes neexistuje. Osobne by som sa rád podieľal na takomto projekte, no veci tohto druhu sa spravidla nerobia osamote.

Pravopis. Cirkevnoslovanský pravopis je pomerne zložitý. Dôvodom je, po prvé, jeho tradičný charakter, vďaka ktorému sa v abecede nachádza viacero dubletných grafém a aj varianty grafém (alogafy). Po druhé, pravopis nesie gramatickú a sčasti aj sémantickú záťaž – preto sú pre cirkevnoslovanský jazyk relevantné spôsoby opozície lexém a slovných tvarov, ktoré sú vo väčšine prípadov nemožné napríklad v ruštine alebo v slovenčine. Možno práve pre praktickú dôležitosť cirkevnoslovanského pravopisu vyzerá situácia s jeho opisom o niečo lepšie než napríklad pri opise gramatiky: v posledných rokoch vyšli publikácie venované tejto téme, a to tak akademického, ako aj praktického charakteru (Marševa, 2012; Marševa, 2013; Kraveckij, 2015b; Poľakov, 2019; a i.). Napriek tomu však, pokiaľ viem, dodnes neexistuje dostatočne úplný a dôsledný opisný výskum pravopisu súčasného cirkevnoslovanského jazyka.

Možno teda uzavrieť, že bádateľov súčasnej cirkevnej slovančiny čaká ešte veľmi veľa práce. Na takúto prácu však už existujú aj nástroje, ktoré predtým neboli k dispozícii: elektronický cirkevnoslovanský korpus a ďalšie možnosti, ktoré priniesli informačné technológie.

2. Akatisty oficiálne schválené v RPC v rokoch 2012 – 2025

Nižšie poskytneme stručný prehľad akatistovej tvorby a procesu oficiálneho schválenia nových modlitebných textov tohto žánru v RPC. Samozrejme, nové cirkevnoslovanské texty sa pišu a dostávajú cirkevné schválenie nielen v Rusku, ale aj v iných

krajinách — predovšetkým na Ukrajnĕ. Vŕak v rámci tohto oddielu sa obmedzíme na rozbor aktuálnej situácie práve v RPC.

V roku 2011 bola pri Vydavateľskej rade RPC zriadená pracovná skupina na kodifikáciu akatistov a na vypracovanie noriem akatistovej tvorby (Akafisnaja gruppa, 2023). V rokoch 2011–2012 boli v rámci práce tejto skupiny redigované prvé akatisty. Následne boli zaslané Svätému synodu RPC a odtiaľ — viacerým biskupom na posúdenie. Pripomienky zo synodu členovia skupiny spracovali; potom sa nová verzia textov opäť dostala na synod a napokon bolo 8 akatistov (jeden na počesť ikony Bohorodičky a sedem svätým) oficiálne schválených na zasadnutí synodu 25.–26. decembra 2012 (Žurnaly, 2012).

Táto práca pokračuje dodnes; k koncu januára 2026 prešlo takouto procedúrou oficiálneho schválenia 118 akatistov. (Súbežne prebieha aj posudzovanie a redigovanie bohoslužieb, tropárov, kondákov a modlitieb; táto práca sa však vykonáva v rámci liturgickej komisie, ktorá má v porovnaní s akatistovou skupinou dlhšiu históriu a vyšší status; pred zostavením akatistovej pracovnej skupiny sa redakovanie akatistov vykonávalo práve táto komisia, ktorá tiež predkladala nové texty na schválenie Synodu.)

Pozrime sa, čo predstavuje týchto 118 akatistov (zdroje: Patriarchia, 2005–2026; a Novye, 2026). Z hľadiska adresácie sa rozdeľujú takto: jeden akatist je adresovaný Spasiteľovi a jeden Krížu; Bohorodičke je adresovaných 31 akatistov; akatisty anjelom v tomto súbore textov chýbajú; svätým je adresovaných 85 akatistov (vo väčšine prípadov ide o svätcov—mužov — najmä prepodobných a svätiteľov).

Väčšina tu opisovaných akatistov bola napísaná pomerne nedávno, hoci nie nevyhnutne krátko pred ich schválením. Tak napríklad akatist na počesť ikony Bohorodičky „Vŕsecarica“, schválený medzi prvými v roku 2012, bol napísaný najneskôr roku 1995 protopresbyterom Artemijom Vladimirovom (nar. 1961); autor týchto riadkov bol prvým redaktorom tohto akatistu. Akatisty prepodobnému Simeonovi Novému Teológovi a sv. Gregorovi Palamovi napísal mních Gerasim Mikrajannanit (1904 – 1991), hymnograf Veľkej cirkvi, pripočítaný k zboru svätých; oba texty boli preložené z gréčtiny do cirkevnej slovančiny. Autorom akatistu sv. Jánovi Šanghajskému je hieromních Seraphim Rose (1934 – 1982) — tento text bol teda preložený do cirkevnej slovančiny z angličtiny. Naproti tomu napríklad akatist sv. Pavlovi Taganrogskému napísala dnes žijúca laička Jelizaveta Š. a bol predložený akatistovej skupine priamo po predbežnej redakčnej práci.

Samozrejme, týchto 118 akatistov je len menšia časť textov tohto žánru, ktoré vznikali v rôznych storočiach, v rôznych jazykoch a sú dnes dostupné v tlačenej alebo elektronickej podobe. Celkový počet akatistov podľa výpočtov kňaza Maxima Pľakina už v súčasnosti

prekročil hranicu 3100 (Přákin, 2026). Pravdepodobne najmenej polovicu z nich tvoria akatisty v cirkevnej slovančine. A významná (ak nie dokonca väčšia) časť týchto textov vznikla v 21. stor.

Akatisty majú viacúroveňnú stabilnú a zároveň relatívne flexibilnú štruktúru, čo ich robí zaujímavým a vhodným objektom skúmania tak jazyka, na ktorom sú napísané, ako aj ich poetiky; niektoré výsledky takéhoto výskumu pozri napr.: Lyudogovskij, 2015.

Záver

Cirkevná slovančina v súčasnej epoche zostáva jazykom s aktívnou textotvornou funkciou. Už samotný tento fakt vedie k predpokladu, že spolu s rozširovaním korpusu bohoslužobných textov a s nevyhnutnou zmenou jeho štruktúry sa aspoň čiastočne mení aj samotný jazykový systém: môžu sa objavovať nové lexémy, do popredia môžu vystupovať určité morfológické varianty, môžu vznikať nové ustálené spojenia a pod. Z toho vyplýva, že otázka akademického skúmania cirkevnej slovančiny je naďalej aktuálna, hoci doterajšie výsledky v tejto oblasti sú zatiaľ pomerne skromné. A nemalo by ísť iba o opis statického stavu, ale aj o výskum jazyka v jeho dynamike — vychádzajúc z faktu neustáleho vzniku nových textov (pôvodných i prekladových) a z predpokladanej transformácie jazykového systému.

Zoznam literatúry

- AKAFISTNAJA GRUPPA. 2023. [online]. 2023-07-13. *Izdatel'skij sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. [cit. 2026-01-30]. Dostupné na: <https://www.izdatsovet.ru/news/detail.php?ID=207353>
- ALIPIJ (GAMANOVIČ). 1991. *Grammatika cerkovnoslavjanskogo jazyka* [Reprint. vosproizvedenie izd. 1964 g.]. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 271 s. ISBN 5-280-02437-6.
- BOL'ŠOJ SLOVAR' cerkovnoslavjanskogo jazyka Novogo vremeni. 2016–2023. T. I–IV. Moskva. ISBN 978-5-9907385-5-3, 978-5-9909263-1-8, 978-5-9909264-3-1, 978-5-7262-3012-2.
- CERKOVNOSLAVJANSKIJ KORPUS. 2012–2026. In: *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [online]. Dostupné na: <https://ruscorpora.ru/corpus/orthlib> [cit. 2026-01-30].
- DJAČENKO, G. M. 1993. *Polnyj cerkovno-slavjanskij slovar'*. [Reprint. vosproizvedenie izd. 1900 g.]. Moskva: Izd. otdel Mos. Patr., 1158 s. ISBN 5-87301-068-4.
- DOBRUŠINA, E. R., POŁAKOV, A. E. 2013. Korpus cerkovnoslavjanskogo jazyka: vozmožnosti, metody sozdanija, perspektivy. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tichonovskogo humanitarnogo universiteta. Serija III: Filologija*. Vyp. 1 (31), s. 32–44. ISSN 1991-6485.

- KEIPERT, H. 2017. Cerkovnoslavjanskij jazyk: krug ponjatij. In: *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. Roč. 6, č. 1, s. 8–75. ISSN 2304-0785.
- KRAVECKIJ, A. G. 2015a. Cerkovnoslavjanskij jazyk XVIII–XXI vv. kak kontaktnaja zona. In: *Jazykovoj kontakt: sb. nauč. st. / Belorus. gos. un-t. Minsk: RIVŠ, 2015, s. 95–100. ISBN 978-985-500-615-7.*
- KRAVECKIJ, A. G. 2015b. Materialy diskussii ob upotreblenii propisnykh bukv v knigach cerkovnoj pečati (1876–1892). In: *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*. Č. 6, s. 149–185.
- LYUDOGOVSIIY, F. B. 2015. Struktura i poetika cerkovnoslavjanskikh akatistov / otv. red. G. K. Venediktov. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 352 s. ISBN 978-5-7576-0343-8.
- MARŠEVA, L. I. 2012. Differencirujuščij princip cerkovnoslavjanskoj orfografii. In: *Sretenskij sbornik. Naučnye trudy prepodavatelej Sretenskoj duchovnoj seminarii*. Vyp. 3. Moskva: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, s. 327–335. ISBN 978-5-7533-0705-7.
- MARŠEVA, L. I. 2013. *Orfografija cerkovnoslavjanskogo jazyka: teoretičeskij očerk. Upražnenija*. Moskva: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya. 56 s. ISBN 978-5-7533-0750-7.
- NOVYE bogoslužebnye teksty. 2026. [online]. [cit. 2026-01-30]. Dostupné na: <https://nbt.rop.ru/>
- PATRIARCHIA. 2005–2026. [online]. [cit. 2026-01-30]. Dostupné na: <https://patriarchia.ru/>
- PLJAKIN, M. E. 2026. Tekuščee. *LiveJournal. Ustavščik* [online]. 11. januára 2026 [cit. 2026-01-31]. Dostupné na: <https://ustavschik.livejournal.com/342264.html>
- POŁAKOV, A. E. 2012. Korpus cerkovnoslavjanskich tekstov. In: *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003–2013. Trudy i materialy*. Moskva: Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2012, s. 283–295. ISBN 978-5-91172-045-8.
- POŁAKOV, A. E. 2019. Orfografija Ostrožskoj Biblii v kontekste cerkovnoslavjanskogo korpusa. In: *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*. № 3 (21), s. 83–100. DOI 10.31912/pvrli-2019.3.4.
- SVIRELIN, A. I. 2009. *Kratkij cerkovnoslavjanskij slovar'*. 5-e izd., ispr. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarchii, 176 s. ISBN 978-5-7429-0431-4.
- ŽURNALY zasedaniya Svjaščennogo Sinoda ot 25–26 dekabrya 2012 goda. [online]. 2012-12-26. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' (oficial'nyj sajt)*. [cit. 2026-01-30]. Dostupné na: <https://new.patriarchia.ru/article/96818>.

Fedor Borisovič Lyudogovskiy
 kandidát filologických vied
 Candidate of Philological Sciences
 Nezávislý výskumník
 Independent researcher
 E-mail: ludenhof@gmail.com
 ORCID: 0000-0001-6405-8744

“ПАЛЯНИЦЯ” ЯК ІНСТРУМЕНТ ІДЕНТИФІКАЦІЇ ТА СПРОТИВУ В УКРАЇНСЬКИХ ВОЄННИХ МЕМАХ

Ольга Дьолог

Слов'янський інститут Академії наук Чеської Республіки
Прага, Чеська Республіка

Анотація: У статті досліджується функціонування лексеми *паляниця* в сучасному українському інтернет-меметичному дискурсі як мовного маркера національної ідентифікації та символу колективного спротиву в період повномасштабної війни російської федерації проти України. Аналіз базується на матеріалі поширених у соціальних мережах та на телеграм-каналах мемів, які поєднують вербальні та візуальні компоненти і виконують комунікативні, емоційні та соціально-оцінні функції. Простежено фонетичні та артикуляційні особливості лексеми *паляниця*, що ускладнюють її вимову для носіїв російської мови, ідентифікуються як маркер «свій / чужий» і сприяють закріпленню слова як символу мовної та культурної приналежності. Показано, що меми з цією лексемою демонструють значну візуальну різноманітність, включаючи кадри з популярних мультфільмів, художніх фільмів, зображення конкретних людей та узагальнені людські образи, зображення тварин і зображення самої паляниці. Зазначено, що відносна структурна стабільність текстового компонента у поєднанні з адаптивними візуальними образами забезпечує впізнаваність таких мемів і їхню комунікативну ефективність. Дослідження також виявило тематичні групи мемів, що обігрують фонетичні помилки при вимові лексеми *паляниця* носіями інших мов, сплутування лексеми *паляниця* з іншими схожими за звучанням словами. Результати дослідження демонструють, що сучасні українські меми з лексемою *паляниця* в текстовій частині функціонують не лише як розважальний контент, але і як інструмент національної ідентифікації, психологічної підтримки, консолідації та символічного спротиву.

Ключові слова: українські воєнні меми, паляниця, візуальний компонент мемів, вербальний компонент мемів, мовна ідентичність, національна ідентифікація, цифровий контент.

“PALIANYTSIA” AS A TOOL OF IDENTIFICATION AND RESISTANCE IN UKRAINIAN WARTIME MEMES

Abstract: The article examines the functioning of the lexeme *palyanytsya* in contemporary Ukrainian internet meme discourse as a linguistic marker of national identification and a symbol of collective resistance during the full-scale war of the Russian Federation against Ukraine. The analysis is based on meme material circulated on social media platforms and Telegram channels, which combine verbal and visual components and perform communicative, emotional, and socio-evaluative functions. The study traces the phonetic and articulatory features of the lexeme *palyanytsya*, which complicate its pronunciation for Russian speakers, are identified as a “us / them” marker, and contribute to the establishment

of the word as a symbol of linguistic and cultural belonging. It is shown that memes featuring this lexeme demonstrate significant visual diversity, including frames from popular animated and feature films, images of specific individuals and generalized human figures, depictions of animals, and representations of the *palyanytsya* itself. The relative structural stability of the textual component, combined with adaptive visual imagery, ensures the recognizability of such memes and their communicative effectiveness. The study also identifies thematic groups of memes that play on phonetic errors made by non-Ukrainian speakers when pronouncing *palyanytsya*, as well as on confusion of the lexeme with other phonetically similar words. The results demonstrate that contemporary Ukrainian memes featuring the lexeme *palyanytsya* function not only as entertainment content but also as tools for national identification, psychological support, community consolidation, and symbolic resistance.

Keywords: Ukrainian war memes, *palyanytsya*, visual component of memes, verbal component of memes, linguistic identity, national identification, digital content.

Сучасне суспільство функціонує в умовах інтенсивного інформаційного перевантаження, що характеризується постійним зростанням обсягу доступних даних та повідомлень. З розвитком інтернет-технологій відбулись суттєві трансформації комунікативних практик. Обмеженість часу реципієнта та великий обсяг нової інформації зумовлюють потребу в максимально лаконічних формах подання змісту.

У цьому контексті особливої актуальності набувають меми як різновид мультимодальних візуально-вербальних повідомлень, здатних у стислій формі транслювати емоційні, оцінні та ідеологічні смисли (Булах, 2019, s. 104). Будучи певним культурно-комунікативним феноменом, мем функціонує як універсальний інструмент взаємодії в сучасному цифровому середовищі, поєднуючи розважальну, соціально-критичну та інтерпретаційну функції (Blackmore, 2000, s.36). Водночас меми виступають індикаторами суспільних настроїв, репрезентують політичні наративи та відображають процеси сучасної культурної рефлексії.

Кількість мемів, що з'являються в інтернет-просторі, є нерівномірною та значною мірою залежить від соціального контексту. Події, які охоплюють широку аудиторію й викликають сильний емоційний відгук, стимулюють різке зростання мемотворчої активності.

Відповідно до цього, у період кризових ситуацій мемотворчість помітно активізується як форма швидкої суспільної реакції на стресові події (Почепцов). Мем у цьому випадку слугує засобом осмислення травматичного досвіду, дозволяючи трансформувати страх і напруження в іронію та гумор. Таким чином, мемотворчість стає важливим інструментом психологічної адаптації та символічного спротиву.

Повномасштабна фаза війни російської федерації проти України актуалізувала питання мовної та культурної ідентифікації як ключових чинників національного спротиву. У цьому контексті цифровий простір, зокрема соціальні мережі, став важливим майданчиком для формування та поширення нових форм символічної боротьби. Однією з таких форм є воєнні меми – поліфункціональні одиниці цифрової комунікації, що поєднують гумор, іронію, емоційне напруження та ідеологічне навантаження (Смола, 2019, s. 92).

У період воєнного протистояння закономірно актуалізується гостра потреба в чіткому розмежуванні дихотомії «свій / чужий» як базового механізму соціальної та культурної ідентифікації. За таких умов суспільство формує та актуалізує специфічні маркери-орієнтири, які виконують функцію символічних індикаторів належності до «свого» колективу. Для українців у контексті російсько-української війни одним із таких маркерів стала паляниця – мовно-культурний символ, що поєднує лінгвістичний, ідентифікаційний та семіотичний виміри. Особливе символічне значення паляниці в українській культурі та її зв'язок із національною ідентичністю засвідчується також низкою культурних і меморіальних практик мирного й воєнного часу. Так, у серпні 2013 року АТ «Укрпошта» здійснило випуск поштового блоку з п'яти марок, присвячених традиційному українському хлібу, на одній із яких було зображено паляницю. У період повномасштабної війни символічний потенціал паляниці суттєво актуалізувався та набув нових смислових акцентів, що, зокрема, виявилось у встановленні в листопаді 2022 року в місті Києві мініскульптури паляниці як знака національної самоідентифікації та культурного спротиву.

Наявність поняття *паляниця* як певного символічного маркера в українському дискурсі періоду війни спричинило також те, що особливе місце в сучасних українських мемах посіла лексема *паляниця*. Її функціонування в мемному дискурсі виходить за межі номінативного значення й актуалізує символічну роль мови як інструменту національної ідентифікації. Використання цієї лексеми в гумористичному форматі мемів водночас підкреслює мовну компетентність як ознаку належності до української спільноти та сприяє консолідації колективної ідентичності в умовах воєнного протистояння.

Метою даного дослідження є аналіз функціонування лексеми *паляниця* в сучасному українському інтернет-меметичному дискурсі, визначення її ролі як мовного маркера ідентифікації та символу національної солідарності.

Актуальність дослідження зумовлена тим, що в сучасному суспільстві, яке функціонує в умовах інформаційного перевантаження та цифрової комунікації, меми набувають особливої соціокультурної значущості як засіб швидкої трансляції емоційних, оцінних та ідеологічних смислів. Особливої актуальності ця проблема набуває в умовах кризових ситуацій. Аналіз мемів із лексемою *паляниця* дозволить виявити механізми формування мовних маркерів ідентичності та способи інтеграції гумору в політичну й культурну комунікацію в умовах війни.

Наукова новизна дослідження полягає в комплексному аналізі мемів із лексемою *паляниця* як мультимодальних візуально-вербальних одиниць.

Матеріалом даного дослідження слугували інтернет-меми, що активно поширювалися в українських соціальних мережах і на телеграм-каналах від початку повномасштабної фази війни 24 лютого 2022 року до сьогодні. Аналіз охоплює візуально-вербальні одиниці цифрової комунікації, які функціонують у межах сучасного українського інтернет-дискурсу і використовують лексему *паляниця*.

Паляницею в Україні називають «хлібину переважно з пшеничного борошна, певним чином замішаного» (Словник української мови online), «різновид українського хліба, плескату хлібину переважно з пшеничного борошна, на якій робиться горизонтальний надріз тіста перед випіканням, який утворює скоринку-козир зверху хлібини» (Вікіпедія-Паляниця).

Складність фонетичної реалізації лексеми *паляниця* для носіїв російської мови зумовила перетворення цього слова на своєрідний лінгвістичний тест, що вийшов за межі практичного вжитку та став потужним символом національного спротиву.

Очевидно, що фонетична маркованість лексеми *паляниця* зумовлена, зокрема, артикуляційними особливостями українських приголосних у певних позиціях, які не мають повних відповідників у російській мові або реалізуються інакше. Український звук [н] у позиції перед голосним [и] вимовляється як твердий носовий передньоязиковий, тоді як у російській мові в аналогічній позиції замість [и] частіше буде вживатися звук [і], котрий пом'якшить попередній [н]. Ще більш показовою є відмінність в артикуляції українського передньоязикового глухого афrikативного [ц] і відповідного російського. На відміну від російського звуку, який реалізується виключно як твердий, український може мати і тверду, і м'яку артикуляцію. У слові *паляниця* ужито м'який варіант фонему [ц], артикуляція якої є нетиповою для носіїв російської мови. Сукупність зазначених фонетичних відмінностей зумовлює труднощі нормативної вимови лексеми *паляниця* представниками російськомовного середовища,

що, у свою чергу, зумовило її переосмислення поза суто лінгвістичним рівнем. У результаті це сприяло закріпленню слова як ефективного мовного індикатора приналежності в українському воєнному мемному дискурсі. Отже, у сучасному українському інтернет-просторі лексема *паляниця* функціонує не лише як жартівливий елемент, але і як інструмент самоідентифікації та колективної солідарності.

Від початку повномасштабної фази російсько-української війни меми з використанням лексеми *паляниця* набули особливої популярності, де ця лексема із побутової трансформувалася в потужний соціокультурний маркер. У сучасному українському інтернет-просторі лексема *паляниця* функціонує не лише як жартівливий елемент, але і як інструмент самоідентифікації та колективної солідарності, виконуючи водночас роль символічного пароля, що окреслює межу між «своїми» та «чужими». Її використання в мемному дискурсі актуалізує мовну компетенцію як ознаку національної належності, посилює відчуття спільного досвіду та сприяє консолідації спільноти в умовах воєнної загрози, демонструючи здатність гумору виконувати компенсаторну і мобілізаційну функції в кризових ситуаціях.

Меми з лексемою *паляниця* вирізняються значною візуальною різноманітністю, що зумовлює їхню адаптивність до різних комунікативних контекстів сучасного інтернет-простору.

Важливим чинником популярності мемів є не лише їхня тематична наповненість, але й використання впізнаваного візуального ряду (Чернікова, 2015, s. 151). Апеляція до добре відомих персонажів, сюжетів або образів масової культури істотно полегшує процес декодування повідомлення та посилює емоційних відгук аудиторії. Такий візуальний код функціонує як інтертекстуальний маркер, що активує спільні культурні знання реципієнтів і забезпечує швидке залучення користувачів до комунікативної взаємодії (Смола, 2019, s. 92). Відповідно, у мемах із використанням лексеми *паляниця* також активно залучаються популярні й впізнавані візуальні образи, що підвищує їхню медійну привабливість та сприяє інтенсивному поширенню в цифровому середовищі.

Отже, як візуальна основа таких мемів використовуються кадри з відомих мультфільмів (наприклад, рис. 1), популярних художніх фільмів (наприклад, рис. 2), а також добре впізнавані масові культурні образи (наприклад, рис. 3), що сприяє швидкому зчитуванню змісту та емоційного посилю. Апеляція до загальновідомих візуальних кодів дозволяє мемам ефективно інтегруватися в ширший медіадискурс і підсилює їхній інтертекстуальний потенціал.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Окрему групу становлять меми, у яких центральним візуальним елементом є зображення тварин. Такі тварини можуть бути різних видів і репрезентовані в різноманітних візуальних формах – від реалістичних фотографій до стилізованих або антропоморфізованих образів. Показовим у цій ситуації прикладом є образ кота-воїна (рис. 4), зображеного в українській військовій формі, який поєднує гумористичний ефект із символічною репрезентацією спротиву. Використання образів тварин у

подібних мемах сприяє емоційному залученню реципієнтів, водночас дозволяючи транслювати серйозні смисли в іронічній формі.

Рис. 4.

Особливе місце серед мемів з лексемою *паляниця* посідають меми із зображенням людей. У таких мемах антропоморфний компонент виконує ключову семантичну та прагматичну функцію. Найчастіше візуально репрезентованими постатями є українські воїни (наприклад, рис. 5). Їхнє зображення актуалізує національно-ідентифікаційний та символічний потенціал лексеми, посилюючи ідеологічне й емоційне навантаження мемів. При цьому такий візуальний компонент дозволяє поєднати гумор із патріотичним змістом. Образ українського військового, доповнений мовним маркером *паляниця*, актуалізує тему захисту національної ідентичності та підкреслює роль мови як інструменту спротиву.

Рис. 5.

Лінгвістичний контекст зазначених мемів зумовив появу мему із зображенням відомого українського мовознавця, популяризатора української мови, доцента Київського університету імені Б. Грінченка Олександра Авраменка (рис. 6). Досліджений емпіричний матеріал засвідчує наявність лише одного такого мему. Водночас, попри поодинокість фіксації, цей мем набув значної популярності в

українському інтернет-просторі, що свідчить про високий рівень його комунікативної ефективності та резонансності серед реципієнтів.

Рис. 6.

Попри візуальну багатоманітність, текстовий компонент досліджуваних мемів залишається здебільшого уніфікованим і репрезентованим формулою «скажи „паляниця“». Саме ця повторюваність вербального елемента забезпечує впізнаваність мемів і закріплює їхню популярність. Поєднання стабільного тексту із змінними візуальними образами формує цілісну модель, у якій простота структури сприяє швидкому тиражуванню, а стислість мовної формули – консолідації символічного простору.

Фонетична складність правильної вимови іноземцями лексеми *паляниця* також стала чинником виникнення окремої групи мемів. У таких текстово-візуальних утвореннях обігруються типові артикуляційні та акцентуаційні помилки неукраїнців (наприклад, рис. 7).

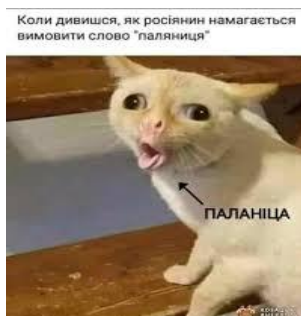

Рис. 7.

Ці меми актуалізують функцію мовного маркера «свій / чужий», підкреслюючи ідентифікаційний потенціал слова. Водночас гумористичне моделювання помилкової вимови виконує прагматичну та соціально-оцінну функції в українському інтернет-дискурсі.

В українському меметичному дискурсі поширеним є жартівливе встановлення інтертекстуальних паралелей за моделлю «паляниця – популярний борошняний виріб іншої країни» (наприклад, рис. 8). Такі зіставлення ґрунтуються на механізмах

семантичної аналогізації та культурної опозиції. Подібні мему реалізують комічний потенціал через зіткнення національно маркованих гастрономічних концептів. Висока частотність їхнього використання засвідчує значну популярність цього типу мемів серед користувачів українського інтернет-простору.

Рис. 8.

Фонетична близькість українських лексем *паляниця* та *полуниця* часто призводила до їх сплутування в мовленні російських громадян. Основною причиною такого змішування є незнання української мови та відсутність сформованих навичок розрізнення її фонетичних і лексичних особливостей. Зазначене явище було активно репрезентоване в українських мемах як джерело комічного ефекту та осмислювалось як маркер мовної некомпетентності (наприклад, рис. 9).

Рис. 9.

У більшості випадків такі мему поєднують візуальне зображення полуниці з текстовим компонентом «паляниця». Подібна невідповідність між зображеним об'єктом і його номінацією формує ефект семантичного дисонансу. Для носіїв української мови, які чітко розрізняють ці лексеми, цього контексту достатньо для виникнення комічного ефекту. Таким чином, гумор ґрунтується на спільному мовному знанні адресатів і актуалізує їхню мовно-культурну компетентність.

Варто зазначити, що на відміну від російської мови, в українській мові наявна значна кількість лексем із м'яким приголосним [ц']. Як уже зазначалося, ця фонетична особливість ускладнює їх артикуляцію для російськомовних осіб. У зв'язку з цим до групи мемів з лексемою *паляниця* часто залучаються інші українські слова з подібною фонетичною особливістю, зокрема *залізниця*, *крамниця*, *Укрзалізниця*, *нісенітниця*, *шибениця*, *працівниця*, *учениця* тощо. Використання таких лексем створює подібний артикуляційний ефект і розширює комунікативний та ідентифікаційний потенціал мемів.

У меметичному дискурсі окремі меми можуть об'єднуватися в тематично та структурно споріднені групи. Подібна група простежується й серед мемів із лексемою *паляниця*. Для них характерна спільна вербальна модель із запитальною конструкцією «Яка ти паляниця?», що передбачає наявність відповіді. Варіативні відповіді на кшталт *справжня* (рис. 10), *домашня*, *волонтерочка*, *надломлена* тощо виконують ідентифікаційну та оцінну функції. Крім того, ці меми демонструють уніфікований візуальний компонент – зображення паляниці, що посилює семантичну узгодженість групи та сприяє впізнаваності меметичної серії серед користувачів інтернет-простору.

Рис. 10.

Отже, проведене дослідження засвідчило, що меми як специфічна форма цифрової комунікації виконують багатофункціональні ролі: вони передають емоційні, оцінні та ідеологічні смисли у стислій формі, сприяють швидкому залученню користувачів і відображають суспільні настрої. Інтернет-меми, що містять лексему *паляниця*, у контексті повномасштабної фази війни російської федерації проти України

набули статусу потужного мовного маркера національної ідентифікації та символу колективного спротиву.

Фонетична складність вимови лексеми *паляниця* для носіїв російської мови перетворила слово на індикатор належності до української спільноти за принципом «свій / чужий». Аналіз мемів засвідчив, що артикуляційні особливості українських приголосних (а особливо м'якого глухого [ц']) сприяють закріпленню слова як маркера ідентичності та підсилюють його символічну значущість у цифровому просторі.

Синтез текстового («Скажи „паляниця“», «Яка ти паляниця?») та візуального (кадри з популярних мультфільмів, художніх фільмів, зображення тварин і людей, безпосереднє зображення особливого українського хліба – паляниці тощо) компонентів забезпечує швидке декодування змісту, підсилює емоційний ефект і сприяє колективної ідентичності.

Також дослідження показало наявність тематичних груп мемів із уніфікованою вербальною моделлю та стабільним візуальним компонентом, що сприяє їх впізнаваності та ефективному поширенню.

Таким чином, сучасні українські меми з лексемою *паляниця* виконують одночасно розважальну, ідентифікаційну, психологічну та мобілізаційну функції. Такі меми слугують засобом символічного спротиву, консолідації спільноти та психологічної підтримки в умовах воєнного протистояння, демонструючи ефективність гумору як інструменту комунікації, соціальної солідарності та національної самоідентифікації.

Література

- BLACKMORE, S. 2000. *The Meme Machine*. Oxford: Oxford University Press, 288 s. ISBN 0191574619, 9780191574610.
- BRODIE, R. 2009. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House UK Ltd, 223 s. ISBN 0-9636001-2-5.
- Wikipedia-паляниця. [online]. [cit. 15.01.2026]. Dostupné na: <https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8F>.
- БЕЛЕЙ, Л. *Культуровіруси*. [online]. [cit. 18.01.2026]. Dostupné na: <https://uacrisis.org/uk/kulturovirusy>.
- БУЛАХ, М. 2019. Аспектологія досліджень мемів. In: *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету*. 39 (3), s. 104–107. ISSN 2409-1154
- ПОДА, Т. А. 2017. Інтернет-меми як феномен інформаційного суспільства. In: *Вісник НАУ. Серія: Філософія. Культурологія*. 1 (25), s. 117–120.

- ПОЧЕПЦОВ, Г. *Меметична війна, або В пошуках «арифметики» розуму*. [online]. [cit. 15.01.2026]. Dostupné na: <https://ms.detector.media/mediaanalitika/post/20271/2017-12-24-memetycheskaya-voyna-uly-vpoyskakh-aryfmetryky-razuma>.
- Словник української мови online. [online]. [cit. 16.01.2026]. Dostupné na: <https://sum20ua.com/?page=2188&searchWord=%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8F&wordid=69346>.
- СМОЛА, Л. 2019. Мем як інструмент інформаційної війни. In: *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Психологія»*. 1(10), s. 91–95. ISSN 2518-1378.
- ЧЕМЕРКІН, С. 2015. Інтернет-мем – що це? In: *Культура слова*. 82, s. 113–116. ISSN 0201-419.
- ЧЕРНІКОВА, О. І. 2015. Вербальний, невербальний та комплексний мем: класифікація за способом подання та сприйняття інформації в Інтернет-середовищі (на матеріалі іншомовних кіномемів). In: *Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія: Філологія*. 18 (1), s. 151–156. ISSN 2311-0821.

Дьолог Ольга Станіславівна

Doc, Ph.D.

Слов'янський інститут Академії наук Чеської Республіки
Institut of Slavonic Studies of the Czech Academy of Sciences

E-mail: Olha.doloh@slu.cas.cz

ORCID ID: 0000-0002-9305-2453

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВТОРОВ В СЛОВАЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Олег Владимирович Тищенко

кафедра русистики, философский факультет
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Трнава, Словакия

Ольга Вячеславовна Тер-Аванесова

кафедра русистики, философский факультет
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Трнава, Словакия

Аннотация: Предложенная статья осуществлена в парадигме сопоставительной лингвофольклористики и реконструкции этнокультурных и ценностных смыслов в символическом языке славянской народной культуры. Материалом для исследования послужили корпуса текстов словацкого, русского и украинского песенного фольклора, в частности, многотомное академическое издание словацких песен «Slovenské spevy» под редакцией Л. Галко (Galko 1958–1960), антологии русской обрядовой поэзии под редакцией К. В. Чистова (Чистов 1984), а также классические собрания украинских народных песен в записях и обработке А. А. Потебни и др. Особое внимание обращено на этносимволику и национально-культурную специфику разных синтаксических и лексических повторов, их функцию и типологию.

Ключевые слова: лексический повтор, синтаксический повтор, песенный фольклор.

STYLISTIC AND ETHNOCULTURAL FEATURES OF REPETITION IN SLOVAK, RUSSIAN, AND UKRAINIAN SONG FOLKLORE

Abstract: The proposed article is written within the paradigm of comparative linguistics and folklore studies and the reconstruction of ethnocultural and value meanings in the symbolic language of Slavic folk culture. The material for the study was provided by representative corpora of Slovak, Russian and Ukrainian song folklore. The source base was based on the multi-volume academic edition of Slovak songs ‘Slovenské spevy’ edited by L. Galko (Galko 1958–1960), an anthology of Russian ritual poetry edited by K. V. Chistov (Chistov 1984), as well as classic collections of Ukrainian folk songs recorded and edited by A. A. Potebnya (Potebnya 1988). Particular attention is paid to the ethno-symbolism and national-cultural specificity of various syntactic and lexical repetitions, their function and types (complete, partial, associative-synonymic, word-forming, anaphoric), as well as their role in ritual texts.

Keywords: lexical repetition, syntactic repetition, song folklore.

Введение

Сопоставительное изучение русского, украинского и словацкого языков в аспекте лингвофольклористики позволяет выявить как общеславянские универсалии и «культурные константы» (Ю.С. Степанов), так и специфические этнолингвистические свойства повторов. Несмотря на генетическое родство, способы реализации интенсификации смыслов через повтор в этих языках демонстрируют различия, обусловленные грамматическим строем и стилистическими традициями языков.

По словам Н. С. Валгиной, «лексический повтор в художественном и публицистическом текстах способствует выделению логически важных звеньев, подчеркивая динамику или, напротив, статичность описываемой ситуации» (Валгина, 2003, с. 84). Как отмечает В. П. Аникин, «изучение поэтики фольклора невозможно без учета его жанровой специфики и традиционных изобразительно-выразительных средств, среди которых повтор занимает центральное место» (Аникин, 1987, с. 112).

С формальной точки зрения исследуются дистантные и контактные повторы, а также различные виды лексико-синтаксических плеоназмов. С функциональной точки зрения – повторы-интенсификаторы, повторы-связки и повторы-характеризации (оценочные приложения). В работах Н. И. Толстого подчеркивается, что лексическая редупликация – это «„ритмический вздох“ народной души, отражающий цикличность аграрного календаря и бытия» (Толстой, 2003, с. 92).

Цели и задачи статьи

В статье основное внимание уделяется тому, как идентичные или вариативные повторы в русском, украинском и словацком песенном фольклоре трансформируют семантику фольклорного слова. Необходимо выяснить, как при помощи удвоенных конструкций происходит сближение слов с этимологически общими корнями, возникает игра слов, основанная на полисемии.

Отдельного внимания заслуживает явление слогового сингармонизма, отраженное в фонетических повторах, главным образом в припевах и рефренах.

Задачи исследования направлены на выявление соотношения смысла и звукообраза (звукосимволизм ассоциативно-синонимических и других типов повторов в различных по тематике и жанру обрядовых текстах, ср., например, анафорические словообразовательные удвоения).

Следует подчеркнуть, что привлечение обширного корпуса фольклорных источников позволяет рассмотреть повторы в тесной связи с обрядовой функцией предметов и реалий.

Как отмечает в этой связи С. М. Толстая, «смысловое единство текста обеспечивается и его структурой (композицией, повторами, конфигурацией мотивов, перекличкой с другими текстами и т. д.), и в первую очередь его функцией, его коммуникативной задачей, характером его отправителя (автора) и получателя, временем, местом, манерой и прочими условиями исполнения – всем тем, что по аналогии с языковой (речевой) прагматикой можно назвать прагматикой культурного текста» (Толстая, 2006, с. 8).

Полные редупликаты в фольклорных текстах

Прежде всего остановимся на полных лексических редупликатах в различных по тематике и прагматике фольклорных песнях в сопоставительном аспекте. В традиционной фольклористике обращается внимание на славянские по происхождению повторы-фольклоремы (*ладо-ладо, лель-полеель* и под.), которые подробно рассмотрены в работах А. А. Потебни. В частности, А. А. Потебня указывает на их мифологическое значение в древних славянских текстах. В дохристианских верованиях это боги верности, брака, согласия, мира и любви; в украинских свадебных песнях форма *ладо* употребляется по отношению к молодым; в веснянках известен припев: «*Ой, дід-ладо виорем*» (Жайворонок, 2006, с. 326–327). Ср.: «*Ой Ладо, Ладо, богине!*».

Украинский фольклорист Г. С. Илькевич упоминает о свадебном ритуале обмывания молодых, который сопровождался припевом: «*Ой, Ладо, Ладо, ой Дана, Дана, ідемо до пана, до пана Водана, щоби нас очистив і нас благословив*» (Илькевич, 2003, с. 6).

Такие фигуры часто используются в составе ассонансов, сравнений, противопоставлений и параллелизмов. Ср. укр.: «*Гей, ясно ясно сонечко сходить та й хмарненько заходить / Ой смутний, смутний чумацький отаман та поміж возами ходить*» (Потебня, 1988, с. 203).

К специфическим повторам также относят фонетическую анафору (повторение звуков или звукосочетаний), близкую к ассонансу по своей ритмической организации. Таковы, например, сравнительные конструкции в украинском контексте: «*Кавалірська краса, як на свині роса*» (*краса-роса*) (Маковей, 1981, с. 17).

К рассматриваемым типам редупликации отнесем также словоформы, отражающие градацию признака в сравнительной степени прилагательных (укр.): «*два лебеді обидва біленькі, один білий, а другий біліший, а другий вірніший*» (Потебня, 1988, с. 62). В русской календарно-обрядовой поэзии наблюдаются различные оттенки проявления признака: «*море синее, полусинее*» (Чистов, 1984, с. 36).

Словообразовательные повторы и повторы-биномы в фольклорном тексте

Это наиболее распространенный тип фольклорных удвоений. Приведенные далее иллюстрации из народных песен и баллад выражают переживания, эмоциональные, психические и ментальные состояния героев. Многие из таких повторов представлены в социально-бытовых песнях, соотнесенных с концептами разлуки, сиротства, измены и супружеской неверности. Ключевым для украинской лирики является универсальный бином *щастя-доля*. Он часто выступает в конструкциях с отрицанием для усиления признака: «*ні щастя, ні долі*» (в казацких и рекрутских песнях).

Персонифицированный антропоморфный образ Доли в народных песнях подробно описан в работе А. А. Потебни «О Доле и сродных с нею существах» (Потебня, 2007). Мотивы Доли обнаруживаются в чумацких, бурлацких, рекрутских и любовных песнях, часто в сопряжении с повторяющимися начальными и конечными фразами, где внешняя красота противопоставлена злой судьбе: «А дала йому білєс личко ще й чорнії брови, ще й чорнії брови... – Та було б тобі, моя мати, сих брів не давати, сих брів не давати. Та було б тобі, моя мати, *щастя-долю* дати» (Потебня, 1988, с. 212). Ср. также: «Де ти, *доле*, була, що мене забула? Що мене забула. Чи ти в лісі заблудилась? Чи ти в полі опізнилась» (Потебня, 1988, с. 58).

Образ поиска судьбы за морем также реализуется через редупликацию: «Скажи мені, старий діду, де шукати долі, – Гей, а чи в Січі, чи в Самарі, Чи в чистому полі?.. Гей, *виринає твоя доля, виринає твоя доля* по тім боці моря» (Потебня, 1988, с. 193). В словацких текстах аналогично представлены мотивы тяжелой жизни и бедности: «*chudobná ma mati mala, horko-tažko vychovala*» (Galko, 1958, sv. 6, s. 208).

Повтор глаголов, обозначающих чувства, несчастливую любовь или измену, часто воплощает символический мотив в акциональной паре *зсушити-зв'ялити*. Данная пара характерна для украинских баллад и лирических песен: «Та ще й гірше невірна дружина: / Вона ж мене *зсушила, зв'ялила*, / Вона мене з білих ніг звалила; / *Ізсушили, ізв'ялили* дівку чорні брови» (Потебня, 1988, с. 65).

Повторяющиеся имена существительные, как правило, являются оценочно маркированными, выступая в роли приложений в частичных редупликантах. Рассмотрим их на избранных примерах в сочетании с другими изобразительными средствами.

В украинских шутильвых и рекрутских песнях находим: «Ой *хлопчики-плеканчики*, де ж ви ся плекали, що вас таких молоденьких до війська забрали, / Ой

хлопчики-плеканчики, ой хлопчики-дульці, погинете на війноньці, як табака з люльці» (Маковей, 1981, с. 84). Эмоциональный накал и экспрессия данного фрагмента актуализируются при помощи народного сравнения. В социально-бытовых песнях встречаются однокоренные оценочные номинации в обращении казака к возлюбленной: *«Дівчино-ізраднице моя, ізрадила мене, молодого, утратив я коня вороного»* (Потебня, 1988, с. 186).

Рассматриваемые удвоенные фольклоремы широко представлены в заклинательной поэзии (обращения детей к силам природы): *«дощичку-поливайчику поливай, поливай»* (Потебня, 1988, с. 41). Целый ряд подобных определений в сочетании с хрононимом *Масленица* обнаруживается в русской календарно-обрядовой поэзии: *«Эх, масленица-непогасница!»* (Чистов, 1984, с. 97); *«Масленица-кривошейка, / Покатай нас хорошенько! / Ай люли, хорошенько»* (Чистов, 1984, с. 99).

Сходными оказываются названия украинских песен с частичным ассоциативно-синонимическим повтором; ср. укр.: *«калина-малина під яром стояла»*, рус.: *«Огни горят калиновые, калиновы, малиновы!»* (Чистов, 1984, с. 42); *«Пал, пал перстень в калину-малину, в черную смородину»* (Чистов, 1984, с. 59).

В русских и украинских текстах (календарные обряды, обрядовые игры, веснянки) типологически общим топосом выступают повторы со значением белого цвета, например: *«Ой через воду на слободу, де Катерина біль білила, а біль білила, шиття шила»* (Потебня, 1988, с. 31). Причем в русском фольклоре представлено сразу несколько таких глагольных повторов со значением цвета: *«Не от листу зеленого только чернь чернеется, только бель белеется, только синь синеется, только крась красеется»* (Жекулина – Розова, 1989, с. 497).

Типичной фигурой является и повтор однокоренных слов, принадлежащих к соотносительным деривационным парам «глагол – существительное». Приведем пример из украинских песен: *«Станьте, не лежіте, город городіте, город городіте і красоньку сійте»* (Маковей, 1981, с. 17). В следующем фрагменте происходит своеобразная аттракция и нанизывание нескольких форм в рамках одной парадигмы: *«Очі-м собі придивила, з придива, з придива, нема мого миленького, нема ж там без дива»* (Маковей, 1981, с. 83).

Календарно-обрядовые мотивы представлены и в таком контексте: *«Та малая нічка на. Де купалочка ночувала? Ой купалочка скупалася»* (Потебня, 1988, с. 38). Здесь обнаруживается народно-этимологическое сближение слов, связанное с древними

магическими представлениями о том, что «на Ивана Купала солнце купается» (Толстой – Толстая, 2008, с. 228).

Повторы данного типа могут возникать вследствие игры слов или обыгрывания многозначных глаголов в шутливых темах, например, в украинских *коломыйках*: «Я вислужу свої літа та й *верну* борзенько, дали мене за жовняра, та я ще ся *верну*, ще я своїй файній любці *головку заверну*» (Маковей, 1981, с. 79–80).

Итеративные глаголы со значением интенсивности повторяющегося и длительного процессуального признака также являются довольно продуктивными: «*ходила-блудила, білим світом нудила*» (Потебня, 1988, с. 153). Эмоциональные возгласы и междометия часто организованы по принципу единоначалия: «Ой встань, жовняроньку, ой встань, молоденький, *ходить, блудить* по діброві кінь твій вороненький» (Маковей, 1981, с. 84–85).

В русских обрядовых песнях находим: «А мы *ходим-походим*, виноградчики... А мы *ищем-поищем* господинов двор...» (Чистов, 1984, с. 39). В подблюдных песнях во время гаданий о замужестве читаем: «Кому мы поём, тому добро будёт, *тому сбудется и не минется*» (Чистов, 1984, с. 61). К этой же группе итеративов относятся устойчивые фольклорные формулы типа «*думала-гадала* семерых угостить...» (Чистов, 1984, с. 96) и ряд подобных.

Кроме одноморфемных повторов, в русских календарных обрядах представлены и сложные колоративные прилагательные: «Да она *шила-вышивала* тонко *бело* полотно, / Да тонко *бело* полотно да *белобархатно*» (Чистов, 1984, с. 44).

В деривационных повторах и этимологических сближениях наблюдается нанизывание однокоренных слов: «мати *родима* – нащо мене *вродила*» (сближение лексем в рамках одного гнезда). Сходные модели характерны для русских овсeneвых песен, исполняемых на зимние Святки: «А уехал-то Гордей во Казань-город. *Суды судить суженые, ряды рядить ряженые*» (Чистов, 1984, с. 42).

Сходные стилистические фигуры обнаруживаются в словацком песенном фольклоре и народных балладах, где наиболее продуктивны антитетичные удвоенные конструкции: «*Hore-dolu zajdem, frajera si najdem...*» (Galko, 1958, sv. 2, s. 471); «А ten Janík *hore-dolu...*». Редупликация глагола часто маркирует эмоциональный призыв: «*Neplač, neplač, nenariekaj, ved' ty budeš má, keď kukučka na Tri krále tri ráz zakuká*» (Galko, 1958, sv. 2, s. 50).

В данном контексте дополнительная символическая коннотация связана с образом кукушки, которая не поет на Крещение («Tri krále»).

Аналогично в словацком любовном фольклоре представлены одноморфемные повторы, связанные с мотивами родительского запрета и судьбы девушки: «Ej, *rodičia, prerodičia*, Ej, *rodičia, prerodičia*, *čo mi tak bránite, čo mi tak bránite ej, bránite?*» (Galko, 1958, sv. 2, s. 280). В данном примере редупликация усиливается междометными возгласами и риторическими восклицаниями. Особый интерес представляют ритмические повторы префиксального типа, сочетающиеся с перекличками созвучных слогов в препозиции к глаголу или внутри словоформы: «Ak sa ty chceš *vydati, -dati*, musíš ešte *nariasti, -riasti*» (Galko, 1958, sv. 2, s. 233); «Ach, *bože, prebože, čo ro-, čo ro-, čo robic mám?*» (Galko, 1958, sv. 2, s. 416).

Кроме того, в словацких народных балладах активно используется троекратный повтор действий, типичный для сказочного нарратива: «Prvý raz *potiahnul*, veniec z nej *vytiahnul*... Druhý raz *potiahnul*, rúbok z nej *vytiahnul*... Tretí raz *potiahnul*, celú ju *vytiahnul*: „Ach, to je tá ryba, môjmu srdcu líba“» (Horák, 1958, s. 76).

На каламбуре повторяющихся глаголов в составе эмоционального возгласа, состыкованного с прямым значением лексемы, основан и следующий образ в прагматике шуточных молодежных пожеланий: «Bodajže vás, *dievky, čerti vzali*, keď ste vy mne moju *fajku vzali*...» (Galko, 1958, sv. 1, s. 189).

Слоговое созвучие как звуковой повтор: типология и символика

Слоговой сингармонизм представляет собой полное или частичное удвоение звуковых (как правило, конечных или медиальных) компонентов в припевах. Данные повторы ритмически организованы, зарифмованы и в ряде случаев имитируют иноязычную речь. На основе анализа словацкого песенного материала (Galko, 1958) по компонентному составу и типологии созвучных слогов нами выделяются следующие типы удвоений:

1) **Полное или частичное удвоение в составе междометных возгласов и анафор:** «Zastrelil som holubienku... *hej, čo sedela v okenenku, hej*...» (Galko, 1958, sv. 2, s. 143); «Zabil otec sojku... už nám sojka neuletí, *hej, sojka, hej!*» (Galko, 1958, sv. 2, s. 158). Ср. рус.: «Рассыпался жемчуг, *Иляля, илялю!*» (Чистов, 1984, с. 76).

2) **Полный повтор в зачинах (двух- или трехкомпонентные образования):** *tuti-tuti, krakori-krakori, hajeda-hajeda, hoja-hoja, hobobob*. Редупликация односложных слов типа *na-na, du-du, tu-tu* может повторяться до шести раз в конце куплета.

3) **Частичный двухкомпонентный повтор с эквиолентной оппозицией начальных согласных:** *hajoky-bajoky, hajikaj-bajikaj, šiki-miki, šudu-tudu*; реже – с

противопоставлением гласных в середине слова: *snyp-snop*; или частичной заменой звуков в обоих компонентах: *hajaj-belaj*.

4) **Частичный двухкомпонентный повтор с метатезой (перестановкой) слогов:** *tra-rata*;

5) **Поликомпонентный многосложный повтор со слоговым сингармонизмом гласных:** *uhaja-šalaja, cinčara-rara, tramtarija-rija, kumtata-dra*.

6) **Поликомпонентный многосложный повтор комбинированного типа:** *šnybydaj – snyp-snop, Fileja-Fileja-vydela*.

Отдельную группу в словацком песенном фольклоре образуют звукоизобразительные повторы-переключки, содержащие мотивацию призывом животных: *kač-kač-kačena*. Ср. русские величания и благопожелания: «*Кво, кво!* Одно яйцо – сорок цыплят, от одной свиньи – двенадцать поросят» (Чистов, 1984, с. 52).

Следует обратить внимание на переключки с соединением полнозначных и служебных слов типа *sta-sta-stara baba*, где синсемантический компонент или вопросительно-относительное местоимение находится в препозиции: *čo-ro-čo-ro-čo robite*. В препозиции может находиться и предложно-падежная форма имени собственного: *za-Du-za-Du-za Dunaj*.

Реже редупликация встречается в постпозиции к определяемому слову (слоговой повтор-эхо): «*Hej, Macejko, Macejko-ko-ko-ko-ko, zahraj mi na cenko-ko-ko-ko-ko, na tú cenkú strunu-nu-nu-nu-nu, však ty už vieš, tú onú-nu-nu-nu-nu*» (Galko, 1958, sv. 5, s. 366). Примерами прерывистых повторов первого типа в любовном фольклоре служат: «*Sak som ia dosci vola-, vola-, volala, až ma hlavenka, bole-, bole-, bolela... Odkážte mojej maťe-, maťe-, maťeri, nech ma nečaká k veče-, k veče-, večeri... Až zajtrá, zajtrá, k obe-, k obe-, k obedu, až ma na šífe dove-, dove-, dovedú*» (Galko, 1958, sv. 2, s. 524).

Заключение

Обнаружено, что лексические и синтаксические повторы в рассматриваемых славянских языках базируются на общих мифопоэтических универсалиях. Способы их реализации демонстрируют этнолингвистическое своеобразие, обусловленное как грамматическим строем (например, развитие системы итеративных глаголов), так и уникальными жанровыми традициями каждой культуры.

Установлено, что повтор в фольклорном тексте выполняет важнейшие функции интенсификации смысла, создания градации признака и актуализации прагматики текста (от магического заклинания до эмоциональных междометий).

Анализ словацкого материала продемонстрировал высокую продуктивность слоговых редупликаций и сингармонизма в припевах. Данные структуры, часто имитирующие иноязычную или сакральную речь, служат инструментом ритмической организации и звукописи, сближая песенный дискурс с заговорной традицией.

В работе рассмотрены типы повторов – от полных лексических редупликантов до сложных деривационных нанизываний и префиксальных переключек. Выявлено, что в словацком и украинском балладном фольклоре преобладают динамические глагольные повторы, в то время как в русском календарно-обрядовом цикле значительную роль играют колоративные и оценочные адъективные номинативные редупликанты.

Список литературы

- АНИКИН, В. П., 1987. *Русский фольклор*. Москва: Художественная литература. 285 с. ISBN 5-280-00041-3.
- ВАЛГИНА, Н. С., 2003. *Теория текста*. Москва: Логос. 173 с. ISBN 5-94010-164-3.
- ЖАЙВОРОНОК, В. В., 2006. *Знаки української етнокультури: Словник-довідник*. Київ: Довіра. 703 с. ISBN 966-507-195-5.
- ЖЕКУЛИНА, В. И. и А. Н. РОЗОВА, сост., 1989. *Обрядовая поэзия*. Москва: Современник. 735 с. ISBN 5-270-00110-1.
- ІЛЬКЕВИЧ, Г. С., 2003. *Народні пісні в записах Григорія Ількевича*. Львів: Каменяр. 154 с. ISBN 5-7745-0925-5.
- МАКОВЕЙ, О. С., 1981. *Народні пісні в записах Осипа Маковея*. Київ: Музична Україна. 158 с.
- ПОТЕБНЯ, А. А., 1988. *Українські народні пісні в записах Олександра Потебні*. Упоряд. М. К. Дмитренко. Київ: Музична Україна. 212 с. ISBN 5-88510-010-3.
- ПОТЕБНЯ, А. А., 2007. *Символ и миф в народной культуре*. Сост. А. Л. Топорков. Москва: Лабиринт. 480 с. ISBN 5-87604-107-1.
- ТОЛСТАЯ, С. М., 2006. Прагматика фольклорного текста. In: *Славянский и балканский фольклор: Семантика и прагматика текста*. Москва: Индрик. С. 7–21. 560 с. ISBN 5-85759-363-0. Доступно на: inslav.ru.
- ТОЛСТОЙ, Н. И. и С. М. ТОЛСТАЯ, 2008. Народная этимология и этимологическая магия. In: *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: Индрик. С. 226–240. 528 с. ISBN 978-5-85759-460-5.
- ТОЛСТОЙ, Н. И., 2003. *Очерки славянского язычества*. Москва: Индрик. 624 с. ISBN 5-85759-231-1.
- ХОРАК, Й. (HORÁK, J.), ред., 1958. *Slovenské ľudové balady*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 445 s. Доступно на: <https://www.zlatyfond.sme.sk>.
- ЧИСТОВ, К. В., ред., 1984. *Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия*. Ленинград: Художественная литература. 480 с. Доступно на: libking.ru.

- GALKO, L., ed., 1958. *Slovenské spevy. Diel 1*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 531 s.
- GALKO, L., ed., 1958. *Slovenské spevy. Diel 2*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 564 s.
- GALKO, L., ed., 1958. *Slovenské spevy. Diel 3*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 518 s.
- GALKO, L., ed., 1959. *Slovenské spevy. Diel 4*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 526 s.
- GALKO, L., ed., 1959. *Slovenské spevy. Diel 5*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 542 s.
- GALKO, L., ed., 1960. *Slovenské spevy. Diel 6*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 510 s.

Олег Владимирович Тищенко

доктор филологических наук, профессор
кафедра русистики, философский факультет
Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 г. Трнава, Словацкая Республика
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava
Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic
E-mail: olkotiszczenko@gmail.com
ORCID ID: 0009-0009-0811-2123

Ольга Вячеславовна Тер-Аванесова

бакалавр
кафедра русистики, философский факультет
Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 г. Трнава, Словацкая Республика
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava
Námestie Jozefa Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic
E-mail: olgateravanesova@gmail.com / 2812142@ucm.sk
ORCID ID: 0009-0003-3587-6635

СРАВНИТЕЛЬНАЯ-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОГО АКТА «ПРОЩАНИЯ» В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

Саодат Иномджоновна Казакбаева

Наманганский государственный институт иностранных языков имени И.Ибрата
г. Наманган, Узбекистан

Аннотация: Данная статья посвящена анализу речевого акта в русском и узбекском языках с использованием формул речевых особенностей этикета прощания, как национально-специфическая коммуникативная категория, в частности формы прощания в сопоставительном плане.

Ключевые слова: сравнительное сопоставление, речь, общение, речевой акт, диалог, прощание, ситуация.

A COMPARATIVE AND CONTRASTIVE ANALYSIS OF THE SPEECH ACT "FAREWELL" IN BUSINESS COMMUNICATION

Abstract: This article is devoted to the analysis of speech act in Russian and Uzbek languages using formulas of speech features of farewell etiquette, as a nationally specific communicative category, in particular forms of farewell in a comparative manner.

Key words: comparative comparison, speech, communication, speech, speech act, dialogue, farewell, situation.

В современном мире общение стало основным способом поведения людей, обеспечивающий его не только бытовые потребности, но и деловые. Каждое общество вырабатывает свои национально-культурные особенности, к которым необходимо уделять особое внимание. А также следует исследовать специфику речевого и неречевого поведения носителей разных национальных культур, выявлять особенности речевого поведения представителей тех или иных лингвокультурных общностей, а также анализировать эти факты с точки зрения интерферирующего воздействия социальной и культурной структуры общества на коммуникативное поведение контактирующих народов.

Бытовое поведение и черты каждодневное общения уходят корнями в мифо-ритуальные традиции. Эти традиции впоследствии перерастают в правила этикета. Этикет можно воспринимать как своего рода ритуал, но уже без строгих обязательств, перенесенные в обычную жизнь, но при этом сохранивший часть своего содержательного наполнения. Подобно ритуалу, он упорядочивает человеческое

поведение и межличностные взаимодействия, так что люди, порой не замечая этого, участвуют в разыгрывании ролей в установленном сценарии.

В любом языке, в любой сфере общения существовали и будут существовать такие формы взаимоотношений, которые дают максимальную результативность при общении. Участники взаимодействия всегда стремятся сохранить наиболее эффективные способы сотрудничества и соответствующие правила поведения. В некоторых случаях у участников требуется строгое соблюдение отработанных норм общения, поскольку они помогают достигать целей, независимо от того, по душе ли эти правила. В каждом коллективе складываются свои традиции, со временем превращаются в моральные ориентиры и образуют этикет группы. Для корректного общения важно придерживаться правил речевого взаимодействия. Знания правил речевого общения становится актуальным вдвойне там, где взаимодействие осуществляется между представителя различных культур.

Актуальность проблемы.

Несмотря на то, что контакты русских с тюркоязычными народами, в нашем случае с узбекским, насчитывается многовековую историю, целостного и системного анализа русско-узбекских взаимоотношений, а также влияние взаимодействующих культур до настоящего времени не проводилось. Вместе с тем достаточно представлена грамматическая характеристика русского и узбекского языков (А.А. Азизов, И.А. Киссен, К.А. Шукурова, З.Г. Бабаева, А.Н. Кононов, Х.М. Дадабаев и др.).

Однако до сих пор остается недостаточно изученной проблема сопоставления речевого этикета у носителей контактирующих языков, например, в условиях распространенного в нашей стране национально-культурного двуязычия.

В настоящее время понятие речевого этикета толкуется как принятые в обществе культурные нормы общения и поведения. Речевой этикет – синоним культуры общения.

Речевой этикет предполагает определенную технологию организации беседы, общения и переговоров. Она тесно связана с определенными нормами и манерами знакомства, обращения, приветствия и прощания, тогда как культурные стандарты регулируют использование форм благодарности, пожелания, извинение, приглашение и совета.

Прощание в сопоставляемых языках является обязательным элементом речевого этикета, которым завершается любой акт общения. Подобно приветствию,

инициатором прощания обычно выступает тот, кто или желает уйти, или покидает помещение или кому удобнее первым завершить контакт. Формы прощания, как и приветствие, бывают вербальными (например, «до свидания», «всего доброго», «всего хорошего», «до встречи» и т.п.) и невербальными — они могут сопровождаться легким поклоном, жестом руки и другими знаками внимания. Аналогичные нормы действуют и в отношении рукопожатия во время прощания: первым подает руку старший младшему. При этом чрезмерно сильное, демонстративное пожатие или затянутое удерживание ладони считается нарушением правил этикета, однако и вялая, безжизненная подача руки «лодочкой» также воспринимается как признак недостаточной воспитанности.

Так, например, при завершении визита участников делового общения в служебном кабинете после решения обсуждения вопроса, как правило, не предполагается протягивание руки через стол для прощания, которое является общепринятым правилом этикета. Данное поведение считается признаком хорошего тона со стороны социального работника, особенно если беседа велась со старшим по возрасту человеком или женщиной. Моделью поведения при таких обстоятельствах считается следующие действия: посетитель поднимается, чтобы попрощаться и уйти, специалист также должен встать. Пожилого посетителя или женщину необходимо проводить до двери, открыв ее и тем самым облегчая их уход.

Прощание как заключительный этап беседы во всех странах выполняет ряд особых функций. Во-первых, оно отражает соблюдение норм этикета. Во-вторых, прощание представляет собой коммуникативный акт, формально завершающий общение. В этот момент подводятся итоги разговора и создается ощущение того, что обсужденные вопросы остаются в поле дальнейшего внимания. При отсутствии такого подтверждения у посетителя может возникнуть устойчивое ощущение, которое в русском языке означает «с глаз долой — из сердца вон».

При расставании и завершении общения в русском и узбекском языках принято сопровождать прощание напутствующими словами. Эта традиция уходит корнями в глубокую древность. В русском языке подобные выражения имели характер оберега или заклинания. Так, пожелание «скатертью дорога» изначально несло сакральный смысл благополучного пути, а слова «с Богом» служили напутствием близких и родных перед дорогой. Так, в узбекском языке при прощании нельзя сразу отворачиваться, необходимо сделать один-два шага назад, лицом к собеседнику, и после можно отвернуться. Часто используют «Assalomu alaykum» (Мир вам) в обратном смысле, не

как приветствие, как «Прощай». При этом узбеки обычно уходят все вместе, а старший говорит «Хо'sh, turdik!» — «Ну что, встаем/пошли!».

Выбор фраз при прощания в основном связан со степенью официальности или близости участников общения. В таблице даны варианты прощания в русском и узбекском языке и их особенности употребления в речи.

Формы прощания в русском языке	Особенности употребления	Формы прощания в узбекском языке
До свидания!	Формальное	Хауг!
До встречи!	В любой ситуации, когда предполагается условная встреча	Ко'rishkuncha!
Всего доброго! Всего хорошего!	Формальное с оттенком положительного	-
Пока/Прощай/ Прощайте	Дружеское\неформальное При прощание на длительнѣй срок.	Хауг
Давай	Дружеское\неформальное	- (Хауг!)
Счастливо!	Дружеское\неформальное/ употребляется с хорошо знакомѣми людьми	- Хауг!
Доброго дня! Спокойной ночи!	Прощание на ночь	Хайрли kun/tun
Хорошего вам дня/оставайтесь!	Пожелания	Yaxshi qoling/qolinglar
Поговорим потом!	При разговоре по телефону	Keyin gaplashamiz!
До встречи!	Связанные со временем встречи	Ко'rishkuncha!
Бывай! Будь!	Грубовато-сниженное, нелитературное	-
Хорошего вам дня!	Официальное	Хайрли kun!
До завтра!	Дружеское	Ertagacha!
Увидимся!	Дружеское	
Всего хорошего!		Yaxshi qoling
Разрешите попрощаться! Позвольте попрощаться!	Официальное	-
Разрешите откланяться! Позвольте откланяться!	Официальное, употребляется людьми старшего возраста	-

Спасибо за все!	Дружеское	Hammasi uchun rahmat
Будьте здоровы! Будь здоров!		Salomat bo'ling Sog' bo'l
До свидания!	Нейтральное	Ko'rishguncha
До встречи!		Uchrashguncha
До субботы!	Указание дней недели	Shanbagacha
Счастливого пути!	Пожелание в дорогу	Oq yo'l!

В современной речевой практике напутствия утратили мистический оттенок, однако сохранили свою этикетную и эмоциональную значимость. Сегодня в зависимости от ситуации в русском языке используются такие формулы, как «счастливого пути», «будьте здоровы», «до свидания», «прощайте», которые завершают общение, выражают доброжелательное отношение и подчеркивают уважение к собеседнику. Необходимо отметить тот факт, что при прощания первым произносит напутствие тот, кто более торопится. Но чтобы не создалось впечатление, что вы как можно скорее хотите отделаться от человека, не следует произносить напутственные слова скороговоркой.

Следовательно, каждому человеку необходимо усвоить общепринятый кодекс поведения, характерный для воспитанных людей во всем мире. В основе этого кодекса лежат четыре ключевых принципа: вежливость, естественность, чувство достоинства и такт.

Вежливость прежде всего проявляется в умении приветствовать собеседника. С древнейших времен приветствие служит особой формой выражения уважения и доброжелательного отношения между людьми.

Несмотря на большое разнообразие форм приветствий в разных странах, их сущность во многом едина. Международный этикет основывается на общем стремлении людей при встрече пожелать друг другу добра, благополучия, здоровья, успехов в делах, а также доброго утра, дня или вечера.

В то же время каждому народу и каждой социальной группе присущи собственные способы приветствия. Так, в странах Востока характерной особенностью является наклон корпуса в сочетании с жестом руки, направленной вперед.

Наряду с национально-специфическими формами существуют и так называемые универсалии этикета: устойчивые жесты приветствия, позы, отражающие высокий или низкий социальный статус, определенные способы выражения эмоций, символическое осмысление пространства, а также такие явления, как гостеприимство и обмен подарками. Этот перечень может быть продолжен. Важнейшей особенностью этикетных универсалий является то, что они не только передаются из поколения в поколение и от культуры к культуре, но и нередко возникают заново, независимо друг от друга, в различных культурных традициях.

Этикетное поведение различных народов мира, несмотря на заметные внешние различия, обнаруживает множество общих черт. Вместе с тем русская и узбекская культуры имеют как точки соприкосновения, так и определённые расхождения в нормах и формах этикета. Этнические универсалии образуют значительный, по сути базовый слой этикетных практик разных народов и, трансформируясь, продолжают существовать в условиях современного индустриального общества.

Многие элементы бытового поведения и особенности повседневного общения подтверждают, что этикет представляет собой своеобразный ритуал, лишённый строгой регламентированности и обязательности, но перенесённый в сферу повседневной жизни и сохраняющий при этом важные смысловые характеристики. Подобно ритуалу, этикет упорядочивает поведение человека и межличностное взаимодействие, организуя его таким образом, что участники общения, зачастую не осознавая этого, включаются в воспроизведение определённых мифо-поэтических сценариев.

Список литературы

- БАБИНА Н. 2001. Секреты этикета. Издательство: РУСИЧ, 208 с.
- ОЛДХЭМ ДЖ., МОРИС Л. 1996. Авторитет вашей личности. Как лучше узнать самого себя. /Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 544 с.
- ШЕРИЛ Э., ЭБЕРЛИ Ш., 2007. Энциклопедия этикета Изд.: Рипол Классик, 256с.
- КАЗАКБАЕВА С.И. 2024. Русский речевой этикет делового общения/ Монография. Наманган: "Усмон Носир медиа", 142 с.
- [онлайн-ресурс 1]: <http://lingvomania.info/2006/privetstvija-i-proshhaniya.html>.
- [онлайн-ресурс 2]: <http://www.etiket.ru/contact.html>.

Саодат Иномджоновна, Казакбаева

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Наманганский государственный институт иностранных языков имени И.Ибрата
г. Наманган, Узбекистан

Ibrat Namangan State Institute of Foreign Languages, Namangan, Uzbekistan

E-mail: skazakbayeva1@gmail.com, ORCID ID: -/-

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПО ПОВОДУ АКТУАЛЬНОСТИ И НЕАКТУАЛЬНОСТИ СЛОВ (КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ)

Гигла Джинджолия
Западночешский университет
г. Пльзень, Чехия

Аннотация: В статье рассматривается корпус актуальных и неактуальных слов в русском языке на основе рефлексивных высказываний. Материал исследования – более 100 единиц, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка. Под актуальными словами понимаются слова, которые находятся «в фокусе социального внимания» и относятся к так называемым «ключевым словам эпохи» (Е.А. Земская). Отличительные признаки таких единиц – злободневность; новизна (инновация); узуальность; позитивная аксиологическая оценка, их социальная санкционированность и др. Состав актуальных слов очень подвижен. Их обновление осуществляется разными способами: переосмысление слов, адаптация иноязычных заимствований, «разгерметизация» социальных диалектов и др. Динамика употреблений актуального слова приводит к активному словопроизводству. Как неактуальные в метаязыковых оценках квалифицируются нейтральные слова, которые не относятся к архаизмам или историзмам, но перестали быть «злободневными», «современными». Неактуальными эти слова делает деактуализация, утрата их важности для общества в данный момент. Среди них выделяются слова, обозначающие нравственную чистоту человека, его морально-этические качества, бескорыстную заботу о благе других (*честь, целомудрие, любовь, братство, альтруизм*). В разряд неактуальных слов попадают экономические и политические термины, бытовая лексика, которая ассоциируется с советской эпохой. Актуальные и неактуальные слова являются сигналами изменений в языке и сдвигов в языковой картине мира.

Ключевые слова: языковая рефлексия, актуальные и неактуальные слова, неологизм, социальный диалект, иноязычные заимствования.

LINGUISTIC REFLECTION ON THE RELEVANCE AND IRRELEVANCE OF WORDS (CORPUS DATA)

Abstract: The article examines a corpus of relevant and irrelevant words in the Russian language based on reflexive statements. The research material consists of more than 100 lexical units recorded in the National Corpus of the Russian Language. Relevant words are understood as words that are “in the focus of social attention” and belong to the so-called “key words of an era” (Ye. A. Zemskaya). The distinguishing features of such units include topicality; novelty (innovation); conventional usage; a positive axiological evaluation; social sanctioning and others. The set of relevant words is highly dynamic. Their renewal occurs through various processes: reanalysis of words, adoption of foreign borrowings, the “de-sealing” of social dialects and others. The dynamics of the usage of a relevant word lead to

active word formation. In metalinguistic evaluations, irrelevant words are classified as neutral words that are neither archaisms nor historicisms but have ceased to be “topical” or “modern”. These words become irrelevant through de-actualisation, that is, the loss of their importance for society at a given moment. Among them are words denoting a person’s moral purity, moral and ethical qualities and selfless concern for the well-being of others (honour, chastity, love, brotherhood, altruism). Economic and political terms, as well as everyday vocabulary associated with the Soviet era, also fall into the category of irrelevant words. Relevant and irrelevant words serve as signals of changes in the language and shifts in the linguistic picture of the world.

Keywords: linguistic reflection, relevant and irrelevant words, neologism, social dialect, foreign borrowings.

Введение. Интересующие нас рефлексивные высказывания являются отражением языковой моды. Слово *мода* В. И. Даль определяет как «ходящий обычай; временная, изменчивая прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах. *По моде, и мышь в комод. По старой вере, да по новой моде*» (Даль, 1981, т. 2, 337). В современных толковых словарях *мода* – «совокупность вкусов и взглядов, господствующих в обществе в определенное (обычно недолгое) время и проявляющихся в увлечениях чем-либо, формах быта, одежде и т. п.» (Кузнецов, 2000, с. 549). Это слово происходит от французского *mode* – «форма, способ, прием; мода» (с XV в.), восходящего к латинскому *modus* – «мера, образец, способ, правило» (Шапошников, 2010, с. 525-526).

Феномен моды привлекает пристальное внимание исследователей. Эта тема активно изучается в аспекте социологии и социальной философии, психологии, семиотики, лингвистики.

По мнению социологов, мода – явление социально-психологическое, один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения: индивидуального, группового, массового (Гофман, 1994а; Гофман, 1994б). В работе А. Б. Гофмана «Мода и люди: новая теория моды и модного поведения» рассматриваются структура и ценности моды, соотношение моды и обычая, взаимосвязь моды и массовой культуры, социальные функции моды и др. В структуре моды выделяются следующие элементы: модные стандарты, объекты, ценности моды и поведение участников моды (Гофман, 1994а, с. 11-12). Модные стандарты реализуются посредством модных объектов. Те или иные стандарты и объекты становятся модными «только тогда, когда они обладают модными значениями, выступают в качестве знаков моды, т. е. указывают на какие-то ценности, которые в обществе или социальных

группах выступают как модные». Последний элемент – поведение участников моды, т. е. «такое поведение, которое ориентировано на стандарты, объекты и ценности моды» (Гофман, 1994а, с. 11-12). К ценностям моды А. Б. Гофман относит современность, универсальность, игру, демонстративность (Гофман, 1994а, с. 12). Как знаковую систему рассматривают моду Р. Барт [Барт, 2003] и Ж. Бодрийяр (Бодрийяр, 2000).

В сферу действия моды вовлекаются разные стороны социальной жизни человека, его речевое поведение. В последнее время интерес к изучению моды проявляет социолингвистика – междисциплинарная дисциплина, которая изучает влияние социальных факторов на язык. В работе В. Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа» отмечается все возрастающая роль массмедиа в формировании языковой нормы и вводится понятие языкового вкуса «как фактора, влияющего на норму и объясняющего направление языковой эволюции» (Костомаров, 2015, с. 2). Языковой вкус – «это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» (Костомаров, 2015, с. 29). По мнению В. Г. Костомарова, крайним проявлением вкуса является мода: «Вкус нередко теряет историческую обоснованность и следует конъюнктурным, случайным устремлениям. Он становится тогда дурным вкусом. Он теряет тогда даже природно опосредованную связь с мыслительно содержательным аспектом общения и с естественными эстетическими ограничительными рамками. Иными словами, вкус предстает крайностями моды» (Костомаров, 2015, с. 29).

Внимание в лингвистике уделяется изучению модных слов. А. Мустайоки и И. Т. Вепрева используют предложенные А. Б. Гофманом ценности (современность, универсальность, игра, демонстративность) для характеристики слов, которые обыденным сознанием определяются как модные (Мустайоки, Вепрева, 2015, с. 453-468; Мустайоки, Вальтер, Вепрева, 2016, с. 121-133). Модные слова с позиций нормы описаны О. П. Ермаковой (Ермакова, 2010, с. 82-89). Изучению языковой моды в русской ономастике посвящена работа О. В. Врублевской (Врублевская, 2017). Лингвопрагматический аспект модного слова рассматривает Н. Г. Журавлева (Журавлева, 2010). Модные глаголы *озвучить*, *артикулировать* и *обозначить*, распространенные в речи государственных служащих, изучает М. Н. Панова (Панова, 2015). В работе И. Т. Вепревой и Н. А. Купиной анализируется частотное в современной речевой практике прилагательное *липовый*, которое используется в негативно-оценочном значении (Вепрева, Купина, 2014). Дано лексикографическое описание модных слов (Новиков, 2019).

Необходимо дальнейшее изучение модных слов. Мода на слова изменчива. Будут интересно обсудить, какие слова носители языка считают модными, а какие немодными в настоящее время. Недостаточно разработанными являются следующие вопросы: параметры и состав модных слов, цикл их длительности, модные слова в разных социальных группах и др. Немодные слова не были предметом специального исследования.

Цель статьи – описание модных и немодных слов в русском языке в свете метаязыковых данных. **Материал исследования** – более 100 единиц, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>). Поиск модных и немодных слов осуществлялся по метаязыковым показателям *модное слово*, *новомодное слово*, *вошло в моду слово* и *старомодное слово*, *вышло из моды слово*, *полузабытое слово* и др. Мы опираемся на метаязыковой поисковый инструмент, предложенный А. Мустайоки и И. Т. Вепревой на материале базы данных Интегрум (Мустайоки, Вепрева, 2015).

Параметры модности слов. Важнейшие параметры модности слов – современность, популярность, инновация, узуальность, аксиологическая оценка, престиж «использователя» единицы и др.

Параметр современности указывает на актуальность модного слова, его злободневность – «модным может быть только то, что модно сейчас» (Мустайоки, Вепрева, 2015, с. 457-458). Актуальность и злободневность связаны с идеей важности слова для общества в данный момент.

Модное слово отличается новизной (параметр инновации). Языковая инновация может осуществляться разными способами: переосмысление слов, адаптация иноязычных заимствований, «разгерметизация» социальных диалектов и др.

Узуальность модного слова – это его частотность, массовая воспроизводимость (параметр узуальности). Однако не все часто употребляющиеся слова можно отнести к модным. Ядро данного класса слов образуют «переназвания» (Ермакова, 2010, с. 82-89), т. е. новые названия реалий, имеющих другое наименование. Среди них есть общеупотребительные единицы, используемые представителями самых разных социальных групп, так и единицы, распространенные в тех или иных сферах и социальных группах (по профессии, возрасту, интересам и т. д.). Чем чаще модные слова используются, тем быстрее они «стереотипизируются» и теряют свою модную привлекательность. Слова могут быстро получить широкое распространение, «войти в моду» и также быстро «выйти из моды».

Параметр аксиологической оценки выражается в позитивной общественной оценке единицы, ее одобрении, социальной санкционированности (индивидуальной, групповой, массовой). На модность слова влияет авторитет «использователя» (параметр престижа употребления). Модное слово выступает образцом для подражания. Оно распространяется «сверху вниз»: «исполнители» подражают лидерам, провинция – центру (Мустайоки, Вепрева, 2015, с. 453-468).

Лексический состав модных слов. Носители языка как модные воспринимают слова *хайп* – 2017 г., 2018 г., 2020 г.; *хайпово* – 2018 г.; *хайпануть* – 2018 г.; *харассмент* – 2017 г.; *фейк* – 2017 г.; *прокрастинация* – 2017 г.; *арт-объект* – 2016 г.; *импортозамещение* – 2016 г.; *блокбастер* – 2015 г.; *тренд* – 2014 г., 2017 г.; *гаджет* – 2013 г.; *дорожная карта* – 2013 г.; *кейс (проектов)* – 2013 г.; *повестка* – 2012; *жесть* – 2012 г.; *драйвер* – 2012 г., 2016 г.; *омбудсмен* – 2012; *нерукопожатный* – 2012 г.; *социальный лифт* – 2011 г., 2012 г.; *Wi-Fi* – 2011 г.; *инновация* – 2010 г., 2012 г., 2017 г.; *диверсифицировать* – 2009 г.; *self-made woman* – 2008 г.; *кластер* – 2008 г., 2010 г., 2012 г., 2013 г.; *адекватный* – 2007 г.; *транспарентно* – 2007 г.; *элита (политическая), элитный (элитное жилье)* – 2005 г., 2007 г.; *толерантность* – 2007 г., 2019; *корпоративный* – 2006 г.; *нон-фикшн* – 2006 г.; *гламурно* – 2006 г.; *раскрутка* – 2006 г.; *национальный проект* – 2006 г.; *нипл хавает* – 2006 г.; *cross-selling* – 2006 г.; *технопарк* – 2006 г., 2014 г.; *хайтек* – 2004 г.; *пре-пати* – 2004 г.; *портфолио* – 2004 г.; *креативность* – 2004 г.; *прикол* – 2004 г.; *месседж* – 2004 г., 2009 г., 2011 г.; *крыша поехала* – 2003 г.; *арт-хаус* – 2003 г.; *пиарить* – 2002 г.; *бутик* – 2002 г.; *ребрендинг* – 2002 г., 2010 г.; *бренд* – 2001 г., 2003 г., 2006 г., 2010 г.; *флексibilität* – 2001 г.; *культовый* – 2001 г.; *формат* – 2001 г., 2003 г., 2006 г., 2010 г.; *проект* – 2000 г.; *бизнесумен* – 2000 г.; *команда* – 2000 г., 2002 г., 2005 г. и др. Приведем некоторые примеры: *Просто он хочет понравиться кому-то, быть в тренде, как сейчас модно говорить* (РИА Новости; 06.2017); *Пока ситуация развивается именно в этом направлении, а «драйвером», как нынче модно говорить, выступают именно стомиллионные Филиппины, чей руководитель не ограничился экспрессивной риторикой* (Парламентская газета; 10.2016); *Как сейчас модно говорить, импортозамещение в Восточной Германии было развито на высочайшем уровне* (Парламентская газета; 10.2016).

Самую многочисленную группу в составе модных слов образуют **иноязычные заимствования**. Примеры последних нескольких лет: *фейк, пре-пати, харассмент, прокрастинация, хайп* и др. Единицы, используемые в узких сферах общения,

сопровождаются толкованиями, пояснениями и таким образом вводятся в общий речевой оборот. Благодаря этому формируется класс «межгрупповых» (общеупотребительных) модных слов. Способы введения («узко»)модного слова в общий узус разные: описательное и синонимическое толкование (*выдумка – фейк*), толкование на основе внутренней формы слова, косвенное толкование (например, через «иллюстративный материал» и различные семантические аналогии и т. д.): *Подобное сообщение является выдумкой, как сейчас модно говорить – фейком местных журналистов* (Ведомости; 05.2017); *Среди прочего в круг его обязанностей входила защита женщин, пострадавших от домашнего насилия и так называемых сексуальных домогательств, обозначаемых ныне модным словом «харассмент»* (Известия; 11.2017); *Период между рывком и выходом из ступора некоторые называют прокрастинацией – еще одно модное слово* (lenta.ru; 05.2017); *Модное слово «флэш-моб» в переводе означает «мгновенная толпа» (от англ. flash – миг и mob – толпа). «Классический» флэш-моб – это мгновенное появление в определенном месте какого-то количества людей, которые действуют по определенному сценарию* (РИА Новости; 07.2006); *Прибывающим в Кремль было устроено так называемое пре-пати (модное словечко означает употребление спиртного до начала мероприятия)* (Комсомольская правда; 10.2004).

Динамика употреблений модного слова приводит к активному словопроизводству. Так, наряду с модным словом *хайп* в медиатекстах активно функционируют производные слова *хайпово*, *хайпануть*, которые также квалифицируются как модные (*хайпово* – 2018 г.; *хайпануть* – 2018 г., 2020 г.): *«Большинство из присутствующих слышало модное слово "хайп", как называют модную шумиху, ненужные новости, скандалы, споры», – сказал депутат* (Парламентская газета; 10.2017); *Нужно понятно, если хотите, модным словом «хайпово» доносить то, что требуется сказать молодому человеку* (Gazeta.ru; 02.2018); *Мы, как это модно сегодня говорить, хайпанули на этом* (lenta.ru. 02.2018).

Перейдем к рассмотрению слов *фейк* и *хайп*. Центральные и региональные СМИ отличаются по времени введения слова *фейк* в общий речевой оборот и частотности его употребления. Центральные СМИ: 2002 г. – 10; 2003 г. – 2; 2007 г. – 4; 2008 г. – 3; 2010 г. – 8; 2011 г. – 5; 2012 г. – 18; 2013 г. – 37; 2014 г. – 60; 2015 г. – 75; 2016 г. – 223; 2017 г. – 332; 2018 г. – 329; 2019 г. – 735; 2020 г. – 1042; 2021 г. – 204. Отметим резкий рост частотности употребления этого слова в 2016 г., 2017 г., 2019 г. и 2020 г.: в 2016 г. она увеличилась в 3 раза по сравнению с 2015 г., в 2017 г. – 1,5 раза по сравнению с 2016 г.

и т. д. Корпусные данные отражают «эпидемический и пандемический характер» употребления этого слова (Фотиева, Семилет и др., 2020, с. 222-224). Региональные СМИ: 2011 г. – 1; 2013 г. – 1; 2016 г. – 1; 2020 г. – 10. В центральных СМИ слово *фейк* впервые было употреблено в 2002 г., в региональных – в 2011 г., с заметным отставанием. Встречаемость этого слова в центральных СМИ составляет 99,5 %, в региональных – 0,5 % от общего количества. В центральных СМИ это слово названо модным в 2017 г. – на пике его частотности с показателем 42 % употреблений (по состоянию на этот год). В региональных СМИ метаязыковые комментарии по поводу модности слова *фейк* отсутствуют. В 2020 г. это слово добавлено в орфографический академический ресурс РАН «Академос» (<https://orfo.ruslang.ru/search/word>).

График употребления слова *хайп* по годам (центральные СМИ): 2007 г. – 1; 2010 г. – 1; 2012 г. – 2; 2013 г. – 6; 2014 г. – 1; 2015 – 4; 2016 г. – 4; 2017 г. – 129; 2018 г. – 75; 2019 г. – 128; 2020 г. – 94; 2021 г. – 9. Региональные СМИ: 2013 г. – 7; 2017 г. – 2. Дата вхождения этого слова в центральные СМИ – 2007 г., в региональные – 2013 г. В центральных СМИ оно осознается как модное и популярное несколько лет: в 2017 г., 2018 г., 2019 г. и 2020 г., хотя частотность его употребления в 2018 г. и 2020 г. заметно снижается. Встречаемость слова *хайп* в 2017 г. составляет 29 % от общего количества, в 2018 г. – 16 %, в 2019 г. – 28 %, в 2020 г. – 20 %. Общее количество употреблений слова *хайп* в центральных СМИ – 98 %, в региональных – только 2%. В региональных СМИ это слово не было названо модным.

Иноязычные заимствования, воспринимаемые носителями языка как модные, первое время могут употребляться в латинском написании, например, *cross-selling* («продажа клиенту дополнительных товаров и услуг»), *self-made woman* («женщина, добившаяся успеха, славы собственными силами») и др.: *Поэтому какой-то симбиоз бизнеса, или как сейчас модно говорить cross-selling, может быть: один бизнес предоставляет возможность развивать другой бизнес* (РБК Daily; 03.2006); *Приморская модель снимается в голливудских фильмах и дружит со знаменитостями. Аню Герасимову по праву можно назвать модным словом self-made woman* (Комсомольская правда; 06.2008).

Будут ли эти слова востребованы, ощутят ли носители языка необходимость графической и грамматической их адаптации, покажет время. Некоторые из таких слов получили полноправную «прописку» в литературном языке, например, слово *вайфай*, которое в 2020 г. было добавлено в орфографический академический ресурс РАН «Академос» (<https://orfo.ruslang.ru/search/word>).

В метаязыковых комментариях по поводу модности слова встречаются варианты написания иноязычного слова кириллицей, отражающие процесс графического его освоения русским языком, например, *меседж* и *месседж*, *бренд* и *брэнд*, *ребрендинг* и *ребрэндинг* (современная орфографическая норма – *месседж*, *бренд*, *ребрендинг*).

В разряд модных слов нередко попадает **жаргонная лексика** (*жесть*, *прикол*, *пилл хавает* и др.): *Казалось бы, всей этой, как сейчас модно говорить, жести нетрудно избежать* (Комсомольская правда; 04.2012); *Сегодня все это можно было бы назвать одним модным словечком – прикол* (Труд-7; 11.2004); *Жрут что попало. Как модно говорить, пилл хавает. Мы забываем, что народ нужно воспитывать в национальной традиции* (Аргументы и факты; 08.2006). О том, что жаргон подвержен воздействию моды, пишет Л. П. Крысин в работе «Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социалингвистике» (Крысин, 2004, с. 375).

Модные лексические и фразеологические жаргонизмы проникают в толковые словари и не воспринимаются сейчас как модные. Такова судьба жаргонного выражения *крыша поехала*, которое было модным в начале 2000-х: *Во мне что-то сломалось или, как модно говорить, слегка крыша поехала от этих чудовищных кадров* (Комсомольская правда; 04.2003). В «Большом академическом словаре русского языка» (т. 8), вышедшем в 2008 г. (Горбачевич, 2008, с. 722), это выражение дается без помет.

Модными могут быть **новые значения**, не зафиксированные в словарях. В последнее время слово *адекватный* активно используется по отношению к человеку (*адекватный человек*) в значении «соответствующий норме, правильно реагирующий на воспринятое, без неожиданных проявлений». Мода на это слово, «используемое к месту и не к месту», вызывает у журналиста ироническую оценку: *Да и модное словечко, употребляемое ныне к месту и не к месту, далеко не все так оценить могут. Один думец, а точнее, «думка», на просьбу дать характеристику нового премьера сказала: «Он адекватный». Чему адекватный-то?* (Комсомольская правда; 12.2007.)

Цикл длительности модных слов. Период модности слов очень краток. С конца 80-х годов XX века до начала двухтысячных годов было модным слово *киллер*: *Но сейчас модным словом «киллер» стали называть любого исполнителя заказного убийства. Даже если он впервые взял в руки пистолет* (Аргументы и факты; 18.12.2001). Метаязыковое ощущение не обмануло журналистов, назвавших слово

киллер модным. В 2001-2004 гг. оно было на пике частотности употребления в медиатекстах. Приведем количественные данные по годам: 1993 г. – 1; 1994 г. – 5; 1995 г. – 4; 1996 г. – 2; 1997 г. – 38; 1998 г. – 10; 1999 г. – 5; 2000 г. – 76; 2001 г. – 149; 2002 г. – 170; 2003 г. – 167 г. 2004 г. – 132; 2005 г. – 104; 2006 г. – 80 (Национальный корпус русского языка: <https://ruscorpora.ru>). Это слово вошло в литературный язык и не считается сейчас модным. Оно расширяет свою сочетаемость и употребляется в переносных значениях, которые не фиксируются еще толковыми словарями: *Допинг – киллер большого футбола* (Аргументы и факты; 9.1993); *По данным Всемирной организации здравоохранения, пневмококковая инфекция – киллер номер один из всех заболеваний, предотвращаемых вакцинацией* (Эксперт; 2014).

Самые модные слова в двухтысячные годы – *гламур, гламурно, гламурный, креативный, элитный* (*элитный магазин, элитный дом*): *Общее впечатление: все сделано грамотно, качественно, но как-то, воспользуюсь новомодным словом, «гламурно»* (Труд-7; 11.2006). В последнее время эти слова в медиатекстах употребляются реже.

Модные слова по сфере употребления. Есть общеупотребительные модные слова и модные слова ограниченного употребления. Последние в рефлексивных высказываниях сопровождаются различными указаниями на сферу их локализации типа *в молодежном сообществе, в речи русскоязычных пользователей интернета, в лексиконе дизайнеров и фотомоделей, в народе* и т. д., например: *Считалось, что органы МВД часто злоупотребляют своим правом и, как модно говорить в народе, «кошмарят» бизнес, создают условия, невозможные для ведения бизнеса* (Известия; 11.2013). Модные слова и выражения, распространенные в речи государственных служащих в 2000-е годы, – *цифровая экономика, дорожная карта, социальный лифт, открытая платформа, «административное одеяло», команда* (в значении «группа ближайших помощников, окружение какого-либо политического и общественного деятеля») и др.: *Мы провели переговоры с одной из крупных федеральных торговых сетей и сейчас готовимся к подписанию протокола – как теперь модно говорить, дорожной карты* (Комсомольская правда; 01.2013); *Конечно, государство должно создавать материальную базу, организационные возможности, лифты, как сейчас модно говорить* (Комсомольская правда; 09.2011); *Мотивация людей к высокопроизводительному и качественному труду, создание, как сейчас модно говорить, карьерных и социальных лифтов, подбор, подготовка и постоянная переподготовка* (Известия; 01.2012); *«Сколково» – это площадка для всех. Как сейчас*

модно говорить, открытая платформа, на которой могут работать все (РИА Новости; 12.2010); *Никакого интереса, с точки зрения перетягивания, как сейчас модно говорить, «административного одеяла» здесь нет* (Vesti; 11.2004); *В те времена в российских госучреждениях вошло в моду слово «команда», когда назначение нового руководителя приводило к замене всего начальствующего состава* (Аргументы и факты; 07.2000).

Метаязыковые оценки модности слов встречаются в русской литературе XIX века (идеал – А. С. Пушкин; пропорция (в пропорции) – Н. В. Гоголь; сочувствователь, нигилисты – М. Е. Салтыков-Щедрин; и др.).

«Свои» модные слова пытается ввести один из героев комедии И. А. Крылова «Сочинитель в прихожей»: *«Ты не согласишься, Дарья, как мне хочется ввести в наш язык свои модные слова; и для того-то с месяц я думаю, как переименовать слово пудра»* (И. А. Крылов. «Сочинитель в прихожей», 1786).

У А. С. Пушкина: *И наконец перед зарею, / Склонясь усталой головою, / На модном слове идеал / Тихонько Ленский задремал* (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», 1823-1830). По мнению Ю. М. Лотмана, слова *идеал, идеальный* в эпоху романтизма приобрели специфический оттенок, связанный с романтическим противопоставлением низменно земного и возвышенно прекрасного, мечтательного» (Лотман, 1983, с. 301). Слово *идеал* здесь служит для иронической характеристики образа романтического поэта, засыпающего над собственными стихами (Лотман, 1983, с. 302). Национальный корпус русского языка фиксирует резкий рост частотности употребления этого слова в 20-е – 30-е гг. XIX века (НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>).

В авторской речи Н. В. Гоголя: *«Ободренный кузнец решился продолжать: "К тебе пришел, Пацюк, дай боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции!" Кузнец иногда умел вернуть модное слово; в том он понаторел в бытность еще в Полтаве, когда размалевывал сотнику досчатый забор»* (Н. В. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки» / «Ночь перед Рождеством», 1831-1832).

У М. Е. Салтыкова-Щедрина: *«"Сочувствователь" – это модное слово, которое стремится затмить "нигилистов" и которое исключительно имеет в виду людей культуры»* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Убежище Монрепо» / «Finis Монрепо», 1879).

Немодные слова в русском языке. Корпус немодных слов формируется по метаязыковым показателям *старомодное слово, вышло из моды слово, полузабытое слово* и др. Архаизмы и историзмы в этот корпус не включены. Как немодные

квалифицируются нейтральные слова, которые входят в активный словарный состав, но перестали быть «ключевыми словами эпохи» (Земская, 2000, с. 92). Под «ключевыми словами эпохи» понимаются слова, которые находятся «в фокусе социального внимания» (Земская, 2000, с. 92). Немодными эти слова делает деактуализация, утрата их важности для общества в данный момент. Среди них выделяются слова, обозначающие нравственную чистоту человека, его морально-этические качества, бескорыстную заботу о благе других (*честь, целомудрие, любовь, братство, альтруизм*). Новое время «потребовало» снижения оценки (вместо старомодного слова *любовь – отношения* и т. д.): *Мордобой начался, когда стало выходить из моды слово «честь»* (Комсомольская правда; 08.2001); *А по-моему, ваш герой, несмотря на прежний донжуанский список в кармане, полюбив, становится целомудренным – извините за это старомодное слово* (Комсомольская правда; 10.2006); *Раньше это называлось любовь, а сейчас принято называть «отношения»* (Ведомости; 07.2013).

Немодным слово может быть в той или иной сфере, в той или иной социальной группе. Так, старомодным в сфере музыкального творчества названо слово *кривда*, в сфере моды – *элегантность*, в глянцевых изданиях – *декоратор*: *Также эксперты анализировали псевдоним певца и пришли к выводу, что он ассоциируется со старомодным словом «кривда» (антоним «правда»)* (Московский комсомолец; 10.2019); *В этом сезоне полузабытое и тоже старомодное слово «элегантность» оказалось чуть ли не самым важным для определения нынешнего стиля* (Коммерсант; 11.2013); *В глянцевом журнале о красивых домах, вещах и жизни не любят слово «дизайнер», предпочитают старомодно-благородное – «декоратор»* (Известия; 03.2002).

В разряд немодных слов входят экономические и политические термины, бытовая лексика, которая ассоциируется с советской эпохой: *Вы вспомнили приятное забытое слово спекуляция, сейчас называется недобросовестным бизнесом* (Известия; 04.2002); *То, что раньше называлось фарцовкой и спекуляцией и преследовалось по закону, теперь стало вполне легальным источником дохода* (Новый регион; 05.2004); *То, что раньше называлось отделом снабжения, выделили в торговый дом, все контракты на поставку сырья начали заключать только на основе тендерного конкурса* (Ведомости; 05.2005); *Объем предложения сократился, и уже в конце года вновь зазвучало забытое слово «дефицит»* (Комсомольская правда; 04.2006); *Конечно, кто сейчас помнит об авоське, которую всегда брали с собой на*

случай, если вдруг какой-нибудь товар случайно **«выбросят»** (еще одно забытое слово) (Известия; 11.2013).

Старомодная единица часто вводится через оппозицию «раньше – теперь»: *То, что называлось раньше спекуляцией, теперь называется бизнесом* (Труд-7; 10.2004); *То, что раньше называлось производственными гулянками, нынче зовется корпоративными вечерами* (Аргументы и факты; 09.2006).

Подведем итоги.

Язык подвержен моде. На основе метаязыковых показателей может быть описан корпус модных и немодных слов в русском языке. Как модные оцениваются слова, которые находятся «в фокусе социального внимания» и относятся к так называемым «ключевым словам эпохи» (Е.А. Земская).

Основные признаки модных слов – современность и злободневность, популярность, относительная новизна, узуальность, престижность их употребления, социальная санкционированность и др.

В составе модных слов выделяются иноязычные заимствования, жаргонная лексика и семантические неологизмы, не зафиксированные толковыми словарями. Выделяются общеупотребительные модные слова и слова, которые стали модными в определенных сферах и социальных группах. Например, встречаются модные слова и выражения, распространенные в речи чиновников, пользователей интернета, «в продуктовых магазинах» и т. д. Активное употребление модных слов создает новые словообразовательные гнезда (*хайп, хайпово, хайпануть*). Состав модных слов очень подвижен. Некоторые модные слова вошли в толковые словари и не осознаются сейчас как модные.

Как немодные воспринимаются нейтральные слова, обозначающие «вечные» ценности (*любовь, честь, целомудрие, братство* и др.). Так, слово *любовь*, названное старомодным, заменяется новым словом – *отношения* и т. д.

Мода на язык отражает как изменения в языке, так и сдвиги в языковой картине мира.

Список литературы

- БАРТ, Р. 2003 *Система моды. Статьи по семиотике культуры*. Москва: Изд-во им. Сабашниковых. 512 с. ISBN 5-8242-0089-0.
- БОДРИЙАР, Ж. 2000 *Символический обмен и смерть*. Москва: Добросвет. 389 с. ISBN 5-7913-0047-6.

- ВЕПРЕВА, И. Т., КУПИНА, Н. А., ЛИПОВЫЙ, В. 2014. *Русский язык за рубежом*, № 1, с. 117-120. ISSN 0131-615X.
- ВРУБЛЕВСКАЯ, О. В. 2017. *Языковая мода в ономастике*. Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград. 430 с. Dostupné na: https://www.vspu.ru/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_vrubleskoy_o.v..pdf.
- ГОФМАН, А. Б. 1994а. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения*. Автореф. дис. ... докт. социолог. наук. Москва: Институт социологии РАН. 41 с.
- ГОФМАН, А. Б. 1994б. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения*. Москва: Наука. 160 с. ISBN 5-02-008241-4.
- ГОРБАЧЕВИЧ, К. 2008. (ред.) *Большой академический словарь русского языка*. 26 т. Москва: Наука, т. 8. 839 с. ISBN 978-5-02-036295-6.
- ДАЛЬ, В. И. 1981-1982. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва: Русский язык, т. 2. 779 с.
- ЕРМАКОВА, О. П. 2010. Лексические нормы и модные слова. В: Крысин, Л. П. (ред.) *Современный русский язык. Система – норма – узус*. Москва: Языки славянских культур, с. 82-89. ISBN 978-5-9551-0424-9.
- ЖУРАВЛЕВА, Н. Г. 2010. *Феномен модного слова: лингвопрагматический аспект*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т. 19 с.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. 1996. Активные процессы современного словопроизводства. В: Земская, Е. А. (ред.) *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, с. 90-141. ISBN 5-7859-0124-2.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. 2015. *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа*. Санкт-Петербург: Златоуст. 293 с. ISBN 978-5-86547-810-2.
- КРЫСИН, Л. П. 2004. *Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва: Языки славянской культуры. 888 с. ISBN 5-94457-183-7.
- КУЗНЕЦОВ, С. А. 2000. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт. 1536 с. ISBN 5-7711-0015-3.
- ЛОТМАН, Ю. М. 1983. *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий*. Ленинград: Просвещение. 416 с.
- МУСТАЙОКИ, А., ВАЛЬТЕР, Х., ВЕПРЕВА, И. Т. 2016. Феномен актуального слова 2015 года. В: *Quaestio Rossica*, т. 4, № 4, с. 121-133. ISSN 2313-6871.
- МУСТАЙОКИ, А., ВЕПРЕВА, И. Т. 2015. Метаязыковой портрет модных слов. В: Селегей, В. П. (ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 14 (21). В 2 т. Москва: Изд-во РГГУ, т. 1, с. 453-468. ISSN 2221-7932.
- Национальный корпус русского языка. Dostupné na: <https://ruscorpora.ru>.
- НОВИКОВ, В. И. 2019. *Словарь модных слов. Языковая картина современности*. Москва: Грамота. 352 с. ISBN 978-5-9909263-4-9.
- Орфографический академический ресурс РАН «Академос». Dostupné na: <https://orfo.ruslang.ru/search/word>.
- ПАНОВА, М. Н. 2015. Модные слова в речи чиновников. В: *Русская речь*, № 6, с. 34-39. ISSN 0131-6117.

- ФОТИЕВА, И. В., СЕМИЛЕТ, Т. А., ЛУКАШЕВИЧ, Е. В., ВИТВИНЧУК, В. В. 2020
Российская журналистика сегодня: социальная миссия и профессиональное
мастерство. Москва: ИНФРА-М. 254 с. ISBN 978-5-91556-271-3.
- ШАПОШНИКОВ, А. К. 2010. Этимологический словарь современного русского языка.
В 2 т. Москва: Флинта, т. 1. 584 с. ISBN 978-5-9765-0819-4.

Гигла Джинджолия

кандидат филологических наук, доцент
Западнечешский университет, Чехия
Пльзень 301 00, ул. Велеславинова, 42
University of West Bohemia, Czech Republic
Pilsen 301 00, Veleslavinove Str., 42
E-mail: giglad.17@gmail.com
ORCID ID 0009-0007-4944-973X

ЭВФЕМИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Клара Кормутова

кафедра русистики и восточноевропейских исследований
философский факультет, Университет имени Коменского
Братислава, Словакия

Аннотация: Доклад сосредоточен на анализе эвфемизации как одной из ключевых языковых стратегий в современном русском дипломатическом дискурсе. Эвфемизация в дипломатической коммуникации выполняет роль смягчения конфликта, снижения оценочных средств и сохранения формального нейтралитета высказывания. Цель доклада – идентифицировать и определить основные лексикальные и синтаксические средства эвфемизации использованные в официальных российских дипломатических текстах, как заявления министерства иностранных дел, официальные выступления и пресс-релизы. Методологически доклад опирается на критический дискурсный анализ и прагматический анализ текста. Внимание будем уделять именно использованию абстрактных существительных, безличных конструкций, модальных выражений и терминологической нейтрализации конфликтных конструкций. Доклад указывает на то, что эвфемизация в русском дипломатическом дискурсе является не только средством стилистики, а также систематичной стратегией, отражающей широкий культурный и политический контекст дипломатической коммуникации. Итоги доклада дополняют современную дискуссию о вызовах славистического исследования политического и дипломатического дискурса.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, эвфемизация, языковая нейтрализация, русский язык, политический язык, прагматика.

EUPHEMIZATION AND LINGUISTIC NEUTRALIZATION OF CONFLICT IN CONTEMPORARY RUSSIAN DIPLOMATIC DISCOURSE

Abstract: The paper focuses on the analysis of euphemization as one of the key linguistic strategies in contemporary Russian diplomatic discourse. In diplomatic communication, euphemization serves to soften conflicts, reduce evaluative language, and maintain formal neutrality in statements. The aim of the paper is to identify and determine the main lexical and syntactic means of euphemization used in official Russian diplomatic texts, such as Ministry of Foreign Affairs statements, official speeches, and press releases. Methodologically, the paper relies on critical discourse analysis and pragmatic text analysis. Particular attention is given to the use of abstract nouns, impersonal constructions, modal expressions, and terminological neutralization of conflictual constructions. The paper demonstrates that euphemization in Russian diplomatic discourse functions not only as a stylistic device but also as a systematic strategy reflecting the broader cultural and political context of diplomatic

communication. The findings of the paper contribute to the ongoing scholarly discussion on the challenges of Slavic studies research into political and diplomatic discourse.

Keywords: diplomatic discourse, euphemization, linguistic neutralization, Russian language, political language, pragmatics.

Введение

В условиях современных международных кризисов дипломатический дискурс приобретает особую значимость как инструмент интерпретации и представления конфликтной реальности. Язык официальных заявлений, комментариев и брифингов не только отражает политическую позицию государства, но и формирует определённую картину происходящего, задавая рамки его восприятия. В этом контексте особый интерес представляет феномен эвфемизации и языковой нейтрализации конфликта как стратегий смягчения, перераспределения или размывания конфликтного содержания.

Современный российский дипломатический дискурс демонстрирует устойчивое использование лексических и грамматических средств, направленных на снижение степени конфликтности высказывания, переопределение акторов и трансформацию оценочной перспективы. Речь идёт не только о замене прямых наименований более нейтральными или абстрактными формулами, но и о систематическом использовании деагентивации, номинализации, симметризации ответственности и других дискурсивных механизмов.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ стратегий эвфемизации и языковой нейтрализации конфликта в современном российском дипломатическом дискурсе. В центре внимания находятся официальные тексты дипломатического характера, в которых конфликтная ситуация репрезентируется посредством специфических языковых средств. Основная задача исследования заключается в определении типологических моделей эвфемизации, описании их языкового выражения и интерпретации их прагматической функции.

Предполагается, что эвфемизация в данном дискурсе выполняет не только традиционную функцию смягчения, но и более сложную задачу конструирования интерпретационной рамки, в которой конфликт предстает как управляемый, симметричный или технически разрешимый процесс.

Понятие эвфемизации в политическом и дипломатическом дискурсе

Эвфемизация традиционно рассматривается как языковой процесс замещения прямого, потенциально нежелательного или социально маркированного наименования

более нейтральной или смягчённой формой. В лингвистической литературе эвфемизм определяется как средство снижения негативной оценки, избегания табуированных тем или смягчения коммуникативного воздействия. Однако в политическом и дипломатическом дискурсе эвфемизация выходит за пределы исключительно этикетной функции.

Дипломатический дискурс можно охарактеризовать как «дипломатическую коммуникацию, которая использует систему профессионально ориентированных знаков и обладает собственным социолектом, проявляющимся прежде всего на лексическом и стилистическом уровнях» (Madej, 2022, 42). Для дипломатического дискурса характерна институциональная ориентация на деэскалацию, что делает эвфемизацию одной из его системных особенностей. Тем не менее в условиях острого международного противостояния эвфемизация может приобретать дополнительные функции — легитимирующую, оправдательную и нормализующую (Khamrakulova, 2022).

Политический дискурс рассматривается как институционально обусловленная форма коммуникации, направленная на воспроизводство и легитимацию властных отношений, в которой язык выступает инструментом конструирования социальной и политической реальности (Van Dijk, 2008). В рамках критического дискурсного анализа политический дискурс понимается как пространство, где через языковые стратегии закрепляются определённые интерпретационные рамки и модели распределения ответственности (Wodak – Meyer, 2016). Политический дискурс функционирует как механизм символической власти, в котором посредством лексических и грамматических выборов осуществляется контроль над интерпретацией событий и формированием общественного мнения (Van Dijk, 2008). Выявление и характеристика методов и приемов такого воздействия обретают все большую важность в рамках современной лингвистики. Более того, в дискурсе находят отражение социальные, политические и культурные характеристики его участников, что позволяет выявить основные концепты, на которых строится картина мира какого-либо народа. Спецификой политического дискурса является использование различных приемов и средств манипулирования с целью оказать на людей нужное воздействие и таким образом сформировать определенные мнения и установки в мыслях слушателей и читателей.

В условиях публичной политической или дипломатической коммуникации, несмотря на их различия, эвфемизм становится инструментом стратегического конструирования реальности. Замена прямых номинаций (например, «война», «нападение», «агрессия») более абстрактными или нейтральными формулами позволяет

трансформировать интерпретацию события, изменить его оценочную перспективу и снизить степень конфликтности высказывания. Таким образом, эвфемизация выполняет не только функцию смягчения, но и функцию переопределения смысловых рамок (Лищук, 2020).

Современные лингвисты разработали разные классификации эвфемизмов, в нашей работе мы будем опираться на классификацию Л. П. Крысина, который выделяет следующие типы эвфемизмов: эвфемизмы, смягчающие возрастную дискриминацию (*старый/зрелый, опытный, старший*); умственные и физические возможности (*слепой/невидящий, сумасшедший/душевно больной*); расовую и национальную принадлежность (*негр/афроамериканец*); социальное и финансовое положение (*бедняк/человек с низким достатком*); профессии (*гробовщик/сотрудник похоронного бюро*); термины, особенно медицинские (*сифилис/французский насморк*); бытовые эвфемизмы (*беременная/в деликатном положении*); эвфемизмы, смягчающие дискриминацию по половой принадлежности (*сожитель/компаньон*); эвфемизмы, связанные с защитой окружающей среды (*навоз/органическая биомасса*); эвфемизмы – антонимы, которые выражают противоположное значение путем приставки не- к исходному слову (*красивый/некрасивый*); эвфемизмы как слова и выражения вуалирующие суть явления (*опухоль/новообразование; вишневость/ педикулез*); эвфемизмы, так или иначе соотносящиеся с идеями политической корректности; эвфемизмы, отвлекающие от негативных экономических последствий (*свободные цены, сокращение штата*); эвфемизмы, направленные на прикрытие антигуманной политики государства, особенно агрессивных военных действий (*силы брошены для бомбардировки восставших/силы брошены на умиротворение восставших*) (Крысин, 1994).

Языковая нейтрализация конфликта как дискурсивная стратегия

Понятие языковой нейтрализации конфликта связано с более широкими механизмами дискурсивной репрезентации. Нейтрализация предполагает снижение эксплицитной конфликтности за счёт изменения способа называния, структурирования и грамматического оформления высказывания.

К числу основных стратегий нейтрализации относятся:

- Деагентивация: устранение или размывание субъекта действия посредством безличных конструкций или пассивных форм («было принято решение», «произошёл инцидент»). Такая грамматическая организация высказывания снижает степень

персонализации ответственности и переводит внимание с актора на событие (Никулина, 2017).

- Номинализация: замена глагольных форм абстрактными существительными («обострение ситуации», «урегулирование конфликта», «меры реагирования»). Номинализация, как указывают представители критического дискурсного анализа, способствует деперсонализации действия и трансформации динамического процесса в абстрактную категорию, что облегчает его институциональное и бюрократическое осмысление (Wodak – Meyer, 2016).

- Симметризация ответственности: использование формул типа «обе стороны», «взаимные обвинения», «ответные меры». Подобная стратегия создает впечатление равной распределённости ответственности и снижает асимметрию конфликтной ситуации.

- Семантическое размывание: применение неопределённой или абстрактной лексики, допускающей множественную интерпретацию. Это позволяет избежать прямых оценочных характеристик и сохранять дипломатическую неопределённость.

В совокупности данные механизмы формируют особый тип репрезентации конфликта, при котором он предстает не как акт прямого противостояния, а как управляемый процесс, требующий «урегулирования», «консультаций» или «диалога». Тем самым язык выступает не только средством описания, но и инструментом структурирования политической реальности.

Материал и методика

В качестве эмпирического материала для исследования использованы официальные тексты Министерства иностранных дел Российской Федерации за 2025–2026 годы. Всего было проанализировано семь документов, включающих заявления, пресс-релизы и комментарии, опубликованные на официальном сайте ведомства. Выбор материала обусловлен его высокой репрезентативностью для современного российского дипломатического дискурса и его публичной доступностью.

Цель анализа – выявление языковых стратегий эвфемизации и нейтрализации конфликта, применяемых в официальных коммуникациях. Для этого каждый текст был подвергнут качественному дискурсивному анализу с использованием следующих шагов:

1. Идентификация эвфемистических выражений: выделение слов и фраз, заменяющих прямые или конфликтные обозначения («операция», «инцидент», «меры реагирования»), и классификация по типам эвфемизации.

2. Анализ грамматических конструкций: исследование безличных форм, пассивов, номинализаций и других способов деагентивации, снижающих эксплицитность субъекта действия.

3. Выявление стратегий симметризации и абстрактизации: фиксирование формул типа «обе стороны», «взаимные обвинения», «урегулирование ситуации», создающих впечатление равной ответственности и бюрократической дистанции к конфликту.

4. Интерпретация прагматической функции: оценка, как языковые средства способствуют снижению конфликтной напряженности, формированию нейтральной или управляемой рамки представления конфликта.

Методологически исследование опирается на качественный дискурсивный анализ, который позволяет выявлять скрытые стратегии коммуникации и их функциональную роль в официальном дипломатическом языке. Такая методика обеспечивает систематическую обработку текстов и сопоставление языковых явлений, используемых для эвфемизации и нейтрализации конфликтов.

Стратегии эвфемизации и языковой нейтрализации конфликта

Семантическая абстрактизация конфликта

Одной из наиболее устойчивых стратегий, зафиксированных во всех проанализированных текстах, является замещение прямых обозначений вооруженного противостояния более нейтральными категориями.

Вместо терминов «война» или «военные действия» систематически используются:

- «ситуация»
- «кризис»
- «конфликт»
- «разрыв во взглядах»

Например, даже при описании масштабных атак БПЛА (текст 7) финальная формула возвращает дискурс к «урегулированию конфликта». Аналогично в тексте о заседании ООН (текст 4) употребляется выражение «украинский кризис», что снижает степень остроты происходящего.

Таким образом, вооруженное противостояние представляется как управляемый политический процесс, а не как состояние войны.

Терминологическое переименование как инструмент контроля интерпретации

Следующий уровень нейтрализации связан с заменой ключевых понятий.

Наиболее показательный пример:

- «депортация» → «эвакуация» (текст 4)

Через такую замену меняется моральная и юридическая оценка действия: из нарушения международного права оно трансформируется в гуманитарную меру.

Аналогичным образом:

- «нарушение воздушного пространства» → «обвинения в нарушении» (текст 6)
- «военный ответ» → «адекватный ответ» (текст 7)

Использование кавычек («депортация», «насильственное усыновление») дополнительно выполняет функцию дистанцирования от чужой терминологии.

Контроль над терминологией оказывается ключевым механизмом управления рамкой конфликта.

Деагентивация и дискурс вынужденности

Во всех текстах прослеживается тенденция к снижению агентности собственной стороны.

Характерные конструкции:

- «был вынужден принять решение» (текст 7)
- «лишило смысла наше участие» (текст 5)
- «расследование продолжается» (текст 6)

Даже при наличии явного субъекта действия его воля представляется как реактивная, обусловленная внешними обстоятельствами.

Это создает образ вынужденного, а не инициативного действия.

Перераспределение ответственности и симметризация

В ряде текстов наблюдается стратегия смещения причинности:

- «основной причиной является позиция США» (текст 5)
- «все партнеры, у которых могут быть претензии друг к другу» (текст 2)

Даже при прямом обвинении (например, в адрес США или Польши) дальнейший дискурс часто переводится в симметричную рамку взаимных претензий.

Конфликт таким образом представляется как результат комплексных внешних факторов, а не односторонних действий.

Институциональная легитимация и процедурная рамка

Во всех анализируемых текстах присутствует обращение к международно-правовым и процедурным механизмам:

- Устав ООН
- заседание Совета Безопасности
- консультации
- процесс урегулирования
- международные посредники

Даже наиболее конфронтационные заявления завершаются формулами о готовности к диалогу.

Это позволяет удерживать конфликт в институциональной рамке и снижать уровень открытой эскалации на уровне дискурса.

Технократическая рационализация

Особенно ярко в текстах 6 и 7 проявляется использование:

- количественных показателей (788, 776, 102 из 193),
- технической военной лексики,
- процедурных деталей.

Использование количественных показателей и технической терминологии может рассматриваться как форма рационализирующей легитимации, создающей эффект объективности и экспертной нейтральности (Wodak – Meyer, 2016).

Таблица 1. Типология стратегий эвфемизации и языковой нейтрализации

Стратегия	Языковые маркеры примеры	Дискурсивная функция
Семантическая абстрактизация	«ситуация», «кризис», «конфликт»	снижение уровня эскалации, перевод войны в управляемый политический процесс
Терминологическое переименование	«эвакуация» вместо «депортация»; «адекватный ответ»	контроль интерпретации, смягчение юридической и моральной оценки

Деагентивация	безличные конструкции; «расследование продолжается»	размывание субъекта действия
Дискурс вынужденности	«был вынужден принять решение»	представление действий как реактивных и обусловленных
Перераспределение ответственности	«позиция США», «партнеры с претензиями»	смещение причинности, симметризация конфликта
Институциональная легитимация	ссылки на Устав ООН, переговоры, консультации	сохранение дипломатической рамки и нормативной легитимности
Технократическая рационализация	количественные данные, военная терминология	создание эффекта объективности и экспертности

Заключение

Анализ семи официальных российских дипломатических текстов 2025–2026 годов позволяет выделить устойчивую систему языковых стратегий, направленных на эвфемизацию и нейтрализацию конфликтов. Несмотря на различный тематический контекст – от региональных кризисов (Венесуэла, Украина) до многосторонних институциональных процессов (ООН, ДВЗЯИ) – везде прослеживается единая закономерность в использовании средств управления интерпретацией событий.

Основные стратегические приемы включают:

1. Семантическая абстрактизация: использование терминов «ситуация», «конфликт», «кризис» вместо «война» или «военные действия», что позволяет представить противостояние как управляемый политический процесс.
2. Терминологическое переименование: эвфемизация и использование кавычек для дистанцирования от чужой лексики, а также замена морально и юридически нагруженных понятий нейтральными формулировками.
3. Деагентивация и дискурс вынужденности: действия российских властей формулируются как обусловленные внешними обстоятельствами, что снижает уровень прямой конфронтации и создает образ рациональной реакции.

4. Перераспределение ответственности и симметризация: ответственность за конфликт смещается на внешние факторы, включая международных оппонентов, или представляется как взаимные претензии.

5. Институциональная легитимация: апелляция к международным нормам, процедурам и посредникам позволяет сохранить рамку дипломатической корректности даже при высоко конфронтационной лексике.

6. Технократическая рационализация: использование количественных показателей, технической и процедурной терминологии создает эффект объективности и экспертной оценки ситуации.

В совокупности эти стратегии формируют устойчивую модель дипломатического дискурса, которая сочетает элементы конфронтационной оценки с механизмами смягчения, контроля интерпретации и поддержания институционального порядка. Эвфемизация и языковая нейтрализация выполняют не только стилистическую функцию, но и стратегическую: они позволяют российской дипломатии сохранять внешне-конструктивный образ, управлять восприятием конфликтов и защищать национальные интересы в международной коммуникации. В соответствии с подходом критического дискурсного анализа, язык в политической коммуникации не только отражает социальную реальность, но и активно её конструирует, закрепляя определённые структуры власти и интерпретационные модели (Van Dijk, 2008).

Таким образом, современный российский дипломатический дискурс демонстрирует комплексное использование языковых средств для балансирования между открытой конфронтацией и нормативной нейтральностью, что отражает более широкие культурные и политические контексты международной дипломатии. Важно отметить, что данное исследование ограничено корпусом из семи текстов и предполагается необходимость дальнейшего расширения материала и сопоставительного анализа.

Список литературы

KHAMRAKULOVA, R. A. 2022. *Diplomatic Discourse*. In: Web of Scientist: International Scientific Research Journal [online], ро́. 3. ISSN 2776-0979. Dostupné na: <https://philarchive.org/archive/ABDDD> [cit. 2026-01-04].

- MADEJ, L. 2023. *Dejiny a teória diplomatického tlmočenia*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. ISBN 978-80-223-5749-4.
- ŠAVELOVÁ, M. 2024. *Špecifiká politického a diplomatického diskurzu v translatologickej praxi*. In: Habilitačná prednáška. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre [online] Dostupné na: <https://kis.ukf.sk/lan/2520.pdf> [cit. 2026-01-04].
- VAN DIJK, T. A. 2008. *Discourse and Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- WODAK, R. – MEYER, M. 2016. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: SAGE Publications.
- КРЫСИН, Л. П. 1994. *Эвфемизмы в современной русской речи*. In: Русистика. № 1-2. - С. 28-49 [online]. Dostupné na: www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm [cit. 2026-01-30]
- ЛИЩУК, А. Ю. – ЛАНЦОВА, Л. К. 2020. *Роль эвфемизмов в политическом дискурсе*. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского [online] Dostupné na: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-evfemizmov-v-politicheskom-diskurse> [cit. 2026-01-30].
- МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 2025. Заявление официального представителя МИД России от 23 мая 2025 года. Москва: МИД РФ. [online] Dostupné na: https://mid.ru/ru/press_service/official_statement/2019580 [cit. 2026-01-30].
- МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 2025. Заявление официального представителя МИД России от 10 сентября 2025 года. Москва: МИД РФ. [online] Dostupné na: https://mid.ru/ru/press_service/official_statement/2046067 [cit. 2026-01-30].
- МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 2025. Заявление официального представителя МИД России от 27 сентября 2025 года. Москва: МИД РФ. [online] Dostupné na: https://mid.ru/ru/press_service/official_statement/2049467 [cit. 2026-01-30].
- МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 2025. Заявление официального представителя МИД России от 05 декабря 2025 года. Москва: МИД РФ. [online] Dostupné na: https://mid.ru/ru/press_service/official_statement/2063372 [cit. 2026-01-30].
- МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 2025. Заявление официального представителя МИД России от 30 декабря 2025 года. Москва: МИД РФ. [online] Dostupné na: https://mid.ru/ru/press_service/official_statement/2070528 [cit. 2025-12-30].
- МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 2025. Заявление официального представителя МИД России от 03 января 2026 года. Москва: МИД РФ. [online] Dostupné na: https://mid.ru/ru/press_service/official_statement/2070902 [cit. 2026-01-30].
- МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 2026. Заявление официального представителя МИД России от 06 января 2026 года. Москва: МИД РФ. [online] Dostupné na: https://mid.ru/ru/press_service/official_statement/2071450 [cit. 2026-01-30].

НИКУЛИНА, Д. Е. 2017. Политический дискурс как объект лингвистического исследования. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 9(75), ч. 1, с. 147–149 [online]. Dostupné na: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya-1> [cit. 2026-01-30].

Klára Kormuthová

Bc.

Katedra rusistiky a východoeuropských štúdií

Filozofická fakulta Univerzity Komenského

Gondova 2, 811 02, Bratislava

Department of Russian Studies and East European Studies

Faculty of Arts, Komensky Univerzity

Gondova 2, 811 02, Bratislava

E-mail: kormuthova9@uniba.sk

ORCID ID: -/-

МЕДИАПРОЕКТ «ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО» КАК КОРПУС ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Вера Людоговская

кафедра романистики, философский факультет, Университет им. Матея Бела
Банска Быстрица, Словакия

Абстракт: Медиапроект «Последнее слово» собирает финальные судебные речи политических заключенных из России и постсоветских стран. Корпус включает 345 текстов за период с 1960-х годов до настоящего времени и постоянно пополняется. Основной массив составляют речи антивоенных активистов, осужденных после начала российского вторжения в Украину, но представлены также речи советских диссидентов и политзаключенных из Беларуси, Азербайджана, Кыргызстана и других стран. Статья описывает структуру проекта и его мультимодальный характер (текст, аудио, видео), анализирует функции проекта как архива, инструмента сопротивления цензуре и пространства солидарности. Рассматривается исследовательский потенциал корпуса для изучения риторических стратегий, интертекстуальности, концептуального анализа и языковой политики. Обсуждаются возможности использования материалов в преподавании РКИ как аутентичных текстов, способствующих развитию языковой компетенции и критического мышления.

Ключевые слова: последнее слово, судебный дискурс, язык сопротивления, корпус политической речи, РКИ.

THE MEDIA PROJECT "THE LAST WORD" AS A CORPUS OF POLITICAL SPEECH: OPPORTUNITIES FOR RESEARCH AND TEACHING

Abstract: The media project "The Last Word" collects defendants' final statements from trials of political prisoners in Russia and other post-Soviet countries. The corpus comprises 345 texts spanning from the 1960s to the present and is continuously expanding. While the majority consists of speeches by anti-war activists convicted following Russia's full-scale invasion of Ukraine, the corpus also includes speeches by Soviet dissidents and political prisoners from Belarus, Azerbaijan, Kyrgyzstan, and other countries. This article describes the project's structure and its multimodal nature (text, audio, video), analyzing the project's functions as an archive, a tool for resisting censorship, and a space for solidarity. The research potential of the corpus is examined for studying rhetorical strategies, intertextuality, conceptual analysis, and language policy. The article also discusses opportunities for using these materials in Russian language teaching as authentic texts that foster both linguistic competence and critical thinking.

Keywords: defendant's final statement, courtroom discourse, language of resistance, corpus of political speech, teaching Russian as a foreign language (RFL).

Лингвистическое изучение судебного дискурса имеет давнюю традицию (Conley & O'Barr, 1998; Gibbons, 2005; Stygall, 1994). Исследователи сосредоточены прежде всего на строго регламентированных жанрах (напутственное слово судьи, приговор) и диалогических формах судебной коммуникации (допрос свидетелей, прения сторон) (Atkinson & Drew, 1979). При этом жанр финальной речи обвиняемого (в российской правовой традиции — «последнее слово») занимает особое положение и, насколько нам известно, реже становится предметом отдельного лингвистического анализа (см., например, Dubrovskaya, 2006).

Последнее слово — речь подсудимого перед вынесением приговора, защищенная от прерывания и временных ограничений. Формально обращенная к суду, в политических процессах она ориентирована на более широкую аудиторию.

Интерес к таким речам существует давно: в советское время последние слова диссидентов распространялись в самиздате (Vol'noe slovo, 1974) и привлекали внимание исследователей диссидентского движения (Nathans, 2024). В современной России после начала полномасштабного вторжения в Украину в 2022 году этот жанр оказался в центре общественного внимания. Исследователи отмечают, что в условиях криминализации высказываний о войне судебные процессы по антивоенным статьям парадоксальным образом оказываются едва ли не единственной формой публичной дискуссии на эту тему (Vasilevskaia, 2024).

В 2023–2024 гг. вышло несколько сборников последних слов: «(Не) Последние слова» (Freedom Letters, 2023) и «Голоса российского сопротивления» (Azar, 2024). Появились и переводческие проекты: англоязычный сборник «Voices Against Putin's War» (Pirani, 2025), а также чешский проект «Umlčené hlasy», представленный как в формате веб-портала, так и в виде книжного издания⁶⁷.

1. Медиапроект «Последнее слово» как корпус политической речи

1.1. Цели и принципы проекта

Проект «Последнее слово» был создан в феврале 2023 года правозащитниками Хельсинкской группы. После блокировки Роскомнадзором он возобновил работу 3 июня 2024 года. Семантика названия жанра предполагает финальность и последующее молчание, однако именно эта импликация становится объектом переосмысления:

⁶⁷ Umlčené hlasy. [online]. Krutý Krtek. [cit. 2026-01-23]. Dostupné na: <https://krutykrtek.cz/umlcene-hlasy/>.

публикация и распространение речей противоречат идее «последнего» слова, что находит выражение и в названии сборника «(Не) Последние слова» (2023).

Однако даже формальная защищенность «последнего слова» не обеспечивает реальной свободы высказывания в современной ситуации. Речь Алексея Навального после начала войны сопровождалась техническими сбоями и, как выяснилось позже, намеренным отключением микрофона всякий раз, когда он упоминал войну (Navalny 2022). Михаилу Кригеру судья систематически прерывала речь требованиями «говорить по существу» при упоминании военной тематики; украиноязычную часть его речи зачитать не дали (Poslednee slovo, 13. 7. 2024). Более того, само «последнее слово» может стать основанием для нового преследования: в мае 2025 года Дарья Козырева была осуждена по статье о «фейках» за слова, произнесенные в последнем слове на предыдущем суде⁶⁸. Публикация в рамках проекта полных текстов речей — включая фрагменты, не прозвучавшие в суде — восстанавливает целостность высказывания, но одновременно может создавать новые риски.

Проект включает веб-сайт с текстами речей на русском и английском языках⁶⁹, Telegram-канал⁷⁰, Instagram⁷¹, YouTube-канал с видеозаписями чтения речей⁷², а также подкаст⁷³. Участники проекта также периодически организуют встречи в разных городах за пределами РФ.

Создатели проекта формулируют четыре основные цели: просвещение, моральная поддержка участников сопротивления, сохранение памяти и демонстрация общности идей людей из разных эпох и стран. Эти цели выводят проект за рамки архивной функции. В условиях разрушения публичной сферы в России проект создает пространство для горизонтальных связей между людьми, разделенными географически и институционально (заклученные/свободные, эмигранты/оставшиеся в стране), но объединенными общей системой ценностей. Публикация речей устанавливает также историческую преемственность с традицией политического инакомыслия — от советских диссидентов до современных антивоенных активистов.

1.2. Состав и организация материалов

⁶⁸ Na osuždennú aktivistku Dar'ju Kozyrevu zostavili protokol o „diskreditácii“ armády RF kvôli poslednému slovu na súde, 2025-05-30, 17:39 (MSK) [online]. *Nastojaščeje vremja*. [cit. 2026-01-23]. Dostupné na: <https://www.currenttime.tv/a/rossiya-kozyreva/33429750.html>

⁶⁹ [online]. Dostupné na: <https://posledneeslovo.com/>.

⁷⁰ [online]. Dostupné na: https://t.me/ne_poslednee_slovo.

⁷¹ [online]. Dostupné na: www.instagram.com/poslednee_slovo_.

⁷² [online]. Dostupné na: youtube.com/@poslednee_slovo.

⁷³ [online]. Dostupné na: <https://poslednee-slovo.mave.digital>.

На момент написания статьи (февраль 2026) сайт содержит 345 речей, охватывающих период от 1960-х годов до настоящего времени. База данных постоянно пополняется. Основной массив речей относится к 2020-м годам (267 речей), что отражает резкое усиление политических репрессий после начала полномасштабного вторжения России в Украину.

Географический охват проекта значительно шире России: представлены речи из Беларуси (44), Азербайджана (22), Кыргызстана (10), Узбекистана (6), Грузии (6), Казахстана (2). Присутствуют также речи граждан Украины, осужденных в России, включая военнопленных (4). Отдельно представлены последние слова жителей Крыма (40 речей, преимущественно крымских татар). Внутри России выделяются речи политических заключенных из отдельных регионов: Ингушетии (5), Дагестана, Чечни и других. Важной частью собранного корпуса являются судебные речи советских диссидентов (27), в том числе 5 речей осужденных по так называемому делу «Демонстрации семерых»⁷⁴.

Каждая речь сопровождается справочной информацией об обвиняемом и обстоятельствах дела. Набор метаданных не унифицирован, но обычно включает краткую биографию, описание дела, статью обвинения, срок наказания, ссылку на источник публикации, иногда — видеозапись из зала суда и дополнительные материалы о деле. Эта информация частично структурирована через систему тегов (по типу обвинения, профессии обвиняемого, географии), частично представлена в свободном текстовом описании.

Сайт оснащен инструментами для работы с материалами: временные фильтры (по десятилетиям), географические фильтры, система тегов и полнотекстовый поиск. Все материалы размещены в открытом доступе и доступны для чтения онлайн.

С октября 2024 года проект развивает английскую версию сайта, а также англоязычный Instagram при поддержке American-Russian Speaking Association for Civil and Human Rights, сопровождая тексты дополнительными описаниями, ориентированными на читателей за рубежом, что расширяет потенциальную аудиторию и включает эти тексты в глобальный контекст борьбы за права человека.

Особенность проекта — его мультимодальность. Помимо письменных текстов, проект включает аудио- и видеоформаты, что имеет как практическое, так и символическое значение.

⁷⁴ Демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года против ввода советских войск в Чехословакию.

YouTube-канал (1,79 тыс. подписчиков) содержит 144 видео, на которых известные представители антивоенной эмиграции читают последние слова политзаключенных: актеры (Чулпан Хаматова), музыканты (Андрей Макаревич), историки (Тамара Эйдельман), политологи (Екатерина Шульман, Максим Кац), журналисты (Антон Долин, Дмитрий Муратов, лауреат Нобелевской премии мира), ученые (биолог Евгений Колмановский), а также бывший политзаключенный Илья Яшин, освобожденный в результате обмена в 2024 году.

Чтение известными людьми чужих текстов имеет прагматическое значение: публичные фигуры предоставляют свою аудиторию и символический капитал тем, чьи голоса государство стремится заглушить. Звучащая речь возвращает телесность заключенным, превращая письменный текст в живое высказывание и устанавливая диалог между говорящим, заключенным автором текста и слушателями.

Подкасты (66 выпусков, доступны на зарубежных и российских платформах, включая ВКонтакте и Яндекс.Музыку) охватывают более широкий временной период — от 1920-х годов (речь Всеволода Мейерхольда) до современности. Создатели формулируют миссию подкастов как стремление «охватить 100 лет войны, которую государство ведет против своих граждан» — радикальное переосмысление советской и постсоветской истории через призму непрекращающихся репрессий.

Telegram-канал функционирует как пространство не только публикации, но и аналитической работы с материалами. Здесь публикуются цитаты, инфографика, сравнительный анализ (например, контекстуализация восьми речей Навального, позволяющая проследить изменение атмосферы в стране), информация о новых приговорах и о карательной психиатрии, аналитические материалы о состоянии прав человека в постсоветских странах. Канал также выполняет функцию построения солидарности между активистами, журналистами, правозащитниками и заключенными.

2. Исследовательский и педагогический потенциал проекта

2.1. Перспективы для лингвистических и дискурсивных исследований

Проект «Последнее слово» представляет собой ценный ресурс для исследований в области лингвистики, дискурс-анализа и социолингвистики, а также обладает значительным потенциалом для использования в преподавании русского языка в иностранной аудитории.

Собрание финальных речей открывает возможности для изучения риторических стратегий в ситуации институционального принуждения. Интерес представляет то, как

обвиняемые конструируют защиту — через апелляцию к морали или к праву, через эмоциональное воздействие или рациональную аргументацию, и как формально защитная речь часто превращается в обвинительную или в манифест, что требует особых риторических решений.

Интересный материал представляет собой также насыщенное цитатное пространство последних слов — от классической литературы и философии до современной публицистики, от советских диссидентов до декабристов. Исследование интертекстуальности может помочь выявить культурный канон сопротивления и общие для разных эпох топосы, показав, как обвиняемые вписывают себя в традицию политического инакомыслия. Той же цели может служить сравнительный концептуальный анализ ключевых понятий (совесть, свобода, достоинство, война, правда).

Особый интерес представляет проблема адресата. Формально обращенная к суду, финальная речь фактически ориентирована на множественную аудиторию: близких, общество, историю. Анализ дейктических элементов и форм обращения может выявить, как говорящие балансируют между адресатами и как этот выбор влияет на риторическую стратегию.

Проект документирует случаи языкового сопротивления, когда выбор языка высказывания становится формой политического протеста (требование права говорить на белорусском, украинском, отказ от русского языка). Эти случаи представляют материал для изучения языковой политики и языковой идеологии в постсоветском пространстве.

2.2. Применение в преподавании РКИ

Использование материалов проекта в образовательных целях требует обсуждения. В преподавании иностранных языков существует тенденция избегать «острых» тем — политики, всего, что может вызвать споры. Эта позиция исходит из стремления создать комфортную среду и не навязывать студентам определенные взгляды.

Однако игнорирование современной политической реальности при обучении взрослых проблематично. Студенты формируют свое отношение к происходящему, и учебная аудитория может стать пространством для вдумчивого диалога. Многим из них необходимо не только владеть соответствующей лексикой, но и иметь культурный контекст для понимания происходящего. Кроме того, последние слова

политзаключенных сохраняют образцы нормативного русского языка в противовес искаженному языку пропаганды.

В педагогике различают «сберегающий» подход, направленный на создание комфортной среды, и подход, ориентированный на развитие критического мышления через обсуждение сложных вопросов. Материалы проекта соответствуют второму подходу: они побуждают к размышлению, требуют этической позиции, ставят вопросы о соотношении закона и справедливости, индивидуальной ответственности, моральном выборе.

Как учебный материал финальные речи представляют собой аутентичные тексты, демонстрирующие богатство языковых средств, риторических приемов, интертекстуальных отсылок. Мотивация студентов при работе с такими текстами высока в силу актуальности и человеческой значимости материала. Мультимедийный характер проекта (текст, аудио, видео) позволяет работать с различными типами восприятия информации.

Медиапроект «Последнее слово» представляет собой уникальный ресурс, сочетающий функции документального архива, инструмента сопротивления цензуре и пространства построения дискурсивной солидарности. Для исследователей проект предоставляет доступ к корпусу текстов, который позволяет изучать малоисследованный жанр финальной речи обвиняемого в его исторической динамике и межкультурном разнообразии. Для преподавателей — богатый аутентичный материал для работы над языком, риторикой, критическим мышлением и гражданской позицией. Для общества — возможность услышать голоса тех, кого государство стремится заставить замолчать, и увидеть в них не только свидетельства репрессий, но и утверждение человеческого достоинства и свободы.

Список литературы

- ATKINSON, J. M. – DREW, P., 1979. *Order in Court: The Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings*. London; Guildford; Worcester: Billing & Sons Limited. 275 p.
- AZAR, I. (ed.), 2024. *Golosa rossiyskogo soprotivleniya: posledniye slova rossiyskikh politzaklyuchyonnykh*. Berlin: FRESH Verlag, 2024. ISBN 978-3-910610-27-9
- CONLEY, J. M. – O'BARR, W. M., 1998. *Just Words: Law, Language, and Power*. Chicago; London: University of Chicago Press. 168 p.

- DUBROVSKAYA, T., 2006. Speech strategies in the last word of the sentenced by Mikhail Khodorkovsky. In: *New Developments in Linguistic Pragmatics: 3rd Lodz Symposium, Lodz, 11–14 May 2006*. Lodz: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, p. 34.
- GIBBONS, J., 2005. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*. Oxford: Blackwell. 337 p.
- Na osužennú aktivistku Dar'ju Kozyrevu zostavili protokol o „diskreditácii“ armády RF kvôli poslednému slovu na súde, 2025-05-30, 17:39 (MSK) [online]. *Nastojaščeje vremja*. [cit. 2026-01-23]. Dostupné na: <https://www.currenttime.tv/a/rossiya-kozyreva/33429750.html>.
- NATHANS, B., 2024. *To the Success of Our Hopeless Cause: The Many Lives of the Soviet Dissident Movement*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 816 p. ISBN 978-0-691-11703-4.
- NAVALNY, A. A., 2022. *Poslednee slovo, proiznesennoe 24 maia 2022 goda* [online]. Moskovskii gorodskoi sud, Moskva, Rossiia. In: *Poslednee slovo* (mediaprojekt). [cit. 2026-01-23]. Dostupné na: <https://posledneeslovo.com/2023/02/04/navalnyj-aleksej-anatolevich/>.
- Ne poslednie slova: Rechi obviniaemykh i politzakliuchennykh, 2023. Ed. Georgii Urushadze et al. London. 298 p. ISBN 978-1-4476-6631-8.
- PIRANI, S. (ed.), 2025. *Voices Against Putin's War: Protesters' Defiant Speeches in Russian Courts* [online]. London. [cit. 2026-01-23]. ISBN 978-1-872242-45-3. Dostupné na: <https://ukraine-solidarity.org/voices-against-putins-war/>.
- POSLEDNEE SLOVO, 2024-07-13 [online]. Telegram. [cit. 2026-01-23]. Dostupné na: <https://web.telegram.org/a/#-1001887987368>.
- STYGALL, G., 1994. *Trial Language: Differential Discourse Processing and Discursive Formation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 228 p.
- Umlčené hlasy, [online]. *Krutý Krtek*. [cit. 2026-01-23]. Dostupné na: <https://krutykrtek.cz/umlcene-hlasy/>.
- VASILEVSKAIA, M., 2024. «Zavedomo lozhnaia informatsiia»: kak sudebnye protsessy konstruiroiut pamiat' o nastoiashchem [online]. Doklad na konferencii *Istoriia i istoriki v epokhu postpravdy: monopoliia, polifoniia, kakofoniia?* (Chetvertiye Chteniia pamiati Arseniia Roginskogo), 12.–13. apríl 2024, Berlin, Fond Aufarbeitung. [cit. 2026-01-23]. Dostupné na: <https://roginskiy.tilda.ws/2024/vasilevskaia/ru>.
- Vol'noe slovo: Samizdat. Izbrannoe, 1974. Vyp. 14–15: *Moe poslednee slovo. Rechi podsudimyykh na sudebnykh protsessakh 1966–1974*. Frankfurt am Main: Posev (Possev-Verlag).

Вера Людоговская / Vera Liudogovskaia

Mgr.

кафедра романистики, философский факультет, Университет нм. Матея Бела

Тайовского 51, Банска Бзстрица, Словацкая Республика

Department of Romance Studies, Faculty of Arts, Matej Bel University

Tajovského 51, K132, Banská Bystrica, Slovakia

E-mail: vera.liudogovskaia@umb.sk

ORCID ID: 0009-0006-0947-4386

ПРОПОЗИЦІЯ МІЖКУЛЬТУРНОГО АНГЛО-УКРАЇНСЬКОГО НАВЧАЛЬНОГО СЛОВНИКА ЕПОНІМІВ⁷⁵

Наталія Кальниченко

кафедра слов'янських мов

Університет Матея Бела в Банській Бистриці

Словаччина

Абстракт: Стаття присвячена проєкту міжкультурного навчального словника епонімів та аналізує проблеми передачі епонімів – лексичних одиниць, утворених від власних імен, що набули метафоричного значення – між англійською та українською мовами. На відміну від звичайних власних назв, епоніми несуть складні культурні, історичні та соціальні конотації, що робить їх інтерпретацію та переклад творчим, а не механічним процесом. Багато епонімів не мають прямих відповідників у двомовних словниках, а їхнє значення часто залежить від енциклопедичних знань і культурних асоціацій, які різняться між мовами. У дослідженні наголошено на необхідності створення словника, що виходить за межі формальних відповідників і містить п'ять типів інформації: правопис і вимову, енциклопедичний опис, граматичні характеристики, соціокультурний контекст та міжкультурну кореляцію. Такий ресурс сприятиме точності перекладу, розвитку культурної компетентності та запобіганню комунікативним помилкам. У статті окреслено принципи відбору заголовних одиниць, зосереджено увагу на культурно значущих іменах та їх частотності в сучасному дискурсі, а також виключено технічні чи суто наукові терміни. Наведені приклади семантичних зсувів, словотвірних похідних та ідеологічних нюансів демонструють, як епоніми функціонують як культурні маркери та мовні символи. Запропонований словник має дидактичну цінність для перекладачів і студентів, сприяючи глибшому розумінню культурних кодів та ефективній міжкультурній комунікації.

Ключові слова: англо-український словник, двомовна лексикографія, епонім, культурні конотації, міжкультурна комунікація, навчальний словник.

PROPOSAL FOR AN INTERCULTURAL ANGLO-UKRAINIAN EDUCATIONAL DICTIONARY OF EPONYMS

Abstract: The paper deals with the project of the intercultural educational dictionary of eponyms and addresses the challenges of rendering eponyms—lexical units derived from proper names that acquire metaphorical meanings—between English and Ukrainian. Unlike ordinary proper names, eponyms carry complex cultural, historical, and social connotations, making their interpretation and translation a creative rather than mechanical process. Many eponyms lack direct equivalents in bilingual dictionaries, and their meanings often depend on encyclopedic knowledge and cultural associations, which vary across languages. The study

⁷⁵ Funded by the EU NextGenerationEU through the Recovery and Resilience Plan for Slovakia under the project No. 09I03-03-V01-00148.

emphasizes the need for a dictionary that goes beyond providing formal correspondences to include five types of information: orthography and pronunciation, encyclopedic description, grammatical features, sociocultural context, and intercultural correlation. Such a resource would facilitate accurate translation, enhance cultural competence, and prevent communicative misunderstandings. The paper outlines principles for selecting headwords, focusing on culturally significant names and their frequency in contemporary discourse, and excludes technical or purely scientific terms. By illustrating examples of semantic shifts, morphological derivatives, and ideological nuances, the research demonstrates how eponyms function as cultural markers and linguistic symbols. The proposed dictionary aims to serve as a didactic tool for translators and language learners, fostering deeper understanding of cultural codes and promoting effective intercultural communication.

Keywords: Anglo-Ukrainian dictionary, bilingual lexicography, cultural connotation, educational dictionary, eponym, intercultural communication.

У перекладознавстві загальноприйнято, що власні назви здебільшого не перекладаються, а переносяться в оригінальній формі, хоча між мовами з різними графічними системами застосовують транслітерацію або транскрипцію. Особливий тип лексики становлять епоніми – слова, утворені шляхом переходу власного імені до класу загальних назв із метафоричним значенням. Історично термін епонім означав найвищу посадову особу в Афінах, ім'ям якої позначався рік, а в сучасній лінгвістиці – це загальна назва, утворена від власного імені людини, персонажа, міфічної істоти, географічного місця, бренду, художника чи релігійної постаті. Приклади: *Maecenas* – *меценат*, покровитель мистецтв (від Гая Мецената); *quisling* – *квіслінг*, зрадник (від прізвища Відкуна Квіслінга); *Don Juan* – *Дон Жуан*, спокусник; *Cassandra* – *Кассандра*, провісник, якому не вірять; *Midas* – *Мідас*, символ жадібності; *cheddar* – *чеддер*, назва сиру (від англійського селища Чеддер); *Jacuzzi* – *джакузі*, гідромасажна ванна (від прізвища винахідника); *Picasso* – *пікассо*, стилізоване позначення кубізму; *Judas* – *Іуда*, символ зрадника. Епоніми демонструють взаємодію власних і загальних назв, відображаючи культурні, історичні та соціальні асоціації, що робить їх важливим об'єктом дослідження в перекладознавстві.

При передачі епонімів у перекладі вони часто не мають прямих відповідників, тому перекладачі повинні знаходити творчі рішення, щоб передати значення, а не лише форму. Багато епонімів відсутні у словниках, а культурні асоціації різняться між мовами. Це не технічна операція, а акт творчості: важливо відтворити конотації, закладені в імені. Наприклад, *Scrooge* – *Скрудж* означає скупу людину, а *Narcissus* – *Нарцис* – самозакохану особу. Значення таких слів ґрунтується на енциклопедичних

конотаціях, які в одній мові можуть бути прозорими, а в іншій – ні, що впливає на стратегію перекладу. Пара *Quixote* – *Дон Кіхот* («людина, відірвана від реальності») зрозуміла і в англійській, і в українській, тому проблем не виникає. Але епонім *ловелас*, що в українській означає «звабника» і походить від імені персонажа Роберта Ловлейса з роману «Кларисса» (1748), у сучасній англійській майже не вживається. Первісне значення *Lovelace* («розпусний аристократ») зникло, а сучасні носії асоціюють ім'я з Адою Лавлейс, піонеркою програмування, або Ліндою Лавлейс, зіркою поп-культури. Функцію цього епоніма витіснили *Don Juan*, *Casanova* та нейтральні слова (*womanizer*, *playboy*). У сучасних корпусах переносне значення *Lovelace* практично не зустрічається, що підтверджує його статус історизму.

Серед епонімів виділяють два рівні: семантичні похідні (метафоричне перенесення форми імені) та деривати, утворені морфемами. Другий тип ускладнює переклад через різні словотвірні механізми, напр.: англ. *donjuanism* і укр. *донжуанство*; англ. *Voltairean* і укр. *вольтер'янець*. В англійській поширені прикметники від антропонімів: *Orwellian*, *Kafkaesque*, *Machiavellian*, що несуть культурний чи політичний контекст. Їхнє тлумачення часто ситуативне: *Shavian* може означати «прихильник поглядів Джорджа Бернарда Шоу», «схожий на Шоу», «пов'язаний із Шоу» або просто «дотепний» (Newmark 1988, с. 180).

У зв'язку з труднощами міжкультурної передачі епонімів (детальніше про переклад епонімів див. Кальниченко 2024) актуальною стає розробка двомовних, зокрема навчальних, словників, які не обмежуються поданням перекладних відповідників, а й аналізують культурні асоціації, що стоять за ними. Такий словник має лінгвістичну, культурну й дидактичну цінність: він пояснюватиме конотації, розв'язуючи проблеми інтерпретації епонімів у різних культурах (Кальниченко, Лізонь 2025). При формуванні списку заголовних одиниць основним критерієм є наявність значущих культурних конотацій. Епоніми слід трактувати вузько – як імена історичних або вигаданих персонажів (*Don Juan*, *Judas*, *Casanova*), що викликають чіткі асоціації. Частотність у сучасному дискурсі також важлива для включення до словника.

Особливу складність становлять епоніми з ідеологічним забарвленням, адже їхня актуальність і сприйняття змінюються залежно від політичного контексту. Приклади таких назв: *сталінізм* (*Stalinism*), *путінізм* (*Putinism*), *махновщина* (*Makhnovshchyna*). Ці терміни не лише позначають історичні чи політичні явища, але й несуть сильні емоційні та культурні конотації, що ускладнює їх передачу і тлумачення в міжкультурній комунікації.

Не включаються до такого словника технічні терміни (*newton* – *ньютон*, *watt* – *ват*), назви рослин (*camellia* – *камелія*, *magnolia* – *магнолія*) чи медичні терміни (*Alzheimer's disease* – *хвороба Альцгеймера*, *Parkinson's disease* – *хвороба Паркінсона*), оскільки вони позбавлені культурного контексту.

Міжкультурний двомовний словник епонімів має на меті не лише лексикографічну функцію, а й культурне зближення мовних спільнот. Як зазначають Наталія Брагіна та Софія Лубенські (Bragina and Lubensky, 2002), такий словник має включати п'ять основних типів інформації: 1) правопис і вимову, 2) енциклопедичний опис, 3) граматичний опис, 4) соціокультурний опис та 5) міжкультурну кореляцію.

Стосовно правопису і вимови, необхідно наголосити, що епоніми, навіть будучи частиною спільної культурної спадщини, можуть мати різні графічні та фонетичні форми в англійській та українській мовах. Це зумовлено різними традиціями адаптації імен, зокрема транслітерацією та транскрипцією. Наприклад, імена німецького чи французького походження в англійській мові зберігають оригінальне написання, тоді як в українській – транскрибуються або транслітеруються (*Gavroche* – *Гаврош*, *d'Artagnan* – *д'Артаньян*, *Werther* – *Вертер*, *Klein Zaches genannt Zinnober* – *Крuxімка Цахес*). Якщо взяти пару епонімів *Hercules* – *Геракл*, то англійська форма *Hercules* походить від латинської традиції, тоді як українська *Геракл* відображає грецький оригінал (*Herakles*), що є звичним у слов'янських мовах. Те ж саме стосується пари *Ulysses* – *Одісей*: в англійській використано латинізовану форму *Ulysses*, а в українській – грецьку *Одісей*, яка відповідає класичній традиції перекладу античних імен. Цікаво, що від імені *Одісей* утворилося слово «одісея» – довга, складна або насичена подіями подорож, яке англійською передається як *odyssey*, від назви епічної поеми Гомера (*The Odyssey*). Крім графічних відмінностей, часто спостерігається неспівпадіння наголосу, як-от: англ. *Penelope* [pə'neləpi] та укр. *Пенелопа* [пенелóпа]; англ. *Sisyphus* ['sɪsɪfəs] та укр. *Сізіф* [сізі́ф].

Енциклопедичний опис епоніма передбачає чітке пов'язання імені з конкретною особою – історичною, міфологічною чи вигаданою. Такий опис має містити біографічні або сюжетні відомості, що пояснюють, як ім'я набуло культурного значення. Скажімо, *Don Juan* – *Дон Жуан* – герой іспанських легенд, уособлення спокусника; *Sherlock Holmes* – *Шерлок Холмс* – літературний детектив, символ дедуктивного мислення; *Mozart* – *Моцарт* – геній. Приклад опису пари *Oedipus* – *Едіп*: персонаж грецької міфології та трагедій Софокла (*Цар Едіп*, *Едіп у Колоні*). За пророцтвом, він мав убити батька і одружитися з матір'ю, що й сталося, хоча Едіп намагався уникнути долі.

Символ фатальної неминучості, трагічного незнання та конфлікту між волею і долею. У психології – «Едіпів комплекс» (З. Фройд). Ще один приклад енциклопедичного опису: *Lolita* – *Лоліта*: героїня роману Володимира Набокова *Lolita* (1955), дванадцятирічна дівчинка, навколо якої розгортається історія одержимого кохання дорослого чоловіка Гумберта Гумберта. Ім'я стало символом юної спокусниці та провокаційної сексуальності.

Граматичний опис епоніма має охоплювати його синтаксичні функції, здатність до словотвору та парадигматичні властивості. Важливо зафіксувати момент входження імені в мову, простежити його трансформації, а також визначити можливість утворення прикметників чи абстрактних іменників. Наприклад, прикметник *Freudian* / *фройдівський* утворений від імені *Freud* / *Фройд* і позначає психоаналітичний підхід; абстрактний іменник *lynching* / *лінчування* походить від прізвища *Lynch* / *Лінч* і став символом самосуду. Наведемо приклад граматичний опис пари *Sisyphus* – *Cizif*: іменник: *a Sisyphus* – людина, що виконує марну, нескінченну роботу; прикметник: *Sisyphian* – «сізіфівський», про безнадійне завдання; словосполучення: англ. *Sisyphian task*; укр. *сізіфова праця*.

Соціокультурний опис показує, як епоніми функціонують як стереотипи, що позначають типові ролі, риси характеру або зовнішність. Наприклад, роль: *Maecenas* / *меценат* – покровитель мистецтва; *Cinderella* / *Попелюшка* – уособлення несподіваного успіху; характер: *Mephistopheles* / *Мефістофель* – уособлення хитрості та спокуси; *Scrooge* / *Скрудж* – стереотип скупого чоловіка; зовнішність: *Adonis* / *адоніс* – символ чоловічої краси; *Gollum* / *Голлум* – образ потворності та внутрішнього роздвоєння. Один і той самий епонім може мати різні конотації в різних культурах: наприклад, *Icarus* / *Ікар* в англійській традиції – символ зарозумілості та небезпечних амбіцій, а в українській – романтичного героїзму. Образ *Frankenstein* / *Франкенштейн* в англомовному світі – метафора неконтрольованого наукового прогресу, тоді як в українському – часто просто «монстр». Епоніми активно використовуються в політичному, рекламному та літературному дискурсі, а також як імена для людей, тварин чи брендів: наприклад, кіт на ім'я *Nostradamus* / *Нострадамус* або кав'ярня «*Galileo* / *Галілео*».

Міжкультурна кореляція передбачає включення до словника як мультикультурних епонімів (із подібними або різними конотаціями в обох мовах), так і монокультурних (наявних лише в одній із мов). Наприклад, повна відповідність: *Romeo* / *Ромео* – символ закоханого юнака; часткова: *Pandora* / *Пандора* – в англійській акцент на «скриньці

лиха», а в українській – на жіночій цікавості; *Scrooge* / *Скрудж* і *Icar* – приклади різних конотацій. Монокультурні епоніми, як-от *Stendhal syndrome* / *синдром Стендаля* (італійський культурний феномен), *Potemkin villages* / *потьомкінські села* (символ показної удаваності) чи *Gibson girl* / *дівчина Гібсона* (американський ідеал жіночої краси початку ХХ ст.), потребують пояснення з урахуванням їхнього культурного контексту. Розглянемо міжкультурну кореляцію до пари епонімів *Prometheus* / *Прометей* та до пари *Ham* / *Нам*. В англomовній культурі *Promethean* часто означає новаторський, революційний, пов'язаний із ризиком заради прогресу. В українській культурі образ *Прометей* має сильні романтичні конотації (символ боротьби за свободу, національного відродження – напр. у Шевченка). Конотації: позитивні (героїзм, прогрес), іноді – трагічні (страждання заради ідеї). Щодо пари *Ham* / *Нам*, то в англійській культурі *Ham* використовується лише як біблійне ім'я; переносне значення (грубість) не розвинене. В українській «хам» набув додаткового значення – груба, невихована людина (побутовий термін). Культурні відмінності: в англійській «Нам» не має сучасних негативних конотацій, тоді як у слов'янських мовах слово стало частиною соціальної лексики.

Такий словник стане інструментом для глибшого розуміння культурних кодів, історичної пам'яті та мовних стереотипів, сприятиме міжкультурній комунікації й допоможе носіям різних мовних середовищ краще пізнати одне одного. Для ілюстрації наведемо приклади двомовних словникових статей для епонімів, які містять усі типи інформації, рекомендовані для міжкультурного словника.

Don Quixote / Дон Кіхот

Правопис і вимова: англ. Don Quixote [ˌdɒn kiːˈhɒti]; укр. Дон Кіхот [дон кіхót]

Енциклопедичний опис: Головний герой роману *Дон Кіхот* (1605, 1615) іспанського письменника Мігеля де Сервантеса. Ідальго, який втратив зв'язок із реальністю, прагне відновити лицарські ідеали, борючись із вітряками.

Граматичний опис:

Іменник: а Don Quixote – мрійник, ідеаліст

Прикметник: quixotic, quixotism (англ.); донкіхотський, донкіхотизм (укр.)

Деривація: англ. quixotically; укр. донкіхотствувати

Соціокультурний опис:

Стереотип: ідеалізм, наївність, боротьба з уявними ворогами

Дискурси: літературний, політичний, філософський

Використання: назви творів, брендів, образів у рекламі

Міжкультурна кореляція:

Конотації подібні в обох мовах: романтичний ідеалізм, відрив від реальності. Часто використовується як метафора для безнадійної боротьби або благородного пориву.

Hercules / Геракл

Правопис і вимова: англ. *Hercules* ['hɜːrkjuliːz]; укр. *Геракл* [гера́кл]

Енциклопедичний опис: Міфологічний герой давньогрецької міфології, син Зевса та смертної Алкмени. Відомий надлюдською силою та виконанням «дванадцяти подвигів» як спокути за злочин, скоєний у стані божевілля. У римській традиції – *Hercules*. Символ мужності, сили та витривалості.

Граматичний опис:

Іменник: а *Hercules* – Геракл – людина надзвичайної сили.

Прикметник: *Herculean* – «геркулесівський», «титанічний» (про зусилля, завдання). Дери́вація: англ. *Herculean task*; укр. гераклі́вська сила.

Соціокультурний опис:

Стереотип: надлюдська фізична сила, героїзм, боротьба з труднощами.

Дискурси: літературний, спортивний, мотиваційний, рекламний («*Herculean effort required*»).

Використання: назви брендів (спорт, фітнес), персонажі коміксів, фільмів, ігор.

Міжкультурна кореляція:

В англомовній культурі *Hercules* часто асоціюється з героїчними подвигами та надлюдською силою, використовується метафорично для позначення надскладних завдань. В українській культурі образ *Геракла* має подібні конотації, але менш комерціалізований; частіше зустрічається в літературному та освітньому контексті.

Конотації: позитивні, пов'язані з мужністю та силою, але іноді – з грубою фізичною силою без інтелектуального аспекту.

Judas / Юда

Правопис і вимова: англ. *Judas* ['dʒuːdəs]; укр. Юда [ю́да]

Енциклопедичний опис: Юда Іскаріот – один із дванадцяти апостолів Ісуса Христа, який зрадив його за 30 срібняків. Джерело – Євангелія Нового Заповіту.

Граматичний опис:

Іменник: а *Judas* – зрадник

Прикметник: *Judas-like*; укр. юдин, юдинський

Дери́вація: англ. *Judas kiss*; укр. поцілунок Юди

Соціокультурний опис:

Стереотип: зрада, лицемірство, жадібність

Дискурси: релігійний, політичний, публіцистичний

Використання: метафора у ЗМІ, літературі, політичних промовах

Міжкультурна кореляція: Повна відповідність конотацій: в обох культурах Юда – символ зради. Усталені вирази: Judas kiss / поцілунок Юди – акт зради, замаскований під дружбу.

Icarus / Ікар

Правопис і вимова: англ. Icarus ['ikərəs]; укр. Ікар [ікар]

Енциклопедичний опис: міфологічний персонаж – син Дедала, який загинув, наблизившись занадто близько до сонця, порушивши батьківські настанови; джерело – грецький міф.

Граматичний опис: Іменник: an Icarus – людина, яка занадто ризикує

Прикметник: Icarian

Деривація: англ. Icarian ambition; укр. ікарівський політ

Соціокультурний опис:

Стереотип: надмірна амбіція, гординя, ідеалізм

Дискурси: літературний, політичний, філософський

Конотації: в англійській – негативні: «зарозумілість, що веде до падіння»;

в українській – романтичні: «героїчна самопожертва», «революційний порив».

Міжкультурна кореляція:

Конотації суттєво різняться: в англійській культурі Ікар – приклад фатальної помилки, в українській – символ ідеалізму

Використання: Часто використовується в назвах творів, брендів, іменах тварин

Монокультурні епоніми, як-от *Benedict Arnold* – зрадник; історичний персонаж американської революції; Лис Микита – хитрий, спритний персонаж; від казки Івана Франка; «потьомкінські села» чи «*Gibson girl*» (американський ідеал краси), мають бути пояснені з урахуванням їхнього культурного контексту. Наведемо приклади:

Потьомкінські села

1. Правопис і вимова

Українською: Потьомкінські села

Англійською: Potemkin villages [pə'tem.kin 'vi.lɪdʒɪz]

2. Енциклопедичний опис

Епонім походить від імені князя Григорія Потьомкіна, фаворита імператриці Катерини II. За легендою, він наказав збудувати декоративні села вздовж маршруту імператриці, щоб створити ілюзію процвітання. Хоча історична достовірність цієї історії сумнівна, вираз «потьомкінські села» став символом показної декорації, що приховує реальний стан речей – особливо в політичному чи адміністративному контексті.

3. Граматичний опис

Частина мови: іменник, сталий вираз

Синтаксична функція: підмет, додаток

Деривація: прикметник: *потьомкінський* – рідко вживається

абстрактний іменник: *потьомкінищина* – іронічне позначення фальшивої показухи

Хронологія входження: в українську мову – з XIX століття; в англійську – як *Potemkin village* з XX століття

4. Соціокультурний опис

Символ: фальші, маніпуляції, декоративного фасаду

Сфери вживання: політика: «реформи – потьомкінські села»; медіа: критика PR-кампаній; культура: сатиричні твори

Конотація: негативна, іронічна

Асоціації: авторитаризм, бюрократія, ілюзорне процвітання

5. Міжкультурна кореляція

Мультикультурний епонім:

має аналогічне значення в багатьох мовах: *Potemkin village* (англ.), *Potemkinsches Dorf* (нім.)

Конотація стабільна: в усіх культурах означає фальшивий фасад

Унікальність: походить із російсько-українського історичного контексту, але зрозумілий глобально

Gibson girl

1. Правопис і вимова

Українською: Гібсон-герл

Англійською: Gibson girl

Вимова: ['gɪbsən ɡɜ:l] – британська англійська; ['gɪbsən ɡɜ:l] – американська англійська

2. Енциклопедичний опис

Образ ідеальної жінки початку ХХ століття, створений американським ілюстратором Чарльзом Дейною Гібсоном. Вона уособлювала елегантність, незалежність, жіночність: висока, струнка, з пишною зачіскою, вузькою талією та впевненим поглядом. *Gibson girl* стала культурним ідеалом до появи феміністичних рухів і зміни жіночих ролей у суспільстві.

3. Граматичний опис

Частина мови: іменник

Синтаксична функція: підмет, додаток

Деривація: прикметник: *Gibsonesque* – у стилі Гібсон-герл

Хронологія входження:

з 1890-х років, пік популярності – 1900–1910-ті; в українському вжитку – переважно в історико-культурному контексті

4. Соціокультурний опис

Символ: жіночої елегантності, соціального статусу, дореволюційної естетики

Сфери вживання:

мода: ретро-стиль, зачіски, силуети

культура: ілюстрації, реклама, феміністичні дискусії

Конотація: позитивна, романтизована

Асоціації: перехідний образ жінки – між традиційною роллю та емансипацією

5. Міжкультурна кореляція

Монокультурний епонім: специфічний для американської культури початку ХХ століття

Аналоги в інших культурах: *La Parisienne* – французький ідеал жіночності; *Neue Frau* – німецький образ модерної жінки. Потребує пояснення: в українському контексті – як історичний феномен, не як живий стереотип.

Такий словник є необхідним, по-перше, тому що епоніми виступають носіями культурних конотацій, які не завжди очевидні для носіїв іншої мови. Наприклад, англійське Scrooge з «Різдвяної пісні» («A Christmas Carol») Чарльза Діккенса закріпилося в мовній свідомості як символ скупості, тоді як українським відповідником можна вважати образ Плюшкіна з «Мертвих душ» Миколи Гоголя. Іншим прикладом символу жадібності в українській культурі є Герасим Калитка з комедії Івана Карпенка-Карого «Хазяїн». Словник дозволяє встановлювати такі міжкультурні паралелі та уникати семантичних розбіжностей. Один із найяскравіших літературних символів жадібності у французькій культурі є Гарпагон, герой комедії Мольєра «Скупий», який

уособлює патологічну одержимість багатством і може бути поставлений у паралель зі Скруджем із Діккенса, хоча на відміну від нього Гарпагон не проходить морального переродження.

По-друге, епоніми виконують функцію культурних маркерів, що відображають історичні, літературні та соціальні контексти. Їхнє опрацювання сприяє формуванню глибшого розуміння культурного коду, робить навчальний процес змістовнішим і стимулює розвиток міжкультурної компетентності.

По-третє, відсутність знання культурного контексту може призвести до комунікативних помилок. Так, використання імені Don Juan без урахування його конотацій здатне викликати хибні інтерпретації в іншомовному середовищі.

Нарешті, словник має практичне значення для перекладацької діяльності, особливо у випадку студентів-іноземців, які часто стикаються з епонімами, що не мають прямих відповідників. Він забезпечує пошук адекватних перекладацьких рішень із урахуванням культурних особливостей, сприяючи точності та еквівалентності перекладу.

Навчальна цінність міжкультурного англо-українського та україно-англійського словника епонімів полягає у формуванні глибокого розуміння культурних конотацій, що сприяє розвитку лінгвокультурної компетентності, перекладацької чутливості та критичного мислення. Такий словник допомагає студентам розпізнавати культурні алюзії, уникати комунікативних помилок і бачити мову як носія культурної пам'яті. Він стане корисним у програмах з англійської та української мов, курсах міжкультурної комунікації, підготовці перекладачів і лінгвістичних дослідженнях. Епоніми – це не просто слова, а символи, що несуть історію, образ і асоціації. Наприклад, ім'я Фауст означає не лише персонажа, а й філософську дилему прагнення знань ціною душі. Без культурного контексту такі імена втрачають сенс. У сучасному світі, де міжкультурна комунікація стала нормою, знання епонімів є ключем до розуміння мови та її культурного виміру. Мета словника – пояснити значення епонімів в обох мовах і показати, як одна ідея набуває різних форм у різних культурах. Проект досліджує, як літературні, історичні та міфологічні персонажі стають мовними символами, і спрямований на розвиток міжкультурної компетентності та перекладацької чутливості.

Список літератури:

КАЛЬНИЧЕНКО, О. А., ГАРАЩУК, Л. А. та КАЛЬНИЧЕНКО, Н. М. 2000. *Англійські епоніми та особливості їх передачі українською мовою*. Ін: Вчені записки

- Харківського гуманітарного інституту «Народна українська академія». Харків: Око, т. 6, с. 485–494.
- КАЛЬНИЧЕНКО, Наталія. 2024. *Епоніми та їх передача в перекладі*. In: *Slavica Beliana : slavistika v meniacom sa svete : aktuálne tendencie v lingvistike, literárnej vede, translatológii a kulturológii : zborník konferenčných príspevkov*. Banská Bystrica: Belianum, Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela. S. 85–92. DOI: 10.24040/2024.9788055721651.
- КАЛЬНИЧЕНКО, Н. М. та ЛІЗОНЬ, М. 2025. *Міжкультурний англо-український навчальний словник епонімів*. In: *Проблеми і перспективи мовної підготовки іноземних студентів у закладах вищої освіти: зб. наук. ст. за матеріалами XX Міжнар. наук.-практ. конф., 23 жовт. 2025 р.* Харків: Харківський нац. автомоб.-дор. ун-т. с. 163–169. Available at: <https://dspace.khadi.kharkov.ua/handle/123456789/26551>.
- BRAGINA, Natalia and Sophia LUBENSKY. 2002. *Eponyms as Cultural Key Words and Their Lexicographic Description in English and Russian*. In: BRAASCH, A. and POVLSEN, C. (eds.). *Proceedings of the Tenth EURALEX International Congress, EURALEX*. Copenhagen, Denmark, August 13–17, 2002. Denmark: Center for Sprogteknologi, vol. I, s. 419–427. ISBN 87-90708-09-1
- NEWMARK, Peter. 1988. *A Textbook of Translation*. London: Prentice Hall. 292 p. ISBN-10: 0139125930

Наталія Кальниченко / Nataliia Kalnychenko

кафедра слов'янських мов Університету Матея Бела в Банській Бистриці, Словаччина
Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University in Banska Bystrica

Tajovskeho 40, 97401 Banska Bystrica, Slovakia

E-mail: nataliia.kalnychenko@umb.sk

ORCID ID: 0000-0002-4807-1022

Slavica Beliana

2026

translatológia

транслатология

А Б В Г Д Е Ж З
И Й К Л М Н О П
Р С Т У Ф Х Ц Ч
Ш Щ Ъ Ы Ь

PRÍPRAVA BUDÚCICH TLMOČNÍKOV PRE MEDICÍNSKY DISKURZ NA SLOVENSKÝCH UNIVERZITÁCH: AKTUÁLNY STAV A PERSPEKTÍVY⁷⁶

Viktória Štvartáková

Inštitút rusistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
Prešov, Slovensko

Abstrakt: Príspevok prináša prehľad aktuálneho stavu výučby komunitného tlmočenia na slovenských univerzitách so zameraním na oblasť medicínskeho diskurzu. Na základe analýzy učebných plánov a syláb študijných programov prekladateľstva a tlmočníctva mapuje rozsah, formy a kvalitu prípravy študentov na tlmočenie v zdravotníckom prostredí. Zároveň predstavuje hlavný výskumný cieľ dizertačnej práce, hypotézy a ďalšie plánované kroky výskumu smerujúce k návrhu modelu systematickej výučby a certifikačného rámca pre komunitných tlmočníkov v zdravotníctve na Slovensku.

Kľúčové slová: komunitné tlmočenie, medicínsky diskurz, vzdelávanie tlmočníkov, vysokoškolské kurikulum.

Training Future Interpreters for Medical Discourse at Slovak Universities: Current State and Perspectives

Abstract: This paper presents an overview of the current state of community interpreting education at Slovak universities, with a particular focus on medical discourse. Based on an analysis of curricula and course syllabi in translation and interpreting study programmes, it examines the scope, forms, and quality of student training for interpreting in healthcare settings. In addition, the paper outlines the main research objective of the doctoral project, formulates the research hypotheses, and introduces the subsequent stages of the research. These planned steps aim to contribute to the development of a model for systematic education and a certification framework for community interpreters in the healthcare sector in Slovakia.

Key words: community interpreting, medical discourse, interpreter training, university curriculum.

1. Úvod

Tlmočenie v zdravotníckom prostredí predstavuje špecifickú formu komunitného tlmočenia, ktorá si vyžaduje vysokú úroveň jazykových a komunikačných kompetencií, ako aj znalosť medicínskej terminológie.⁷⁷ V kontexte rastúcej migrácie a jazykovej diverzity sa

⁷⁶ Táto štúdia bola publikovaná v rámci projektu KEGA 032PU-4/2025 - Diverzifikácia súčasného vzdelávania v ruskom jazyku na manažérskych odboroch vysokých škôl.

⁷⁷ Tento typ tlmočenia má rôzne pomenovania, keďže ešte nemá ustálený tvar pomenovania. Preto sa v tomto texte budú vyskytovať rôzne synonymické pomenovania.

komunitné tlmočenie stáva neoddeliteľnou súčasťou fungovania zdravotných systémov, keďže jazykové bariéry ovplyvňujú prístup k zdravotnej starostlivosti a kvalitu poskytovaných služieb (Access Alliance, 2021).

Jazyková dostupnosť zdravotnej starostlivosti tak predstavuje systémovú výzvu s priamym vplyvom na zdravotnícku komunikáciu a bezpečnosť pacienta (Angelelli, 2004; Bowen, 2015). Prax posledných rokov zároveň poukázala na skutočnosť, že v situáciách zvýšeného migračného pohybu, aký nastal aj v súvislosti s vojnovým konfliktom na Ukrajine, boli do tlmočenia v zdravotníckom prostredí zapájaní aj študenti tlmočníctva. Tieto okolnosti teda vytvorili podnet na systematickú analýzu a zhodnotenie toho, do akej miery je komunitné a medicínske tlmočenie v súčasnosti reflektované vo výučbe na slovenských univerzitách. Predkladaný príspevok preto predstavuje prehľadovú štúdiu, ktorej cieľom je predstaviť aktuálny stav výučby komunitného a medicínskeho tlmočenia prostredníctvom analýzy verejne dostupných kurikulárnych dokumentov a výročných správ jednotlivých fakúlt.

2. Teoretické východiská

Skôr než sa zameriame na tlmočenie medicínskeho diskurzu je potrebné vymedziť komunitné tlmočenie ako širší rámec, z ktorého medicínsky typ tlmočenia vychádza. Komunitné tlmočenie, označované aj ako *tlmočenie vo verejných službách*, predstavuje špecifickú oblasť tlmočníckej praxe realizovanú v prostredí verejných inštitúcií, v ktorej tlmočník sprostredkúva komunikáciu medzi inštitúciou a používateľmi služieb s obmedzenou znalosťou dominantného jazyka (Hale, 2007). V porovnaní s konferenčným tlmočením si tento typ tlmočenia vyžaduje nielen jazykové a tlmočnícke kompetencie, ale aj psychologické zručnosti, orientáciu v migračnej politike a azylovom práve, pričom je tento priestor charakteristický nerovnováhou mocenských vzťahov v prospech inštitúcií (porov. Vertanová et al., 2015; Štefková, 2015).

Hale (2007) zároveň poukazuje na vysokú mieru interaktivity a nepredvídateľnosti situácií, ktorá kladie zvýšené nároky na flexibilitu tlmočníka, citlivosť voči kultúrnemu a sociálnemu kontextu a schopnosť aktívneho počúvania a porozumenia (Apostolou, 2022). Na tieto východiská nadväzuje aj Wadensjö (1998), ktorá komunitného tlmočníka chápe ako aktívneho účastníka komunikácie podieľajúceho sa na koordinácii interakcie a riadení komunikačného toku. Komunitné tlmočenie tak predstavuje komplexnú činnosť formovanú konkrétnym inštitucionálnym a situačným kontextom.

2.2 Tlmočenie v zdravotníctve ako súčasť komunitného tlmočenia

Uvedené charakteristiky komunitného tlmočenia nachádzajú svoje osobitné uplatnenie aj v zdravotníckom prostredí. Tlmočenie v medicínskom diskurze predstavuje osobitnú oblasť komunitného tlmočenia realizovanú v zdravotníckych zariadeniach, kde sprostredkúva komunikáciu medzi zdravotníckym personálom a pacientmi s obmedzenou znalosťou jazyka danej krajiny (Hale, 2007; Angelelli, 2004).

V stredoeurópskom kontexte je medicína uvádzaná ako jedna z kľúčových domén komunitného tlmočenia s významným sociálnym a integračným rozmerom, najmä v súvislosti s poskytovaním zdravotnej starostlivosti migrantom a jazykovým menšinám (JTP, 2014). Úloha tlmočníka v tomto prostredí preto presahuje samotné jazykové sprostredkovanie a má zásadný vplyv na porozumenie zdravotného stavu pacienta, diagnostických postupov a navrhovanej liečby.

Hoci medicínske tlmočenie vychádza zo základných princípov komunitného tlmočenia, vykazuje špecifické črty vyplývajúce z povahy zdravotníckej komunikácie, ako je práca s odbornou terminológiou, výrazná nerovnováha v úrovni vedomostí medzi zdravotníckym personálom a pacientmi či zvýšená emočná záťaž pacientov (Hale, 2007). S týmito faktormi úzko súvisí aj zvýšené riziko nedorozumení a porušovania princípov informovaného súhlasu v prípadoch, keď komunikácia neprebíha za účasti profesionálneho tlmočníka. Ako upozorňuje Bowen (2015), takéto zlyhania v komunikácii môžu mať priamy negatívny dopad na bezpečnosť a priebeh liečby pacienta.

Ďalším špecifikom medicínskeho tlmočenia je vysoká emočná náročnosť sprostredkovanej situácie. Tlmočníci sa v tomto prostredí pravidelne stretávajú s emóciami, ako je strach, neistota, smútok, hnev či úzkosť, ktoré úzko súvisia so zdravotným stavom pacienta a jeho osobnou situáciou. Psychická odolnosť a schopnosť zvládať stresové situácie tak predstavujú neoddeliteľnú súčasť práce medicínskeho tlmočníka (Hale, 2007). V tomto kontexte zohráva dôležitú úlohu aj schopnosť udržiavať osobnú psychohygienu, ktorá pomáha predchádzať dlhodobému psychickému alebo fyzickému preťaženiu vyplývajúcemu z práce v náročnom prostredí (Pánková Kratochvílová, 2018).

S emočnou náročnosťou zdravotníckej komunikácie úzko súvisí aj potreba ovládať neverbálnu komunikáciu, ktorá tlmočníkovi umožňuje lepšie porozumieť kontextu interakcie a emocionálnemu prežívaniu zúčastnených strán (porov. Flores, 2005; Jacobs, 2017). Rovnako významné sú znalosti kultúrnych rozdielov v chápaní zdravia, choroby a autority lekára, ktoré môžu zásadne ovplyvňovať priebeh komunikácie a očakávania pacientov (Bowen, 2015).

Uvedené aspekty poukazujú na význam profesionálneho medicínskeho tlmočenia pri zabezpečení kvalitnej a bezpečnej zdravotnej starostlivosti. Ako zdôrazňuje Access Alliance (2021), tlmočenie v zdravotníctve by nemalo byť vnímané ako doplnková alebo nadštandardná služba, ale ako nevyhnutný prvok efektívnej a spravodlivej zdravotnej starostlivosti, pričom jazyková dostupnosť predstavuje systémovú otázku s priamym dopadom na zdravotné výsledky pacienta aj na celkovú efektívnosť zdravotníckeho systému.

Predstavené teoretické východiská poukazujú na komplexnosť medicínskeho tlmočenia a na šírku kompetencií, ktoré si tento typ tlmočenia vyžaduje. Nasledujúca časť príspevku sa preto zameriava na analýzu toho, do akej miery sú tieto špecifiká reflektované v súčasnej univerzitnej príprave tlmočníkov na Slovensku.

3. Metodika výskumu

Cieľom štúdie je zhodnotiť aktuálny stav výučby komunitného a medicínskeho tlmočenia na slovenských univerzitách prostredníctvom analýzy verejne dostupných kurikulárnych dokumentov.⁷⁸ Analýza sa zameriava na študentov prekladateľstva a tlmočníctva v jazykovej kombinácii slovenčina a ruština. Zistenia z tejto analýzy predstavujú podklad pre ďalšie fázy dizertačného výskumu, ktorého cieľom na návrh predmetu tlmočenia v medicínskom diskurze pre študentov ruského jazyka.

V rámci tejto prehľadovej štúdie využívame kvalitatívnu formu výskumu založenú na obsahovej analýze verejne dostupných kurikulárnych a inštitucionálnych dokumentov. Analyzovaný materiál tvoria informačné listy predmetov (sylaby) a výročné správy fakúlt. V rámci študijných programov sa zameriavame na programy prekladateľstva a tlmočníctva.

Dokumenty boli systematicky analyzované podľa vopred stanoveného rámca, ktorý zahŕňal identifikačné údaje (univerzita, program, stupeň), typ predmetu, prítomnosť komunitného a medicínskeho tlmočenia vo výučbe. Súčasťou analýzy bola aj obsahová analýza výročných správ fakúlt zameraná na zistenie charakteru odbornej praxe študentov. Výročné správy tak dotvárajú celkový obraz o teoretickej aj praktickej príprave študentov na výkon tlmočnickej profesie. Táto prehľadová štúdia sa je spojená s určitými limitmi, najmä s orientáciou výlučne na verejne dostupné dokumenty, ktoré nemusia zachytiť všetky neformálne alebo interné aktivity. Napriek týmto obmedzeniam analýza poskytuje

⁷⁸ Analyzované boli verejne dostupné informačné listy predmetov a výročné správy Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave, Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, Filozofickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove, Filozofickej fakulty Konštantína Filozofa v Nitre a Filozofickej fakulty Univerzity Cyrila a Metoda v Trnave.

konzistentný prehľad kurikulárnych tendencií a umožňuje identifikovať medzery v príprave budúcich tlmočníkov pre medicínske prostredie.

4. Výsledky

Cieľom analýzy bolo zhodnotiť stav výučby komunitného a medicínskeho tlmočenia na slovenských univerzitách na základe informačných listov predmetov a výročných správ fakúlt. Analýza vychádzala z korpusu tlmočnických a vybraných jazykových predmetov v študijných programoch prekladateľstva a tlmočníctva, pričom sa zameriavala na predmety viazané na ruský jazyk.

Výsledky analýzy informačných listov predmetov ukázali, že tlmočenie je v skúmaných študijných programoch zastúpené najmä prostredníctvom všeobecných tlmočnických predmetov. V analyzovanom korpuse bolo identifikovaných dvadsaťšesť tlmočnických predmetov, ktoré sú súčasťou študijných plánov slovenských univerzít a zameriavajú sa predovšetkým na rozvoj základných tlmočnických zručností bez explicitnej profilácie smerom ku komunitnému a medicínskemu tlmočeniu.

Na základe kvantitatívnej analýzy verejne dostupných informačných listov predmetov realizovanej *de visu* na piatich univerzitných pracoviskách sa ukázalo, že komunitné tlmočenie nie je v skúmaných študijných programoch spravidla koncipované ako samostatný predmet. Z celkového počtu dvadsaťšesť tlmočnických predmetov je táto tematika zahrnutá len ako tematický okruh v rámci dvanástich z nich. Samostatne profilované predmety zamerané na komunitné tlmočenie boli identifikované len v dvoch prípadoch. Na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského majú študenti možnosť absolvovať predmet výlučne orientovaný na komunitné tlmočenie, zatiaľ čo na Filozofickej fakulte Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre bol nedávno zavedený predmet *Preklad a tlmočenie vo verejných službách v ruskom jazyku*, ktorý systematicky zahŕňa aj tematiku zdravotníctva a tlmočenia v zdravotníckych zariadeniach. Tento krok predstavuje významný posun smerom k cielenej príprave komunitných tlmočníkov v medicínskom diskurze.

V ostatných prípadoch je komunitné tlmočenie do výučby začleňované len okrajovo, najčastejšie ako čiastkový tematický blok v rámci všeobecných tlmočnických predmetov, a to buď explicitne, alebo implicitne prostredníctvom tém, ako sú migračná politika, azylové konanie či spolupráca s verejnými inštitúciami. Témy verejných služieb sa sporadicky objavujú aj v jazykových a komunikačných predmetoch, tie však plnia prevažne doplnkovú funkciu, keďže neumožňujú systematický rozvoj tlmočnických stratégií v konkrétnych situáciách komunitného tlmočenia. Uvedené zistenia naznačujú, že komunitné tlmočenie

zatiaľ na väčšine analyzovaných univerzít nefiguruje ako autonómna oblasť profesionálnej prípravy, ale skôr ako súčasť všeobecného tlmočnickeho vzdelávania.

Jedným z kľúčových zistení našej analýzy je, že medicínska tematika sa v skúmaných študijných programoch objavuje prevažne implicitne. Z celkového počtu dvadsaťšesť tlmočnických predmetov boli identifikované len tri, v ktorých sa explicitne uvádza tematika tlmočenia v zdravotníctve, pričom aj v týchto prípadoch ide len o časovo obmedzené tematické jednotky v rámci všeobecne tlmočnických kurzov. Výnimku predstavuje Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, kde v roku 2024 vznikla cvičebnica o *Tlmočení v zdravotníctve* pod vedením S. Hodákovéj et al., ktorú je postupne implementovaná do výučby tlmočenia vo verejných službách, vrátane výučby študentov ruského jazyka.

Mimo tlmočnických predmetov sa medicínska tematika objavuje v rámci dvanástich konverzačných a jazykových predmetov, ktoré sú však primárne zamerané na rozvoj jazykových a komunikačných kompetencií bez systematického nácviku tlmočnických techník. Radi by sme ešte upozornili na zaradenie predmetov *Neverbálna komunikácia* a *Psychohygiena tlmočníka* na Univerzite Konštantína Filozofa v Nitre, ktoré môžu slúžiť ako doplnková príprava pre tlmočníkov pracujúcich v emocionálne a situačne náročných kontextoch.

Celkovo možno konštatovať, že medicínska tematika zatiaľ nie je v univerzitných kurikulumoch koncipovaná ako samostatná oblasť tlmočnickej prípravy, ale prevažne ako všeobecný komunikačný kontext.

4.1 Praktická príprava študentov v kontexte komunitného a medicínskeho tlmočenia

Analýza výročných správ fakúlt z prechádzajúceho roku poukázala na to, že odborná prax študentov tlmočníctva je realizovaná predovšetkým v oblasti kultúrnych a spoločenských podujatí. Univerzity síce deklarujú spolupráce s externými organizáciami, tie však často nie sú bližšie špecifikované, čo znemožňuje presnejšie určenie charakteru tlmočnickej praxe. Výnimku predstavuje spolupráca Univerzity Konštantína Filozofa s mimovládnu organizáciou *Človek v ohrození*, ktorú možno zaradiť do oblasti komunitného tlmočenia. Napríklad aj Prešovská univerzita realizovala odbornú prax v spolupráci s cudzineckou políciou a bola jednou z mála univerzít, ktoré sa zúčastnili aktívneho pokrytia tlmočenie v čase konfliktu.

V období zvýšeného migračného pohybu po vypuknutí vojnového konfliktu na Ukrajine sa študenti viacerých univerzít zapájali do tlmočenia v prostredí verejných inštitúcií, čo im

umožnilo nadobudnúť skúsenosti s komunitným tlmočením. Táto prax však prebiehala bez systematickej odbornej prípravy v rámci štúdia a mala prevažne ad hoc charakter. V súčasnosti sa takéto formy spolupráce vyskytujú v analyzovaných dokumentoch len ojedinele a prax zameraná na tlmočenie v zdravotníckom prostredí identifikovaná nebola.

Na základe nami vykonanej analýzy možno konštatovať, že výučba komunitného a medicínskeho tlmočenia na slovenských univerzitách je fragmentovaná a prevažne implicitná. Hoci existujú jednotlivé pozitívne iniciatívy, tie zatiaľ netvoria ucelený a systematicky koncipovaný model prípravy budúcich tlmočníkov pre medicínsky diskurz.

5. Záver

Cieľom príspevku bolo zhodnotiť aktuálny stav výučby komunitného a medicínskeho tlmočenia na slovenských univerzitách so zameraním na ruský jazyk na základe analýzy verejne dostupných kurikulárnych dokumentov a výročných správ vybraných fakúlt. Výsledky poukazujú na prevažne okrajové a nesystematické zastúpenie komunitného tlmočenia vo výučbe, ako aj absenciu cielenej prípravy v oblasti medicínskeho tlmočenia. Odborná prax je orientovaná najmä na kultúrne a spoločenské podujatia, pričom prax v zdravotníckom prostredí identifikovaná nebola. Zistenia tak otvárajú priestor pre ďalšie fázy výskumu zamerané na didaktické rozpracovanie tejto oblasti, ktorého cieľom je štruktúry a obsahového zamerania predmetu tlmočenia v medicínskom diskurze.

Zoznam literatúry

- ACCESS ALLIANCE Multicultural Health and Community Services. *Investing in Language Access to Optimize Health System Performance: A Review of the Literature*. Toronto: Access Alliance Multicultural Health and Community Services, 2021.
- ANGELELLI, C. V. 2004. *Medical interpreting and cross-cultural communication*. Cambridge: Cambridge University Press. ISBN 978-0-521-83026-3.
- APOSTOLOU, F. (ed.). 2022. *Community Interpreting Training Handbook*. PLOUTOS Project – Cooperation for achieving third country nationals' financial independence through financial literacy tools and entrepreneurship bootcamps [online]. Dostupné na: <https://www.ploutosproject.org>.
- BOWEN, Sarah. *The impact of language barriers on patient safety and quality of care*. Ottawa: Société Santé en français, 2015.
- FLORES, Glenn. The impact of medical interpreter services on the quality of health care: A systematic review. *Medical Care Research and Review*, 2005, roč. 62, č. 3, s. 255–299. ISSN 1077-5587.
- HALE, S. .2007. *Community Interpreting*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. ISBN 978-1-4039-9248-6.
- HODÁKOVÁ, S. – VIERIKOVÁ, L. – SHVETS, O. – UKUŠOVÁ, J. 2024. *Tlmočenie v zdravotníctve: interaktívny modul pre jazykové kombinácie slovenčina –*

- ruština – ukrajinčina – angličtina*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta. ISBN 978-80-558-2189-4.
- JACOBS, E. A. – DIAMOND, L. C. (eds.). 2017. *Providing Health Care in the Context of Language Barriers: International Perspectives*. Bristol: Multilingual Matters. ISBN 978-1-78309-776-0.
- JEDNOTA TLUMOČNÍKŮ A PŘEKLADATELŮ (JTP). 2014. *Chápete, člověče, co vám říkám? Úvod do komunitního tlumočení*. Praha: Jednota tlumočnicků a překladatelů.
- PÁNKOVÁ KRATOCHVÍLOVÁ, K. 2018. *Psychohygiena pro tlumočníky*. Komoří bulletin, roč. 2, s. 5–14.
- ŠTEFKOVÁ, M. 2015. *Hybridné formy úradného, resp. komunitného tlmočenia*. In: GULDANOVÁ, Zuzana (ed.). *Kontexty súdneho prekladu a tlmočenia IV*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. s. 69–81. ISBN 978-80-223-3884-4.
- VERTANOVÁ, S. – ANDOKOVÁ, M. – ŠTUBŇA, P. – MOYŠOVÁ, S. 2015. *Tlmočník ako rečník: učebnica pre študentov tlmočníctva*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. ISBN 978-80-223-4030-4.
- WADENSJÖ, C. 1998. *Interpreting as Interaction*. London; New York: Routledge. ISBN 978-0-582-28910-9.
- Komunitné tlmočenie [online]. 2020 [2026-30-1]. Dostupné na: <https://www.kapacity.sk/informacia/komunitne-tlmocenie/>.

Viktória Štvartáková

Mgr.

Inštitút rusistiky

Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove

17. novembra 3724/15, 080 01 Prešov, Slovensko

Institute of Russian Studies

Faculty of Arts, University of Presov

17. novembra 3724/15, 080 01 Presov, Slovakia

E-mail: viktorias.vasilovova@smail.unipo.sk

ORCID: 0009-0002-8637-6780

KONCEPTUÁLNA METAFORA V KONCEPCII VZDELÁVANIA BUDÚCICH TRANSLATOLÓGOV (NA PRÍKLADE PREKLADU SLOVENSKÝCH A RUSKÝCH METAFORICKÝCH TERMÍNOV Z OBLASTI ANATÓMIE A MEDICÍNY)⁷⁹

Nikoleta Mertová

Inštitút rusistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
Prešov, Slovensko

Anotácia: Kognitívna metafora je fundamentálnym mechanizmom ľudského myslenia a systematicky sa v podobe metaforických termínov aplikuje aj v odbornom či vedeckom diskurze, vrátane medicíny. Konceptuálna metafora ako odraz kognitívnej (poznávacej) kompetencie človeka v jazyku je čoraz častejšie predmetom výskumu filológov, a nepochybne aj translatológov. Anatómia a klinická medicína pracujú s abstraktnými procesmi, vnútornými štruktúrami a funkciami, ktoré sú pre človeka nepriamo pozorovateľné. Práve preto sú konceptualizované prostredníctvom známych skúsenostných domén. V príspevku sa zameriame na definíciu a analýzu konceptuálnej metafory, metodiku prekladu a prekladové konvencie, ktoré je nevyhnutné dodržať pri preklade metaforických termínov anatomickej a klinickej lekárskej terminológie.

Kľúčové slová: kognitívna metafora, konceptualizácia, preklad odborného textu, metaforický termín, ruština, konceptuálna metafora, medicína, translatológia.

CONCEPTUAL METAPHOR IN THE CONCEPT OF EDUCATION OF FUTURE TRANSLATION SPECIALISTS (ON THE EXAMPLE OF TRANSLATING SLOVAK AND RUSSIAN METAPHORICAL TERMS FROM THE FIELD OF ANATOMY AND MEDICINE)

Abstract: Cognitive metaphor is a fundamental mechanism of human thinking and is systematically applied in the form of metaphorical terms in professional or scientific discourse, including medicine. Conceptual metaphor as a reflection of a person's cognitive (cognitive) competence in language is increasingly becoming a subject of research by philologists, and undoubtedly also by translationologists. Anatomy and clinical medicine work with abstract processes, internal structures and functions that are indirectly observable to humans. That is why they are conceptualized through known domains of experience. In this paper, we will focus on the definition and analysis of conceptual metaphor, translation methodology and translation conventions that must be followed when translating metaphorical terms of anatomical and clinical medical terminology.

Keywords: cognitive metaphor, conceptualization, translation of a professional text, metaphorical term, Russian language, conceptual metaphor, medicine, translation studies.

⁷⁹ Táto štúdia bola publikovaná v rámci projektu KEGA 032PU-4/2025 – Diverzifikácia súčasného vzdelávania v ruskom jazyku na manažérskych odboroch vysokých škôl.

1 Úvod

Metafora je v súčasnej jazykovede chápaná ako fundamentálny kognitívny mechanizmus, prostredníctvom ktorého človek konceptualizuje, štruktúruje a interpretuje svoju skúsenosť s reálnym objektívnym alebo subjektívnym svetom. V rámci kognitívno-lingvistickej paradigmy prestáva byť metafora vnímaná ako poetický, číro štylistický alebo rétorický prostriedok a je interpretovaná ako systematický (pozn. autorky noetický) princíp organizácie konceptuálneho systému a kognitívnej činnosti človeka (Lakoff – Johnson, 1980; Lakoff, 1993). Hoci sa tradične spája s umeleckým a publicistickým diskurzom, výskumy posledných desaťročí jednoznačne potvrdzujú jej integrálnu prítomnosť aj v odborných a vedeckých textoch, vrátane technického či medicínskeho diskurzu (Flusberg – Mackey – Semino, 2024a, 2024b; Semino, 2008; Bleakley, 2017). Procesy zmyslového a racionálneho uchopovania objektívnej reality, jej hodnotenia, schematizácie, kategorizácie a konceptualizácie poznania možno interpretovať ako formy kognitívneho modelovania, ktoré sa realizujú prostredníctvom konceptuálnych metafor. Konceptuálna metafora je v tomto chápaní definovaná ako stabilné *mapovanie* medzi zdrojovou a cieľovou konceptuálnou doménou, pričom štruktúra jednej oblasti skúsenosti slúži na porozumenie inej, spravidla abstraktnejšej oblasti (Lakoff – Johnson, 1980; Kövecses, 2010). Z pohľadu angloamerickej tradície analýzy diskurzu sa metafora skúma nielen ako súčasť lexikálno-sémantickej štruktúry, ale aj ako diskurzívny nástroj, ktorý spoluvytvára význam v konkrétnych komunikačných situáciách a ovplyvňuje interpretáciu reality účastníkmi diskurzu (Charteris-Black, 2004; Semino, 2008).

V medicínskom diskurze metafory zohrávajú významnú epistemickú a explanačnú funkciu – umožňujú konceptualizáciu telesných štruktúr, fyziologických procesov a patologických stavov prostredníctvom skúsenostne blízkych domén, ako sú mechanizmus, priestor, architektúra či boj (Bleakley, 2017). Slovenská jazykovedná tradícia reflektuje metaforu najmä v kontexte vzťahu jazyka, myslenia a kultúry, avšak aj v rámci terminologického a odborného diskurzu. Výskumy poukazujú na to, že metafora plní významnú konceptotvornú funkciu a podieľa sa na formovaní odborných pojmov a terminologických sústav (Dolník, 2010; Horecký, 1994; Poľáková, 2025; Mertová, 2025). V oblasti terminológie a kognitívnej lingvistiky je metafora chápaná ako nástroj fixácie a stabilizácie poznatkov, ktorý umožňuje vytváranie názorných a systémovo ukotvených pomenovaní odborných entít (Temmerman, 2000). Ruská tradícia lingvistickej analýzy diskurzu a kognitívnej sémantiky zdôrazňuje úlohu metafory ako prostriedku jazykového obrazu sveta (*языковая картина мира*) a ako mechanizmu konceptualizácie poznania v

rámci vedeckého diskurzu (Арутюнова, 1990; Кубрякова, 2004). Metafora je v tomto kontexte chápaná ako prostriedok sekundárnej nominácie, ktorý umožňuje pomenovanie nových alebo abstraktných javov na základe už existujúcich konceptuálnych štruktúr. Ako uvádzajú S. Poľáková a N. Dimitrova, tieto metafory „[...] možno chápať ako kognitívne mosty, ktoré sprostredkujú prenos poznania medzi odlišnými doménami a zároveň zvyšujú dostupnosť a zrozumiteľnosť špecializovaných poznatkov pre širšie publikum. V rámci odborného diskurzu tak plnia úlohu mediátorov medzi abstraktným teoretickým aparátom a praktickým uplatnením poznatkov, čím napomáhajú k ich širšej internalizácii a aplikovateľnosti. Ich funkcia presahuje čisto jazykovú rovinu, keďže umožňujú didaktickú redukciu komplexných javov a podporujú formovanie mentálnych modelov, ktoré sú bližšie každodennej skúsenosti. Z tohto dôvodu sú metaforické termíny nielen súčasťou odborného jazyka, ale aj kultúrno-kognitívnym nástrojom, ktorý zásadným spôsobom prispieva k šíreniu a ukotvovaniu vedeckého poznania“ (Poľáková, Dimitrova, 2025, s. 34).

V odbornom jazyku medicíny sa tak metafora podieľa na vytváraní systematických terminologických modelov, ktoré sú súčasťou širšieho kognitívno-diskurzívneho rámca. Z translatologického hľadiska predstavujú metaforicky motivované terminologické jednotky osobitnú výzvu, keďže ich adekvátny preklad si vyžaduje nielen zachovanie referenčného významu, ale aj rekonštrukciu príslušného konceptuálneho mapovania v cieľovom jazyku (Newmark, 1988; Schäffner, 2004). Analýza metafory v odbornom texte preto nemôže zostať obmedzená na jazykovú rovinu, ale nevyhnutne zahŕňa aj kognitívny a diskurzívny rozmer, v ktorom sa odborný význam stabilizuje.

Ako sme už uviedli, kognitívna metafora predstavuje integrálnu súčasť rozličných typov diskurzu, nevynímajúc odborný jazyk a diskurz odbornej a vedeckej komunikácie, ktoré sú predmetom profesionálnej prekladateľskej činnosti, no aj systematického translatologického výskumu. V tomto kontexte je konceptuálna metafora chápaná ako jeden z konštitutívnych mechanizmov odborného diskurzu, ktorý sa podieľa na štruktúrovaní významu v technickej a vedeckej komunikácii. Vzhľadom na komplexnosť metaforického konceptuálneho mapovania je preto nevyhnutné skúmať metaforu aj v rámci terminologických sústav a odborných nomenklatúr (Bocorny Finatto, 2010). Osobitnú pozornosť je potrebné venovať identifikácii metaforicky motivovaných terminologických jednotiek, analýze ich prekladových ekvivalentov a deskripcii translačných stratégií uplatňovaných pri prenose metaforickej motivácie medzi jazykmi.

2 Metodika a prekladové konvencie pri preklade metaforického termínu

Prijatie metodologických východísk kognitívnej lingvistiky a kognitívnej vedy v procese identifikácie, interpretácie a reformulácie metaforicky motivovaných termínov umožňuje chápať metaforu simultánne ako nástroj (organon) i výsledok ľudského myslenia. Konceptuálna metafora je v tomto zmysle definovaná ako systematické mapovanie medzi zdrojovou doménou, spravidla *konkrétnejšou a skúsenostne bližšou*, a cieľovou doménou, ktorá býva *abstraktnejšia a konceptuálne menej transparentná*. Takéto mapovanie umožňuje modelovanie objektov a javov vyššej miery komplexnosti prostredníctvom prenášania štruktúr, relácií a vlastností zo zdrojovej do cieľovej domény.

Konceptualizácia prostredníctvom metafory sa obzvlášť frekventovane uplatňuje v diskurzoch, ktoré využívajú metaforickú projekciu pri tvorbe nových terminologických pomenovaní, resp. pri konštruovaní analogických modelov medzi rôznymi vednými oblasťami. V takýchto prípadoch sa nový referent asociuje s už existujúcim konceptuálnym rámcom, čím sa zabezpečuje rýchlejšia orientácia v jeho vlastnostiach, funkciách a štrukturálnych špecifikách (napr. zoomorfná konceptuálna metafora *cauda equina* – конский хвост – *konský chvost* (zväzok nervových koreňov na konci miechy, ktorých kompresia spôsobuje tzv. *syndróm kaudy* alebo *syndróm konského chvosta* (skratka CES)). Metaforická motivácia tak plní významnú explanačnú a heuristickú funkciu, keďže napomáha efektívnejšej internalizácii a kognitívnej stabilizácii odborných pojmov.

2.1 Špecifiká identifikácie a translácie metaforických termínov

Z translatologického hľadiska predstavuje preklad odborných textov obsahujúcich konceptuálne, resp. kognitívne metaforu špecifickú výzvu aj pre oblasť profesionálneho vzdelávania translatológov. Odborný diskurz je špecifickou komunikačnou sférou, v ktorej sa konceptuálne metaforicky systematicky uplatňujú ako nástroj pomenovania, modelovania a interpretácie odborných objektov a procesov. Do tohto diskurzu vstupujú nielen profesionálni odborníci, ale aj študenti univerzít, ktorí sa v rámci dlhodobej prípravy na výkon budúcej profesie postupne socializujú do odborného jazyka a jeho konceptuálnych štruktúr. Analogicky sa s odborným diskurzom a textami odborného funkčného a náučného štýlu rôznorodej tematickej oblasti v príprave na budúce profesionálne zameranie v oblasti prekladateľstva a tlmočníctva, nepochybne, stretávajú aj študenti translatológie (Chovanec, 2020). V rámci procesu dlhodobej prípravy na výkon prekladateľskej a tlmočníckej profesie je porozumenie mechanizmom konceptualizácie prostredníctvom metafory nevyhnutnou súčasťou profesijnej kompetencie. Kontakt s odborným textom v tejto fáze profesijnej

prípravy si vyžaduje kritický prístup k jeho čítaniu, interpretácii a významovej štruktúre (Kosturková, 2016), keďže odborný komunikát nie je len nositeľom faktických informácií, ale aj výsledkom špecifického spôsobu kognitívneho modelovania reality. Kognitívna metafora pritom v odbornom, resp. medicínskom texte často vystupuje ako významová dominanta, ktorá spoluurčuje interpretáciu jednotlivých významových segmentov, ako aj celkové konceptuálne ukotvenie komunikátu. Jej funkcia tak presahuje rovinu lokálneho stylistického prostriedku a stáva sa integrálnou súčasťou organizácie odborného diskurzu. Nemenej dôležitú úlohu zohrávajú aj prekladateľské postupy založené na dôslednom rešerši, verifikácii a následnej evaluácii zvolenej prekladovej stratégie (Jenčíková, 2020), a to až po overenie funkčnosti navrhnutého ekvivalentu v cieľovom jazyku a príslušnom odbornom diskurze, i analýzu chýb a lapsusov. V tomto kontexte A. Koželová poukazuje na súbor prekladateľských kompetencií, medzi ktoré zaraďuje jazykovú, interpretačnú, rešeršnú a verifikačnú, kultúrnu, strategickú, technickú, trhovú a (meta)kritickú kompetenciu (Koželová, 2018, s. 133), pričom osobitne zdôrazňuje, že väzbu medzi rešeršnou a verifikačnou kompetenciou prekladateľa nemožno v procese odborného prekladu nebrať do úvahy (Koželová, 2018). V nadväznosti na Koželovej tvrdenie sa odvážime konštatovať, že z didaktického hľadiska sa preto práca s metaforickými termínmi javí ako mimoriadne vhodný nástroj rozvoja kognitívnej a interpretačnej kompetencie študentov translatológie (bližšie porov. Mertová, 2025).

2.1.1. Zdroje pre mikroterminologický korpus metaforických termínov

Výskumný korpus metaforických termínov tvorí anatomická a klinická terminológia v slovenčine a ruštine (slovenské a latinsko-slovenské anatomické slovníky a nomenklatúry (napr. *Terminologia Anatomica* v slovenskom preklade); ruské anatomické a medicínske slovníky (napr. *Анатомическая терминология, Большой медицинский словарь*)), latinské názvy ako referenčný (intermediálny) terminologický rámec a odborné anatomické texty (vysokoškolské učebnice, anatomické atlasy, terminologické slovníky); rovnako aj klinické a odborné texty aplikačného charakteru (klinické opisy, diagnostické správy, odborné články z oblasti konkrétnej tematickej oblasti (funkčné orgánové systémy). Výskum metaforických termínov by sa z didaktického hľadiska mal orientovať na analýzu konceptuálnych metafor v oblasti anatomickej terminológie so zameraním na ontologické metafory, prostredníctvom ktorých je ľudské telo konceptualizované ako priestor, krajina, architektúra či topografická entita.

2.1.2 Identifikácia metaforického termínu

Pri identifikácii metaforických termínov aplikujeme verziu metódy identifikácie metafor (MIP/MIPVU Metaphor Identification Procedure (Pragglejaz Group, 2007; Steen et al., 2010; Steen et al., 2019), adaptovanú na odborný text. Samotná metóda sa aplikuje resp. pozostáva z jednotlivých etáp: 1. identifikácia terminologickej jednotky v odbornom texte, 2. určenie jej základného (nemetáforického) významu vo všeobecnom jazyku, 3. porovnanie so špecializovaným kontextom a (anatomickým) významom, 4. posúdenie existencie významového presunu na základe podobnosti, analógie alebo topografickej projekcie. Tento postup je kompatibilný s Lakoffovou tézou, že metaforický význam je interpretovateľný prostredníctvom doslovného významu (Lakoff in Ortony, 1978, s. 244). Z translatologického hľadiska nadobúda osobitný význam identifikácia metaforicky motivovaných termínov, otázka ich preložiteľnosti, zachovania kognitívnej ekvivalencie a ich klasifikácie podľa príslušných konceptuálnych domén, t. j. podľa vecnej charakteristiky zdrojovej domény. Práve tento nemetaforický komponent často funguje ako základný interpretačný kľúč, ktorý umožňuje odhaliť motiváciu metaforickej projekcie a jej funkciu v konkrétnom odbornom kontexte.

2.1.3 Typológia analýz metaforických termínov

Základnou metódou analýzy ontologických metafor (Lakoff) je kognitívno-sémantická analýza metaforicky motivovaných anatomických termínov, ktorá umožňuje identifikovať zdrojovú doménu metaforického termínu (napr. KRAJINA, PRIESTOR, ARCHITEKTÚRA) a cieľovú doménu (ĽUDSKÉ TELO, ANATOMICKÁ ŠTRUKTÚRA), rovnako aj demonštrovať a rekonštruovať konceptuálne mapovanie medzi týmito doménami (Lakoff – Johnson), napr. napr. *cavum/ dutina* (ústna)/ *полость (ротовая)*, *cauda/ chvost/ хвост*, *predsieň/ преддверие*, *valva/ chlopňa/ клапан*, *xiphoideus/ mečovitý/ мечевидный* a pod. Nevyhnutnou súčasťou je terminologická analýza, ktorá zahŕňa 1. určenie *miery metaforickosti* termínu (živá vs. terminologicky fixovaná metafora), 2. analýzu stabilizácie metafory v terminologickom systéme v podobe štandardizovaného termínu a 3. porovnanie ekvivalentov v slovenčine a ruštine. Kontrastívno-translatologická analýza umožňuje 1. porovnať zachovanie alebo modifikáciu konceptuálneho mapovania v slovenčine a v ruštine, 2. identifikovať prípady úplnej, čiastočnej alebo nulovej kognitívnej ekvivalencie, 3. analyzovať prekladateľské stratégie (zachovanie metafory, demetaforizácia, substitúcia a pod.). Typológia skúmaných metafor (Lakoff, 1980) sa orientuje predovšetkým na ontologické metafory: TELO/ORGANIZMUS JE KRAJINA
TELO/ORGANIZMUS JE PRIESTOR

2.1.4 Prekladové konvencie pri preklade ontologických metafor/ metaforických termínov

Pri preklade metaforických výrazov v odbornom texte prekladateľ spravidla volí riešenie, ktoré 1. buď zachováva metaforickosť a funkčnosť pôvodného konceptuálneho mapovania medzi zdrojovou a cieľovou doménou, alebo 2. realizuje takú transformačnú úpravu, ktorá síce rešpektuje nominatívny význam termínu, no vedie k modifikácii jeho lexikálno-sémantických a gramatických vlastností. Voľba adekvátneho prekladového ekvivalentu, najmä v prípade terminologických jednotiek s nízkou mierou variability, ktorá je štandardnou črtou anatomickej nomenklatúry je výsledkom vysokej miery zodpovednosti prekladateľa a jeho schopnosti aplikovať ustálené prekladové konvencie v súlade s odborným (medicínskym) diskurzom cieľového jazyka.

Prekladateľ je v takýchto prípadoch konfrontovaný s potrebou zachovať sémantickú invarianciu metaforického termínu, t. j. invariantné jadro významu vyplývajúce z pôvodného konceptuálneho mapovania medzi zdrojovou a cieľovou doménou. Adekvátna translácia metaforicky motivovaných (vrátane terminologických) jednotiek si preto vyžaduje nielen formálnu alebo lexikálnu ekvivalenciu, ale aj rekonštrukciu relevantných konceptuálnych štruktúr v cieľovom jazyku a odbornom diskurze. Znalosť a aktívne používanie ustálených ekvivalentov je preto často indikátorom profesionality prekladateľa (Biel, 2008, s. 26).

2.1.5 Ontologická metafora v anatomickej terminológii

TELO JE KRAJINA (PRIESTOR; TOPOGRAFIA) a ORGÁN JE NÁDOBA

Ľudské telo je v anatomickej terminológii systematicky konceptualizované ako členený priestor, resp. krajina, ktorú možno opisovať prostredníctvom topografických, geometrických a orientačných parametrov. V slovenskej aj ruskej anatómii sa stabilne používajú termíny, ktoré odkazujú na topografické myslenie, napr.: *proximálny* – *distálny* (rus. проксимальный – дистальный), *mediálny* – *laterálny* (rus. медиальный – латеральный), *povrchový* – *hlboký* (rus. поверхностный – глубокий), *kraniálny* – *kaudálny* (rus. краниальный – каудальный). Zdrojovou doménou je v tomto prípade fyzický priestor a geografická krajina, cieľovou doménou ľudské telo a jeho anatomická organizácia. Toto konceptuálne mapovanie sa realizuje v terminológii, ktorá pomenúva polohu (lokalizáciu), jednotlivé vzťahy medzi štruktúrami, hranice (medzi orgánmi a štruktúrami organizmu), povrchy a vnútorné priestory či orientáciu vo vzťahu element – celok. Takéto termíny nevznikajú ako arbitrárne označenia, ale sú výsledkom metaforickej projekcie priestorových

vzťahov známych z orientácie v krajine na vnútornú organizáciu, resp. štruktúru tela (dno priepasti – dno (dutého) orgánu). Výsledkom je vytvorenie stabilného anatomického modelu, ktorý umožňuje presnú lokalizáciu a opis telesných štruktúr bez potreby ich priamej vizualizácie.

Pri vizualizácii a konceptualizácii orgánových sústav je osobitne frekventovaným a produktívnym typom ontologickej metafory v analyzovanom materiáli metafora *nádoby*, v rámci ktorej sú orgány, telesné priestory a anatomické útvary konceptualizované ako duté objekty s vnútorným obsahom. Zdrojovou doménou je v tomto prípade fyzická nádoba, cieľovou doménou orgán alebo telesný priestor. V oboch porovnávaných jazykoch sa tento model realizuje mimoriadne konzistentne, čo potvrdzuje jeho kognitívnu zakotvenosť, napr.: *brušná dutina* – брюшная полость (cavitas abdominalis), *ústna dutina* – ротовая полость (cavum oris), *kostná (dreňová) dutina* – костномозговая полость (cavitas medullaris), *trojklanná dutina* – тройничная полость (cavum trigeminale), *telesná dutina* – полость тела (cavitas corporis), *hrudná dutina* – грудная полость (cavitas thoracis), *kĺbová dutina* – суставная полость (cavitas articularis) a pod. Samotný anatomický termín *dutina* (cavum, cavitas) funguje ako lexikálny nositeľ metafory nádoby a jeho kombinácia s názvom orgánu alebo štruktúry vedie k presnej špecifikácii tvaru, funkcie, lokalizácie daného útvaru v jeho fyziologickom, ale aj patofyziologickom stave. Analýza ukazuje, že tak v slovenčine, ako aj v ruštine ide o plne konvenčnú metaforu, ktorá sa v odbornom diskurze už neinterpretuje ako obrazná, ale ako terminologicky neutrálna (bližšie porov. Novikovová (Новикова), 2020).

Metafora nádoby sa však neobmedzuje len na statické pomenovania, ale aktívne sa uplatňuje aj v terminológii opisujúcej fyziologické a patologické procesy tak v slovenčine, ako aj v ruštine, napr.: *(na)plnenie pľúc* – наполнение лёгких, *vyprázdnenie žalúdka* – опорожнение желудка, *nahromadenie tekutiny* – накопление жидкости, *cirkulácia tekutiny/krví* – циркуляция жидкости/крови, *zaplnenie dutiny* – заполнение полости a pod. Tieto výrazy implicitne predpokladajú existenciu vnútorného priestoru, objemu a hraníc, čím umožňujú kvantifikáciu a dynamický opis procesov prebiehajúcich v tele. Výsledkom je zvýšená explanačná hodnota termínu a jeho vysoká funkčnosť v klinickom diskurze.

Analýza rovnako ukazuje, že metafory typu TELO JE KRAJINA a ORGÁN JE NÁDOBA sa vyskytujú konzistentne vo všetkých typoch korpusových zdrojov, čo potvrdzuje ich status základných ontologických metafor v medicínskom diskurze. Zároveň, pri preklade medzi slovenčinou a ruštinou dochádza len zriedkavo k narušeniu konceptuálneho mapovania; prekladové posuny sa týkajú predovšetkým lexikálnej alebo syntaktickej roviny, nie kognitívneho jadra termínu. V slovenskom a ruskom jazyku si metaforický model

zachováva rovnaké konceptuálne mapovanie, čo má zásadný význam pre prekladateľskú prax: prekladateľ nepracuje s izolovanými lexémami, ale s celými konceptuálnymi štruktúrami, ktoré sú v oboch jazykových systémoch kompatibilné. Práve táto kompatibilita umožňuje zachovanie kognitívnej ekvivalencie pri preklade.

3 Záver

V predkladanom príspevku sme sa zamerali na analýzu konceptuálnych metafor v anatomickej a klinickej medicínskej terminológii v slovenskom a ruskom jazyku z hľadiska kognitívnej lingvistiky a translatológie. Výsledky analýzy potvrdili, že ontologické metafory predstavujú jeden z kľúčových mechanizmov konceptualizácie odborného poznania v medicíne. Dominantné metaforické modely TELO JE KRAJINA / PRIESTOR a ORGÁN JE NÁDOBA sa ukázali ako vysoko produktívne, systematické a terminologicky stabilné v oboch porovnávaných jazykoch. Metaforická motivácia týchto termínov je v odbornom diskurze do značnej miery konvencionalizovaná, avšak na kognitívnej úrovni zostáva aktívna a podieľa sa na štruktúrovaní významu, explikácii procesov a didaktickej redukcii komplexných javov.

Z translatologického hľadiska sa potvrdilo, že adekvátny preklad metaforicky motivovaných anatomických termínov si vyžaduje zachovanie kognitívnej ekvivalencie, t. j. invariantného konceptuálneho mapovania medzi zdrojovou a cieľovou doménou. Konfrontácia metaforických termínov ukázala vysokú mieru kompatibility metaforických modelov, čo výrazne uľahčuje transláciu v oblasti odbornej a vedeckej komunikácie, no zároveň kladie zvýšené nároky na rešeršnú a verifikačnú kompetenciu prekladateľa.

V kontexte vzdelávania budúcich translatológov možno konštatovať, že systematická práca s konceptuálnou metaforou v odbornom texte prispieva k rozvoju ich interpretačnej, terminologickej a kognitívnej kompetencie. Porozumenie metaforickým mechanizmom odborného diskurzu umožňuje nielen presnejší preklad, ale aj hlbšie pochopenie spôsobov, akými jazyk modeluje vedecké poznanie. Výskum konceptuálnych metafor v medicínskej terminológii sa tak javí ako perspektívna oblasť ďalšieho interdisciplinárneho bádania na rozhraní lingvistiky, translatológie a medicíny.

Zoznam literatúry:

- BIEL, L. 2008. Legal Terminology in translation practice: Dictionaries, googling or discussion forums? In: *Skase – Journal of Translation and Interpretation*, vol. 3, no. 1, s. 22–35.
- BLEAKLEY, A. 2017. *Thinking with Metaphors in Medicine*. London: Routledge.

- BOCORNÝ FINATTO, M. J. 2010. *Metaphors in scientific and technical languages: challenges and perspective*. In: *Delta* 26. São Paulo: Pontificia Universidade Católica de São Paulo – LAEL, s. 645–656.
- DOLNÍK, J. 2010. *Jazyk – človek – kultúra*. Bratislava: Kalligram.
- FLUSBERG, S. J., MACKEY, A., & SEMINO, E. 2024a. *Metaphor in health and medicine*. In: *Annual Review of Linguistics*, 10, s. 233–251.
- FLUSBERG, S. J., MACKEY, A., & SEMINO, E. 2024b. *Seatbelts and raincoats, or banks and castles: Investigating the impact of vaccine metaphors*. In: *PLOS ONE*, vol. 19, no. 1. Dostupné na: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0294739>.
- HORECKÝ, J. 1994. *Základy terminológie*. Bratislava: Veda.
- CHARTERIS-BLACK, J. 2004. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- CHOVANEC, M. 2020. K prekladu právnej lexiky z ruštiny do slovenčiny (z oblasti trestného práva procesného). In: MOLNÁROVÁ, E. ed. *Od textu k prekladu XIV, 1. časť*. Praha: Jednota tlumočníků a překladatelů, s. 15–24.
- JENČÍKOVÁ, B. 2020. *Evaluácia vo výučbe právneho prekladu ako nástroj na posilnenie revíznych kompetencií*. In: MOLNÁROVÁ, E. ed. *Od textu k prekladu XIV, 1. časť*. Praha: Jednota tlumočníků a překladatelů, s. 31–39.
- KOSTURKOVÁ, M. 2016. *Kritické myslenie v edukačnej praxi na Slovensku*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove.
- KÖVECSES, Z. 2010. *Metaphor: A Practical Introduction*. New York: Oxford University Press.
- KOŽELOVÁ, A. 2018. *Prekladateľské kompetencie v kontexte domácej translatológie*. Prešovská univerzita v Prešove.
- LAKOFF, G. 1993. *The contemporary theory of metaphor*. In: ORTONY, Andrew ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, s. 202–251.
- LAKOFF, G., JOHNSON, M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- MERTO VÁ, N. 2025. *Metódy a stratégie prekladu kognitívnej metafory v odbornom texte*. LIPKOVÁ, Martina ed.: *Perspectives of Foreign Language Teaching for Professional Communication in Tertiary Education*. Bratislava: SPEKTRUM STU Publishing; Slovak University of Technology in Bratislava, s. 26–36. ISBN 978-80-227-5490-3.
- NEWMARK, P. 1988. *A Textbook of Translation*. London: Prentice Hall.
- POĽAKOVÁ, S. – DIMITROVA, N. 2025. *Konceptuálna metafora ako termín v úlohe konštituenta a mediátora odborných poznatkov v oblasti ekonomiky*. In: *Jazyk a kultúra*, roč. 16, č. 63-64, 2025, s. 30–38.
- PRAGGLEJAZ GROUP. 2007. *MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse*. In: *Metaphor and Symbol*, č. 22 (1), s. 1–39. Dostupné na: <https://doi.org/10.1080/10926480709336752>.
- SEMINO, E. 2008. *Metaphor in Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
- SCHÄFFNER, C. 2004. *Metaphor and translation*. In: *Journal of Pragmatics*, č. 36 (7), s. 1253–1269.

- STEEN, G. J., DORST, A. G., HERRMANN, J. B., KAAL, A. A., KRENNMAYR, T. AND PASMA, T. 2010. *A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU*. Amsterdam: John Benjamin.
- STEEN, G. J., DORST, A. G., HERRMANN, J. B., KAAL, A. A., KRENNMAYR, T., PASMA, T. 2019. MIPVU: *A manual for identifying metaphor-related words*. In: NACEY, S., REIJNIERSE, W. G. eds. *Converging Evidence in Language and Communication Research*, s. 23–40. Amsterdam: John Benjamins. Dostupné na: <https://hdl.handle.net/1887/3308917>.
- TEMMERMAN, R. 2000. *Towards new ways of terminology description: The sociocognitive approach*. Amsterdam: John Benjamins B. V.
- АРУТЮНОВА, Н. Д. 1990. *Метафора и дискурс*. In: *Теория метафоры*, с. 5–32. Москва: Наука.
- КУБРЯКОВА, Е. С. 2004. *Язык и знание*. Москва: Языки славянской культуры.
- НОВИКОВА, О. М. 2020. *Метафоры в анатомической терминологии*. In: *Балтийский гуманитарный журнал*. Т. 9, č. 1(30). Dostupné na: DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0061.

Nikoleta Mertová

doc., Mgr., PhD.

Inštitút rusistiky

Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove

17. novembra 3724/15, 080 01 Prešov, Slovensko

Institute of Russian Studies

Faculty of Arts, University of Presov

17. novembra 3724/15, 080 01 Presov, Slovakia

E-mail: nikoleta.mertova@unipo.sk

ORCID ID: 0000-0003-1709-419

ŠPECIFIKÁ PREKLADU EKONOMICKÉHO TEXTU NEPROFESIONÁLNYM PREKLADATEĽOM

Zuzana Kunecová

Katedra ekonómie, Ekonomická fakulta Technickej univerzity v Košiciach
Košice, Slovensko

Abstrakt: Predkladaný príspevok predstavuje sondu do stavu súčasnej jazykovej vybavenosti ľudí bez lingvistického vzdelania vo vzťahu k odbornému prekladu. Tejto oblasti translatológie sa zatiaľ nevenovala veľká pozornosť. Mnohí jazykoví používatelia vykonávajú preklad pre pracovné účely a je dôležité, aby aj v takýchto prípadoch prebehol jazykový transfer bez problémov. Príspevok sa preto zaoberá prekladom odborného ekonomického textu z anglického do slovenského jazyka, ktorý realizovali neprofesionálni prekladatelia. Neprofesionálnymi prekladateľmi sú v tomto prípade ekonómovia z praxe, ktorí sa dostávajú do styku s prekladmi aj napriek tomu, že nemajú prekladateľské vzdelanie. Úlohou oslovených respondentov bolo vytvoriť preklad ekonomicky orientovaného textu, ktorý sme následne podrobili analýze. Na základe analýzy poukazujeme nie len na problematické miesta a nedostatky pri takýchto prekladoch, ale aj spoločné črty, ktoré sú pre tieto preklady charakteristické.

Kľúčové slová: odborný preklad, ekonomický text, neprofesionálny prekladateľ, terminológia, interferencia.

SPECIFIC ASPECTS OF TRANSLATING ECONOMIC TEXTS BY NON-PROFESSIONAL TRANSLATOR

Abstract: The present paper offers an insight into the current level of linguistic competence of individuals without formal linguistic education in relation to specialised translation. To date, this area of translation studies has received relatively little scholarly attention. Many language users engage in translation for professional purposes, and it is essential that linguistic transfer proceeds smoothly even in such contexts. The paper therefore focuses on the translation of a specialised economic text from English into Slovak carried out by non-professional translators. In this study, non-professional translators are practising economists who encounter translation tasks despite lacking formal training in translation. The respondents were asked to produce a translation of an economically oriented text, which was subsequently subjected to analysis. Based on this analysis, the paper highlights not only problematic areas and deficiencies in such translations, but also common features that are characteristic of them.

Keywords: specialised translation, economic text, non-professional translator, terminology, interference.

Úvod

V súčasnosti nachádzame množstvo literatúry z oblasti translatológie, ktorá sa primárne zaoberá prekladateľmi profesionálmi. Odborné preklady však často realizujú aj neprofesionálni prekladatelia, konkrétne odborníci z praxe, ktorí síce disponujú hlbokými znalosťami danej problematiky, avšak preklad nepredstavuje ich primárnu pracovnú činnosť.

Tento typ prekladateľov nemá prekladateľské a jazykové vzdelanie, čo môže predstavovať pri prekladateľskom procese výzvu. Odborníci z praxe majú odborné znalosti z určitej oblasti, ale preklad textov si vyžaduje aj vysokú mieru jazykovej kompetencie vo východiskovom a cieľovom jazyku. Pri prekladoch z angličtiny do slovenčiny môžu vznikať problémy najmä v dôsledku odlišnosti týchto dvoch jazykov.

Rozdielnosť môže spočívať nie len v nejednotnosti terminológie v oboch jazykoch, ale aj absencii špecifických termínov v cieľovom jazyku. Ďalším problémom pri neposilnenej jazykovej kompetencii môže byť aj vplyv východiskového jazyka na cieľový jazyk, čo má za následok zhoršenú kvalitu prekladu. To sa môže najčastejšie prejavovať chybným použitím konkrétneho pojmu v danom kontexte.

Texty vytvorené odborníkmi sa dostávajú do povedomia odbornej verejnosti či akademickej sféry. Ak sú ale určité informácie prenesené z jedného jazyka do druhého nekorektne, môže nastať situácia, že sa v tejto komunite ľudí budú šíriť nesprávne odborné poznatky. Aby sme zabránili vzniku takýchto komplikácií, je potrebné identifikovať slabé miesta takýchto prekladov a vymedziť aspekty, na ktoré je potrebné dať si pozor, ak sa dostávame do styku s textami, ktoré takto vznikli.

Príspevok sa preto sústreďuje na identifikáciu problematických miest primárne z hľadiska interferencie v odbornom preklade vykonanom neprofesionálnym prekladateľom. Zároveň vymedzuje charakteristiky týchto prekladov a prekladateľské preferencie vo vybraných prípadoch.

Teoretické východiská

Preklad odborných textov je úzko spätý s prenosom faktov a odborných poznatkov Hrehovčík (2006). Pri tomto type prekladu je kľúčová predovšetkým znalosť odbornej terminológie, ktorá predstavuje charakteristický znak úzko špecializovaných textov (Angelovičová, 2018). Odborné texty sú spravidla nasýtené terminologickými jednotkami, technickým žargónom, ako aj množstvom skratiek a akronymov. Táto terminologická hustota môže predstavovať značnú výzvu najmä pre neodborníkov, ktorí sú pri porozumení textu odkázaní na používanie odborných slovníkov a referenčných príručiek (Akbarova, 2024).

Na prvý pohľad by sa dalo predpokladať, že ak odborníci terminológiu ovládajú, tak by pre nich mohol byť preklad ľahší. Pri týchto neprofesionálnych prekladateľoch však pozorujeme signifikantný vplyv východiskového jazyka na cieľový jazyk, čo sa môže prejavovať prenesením určitých štruktúr z jedného do druhého jazyka na rôznych úrovniach. V takomto prípade sa stáva, že sú v cieľovom texte prítomné menej prirodzené javy a text sa tak stáva cudzím. Pojem cudzosť sa v kontexte prekladu v rámci nášho translatologického priestoru skloňuje už desaťročia a zaoberali sa ním napríklad A. Popovič alebo J. Levý (Rajčáková, 2016).

Súčasná translatológia disponuje mnohými typmi interferencie. V predkladanom príspevku však nadväzujeme na rozdelenie podľa Aixelá (2009), ktorý sa primárne zaoberá interferenciou v technických a vedeckých prekladoch. Interferenciu opisuje funkčne a opisne práve v súvislosti s odborným prekladom a zmieňuje sa o „lexikálnej, syntactickej, kultúrnej, štrukturálnej a pragmatickej interferencii,“ (2009, s. 75).

Ako uvádzame aj v časti o zisteniach, jedným z javov, ktoré pozorujeme pri preklade odborných textov je neexistencia termínu v cieľovom jazyku. Ide o nelexikalizované jednotky v jazykovom systéme, ktorých preklad je náročný práve kvôli ich absencii v cieľovom jazyku (Baker, 2011). Aixelá (2009) sa v súvislosti s tým zmieňuje o tendenciách prevziať už vytvorené termíny z anglického jazyka, pretože je to jednoduchšie než vytvorenie nového termínu. Je potrebné podotknúť, že žargóny odborného jazyka v angličtine sú zväčša zrozumiteľnejšie než ich ad hoc preklady, čo môže byť taktiež jedným z dôvodov pre zachovanie termínu vo východiskovom jazyku. Nesprávne použitie termínov dokáže viesť nie len k zmenám na lexikálnej úrovni, ale môže narúšať aj celkový štýl textu. Z lexikálneho hľadiska tak môžu v preklade vzniknúť negatívne posuny, ktoré sú dôsledkom prekladateľovho nepochopenia východiskového textu (Gromová, 2009).

Teoretické východiská spomenuté v tejto kapitole poukazujú na špecifiká odborného prekladu, v ktorom zohráva kľúčovú úlohu práca s terminológiou, ako aj vplyv východiskového jazyka na podobu cieľového textu. Osobitná pozornosť bola venovaná interferencii, ktorá sa v odborných prekladoch prejavuje na viacerých jazykových a textových úrovniach, ako aj problematike nelexikalizovaných jednotiek. Tieto teoretické východiská vytvárajú rámec pre následnú analytickú časť príspevku, v ktorej sa zameriavame na konkrétne prejavy uvedených javov v preklade odborných textov.

Metodológia

Predkladaný výskum sa zameriava na prekladateľské riešenia odborného ekonomického textu, ktorý bol spracovaný neprofesionálnymi prekladateľmi a na vplyv textu z anglofónneho prostredia na finálny preklad v slovenskom jazyku. V tomto kontexte neprofesionálni prekladatelia predstavujú ekonómov z praxe, ktorí sa síce stretávajú s prekladmi v rámci svojej práce, avšak nemajú formálne prekladateľské vzdelanie.

Cieľom príspevku je odpovedať na nasledujúce výskumné otázky:

1. Aké sú problematické miesta a nedostatky v analyzovaných prekladoch?
2. Aké spoločné charakteristiky možno identifikovať u týchto prekladov?

Pre účely získania výskumnej vzorky sme použili dotazníkovú metódu, pomocou ktorej sme oslovili ekonómov s požiadavkou preložiť odborný ekonomický text z anglického jazyka do slovenčiny. Výsledkom bolo získanie 35 prekladov realizovaných neprofesionálnymi prekladateľmi, ktoré sme analyzovali. V rámci analýzy sme sa zameriavali na lexikálnu, štylistickú a jazykovú problematiku prekladu. Vzorka respondentov pozostávala z dvoch skupín:

- Prvá skupina zahŕňala ekonómov pôsobiacich na fakultách s ekonomickým zameraním, ktorých hlavnou náplňou práce je výučba a vedeckovýskumná činnosť v oblasti ekonómie.
- Druhá skupina pozostávala z ekonómov pracujúcich v korporátnom sektore, finančnej správe, účtovníctve, audite alebo iných ekonomických oblastiach mimo akademického prostredia.

Predkladaný odborný text bol zo stránky organizácie CEPR (Centrum pre výskum hospodárskej politiky), ktorý sa zaoberal úlohou vládnych daní a transferov pri formovaní príjmovej nerovnosti v medzinárodnom a časovom porovnaní a analyzoval vývoj fiškálnej progresivity vo svete od roku 1980.

Zistenia

Za slabé miesta odborných prekladov, ktoré vykonávajú neprofesionálni prekladatelia z angličtiny do slovenčiny, považujeme javy, ktoré súvisia s výraznou lexikálnou interferenciou východiskového jazyka, problémom s terminologickou neustálenosťou a negatívnymi posunmi. Tieto aspekty, ktoré uvádzajú Aixelá (2009) a Gromová (2009) ďalej doplníme o problematiku v súvislosti s lexikálno-terminologickou variabilitou a štylistickou variabilitou.

I. Lexikálna interferencia

Vplyvom zdrojového jazyka sa v prekladoch často prejavuje tendencia preberať lexémy alebo ich formálne podoby, čo môže viesť k vzniku jazykovo neprirodzených alebo normatívne problematických riešení v cieľovom jazyku.

Role of government taxes and transfers

Pri preklade anglickej lexémy *role* došlo k lexikálnej interferencii, ktorá sa v cieľovom texte prejavila použitím výrazu *rola* (napr. *rola vládnych daní*). V slovenskom jazyku je však v tomto význame prirodzenejším a normatívne vhodným ekvivalentom lexéma *úloha*. Okrem toho sa v niektorých prekladoch objavili aj gramatické nedostatky, napríklad nesprávne skloňovanie v spojeniach typu *poznatky o role*, čo ďalej znižuje jazykovú a odbornú kvalitu textu.

II. Terminologická neustálenosť a konceptuálne posuny

V analyzovanom materiáli možno identifikovať aj prípady konceptuálnej nepresnosti, ktoré súvisia s neustálenosťou odbornej terminológie v cieľovom jazyku.

Evolution of fiscal progressivity

a) Evolution

Lexéma *evolution* bola najčastejšie prekladaná ako *vývoj*, čo možno považovať za terminologicky aj štylisticky vhodné riešenie. Objavili sa však aj preklady *evolúcia*, ktoré predstavujú formálne prevzatie z angličtiny. V slovenskom odbornom diskurze sa však tento výraz primárne viaže na biologickú terminológiu, čo môže viesť k neželaným významovým asociáciám. Okrem toho boli zaznamenané aj významové posuny, keď bola lexéma prekladaná ako *nárast* alebo *postup*, čím dochádzalo k zúženiu alebo reinterpretácii pôvodného významu.

b) Fiscal progressivity

V slovenskom ekonomickom prostredí neexistuje jednoznačne ustálený termín pre slovné spojenie *fiscal progressivity*. Z tohto dôvodu bolo najčastejším prekladateľským riešením terminologické prebratie v podobe výrazu *fiškálna progresivita*. Popri tomto riešení sa však objavili aj odklony k užším alebo významovo odlišným pojmom, napríklad *daňová progresivita*, ktoré nezahŕňajú celý rozsah pôvodného konceptu a predstavujú tak konceptuálny posun.

III. Negatívne posuny

Nesprávne pochopenie termínu v zdrojovom jazyku môže viesť k jeho chybnému použitiu v cieľovom texte. V prípadoch, keď nie je možné vytvoriť terminologicky presný preklad, prekladatelia majú tendenciu uplatniť analytické prekladateľské riešenie.

Pre-tax incomes

V analyzovanom korpuse sa najčastejšie vyskytlo správne analytické riešenie *príjmy pred zdanením*, ktoré adekvátne zachytáva časový aspekt pôvodného pojmu. Objavil sa však aj preklad *nezdanené príjmy*, ktorý predstavuje zásadný významový posun. Príjem pred zdanením označuje príjem pred uplatnením daňovej povinnosti, zatiaľ čo nezdanený príjem je príjem, na ktorý sa daň nevzťahuje, teda ide o právne odlišné kategórie.

Okrem toho sa vyskytol aj menej zaužívaný preklad *príjem pred daňou*, ako aj neadaptované hybridné riešenie *pre-tax príjmy*, ktoré nie je v slovenskom odbornom diskurze ustálené. Zaznamenaná bola aj zámena lexémy *príjem* s lexémou *zisk*, čo v danom kontexte predstavuje terminologicky nekorektné použitie a narúša odbornú presnosť textu.

IV. Lexikálno-terminologická variabilita

Z lexikologického a terminologického hľadiska sa v analyzovaných prekladoch z anglického jazyka do slovenčiny prejavuje výrazná variabilita použitých termínov. Prekladatelia pracovali s lexémami odlišného charakteru, a to tak s internacionalizmami, ako aj s domácimi výrazmi, čo viedlo k terminologickej nejednotnosti. Zo sémantického hľadiska možno v analyzovaných prekladoch pozorovať rozdielnú mieru lexikálnej presnosti. Použité pojmy sa líšia najmä stupňom abstraktnosti, pričom niektoré riešenia smerujú ku konkretizácii pôvodného významu.

Government redistribution and development

a) Redistribution

Lexéma *redistribution* bola najčastejšie prekladaná ako *prerozdeľovanie*, pričom druhým najfrekvencovanejším riešením bol internacionalizmus *redistribúcia*. Ojedinele sa vyskytol aj preklad *prerozdelenie*. Hoci bol internacionalizmus v analyzovanom korpuse využívaný opakovane, celkovo prevládal domáci pojem *prerozdeľovanie*. Pri porovnaní výrazov *prerozdeľovanie* a *prerozdelenie* je však potrebné konštatovať ich odlišnosť. Kým prvý z nich zdôrazňuje procesný charakter deja, druhý označuje výsledok alebo stav po uskutočnení deja, čo v kontexte odborného ekonomického diskurzu predstavuje významný významový posun.

b) Government

Lexéma *government* bola najčastejšie prekladaná adjektívom *vládny*, čo zodpovedá jej inštitucionálnemu významu v zdrojovom texte. V dvoch prípadoch sa však objavil aj preklad *štátny*. V tomto prípade možno identifikovať dva rozdielne javy: zachovanie presného inštitucionálneho významu pri preklade *vládny* a sémantickú generalizáciu pri použití výrazu *štátny*, ktorý má širší referenčný rozsah a neodkazuje výlučne na výkonnú moc.

Osobitný prípad predstavuje preklad názvu *Government redistribution and development* ako *Štát a jeho vývoj*. V tomto riešení dochádza k úplnému vynechaniu kľúčového pojmu *redistribution*, ktorý je nosným konceptom zdrojového názvu. Výsledkom je výrazný posun od analyticky presného pomenovania k voľnej parafráze.

Zo sémantického hľadiska možno v analyzovaných prekladoch pozorovať rozdielnu mieru lexikálnej presnosti. Použité termíny sa líšia najmä stupňom abstraktnosti, pričom niektoré riešenia smerujú ku konkretizácii pôvodného významu.

Global perspective

a) Global

Prídavné meno *global* bolo v prevažnej miere prekladané doslovne ako *globálny*. Morfológická podoba prídavného mena bola ovplyvnená substantívom, ku ktorému sa viazalo, pričom vo väčšine prípadov išlo o substantívum v singulári. Z tohto dôvodu sa najčastejšie vyskytoval tvar *globálny*, menej často ženský tvar *globálna* (v spojení s lexémou *perspektíva*) a ojedinele aj tvar *globálne* (pri plurálovom vyjadrení).

b) Perspective

Lexéma *perspective* bola prekladaná buď prostredníctvom abstraktného analytického pojmu *perspektíva*, alebo pomocou perцепčného výrazu *pohľad*. V analyzovanom korpuse prekladatelia častejšie uprednostňovali menej abstraktný variant, čím dochádzalo k posunu smerom k subjektívnejšiemu vyjadreniu. Ojedinele sa objavil aj explicitačný preklad *svetový pohľad*, ktorý rozvíja implicitný význam prívlastku *global* a zároveň konkretizuje rozsah analyzovaného konceptu.

V. Štylistická variabilita

Analyzované preklady sa vyznačujú výraznou mierou parafrázovania, ktoré má priamy vplyv na štylistickú podobu cieľového textu. Rozdielne riešenia sa prejavujú najmä v miere expresivity a v zachovaní neutrálneho akademického štýlu.

A renewal of public and scholarly attention

a) Renewal

Lexéma *renewal* bola najčastejšie prekladaná ako *obnovenie*, avšak vyskytli sa aj rozšírené alebo modifikované riešenia, ako napríklad *obnovený záujem*, *znovuobnovenie*, *opätovný nárast* či menej frekventované substantívum *znovuoživenie*. V niektorých prípadoch bola táto lexéma v preklade úplne vynechaná. Okrem toho sa objavili aj výrazne expresívne a hodnotiace formulácie, napríklad *neutíchajúca pozornosť*, ktoré sa vzdávajú neutrálnej štylistike odborného textu.

b) Scholarly attention

Pri preklade slovného spojenia *scholarly attention* sa v analyzovanom korpuse prejavila mimoriadne vysoká miera terminologickej rozptýlenosti. Vyskytovali sa preklady ako *pozornosť vedeckej obce*, *vedecká pozornosť*, *vedecký záujem* či *záujem akadémie*, ktoré možno považovať za významovo primerané a zodpovedajúce akademickému registru zdrojového textu.

Popri týchto riešeniach sa však objavili aj spojenia ako *pozornosť školstva*, *zameranie školstva* či *záujem vzdelávacieho sektora*. V uvedených prípadoch je zrejmé nepochopenie registra, keďže dochádza k zámene medzi pojmami *akademická obec* a *školstvo*. Ide o lexikálnu interferenciu, pri ktorej bol anglický výraz *scholarly* nesprávne interpretovaný ako *educational*, čo viedlo k posunu referenčného rámca a k významovej nepresnosti prekladu.

Záver

Analýza odborných prekladov z anglického jazyka do slovenčiny poukazuje na výrazný vplyv zdrojového jazyka na finálnu podobu cieľového textu. Neprejavuje sa to len na lexikálno-terminologickej úrovni, ale zasahuje to aj do oblasti štylistiky, sémantiky, konceptuálnej presnosti a jazykovej normy.

Anglický jazyk, charakteristický vysokou mierou abstrakcie a terminologickej otvorenosti, často motivuje prekladateľov k používaniu internacionalizmov, formálnych prevzatí a doslovných ekvivalentov. V slovenských odborných textoch to vedie k terminologickej variabilite, ktorá sa prejavuje paralelným používaním domácich a prevzatých výrazov, ako aj k zámene medzi procesným a výsledkovým chápaním pojmov. V niektorých prípadoch dochádza k posunu v stupni abstraktnosti alebo k neželanej konkretizácii významu, čo môže ovplyvniť presnosť odborného výkladu.

Významná je aj stylistická interferencia. Tendencia parafrázovať anglické formulácie, rozširovať ich alebo robiť ich expresívnejšími vedie k oslabeniu neutrálneho akademického registra, ktorý je pre odborný text v slovenčine typický. Zároveň sa ukazuje, že nesprávna interpretácia registra východiskového textu môže viesť k sémantickým posunom, najmä pri preklade výrazov viazaných na vedecké prostredie.

Osobitnú pozornosť si zasluhuje lexikálna interferencia, pri ktorej sa formálne blízke, no normatívne nevhodné ekvivalenty prenášajú do cieľového jazyka bez dostatočnej adaptácie. Takéto riešenia môžu pôsobiť jazykovo neprirodzene. Preklad z angličtiny tak kladie na prekladateľa vyššie nároky v oblasti jazykovej kultúry a znalosti normy cieľového jazyka.

V oblasti odbornej terminológie sa ukazuje, že absencia ustálených termínov v slovenčine podporuje vznik konceptuálnych posunov. Prekladatelia sú v takýchto prípadoch nútení voliť medzi terminologickým prevzatím, zúžením významu alebo analytickým opisom, pričom každé z týchto riešení má dôsledky pre presnosť a zrozumiteľnosť textu. Nesprávne pochopenie pojmov v angličtine môže viesť k zámene s právne alebo významovo odlišnými kategóriami v slovenčine.

Výsledky analýzy potvrdzujú, že odborný preklad z angličtiny do slovenčiny nie je mechanickým presunom významov, ale komplexným interpretačným procesom, v ktorom sa stretávajú rozdielne jazykové, kultúrne a konceptuálne systémy. Anglický jazyk výrazne ovplyvňuje prekladateľské rozhodnutia, no kvalita výsledného textu závisí predovšetkým od schopnosti prekladateľa kriticky reflektovať tento vplyv a prispôbiť ho normám a konvenciám cieľového slovanského jazyka.

Zoznam literatúry

- AIXÉLA, J. F., 2009. An overview of interference in scientific and technical translation. In: Byrne Jody *The Journal of Specialised Translation*. No. 11, s. 75. ISSN 1740-367X.
- AKBAROVA, F. S. G., 2024. The Characteristics of Discourse in Economic Texts. In: *Path of Science: International Electronic Scientific Journal*. Baku: Azerbaijan State University of Economics, Vol. 10, No 2, ISSN 2413-9009.
- ANGELOVIČOVÁ, Z., 2018. Integrovaná výučba odborného prekladu. In: Djovčoš Martin a Šveda Pavol (eds.) *Didaktika prekladu a tlmočenia*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. ISBN 978-80-223-4469-2.
- BAKER, M., 2011. *In Other Words. A coursebook on translation*. London: Routledge. ISBN 978-0-415-46754-4.
- GROMOVÁ, E., 2009. *Úvod do translatológie*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. ISBN 978-80-8094-627-2.

- HREHOVČÍK, T., 2006. *Prekladateľské minimum*. Bratislava: Vydavateľstvo IRIS. ISBN 80 89256-02-3.
- RAJČÁKOVÁ, Z., 2016. Sebareflexia vlastného prekladu predložiek: Interferencia pri preklade z tretieho jazyka do druhého a naopak. In: Machová Lýdia a Paulínyová Lucia (eds.) *Prekladateľské listy 5*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. ISBN 978-80-223-4057-1.

Zuzana Kunecová

Mgr.

Ekonomická fakulta, Technická univerzita v Košiciach, Katedra ekonómie

Němcovej 32, 040 01 Košice, Slovensko

Faculty of Economics, Technical university of Košice, Department of Economics

Němcovej 32, 040 01 Košice, Slovakia

E-mail: zuzana.kunecova@tuke.sk

ORCID ID: 0000-0002-9142-9376

ВІДНОВЛЕННЯ ЗАБУТИХ ОСНОВ: ОЛЕКСАНДР ФІНКЕЛЬ ТА УКРАЇНСЬКІ ВИТОКИ ПЕРЕКЛАДОЗНАВСТВА⁸⁰

Олександр Кальниченко

кафедра слов'янських мов

Університет Матея Бела в Банській Бистриці

Словаччина

Абстракт: У статті пропонується критичне переосмислення канонічної історіографії перекладознавства, що зазвичай відраховує становлення дисципліни від 1970-х років і програмних праць Дж. С. Голмса. Спираючись на концепцію «міфоісторії» Браяна Баєра, дослідження показує, що домінантний наратив не лише вибудовує лінійну та західноцентричну модель розвитку галузі, а й сприяє системному маргіналізуванню східноєвропейських теоретичних традицій. Стаття демонструє, що в українському інтелектуальному середовищі 1920–1930-х років існувала розвинена теорія перекладу, яскравим свідченням якої є праці Олександра Фінкеля, зокрема його монографія «Теорія й практика перекладу» (1929). Аналізуються ключові елементи його підходу — лінгвостилістична еквівалентність, диференціація типів тексту, історично зумовлені критерії якості, поєднання лінгвістичних, культурно-соціальних та стилістичних перспектив. Показано, що низка ідей, які зазвичай відносять до «поворотів» другої половини ХХ століття, має чіткі передумови у працях Фінкеля. У статті також реконструюються механізми «подвійного стирання» його спадщини — радянського русоцентризму та холодновоєнної ізоляції — і обґрунтовується необхідність міжепістемічного «перекладу» для відновлення місця раннього українського перекладознавства в полі світової гуманітаристики

Ключові слова: Олександр Фінкель; історіографія перекладознавства; міфоісторія; лінгвостилістичний підхід; раннє перекладознавство; автопереклад; українська теорія перекладу

Reclaiming the Forgotten Foundations: Oleksandr Finkel and the Ukrainian Origins of Translation Studies

Abstract: This article offers a critical reassessment of the canonical historiography of Translation Studies, which commonly traces the discipline's emergence to the 1970s and the foundational writings of James S. Holmes. Drawing on Brian James Baer's concept of "myth-history," the study argues that the dominant narrative constructs a linear, Western-centered account of the field that marginalizes earlier and non-Western theoretical traditions. The article demonstrates that a systematic and conceptually robust theory of translation existed in the Ukrainian intellectual context of the 1920s–1930s, exemplified by the works of Oleksandr Finkel, especially his monograph *Theory and Practice of Translation*

⁸⁰ Funded by the EU NextGenerationEU through the Recovery and Resilience Plan for Slovakia under the project No. 09I03-03-V01-00148.

(1929). Finkel's key contributions—including stylistic equivalence, functional differentiation of text types, historically contingent criteria of accuracy, and the integration of linguistic, stylistic, and sociocultural perspectives—are examined in detail. The analysis shows that many ideas commonly associated with post-1970s “turns” in Translation Studies have clear antecedents in Finkel's writings. The article also reconstructs the mechanisms of the “double erasure” of his legacy, produced by Soviet Russocentrism and Cold War geopolitics, and argues for the necessity of inter-epistemic “translation” to reintegrate early Ukrainian translation theory into global disciplinary memory.

Keywords: Oleksandr Finkel; historiography of Translation Studies; mythistory; stylistic equivalence; early translation theory; self-translation; Ukrainian translation history.

Вступ

Історіографія перекладознавства переважно ґрунтується на домінантному наративі, згідно з яким дисципліна інституціоналізувалася на початку 1970-х років, а програмні праці Джеймса С. Голмса розглядаються як її вихідний пункт (Holmes, 1972/1988). У межах цього телеологічного бачення попередні роздуми про переклад — особливо сформовані поза англомовними та західноєвропейськими інтелектуальними центрами — часто класифікуються як «переддисциплінарні», концептуально незрілі або суто описові (Batchelor and Odrekhiivska, 2026). Втім, як зауважує Браян Дж. Бер, такий підхід не є нейтральним відтворенням минулого, а функціонує як вибіркова «міфоісторія» (Baer, 2020). Під «міфоісторією» Бер розуміє наратив походження, що поєднує історичні факти з нормативними припущеннями та ретроспективними ідеологічними проєкціями. У такому наративі становлення перекладознавства постає як лінійний, неминучий і зосереджений на Заході процес, який водночас узаконює в пам'яті дисципліни одні традиції та витісняє з неї інші. Міфоісторія виконує геополітичну функцію, структуруючи знання таким чином, щоб закріпити епістемічну перевагу певних мов, інституцій та академічних центрів, маскуючи ці механізми під «природний» розвиток науки (Baer, 2020).

Наслідком цього є структурний парадокс: галузь, що досліджує переклад як механізм циркуляції глобального знання, сама залишається нерівномірно «перекладеним» полем, у якому теоретичні традиції поширюються асиметрично між мовами, регіонами та академічними контекстами (Mellinger and Baer, 2020; Baer 2020, s. 229–234). Таким чином, домінантна історіографічна модель не лише описує минуле перекладознавства, а й активно формує межі дисциплінарної видимості, визначаючи, які інтелектуальні спадщини визнаються теоретично значущими, а які залишаються маргіналізованими.

Ця асиметрія особливо помітна у випадку раннього українського перекладознавства. Усередині СРСР із 1930-х років посилення русоцентричних норм ускладнювало цитування неросійських досліджень з політичних і професійних причин. За межами радянського простору холодна війна, обмежений доступ до публікацій і тривала гомогенізація «радянської» думки призвели до майже повної відсутності східноєвропейських теорій у західних оглядах і антологіях. Сам Голмс звертав увагу на недоступність значного масиву радянських праць (Holmes, 1988, s. 99). Так сформувався ефект «подвійного стирання»: спочатку через внутрішні механізми радянського невизнання, а згодом — через зовнішні режими видимості, перекладу та дисциплінарної канонізації (Hostova et al., 2024, s. 116–117; Kalnychenko, 2025a, s. 188).

Показовою постаттю цього подвійного стирання є Олександр Мойсейович Фінкель (1899–1968) — професор Харківського університету, дослідник стилістики та перекладу, який належав до покоління українських інтелектуалів 1920–1930-х років і брав участь у формуванні концептуальних засад радянського перекладознавства (Baer, 2024; Baer and Hofeneder, 2025). Його праці майже відсутні в міжнародних історіях дисципліни, що симптоматично засвідчує сама назва посмертної збірки «Забутий теоретик українського перекладознавства» (Черноватий та ін., 2007). Найвагомішою його роботою є монографія «Теорія й практика перекладу» (Фінкель, 1929), яка вирізняється як ранньою датою появи, так і масштабністю теоретичного задуму. Наша стаття переосмислює цю монографію та низку інших публікацій Фінкеля як свідчення існування розвиненої теорії перекладу задовго до інституційного оформлення перекладознавства у 1970-х роках.

Повернення до Фінкеля висвітлює ширшу історіографічну проблему: багато ідей, які приписують «поворотам» після 1970-х років, мають чіткі передісторії. Його спадщина демонструє, що раннє східноєвропейське перекладознавство поєднувало лінгвістичні, стилістичні та соціокультурні підходи, не вписуючись у жорсткі бінарні схеми пізнішої історіографії (Bassnett and Lefevere, 1990; Hermans, 1999). Стаття аргументує необхідність міжепістемічного «перекладу» для відновлення таких фігур і сприяє переосмисленню перекладознавства як множинного, нелінійного й багатомовного поля.

Олександр Фінкель – піонер українського перекладознавства

Олександр Мойсейович Фінкель народився 20 вересня (2 жовтня) 1899 року в Бахмуті в родині службовця; його батько працював у компанії «Зінгер», мати вела

домашнє господарство. Інформацію про біографію Фінкеля беремо з праці Тараса Шмігера (Shmiher 2024) та архівних даних Харківського університету) Початкову освіту здобув у Бахмутському реальному училищі, яке закінчив у 1917 році. Того ж року він вступив одночасно до Харківського сільськогосподарського інституту та історико-філологічного факультету Харківського університету, однак навчання невдовзі продовжив в Інституті народної освіти, утвореному після реорганізації університету. Матеріальні труднощі змусили його працювати в ЦСУ УСРР, де виробився інтерес до статистичних методів, що згодом позначилося на його працях із теорії перекладу (Айзеншток 1970).

У 1924 році Фінкель завершив навчання й вступив до аспірантури кафедри мовознавства, де його наставниками були Л. Булаховський, Д. Зеленін, П. Ріттер та інші видатні науковці. Аспірантуру він закінчив у 1928 році, після чого активно працював у харківських вишах: Інституті народної освіти, Інституті журналістики та Інституті іноземних мов, де завідував кафедрою. У 1939 році захистив кандидатську дисертацію про автопереклади Г. Квітки-Основ'яненка.

Під час Другої світової війни Фінкель працював у Чимкенті, згодом служив в армії. Повернувшись до Харкова, очолював кафедри, викладав російську мову й продовжував наукові студії. У 1965 році захистив докторську дисертацію, а 1967 року став професором. Помер учений 8 жовтня 1968 року, залишивши значний доробок у галузі перекладознавства та лінгвістики.

Після смерті Фінкеля публікація Єремії Айзенштока (1970) у виданні «Мастерство перевода» подала як особисту, так і фахову оцінку внеску науковця. Від часу перевидання ключових праць Фінкеля у 2007 році (Черноватий та ін., 2007) його спадщина була переосмислена Шмігером (Шмігер, 2004; 2009; Shmiher, 2024), Коломієць (2010), Кальниченком (Kalnychenko, 2017; 2023; Кальниченко, 2021) та Рисіч-Шафранець (Rysicz-Szafranec, 2021), які розглядають його як засадничу постать українського перекладознавства та попередника подальших лінгвостилістичних, порівняльно-історичних і кількісних підходів.

Першою значущою публікацією Фінкеля стала стаття «О переводе» (Фінкель, 1922), що окреслила його тривалий інтерес до теорії перекладу та засвідчила у молодого дослідника формування лінгвостилістичного підходу. В аспірантурі Фінкель захопився теоретичною стилістикою і підсумував свої напрацювання у праці «Короткий вступ до теоретичної стилістики» (Фінкель, 1927).

Спробу узагальнити зібраний матеріал Фінкель здійснив в огляді ««Украинские писатели в русских переводах»» (Финкель, 1928), де окремий розділ був присвячений теорії художнього перекладу. Він розглядав критерії якості як різні способи ставлення до оригіналу та розрізняв мовні й позамовні елементи твору, які перекладач має передати. Повної відповідності, на його думку, досягти неможливо, тому потрібен еклектичний баланс. Пріоритет має стилістика, а співвідношення конструктивних і естетичних елементів становить основу його подальшої праці «Теорія й практика перекладу» (1929), першої системної українськомовної монографії, яка присвячена виключно перекладу. Основна новація Фінкеля полягає в тому, що він розширює сферу теорії перекладу за межі художньої літератури, пропонуючи типологію «нехудожньої прози» (наукової, адміністративної, публіцистичної) та спираючись на сучасні йому лінгвістичні концепції, зокрема стилістику Шарля Баллі (Bally, 1909; Фінкель, 1929). Ця праця заклала підвалини перекладознавства як автономної дисципліни в Україні та, ширше, у Східній Європі. Поєднуючи теоретичну рефлексію з детальним аналізом нехудожньої прози, художньої прози та поезії, Фінкель розробив лінгвостилістичний підхід, ґрунтований на стилістичній еквівалентності, диференціації типів тексту та історично зумовлених критеріях якості перекладу. Книга швидко отримала інституційне визнання і стала теоретичною основою курсів перекладу на університетському рівні, розроблених в Києві Михайлом Калиновичем і Миколою Зеровим, а також пізніших програм Дмитра Усова в Москві (Kalnychenko 2025b).

Монографія побудована так, щоб провести читача від загальної теоретичної рефлексії до дедалі конкретніших аналітичних і практичних питань, інтегруючи історичну, теоретичну та прикладну перспективи у чотирьох взаємопов'язаних частинах. Частина перша закладає концептуальні основи, розглядаючи культурно-історичне та художньо-літературне значення перекладів, стилістичні проблеми, історичні рішення, класичні та романтичні теорії, дилему Гумбольдта та стадії перекладацького процесу. Частина друга розширює дослідження на нелітературну прозу — наукові, адміністративні та публіцистичні жанри — зосереджуючись на термінології, лексичному виборі, синтаксисі та функціональній диференціації. Частина третя повертається до літературної прози, аналізуючи синонімію, стилістичні засоби, тропи, синтаксис і стратегії парафразування, додавання та опущення. Частина четверта просуває тричастинну модель оцінки перекладу вірша — фонологічну, семантичну та синтаксичну — ілюстровану аналітичними кейс-стаді.

Іншим піонерським напрямом його дослідженням був автопереклад (Kalnychenko & Kamovnikova, 2019; Kalnychenko, 2021), починаючи з дослідження 1928 року про Г. Ф. Квітку-Основ'яненка (Фінкель, 1928), продовжуючи кандидатською дисертацією 1939 року (Фінкель, 1939) і завершуючи статтею «Про автопереклад» (Фінкель, 1962). В статті «Г. Ф. Квітка – перекладач власних творів» (1928) Фінкель на прикладі Григорія Квітки-Основ'яненка доводить, що автор-перекладач посідає унікальне становище: найкраще знає художню структуру, інтенцію та стилістику твору, тому уникає ідеологічних та естетичних спотворень, властивих звичайним перекладачам. Фінкель встановлює авторство Квітки щодо восьми новел, перекладених російською (зокрема чотирьох, опублікованих у «Современнике» під псевдонімом В. Н. С.). Мотиви автоперекладу: незадоволення чужими версіями (напр. В. Даля), бажання гідно представити українську літературу російському читачеві та довести літературну цінність української мови. Аналіз перекладацької техніки виявляє поєднання буквальної точності зі стилізацією під українську мову, збереженням етнографічного колориту (транскрипція реалій з поясненнями), вплив української синтакси та фразеології. Квітка вільно вдається до вставок, скорочень і композиційних перероблень, зумовлених цензурою, соціальними міркуваннями та авторською свободою. Висновок Фінкеля: автопереклад часто виходить за межі звичайного перекладу і стає самостійною авторською варіацією твору. Тому до нього треба застосовувати особливі критерії, відмінні від традиційного перекладу. Стаття закладає теоретичні підвалини вивчення автоперекладу як окремого явища.

У 1939 році російською мовою з'являється його об'ємна стаття «О некоторых вопросах теории перевода» (Фінкель 1939) «Суперечка про межі й можливості перекладу, — підкреслює Фінкель ([1939] 2007, s. 239), — це суперечка про збереження або порушення єдності форми й змісту, а отже — суперечка про мовні межі й можливості». В цій статті Фінкель визнає, що його книга «Теорія і практика перекладу» через десять років потребує уточнення. За Фінкелем, переклад — це перенесення не лише тематики, а й стилістичних особливостей оригіналу засобами іншої мови. Через соціально-ідеологічну різницю середовищ переклад завжди є активним пристосуванням: перекладач свідомо змінює текст, щоб досягти бажаного впливу на нового читача. Це стосується і художньої, і нехудожньої літератури. Приклади: різні інтерпретації Гете в Росії (від Любомудрів до символістів), пом'якшення лайок у автоперекладах Квітки-Основ'яненка для російського читача, ритмічне спотворення «Гамалей» Шевченка Бергом, стилістичні зміни в перекладах «Комуністичного

маніфесту». Фінкель аналізує дилему Гумбольдта: або зберегати чужу стилістику за рахунок своєї мови, або навпаки. Це не абсолютна суперечність, а дві тенденції — аналогічна (заміна на рідні аналоги) та омологічна (збереження чужинності). Кожен переклад поєднує обидві, різниця кількісна. Систематичне проведення лише однієї призводить до крайнощів (екзотика або згладжування). Найкращий шлях — компроміс, рівновага, визначена ідеологічним завданням і мовними можливостями. Теорія перекладу не може бути універсальною: вона має ґрунтуватися на конкретному зіставленні мов у їх соціально-культурному та історичному контексті. Поняття «точність», «адекватність» історично змінні. Теза про «неможливість» перекладу (Лейбніц, Потебня, Кроче) спростовується практикою: переклад завжди відносний, але можливий і необхідний.

Протягом 1920–1930-х років Фінкель також публікував впливові рецензії та огляди перекладів, зокрема дослідження ідиш-українського та українсько-російського перекладу. Перекладознавчу цінність мають і пізніші праці Фінкеля, але ми обмежуємося лише трудами, що побачили світ в 1920-х та 1930-х роках.

Висновок

Книга Фінкеля «Теорія і практика перекладу» та його інші праці 1920-х – 1930-х років вимагають фундаментального перегляду канонічної історії перекладознавства. Прочитані в українському та ранньорадянському контексті, вони демонструють існування систематичної теорії перекладу за десятиліття до офіційного визнання галузі в 1970-х роках.

Фінкель кидає виклик сучасним наративам, інтегруючи лінгвістичні, стилістичні та культурно-соціологічні підходи. Він розчиняє опозиції між лінгвістикою і культурою, прозою та поезією. Багато здобутків, які зазвичай асоціюються з пост-1970-ми «поворотами» — соціологічні перспективи, увага до інституцій, плюралізм — мають чіткі передумови в більш ранніх традиціях. Хоча культурний поворот розширив сферу дослідження, він також сприяв маргіналізації лінгвістично орієнтованої науки. Історично зумовлена еквівалентність Фінкеля, типологія нехудожньої прози, функціональне трактування синтаксису, тропів, соціально маркованої лексики та етична критика парафразу формують цілісну програму.

Реконструкція розкриває, як радянський русоцентризм і геополітика Холодної війни стерли його вплив. Повернення ранніх праць Фінкеля розширює методологічний репертуар та підтримує плюралістичну історіографію, де українське перекладознавство стає центральним

Список літератури:

- BAER, B. J. 2020. On origins: the mythistory of translation studies and the geopolitics of knowledge. *The Translator*, 26(3), s. 221–240. London: Taylor & Francis. DOI: 10.1080/13556509.2020.1843755.
- BAER, B. J. 2024. Birth of a Discipline?: Soviet Translation Studies in the 1920s. *Stridon*, 4(2), s. 5–28. <https://doi.org/10.4312/stridon.4.2.5-28>.
- BAER, B. J.; HOFENEDER, P. 2025. A Tale of Two Skopos Theories: (Re-)Siting Translation Theory. *Target*, 37(3), s. 309–332. <https://doi.org/10.1075/target.23140.hof>.
- BALLY, Charles. 1909. *Traité de stylistique française*. Vol. 1. Heidelberg: Carl Winter.
- BASSNETT, S.; LEFEVERE, A., eds. 1990. *Translation, History and Culture*. London: Pinter Publishers.
- BATCHELOR, K.; ODKREKHIVSKA, I. 2026. When Is Translation Studies Not Translation Studies? In: BATCHELOR, K.; ODKREKHIVSKA, I., eds. *Translation Studies before 'Translation Studies': Nothing Happened?* London: UCL Press, s. 1–22. Dostupné na: <http://www.jstor.org/stable/jj.31131070.6>.
- HERMANS, T. 1999. *Translation in Systems*. Manchester: St. Jerome.
- HOLMES, J. S. 1988. The Name and Nature of Translation Studies. In: *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam: Rodopi, s. 66–80. (Originally presented 1972.)
- HOLMES, J. S. 1988. The Future of Translation Theory: A Handful of Theses. In: *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam: Rodopi, s. 99–102. (Originally published 1978.)
- HOSTOVÁ, I.; MONTICELLI, D.; KALNYCHENKO, O.; DJOVČOŠ, M. 2024. Addressing Power Imbalances in Research and Translation Studies. *World Literature Studies*, 16(3), s. 108–125. <https://doi.org/10.31577/WLS.2024.16.3.8>.
- KALNYCHENKO, O. 2017. History of Ukrainian Thinking on Translation (from the 1920s to the 1950s). In: SCHIPPEL, L.; ZWISCHENBERGER, C., eds. *Going East: Discovering New and Alternative Traditions in Translation Studies*. Berlin: Frank & Timme, s. 309–338.
- KALNYCHENKO, O.; KAMOVNIKOVA, N. 2019. Oleksandr Finkel' on the Problem of Self Translation. *inTRAlinea*, 21. Dostupné na: <http://www.intralinea.org/archive/article/2349>.
- KALNYCHENKO, O. 2021. Scholarly Introduction. *Translation and Interpreting Studies*, 16(1), s. 149–153. <https://doi.org/10.1075/tis.00048.kal>.
- KALNYCHENKO, O. 2023. Discovering Erased Discussion on Translation Method in Ukraine in 1927–1931. In: DJOVČOŠ, M. et al., eds. *Translation Studies in Ukraine as an Integral Part of the European Context*. Bratislava: VEDA, s. 36–62.
- KALNYCHENKO, O. 2025a. Volodymyr Derzhavyn: An Erased Translation Scholar of the Late 1920s–Early 1930s. In: ELSHERIF, G.; SOBESTO, J., eds. *Positionalities of Translation Studies*. London; New York: Bloomsbury, s. 171–194. <https://doi.org/10.5040/9781350447905.0015>.
- KALNYCHENKO, Oleksandr. 2025b. Early ideas on translator and interpreter training in Ukraine: 1930s. In: CHERNOVATY, Leonid, ed. *Translator and Interpreter Training Methodology: The Ukrainian Dimension*. Банська Бистриця: Belianum, c. 11–25.

- MELLINGER, C., BAER, B. J. 2021. Research Ethics in Translation and Interpreting Studies. In: KOSKINEN, K.; POKORN, N. eds. *The Routledge Handbook of Translation and Ethics*. London; New York: Routledge, s. 365–380.
- RYSICZ SAFRANIEC, Ju. 2021. Oleksandr Finkel in the History of Ukrainian Translation Studies. *Slavia Orientalis*, т. 70, № 2, с. 401–420.
- SHMIDER, T. 2024. Oleksandr Finkel and the Emergence of Translation Studies in Ukraine. *Inozemna filolohiia*, 137, s. 204–218.
- АЙЗЕНШТОК, И. 1970. А. М. Финкель — теоретик художественного перевода. In: ЧУКОВСКИЙ, К. и др., ред. *Мастерство перевода: Сборник седьмой*. Т. 7. Москва: Советский писатель, с. 91–120.
- КАЛЬНИЧЕНКО, А. 2021. Дискусия о (г)омологическом (стилизационном) и аналогическом переводе в Украине в конце 1920-х годов (В. Н. Державин и А. М. Финкель). In: БАСКИНА, М. Е., сост.; БАСКИНА, М. Е.; ФИЛИЧЕВА, В. В., ред. *Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов*. Санкт-Петербург: Нестор История, с. 449–541.
- КОЛОМІЄЦЬ, Л. 2010. О. М. Фінкель як теоретик перекладознавства. *Вісник Харківського національного університету. Романо-германська філологія*, 896, s. 150–156.
- ФИНКЕЛЬ, А. 1922. О переводе. *Художественная мысль*, № 12, с. 21–22.
- ФИНКЕЛЬ, А. М. 1928. Украинские писатели в русских переводах. *Красное слово*, № 1–2, с. 116–135.
- ФИНКЕЛЬ, А. М. 1939. О некоторых вопросах теории перевода. *Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту іноземних мов*, т. 1, с. 59–82. Харків.
- ФИНКЕЛЬ, А. 1962. Об автопереводе. In: ЛАРИН, Б., ред. *Теория и критика перевода*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, с. 104–125.
- ФИНКЕЛЬ, О. 1929. Г. Ф. Квітка – перекладач власних творів. In: *Квітка-Основ'яненко: Збірка на 150-річчя народження*, с. 107–132. Харків: Український.
- ФИНКЕЛЬ, О. 1929. *Теорія й практика перекладу*. Харків: ДВУ.
- ФИНКЕЛЬ, О. Г. 1939. Г. Ф. Квітка-Основ'яненко як перекладач власних творів. Кандидатська дисертація. Центральний державний архів-музей літератури і мистецтва України, ф. 273, оп. 1, од. зб. 17.
- ЧЕРНОВАТИЙ, Л.; КАРАБАН, В.; ПОДМІНОГІН, В.; КАЛЬНИЧЕНКО, О.; РАДЧУК, В., ред. 2007. *Олександр Фінкель – забутий теоретик українського перекладознавства: Збірка вибраних праць*. Вінниця: Нова Книга.
- ШМІГЕР, Т. 2004. Олександр Фінкель – теоретик українського перекладу. In: *Григорій Кочур і український переклад*. Київ; Ірпінь: Перун, с. 272–278.
- ШМІГЕР, Т. 2009. *Історія українського перекладознавства ХХ століття*. Київ: Смолоскип.

Олександр Кальниченко / Oleksandr Kalnychenko

Department of Slavic Languages, Matej Bel University, Banska Bystrica, Slovak Republic

Mykola Lukash Translation Studies Department

V.N. Karazin Kharkiv National University

E-mail: oleksandr.kalnychenko@umb.sk / o.a.kalnychenko@karazin.ua

ORCID: 0000-0001-7808-357x

Slavica Beliana

Zborník príspevkov medzinárodnej vedeckej konferencie *Slavica Beliana 2026*

Сборник докладов международной научной конференции *Slavica Beliana 2026*

Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici

Vydanie prvé, 2026, 451 strán

ISBN 978-80-557-2330-3

<https://doi.org/10.24040/2026.9788055723303>